ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КУРСКОГО ДВОРЯНСТВА

Составил член ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского
Археологического Института
А. А. Танков

ИЗДАНИЕ
КУРСКОГО ДВОРЯНСТВА

Том первый

Москва
1913

Оглавление

Оглавление i
Предисловие iv
Глава I Введение в историю дворянского сословия Курского края. – княжеский период русской истории 1
Глава II Дворянское достоинство и разряды дворян в древний период русской истории 1
Глава III Переходное время в истории дворянского сословия Курского края 1
Глава IV Дворянское сословие Курского края в XIV и XV веке 1
Глава V Царствование Иоанна Грозного 1
Глава VI Дворянское землевладение в Курском крае в xv и xvi веке 1
Глава VII Царствование Федора Иоанновича 1
Глава VIII Царствование Бориса Годунова 1
Глава IX Смутное время 1
Глава X Царствование Михаила Федоровича – военно-боевая служба дворян детей боярских в Курском крае 1
Глава XI Сеунчи дворян и детей боярских Курского края 1
Глава XII Дворянское землевладение в царствование Михаила Федоровича 1
Глава XIII Служебное положение дворянского сословия Курского края в царствование Михаила Федоровича 1
Глава XIV Участие представителей дворянского сословия Курского края в земских соборах xvii века 1
Глава XV Города Курского края и участие в устройстве их дворян и детей боярских 1
Глава XVI Царствование государя Алексея Михайловича – военно-боевая деятельность дворянского сословия в курском крае 1
Глава XVII Землевладение дворян и детей боярских в царствование Алексея Михайловича 1
Глава XVIII Служебное положение дворян и детей боярских Курского края в царствование Алексея Михайловича 1
Глава XIX Сельское хозяйство дворян Курского края в XVII веке 1

Глава XX Полоняники Курского края 1
Глава XXI Царствование государя Федора Алексеевича 1
Глава XXII Правление царевны Софьи Алексеевны 1
ДВОРЯНЕ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ КУРСКОГО КРАЯ 3
Писцовые книги 3
Курский уезд 5
Село Шумаково-Мордовская поляна тож 5
Путивльский уезд 9
Подгородный стан, в поместьях 9
Волость Печерская, в поместьях: 12
Волость Колодезная, в поместьях: 13
Волость Залуцкая, в поместьях: 15
Волость Городецкая, в поместьях: 15
Волость Биринская, в поместьях: 15
Волость Желвацкая, в поместьях: 15
Волость Немирская 15
Рыльский уезд 16
Стан Подгородный 16
Стан Омонской, в поместиях: 19
Стан Свапской 22
Оскольский уезд 25
1. Стан Окологородный 26
2. Стан Ублинской 27
3. Стан Чуфичевский 29
4. Стан Дубленской 33
5. Стан Орлицкой 35
Белгородский уезд 38
Стан Сажной 39
Стан Разумницкий 43
Стан Коренской 46
Стан Корочанской 49
Обоянский уезд 51
Стан Залесской 52
Стан Салотинской 61
Стан Рудовской 63
Суджанский уезд 69
Село Поречное 71

СОСТАВ ДВОРЯНСКОГО ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО СОСЛОВИЯ 3
Десятни 3
Курская десятня 1636 года 6
Путивльская десятня 1626 года. 25
Путивль 26
Рыльская десятня 1632 года 34
Рылеск 43
Белгородская десятня 53
Белгород 54
Оскольская десятня 1647-1649 гг. 66
Старый Оскол 66
Обоянская десятня 1650-1651 гг. 70
Обоянь 71
Жалованные грамоты 3
1. Царя и Великого Князя Михаила Федоровича 3
2. Государя, Царя и Великого Князя Федора Алексеевича 5

Предисловие

Курское Губернское Дворянское Собрание 17-го января 1911 года, по предложению дворянина Тимского уезда Н.П. Бунина, постановило: составить и издать «Историческую летопись Курского Дворянства».

Озабочиваясь осуществлением этого постановления, Курский Губернский Предводитель Дворянства, в должности Шталмейстера Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Князь Лев Иванович Дондуков-Изъединов пригласил для составления «Исторической Летописи» автора настоящего труда. По представлении программы предположенного издания, она была принята Собранием Господ Предводителей и Депутатов Дворянства. Выпускаемый в настоящее время в свет первый том «Исторической Летописи» Комиссией, избранной в Собрании Господ Предводителей и Депутатов, в состав которой вошли: Председатель Комиссии Князь Л.И. Дондуков-Изъединов, И.И. Арсеньев, Ф.П. Вангенгейм, М.Л. Говорухо-Отрок, А.Н. Кобылин, В.В. Кузмин, Н.Е. Марков, А.В. Муравьев, К.А. Рапп и А.А. Танков, был рассмотрен и одобрен к напечатанию, что и было выражено в особом докладе Чрезвычайному Губернскому Дворянскому Собранию, которое 29 декабря 1912 года приняло этот доклад. «Историческая Летопись» Курского Дворянства распадается на четыре части:

1) Исторический обзор государственной деятельности Дворянства Курского края, как служилого сословия, в период древней России, до царствования ИМПЕРАТОРА Петра Великого.

2) Изложение истории Курского Дворянства в период ИМПЕРАТОРСКОЙ Власти, до дарования ИМПЕРАТРИЦЕЮ Екатериною Великой Жалованной Грамоты на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства.

3) История Дворянства Курской губернии с 1785 года до настоящего времени.

4) Сведения о происхождении, государственной и общественной деятельности каждого дворянского рода, внесенного в Родословную книгу Дворянства Курской губернии.

«Историческая Летопись Курского Дворянства» составлена, главнейшим образом, на основании первоисточников, причем автор пользовался актами архивов: 1) Московского Архива Министерства Юстиции, 2) Департамента Герольдии, 3) Герольдмейстерской Конторы, 4) Министерства Внутренних Дел, 5) Правительствующего Сената, 6) Московского Румянцевского Музея, 7) Курского Дворянского Депутатского Собрания, 8) Курского Губернского Правления, 9) бумагами и документами Исторического Музея Курского Дворянства и частных Дворянских архивов.

Комиссия по рассмотрению составляемой «Исторической Летописи Курского Дворянства» считает своим долгом выразить глубокую благодарность Княгине Надежде Владимировне Дондуковой-Изъединовой, как автору художественного труда для настоящего издания и Господину Секретарю Дворянства Н.Д. Решетинскому за ценные указания и содействие настоящему изданию.

Глава I Введение в историю дворянского сословия Курского края. – княжеский период русской истории

Дворянство как высшее сословие в Государстве. – Родовой и общинный быт, земские бояре. – Местоположение Курского края. – Княжеская дружина в княжествах Курского края: – Путивльском, Рыльском и Курском. – Высшее сословие в городах: Путивле, Рыльске и Курске. – Важнейшие деятели и события в Курском крае XI и XII веков. – Представители высшего сословия в «Слове о полку Игореве» и летописях того времени. – Татарское нашествие и разорение Северского края и Посемья. – Рыльское княжество в XIII и XIV веках. – Установление вотчинного права вла-

дения. – Городовые дворяне и дети боярские. – Значительность высшего сословия в древнем Курском крае. – Три разряда княжеской дружины: бояре, мужи княжие или гриди и отроки или дворяне. – Бояре Курского края. – Происхождение слова «дворянин». – Значение дворян при дворе князя. – Дворы княжеские в Курском крае. – Переход дворянских родов Курского края в состав высшего сословия Московской Руси.

1.

Дворянство Курского края представляет собою часть Русского Дворянства, будучи с незапамятных времен соединено с ним неразрывными узами, и составляя нераздельную часть целого. Отсюда ясно, что история Курского Дворянства должна иметь свое начало с того времени, с которого историками принято начинать историю Русского Дворянства вообще. В этом отношении Русские историки вполне согласно между собою ведут историческое изложение жизни и деятельности Дворянства, как высшего сословия, с первых времен Русской истории, именно с образования государственного устройства племен, населявших Русь, после уничтожения родового быта. Так утверждают Карамзин, Соловьев, Костомаров, Романович-Славатинский и др.

Родовой быт не мог создать заметных сословных различий. В роде все члены равны, выдается один старейшина рода, но от старейшин не могло произойти ни одного сословия, так как право их было не потомственное, переходило не от отца к сыну, а к старейшему в роде. В этом обстоятельстве заключается причина указанного нами явления. Славяне пережили этот родовой быт еще на берегах Дуная; заняв же страну, заселенную туземцами разных племен, они должны были обратиться к жизни в общинном быту. Земледелие, как и везде, довершило разложение родового быта славян. Общинный быт заключает уже в себе возможность установления сословных различий. В общине были люди, которые могли сами занять земли и

владеть ими на частном праве. Такие люди естественно выделялись из массы единоплеменников и имели более или менее значительное влияние на ход общественных и государственных дел. Домохозяева, владельцы общинной земли имели голос на вече; тем более имели этот голос люди самостоятельные, частные собственники. Поэтому народ справедливо назвал их *земскими боярами*, которые издревле существовали на Руси и были еще до призвания князей[1]. Несомненно, что из их среды выделились родоначальники князей отдельных племен Руси.

Вполне естественно, что все общественные и государственные переживания Русской земли имели место и в том обширном крае, на котором теперь расположена Курская губерния. Этот, весьма значительный по своему пространству, и очень плодородный край в древности занимали самостоятельные, населенные и имевшие политическое значение удельные княжества: Рыльское, Путивльское и Курское в бассейнах рек: Сейма, Тускари, Оскола и др. В этих княжествах было много городов, в особенности по берегам Сейма, все города были сильно укреплены[2].

Первый факт, о котором должно сказать в истории Курского Дворянства, есть тот, что в общине, представителем которой являлось в каждом городе вече, существовали, по авторитетному мнению Русских историков, земские бояре, принимавшие особенное участие в деятельности веча, следовательно, если вече существовало в городах Курского края, то существовали здесь и *земские бояре*, бывшие самым древнейшим элементом высшего сословия – Дворянства. В этом случае летопись дает нам полную возможность утверждать, что община и вече существовали в городах Курской земли. Профессор Сергеевич в своем труде: «Вече и Князь» говорит: «во времена Рюриковичей вече

[1] История дворянского сословия в России М. Яблочкова, XXII-XXIII стр.

[2] История Карамзина т. II, 123 стр.

встречается на всем пространстве княжеской России: где были Князья, там было и вече». Оно было по указанию Сергеевича *в Курске и в Путивле*. Таким образом, в общине и на вече городов Курского края выступают земские бояре, и их голос имеет большое значение в тех государственных и общественных делах, которые обсуждались на вече и принимались местным князем. Они опираются на земщину, на свою поземельную собственность, они имеют оседлость в известных местах и вместе с Князем принимают самостоятельное участие в политических делах. Земские бояре получают свое название от мест, например, Ростовские бояре, Киевские бояре, Путивльские бояре… Они стоят выше остального населения, являются желанными советниками Князя, не двигаются за Князем при перемещении его из одного княжества в другое. Когда Князья оседают в известных местностях и сближаются с земщиной, тогда и земские бояре входят в состав служилого сословия.

Из этого видно значение земских бояр древнейшего периода Русской истории – *как составного элемента высшего сословия, впоследствии названного Дворянством*. Происхождение многих дворянских родов, в том числе и Курского края, уходить в такую глубокую древность, что делается нераспознаваемым.

Дворянские роды, ведущие свое начало от представителей княжеской дружины, по большей части, помнят своих родоначальников, древние же дворянские роды, происхождения которых теряется во мраке веков, с большей или меньшей достоверностью, могут возводить свой род до Славянских земских бояр. Таким образом земские бояре были самостоятельны, имели земское, а не служебное значение.

Установив таким путем согласно с воззрениями Русских историков, специально изучавших данный вопрос, древнейшую основу происхождения элементов Дворянства в Курском крае в первый период его существования, мы перейдем к другому источнику происхождения высшего в

среде других сословия, именно к княжеской дружине, как силе независимой от земли, а принадлежащей Князю и находящейся в его распоряжении для охранения мира и порядка в стране. *Дружинный элемент*, по признанию наших историков, например, Соловьева, Н.И. Иванова[3] и др., *важен в истории нашего дворянского сословия*. Н.И. Иванов указывает на то, что в княжескую дружину принимались лица не только выдававшиеся храбростью и заслугами, но и отличенная породою. Характер дружины, ее сословное значение и подразделения выработались в первую эпоху существования ее и потом перешли в служилое сословие[4] как основное его достояние.

Дружина, будучи источником выделения из населения высшего сословия, имела свое основание в Князе, как живившем ее начале, а Князь являлся обладателем известной области, в которой был Государем и осуществлял в ней права Монархической власти. Это обстоятельство обязывает нас остановиться на первоначальной истории тех местностей, которые в своей совокупности образовали Курский край и население которых занимало то пространство, на котором он существует и теперь, а затем вкратце сказать о Курском княжестве и сопредельных с ним Путивльском и Рыльском, выделившихся из громадной области, лежавшей по рекам: Десне, Сейму и другим притокам Днепра и Северного Донца.

Курская область[5] в период княжеский принадлежала к наиболее замечательным областям древней Руси. На ее долю выпал счастливый удел начать свою сознательную историю, когда только что зарождалась культурная историческая жизнь Русского народа, когда он, приняв христианство, переходил в период гражданского благоустройства. Уже в конце XI века Курску суждено было стать центром

---

[3] Россия в историческом и др. отношениях, ч. 4, 201-202 стр.

[4] Яблочков, 15 стр.

[5] Включая сюда Путивльское и Рыльское княжества.

удельного княжества и принимать деятельное участие в важнейших событиях тогдашней Южной Руси[6].

Так называемая Северская земля, в состав которой первоначально входила *Курская область*, простиралась на восток от левого берега Днепра. Курск был самым дальним большим городом на востоке в древней Руси. Естественные условия Курской области были таковы: по устройству поверхности она представляет равнину, по которой в разных направлениях проходят гряды холмов, по большей части являющихся водоразделами рек, текущих в разные речные системы. Возвышение Курского края над уровнем моря значительно, сравнительно с соседними с ним местностями. Что касается до протекающих по нем рек, то они в древнее время служили для более или менее значительного судоходства. В этом отношении имели значение: прежде всего река Сейм, начиная от Курска, затем впадающие в нее Свапа и Тускарь (в древности называвшаяся Турскарь или Антурскарь), Оскол, Северский Донец и Псел. Даже впоследствии в XVII веке с пристани города Белгорода сплавлялись по Донцу хлебные и военные припасы; отсюда плавали на Дон для торговли. По Сейму от Курска судоплавание было весьма значительным. В царствование Иоанна Грозного известный предводитель казаков князь Дмитрий Вишневецкий, по приказанию Царя, построив военные суда на реке Псле, спустился в Днепр, чтобы громить Татарские улусы[7]. При Борисе Годунове на судах отправлялись служилые люди с запасами из города Оскола вниз по реке Осколу к ее устью. По Свапе, по крайней мере, в полую воду, сплавляли барки от города Дмитриева в XVIII веке.

Речные долины, а нередко и окаймлявшие их холмы и возвышенности были покрыты густыми лесами, которые изобиловали дикими животными и птицами, возле рек же были

[6] В то время местности, лежавшия на левом берегу Сейма, считались находящимися на юге России.

[7] Д.И. Багалей. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского Государства, 4 стр.

расположены большие болота, приволье для дичи. Прекрасную траву давали степи. Земля Курского края славилась своим тучным черноземом.

После смерти Великого Князя Владимира, Северская земля и Курский край некоторое время принадлежали его сыну Мстиславу, который в 1024 году отнял Чернигов у своего старшего брата Ярослава; после его смерти Курск находился до половины XI века во владении Ярослава. Имея своею целью следить за историей Дворянства, как высшего и наиболее *культурного* сословия в Курском крае, мы здесь остановимся именно на состоянии в то время в нашем крае *культурной* стороны жизни.

В житии преподобного Феодосия, находящегося в летописи, есть такие сведения, которые ясно показывают нам, что Курская область в первой половине одиннадцатого века во многих отношениях стояла выше других современных ей областей. Курск описывается в житии как большой, христиански просвещенный, с несколькими церквами город. Правитель Курска имел свою церковь. В Курске существовало несколько школ, а нет никакого сомнения в том, что училища существовали для удовлетворения потребности в образовании прежде всего юношества высшего боярского сословия. Из жития же видно, что правитель в Курске в праздники созывал к себе на обед всех Курских *вельмож* как представителей высшего сословия. Этот факт, между прочим, показывает то обстоятельство, что вельмож в Курске и в Курском крае было достаточное число. Жители Курска имели загородные хутора и занимались сельским хозяйством.

После смерти Ярослава Мудрого, когда Русская земля распалась на удельные княжества, то Курская область перешла на некоторое время во власть Святослава Ярославича Черниговского, а с 1072 года – во владение Всеволода Переяславского, сын же последнего Владимир Мономах выделил Курскую область в особое удельное княжество для своего сына Изяслава в 1094 году.

С этого времени начинается самостоятельная политическая жизнь *Курской области* и история ее Князей и дружины, представлявшей собой в трех ее подразделениях: бояр, гридей и отроков или дворян – высший правительственный и придворный класс населения.

2.

Говоря о первых источниках, из которых в эпоху удельно-вечевой Руси и *самостоятельной политической жизни Курской области* образовался высший класс состоящего при Князьях боярства и Дворянства, преемственным путем перешедший впоследствии в служилое сословие Московских Государей, мы прежде всего должны коснуться некоторых событий истории той местности, где существовало, как самостоятельное целое, Курское княжество.

Эта местность была очень обширна и хорошо, по тому времени, населена. На западе она примыкала к Черниговской области, на востоке простиралась до берегов реки Оскола. Из «Слова о полку Игореве» видно, что когда Игорь не дождался, идя в 1185 году на Половцев, своего брата Всеволода Князя Курского, то двинулся к Донцу, перешел эту реку и приблизился к Осколу, здесь два дня он ожидал Всеволода. Стало быть юго-восточная граница Курского княжества достигала холмов водораздела между верхним течением Северского Донца и Оскола. На всем этом пространстве – до Оскола русские Князья видели себя дома и считали себя безопасными от Половцев. Сказав же о переходе русских войск через холмистый Донецко-Оскольский водораздел, автор «Слова» восклицает: «Половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому… Игорь к Дону вои ведет… О русьская земле, уже *за шеломенем* еси!» Это обстоятельство является ясным указанием на то, что здесь-то, около громадного степного пространства, лежавшего до Черного моря, находилась граница Курского княжества и соприкасалась с землями Половецкими.

На северо-западе к Курскому княжеству примыкали Рыльское и Путивльское княжества, так что территория теперешней Курской губернии представляет собой одно из редких явлений в том отношении, что на пространстве ее в удельную эпоху было *три* княжества, из которых Курское существовало почти 200 лет и население которого отличалось доблестными военными качествами. В «Слове» оно названо «съведоми кмети», т.е. удалые витязи-дружинники[8]. Через Сейм шел непрерывный великий водный путь с запада на восток по рекам: Днепру от Киева, Десне, Сейму, Тускари, Снове, Оке и Волге[9], а этим путем велась торговля, сообщалась юго-западная Русь с северо-восточною. К Посемью принадлежали уже богатые и цветущие города в XII веке: Путивль, Рыльск, Ольгов, Глухов, Городец, Курск.

Вообще Курский край, по обстоятельствам своей первоначальной истории, занимал выдающееся положение и мог, как на это указывают историки, быть богатым источником для возникновения и развития высшего сословия, ставшего одним из родоначальников Русского Дворянства. Достаточно сказать, что на незначительном расстоянии друг от друга находились три стольных княжеских города: Курск, Рыльск, Путивль. В них существовали более или менее продолжительное время *княжеские дворы* с придворными, составлявшими княжескую свиту и дружину, лицами и слугами. Об обширности и богатстве этих дворов говорит нам летопись. Когда в 1146 году Мстислав Изяславич хотел, но не мог взять Курска после кровопролитного боя, то воины этого Князя стали грабить «дворы» Святослава – Князя Курского, находившиеся в окрестностях его стольного города. При этом они захватили громадное имущество: в погребах много вина и меда, в кладовых – всякой утвари. На гумне стояло 900 стогов. «На дворе»

[8] Словарь Ф.И. Буслаева, 467 стр.

[9] Труды Курской ученой архивной комиссии, выпуск 1, 1910 г.

неприятели зажгли не захваченное ими имущество, которое сгорело до основания, при чем в огне погибла княжеская церковь во имя св. Георгия.

Когда Князь Киевский Изяслав подступил к Путивлю и Путивляне сдали ему свой город, то он разделил княжеский двор Святослава Олеговича, находившийся в Путивле, со всем его добром на четыре части. Двор этот, по словам летописца[10], отличался замечательным богатством: в одних погребах было найдено 500 берковцев меду, то есть, 5000 пудов, и 80 корчаг вина, не считая других запасов. В Путивльском княжеском храме Воскресения Господня, ограбленном войсками Изяслава, было много драгоценной утвари. При дворе же Князя штат служащих достигал 700 человек. Не свидетельствует ли все это ясно как о зажиточности Курских областей, так и о значительности боярства, дружины и вообще лиц высшего сословия, для которых Князья Посемья должны были иметь, при устройстве пиров, большие заготовления, чтобы достало их для всех. Из замечания летописца под 1147 годом мы видим, что в собственно Курском крае было много городов. Кроме Курска, упоминаются: Вырь, Бъехан (Карамзин думает – Обоянь), Пропашеск, Ольгов и др.

Для ясности нашего изложения об основных источниках происхождения древнейшего высшего сословия, приобретшего себе имя боярства, а впоследствии Дворянства в Курском крае, мы считаем долгом вкратце сказать о дальнейшей истории княжеств Курского и Рыльского.

Первым по времени Курским Князем, как сказано выше, был сын Владимира Мономаха *Изяслав* (1093 – 1095 г.). Он был убит в сражении под Муромом в войне с Олегом. Затем до 1137 года Курское княжество было в составе Переяславского княжества. Вместе с появлением в Курске особого Князя естественно возросло и *боярское сословие* чрез переселение из других городов. На это указы-

[10] Ипат. спис. 236 стр.

вает житие преподобного Феодосия Печерского, говоря, что родители его (Феодосия) переселились в Курск, «Князю тако повелевшу».

В 1125 году Курским Князем стал Изяслав Мстиславич, внук Мономаха. В 1137 году Курское княжество вошло в состав Черниговского. Всеволод Ольгович сохранил за Курскою областью значение удельного княжества и отдал ее своему брату Глебу Ольговичу, а после его смерти *Святославу*. В 1146 году в состав Курского княжества вошли уделы Путивльский и Новгород-Северский, так что границы его достигли очень больших размеров с юго-востока на северо-запад. Но вместе с таким увеличением своей территории, Курску пришлось вступить в тяжелую борьбу с Киевским и Черниговским Князьями, сопровождавшуюся опустошением Курска, Путивля и других городов Курского края.

В материальном отношении Курское княжество, вместе с Северским, в описываемую эпоху, нужно думать, достигло цветущего состояния; если Путивльский Князь, как мы видели, имел такой двор и с таким штатом служащих, то без сомнения, не меньшие дворы находились в Курске и Рыльске, городах в то время еще более важного значения, чем Путивль. Между тем из древне-русской истории мы знаем, что под «двором» княжеским разумеется целое учреждение, которое должно было удовлетворять запросам жизни Князя и представителей высшего сословия – дружинников – бояр, княжих мужей и дворян, которые были с Князем «в пиру, совете и войне». Естественно, что чем больше было таких лиц, тем более изобильны были «дворы княжеские» запасами и служащими, как то видим в нашем древнем Курском или лучше сказать Курских (относя сюда Рыльское и Путивльское) княжествах.

В истории Курского края установлен[11] тот бесспорный

[11] Описание Курского наместничества Ларионова.

факт, что значительная численность Курского Дворянства сравнительно со многими другими областями России объясняется тем *положением* Курского края в период Московской Руси, по которому, находясь на рубеже Московского Государства с Диким Полем, наш край нес громадную по своим размерам службу Государству, главным образом, на защиту его от врагов, и здесь, как этого и следовало ожидать, образовалось многочисленное служилое сословие – основа для развития позднейшего Дворянства. Но из того, что мы знаем о Курских княжествах и вообще о состоянии нашей местности в княжеский период времени, видно, что высшее сословие, как мы заметили выше, и в этот ранний период истории должно было быть многочисленным и цветущим. В самом деле, разве могло это сословие, этот класс, быть незначительным в нашей местности, когда она заключала в себе три княжества, когда эти княжества играли выдающуюся роль в XI и XII веках в обще-русской истории, когда они были столь богатыми, что становились предметом борьбы из-за них между сильнейшими Князьями того времени, не жалевшими усилий, чтобы приобрести себе в обладание данные области?

Что касается преемственного перехода высшего сословия княжеского периода в служилое сословие во время и после татарщины, то это обстоятельство доказывается тем, что не смотря на татарское разорение, жизнь русского населения, следовательно и высшего его класса не угасла совсем в Курской области. Укажем на некоторые факты местной истории, подтверждающие это.

Если восточная часть Курской области была сильно опустошаема татарами, то северо-западная, в особенности по правую сторону реки Сейма продолжала хранить свое население, которое имело отношение к Литовско-Польскому государству. Известно, что Рыльское княжество, не уничтоженное окончательно татарами, в XIV веке вошло в состав владений Литвы, а потом Московского Государства. Другой

факт свидетельствует о том, что в Курске в исходе XVI века, следовательно через 200 лет после татарского разгрома существовало пятнадцать приходских церквей, что показывает, что Курск и Курская местность скоро начали оправляться после татарского погрома и возрастать своим населением. Затем, если бы татарский разгром уничтожил все население Курского края, то тогда бы не сохранилось множества географических названий, которые существовали до XIV века, а потом преемственно от предков к потомкам были переданы в XVII век. Веские соображения по этому поводу приведены автором «Исторических заметок о городе Судже и его уезде»[12]. «В Суджанском уезде, говорит он, на реке Реуте есть селение Косторное; об этом селении находится упоминание в исторических памятниках еще в 1275 году, то есть, в XIII веке, – *Костро на реке Реут*. В дальнейших и более поздних памятниках река Реут продолжает быть упоминаемой. Например, это можно видеть из книги «Большой чертеж или древней карты Российского Государства, поновленной в Разряде и списанной в книгу 1627 года». В этой книге говорится не только куда впадает река Реут, но известно и ее верховье. Очевидно, что название реки и селения сохранялось в устах поколений жителей, иначе автору книги не от кого бы было услышать название реки Реута. А так как оно и селение Косторное было известно еще с 1275 года, то несомненно, что и жители здесь существовали до 1627 года. Если бы в этом отношении был перерыв, особенно значительный, если бы в эпоху татарщины жители Суджанского уезда или той его части, где протекает река Реут, были окончательно уничтожены, то мы, говорит автор «Исторических заметок», не объясним того, каким образом название реки Реут и селения Косторного сохранилось до 1627 года, когда «Книга Большого Чертежа» редактировалась».

[12] Памятная книжка Курской губернии 1894 г., 12 стр.

После своего поражения, Князь Курский Святослав Олегович бежал к Вятичам, оставив на произвол судьбы свои волости. Курск достался Мстиславу Изяславичу Переяславскому. Но когда на него двинулся Глеб Юрьевич, то Куряне отказались «поднять руку» на потомка Владимира Мономаха и защищать Мстислава. Он оставил Курск. Куряне испросили у Глеба посадников. Глеб Юрьевич дал им своего посадника в Курск и назначил посадников по всему Посемью из числа своих бояр. Таким образом в Курском крае боярство возросло в числе – в лице самых высших его представителей – посадников, первых вельмож после Князя. Глеб Юрьевич был по счету седьмым правителем Курской области; с 1142-го же года его место занял Изяслав Давыдович, недолго бывший в Курске. Затем Курск вновь перешел к Святославу Олеговичу.

В это время выдвигается город Рыльск, которому в семидесятых годах XII века суждено было стать центром самостоятельного Рыльского княжества. В 1157 году Святослав получил Черниговское княжение, пробывши Курским Князем около двадцати лет. Это был один из выдающихся Князей юго-западной Руси. Олег Святославич правил Курскою областью с 1161 года. Брат его Игорь был Путивльским Князем. Преемником Олега был Всеволод, по прозванию Буй-Тур. Сын же Олега Святославича – Святослав Олегович должен был занять выделившееся из Курского – Рыльское княжество. В 1185 году Князья-правители тех княжеств, которые входили в область теперешнего Курского края, именно Всеволод Курский, Владимир Путивльский, Святослав Рыльский и Князь Северский Игорь участвовали в известном походе против Половцев, воспетом в «Слове о Полку Игореве». Все исследователи «Слова» справедливо находят, что этот поэтический литературный

памятник представляется драгоценным в истории дружиннаго сословия на Руси. Но будучи составлен Курянином и говоря о Князьях и дружине Курского края, он естественно занимает подобающее ему место и в числе памятников истории Курского высшаго сословия. По признанию исследователей историков литературы, «Слово» есть памятник дружинной поэзии, дружиннаго эпоса, потому что оно посвящено, главным образом, Князьям и княжеской дружине, представлявшей собою высшее сословие, окружавшее тогдашних Князей.

Княжеским же дружинам приходилось усиленно бороться с степняками половцами вследствие пограничнаго положения княжеств Курского края. В самом деле, не смотря на печальный исход похода Игоря, «Слово» есть гимн доблести Князей и дружинников, полных воинской отваги и мужественно выступивших на борьбу с половцами. В этом отношении особенно интересны заключительные выражения «Слова о полку Игореве»: «Слава Игорю Святославичю, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю, здравии *Князи и дружина*, поборая за христьяны на поганые полки! Князем слава и дружине!»

Обращаясь к первоначальной русской летописи, к тому ея месту, где говорится о походе 1185 года, мы встречаем следующее замечательное выражение: «Игорь, воззрев на небо и виде солнце стояще яко месяц, и рече *бояром своим и дружине своей*»… видите ли, что есть знамение се?». Таким образом летопись устанавливает тот факт, что в княжествах Курского края бояре, которые представляли собой высший разряд дружины и были советники Князя – не только управляли порученными им делами, но и отправлялись с Князем на войну. Мало того, в следующем их ответе Князю высказывается мнение княжих мужей, то есть, членов дружины второй степени: «и видеша вьси и поникоша главами, и рекоша *мужи*: Княже! Се есть не на добро знамение се!» Здесь понятие «мужи», согласно с мнением авторитетных исследователей, как увидим

ниже, означает собственно военных дружинников Князя в противоположность его советникам-боярам.

Когда русские потерпели поражение от половцев и Князья были взяты в плен, все Посемье испытывало большое смятение; но когда в 1186 году половцы напали на Посемье, то местные бояре со своими одноземцами храбро защищались. После Всеволода Курское княжение досталось Князю, называемому в летописях «Олегом Курским», по предположению историков сыном Святослава Олеговича – Рыльского князя. В 1238 году Курское княжество прекратило свое существование вследствие татарского нашествия и погрома. В летописи изо всех Князей Посемья в это время встречаются лишь упоминания о Рыльском Князе Мстиславе Глебовиче. В 1240 году этот Князь был убит татарами.

Курск был разорен; в конце XIII века на его месте находились слободы ханских баскаков. Рыльский Князь Олег пожаловался в 1283 году на баскаков хану Телебуге; он дал ему отряд татар. С их помощью эти слободы были разорены. Но баскак Ахмат двинулся на Рыльское княжество, разорил его, а часть жителей отвел в плен. Между тем Ахмат из числа пленных велел убить тринадцать *старейших княжеских бояр*, что ясно показывает, как многочисленно было боярское сословие даже в небольшом Рыльском княжестве, очевидно, что в Курском и Путивльском их было значительно более.

Что касается истории Рыльского княжества, то начало его существования относится к XII веку. В первый раз город Рыльск упоминается в летописи под 1152 годом. В конце этого века в Рыльске княжил Святослав Ольгович, племянник Новгород-Северского Князя Игоря Святославовича. Следующими Рыльскими Князьями были: Олег, отличившийся в битве с татарами при Калке и Мстислав Глебович.

Когда Курское княжество было уже разорено татарами, Рыльск еще существовал, но откупщики податей для татар сильно притесняли население. «Откупи Ахмат, – читаем

в Никоновской летописи об одном из таких откупщиков, у татар дани великия в Курском княжении, и теми даньми многу тягость творящее *Князем и черным людем* в Курском княжении». Последнее приведенное нами выражение свидетельствует о переходе бывших прежде *владетельных Князей* в члены высшаго княжеского сословия. В самом деле, в Курском княжении в 1283 г., о котором идет речь, владетельный Князь несомненно был один – Рыльский Олег, Курского и Путивльского, владетельных Князей вследствие разорения страны, уже не существовало. Между тем в летописи употреблено множественное число: «Князем», а и эти «Князи» противополагаются «черным людем», то есть, простому народу. Очевидно, что в этом случае слово «Князем» заключает в себе понятие о Князьях вообще, – представителях высшаго сословия – боярах, дворянах и других лицах благороднаго происхождения. Упоминаемый же в Никоновской летописи Ахмат опустошал Рыльское княжество, и схваченных им Рыльских бояр повесил на деревьях.

Последним самостоятельным Рыльским Князем в XIII веке, как это видно из «Повести о граде Курске и Знаменской иконе Божией Матери» считается Василий Шемяка, при котором в 1225 году была обретена Чудотворная икона Знамения Пресвятой Богородицы.

В XIV веке Рыльск перешел во власть Литвы и, как говорит Никоновская летопись, при Витовте Рыльские Князья действовали в его войсках. Во время усилившагося гонения на православие в Литве, при польском короле Александре (1492-1506) Василий Иванович Шемяка с Рыльском и Новгород-Северском перешел на сторону Московского Великаго Князя Иоанна III. В единении с Москвою Рыльск, до некоторой степени был политически самостоятелен, но незадолго перед своею смертью Иоанн III присоединил Рыльск к своим владениям, а Князя посадил в темницу по обвинению в сношениях с Литвою. У жены его княгини были отняты *все боярыни* ея свиты. Из этого мы видим,

что и после татарского нашествии высшее сословие боярства продолжало свое существование при Князьях Рыльских, а этот факт в числе других важен для установления перехода дружиннаго сословия в служилой Дворянство.

Находясь в составе Московского государства, Рыльская область имела важное значение вследствие своего окраиннаго положения, а Рыльск в половине XVI века вошел в число городов первой правильной линии государственной обороны от неприятельских нападений и набегов. В нем находился воевода, имевший под своею властью *дворян и детей боярских,* входивших в состав лиц военной службы и местнаго управления.

Таким образом в Курском крае, именно в его северо-западной стороне высшее сословие продолжало свое преемственное существование, имея в Рыльской и других областях свои земельные владения и составляя уже служилый класс Московского государства. Как, сравнительно, многочисленно было в этой области высшее сословие и его представители, видно из следующего факта, относящагося к 1589 году. Когда Царским указом велено было воеводе Афанасию Зиновьеву с Путивльцами, Черниговцами, с Рыльскими и Стародубскими казаками укрепиться «в поле»[13] на Донце или Осколе для наблюдения за Крымскими татарами, то в Рыльске для этой цели взято было двадцать *детей боярских*. Так много, очевидно, было в этом городе нашего края членов высшаго военнаго сословия.

Это и неудивительно. С установлением в исходе первой половины XIII столетия вотчинных на владение прав, каждый удельный Князь, хотя бы он владел одним городом, имел свой более или менее обширный двор, т.е. своих бояр и дворян, и такой порядок вещей продолжался до окончательного присоединения этих уделов Великим Князем Иоанном III к Москве.

Между тем когда эти мелкие уделы, под именем

[13] Т.е. – в степи.

уездов, вошли в состав Московского государства, то дворы прежних удельных Князей (т.е. личный состав их придворных и дружин) не сливались с двором Великаго Князя Московского, а оставались в тех городах, к которым были приписаны и потому назывались по месту своей службы дворянами Смоленскими, Ярославскими, Рязанскими, Рыльскими и т.д.

Дворяне городовые, как они назывались в отличие от дворян Московских, были поместными владельцами в местах своего пребывания. Обязанные преимущественно воинскою службою, они составляли земское ополчение и главную военную силу. Дворяне с эпохи присоединения уделов к Москве, сделались *служилыми людьми* в полном значении этого слова.

Что касается бывших в Рыльске *детей боярских*, то это звание показывает, из кого составлялся этот воинский отряд. В начале они были на самом деле дети бояр, но так как они сами не могли сделаться боярами, то и оставались с тем наименованием, которое означало их действительное происхождение. Последние сообщали своим детям то же звание, какое сами носили, и, таким образом, дети и внуки и дальнейшие потомки их стали называться детьми боярскими. В последующее время на детях боярских лежала непременная обязанность службы: они, по первому требованию, являлись вооруженные со своими людьми под знамена Князей и воевод.

Из переданных нами, по возможности, самых кратких сведений, относящихся к истории нашей местности до включения ея в состав Московского государства, ясно видно, что в древней Курской области было и действовало весьма значительное высшее сословие и как один из его главных разрядов – Дворянство[14].

Дело в том, что к концу XII века дружина начинает

[14] История дворянства в России, Яблочкова, стр. 36.

называться двором Князя и тогда вместо слова дружинник является наименование *дворянин.*

До нас дошло множество имен бояр княжеских этого периода. Однако, все эти имена указывают, что не всегда служил сын тому же Князю, которому служил его отец.

Бояре во всех летописях называются только именем своим и отцовским, фамилий же до XV века мы не встречаем. То же было и в нашей Курской области. В рассказе летописи об осаде Путивля войсками Князя Мстислава, говорится, что были убиты Путивльские бояре, Дмитр Жирославич и Андрей Лазаревич, фамилий же их не упоминается. «Следовательно, говорит историк Русского Дворянства Яблочков, каждый поступал в княжескую дружину отдельно, поодиночке; члены его семейства не связывались одним родовым именем, а при такой разрозненности дружинников главное их значение приобреталось от службы при княжеском дворе». Таким образом, из-за дружины выступил двор Князя, возникло и производное от этого слова название *дворянин*.

4.

Нам необходимо остановиться на тех данных, находящихся в летописях и «Слове о полку Игореве», которые касаются высшаго сословия и его разрядов, бывших в княжествах Курской области.

Все члены Рюрикова дома стали носить название *Князей*, оно сделалось исключительною принадлежностью их по праву происхождения, оно равняло всех Рюриковичей между собою, и вследствие этого какова бы ни была по размерам, населенности и политической силе область Князя, он имел те преимущества власти, какия имели и другие Князья. Состоящая при каждом Князе дружина также имела одинаковое значение с другими дружинами, следовательно повсюду дружины княжеские были, после земских бояр, вторым источ-

ником происхождения высшаго сословия и образования дворянского элемента в населении; таким же образом и дружины, находившияся в Курском крае в княжествах Курском, Рыльском, Путивльском и Северском заключали в себе представителей благороднаго класса населения. Историки утверждают, что *земское боярство, смешавшись с дружинниками, произвело теперешнее дворянское сословие*. Кроме того, потомки славянских князей существовали и после пришествия варягов, и если впоследствии исчезли, то не все, а оставшиеся вошли в известном количестве в состав служилого сословия и, может быть, сделались основателями многих теперешних дворянских родов.

Надобно заметить, что при описании походов Русских Князей, в том числе Путивльских и Курских, название «дружина» употребляется в летописях в двояком смысле: обширном и тесном. В первом смысле слово «дружина» обозначает полк, войско, т.е. совокупность всех военных людей, которые, по случаю похода против сильнаго неприятеля, при отсутствии постояннаго войска, набирались из городских и сельских жителей, а по окончании похода, распускались по домам с добычею и данью. В этом случае слово дружина тождественно с названием во множественном числе населения известнаго княжества. Так в Новгородской летописи читаем: «Святослав… брата своего приведе Князя Курского с Куряны… и идоша на Пльсков»[15]. О Святославе же Олеговиче Курском[16] сказано, что он в 1146 году во время войны с Князьями Черниговскими отправлялся в Курск «уставляти люди», то есть, собирать военную дружину. Князь Игорь (в «Слове о полку Игореве») восклицает, при случае солнечнаго затмения, обращаясь к своим войскам названным в «Слове» дружиною: «Братие и дружино! луче же бы потяту быти, неже полонену быти»… Ясное дело, что

[15] История Карамзина т. II, 104 стр.

[16] Ипатьевская Летопись 1146 г.

здесь под словом *братие*, отделенном от слова *дружино* союзом «и» разумеется не младшая дружина, к которой собственно относится обращение *дружино*, а дружина в тесном смысле слова, немногочисленные, близкия к Князю лица, его избранные дружинники, именно бояре. К ним относится слово *братие*, их именно и называет Князь Игорь дружественным и почетным именем *братий*.

Дружина в тесном смысле слова была собранием лиц, в мирное время помогавших Князю своим советом, в решении дел и политических вопросов, в военное – они образовывали собой воинский отряд, всегда находившийся около Князя, составлявший внутреннюю стражу его палат, придворный служебный штат и его, так сказать, подвижной стан в стране[17]. Такая дружина, естественно, была и у Князей нашей местности: Курских, Рыльских и Путивльских. Сын Владимира Мономаха – Андрей, по словам летописи, «так рече, съдумав с дружиной своей: лепши ми того смерть и с дружиной на своей отчине и на дедине, нежели Курьское княжение. Здесь моя отчина и дружина верная, живой не выйду отсюда»[18]. Святослав Ольгович, Князь Курский, говорит летопись, «не уладися с ним (Всеволодом) о волости и идее *с дружиною к Курьску*».

Княжеская дружина заключала в себе три разряда: *бояр, мужей княжих или гридей и отроков или дворян*. Бояре были старшие члены дружины, советники князя, его думцы по преимуществу, им раздавались в управление города, без совета с ними Русские Князья, как показывают многочисленные случаи из нашей древней истории, не начинали никаких дел, имевших предметом или внешнюю безопасность, или внутреннее благоустройство страны[19]. Вот почему бояре княжеские, пользовавшиеся таким высоким почетом в русской земле, издревле казались народу, как

[17] Соловьев. История, т. И, 244, 308 стр.

[18] История Карамзина т. II, 297 стр.

[19] Соловьев, Ист. России, т. И.

говорит Карамзин, верховными мужами, они составляли аристократию.

В истории княжеств, входивших в область Посемья, мы встречаем, как этого и следовало ожидать, при Князьях бояр – в том числе и в качестве наместников Князя в городах. Так во время осады Курска войсками Мстислава Изяславича Переяславского, сына Изяслава Киевского, произошло сражение курян с неприятелями, при чем у Курян оказалось много убитых и раненых. В этом бою было убито два боярина: боярин Курский Дмитр Жирославич и воевода Курска Андрей Лазаревич[20]. В Путивле, когда этот город взял Изяслав, он вывел из него посадника, поставленнаго князем Святославом Олеговичем, и вместо него посадил своего боярина посадником. Около 1148 года Куряне послали послов к Глебу Юрьевичу и взяли себе у него бояр-посадников.

Из сказаннаго вытекает, что боярский класс существовал и в той обширной местности, на которой расположен теперь Курский край. Были бояре Путивльские, Рыльские, Северские, Курские и они играли соответственную их положению роль. В Курском литературном памятнике «Слове о полку Игореве» упоминаются бояре Святослава. Он передает им виденный им странный сон. «И рекоша, сказано в «Слове» бояре Князю: *Уже, Княже, туга ум полонила*». Древнейшие дворянские роды Курского края несомненно должны иметь в княжеских боярах-дружинниках своих первоначальных основателей.

Второй разряд княжеской дружины заключал в себе мужей княжих. Это были младшие члены дружины, отличавшиеся от бояр, военные ратники по преимуществу. По словам М. Яблочкова[21], «мужи» продолжают пользоваться своим преобладающим значением и по смерти своих Князей, то есть, по прекращении своих служебных отношений к

[20] Ипатьевская Летопись 1147 г.

[21] История дворянского сословия в России, 43 стр.

Князю. В летописи мы встречаем даже особые дружины, принадлежавшия княжим мужам, иногда «княжи мужи держали своими людьми города».

Обращаясь к интересующему нас предмету, то есть, к первоисточникам Курского Дворянства, мы находим замечательный факт, который именно касается княжих мужей по отношению к Курской области. Когда Северский Князь Игорь вместе с Князьями Курским и Путивльским были разбиты половцами в 1185 году, то по выражению летописи, он воскликнул: «*Где бояре – думающие, где мужи – храборствующие, где ряд полчный? Где кони и оружие многоценное? Всего я лишился*». Весьма справедливо предположение исследователей, что, восклицая: *мужи храборствующие* Игорь разумел здесь храбрых дружинников Курян, представителей военной доблести и благородства. С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» пришел к тому заключению, что слово «муж» в отношении служебном означает общее название дружинников второго разряда, младших членов княжеской дружины – в противоположность членам ея высшаго разряда боярам, и что поэтому бояре были по-преимуществу советники, – думцы Князя, а *мужи* были по преимуществу воины, то есть, такие слуги Князя, которые имели военное значение.

Отсюда несомненно, что у Курских, Путивльских и других Князей были и мужи княжие, о которых говорит Соловьев, давшие основание в последующем времени дворянским родам.

Выше нами было выеснено, что первые два разряда княжеской дружины удельновечевого периода, именно *бояре* и *мужи княжие*, служили Князьям тех княжеств, которые находились в Курской области, на что в исторических источниках находим ясные и достаточные указания. Затем мы должны сказать о младшем разряде высшаго служилого сословия собственно дворянах.

Слово *дворянин* – старинное, – впервые встречается в летописи под 1175 годом. Название это было современно

Великому Князю Андрею Боголюбскому (1169-1174 года). В Суздальской летописи рассказано о том, кому впервые было присвоено название дворян, следующим образом: Князь Юрий Владимирович Долгорукий, сын Владимира Мономаха ехал в 1147 году из Киева в волость старшаго сына своего Андрея Боголюбского, во Владимир на Клязьме, по той местности, где находится теперь русская столица – Москва. Тут были богатые села, которыми владел земский боярин Кучко. За противление Князю он был казнен, а дети его сыновья: Петр и Яким и дочь Улита, по приказанию Юрия, были отосланы к сыну его Андрею во Владимир. Женившись на Улите, Князь Андрей сделал ея братьев, тогда еще юношей, самыми близкими к себе *при дворе* слугами, которые поэтому не были обыкновенными дружинниками, имевшими, по тогдашнему обычаю, право при первом неудовольствии, перейти на службу к другому удельному Князю, а находились при княжеском Андреевом дворе в особом положении и от такой близости к Князю получили название *дворян.* Вскоре и другим молодым людям, взятым на службу именно ко двору Князя, было усвоено это название[22]. Таким образом со времен Князя Андрея Боголюбского, когда в нашей местности существовали Курское и Рыльское княжества, лица, составлявшия младшую княжескую дружину, стали называться *двором* и вследствие этого получили новое название *дворян,* удержав за собою прежния дружинные обязанности и значение. Дворяне, в известной степени, заменяли собой прежних отроков в смысле людей, состоявших во дворе княжеском, придворных чинов, употреблявшихся для выполнения служебных обязанностей, по приказу Князя, как при его дворе, так и при наместниках, тиунах и судьях. Затем в первой четверти XIII столетия опять встречается историческое известие о том, что при Князе Ярославе Всеволодовиче, княжившем в Переяславле, а в состав Переяславского княжества в то

[22] Ист. России Соловьева, т. 2, 381-383 стр.

время входило и Курское княжество и Путивльская область, были служащие, которые, по пребыванию и по службе их во дворе Князя, именовались *дворянами*.

Из числа исследователей русской старины одни объясняют, что слово дворянин или Дворянство было тогда наименованием не сословным, но чином, данным не наследственно а на одно лицо и имевшим тот смысл, что человек, называвшийся им, принадлежал к княжескому двору и пользовался правом свободнаго в него доступа. Другие исследователи дополняют такое описание более точным о нем сведением, что дворяне в древнейшия времена первоначально имели известное судебное значение и составляли собой двор Князя; потом вследствие постепеннаго упразднения княжеских столов, все они, как принадлежащие ко двору Князя, продолжали и по присоединении княжеств к Москве именоваться дворянами.

Обращаясь к истории Курских княжеств, бывших, как мы видели самостоятельными, или входивших в состав Черниговского и Переяславльского княжеств, при чем Рыльское княжество после нашествия татар, входило даже в состав Литовского великаго княжества, мы постараемся привести те данные, находящиеся в летописях, которые указывают на существование в удельновечевой период в Курской области *собственно Дворянства* как «третьяго чина» высшаго сословия.

Имея в виду, что по общему признанию исследователей древнерусской истории, дворяне были придворные чины, которые заведывали разными отраслями управления и хозяйства княжеского двора, мы остановим внимание читателей на том, что в Ипатьевской летописи есть упоминание, что Князья Курской области имели обширные и богатые «дворы», а иногда и по нескольку их. Так, во время войны в 1146 году Изяслава Мстиславича Киевского с Святополком Курским, войска перваго, не успев взять Курска, отступили к селу Метелкову, находившемуся близ Курска, и отсюда Князья послали захватить стада Игоря и Святослава, зажгли села, жита и

дворы княжеские[23]. Здесь же Игорь, будучи еще Князем Путивльским, устроил себе *добрый двор*, где хранилось много вина и меду в погребах, а в кладовых – много всякаго имущества. Давыдовичи захватили этот двор, приказали положить на возы, сколько можно было, утвари, а остальное сожгли вместе с двором.

Из этих упоминаний летописи можно видеть, что, имея кроме «стольнаго двора», то есть, своего княжеского дома с принадлежавшими к нему учреждениями, управление и заведывание которыми также требовало известнаго личнаго состава и числа придворных, именовавшихся тогда, – «дворскими» чинами-дворянами, Князья Курской области имели еще один или несколько хозяйственных дворов, выдававшихся своим богатством, заслуживших даже упоминания о нем у скупого на слова летописца. Нечего и говорить, что у Князей Курско-Черниговской области должно было быть немало придворных служащих, которые заведывали княжескими дворами и их хозяйством или различными его отделами и эти служащие назывались, как мы знаем, дворянами или отроками.
Дворянам приходилось отправлять судебные действия по отношению к многочисленным слугам Князей Курской области или тех княжеств, в которые в то или иное время входили Курское, Рыльское и Путивльское княжества. В XI и XII веках Курск и Новгород-Северск были более важными городами, чем Путивль, следовательно находившиеся в них дворы Князей имели такой, а вероятнее – еще бóльший штат слуг, и таким образом бóльшее число заведывавших ими отроков или дворян.
Летопись говорит о богатстве дворцовой церкви в Путивле. Несомненно, что дворцовые храмы были в Курске и Рыльске. Из жития Преподобнаго Феодосия мы знаем, что даже правитель Курска (наместник Князя, посадник) имел свою домовую церковь. Это обстоятельство, по мнению иссле-

[23] Ипатьевская летопись, стр. 235 (1146 г.)

дователей русских древностей княжеского периода, с достаточною определенностью свидетельствует о том, что княжеские дворы, особенно в XII и XIII веках стали уже учреждениями, соответствовавшими высоте звания и сана владетельного Князя, который в своей жизни должен был выделяться из подвластных ему бояр. Сравнительно с первоначальным временем, хозяйство удельных Князей расширилось и приняло сложные формы, пышность двора значительно увеличилась, к существовавшему прежде штату придворных слуг были прибавлены в разное время новые чины. В этот период времени получили свое значение и дворяне, о которых говорится в наших летописях, нередко даже, вместо слова дворяне, употреблялось собирательное имя «двор»; но дворяне составляя членов младшей дружины, были в то же время людьми военными. Они, как видно из летописи, в часто представлявшихся тогда случаях защищали против нападений неприятелей – княжеские дворы. Что же касается до службы дьяков и подьячих, то в нее дворяне и дети боярские не вступали, и эти звания и должности в течение древней Русской Истории не пользовались особым почетом у дворян, детей боярских и у лиц, носивших придворные чины.

Вообще история княжеств, бывших на той территории, где теперь находится Курская губерния, указывает нам на то, что в них существовало весьма достаточное и имевшее политическое значение, высшее несшее военную и гражданскую службу, сословие и что представители его, сами или их потомки преемственно переходили в состав такого же сословия Московской Руси.

Глава II Дворянское достоинство и разряды дворян в древний период русской истории

Придворные чины княжеских дворов. – Происхождение дворян и детей боярских. – Соединение княжеских дворов в XIV и XV веках. – Раздача поместий и помещики. – Пожалование поместьями Московских детей боярских в Курском крае. – Начало военно-боевой службы дворянского сословия в Рыльском и Путивльском уездах в XVI веке. – Записанные в древнейшую *Боярскую книгу* Курские дворяне – *выбор*. – Дворяне разных статей. – Думный дворянин Курского края. – Разнообразие происхождения в древнейшее время дворянских родов. – Сведения о некоторых дворянских родах Курского края, переселившихся в Россию в то время. – Правовое отличие дворянского сословия от других сословий и служилых людей низших степеней. – Служебная деятельность дворян и детей боярских. – Особенности этой деятельности в Белгородско-Курском крае. – Служба с городом. – «*Лучшие из лучших*» дворяне. – Достижение дворянами высших государственных чинов. – Верстание в дворяне. – Городовые дворяне лучшие и молодшие. – Разнообразие военно-боевой службы дворян и детей боярских в Курском крае. – «Дворовые дворяне» как особенность Курского края.

1.

Дворяне, как мы выше сказали, прежде всего были придворные чины Князя[24]. Первая новгородская летопись говорит,

[24] «Русские юридические древности» проф. Сергеевича, т. И, гл. VII.

что Князь Мстислав Мстиславич схватил новогородского наместника, и *дворян* его поковал. Воскресенская летопись, описывая те же события, говорит, что Князь Мстислав поковал *дворных* людей наместника Ярослава. Как дворовые люди Князя, дворяне состоят при нем, но они также являются воинами и исполняют судебные действия. В договоре Новгорода с Тверским князем Михаилом читаем: «А *дворяном* твоим у купец повозок не имати, разве[25] ратной вести… А за рубеж из новогородьской волости твоим *дворяном* суда не выводити, ни судити»[26]. Здесь дворяне являются в роли то гонцов, то судей. В качестве судебных чиновников, они вызывают к суду. «А кто на кого челом бьет, – сказано в Двинской судной грамоте (1397 г.), – дворяне и подвойские позовут к суду».

В виду того, что в Курском крае в XV, XVI и XVII веках мы в составе высшаго служилого сословия встречаем большинство *детей боярских*, и под этим наименованием разумеются представители высших званий военной службы, – дворянская конница, интересно здесь отметить, что уже в XIII веке мы находим это название для обозначения лиц, состоящих в числе дворян. В войне с ляхами Владимирского Князя Владимира Васильевича на стороне последняго был убит дворный слуга его любимый, *сын боярский*, именем Рах[27]. В летописи так описана поимка Михаила Глинского, замыслившаго перейти на сторону польского короля, воеводами Великаго князя Московского:

«Князь же Михайло Голица скоро весть посла воеводе Челяднину, а сам вслед борзо на конь со всем двором своим… и тое ночи гнав… И бысть в четвертую стражу нощи, оже Михайло Глинский едет один наперед своих дворян за версту, и пойма его князь Михайло Голица, а дети боярские переимали дворян Глинского».

---

[25] Кроме.

[26] Рум. собр. И, № 8-й.

[27] Ипатевская летопись, 1281 года.

Дети боярские входили в состав двора московских государей. С расширением границ число дворовых людей Московского Великаго князя значительно увеличивается поступлением под его власть дворов присоединенных княжений. В руках Великаго Князя Иоанна Васильевича соединилось уже столько княжеских дворов и «дворских людей», что надо было подумать об организации придворных служащих. Он дал им поместья с обязанностью нести военную службу, и таким образом вывел из тесной сферы дворцоваго быта на более широкую дорогу поместной жизни и службы. «Такое испомещение дворских людей, – говорит профессор Сергеевич, – на княжеских землях, как и пожалование княжескими землями бояр и детей боярских могло получить значительное развитие не ранее половины XV века, когда объединительная политика Московских Великих Князей делает уже несомненные успехи». Дворные слуги, выводимые из дворов и помещаемые на княжеских землях, удерживают и в новом своем положении наименование *дворян*. К этому старому имени присоединяется новое – помещик. Рядом с старинными землевладельцами, боярами и детьми боярскими, возникает новый класс условных владельцев помещиков-дворян. До половины XVI века еще живо чувствовалось различие между боярами и их детьми и дворянами. Но уже с конца XV века начинается смешение этих разрядов лиц. В Воскресенской летописи под 1484 годом сказано:

«Тое же зимы поимал Князь Великий больших бояр новгородцкых и боярынь, а казны и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве под городом. На земли, отобранные у Новгородских бояр, Великий Князь поместил детей боярских из Московских городов». Таким образом появляются помещики из старинных бояр и детей боярских. Меры этого рода продолжаются и в XVI веке. В 1550 году царь Иоанн IV приказал дать боярам поместья в Московском уезде.

Что касается Курского края, который в первой поло-

вине XVI века состоял из двух областей – Путивльской и Рыльской, имевших значительное пространство, то по присоединении его к Московскому государству, в нем были даваемы поместья Московским *детям боярским*. Вообще Путивльско-Рыльская область в XVI веке была населена в качестве помещиков детьми боярскими. Еще в то отдаленное время, когда в 1560-м году Иоанном Грозным не были установлены станичная, разъездная и сторожевая службы путивльских и рыльских детей боярских, а эти службы несли так называемые севрюки, уже тогда во главе конных военных отрядов севрюков стояли дети боярские в качестве начальных людей сторóж, разъездов, сотен и станиц.

Для надобностей Государевой службы бояре так же испомещаются, как и дворяне. Записанные в древнейшую *Боярскую книгу* 1628 года Курчане Иван Онтипович Анненков, и Богдан Осипович Видениев имеют поместья в Курском уезде. Сведения о них мы находим в древнейшей *Боярской книге*[28].

Боярские книги, в числе 13 с 1626-27 по 1692-й год, хранящиеся в Московском архиве Министерства юстиции, содержат в себе списки бояр, окольничих, думных дворян, думных дьяков, стольников, стряпчих, дворян московских, начальных людей в полках и дьяков в приказах, при чем означены получаемые ими поместные и денежные оклады. Боярская книга, в которой значатся приводимые здесь имена Курских дворян, внесенных в нее, и относящаяся к 1628 году, озаглавлена так: «Книга бояр, околничих и думных людей и столников и стряпчих и дворян Московских и диаков и *из городов дворян выборных* нынешняго ѱкѕ году.

[28] Московский архив министерства юстиции. Документы Разрядного приказа № 2-й. Боярская книга 461 лист.

КУРЕСК

800 чети

Иван Онтипов сын Анненков

700 чети

Богдан Осипов сын Видениев

Таким образом, в *Боярской книге* в самый древний период времени были записаны два выборных дворянина Курского края, оба – помещики Курского уезда.

С другой стороны, дворяне, сделавшись помещиками, стали стремиться приобретать вотчины. Возникли условия, благодаря которым начало сглаживаться различие между боярином и сыном боярским, с одной стороны, и дворянином, с другой. В исторических источниках Курского края, относящихся к XVII веку, мы постоянно встречаем выражение *дворяне и дети боярские* как общую формулу, служащую для обозначения высшаго благороднаго сословия, и нигде в тех же источниках не находим того, чтобы дворяне были противополагаемы детям боярским и наоборот. Конечно, это не исключает в отдельных случаях обозначения: *дворяне* или *дети боярские*, употребляемого однако только факультативно. Но в первой половине XVI века дети боярские продолжают составлять высший сравнительно с дворянами класс, и в перечислении разных групп населения следуют непосредственно за боярами. В завещании Государя Иоанна Васильевича читаем:

«А что которые мои дворы внутри города на Москве и за городом, за моими бояры и Князьями, и за детми за боярскими, и за дворяны за моими, и те все дворы сыну же моему Василью». Относительно Курского края надобно сказать, что акты о военно-боевой службе лиц высшаго сословия говорят о дворянах и *детях боярских*, которым и назначаются соответственные их государственному значению службы, все они «служат с поместий». Несмотря на все подробности разверстания Государевой службы (например, в бо-

ярском приговоре 1571 года и др. актах), термин *дворяне* отдельно в данном случае вовсе не употребляется.

В памятниках второй половины XVI века термин дворяне начинает уже употребляться и для обозначения детей боярских. В приговорной грамоте по вопросу о перемирии с Польским королем 1566-го года после изложения мнения бояр читаем:

«А мы – Государя своего Царевы и Великаго Князя *дворяне первая статья*».

За этим следует перечисление имен дворян первой статьи и поданное ими мнение, а потом:

«А мы дворяне и дети боярские другое статьи».

В той же приговорной грамоте в конце сказано:

«А мы княжата и дети боярские, на сей грамоте, на своих речех, Государю своему крест целовали».

Как известно, дворяне назначались членами в *Боярскую думу* и тогда назывались думными дворянами. Из Курского края в XVII веке особенно известен думный дворянин Ждан Васильевич Кондырев, бывший в некоторых городах воеводою в походах, плававший вместе с донскими казаками под крепость Азов и в 1648 году бившийся с татарами. В XVII веке термин «дворяне» занимает место, принадлежавшее прежде термину «дети боярские». Этот же последний обыкновенно ставится после слова «дворяне».

В грамоте об избрании Михаила Федоровича Романова на царство читаем:

«А потом Митрополиты, Архиепископы и Епископы и архимандриты и игумены и весь освященный собор, и бояре, и окольничие, и *дворяне*, и *дети боярские*, и все Христолюбивое воинство, и гости, и торговые и всякие люди Московского Государства».

«В это время, – говорит профессор Сергеевич, – дворяне населяют уже все города, так что в Царских грамотах в города Московского государства следует обращение к дворянам и детям боярским».

2.

Сохранившияся в Московском архиве министерства юстиции десятни о военной службе Белгородско-Курского края по всем его городам: Курску, Белгороду, Путивлю, Рыльску, Осколу, Обояни и др. не оставляют ни малейшаго сомнения в том, что дворяне и дети боярские в XVII веке до такой степени слились в один разряд, что не представлялось уже никакой надобности, а, быть может, даже и возможности различать сына боярского от дворянина. В XVIII же веке термин «дети боярские» совсем исчезает, термин же «дворяне» сохраняется для обозначения высшаго благороднаго сословия.

Считаем необходимым отметить здесь, что в архивных источниках, касающихся Курского края, употребляется еще один термин, которым покрывается суммарное выражение: дворяне и дети боярские; это именно местное наименование по городу: Курчане, Рыляне, Осколяне, Путивльцы[29] и тому подобное. Из контекста исторических актов видно, что понятие «Курчане», вмещая в себя только дворян и детей боярских, противополагается лицам других чинов и разрядов, низших по отношению к первому термину, хотя не всегда практикуется такой способ выражения, но он был употребителен в XVII веке.

Русские историки утверждают, что по своему происхождению обширный класс дворян разнородных элементов. В него входят все княжеские фамилии, Рюриковичи и Гедиминовичи, потомки древних бояр и детей боярских, дворовые, то есть, придворные люди, получившие поместья в Государственных землях, казаки и другие служилые люди и иноземцы.

[29] В древнейших актах употребительны выражения: Путимль, Путимцы, Путимльцы.

Что касается дворян Белгородско-Курского края, то разнообразие элементов его по происхождению в особенности было заметно вследствие географического положения края. Сюда переселялись и были переселяемы служилые люди из разных мест, сюда стремились выходцы и поселенцы из других государств. В архивных источниках мы встречаем и сведения о выходе из-за рубежа на Государево имя прусских, польских, литовских и турецких (сербов, болгар) подданных, а также татар и черкас, для поселения в уездах Курского края и о наделении их землями и жалованьем, о верстании, в качестве служилых людей, поместными окладами в число дворян и детей боярских.

Так, предок Курских дворян *Воейковых, Прусский земли «державец» Терновский Воейко Войтягович* приехал служить к Великому Князю Димитрию Иоанновичу Московскому к Москве, а с ним двора его 150 человек. В крещении он получил имя Прокопия и был пожалован волостями в Коломенском уезде в вотчину.

Родоначальник фамилии Курских дворян *Дурново*, из благородной и знатной фамилии именем *Гендрик*, выехал *из Цесари* в Чернигов в 1352 году на службу к Русским Князьям. Здесь он принял крещение и получил имя Леонтия. Происшедшие от него потомки разделились на 5 фамилий: Толстых, Васильчиковы, Федцовых, Даниловых и Дурновых, а от этой последней фамилии произошел род дворян Дурново.

Родоначальник Курских дворян *Хитрово «Едуган Большой сильно хитр»* вместе с своим братом *«Едуганом меньшим Солотмиром»* выехал из *Большой Орды* на службу к Великому Князю Олегу Ярославичу Рязанскому. Происшедшие от Едугана Большого потомки *Хитрые* (впоследствии Хитрово) служили Русским Царям и от них были жалованы поместьями в разных местах. От Едугана Меньшого Солотмира произошли другие роды.

Род Курских дворян *Головиных* происходит от древней благородной фамилии, издавна *переселившейся в*

Россию. В справке из «Коллегии Московского архива Иностранных дел» сказано: «в дни благовернаго Великаго Князя Василия Димитриевича прииде *Князь Степан Васильевич из своей вотчины с Судака, да из Майкута, да из Кофы*. У Князя Степана был сын Григорий Ховра, у Григория сын Владимир был у Великаго Князя Иоанначь Васильевича боярин. У Владимира был сын Иван бездетен, ходил ко Гробу Господню молитися и убили его на поле Татаровя, да Иван Голова и крестил его Великий Князь Василий Васильевич и он был у Великаго Князя боярин. Потомки его – Головины служили Российскому престолу боярами и окольничими и «в иных знатнейших чинах» и жалованы были от Государей поместьями и другими «почестями».

Предок Курских дворян *Ждановых Ослан Мурза* выехал из *Золотой Орды* на службу к Великому Князю Димитрию Иоанновичу. В крещении он был наречен Прокопием и был пожалован поместьями. У Ослана были сыновья: Арсений, Федор, Лев по прозванию Широкий рот, Павел и Яков Кременецкий. От них пошли: от Арсения – *Арсеньевы*, от Федора – *Сомовы*, от Льва-Широкого Рта – *Ртищевы*, от Павла – *Павловы*, от Якова – *Кременецкие*. Праправнук Якова – Димитрий, был прозван *Ждан*, от него и произошел род дворян *Ждановых*.

Родоначальник стариннаго дворянского рода Курской губернии *Букреевых, Букрей* был переводчиком татарского улуса в Крыму[30]. Во время одного набега на Русь он похитил дочь Русского воеводы. Под ея влиянием он с несколькими приближенными принял православие и пошел на службу к Русскому Царю, прося дать ему земли на поселение. Долго они не могли выбрать места оседлости, наконец уже один из потомков Букрея – Михаил отыскал удобные для жительства места, именно в Курской (в теперешнем Щигровском у.) и Орловской (в Малоарх. у.)

[30] Сборник биографий Кавалергардов.

областях. По этому поводу в 1555 году он был «отказчиком у Царя на Москве» и вернулся оттуда к своим родичам с грамотами на эти земли.

Родоначальник *князей Стокасимовых*, помещиков Курской губернии, *Ифезет Кочуков сын Достокасимов* был переводчиком посольского приказа. За многия его службы Русскому Царю был пожалован Государем Михаилом Федоровичем вотчиною и землями в Шацком уезде и других местах.

Предок Курских дворян *Гасвицких – Иван Гасвицкий* был *«выезжим» из Польской шляхты* и за ним в строельных и межевых 176 года (1668) книгах «состояли в написании Государева жалованья крестьяне»[31].

Вообще же число дворянских родов, вышедших из иных земель, в Курском крае было значительно, но все элементы Дворянства в Белгородско-Курском крае объединяли в тесно сплоченное стройное целое военнобоевая служба и безпредельная преданность своим Государям.

Между дворянами и другими классами населения можно указать следующее различие, существовавшее в древний период Русской Истории. Дворяне записывались по городам в дворянские списки, посадские же люди и крестьяне в писцовые, переписные и иные книги тяглых Государевых людей. Составление таких списков стало общим правилом в половине XVI века. Заботу о чистоте вновь образуемаго дворянского сословия принимает на себя Правительство. В целом ряде указов о разборе дворян и детей боярских оно предписывает, чтобы «холопей боярских и стрелецких и казачьих и неслужилых никаких чинов отцов, детей и братью и племянников отнюдь никого детьми боярскими у верстанья не называли и поместными и денежными оклады их не верстали».

Это выражение, взятое из указа Федора Алексеевича

[31] Архив Курского Дворянского Собрания: «Протоколы Депутатского Собрания».

1678 года[32], показывает значение даннаго распоряжения. Указ этот был важен для Курского края в особенности потому, что ранее, в виду особых условий службы в нашем крае, при верстании допускались, хотя и редкия, исключения из общаго правила, после же указа 1678 года их уже мы не встречаем в Курском крае.

3.

Дворянство XVII века распадалось на городовых дворян, московских и больших. Городовыми дворянами считались дворяне, имевшими вотчины и поместья в уездах, кроме Московского и ближайших к Москве мест и занесенные в служебные списки городов этих уездов. Это младший разряд дворян и детей боярских. В Курском крае городовые дворяне составляли подавляющее большинство. Они несли военную службу с городом, то есть, главным образом в качестве рядовых воинов начальных людей, осадных голов, сотников и др. Вследствие этого городовые дворяне Курского края исполняли все службы, касавшиеся военнаго строя и военных приготовлений и устройств. Они сражались в битвах с неприятелями, были гонцами, разведчиками, защищали крепости и укрепленные острожки и тому подобное. Они же устраивали валы, стены, башни, рвы, окопы, тайники, служили в обозах, словом не были освобождаемы ни от какой службы, работы и труда, которые так или иначе касались военной деятельности во всех ея видах и проявлениях.

Такой службе с городом противополагалась служба по разряду, то есть, в должностях начальных людей, воевод и завоеводчиков (товарищей воевод) в придворных чинах, назначаемых из Разряда. Эта служба считалась высшею. Среди городовых дворян различаются выборные, или

[32] Полное собрание законов, №№ 744, 745.

выбор. Под выборными дворянами разумеются назначаемые в высшие военные должности. Такие выборные обыкновенно назначались из лучших дворян. В разрядной книге царствования Государя Михаила Федоровича 1615 года читаем:

«А во всякия посылки воеводам князю Василию Семеновичу посылати дворян выборных и детей боярских лутчих, чтоб дворяне выборные и дети боярские лутчия во всякия посылки ездили, а даром на службе не жили; а меншие б статьи дети боярские болших статей дворян выборных и детей боярских лутчих не ослуживали, чтоб перед дворяны и перед детми боярскими лутчими детем боярским молодым на службе посылок лишних однолично не было».

Приведенное распоряжение, говорит профессор Сергеевич[33], исходит из того факта, что, кроме военной службы дворяне употреблялись еще в разные посылки и Правительство принимает меры к тому, чтоб в эти посылки в одинаковой мере назначались как молодшие, так и лучшие и выборные дворяне. Выборные везде поставлены впереди лучших, а это, согласно с понятиями того времени, надо понимать в том смысле, что выборные суть *лучшие из лучших.*

Следует заметить, что выдающиеся по уму и способностям городовые дворяне достигали высоких должностей и званий. Богдан Матвеевич Хитрово, сын городового дворянина достиг звания боярина. Того же звания достиг городовой дворянин Кирилл Полуектович Нарышкин. Служивший с городом князь Никифор Яковлевич Мещерский был назначен вторым воеводою в большой полк. Звание городового дворянина не жаловалось, но сообщалось всем законным детям городового дворянина. После смерти отца они получали титул дворянина и право просить Государя о наделе поместьем для службы. Правительство исполняло просьбы, посредством верстания новиков или недо-

[33] Русские юридические древности, т. И, 444 стр.

рослей поместным и денежным жалованьем. Первое известное нам указание на верстание недорослей «поспевших на службу» относится к 1532 году. Более точные сведения о верстаньи принадлежат к началу XVII века.

В Смутное время Правительство крайне нуждалось в служилых людях, оно само приказывало розыскивать недорослей и верстать их. Первый, известный нам указ о таком верстании, последовавший в 1606 году, до нас не дошел, но он буквально повторяется в указе Государя Михаила Федоровича от 1616 года. Заметим, что городовые дворяне не были равны по своему достоинству, между ними были лучшие и молодшие. Это различие, надо думать, условливалось различием отеческой служилой чести. Соответственно этой чести недоросли разделялись на несколько статей и получали разные оклады. В Курско-Белгородском крае число таких статей было наибóльшим сравнительно с другими местностями Московского Государства, именно семь. Это явление объясняется, насколько это можно видеть из источников Московского Архива Министерства Юстиции, тем обстоятельством, что роды службы в Курско-Белгородском крае, как военно-боевом, были гораздо разнообразнее, чем в некоторых других краях, причем не было резкаго отличия по условиям службы между дворянами и другими военными чинами[34]. Кроме того, в Курско-Белгородском крае неслужившие недоросли получали высший оклад сравнительно с служившими, что делалось с целью привлечения к службе и таких недорослей, которые не были еще верстаны. Усердным к Государевой службе дворянам и дается высший новичный оклад.

Все вновь поверстанные новики писались в десятни по статьям. Из десятен составлялись сотни, во главе

[34] Профессор Сергеевич говорит, что крупное различие в числе статей от 3 до 7 объяснить невозможно. Уложение Царя Алексея Михайловича знает только три статьи новичных окладов: бóльшую, среднюю и меньшую.

которых становились выборные дворяне. Высшею степенью Дворянства считались Московские дворяне, которые владели поместьями и вотчинами в местностях, близких к Москве.

Но для Курско-Белгородского края важно отметить о классе *дворовых дворян*. Этот класс дворян постоянно встречается в десятнях Курских, Белгородских, Оскольских, Обоянских, Карповских, Путивльских, Рыльских и других городов нашего края, наряду с дворянами городовыми и выбором. *Дворовые дворяне* также владеют поместьями, получают Государево денежное жалованье, службу служат на коне, имеют саблю, карабин, пистоль. В разряд дворовых дворян зачислялись городовые дворяне за оказанные доблести и заслуги.

Приведем имена наиболее древних *«дворовых дворян»* Курского края, XVII века. *В Курске*[35]: Наум Мануйлович Бредихин, Тимофей Трифонов, Афанасий Мануйлович Бредихин, Михаил Онтипович Анненков, Иван Павлович Мишустин. *В Рыльске*[36]: Федор и Григорей Костентиновичи Бойкачкаровы, Булат Иванович Зеленин, Юрья Булатович Зеленин, Василей Костентинович Ширков, Юрья Степанович Малеев, Сергей Григорьевич Ширков, Петр Григорьевич Воропанов, Юрья Жданов сын Лодыгин.

Дворовые дворяне Новгородка Северского, служившие *по Рыльску*: Иван Иванович Волжин, Григорей Лаврентьевич Износков, Ондрей Богданович Износков, Микита Тимофеевич Люшин, Степан Волокитин сын Стромоухов, Иван Иванович Булгаков, Иван Дмитриевич Кусаков, Федор Матвеевич Булгаков, Петр Алексеевич Шишкин, Юрья Жуков сын Арсеньев, Воин Васильевич Щеголев, Сила Иванович Пересветов, Микита Степанович Кульнев. *В Путивле*[37]: Дмитрий Иванович Киреев, Микифор Михайлович Яцын, Спиридон Денисьевич Яцын, Федор Дементьевич Аладьин.

---

[35] Курская десятня 1636 года.

[36] Рыльская десятня 1632 года.

[37] Путивльская десятня 1626 года.

Глава III Переходное время в истории дворянского сословия Курского края

Монгольское иго. – Запустение Курского края. – Судьба Рыльского и Путивльского княжеств. – Образование высшаго служилого сословия в Москве и получение представителями его поместий в Курском крае. – Положение Курского края по отношению к трем элементам государственной жизни: княжеской власти, боярству и вечу. – Постепенное возрождение Посемья после татарского погрома. – Переход Рыльского и Путивльского края под власть Литвы, переход Рыльского княжества под власть Московского Государя. – Служилые люди в Рыльске, дворяне и дети боярские и возрастание их числа. – Присоединение к Московскому государству Путивля. – Дети боярские, их права и положение. – Поместные земли и вотчинное владение. – Преобладание первых в Курском крае.

1.

Монгольское нашествие, а потом иго, продолжавшееся более двух веков, остановило естественное развитие государственной жизни княжеств Курского края, прекратило самостоятельное управление Князей и деятельность высшаго сословия. Значительная часть нашего края была опустошена и разорена совсем; даже центр его город Курск, населенный и богатый, изобильный представителями высшаго сословия, долгое время лежал в развалинах и запустении. Другая часть Курской области, не будучи опустошена вполне, влачила жалкое существование, не пользуясь благами граж-

данственности, постоянно тревожимая татарскими набегами и разнаго рода поборами и обидами. Наконец, третья, небольшая, сравнительно, часть – северозападная – именно Рыльское и Путивльское княжества вошли в состав Литвы, а потом Московского государства.

В виду такого основного нарушения преемственнаго хода исторической жизни в нашем крае, бывшие в нем до времени татарского опустошения представители и сочлены высшаго сословия, а также и Князья с их родственниками, уцелевшие от ужаснаго татарского погрома, должны были перейти в северные княжества, в особенности в Московское и продолжать существование свое и своих родов там, служа уже Великим Князьям, а впоследствии Московским Государям. С другой стороны с усилением и возвышением Московского Государства, в нем появляется новое боярское служилое сословие как из коренных русских людей, так и из иноземных «мужей честных», как их называют русские летописи, то есть, тех, которые и на своей родине были благородными и потому у нас поступали прямо в боярское сословие. В Москве, главным образом, образовалось высшее служилое сословие, там оно получило новую жизнь и значение. Затем, как это было и в других местах России, представители этого сословия своими заслугами пред Отечеством приобрели право на получение поместий и вотчин и получили их в Курском крае в то или иное время. С другой стороны дворяне и дети боярские северных местностей были поселены для военно-боевой службы в Курском крае и таким образом те и другие в значительной степени образовали Курское Дворянство.

Следовательно, приступая к изложению второго периода истории дворянского сословия в нашем крае, мы должны остановить свое внимание на положении высшаго сословия после нашествия монголов в Северных княжествах вообще и в Московском Государстве в особенности, а после этого обратиться уже к Курскому краю.

Северовосточные части России после нашествия татар

образовали четыре великих княжества, которые находились под властью потомков Ярослава Всеволодовича. Сыновья его: Александр Невский образовал Переяславское княжество, Андрей – Суздальское (Нижегородское), Ярослав – Тверское, Василий – Костромское. Каждое великое княжество было независимое отдельное государство, но они были соединены между собою единством внутренней жизни народа. Во всех княжествах было *боярское сословие*, значение котораго было одинаково. В Московском периоде, когда все уделы стали присоединяться к Москве, образовалось различие между боярами Московского великого княжества и других городов. Все высшие сановники были из Московских дворян, так что если городовой дворянин получал какую-либо высокую должность, то его делали Московским дворянином, давая ему поместье в Московском уезде (уделе); когда же боярина или окольничаго хотели наказать, то его записывали «с городом». Так продолжалось до царствования Петра Великаго.

По мнению Русских историков Татарское нашествие было причиной слияния дружины с сословием земских бояр. К тому же повела и наступившая оседлость бояр – каждаго в своем княжестве; дружина могла теперь приобрести важное первенствующее значение в качестве постоянных богатых землевладельцев и лиц, пользующихся наследственно правительственными должностями. К концу XIII века название дружины уже не встречается в летописях; однако же разделение служилых людей на старших и младших сохранилось. Младшие дружинники называются теперь *дворными людьми*, которые, по тогдашнему выражению, бывали в кормленьи и доводе. Они имели наравне с старшими дружинниками право свободнаго отъезда.

Старшие дружинники назывались попрежнему боярами. Но служба их не была еще обязательною: боярин мог служить или не служить Князю, хотя служба была выгодною и почетною. Все различие между служилыми и неслужилыми боярами заключалось в том, что первые назывались большими боярами, а последние просто – боярами.

Скажем о раздаче служилым людям поместий, так как она имело громадное значение в Курском крае и по отзывам историков нигде не была так строго проведена поместная система, как в Курском и сопредельных с ним краях. Для высшаго, впоследствии – дворянского, сословия служба государству и владение поместьем составляли всю основу и характер жизни, положения в государстве и служебной деятельности.

О раздаче поместий в XIII веке служилым людям нет нигде указаний. Не находим их решительно и в тех местах летописей, которые касаются Курского края, его областей и княжеств. Эта раздача начинается с XIV века и усиливается в последующие века до XVIII-го. Однако и в XIII столетии мы встречаем у служилых людей собственные земли; вероятно, это были вотчины, приобретенные ими покупкою или другими средствами. Но Князья не позволяли чужим боярам покупать земли в их княжествах.

За боярами следовали дети боярские. Это были потомки бояр или знаменитейших воинов. Права их были такия же, как и бояр, только они не участвовали в княжеской думе. Вместе с боярами они образовали одно *боярское сословие*, так что хотя понятие «боярин» в то время не было чином, но бояре были старшия и выслужившияся боярские дети.

Каково было значение членов боярского сословия? Они были участниками княжеской думы, с конца XV века стали в бóльшей зависимости от Монархической власти и занимали те же должности, что и прежде, только название посадника заменилось новым *наместником*. Бояре стали являться свидетелями в княжеских духовных завещаниях и вступать в родственные связи с удельными Князьями, часто женясь на их дочерях или выдавая своих дочерей за сыновей княжеских. Сам Великий Князь Московский Симеон отзывается с похвалою о боярах вообще, поясняя, что «они были добрыми советниками, хранителями правительственных преданий, были такими сановниками, которые содействовали к утверждению за Московскими князьями пер-

венства»[38]. После Монгольского ига замечается *в составе высшаго сословия*, новый разряд, несуществовавший до татарского ига и имеющий значение для Курского края. Это именно были *служилые* или *служебные Князья* племени Рюрикова и Гедиминова, которые ранее были владетельными Князьями в уделах, а потом принуждены были отказаться от своих уделов, или потерять их.

2.

Рассматривая положение княжеств Курского края по отношению к трем государственным элементам: княжеской власти, дружине или боярству и вечу, мы находим следующее. После нашествия Батые, Русь представляла такую картину: в одних княжествах одерживает решительную победу какой-либо из этих элементов, в других все они находятся почти в равновесии[39]. В Ростов-Суздальской земле *Князю* удается сломить вече и боярство. В Новгороде Великом вече является полновластным господином, Князь занимает второстепенное место; боярское сословие здесь также не пользуется большими правами. В Галицкой земле преобладающее значение получает боярское сословие. Галицкие бояре, при преемниках Князя Даниила, получают такое значение, что представляют как бы сейм, ограничивающий велико-княжескую власть.

Совершенно иной характер соотношения государственных элементов мы видим в юго-западных княжествах, в том числе и в находившихся в Курском крае. Здесь ни один из указанных трех элементов не получил преобладающего значения. Таким образом, Курские, Путивльские и Рыльские бояре, как равно и Северские[40] не приобрели зна-

---

[38] Ист. России Соловьева, т. 3-й, 321-381 стр., т. 4-й – 56, 195 стр.

[39] Д.И. Багалей. «История Северской земли», глава VII.

[40] Мы говорим о Северском боярстве, потому что в состав Северской земли в разное время входили Курский, Путивльский и Рыльский край. Они, как известно, иногда были в составе Черниговского княжества, иногда – Переяславского, так что боярство княжеств Северской земли имело общность между собою во многих отношениях. Такую же общнсоть имели и Князья разных областей Северщины.

чительного политического влияния, что видно из тех мест летописей, где оне касаются даннаго предмета.

Князья в Присеймских княжествах не могли усилить свою власть уже потому, что их было много. Мы имели случай упоминать о том, что на расстоянии 200 верст по Сейму в известное и довольно продолжительное время находилось три княжества – Курское, Рыльское, Путивльское. В своих столкновениях из-за волостей они должны были опираться на боярство. Кроме того и во время татарского ига Князья продолжали враждовать между собой и в борьбе друг с другом обращались в Орду, при чем татары, конечно, производили разорение Русских областей. Особенно выделилось это положение вещей в рассказе Никоновской летописи о татарском баскаке Ахмате, Рыльском и Воргольском князе Олеге и Липецком князе Святославе[41]. Из этого же рассказа, равно и из других подобных, мы видим интересный в истории боярства Курского края факт. Олег при нападении Ногая бежал в Воронежские леса, а Святослав Рыльский к царю Телебуге. Что касается Курских бояр, то они, как можно судить из летописи, не последовали примеру Князя, что им не трудно было бы сделать, а в течение двадцати дней воевали с татарами, отражали их, пока не были убиты. Этот факт свидетельствует о деятельности бояр Курского края в самое тяжелое для него время, когда они

[41] Воргольский, – некоторые исследователи считают прилагательным от Воргол, река в теперешней Орловской губернии, другие же, по нашему мнению с большим основанием, допускают, что древнее название Льгова – было Вольгов, измененное в слово Воргол, откуда *воргольский – вольговский*.

заменяли собой отсутствовавших князей. В данном случае ясно, что упомянутые «старейшие бояре», убитые татарами, были земские бояре, о которых мы говорили в первой главе. Яблочков, в своем исследовании[42] указывает, что «старейшими боярами» назывались именно земские бояре. Это были люди лучшие, бóльшие, выдвинулись они из общей массы населения своими государственными заслугами, своею частною поземельною собственностью, своим богатством». Интересно также, что в летописи о данном событии сказано, что татары взяли в плен тринадцать старейших бояр, «воюя по всему княжеству Рыльскому», следовательно этих бояр татарская рать захватила в *разных* местах края, скорее всего в их поместьях, где они, очевидно, бились против татарских отрядов, заменяя собой князей.

Как же отнесся к истреблению бояр своего княжества князь Рыльский Олег? Он, узнав, что Липецкий князь Святослав отомстил за убийство татарам, и братья татарского баскака Ахмата едва спаслись бегством, и находясь в хороших отношениях с царем Ногаем, напал на Олега с татарами и убил его. Очевидно, что Олег представлял собою тип осторожного князя, напоминающего до некоторой степени Московских Князей – собирателей Руси.

Со времени татарского периода, говорит профессор Д.И. Багалей в своей «Истории Северской земли», из других родов Черниговского княжеского дома потомки утвердились в Рыльске, Курске, Липецке. Обширнейшим княжеством было Брянское. Владения Курские и Рыльские составляли в то время пограничный край русских земель на северо-востоке. Они начинались от Рыльска, шли по Сейму и простирались на восток вплоть до верховьев Воронежа. Отдельных княжений было несколько, которые, впрочем, подчинены были, как предполагают, князю Курскому: по крайней мере Курский князь в летописи Никоновской называется Великим Князем».

---

[42] История дворянства в России, 5 стр.

Точно также, по мнению Д.И. Багалея, дружинный элемент или боярство не преобладало над княжескою властью. О борьбе же этого элемента с князьями в Посемье нигде в источниках не находим указаний. Наконец, относительно веча, надо сказать, что в XIII и первой половине XIV века оно не имеет почти никакого политического значения.

Таким образом Князь, боярства и вече в Курской стране не преобладали одно перед другим. Но все это продолжалось краткое время, а затем Посемье, столь богатое народонаселением, запустело, сделалось кочевьем Монголов, а потом досталось Литве. Из «Путешествия» митрополита Пимена мы ясно видим, что в XIV веке здесь была уже совершенная пустыня, в которой изредка встречались развалины городов. Вот чтó говорится о путешествии митрополита Пимена в Никоновской летописи: «Бысть же сие путное шествие печално и унилниво, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села, аще бо и бываше древле грады красны и нарочиты зело видением, места точию, пусто жь все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверей множество, козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы: орлы, гуси, лебеди, жоравли и прочая, и бяше вся пустыни великия».

3.

Никакого, однако, не может быть сомнения в том, что Посемье вскоре начало оправляться от страшного татарского разгрома, что было неудивительно вследствие наступившего уже в XIV веке ослабления, сначала, впрочем, не особенно заметного, татарской Орды. Выше мы видели, что скорее других оправились от татарского нашествия Рыльское и Путивльское княжества. О переходе Рыльска из власти татарской к Литве, а потом – Москве мы уже сказали. Здесь же остановимся на некоторых фактах, важных для нашей цели – именно объяснения условий, при которых со-

вершился переход княжеского боярства в состав дворянского служилого сословия в Москве, а также и происхождения этого сословия, из разных других элементов еще не упомянутых нами вследствие более позднего появления их на сцене истории.

Из-под власти татар Рыльск перешел под власть Литвы вместе с подчинением Литве других Северских городов. Энергичный Литовский князь Ольгерд Гедиминович завладел в 1355 году Северскими уделами, – по всей вероятности слабые удельные князья добровольно подчинились его власти. На правах верховного государя Северщины Польско-Литовский король Казимир IV (1440-1492) сделал Рыльским князем Ивана Дмитриевича Шемяку, искавшего себе безопасности в Литве в 1454 году, по лишении его отца удела. В начале XVI века Василий Иванович Шемяка перешел на сторону Великого Князя Иоанна III. Василий Шемяка, по отзыву князя Курбского, «был муж славный, зело храбрый, искусный в богатырских вещах и пагубе бусурманов». По договорной грамоте с Москвою в 1506 г. Литва уступила ей 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел, в числе городов был и Рыльск. Вообще это приобретение Москвы было крупным, а относительно татар надо сказать, что Рыльский князь в 1518 г. доносил Великому Князю Московскому Василию III о том, что он успешно боролся с Крымскими татарами, воевавшими его вотчину: «Путивльские места».

В Рыльске стал править воевода. Этот город стоял на краю Степного пространства, был предметом частых войн между Москвою и Литвою и центральным пунктом сторожевой линии на Польской и южной окраине, на случай нападений Крымцев и Ногайцев. Число служилых людей в Рыльске, *дворян и детей боярских* было сравнительно очень велико. Несомненно, что здесь установилось прочно и определенно высшее военное сословие. Сюда же стекались в значительном числе южно-русские выходцы, уходившие из Польского государства вследствие религиозного гнета. Эти выходцы уве-

личивали собой число служилых людей, образовавших впоследствии некоторые дворянские роды в Курском крае.

Что касается Путивльской области, то в самый мрачный период Монгольского ига мы не находим о ней каких-либо значительных исторических известий. Известно только, что она, подобно Рыльску, была во власти Польского государства. В 1500 г. Путивль был присоединен к Москве, именно воевода Иоанн Захарьин взял этот город у Литовцев и Путивльская область стала одним из многочисленных Московских владений.

Затем Путивль, так же, как и Рыльск, служил важнейшим окраинным городом Москвы, в нем была устроена каменная крепость, о которой упоминается в *записях* Маржерета. Над крепостью и областью начальствовал воевода, в распоряжении которого находились дворяне и дети боярские с казаками для охраны границ. Здесь, в бурях военных непогод, вырабатывался значительный класс служилых людей, образовавших высшее сословие, особенно в XVII веке.

Составляя часть Русского дворянского сословия, Курское Дворянство в значительной мере образовалось из служилого класса Московских Государей, в особенности со времени царствования Иоанна IV. В 1566 г. высший разряд служилого сословия Государь наименовал *дворянами*. К дворянству были причислены потомки прежних старших дружинников, земских бояр и удельных князей, поступивших на службу к Московским Царям. Дворяне в это время разделялись на три степени: 1) Московские дворяне, 2) жильцы и 3) городовые дворяне. Все знатные лица были Московскими дворянами, они владели землями в Московском уезде. Жильцами назывались лица, состоявшие на службе в Москве, но не имевшие в Московском уезде вотчин, городовыми дворянами – служившие в других городах.

Второй разряд служилых людей в царствование Иоанна IV, как и прежде, назывался детьми боярскими. Они во

многих отношениях пользовались одинаковыми с дворянами правами, но по службе они занимали младшие должности; так в военной службе они занимали должности голов сотников, десятников, иногда были простыми воинами[43]. Детей боярских было очень много в Курском крае и его городах, где они и получали поместья. Для них не был заграждён переход в высший разряд, он приобретался военною службою. К третьему разряду относились стрельцы, пушкари, затинщики казаки и др. Они могли быть из дворян, посадских или духовных, но не из крестьян и холопов. Из этих служилых людей составлялись полки, в которых головами назначались дворяне[44].

Областное управление, начальствование над городами и из уездами, бывшее при удельных князьях в руках представителей боярского сословия, теперь находилось в руках дворян, из них посылались наместники и воеводы.

Так как в истории Дворянства главное значение имела поместная система, то обратимся к ней. В княжеской Руси и в Московском Государстве искони утвердилось и существовало во всей своей силе правило, что один только Государь есть полный хозяин и вотчинник поземельной собственности на всем пространстве управляемой им территории и потому имения служилых людей считались не собственностью отдельных лиц, а жалованьем, данным от Государя за их службу[45]. Основываясь на этом, веками укоре-

---

[43] Яблочков. История дворянского сословия в России, VIII-ая глава.

[44] Служилым людям 3-го разряда давали землю, дворы, служба для них была обязательною. Для истории дворянского сословия они важны в том отношении, что из них образовалось сословие однодворцев, в которое в XVIII веке перешли многие дворяне, желая освободиться от службы или по ошибке при переписях. Последним в XIX веке дано было право доказывать свое дворянство и доказав, выслуживать его военною службою.

[45] Костомаров, Смутное время Московкаго Государства, Вестник Европы 1866 г., март, 21 стр.

нившемся праве, Московские Государи распоряжались землей следующим образом: отдавали ее служилым людям, с правом населять ее вольными и невольными людьми, или жаловали духовенству, или продавали богатым купцам.

Что касается вотчин, то в 1572 г. было определено, что пожалованные вотчины могут быть наследственными или нет, смотря по тому, как пожалованы они: одному ли только пожалованному лицу или вместе его детям, жене и роду. В первом случае по смерти владельца, вотчина отходила на Государя, во втором она далее внучатых (4-й степени) не наследовалась, а отбиралась на Государя.

Нужно сказать, что вотчинные права развивались неудержимо и получили широкое применение. По воцарении первого Государя из Дома Романовых Михаила Федоровича, вотчинное владение служилых родов утвердилось и с тех пор упрочивалось все более и более; вотчины переходили из рода в род и подвергались другим, чем поместья, правилам касательно распоряжения ими. Так в правление Государя Михаила Федоровича относительно наследования в вотчинах родовых и пожалованных было постановлено: вдовам после смерти бездетных мужей не давать вотчин, а давать их боковым родственникам; если после умершего вотчинника останутся дети, то вотчины отдавать сыновьям, а дочерям давать из поместий на прожитие, – но когда братьев нет, тогда и дочери вотчинам – вотчичи; внуки и правнуки после родных дедов и бабок с дядьями и тетками своими родными, в старых вотчинах – вотчичи.

Но кроме вотчин, принадлежавших Царским слугам, существовали еще в древней России *поместные земли*. Надо сказать, что основу войска составляли дворяне и дети боярские. Чтобы прикрепить их к военному делу и обеспечить, Государи давали им в поместье земли незаселенные или с вольным населением, которые представляли собой тот государственный фонд, из которого отводились земельные участки как служившим, так и вновь поступившим на

службу людям высшего класса в виде жалованья для временного их владения и пользования.

Поместья давались служилым людям для того, чтобы они могли содержать себя и по призыву Государя отбывать военную службу. Поэтому поместья давались только лицам, способным к этой службе. Когда у помещика сыновья достигали 18 летнего возраста, они верстались (записывались) в Государеву службу и приобретали право на поместный оклад. Они за это должны были, по первому требованию Правительства, лично отправляться в поход против неприятеля с оружием и запасами и приводить с собою конных и пеших ратников из своих холопей. Это личное обязательство военной службы было общим для всех членов служилого сословия и при том на всю жизнь. Продавать или отчуждать данную землю им воспрещалось. Как поместья, так и вотчины обрабатывались или самими владельцами или их крестьянами, имевшими, как известно, право свободного перехода, а потом прикрепленными к земле[46].

---

[46] Соловьев, т. ИХ, 386 стр.

Глава IV Дворянское сословие Курского края в XIV и XV веке

Путивльское и Рыльское дворянство под властью Литвы в XV веке. – Значение этого исторического явления. – Важная государственная служба дворянства Курского края при Царе Иоанне Грозном. – Личные, отчественные и фамильные имена и наименования дворян и детей боярских Курского края. – Особенности этих имен и наименований. – Переселение московских дворян в Белгородско-Курский край. – Значение бояр и дворян в XV веке. – Отношение дворян и детей боярских Курского края к завещанию Великого князя Дмитрия Донского. – Места древнейших дворянских поселений в Курском крае. – Деятельность Курского дворянства в XV веке. – Военное его служение отечеству. – Культурное значение помещичьего владения. – Города Курского края. – Население их жилецкими людьми. – Состав населения Курского края.

1.

Хотя Путивльский и Рыльский уезды, а следовательно и их Дворянства довольно долгое время находилось под властью Литвы, однако, это обстоятельство не отразилось на его верованиях, обычаях, нравах и преданности общей родине России. Когда Путивльская и Рыльская области были возвра-

щены Московскому царству, то дворяне как военное сословие стали верой и правдой служить Русским Государям. Дворянское население обеих областей осталось таким же русским, каким оно подпало под власть Литовских князей. Кроме того, нахождение Путивльско-Рыльского края в составе Литовского государства до известной степени избавило его от дикого и варварского владычества татар. Путивляне и Рыляне были преданы своему отечеству и в XV веке выделяли из своей среды переселенцев, которые мало-помалу занимали местности Курского уезда и водворялись здесь. При их участии и содействии был возобновлен Курск. Эта верность Государям и Отечеству засвидетельствована тем фактом, что Царь Иоанн Грозный, как увидим в следующей главе, Рыльским и Путивльским дворянам и детям боярским доверил важнейшее и существеннейшее дело: охрану пределов России на западе и юге, устранив от этого местных жителей Северского края, севрюков, которым раньше была вверена эта охрана. Возможен ли был бы такой факт, если бы, находясь под властью Литвы, Путивльцы и Рыляне, принадлежавшие к высшему военно-служилому сословию, изменили свои политические взгляды и стали бы «тянуть к Литве и Польше?» Нечего и говорить, что в подобном случае они не получили бы такого Государева доверия и в высшей степени ответственной службы.

Что в XV веке дворянское сословие выделилось из остального населения и было родовым, без всякого отношения к служебным иерархическим степеням, видно из тогдашних Русских летописей, где высшее сословие прямо противополагается сословию низшему – «черным людям». Дворяне назывались по имени и отчеству. Иногда к именам прилагались для отличия одних лиц от других какие-либо прозвания. Прозвания эти имели форму существительных или прилагательных качественных. От этих прозвания произошли имена, отчества и фамилии. Сыновья отцов, носивших такие прозвания, чтобы обозначить их происхождение от такого отца,

назывались прозванием отца, только в форме прилагательного притяжательного с окончанием на ов, ев, ын, ин, ской. Первоначально прозвания давались в самой семье, если в ней было несколько сыновей, если же был один сын, или если были сыновья, которые занимали какую-нибудь должность, то они не получали прозваний[47]. В исследовании М. Яблочкова в числе приводимых им примеров находим два, относящихся к дворянам Курского края. «У Федора Кошки четыре сына: Иван да Федор Болтяй, да Александр Беззубец, да Михайла Дурной. У Ивана сын Федор Брех.» В XVI веке один из потомков Александра носит фамилию Беззубцова, потомок же Ивана Иван Федорович носит фамилию Брехова. Оба они Рыльские дворяне, второй участвовал в избрании на царство Михаила Федоровича Романова и подписался под «Утвержденной грамотой». В конце XV века фамилии дворян встречаются все чаще и чаще, в XVI-м в среде Дворянства Курского края мы не находим дворян и детей боярских без фамилии, что ясно видно из писцовых книг, десятен, разборных строельных и других. В это время складываются дворянские роды; дворянское сословие в Курском крае крепнет, выделяется определеннее, к нему приливают представители дворянских родов Московской и других северных областей Русского Государства, переселяемых на службу в Белгородско-Курскую окраину владений Московских Государей.

Говоря об именах, отчествах и фамилиях дворян, мы должны остановиться на некоторых их особенностях, которые представляют собою исторический интерес. При этом мы коснемся этого предмета исключительно по отношению к дворянам и детям боярским Курской области. В древней Руси употреблялись очень часто имена и отчества, которые в настоящее время совершенно не употреби-

[47] М. Яблочков. «История дворянского сословия в России», 81-82 стр.

тельны. Еще наш историк Н.М. Карамзин отметил это. «Не только простолюдины, говорит он, но и знатные сановники, назывались даже в государственных бумагах Дружинами, Истомами, Хозяевами, единственно с прибавлением христианского отчества». – Н.И. Костомаров указывает на то, что несмотря на предпочтение духовного рождения плотскому, у русских долго было в обычае, кроме христианского имени, иметь еще некрестное имя. В XVI и XVII веках мы встречаем много имен, которые существовали вместе с крестным именем и употреблялись чаще последнего и в деловых бумагах, например: Первой, Злоба, Нехорошко, Дунай, Беляй и др. Даже священники в то время носили такие имена. Иногда было три имени: некрестное и два крестных – одно явное, другое тайное – известное только тому, кто его носил, духовнику да самым близким людям[48].

Профессор Н.Д. Чечулин, исследуя писцовые книги, нашел в них очень много некрестных имен. Такие имена встречаются в большом числе в среде дворян и детей боярских Курского края.

Кроме личных имен, встречаются такие, которые служат для обозначения отчества, например, Жуков, Уваров, Ершов. Вообще же от личных имен производились уменьшительные и ласкательные, встречаемые в большом количестве в десятнях, где недоросли обыкновенно называются уменьшительными именами: Неустройко, Нехорошко, Посничко и др. От весьма значительных изменений, которые допускались в крестных именах, получались такие имена, которые по звуку соответствовали каким-либо предметам, например, Елка – от Елисей и Палка – от Павел[49]. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в наименованиях

[48] Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа 1851 г. 225-226 стр.

[49] Профессор Н.Д. Чечулин. Личные имена в писцовых книгах. «Библиограф» 1890 года, №7-8-й.

дворян и детей боярских Курского края употребляются отчества от уменьшительных имен, например, от Ларя (Ларион) – *Ларин*, от Саша (Олександр) *Сашин*, от Гридя (Григорий) *Гридин*. Замечательно, что некоторые некрестные имена употреблялись исключительно служилыми людьми Курского края, другие имена у них общи и с неслужилыми людьми. Также надо иметь в виду тот факт, что некрестные имена женские встречаются крайне редко, наиболее употребительны полные и ласкательные имена женские, с окончанием на *ца*, например, Марьица, Софьица, Пелагеица, Ольгиньица и др.

В актах XVI столетия некрестные имена служилых людей встречаются во многих случаях, в XVII-м же веке они становятся более и более редкими. От некрестных имен образовались некоторые дворянские фамилии.

Приведем прежде всего те некрестные имена дворян и детей боярских Курского края, которые были употребительны только у служилых людей, а другие сословия их не употребляли: Добрыня, Бесчастной, Милен, Смирной, Широкой, Воин, Друг, Радя, Рудак, Сотник, Ширяй, Неугод, Гроза, Окат, Полил, Мешай, Наделяйко, Лихарь, Бауш, Первой, Курп, Неврюй, Опалша, Сунбул, Темир, Позняк, Суртома, Чур, Юмар и др.

Имена употребительные не в одном служилом сословии, встречаются следующие: Третьяк, Томило, Калинка, Соловей, Беляй, Кунай, Меньшой, Сургаш, Тонкой, Жаден, Погар, Злоба, Дружина, Емачко, Докучай, Любим, Редко, Ждан, Неждан, Нелюб, Ненаш, Несмеян, Неупокой, Неустрой, Бессон, Булгак, Малюта, Бурнаш, Мизин (Мезин), Ера, Озарко, Суморьян, Ратмир, Сугоняй, Щербак.

В виде отчеств употреблялись некрестные имена: Бобров сын, Недобров сын, Пинаев сын, Диков сын, Ломакин сын, Волокитин сын, Егунов сын, Правоторхов сын.

Что касается женских имен, то в Курском крае некрестные имена встречались следующие: Богдана, Богда-

ница, Голуба, Досадка, Духаня, Крестина, Купава, Некраса, Смиренка. Женские имена мы находим, главным образом, в писцовых и полоняничных книгах.

2.

Значение бояр и дворян в XV веке и задачу их государственной службы выразил в своем прощании с ними перед кончиной Великий Князь Дмитрий Донской. Он умирая велел подойти к себе боярам, стоявшим вдали в безмолвной горести, и сказал им:

«Вы есте обычаи мои и нравы знаете, пред вами родихся и возрастех, с вами царствовах, отчину свою великое княжение держах двадцать и семь лет, с вами на многия страны много шествовах, вами в бранях страшен бех, с вами великое княжение вельми укрепих, и мир и тишину княжению своему учиних, и державу отчины своей соблюдах, великую же честь и любовь к вам имех и перед вами города держах и великия волости. Вы были не боярами, а князьями земли русской. Теперь вспомните, что мне всегда говорили: умрем за тебя и детей твоих. Служите верно моей супруге и юным сыновьям, делите с ними и радость и бедствия».

Эти предсмертные слова Дмитрия Донского всецело восприняли и сообразно с их значением действовали и служили дворяне и дети боярские Курского края. Продолжая при преемниках Дмитрия Донского военно-боевую службу на защиту отечества, Курское высшее сословие в течение веков свято соблюдало завещание победителя татар Дмитрия Донского, оно в кровавых боях умирало за своих Государей, побеждая и отбрасывая все далее и далее от пределов России врагов и делило радость побед со своими Государями. В случае бедствий отечества, по зову Государей оно выставляло защитников против делаемых врагами России нападений.

Под московским владычеством, в особенности после победы Дмитрия Донского над Мамаем на Куликовом поле, так называемые Северские города начали возрождаться. На первое место стали: Путивль, Новгород-Северск, Рыльск, Брянск и Стародуб[50]. Вблизи этих городов проходил знаменитый рубеж с Литвою и Польшей. При запустении Курского края вследствие татарского погрома, часть населения служилого сословия перешла на Государеву службу в Московские области и возвратилась в него уже впоследствии.

Татары в XV веке заявляли свои притязания и на русские области, отошедшие к Литве. Хан Менгли-Гирей в начале XVI века «пожаловал» Литовского князя «Русской Окраиной», в том числе Рыльскою, Путивльскою и Курскою областью, которые татары, считая своими, называли *тьмами*, например, Курская тьма, Рыльская тьма и т.д., потому что ими в XIV и XV веках управляли татарские темники. Литовцы, разумеется, отражали татар, но на юг от Литвы и Руси степь принадлежала Крымскому хану. Ногайская орда также считала ее своим достоянием. Но то природное условие, что степное пространство в пределах Курского края имело по берегам рек большие леса, которые давали много средств для защиты поселенцам, оказало значительное влияние на заселение нашей области дворянским элементом: нужно сказать, что первоначальные дворянские селения на Курской территории почти все находились в лесах, здесь, и только здесь помещики – дети боярские находили для себя возможность так или иначе вести хозяйство и, по возможности, спасаться от опустошений диких кочевников. Берега рек Курской страны были теми первоначальными местностями, которые приютили у себя древнейшее дворянское население Курского края, здесь с XV и XVI века было его исконное пребывание в качестве поместных владельцев.

Главным местом пребывания и службы Курского Дво-

[50] Разрядные книги, том И, 190-192 стр.

рянства в то время были основываемые русскими Государями новые города, острожки и другие укрепленные пункты, охрана которых от опасных соседей вверялась прежде всего ратным людям дворянам и детям боярским. В стенах городов, на стенах и башнях этих укрепленных и населенных ими мест, держали они в своих руках защиту Отечества, выезжая отсюда в далекие степные сторóжи и разъезды также с целью оберегания Московской Руси.

Мы упомянули о заселении Курского края дворянским сословием, которое совершалось на основании получения от Государей поместий за службу. С Иоанна Калиты мы имеем положительные известия о раздаче поместий служилым людям. Великие Князья имели много земли, им, между прочим, уступали свои земли общины, они приобретали их покупкою, наконец, все земли, никому не принадлежавшие стали собственностью Государевой. Великие Князья, как мы сказали выше, раздавали своим служилым людям земли. Доход с полученных земель составлял жалованье за службу; пока служилый человек служил князю, он пользовался данным ему поместьем. Оставляя службу, он лишался поместья, которое возвращалось к князю и отдавалось другому служилому человеку, по усмотрению князя. Надо при этом сказать, что и вотчинники были обязаны служить. Вотчина служилого человека обеливалась его службою, иначе она делалась черною, тяглою, и вотчинник должен был платить за нее подати.

Великий Князь Василий Темный в 1433 году назвал все высшее сословие боярскими детьми, вольных княжеских слуг – дворянами, а наименование боярин стало означать чин, жаловать в который мог только Государь, за боярином следовали низшие чины – окольничий, стольник и другие.

Каким же образом и в каком состоянии после ужасов Татарщины выступило со своею деятельностью в XV и XVI веках высшее сословие Курского края? Выступление это весьма замечательно в том отношении, что оно было

основано на важнейших принципах государственного строительства: Курское Дворянство стало на страже охраны юго-восточных, южных и юго-западных пределов Государства против самых опасных и сильных врагов: Литвы и Польши, Крымских, Ногайских и других татар, калмыков и воровских черкас (казаков). Охраняя вместе с низшими служилыми людьми эти границы в продолжение более 200 лет, Курские дворяне не были только их охранителями. Вследствие беспрестанных нападений врагов разных национальностей и званий, они должны были вступить в вековую борьбу с ними, быть воинами непрерывно сражающимися решительно во всех родах и видах войны: *в крепостях,* где выдерживались осады и бились на стенах, валах и башнях городов, делая вылазки, *в поле,* где разыгрывались большие и малые битвы с неприятелями и где дворяне преимущественно сражались в качестве передовой конницы, *в партизанской войне*, выступая отдельными отрядами, ища и поражая врагов при всяком возможном случае... Понятия дворяне и дети боярские стало и было до XVIII века синонимом воинов. Выражение: «послать вперед дворян и детей боярских» было равносильно выражению: послать лучшие части конных войск. Это была главная военная сила городов Курского края, которую нередко слали в самый огонь боя, как наилучшую конницу, какою только могли располагать Царские воеводы. Эти воины должны были схватываться с самой опасной, отчаянной и первой в мире по безумным натискам и другим военным качествам татарской конницей.

Мы упомянули о том, что дворяне и дети боярские выступали на сцене исторической жизни в стенах и на стенах укрепленных городов и острогов, но мы должны сказать еще и о том, что эти города, остроги, валы и другие укрепления были сооружены их силами, начиная от выражаемой ими, по поручению Правительства, идеи военной организации и оканчивая тяжелою земляною работою. Силу мысли они проявляли в своих советах Правительству

как люди, сведущие, относительно устройства их Белгородской военной черты, на которой, как известно, в XVI и XVII веках был сооружен и впоследствии развит ряд укреплений разнородных типов, но имевший в виду одну цель – защиту Государства. Совета и указаний дворян Правительство спрашивало, и они подробно, обстоятельно и целесообразно указывали на то, где именно и как устраивать укрепления и осуществлять другие способы государственной защиты. С другой стороны, когда дело доходило до устройства городов, валов, острожков и проч., дворяне и дети боярские Курского края нередко выступали в качестве строителей их, являлись в лице своих представителей военными инженерами, которые должны были устраивать города таким образом, чтобы они отличались наибольшей силой сопротивления враждебным натискам. В случае обветшания укреплений, на дворян и детей боярских возлагались исправление и обновление их. Только в конце XVII века по особому челобитью Курчан – детей боярских дозволена была Правительством починка Курской крепости руками наемных рабочих, но и то под наблюдением детей боярских. Таким образом дворяне и дети боярские Курского края кроме участия во всех государевых войсках в качестве отборной конницы, участвовали в постройке новых городов, устройстве крепостей и укреплений, и кроме того охраняли еще важнейшие границы своего Отечества от нападения врагов. Из дальнейшего нашего изложения читатели увидят, что вследствие назначений дворян и детей боярских Курского края на разные Государевы службы, начальствующие лица – воеводы постоянно указывают на недостаток и скудость в числе дворян и детей боярских и стараются всеми мерами о том, чтобы увеличить, если то представлялось возможным, их число.

Кроме того, дворяне и дети боярские описываемого нами края еще действовали в исторической жизни России как заселители степного края, поселяясь с семействами в поместьях и привлекая на эти поместья крестьян, так что

пустынный и дикий край мало-помалу стал населяться и впоследствии сделался даже многолюдным.

Населяя его, дворяне и дети боярские являлись носителями и насадителями культуры, как члены самого культурного слоя общества. В этом, конечно, заключалась их нравственное влияние на население и на условия его жизни. Тем более станет нам ясной заслуга дворянского сословия в Курском крае, когда мы будем иметь в виду, что заселение нашего края и внесение в него культуры совершалось под большой военной грозой, которая то и дело разражалась над Курской страною и губила начинавшиеся ростки сельскохозяйственной и другой культуры, губила самих насадителей ее и их семейства… Но любовь к Государю и Отечеству, к оседлой зажиточной жизни, к своей родине, которая находилась недалеко от степи с ее полукочевой казацкой жизнью с бездомничеством гулящих людей, которые бороздили в разных направлениях Курскую страну, были теми прочными побуждениями, которые вели помещиков, дворян и детей боярских к одной великой цели – государственного строительства. Каковы были переживания тогдашнего Дворянства, мы можем видеть из слов историка Н.И. Миклашевского, который говорит: «Население края прожило в такой деятельности один век, но за это время пережило целое тысячелетие»!..

К изложению этой военно-боевой и культурной жизни дворян и детей боярских Курского края мы приступаем в следующих главах.

3.

В половине XVI столетия было два ряда городов в степной окраине Московского Государства. Внешний, крайний ряд шел с востока от города Алатыря и заканчивался на западе Рыльском и Путивлем. В особенности выдавался по своему значению Путивль. Это был единственный

каменный город[51] на Южной окраине Московского Государства. Рыльск и Путивль были центральными пунктами военной стражи детей боярских и станичников, разъезжавших отсюда далеко в степи. Сюда обыкновенно являлись выходцы из Литвы, желавшие поступить в службу Московских Государей. В 1596 году в состав пограничной линии пошел Оскол. «Того же году, сказано в Никоновской летописи, царь Федор Иоаннович посла воевод своих со многими ратными людьми, они же шедьше поставиша на степи городы: Белгород, Оскол, Валуйку и иные городы; и насади ратными людьми, и казаками, и стрелцами и жилецкими людьми». В 1597 году был возобновлен Курск и населен служилыми людьми. Для нашей цели – следить за историческими судьбами высшего сословия в нашем крае, имеет большое значение упомянутый здесь разряд: «жилецких людей, в виду того, что «жильцы» – в Московском Государстве представляли собою лиц, принадлежавших к высшему сословию. До учреждения регулярного воска они несли военную службу. Когда, например, образовалась пятнадцатитысячная конная Царская дружина, то в состав ее вошли не только дворяне, но и жильцы. Вообще о «жилецком разряде» служилых людей надо сказать, что он выделял из себя тех лиц, которые впоследствии получали разные чины при Царском дворе.

После Путивля важное значение заняли города: Курск и Белгород, которые были наполнены военными людьми. С построением Курска стало усиливаться значение так называемой *польской*[52] украйны, а при Государе Михаиле Федоровиче Белгород сделался центром степной окраины Московского Государства. В устраиваемые города много служилых людей назначалось в распоряжение воевод: здесь были *дворяне, дети боярские*, станичники и вообще все разряды служилых людей, которые составляли тогдашнее

[51] То есть, крепость Путивля большая каменная.

[52] То есть, степной.

войско. В 1601 году в Осколе был князь Жировой Засекин, а с ним 1705 человек ратных людей, в числе которых *выборные дворяне*[53], дети боярские и казаки. «Выборные дворяне» и дети боярские служили в Царской рати. Так, например, при Иоанне IV, когда Крымский хан внезапно осадил город Тулу в июне 1552 года, то Государь велел выступить из Коломны собственному войску, которое состояло из дворян и жильцов, или *выборных* детей боярских. Для объяснения названия и значения их припомним, что в древней России каждый город имел своих помещиков и вотчинников. Около Путивля, например, по замечанию профессора Д.И. Багалея, находились обширные вотчины разных лиц уже в XVI столетии; они заходили в пределы нынешней Харьковской губернии.

Замедление в заселении Курско-Белгородского края сказалось в эпоху Смутного времени, но со вступлением на престол первого Государя из Дома Романовых – Царя Михаила Федоровича опять и в сильной степени это заселение возобновилось. Михаил Федорович, очистив центральные области и окраины Государства от поляков, литовцев и воровских черкас, тем самым *много сделал для умиротворения южного края России;* вся его деятельность была направлена именно на это. Устройство городов пошло своим чередом: в Курской области были основаны в 1638 году – Короча, в 1640-м Хотмыжск.

Нападения татар продолжались и особенно обрушивались на Оскольский, Белгородский и Курский уезды[54]; ясный знак того, что здесь существовало много богатых поместий и вотчин, которые татары, после нападения на города, обыкновенно грабили. Правительство Михаила Федоровича по этому поводу приняло ряд новых мер для защиты от

[53] Выборные дворяне, или дворяне – выбор составляли одну из высших степеней дворян.

[54] «О сторожевой, станичной и полевой службе», исследование Беляева.

татар. К обсуждению этих мер в качестве сведущих людей были привлечены служилые люди на степной границе, в том числе Оскольские дети боярские. Таким образом дети боярские выступили ближайшими советниками в столь важном государственном деле, какова была охрана границ. После этих мер не только Курский, но и Белгородский и Оскольский уезды стали пользоваться гораздо большей безопасностью, чем то было прежде. Когда был устроен еще новый более южный город Чугуев, то часть детей боярских из Курска и Белгорода перешла в него. Как тяжела была служба этих Курских детей боярских, вследствие набегов татар, видно, например, из того факта, что в 1643 году, после набега татар, опустошавших в этом году и Курский уезд, Чугуевский воевода писал, что бóльшая часть его служилых людей лежат в больницах[55]. И, разумеется, не в этом только одном случае тяжкá была военно-боевая служба дворян и детей боярских...

Население Курского края в XVII веке состояло из служилых людей, крестьян здесь было очень мало. Это неудивительно вследствие того, что в то время, когда крестьяне пользовались правом свободного перехода, они едва ли могли иметь желание селиться в местностях, где часто были военные действия, мирному поселенцу жить здесь было трудно. Только в конце XVIIII и в XVIII веке крестьяне стали стекаться в Курский край, когда здесь появилось значительное количество крупных помещичьих владений.

По содержанию своему служилые люди разделялись на кормовых и поместных, имевших за службу свою поместья. Правительство давало земли не только дворянам и боярским детям, но и другим служилым людям, как усадебные, так и пахотные. Давались земли на поместном праве. Больше всех получали земли дворяне и дети боярские, но в Курском крае меньше, чем в центральных

[55] Архиепископа Филарета. Историко-статистическое описание Харьковской епархии IV, 48-50 стр.

областях. Московские дворяне получали по 150, 120 и 100 четей земли, а Курские по 50 четей. В 1637 году запрещено было боярам и дворянам Московским обменивать свои поместья для того, чтобы дворяне-украинцы не могли переселяться в центральные области. По исследованию профессора Д.И. Багалея, поместная система владений была господствующей, чтобы не сказать исключительной в степной окраине Московского Государства, следовательно и в Белгородско-Курской области.

В Курском крае уже в XVII веке начали селиться черкасы[56], которые получали от Правительства поместья. Курские черкасы в момент своего поселения в 1639 году получили значительные земли. Из них атаманы, есаулы, сотники и другие высшие чины мало-помалу образовали высшее поместное сословие, послужившее источником позднейшего местного Дворянства.

Из приведенных нами сведений есть возможность, говоря вообще, проследить начало и основу Курского Дворянства, в значительной его степени, в тех высших элементах служилого сословия, которое наполняло нашу обширную Курско-Белгородско-Путивльскую область и в ней, равно как и в сопредельных с нею краях, сослужило Московскому Государству, а, следовательно, и России великую и важную службу в борьбе с татарами различных орд, литовцами, поляками, калмыками, ногайцами и другими неприятелями. Получая поместья за свою службу, дворяне, дети боярские и другие чины: рейтары, драгуны, а у черкас – атаманы, сотники, есаулы, казаки и проч. Основали на окраине Московских владений прочное земельное устройство и внесли в край, справедливо именовавшийся «Диким Полем», свет культуры и гражданственности, а также развитие тех занятий, которые составляют удел цивилизованного населения.

---

[56] Малороссийские казаки.

Глава V Царствование Иоанна Грозного

Дворянское сословие в XVI веке. – Воеводы, наместники, губные старосты. – Служилые люди. – Служба и поместная система. – Установление сторожевой, станичной и разъездной службы Курских дворян и детей боярских. – Военные подвиги Путивльских и Рыльских дворян. – Приговор Боярской Думы о жаловании им. – Расписание Донецких сторож и стоялых голов. – Характер татарских набегов. – Устройство Оскольских сторож. – Участие дворян Курского края в боярском совещании. – Станичные головы Путивльского уезда. – Роспись разъездов Рыльских и Путивльских станиц детей боярских. – Новое постановление о военно-боевой службе детей боярских.

1.

В царствование Иоанна Грозного высшее служилое сословие – бояре и дворяне имели большое значение в управлении Государством. В руках бояр была сосредоточена вся высшая администрация, они были начальниками приказов. Областное управление находилось в руках дворянского сословия. Наместники, а потом воеводы посылались из служилых людей, начиная с бояр и кончая дворянами первой статьи. Эти дворяне принадлежали к так называемым большим боярам, которые присутствовали в Боярской Думе. При Иоанне IV воеводы понемногу сменили наместников. Сперва вое-

водами назывались наместники украинских[57] городов, как имевших военное устройство, потом воеводы стали посылаться во все города. Они имели право суда над жителями, сбирали подати и пошлины, им принадлежал полицейский надзор. При Царе Иоанне IV в суде и управлении они были ограничены выборными земскими старостами, губными старостами и др. Служилые люди, как и прежде, владели вотчинами и поместьями. В царствование Иоанна IV поместья раздавались очень щедро, но раздача их приняла более правильный характер. Были введены оклады. Оклад бояр, окольничих и дворян первой статьи был 200 четвертей, дворян второй статьи – 150 четвертей, третьей статьи – 100. Началось уравнение вотчин и поместий в отношении службы, между службою и поместьем была тесная связь: служилые люди отставлялись от службы только за старостью и болезнями, на их место назначались в службу их сыновья, внуки. Когда у служилого человека «поспевали сыновья в службу», то есть, когда достигали 18 лет, то они или припускались к отцу в поместье, или жаловались поместьем в отвод от отца. Вдовы пользовались своим участком до смерти, пострижения, или выхода замуж. Помещики могли полюбовно меняться своими участками под условием, «чтобы эта мена была равна, а Государевой службе и податям убытка при этой мене не было бы».

Служба для дворян при Иоанне Грозном была обязательна, они должны были привести с собою в обыкновенный поход со ста четвертей земли вооруженного человека на коне и в полном доспехе, а в дальний поход «о дву конь». Для бóльшего порядка по службе устроен был Разряд, в котором ведались все служилые люди. Каждый дворянин 15-летняго возраста должен был являться в Москве в Разряд, а в городах – к местному воеводе для записи своего имени в список служилых людей.

Из дворян и приводимых ими людей составлялось вой-

[57] То есть, окраинных, лежащих на окраинах Государства.

ско. У Иоанна IV в Казанском походе было 150,000 войска, а в Ливонскую войну 300,000. Кроме дворян, и детей боярских войско составлялось еще из одних детей боярских, которые разделялись на городовых или полковых, и станичных или сторожевых. Они размещались по украинским городам. Для них был составлен устав станичной службы в 1571 году боярином князем Михаилом Ивановичем Воротынским. Наряд на службу делали украинские воеводы, а с 1577 года эти наряды стали делаться в Разрядном приказе.

В царствование Иоанна IV обращает на себя внимание весьма важный факт в истории служилого дворянского сословия Курского края. Хотя все Дворянство в Московском Государстве имело одно государственное значение и несло одну службу на пользу своего Отечества, тем не менее в это время выделяются по своим государственным заслугам из общей дворянской среды следующие Дворянства: Московское – как столичное, приближенное к Государю и составлявшее центр Русского Дворянства, а за ним окраинное Белгородско-Курское Дворянство, несшее с честью ответственную и в высшей степени важную службу для защиты южных пределов Отечества от врагов. Эта служба происходила и в городах и уездах нашего края: Путивле, Рыльске, впоследствии Курске, Белгороде и других городах Белгородской черты и часто удостаивалась «милостивого слова» Государей, посылаемого обыкновенно воеводам для передачи военно-служилым дворянам и детям боярским и другим ратным людям. Вот как говорит об этом профессор Павлов-Сильванский[58].

«При Иоанне Грозном и Федоре Иоанновиче, в связи с постепенным расширением Московского Государства в южных и юго-восточных степях, на юг и восток от реки Оки, *получают особенное значение дворяне и дети боярские окраины Государства*, так называемой польской Украйны в качестве военного населения края. По мере движения в

[58] «Государевы служилые люди», 108 стр. и след.

степь Правительство увеличивало состав дворян и детей боярских переводом из центральных местностей, верстало лучших и отличившихся на службе казаков в дворянские чины. Иоанн Грозный в 1571 году организует Украинскую сторожевую службу, возлагая ее на помещиков пограничных уездов».

Условия службы и защиты Отечества были очень тяжелы, каждую минуту можно и должно было ожидать врагов. В 80-х годах XVI века особенно были укреплены города польской Украйны Московского Государства. На благоприятной плодородной почве быстро возникают военные селения помещиков, что мы замечаем в особенности в Курском и Воронежском крае. Помещики, создавшие на Диком Поле ряды мелких поселений, выбирают займища под пашню и покосы, устраивают усадьбы. Военно-служащее сословие состояло в ведомстве Разрядного приказа, который верстал детей боярских, распределяя их по статьям. Поместный же приказ испомещал детей боярских и наделял их землею.

Иоанн IV, предпринимая Ливонскую войну, был в особенности озабочен, чтобы южная граница, близкая к Польскому королевству, была хорошо защищена. По его указу, князь Михаил Иванович Воротынский вызвал многих детей боярских станичных голов, станичников и вожей, которые выезжали в поле из городов Путивля, Рыльска и др. После совещания с ними, Воротынский установил систему сторо́ж и разъездов и порядок службы военного сословия. При этом разъезды были установлены из Путивля и Рыльска. Курск был, по воле Государя Федора Иоанновича, укреплен сторожевыми воеводами Иваном Полевым и Нелюбом Огаревым и заселен ратными людьми. В конце же XVI века начато было устройство и укрепление Белгорода воеводами – князьями Андреем Волконским и Михаилом Ноздреватым.

Уже в царствование Иоанна IV-го ратные люди городов Курского края, Путивля и Рыльска прославились военными

подвигами. В 1556 году из Путивля, под предводительством воеводы Ржевского, вышел отряд Путивльских дворян, детей боярских с казаками и они отправились воевать татарские и турецкие земли по Днепру. Другой отряд из Путивля же, под предводительством детей боярских Даниила Чулкова и Ивана Мальцева пошел по Дону, он достиг крепости Азова и разбил встретившихся с ним татар. Отряд же Ржевского, соединившись у Канева с Черкасами (Малороссийскими казаками), прошел до Ислакерменя и проявил такую отвагу, что взял приступом сильную Турецкую крепость Очаков, где Путивльцы набрали множество военной добычи, а потом, отбившись от Синтаков и Тягинцев, благополучно возвратились в Путивль.

2.

На военное служилое сословие в Курском крае, где, как мы знаем, после татарского разорения существовали два города – Путивль и Рыльск с их уездами, в 1571 году по повелению Иоанна Грозного была возложена новая обязанность, которую и стали нести местные дворяне, дети боярские и казаки. В 1571 году состоялся боярский приговор о назначении, вместо севрюков, Путивльских и Рыльских детей боярских служить на Донецких сторо́жах, имевших громадное значение для защиты Московского Государства от татар и ногаев. В приговоре было сказано[59]: «А посылати на Донецкия сторожи детей боярских – Путивльцев и Рылян. А служити с поместий и посадских земель, да с денежнаго жалованья, а которые земли у посадов в Путивле и Рылеску, и теми землями приговором их верстати, а давати им те земли в поместье потому ж, как и Рылянном. А Путивльцев приговорили верстати на зиму в 80 году[60]. Сто-

[59] Московская книга Степенная.

[60] То есть, в 7080 – 1572 году.

рожи – первая меж Псла и Ворскла, а вторая меж Псла и Семи на Крыгинах речках, третья на Скале у Белые Вежи – из Путивля». Из Путивля ж вверх по Семи должны быть от Путивльских и Рыльских детей боярских и стоят ближния сторожи, которые и прежде выполнялись ими. Эти сторожи были следующие: первая на Мокашевичах, вторая на Рассохах, третья на усть-Зимовья, четвертая – Белых Берегов. На этих сторожах и разъездах несли службу Путивльцы. Рыляне же служили на своих сторожах, именно на Семи – Пневицах, вторая сторожа была на Корыже. В том же боярском приговоре было распределено, где стоять станичным головам, а также установлен порядок службы Путивлян и Рылян по выжиганию поля, то есть, степи.

В царствование Иоанна Грозного в 1576 году состоялся доклад и боярский приговор о выдаче денежного жалованья дворянам и детям боярским Путивльцам и Рылянам. В этом докладе было изложено следующее: «84 года[61] дети боярские, за которыми поместья по 100 и 200 четвертей и больше того, наперед имали Государево жалованье через год, а поместьями они и денежным жалованьем были не верстаны, а в прошлом 83-м (1574) году по Государеву указу были поверстаны, а деньги им тогда не даны в Путивле и Рыльске. Первая статья поместья по 300 четьи, денежного жалованья – по 12 рублев, вторая – поместья по 300 четьи, денежного жалованья по 11 рублев, третья – поместья по 200 четьи, денежного жалованья по 10 рублев, четвертая – поместья 150 четьи, денежного жалованья – 8 рублев, пятая – поместья 140 четьи, денежного жалованья по 7 рублев. Всех дворян и детей боярских Рылян и Путивльцев было 160, денежного жалованья им следовало выдать 1508 рублей». О выдаче этих денек били челом Государю Иоанну IV Путивльские и Рыльские дети боярские.

«Сего докладу, сказано в Московской книге Степенной, боярин Никита Романович Юрьев да диак Василей Щел-

[61] То есть, в 1576 году.

калов слушали и приговорили: Путивльцом и Рыляном денежное жалованье дати сполна и по приговору боярина Никиты Романовича Юрьева и диака Василея Щелкалова дано сполна, а вперед[62] приговорили: справливаясь с диаки (дьяками) поместному приказу и ссылаясь с ними памятьми (памятными записками), и будет (если) которые дети боярские Путивльцы и Рыляне с большой и средней статьи по окладом (окладам) испомещены сполна и тем приговорили давати Государева жалованья еж год (ежегодно)».

Следовательно, в царствование Иоанна Грозного служилое сословие Курского края, кроме местной службы, должно было служить в Донецких степях на сторожах. Сторожевая служба их простиралась в пределы юго-восточных степей, в местности теперешней Харьковской губернии. Это мы видим из Государевой грамоты князю Еникееву о сторожах, относящейся к 1577 году. В ней было сказано: «Сторожи Донецкия, а стеречи на тех Донецких сторожах по княж Михайлы дозорю князя Тюфякина да Матвея диака Ржевского детем боярским Рыляном по приговору с поместей да с денежного жалованья с Путивльцы (Путивльцами) с одного, а с вестьми им бегати в Путивль и Рылеск, с которой сторожи в которой город ближе».

Скажем подробнее о тех сторо́жах, которые были местом военно-боевой службы дворян и детей боярских Курского края, где они проводили большую часть своей жизни, затрачивая свою энергию и свои способности для возможно лучшего исполнения возложенных на них Государями обязанностей, и на которых должны были *стеречи* Русскую землю. Из описания этих сторож мы ясно увидим все значение деятельности дворян Курского края в период объединения и укрепления Московского государства.

До 1571 года на окраине Московского государства было 73 сторожи, которые разделялись на разряды[63]. Донецкий раз-

---

[62] Т. на будущее время.

[63] Проф. Д.И, Багалей. Очерки из истории колонизации степной украйны. 91 стр. и след.

ряд сторож обслуживался Рыльскими и путивльскими служилыми людьми. Они находились в обширной степи и далеко как от Рыльска и Путивля, так и от других городов степной окраины Московского Государства, и отстояли друг от друга на полдня, на день, а иногда и на два дня конного пути и более. При этом надо иметь в виду, что сторожи находились в постоянной связи между собой, а не оставались изолированными. Деление сторож на разряды зависело от большей или меньшей их удаленности от границы Московского царства со степью. В этом отношении *первый разряд* сторож был самым крайним по направлению в степи, более всего выдвинутым на юг ее. В первом разряде было семь донецких сторож. Первая находилась на юго-запад от Курского края, между реками Коломаком, впадающим в Ворсклу, и Межом, впадающим в Северский Донец. Здесь проходил знаменитый Муравский шлях. Эта местность была покрыта дремучими лесами. В настоящее время она относится к Валковскому уезду Харьковской губернии. От Рыльска и Путивля первая сторожа отстояла на четыре дня конного пути, иначе сказать – в расстоянии более 300 верст. Проезжаемый служилыми людьми, – дворянами и детьми боярскими пространства между Путивлем и Рыльском и Донецкими сторожами, где берет начало множество рек, например, Олешня, Снагость, Грунь, Боромля, Ворскла и др., – были покрыты лесами, болотами, ненаселенны и пустынны. Служилым людям не приходилось ездить по Муравскому шляху, потому что от речки Мерчика он круто поворачивал на северо-восток и даже не пересекал реки Сейма. На *Коломацкой стороже* стояли дворяне и дети боярские из Рыльска и Путивля в равном числе. Они должны были наблюдать за пространством в одну сторону на 25 верст, до устья речки Мерчика, впадающей в Мерль, а в другую – на 30 верст по речке Межу, до впадения Водолаги, – всего, следовательно, около 60 верст. Следующая сторожа называлась Обышкинская, она находилась там, где *Книга Большого Чертежа* указывает Абышкин перевоз (в

теперешнем Змиевском уезде), ниже речки Гомольши, на которой стояло Каменное Городище. Находившиеся на *Обышкинской стороже* дворяне и дети боярские ездили вверх по Донцу до устья реки Водолаги, где оканчивались разъезды первой сторожи, на 30 верст, а вниз по Донцу на 15 верст. Так как Обышкинская сторожа была еще южнее Коломацкой, то конный путь сюда из Рыльска и Путивля был еще продолжительнее.

Третья сторожа – *Балаклейская* – была юго-восточнее и находилась при впадении реки Балаклеи в Северский Донец (теперь в Змиевском уезде); разъезды отсюда были вверх по Донцу до Шебалинского перевоза, на 15 верст, и вниз до Савинского к Каменному Ярку. Савинский перевоз по *Книге Большого Чертежа* находился в четырех верстах от *Каменного колодезя*. Наблюдение служилых людей простиралось вниз по Донцу также на 15 верст. Четвертая сторожа называлась *Изюмскою*, откуда было наблюдение до Савинского перевоза и вниз, до устья реки Оскола, на полтора дня пути. Эта сторожа была вблизи Изюмской сакмы. Пятая сторожа находилась у *Святогорского монастыря*. Вверх по Донцу станичники являвшиеся сюда из Рыльска и Путивля, разъезжали до устья Оскола, приблизительно на 15 верст расстояния, а вниз – до устья реки Тора (Торца), на 30 верст. Шестая сторожа – *Бахмутская* – была на устьях реки *Черного Жеребца*, левого притока Донца. Отсюда ездили вниз по Донцу, до устья реки Боровой, протекавшей в своем нижнем течении параллельно с самой восточной татарской сакмой – Калмиусской. Для достижения устья Боровой необходимо было проехать не менее дня. Наконец, седьмая сторожа – *Айдарская* – была расположена при впадении реки Айдара в Донец. Эта сторожа достигала крайнего восточного предела бассейна реки Донца и отстояла от Рыльска на 450 верст и от Путивля на 430. Это расстояние показывает, как далеко от родины происходила служба дворян и детей боярских Путивльско-Рыльского края и какие опасные места обслуживались ими вблизи центра татарских кочевищ.

Таким образом, все указанные сторожи, кроме первой, были расположены по реке Донцу, так что захватывали все его течение, без промежутков. Разъезды происходили по левой стороне реки Донца, так как она была низменная и представляла степь, по которой кочевали татары; здесь-то и приходилось следить за ними.

Невольно, – говорит после перечисления сторож профессор Д.И. Багалей, – *поражает нас громадное расстояние*, на которое были удалены от своих городов – Путивля и Рыльска – донецкие сторожи. Неудивительно, что сторожевая служба считалась очень трудною и опасною; крайние разъезды детей боярских отстояли на 400 верст от Рыльского и Путивльского уездов. Впрочем, для некоторого обезопасения донецких сторож были устроены более близкие к Путивлю и Рыльску разъезды. Было 7 ближних путивльских сторож и 3 рыльских. Они были расположены в пределах Курского края.

Нельзя не отметить того факта, что после осмотра сторож князем Тюфякиным и дьяком Ржевским было сделано новое их распределение. *Коломацкая* сторожа была переведена к верховью реки Ольшанки, притока реки Уды (в Харьковском уезде). Это было сделано потому, что к Коломаку приходили каневские черкасы и громили сторожу. На новых местах ратные люди ездили по Муравскому шляху на день пути и вверх по реке Уде до Оленьего брода на 30 верст. Для доставления вестей бывшие на сторожах дети боярские должны были проскакать громадное протяжение между реками Пслом и Ворсклой, переправиться где-нибудь через первую реку, а потом направиться к Рыльску или Путивлю. Вторая сторожа была перемещена на реку Гомольшу. Отсюда ратные люди ездили к берегам реки Орели, а укрывались от степняков в лесах по реке Межу. Стало быть, 2-я сторожа приблизилась к Муравскому шляху для наблюдения за этим любимым путем набегов татар. Айдарская сторожа была упразднена, потому что крымцы около нее не ходили, но раз-

езды Бахмутской сторожи теперь должны были достигать до устья Айдара.

Еще дальше сторож простирались разъезды путивльских и рыльских станичников – дворян и детей боярских. Первая станица ездила из Путивля к верховьям реки Самары, находившимся недалеко от реки Тора (в местности около города Славянска). Из этого обозначения, видно, какое громадное расстояние захватывал разъезд 1-ой станицы. Путь ее был таков: из Путивля к верховью реки Бобрика, а оттуда к реке Суле. Переправившись через Сулу – с верховьев реки Груни ко Пслу, переехавши Псел – на Кубенскую могилу; затем, переправившись через реки Ворсклу, Мерл и Коломак у Коломенского городища, ехали полем по Муравскому шляху до верховьев рек Водолаги и Берестовой, вниз по Донцу до Святых Гор, потому же вверх по Торцу до верховьев реки Самары. Переехав Торец, станичники возвращались тем же путем в Путивль.

Гораздо далее ездила 2-я путивльская станица – к реке Миусу, на пограничье земли Войска Донского. Выехав из Путивля, ратные люди ехали до реки Псла и переправлялись через него у Липецкого городища (возле него находится теперь город Сумы), а затем ехали к верховью реки Боромли, вниз по Боромле до Ворсклы, в Лосицах переправлялись через эту реку, а приехав к р. Мерлу, ехали полем к *Змиеву кургану* и Донцу. Переправившись на ногайскую сторону этой реки, ехали вниз по ее течению до р. Жеребца, а потом переезжали крымскую его сторону между реками Бахмутом и Жеребцом, ехали вверх по Бахмуту к девяти курганам, которые находились в верховьях р. Миуса. На девятом кургане, крайнем от Миуса, была большая яма, в которой росли терн и бозовое дерево. Под этим курганом лежал Царев шлях, которым крымский хан ходил к Астрахани. Крайним местом разъезда путивльских детей боярских был дуб, росший у истоков Миуса, на котором был насечен крест.

Третья станица отправлялась из Рыльска к верховью

реки Орели (в нынешнем Змиевском уезде, Харьковской губ.). Из Рыльска ехали на Карпово строжевье (где потом был устроен город Карпов) и по берегам Ворсклы до Грайворона и на верховья р. Мерчика, оттуда к верховьям рек Водолаги, Орчика, Берестовой, Гомольши, Чепели и, наконец, Орели. Здесь осматривали «признаку2, положенную князем Тюфякиным и дьяком Ржевским на дубу, на котором были написаны год, месяц, число и имена князя Тюфякина и дьяка Ржевского.

3.

Нечего и говорить, что при разъездах детям боярским и вообще ратным людям – необходимо было зорко следить за татарами, которые пускали в ход всевозможные хитрости, для того чтобы обмануть станичников. Часто татары, сидя на лошадях, старались так пригибаться к их спине, что в некотором отдалении казалось, будто в степи пасутся одни лошади.

Набеги татар были зимние и летние. Первые обыкновенно отличались более грозным характером, вторые предпринимались в гораздо меньших размерах, под предводительством какого-либо мурзы. Для того, чтобы скрыть свое движение от воинов, говорит Боплан[64], которые делают постоянно разъезды по степи, это движение идет обыкновенно по лощинам; ночью татары не разводят огней, высылают постоянно вперед удальцов, для того чтобы захватить «языка»[65]. Все татарское войско – на конях; мало того, у каждого татарина имеется еще по две запасных лошади, для того чтобы сложить на них потом добычу или, в случае необходимости, спасаться бегством. «Не столь часты деревья в лесу, – как татарские кони в поле, их

[64] Д.И. Багалей, 90 стр. и след.

[65] Пленника, у котораго узнавали о неприятелях.

можно уподобить туче, которая появляется на горизонте и, приближаясь, более и более увеличивается. Вид сих легионов наведет ужас на воина самого храброго. Татарские кони, которых называют бакематами, способны переносить почти невероятные трудности; они в состоянии проскакать без отдыха 20 или 30 миль; в случае преследования татарин, несясь во весь опор, перескакивает с усталого коня на заводного, прежний конь начинает скакать с правой стороны своего хозяина, чтобы тот, в случае нужды, мог снова перескочить на него. Здесь одинаково достойны внимания и ловкость татарина и сообразительность его лошади». Татары не брали с собой обоза. Они были так выносливы, что могли в течение 4-х дней не есть и делать все необходимое. С такою-то грозной конницей должна была бороться дворянская военная сила Курского края.

Кроме сторож и разъездных станиц, были назначаемы еще особые стоялые головы для наблюдения уже за сторожами и разъездами[66]. Эти стоялые головы в свою очередь рассылали станицы по следующим направлениям. Первый голова из Путивля стоял под Муравским шляхом на реке Мерле, разъезды от него направлялись в правую сторону между Орчиком и Коломаком по Кончаковскому шляху на один день пути. Для переезда на нижние шляхи станица ехала к Днепру, к устью реки Орели, отстоявшему на 4 дня пути от Мерла; налево разъезды шли до Соленых озер на три с половиною дня пути, при чем станичники переезжали Муравский, Обышкинский, Шебалинский, Савинский и Бирюцкий шляхи.

Другой голова стоял у Соленых озер, против реки Береки, на левой стороне Донца. От него станицы ездили первая на правый берег Донца, к верховьям р. Орели, в продолжение полутора дня; вторая – вниз по Донцу до устья р. Айдара, на два дня езды. Если же Государь приказывал переезжать и нижние шляхи по реке Донцу, кото-

[66] Д.И. Багалей. 97 стр. и след.

рыми ходил крымский хан, то нужно было ехать к устью Айдара, а оттуда на Астрахань через реки Явсюг и Деркул, до Глубоких ям; пути туда было семь дней (от Рыльска и Путивля расстояние было более 600 верст). Третий голова в случае надобности посылал свою станицу к верховьям рек Торца, Миуса и Бахмута, на расстояние почти четырех дней пути.

Первый рыльский голова стоял на верховье Ворсклы. От него одна станица ездила к Кончаковскому шляху, на 2 дня пути; в случае надобности доезжала до Днепра, на 6 дней пути. Другая станица ездила через Муравский шлях к верховьям рек Везелки и Угрима, потом через Люботин и Вязовой колодези к Донецкому и Хорошеву городищам, отсюда – к верховьям Берестовой и Орели. Здесь станичники должны были осмотреть Муравский шлях и признаки. Путь сюда брал 3 дня. Другой голова стоял под Муравским шляхом у Водолаги. Одна из его станиц ездила к устью Орели, а другая на верховья речки Чепели; отсюда – к верховьям Самары и обратно к Водолаге. На эту езду надо не менее четырех дней пути.

Мы несколько подробнее остановились на описании путей станиц, разъездов и сторожей потому, что они отлично характеризуют нам сущность службы дворян и детей боярских Курского края в степи.

Эта служба Путивльских и Рыльских дворян и детей боярских не исключала службы у себя на родине, где надо было «стеречи» Русско-Литовскую границу. Там и здесь, военно-служилые Путивльцы и Рыляне проливали кровь свою в неравных боях со врагами. За службу свою, засвидетельствованную ратоборством, кровью и смертью, они получали поместья и жалованье Государево, подавая свои челобитные Государям. Сохранились в архиве Министерства Юстиции[67] челобитная, доклад и боярский приговор 1577 года о выдаче денежного жалованья беспоместным детям боярским Пу-

[67] Московского стола № 1-й.

тивльцам и Рылянам. В этом докладе было изложено следующее:

«Лета 7085-го (1577-го) били челом Государю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси дети боярские Путивльцы и Рыляне поместные и беспоместные о Государевом денежном жалованьи, чтобы их Государь пожаловал своим Государевым жалованьем. И бояре – князь Иван Федорович Мстиславский с товарищи да диак Василей Щелкалов, выслушав челобитную Путивльцев и Рылян детей боярских, в выдаче денежного жалованья отказали до 88 (1580-го) года, а безпоместным приговорили: Государево денежное жалованье дати по указу, какой указ последовал в Поместном приказе и выписати кто из них испомещен и кто нет. По выписи оказалось детей боярских поместных 69 человек, да и те испомещены по окладом (окладам) не сполна, иные вполы, иные в третий и четвертый жребий; иным дано на усадища[68] не по многу, а неиспомещенных 99 человек, а денежного жалованья иметци (имеется) им дати в их оклады 877 рублей».

«Память» была отослана в Большой приход[69] и деньги по памяти взяты сполна и Путивльцам и Рылянам беспоместным в их оклады сполна. «Путивльцы и Рыляне – боярские дети, находившиеся в то время в Москве, получили здесь свое жалованье, а тем, кто проживал в Путивле и Рыльске оно было послано с сыном боярским Московского уезда с Григорьем Лободимским и с Путивльцами и Рылянами – с Фомою Бедаревым с товарищами. Лободимский в обоих городах раздал жалованье и «книги, что кому дано, и записи поручня в Государевой службе на детях боярских к Москве привез и отдал в Разряде».

Трудна была служба рыльского и путивльского военного сословия дворян и детей боярских на сторóжах, в ста-

[68] Слово «усадище» означает усадьбу.

[69] Приходная государственная или Царская казна.

ницах и разъездах, между прочим, и потому, что крымские татары и ногайцы всеми мерами старались о том, чтобы находить новые тайные пути для того, чтобы проникать в пределы Московского государства. Профессор И.Д. Беляев говорит об этом так: «крымцы всюду преследуемые сторожами, высылаемыми из городов Московской украйны, прокладывали новые пути, но сторожа отыскивали эти дороги (сакмы) и доносили Московскому Правительству, которое принимало свои меры. Таким образом, в последние годы царствования Иоанна Грозного, открыта была новая дорога крымцев через Кальмиус и Донец под Гребенниковыми горами между реками, из которых одни по правую сторону впадают в Дон, а по левую в Донец[70]. Для обсуждения этого вопроса в 1571 году были собраны в Москве к князю Воротынскому путивльские и рыльские станичные головы, которые показали, что нужно усилить сторо́жи на Осколе Усть-Убли и на Донце усть-Богатый Затон. Так как Путивль, Белгород и Оскол, впоследствии получивший имя Старого Оскола, были опорами на котором базировалась Белгородская охранительная черта, то мы остановимся несколько подробнее на службе и ее условиях военно-служилых людей дворян и детей боярских на Осколе.

По совету станичных голов был поставлен стоялый острожок в четырех верстах от теперешнего города Старого Оскола на Осколе-Усть-Убли, Убля же впадала в Оскол с левой стороны несколько южнее реки Оскольца. Таким образом на крайнем востоке Путивльско-Белгородско-Курского края был начат *дозор* за юго-восточным рубежом. Усть-Ублинский острожок существовал в течение 15 лет, исполняя свое назначение. Когда в 1574 году вновь назначенный начальником сторожевой службы Никита Романович Юрьев многие острожки, сделавшиеся известными крымским и ногайским людям уничтожил или перевел

[70] «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украйне до Царя Алексея Михайловича» И.Беляева.

в другие места, то Усть-Ублинский оставил неприкосновенным и стоялому голове, начальствовавшему над детьми боярскими и казаками велел посылать разъезды по-прежнему. Боярин Никита Романович Юрьев так искусно расположил разъезды голов, что они охватывали все пути крымцев и сносились беспрестанно друг с другом.

Через три года после этого, когда по указу Царя Иоанна Грозного были произведены новые перемены в сторожевой службе, Усть-Ублинский острожок не только не был тронут, но даже усилен более вооруженными детьми боярскими, которые верстались, кроме денежного, еще и земельным жалованьем, «дабы людям бесконным не быть и для пользы Государева дела иметь добрых коней». Но еще более стала важною и ответственною служба детей боярских в Усть-Убле, когда станицами Курских военно-служилых людей была открыта вновь проложенная татарами Калмиусская дорога, подходившая к истокам рек Котла и Убли. Созванные по этому поводу боярином Юрьевым станичные головы Курского края сказали, что если не стоять стоялым головам на Осколе Усть-Убли, то и дорогу ту новую Калмиусскую уберечь нельзя.

В 1678 году на первую смену в Усть-Ублинский острожок был назначен стоялым головою сын боярский Богдан Дашков, который и прибыл на Усть-Убли 22-го апреля. Проверив детей боярских и казаков по списку, присланному из Москвы, он немедля послал первую станицу, за нею чрез 2 недели другую, затем третью и так далее Кроме того он ставил на ближайших сторо́жах по 4-6 человек детей боярских, да с ними по 2-4 человека для разъездов. Дашков со своими военно-служилыми людьми пробыл до 22-го июня и был сменен стоялым головою Михайлою Есковым, который чрез 3 месяца в свою очередь был сменен своим товарищем и т.д.

Во второй год существования Усть-Ублинского или Оскольского дозора, был произведен по распоряжению боярина Воротынского поджог южных степей на огромном,

пространстве. Этот страшный пожар, начавшийся осенью разливаясь всепожирающим пламенем, коснулся и Оскольского края, но не дошел до Усть-Ублинского острожка.

Дворяне и дети боярские вместе с казаками служили на Усть-Убле до 1586 года. В этом году средоточие местной сторожевой власти перешло довольно далеко на север в город Ливны, лежащий на Муравском шляху. Впрочем сторожевая служба детей боярских не прекратилась, станицы и сторожи по-прежнему посылались в Усть-Ублинский округ. Так было семь лет. В 1593-м же году, по указу Государя Федора Иоанновича основывается новый город Оскол, на устье реки Оскольца, первоначальное население которого составилось из ратных людей¸ *дворян, детей боярских полковой и станичной службы*, стрельцов, пушкарей и др. В это время в окрестностях Оскола еще не было поселений, не было даже и признаков жилья на далекие расстояния от города.

Как увеличилась *строгость дисциплины в службе дворян и детей боярских* во время Царя Иоанна IV-го, можно видеть из того, что ежегодно наместники и воеводы доставляли в Разряд подробные росписи всем сторожам и станицам, бывшим в продолжении года. В расписании отчетливо были показаны все приезды на службу, с означением, кто сколько дней был в дороге и на какой срок явился в назначенное ему место и кто его сменил и когда.

Такую пограничную службу несли предки путивльского, рыльского и оскольского Дворянства, а впоследствии и других Дворянств Курского края, за что были жалуемы от Государей поместьями на свое содержание. Из Московской Степенной книги и актов Московского стола, а также разрядного приказа[71] видно, что эта служба поистине была запечатлена кровью и смертью ратных людей. Как увидим ниже, иногда татары вырезывали и избивали целые разъездные станицы, но на их место немедленно являлись новые, а по уездам и городам созывались новые силы дворянской конницы.

[71] Акты эти хранятся в Архиве Министерства Юстиции.

4.

Рассмотрим же теперь, что должны были исполнять на ратной службе Путивльцы и Рыляне как в царствование Иоанна Грозного, так и в последующее время.

Еще в 1571 году князь Воротынский был назначен по Царскому повелению ведать станицы и сторо́жи Московской Украйны. Государь приказал своему боярину́ князю Михаилу Ивановичу Воротынскому «ведать станицы и сторо́жи и всякие свои Государевы польские службы. В городы: в Путивль и на Тулу, и на Рязань, и в Мещеру и в иные украинные городы и в Северу послати по детей боярских по письменных по станичных голов и по их товарищев указал (Государь) а ездить из Путивля, Тулы, Рязани, Мещеры на поле к розным урочищам и которые преж сего езжали за десять или за пятнадцать лет и велел всем им бытии в Москве из ближних городов в тот же день по Крещенье Христове, а Путивльским две недели спустя по Крещенье Христове. Да и того осадным и станичным голова́м велел сыскивати, которые будут дети боярские в станице и на сторо́жи не ездят за старостью и за увечья или за которое иное дело, а наперед того езживали или будет которые дети боярские и в полону были, а ныне из полону вышли, и всех тех сыскав велел прислати к Москве часа того на те ж сроки»[72].

Когда они явились, то Воротынский расспросив их о том, как бы Государеву станичному делу быть прибыльнее, велел написать приговор. В том же 1571 году по приказу князя Михаила Ивановича Воротынского установлен был строгий распорядок станичной, сторожевой и разъезжей службы. Не излагая всего распорядка, как имеющего специальное значение, мы, тем не менее, остановимся на главнейших его чертах, чтобы хотя несколько, в виду отсутствия других

[72] Московская книга степенная № 1-й. Архив Министерства Юстиции.

подробных источников, характеризовать значение и свойство службы предков Дворянства Курского края. В приговоре, между прочим, сказано: «стеречи бережнее и стояти с конь не сседая, ездити направо и налево, станов не делати, а огни класти не в одном месте, коли каша (кашу) сварити, и тогда огня в одном месте не класти дважды, а кто в каком месте полднивал, и в том месте не ночевать, а кто в каком месте ночевал, и в том месте не полднивать».

Далее в порядке сторожевой службы сказано, что подстерегши воинских людей[73], станичники должны были отправлять их в украинные города, а самим ездить по сакмам. Если увидят воинских людей, то посылать вести не от одного места, а от разных мест и не к Путивлю и Рыльску, а куда к городам ближе. Для детей боярских станичников необходимо было иметь коней добрых, «а нечто которую станицу разгонят[74], и на тое место станицу другую послати, которой за которою доведется рядом по росписи ехати, а по иные станицы тотчас грамоты послати, и сроки им по тому ж расписати, с которого числа доведется. А в Москве от Царя в Путивль к наместникам или воеводам писати грамоты ежемесяц и посылати станицы по тем местом (местам), откуда которые князь Михаил Иванович Тюфякин да диак Ржевской, которым Иоанном Грозным было приказано заведывать украинскими службами, в том числе и рыльско-путивльскою, пошлют, куды станицам ближе ходити из Путивля ли или из Рылеска, чтоб однолично посылали станицы на поле с тех сроков, которые в приговоре писаны. А которые станицы татары или ногаи возьмут или разгонят, посылати станицу рядом

[73] Разумеется – татарских или ногайских.

[74] То есть, татары, которые, как видно из актов Московского стола, успевали иногда внезапно напасть на сорожи, станицы и разъезды, избивали ратных людей, брали в плен, продавали в рабство, иногда до последняго человека.

и писать Государю Иоанну Васильевичу, когда наместники станут отпускати станицы».

В том же 1571 году князь Тюфякин и дьяк Ржевской были посланы головами досмотрити (наблюдать) от Крымской стороны. После досмотра сторо́жей они, изучив прежнее состояние сторожевой службы, составили новый устав, который самым точным образом определял станичную службу. Из него видно, какую тяжелую жизнь вели в степях станичники. «Они, – говорит профессор Д.И. Багалей, главным образом, должны были заботиться о том, чтобы определить, конечно приблизительно количество неприятеля, для этого пользовались всякими признаками. Ездил один сторожевой атаман по реке Торцу и видел много огней и слышал прыск и ржанье лошадей… не доехав двадцати верст до Северского Донца, увидел пыль великую, а по сакме казалось ему, что было неприятелей 30,000 человек. Значит, огни, фырканье и ржанье лошадей, пыль, следы копыт – все это служило признаками для станичников».

К тому же времени относится касающийся Курского края боярский приговор о том, как давать детям боярским «проезжее и изрон». «Лета 7079 марта в 6-й день, – сказано в этом приговоре, – бояре князь Иван Дмитриевич Бельской, да князь Михаил Иванович Воротынской и все бояре приговорили: путивльским станичным головам, которые ездят из Путивля на поле, давать проезжее по 4 рубля, а детям боярским, которые ездят с ними в станицах, тем детям боярским давать проезжаго по 2 руб. человеку по прежнему обычаю, а за изрон[75] по воеводской отписке и ценовым спискам платити вполы».

Из этого акта видно, что хотя устройство полевой службы от Крымской стороны последовало в 1571 году, но путивльцы и рыляне гораздо ранее несли эту службу, что свидетельствуется выражением «по прежнему обычаю».

Из росписи сторож, на которых служили дворяне и

[75] Ущерб, убыток, потеря.

дети боярские нашего края, мы видели, что на Донце их было семь[76]. «А быти, сказано в росписи, на тех Донецких сторожах из Путивля да из Рылеска, а стояти с головами, переменяясь по статьям, которые будут дети боярские в дозорщиках в одной статье голова – сын боярской доброй, да с ним сын боярский ж, а на сторожу 42 человека в одну статью, а во второй статье голова и дети боярские по тому ж, итого их на три статьи 132 человека. А посылают на те на семь сторож из Путивля да из Рылеска в головах по сыну боярскому да на всякую сторожу по сыну боярскому, да со всяким сыном боярским по три человека севрюков. А опосле первой статьи на другую и на третью детей боярских и севрюков посылати по тому ж. Детям боярским, которые ездят в головах и в сторо́жах, дают жалованье по книгам».

Но этим не ограничивалась военная служба Путивльцев и Рылян, им нужно было делать разъезды. Выше мы указывали конечные пункты этих разъездов в степях. На Донецких станицах назначалось росписью ехать до Святых гор, переехати Самарский верх[77] и отсюда поворотити на Путивль. Ездить же далее не было назначено потому, что вверх по реке Самарии и Орели князь Михаил Иванович Тюфякин да диак Ржевской быти не успели, потому что прибежал сторож и сказал, что пошел царь Крымский на Государевы Украйны и они поспешили к украинским городам для Государева дела. А тот проезд писали выпрашивали атаманов путивльских и рыльских Саввы Сухорукова да Степана Суковкина[78]. Из Путивля ездити к верху – к Тору и Миюсу до его верховья, до Бахмутовых столпов на гряду[79] прямо, а с тое гряды видети девять курганов,

[76] Седьмая сторо́жа была Айдарская, впоследствии упраздненная.

[77] То есть, место истока реки Самары. Арель – река, настоящее теперь имя Орели.

[78] То есть, роспись разъездам сделана по совещанию с атаманами или головами.

[79] Гряда – цепь гор или холмов.

а на 9-м кургане – яма великая стать в ней до 10 человек на конех. Из Путивля разъезды были до устья Псла и до Днепра и до устья Ворсклы, также по шти (шести) детей боярских, которые остались от других служб[80].

В 1577 году станичные головы и станичники дворяне и дети боярские и других чинов ратные люди, били челом Иоанну Грозному о жалованье за станичную службу о проезжем и изроне и о зимнем жалованье, так как летнее ими уже было получено. По приговору бояр Государем было даровано им жалованье «в одноряд для их нужи и зимняго проезду».

Когда в 1577 году Правительством было сделано распоряжение о том, чтобы детей боярских Путивльского и Рыльского уездов на польскую службу распределяли не воеводы обоих городов, как было прежде, а дьяки Разряда, то было, кроме того, постановлено: «А детей боярских с головами, выпрашивая лутших людей, кого на польских (полевых) службах станет в правду, а не по недружбе, а дважды бы детей боярских вряд на польскую службу не посылати, разве для великия нужи будет переменити их некем или по их охоте».

Это постановление имеет особый интерес. Из него видна забота Правительственной власти о том, чтобы, на сколько то возможно, уравнить тяжесть службы военного сословия, чтобы воеводы не обижали детей боярских отправляя их из Путивля и Рыльска не в очередь – «по службе». Для этого предписан способ опроса лучших людей, которые не захотят кривить душою и скажут сущую правду. Затем, запретить дважды кряду посылать на полевую службу Правительство было вынуждено тем обстоятельством, что ранее такая служба практиковалась. Наконец, в данном постановлении можно видеть то, что Путивльцы и Рыляне до

[80] Этот факт свидетельствует о такой интенсивности службы рылян и путивлян – детей боярских, что их оставалось в поместьях очень немного.

такой степени были заняты службою, что иногда и переменить их было некем.

Новое постановление о службе детей боярских было сделано в 1580 году. По указу Царя Иоанна Васильевича боярин Никита Романович Юрьев и дьяк Щелкалов приговорили о путивльских станицах – «ездити вперед (впредь) в станичных головах детем (детям) боярским добрым с больших статей с 400 и 500 четьи, которым бы людем в таком *великом деле верити*, а товарищам голов ездити в середних статей со 100-150 четей, которые были бы конны и *собою молоды и резвы* и просужи[81], а которые ездили с малых статей, тех оставити в полку, в рядовой службе, чтобы в станичной службе, – в худых ездоках[82] порухи не было».

Этим постановлением был несколько видоизменен порядок службы в том отношении, что ответственные должности начальников отрядов (голов) были предоставлены исключительно великопоместным дворянам и детям боярским Путивльского и Рыльского края. Целью этого изменения, очевидно, было желание Правительства ставить во главе важного государственного дела – охраны границ – наиболее выдающихся по величине своих поместий и земельному цензу помещиков. К концу XVI века охрана южных и юго-западных границ именно в местности Курского края приобретает особенную важность. Она передвигается сюда с севера, чем объясняется устройство по Курскому краю впоследствии *Белгородской черты* и нового ряда укрепленных городов, естественно поведшее за собой заселение нашего края военным служилым сословием, которое было родоначальником Курского Дворянства в других уездах теперешней Курской губернии. Центр тяжести охраны и защиты границ переместился сюда и, разумеется, на

[81] То есть, старательны.

[82] То есть, от худых ездоков.

долю высшего сословия выпала тяжелая и в высшей степени важная служба еще на долгие годы.

Сообщим имена особенно замечательных своею деятельностью в царствование Иоанна Грозного станичных голов и детей боярских, которые в 1577 году были для совещания вызваны в Москву. Из Путивльского края были Василий Тимофеевич Панютин, Николай Данилович Панютин, Гавриил Дмитриевич Кульнев, Семен Иванович Безобразов, Семенко Гавриилович Исупов, Петр Иванович Жуков и Офонасий Ондреевич Тютчев.

Итак во второй половине царствования Иоанна IV Курский край стал заселяться все более и более. Во главе населения как мы видели, стояло, по своей государственной службе Дворянство, которое в то время, как это видно из тогдашних актов, называлось преимущественно детьми боярскими. Такое наименование принадлежало служилым людям Курского края. Будучи представителями высшего класса окраинных городов, они стали, по указу Иоанна с 1558 года получать постоянное жалованье, так как в указе этом было сказано, что Государь «бояр, вельмож и всех воинов устроил кормленьем и праведными уроками, кто чего стоит, а городовых в четвертый год, иных же в третий год денежным жалованьем». Это правило было применено в 1558 году и к служившим ратную службу детям боярским Путивля и Рыльска, из которых, смотря по службе, одни получали денежное жалованье в четвертый, другие в третий год.

Глава VI Дворянское землевладение в Курском крае в XV и XVI веке

Древнейшие законодательные акты о землевладении дворян, о вотчинном владении при Великом Князе Иоанне III. – Утверждение форм землевладения в Путивльско-Рыльском крае. – Судебник Иоанна Грозного. – Подмосковные поместные оклады. – Боярский приговор 1581 года. – Продажа порожжих земель и ее значение для Курского края. – Жалованные грамоты за Московское осадное сидение. – Порядок восстановления жалованных грамот. – Ценность покупаемой из казны земли и право распоряжаться ею. – Помещичьи крестьяне, наймиты и холопы, значительность бегства крестьян и холопов и причины этого явления. – Поместье и поместник.

1.

За время, предшествующее царствованию Иоанна Васильевича Грозного, мы имеем немного законодательных актов, которые касаются прав дворянского землевладения. В княжение Великого Князя Московского Василия Дмитриевича между 1389 и 1425 годом был издан указ давать суд о землях и водах не далее пятнадцати лет. Этим законом вносилось более определенное отношение к земле и устанавливался новый принцип владений ею.

При Великом Князе Иоанне III между 1462 и 1505 годом указом устанавливался возможный случай выкупа данной по душе в монастырь вотчины дворянского земле-

владений, следовательно владение дворянской землей со стороны монастырей являлось уже более или менее условным фактом. В *Судебнике* 1497 года находится статья «О землях суд», в которой определяются сроки давности для ведения процессов о земле и о наследовании по закону.

Поземельные владения служилых людей состояли из вотчин и поместий. Вотчина была белая земля, с которой вместо оброка владелец нес службу. Вотчины считались полною собственностью владельца, они были у служилых людей, монастырей, торговых гостей. Только по *Уложению* Государя Алексея Михайловича запрещено было владеть вотчинами лицам не дворянского сословия. Крестьяне не имели частной поземельной собственности, но в описываемом нами периоде времени они имели личную свободу и движимую собственность.

Вотчины служилых людей были родовые, выслуженные, купленные у казны или других лиц. Уже в XV веке, судя по сохранившимся от того времени юридическим актам, гражданский быт был довольно развит. Вотчины покупались, продавались, менялись и тому подобное.[83]

Что касается Курского края, то *Путивльская* и *Рыльская* области, а отчасти и *Курская* (в тех местах, где сохранилось ее население) в XV веке также, жили гражданской жизнью. В царствование внука Польского короля Ольгерда – Казимире IV (1440-1492) эти области входили в Новгород-Северское княжество при Князе Василии Ивановиче Шемяке. То же было и при преемнике Казимира. В это время православные жители уходили из Литвы и населяли Курскую область, принося сюда уже развитой общественный быт. С XVI столетия присоединение Рыльского, Путивльского и Курского края к Московскому Государству привело и к утверждению в нем всех форм Московского дворянского землевладения.

Родовыми вотчинами, а также купленными (до 1679 г.)

[83] История дворянского сословия Яблочкова 120-121 стр.

владелец мог свободно распоряжаться по духовному завещанию, только в случае отказа вотчины на монастырь, членам его рода представлялось право выкупа этой вотчины. По *Судебнику* Иоанна III дети наследуют тогда, когда владелец не сделал духовного завещания, при чем не делается различия между родовою и приобретенною землею. Государи Иоанн III и Василий III ограничили право служилых князей распоряжаться своими вотчинами. Относительно выслуженных вотчин права распоряжаться ими определялись жалованными грамотами: иногда права давались полные, иногда только известного рода, иногда вовсе не определялись. Жалованные грамоты выдавались иногда в пользу самого лица пожалованного, его детей, жены и рода, иногда с исключением рода и жены, иногда в пользу одного пожалованного лица. В жалованных грамотах Великого Князя Василия III писалось только, что тот, кому вотчина за службу дана, и дети его, и внучата вольны, но права их не были обозначены.

Относительно дворянского землевладений *Судебник* Царя Иоанна Грозного дает две статьи: одна «Суд о землях поместных» и другая «Суд о вотчинах» и закон о наследовании земли. Первая из них повторяет статью *Судебника* 1497 года: «О землях суд». Вторая же представляет самостоятельную статью, где говорится о продаже, выкупе, закладе и мене вотчин[84].

В отношении основных черт вотчинного владения *Судебник* 1550 года узаконил: 1) стеснения в праве распоряжаться вотчинами, 2) глубокое различие между «куплей» и вотчиной, т.е. вотчиной купленной и родовой и 3) право наследования по закону земель дочерями и родом. *Судебник* не затрагивает вопроса об отдаче вотчин в монастырь по душе, не упоминает ни о вотчинах княжеских ни о выслуженных, ни о вымороч-ных. Однако надо иметь в виду, что в то время законодательные установления заменялись жалованными грамотами, которые определяли объем вотчинных

[84] В.Н. Сторожев, «Указная книга поместнаго приказа».

или поместных прав и кроме того сам *Судебник* был дополняем Царскими указами. Со времени царствования Иоанна III стало развиваться поместное землевладение, что, несомненно, повело к стеснению прав распоряжения вотчинами. Однако влияние поместной системы на вотчинное владение нельзя признать главною и единственною причиною видоизменения последнего. Оно являлось лишь отражением насущных государственных потребностей, – потребностей внешней обороны, которые остались не без влияния на образование самой поместной системы. Обращаясь в данном случае к Курскому краю, который в XVI веке, главным образом был заселен в своей северо-западной части, мы можем сказать, что он именно был краем внешней военной обороны, и поэтому в нем так значительно развилась поместная, а не вотчинная система землевладения. Стремление к сохранению боевой готовности служилых людей – дворян и детей боярских в начале в Путивле и Рыльске, а потом и в других городах Курского края, а отсюда и стремление к непереходу земельной собственности в неспособные для военно-боевой жизни и деятельности руки служили побуждением к постепенному приближению вотчинного землевладения к поместному. Если в XVI и XVII веках служба дворянского земельного сословия была в Курском крае по тогдашнему справедливому выражению *кровию и смертию*, то поместная система давала возможность Государям вознаграждать дворян и детей боярских по их заслугам.

В 1551 году состоялся соборный приговор, в котором воспрещалось владельцам некоторых городов продавать свои вотчины *инородцам*, без доклада Государю. В число этих городов Рыльск, Путивль и Курск не вошли. Князьям Ярославским, Суздальским и Стародубским было запрещено продавать вотчины сторонним людям мимо вотчичей, без доклада Государю. Мы упоминаем здесь об этом постановлении местного характера потому, что в царствование же Иоанна Грозного, в 1572 году оно было распространено на все области, в том числе и на Курскую.

В 1551-м же году Царским указом было запрещено продавать вотчины монастырям без доклада Государю. В том же указе воспрещено было некоторым князьям без доклада Государю продавать свои княжеские вотчины мимо своих вотчичей или отдавать их в монастырь по душе. К тому же приблизительно времени относится указ о правах распоряжения купленными и родовыми вотчинами бездетных владельцев. Важное значение для Курского края, в котором было очень большое число детей боярских, имел указ о поместных окладах детей боярских. В связи с ним находится указ 1556 года о равномерном для целей службы наделении служилых людей землей и о нормальном размере службы с каждых 100 четей поместной земли.

Этим указом осуществлялось возможно равномерное распределение земель. В нем можно видеть перемены в распределении владений поместною землею и первую попытку установить соотношение во владении одним лицом поместною и вотчинною землею. «Которые вельможи и дети боярские[85] многими землями завладали, а службою оскудевшие, не против Государева жалования и своих отчин в службах бывают. Государь же им повелел в поместьях землемерием уверстати и учинити кому-ждо что достойно, а излишки разделити не имущем».

«Что достойно» – значит согласно с чином вельможи или сына боярского и величиною размера вотчинной земли.

Следующие указы Иоанна Грозного касаются: 1) 1557 года августа 5-го о праве обжалования оценки вотчины, отдаваемой по духовному завещанию в монастырь и о размере платы за лес и рощи при выкупе вотчин вообще и 2) 1558 года января 1-го о порядке взыскания по закладным на вотчины и о льготе по уплате с 7066 по 7071 год[86].

Указ важен тем, что он узаконивает способ уплаты процентов на занятый капитал. Соборный приговор 1581 г.

---

[85] Сказано в указе Иоанна Грознаго 1556 года.

[86] Т.е. с 1558 по 1563 г.

безусловно запретивший приобретение монастырями вотчин имеет не меньшую важность. В соборном приговоре по этому поводу сказано: «Земельные угодья за монастырями в пустошах изнуряются, многая же и в запустение приидоша и *воинственному чину от сего оскуденье приходит велие*». Это суждение на Собор было вполне справедливо и вполне же относилось к Курскому краю, который в царствование Иоанна Васильевича требовал от своего населения воинственного духа и воинственного чина, а также и впоследствии в течение почти двух веков. Статья Судебника 1550 года о наследовании установила: 1) исключение в наследовании сестер при братьях, 2) допущение к наследованию дочерей, без братьев, 3) допущение к наследованию рода умершего вотчинника за неимением у последнего детей.

2

Мы знаем, что владение землею должно было соединиться с службой Государевой и при том личной, как сказано в одной из жалованных грамот 1556 года[87]: «а служат они с тех своих деревень мою Цареву и Великого Князя службу сами своими головами» и что Государство прежде всего заботилось, чтобы в его распоряжении было как можно более служилой земли. Дочь, получившая после отца вотчину, должна была отнять у Государства часть этой земли, но это устранялось тем, что эта дочь-наследница могла отбывать службу своими людьми. Это правило давало возможность дворянкам как всего Московского царства, так и в числе их Курского края, нести военную службу, хотя и посредством выставляемых ими ратных людей.

Указ 1572 года вводит новое понятие заслуженной вотчины (вотчины Государского данья) и резко отличает ее

[87] «Указная книга поместнаго приказа», изд. Московского архива Министерства юстиции, 18 стран.

от старинной (родовой) вотчины. Вотчина Государского данья в случае смерти лица, получившего ее от Государя, следует всякий раз условиям жалованной грамоты, которые могли быть далеко не одинаковы. Но раз эта грамота утеряна, то вотчины Государского данья не получает по наследству даже родной сын умершего.

В царствование Иоанна Грозного в законодательстве были ясно различены поместья подмосковные и *городовые*. Одни и те же лица, в одно и то же время, владели теми и другими поместьями, если только они служили в Москве. Чины думные, московские, и из *городовых выборные, имели раз навсегда определенный* поместный подмосковный оклад, каков бы ни был их оклад городовой. В числе дворян Курского края было довольно много дворян Московских чинов, например, в Курском уезде: Карп Гордеевич Мезенцов, Аким Алексеевич Малышев, Петр Герасимович Анненков, Максим Иванович Каменев, Ульян Григорьевич Постоев, Иван Митрофанович Виденьев и др. Городовые же дети боярские имели десятипроцентный подмосковный оклад с их поместного городового оклада. Нормы городовых окладов разных городов, в том числе и городов Курского края, в XVII веке различались по чинам, по местностям и по качеству службы каждого дворянина. Эти оклады в Курском крае, равно как и в других, видоизменялись топографически, хронологически, по чинам и по заслугам[88]. Сведения относительно окладов городов Курского края помещены в десятнях, которые, по отзывам ученых исследователей, представляют драгоценный источник для изучения разных сторон истории дворянского землевладения и положения служилого сословия. Десятни же городов Курского края приведены нами ниже, из них и можно видеть нормы окладов служилых людей.

[88] «Указная книга Поместнаго приказа», ст. В.Н. Сторожева, 150 стр. и 152.

Приговор 1581 года считается одним из замечательнейших в истории законодательства о землевладении. В ходе его главную роль играли потребности внешней обороны, а отсюда заботы о *боевой годности* дворянской военной силы, которая покоилась на земельных отношениях. От правильности этих отношений зависело, в значительной степени, совершенство боевой готовности этой силы. В Соборном приговоре 1581 года, между прочим, было сказано: «*Собрахомся* в преименитом граде Москве... от належащаго варварского ради прещения от Турского, и от Крымского, и от Нагай, и от Литовского короля, с ним же совокупишася ярым образом Полша, Угры, Немцы Лифлянские и другие Свейские». В виду таких обстоятельство требовалось все земли удерживать для военных людей и военных целей.

При Иоанне Грозном твердо установился тот порядок, что прожиточные поместья вдовам и дочерям девицам обыкновенно давались из поместий мужей первых и отцов последних. Точно также дозволено было сдавать свои поместья родственникам людьми старыми и отставленными от службы в виде припускания младшего к отцу в поместье. Эти узаконения при Иоанне Грозном имели особое значение для украинных городов, в том числе для Курского края в виду беспрерывной военно-боевой службы порубежников дворян и детей боярских, убиваемых и раненых в битвах, нападениях и отражениях неприятелей. Сдача поместий в нашем крае имела большой смысл для потерявших здоровье и трудоспособность на боевой службе дворян и детей боярских, а также вдов и сирот-дочерей, утративших воинов-отцов, а нередко и матерей, влекомых в жестокий плен хищными ордами. Выше мы видели в Соборном суждении 1581 года опасливое упоминание о враждебных громадных силах Турского султана, Крымского хана, Ногаев, Литвы, Польши, «совокупившихся между собою *ярым образом*». И вот первые удары, удары самые сильные и грозные обрушивались на украинные города и

главным образом на ту *юго-западную* со стороны Москвы часть Государства, которую представлял собою Курский край в его Рыльском, Путивльском, Курском, а впоследствии и в других уездах. Как на ключ к овладению Москвой бросались на этот край многочисленные враги, а его военное служилое сословие доблестно отражало напор и натиск вражеских усилий. Но для Курских порубежников, кроме того, необходимо было оберегать его «добрым стережением» против коварных и опасных неприятелей. *Постоянная разведочная и сторожевая служба* в мирное время была уделом военно-служилого сословия. Станицы, сторо́жи, разъезды в отдаленные, глухие и полные опасностей места степей составляли круг службы дворян и детей боярских и представляли, по словам компетентных историков, выдающееся явление не только в русской, но и во всемирной истории. То *Посемье*, которое было полно бурной военной славы в княжеский период Русской истории, и при Иоанне Грозном высоко держало в своих руках знамя военной и гражданской чести, жертвуя для Родины всем своим, самым дорогим, самым заветным достоянием.

Вот данные, которые могут быть приведены относительно законодательства по земельно-служебному владению дворян и детей боярских Курского края во время царствования Иоанна Грозного. Главнейшими принципами этого законодательства были: 1) начавшееся совпадение черт, характеризующих поместья и вотчины, 2) более тесная зависимость владения и пользования землей в зависимости от военной службы и 3) более правильно установленные начала перехода земельных окладов и распределения их.

3.

Жалованные грамоты по вотчинному и поместному владению землей указывают права владельцев относительно распоряжения вотчинами и поместьями. Первоначально они

не имели однообразного содержания. Разным лицам предоставлялись различные права распоряжения жалованными вотчинами. Об этом упоминает указ Государя Иоанна Грозного 1573 года: «а у которого боярина вотчины Государского данья, а не их старинные вотчины, и те вотчины после того, которого не станет бездетна боярина, а та вотчина по Царской грамоте пожалована, и *кому какова будет грамота дана*, ему, его жене и его детям, и его роду, по тому и быти». Когда жалованные вотчины стали приближаться к родовым и, наконец, слились с ними, тогда и явился один общий тип грамот, по которому возможно судить об объеме прав вотчинников. Однако установление общего типа жалованных грамот не исключало грамот и какого-либо чрезвычайного характера.

Сопоставим четыре формы жалованных грамот: 1) Государя Михаила Федоровича до 1619 года, 2) Государя Михаила Федоровича с 1619 по 1628-й год, 3) с 1628 до конца царствования его и с начала царствования Государя Алексея Михайловича до 1649 года и 4) форму жалованных грамот 1683 и 1686 гг., то есть, во время царствования Петра и Иоанна Алексеевичей и правления Софьи Алексеевны.

1) Дана вотчина: ему (имя) и детем его и внучатом и правнучатом и в роде их неподвижно, а в той вотчине он (имя) и дети его, и внучата, и правнучата, волен, по нашему Царскому жалованью вольны…

2) В той вотчине он (имя) и его дети, и внучата, и правнучата вольны и вольны ему (имя) и его детям, и внучатом и правнучатом ту вотчину продать и заложить и в приданое дать, и в монастырь по душе до выкупу дать. А кто будет роду его из монастыря ту вотчину похочет выкупить, и ему ту вотчину выкупать (ценю по указу, против дач, сколько в ней в даче четвертные пашни написано, а дать за четверть по полтине). А буде продаст в чужой род, а кто буде роду его захочет ту вотчину выкупить, и ему выкупать по прежнему уложенью как ро-

довые и купленные вотчины выкупают. А буде у него роду не останется или останется, а выкупать не похотят и ту вотчину из монастыря взять на нас (Государя), а деньги за нее дать в монастырь из нашей казны по той же цене, по полтине за четверть, а в монастырь та вотчина по прежнему нашему уложенью не крепка. А буде у него детей и роду не останется, а остаются одна жена и жене его той вотчиною владеть по свой живот, а после своего живота ту вотчину для мужа своего и своего поминку отдать в монастырь до выкупу, а из монастыря ту вотчину выкупить на нас, а дать за нее деньги из нашей казны по полтине ж за четверть. А буде после его жена его учнет сидеть во вдовех или пострижется и ту вотчину вольна продать и заложить. А буде жена его остаются бездетна и вдовством сидеть и постричьса не похочет, и пойдет за муж, и ту вотчину взять на нас в поместные земли, а мужа ее по душе дать за ту вотчину дать из нашей казны деньги против того, как из монастыря указано выкупить, а жениха ее пожалуем из той ее вотчины в поместье, по нашему Царскому рассмотрению, что́ доведется.

3) Форма жалованной грамоты остается равносильной предшествующей с некоторыми изменениями и добавлениями. Прибавлено, что вотчина жалуется *в род их неподвижно*, затем: по прежнему нашему уложенью, слов же «как родовые, так и купленные вотчины» нет, остальное тожественно с предыдущей грамотой.

4) В жалованных грамотах 191 (1683) года говорится: «Та вотчина ему, и его детей и внучатом и правнучатом, в роды их неподвижно, и вольно ему та вотчина продать и заложить и в приданое дать». То же писалось в жалованных грамотах 1668-1683 года с прибавлением: «а в монастырь той вотчины по душе не отдать. А будет у него роду не останется, и та вотчина останется не продана, и не заложена и в приданные не отдана, и та вотчина взять на нас, Великого Государя». В грамоте 1686 года говорится: «в той вотчине он и дети его, и внучата, и правнучата,

по нашему Царскому жалованью вольны продать и заложить, и в приданое дать, а в монастыри тое вотчины не отдать. А будет продаст в чужой род, а кто будет роду его похочет ту вотчину выкупить, и ему ту вотчину выкупить по *Уложенью*. А будет у него роду не останется, и та вотчина останется в приданные не отдана, и та вотчина не продана и не заложена и взять и приписать к нашим Великого Государя волостям»[89].

«Таковы, говорит В.Н. Сторожев, обычные вотчинные грамоты. Разные виды их отличаются друг от друга, однако начало и конец XVII века представляют совершенно тождественные редакции жалованных грамот, заключая в своих гранях редакции неодинакового характера. В самом деле грамота 113 года ничем не отличается от грамоты 191 года (исключая прибавки и *приданые дать*), тогда как промежуточные между ними носят довольно резкие следы различия»[90].

Указом 1621 года велено было переписать по новому образцу старые жалованные грамоты, данные за Московское осадное сиденье при Царе Василии. Указ этот 28-го ноября представляет глубокий интерес и имел значение для дворянского служилого сословия Курского края.

В вотчинном деле Тимофея Измайлова[91] с дьяком

---

[89] В жалованной грамоте 1613 года есть следующее замечание: при Царе Василье грамоты даваны не по нашему Уложенью. «А в какой мере *та воля* написана и вольно ль та вотчина продать и т.д. в Царя Васильевых грамотах имянно не написано».

[90] «Указная книга Поместнаго приказа», 183 стр. Изд. М.А.М.Ю.

[91] Род Измайловых имел своих представителей и в Курском крае. Племянник Тимофея Измайлова Семен Артемьевич Измайлов служил при Государях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче воеводою в Яблонове в 154-55 годах и был пожалован поместным и денежным окладом в Курском крае. (Акты Белгородского стола, столбец 175-й). В 1643 году ему был дан хлеб из Царских житниц. Сын Тимофея Измайлова Петр Тимофеевич Измайлов в чине стольника служил воеводским товарищем белгородского воеводы боярина Шереметева в царствование Алексея Михайловича. Родич Тимофея Измайлова окольничий Матвей Петрович Измайлов ведал охрану Чугуевских границ Белгородского полка в 1690-х годах.

с Григорьем Нечаевым в указе «Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси и отца ево Государева Великого Государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси за приписью думных дьяков Ивана Грамотина да Томила Луговского лета 7129 ноября в 28 день написано:

«Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Руси и отец ево Государев Великий Государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси дьяком думному Николаю Новокщенову да Гарасиму Мартемьянову *указали:* в вотчинах, которые даваны служилым людем и приказным за Царя Васильево Московское осадное сиденье, а даваны им жалованные грамоты на вотчины не имянно, не против нынешнего Государева указу, и тем на те вотчины давати Государевы жалованные грамоты так же, как и в его Государевых жалованных грамотах написано: в тех они своих вотчинах и их дети, и внучата, и правнучата вольны, и вольно им та вотчина продать и заложить и в приданные и в монастырь по душе дать, *и велели свою Государскую совершенную милость всем людем оказать*, и те люди, которые при Царе Василье на Москве в осаде сидели и за Московское осадное сиденье в вотчины поимали, и они б те вотчинные грамоты приносили в Поместной приказ к переписке, а напишут им в грамотах против нынешнего Государева указу, а печатать им те грамоты указал Государю беспошлинно, а *по городам* дворяном и детем боярским и ко всяким служилым людем указал Государь послать свои Государевы грамоты, чтоб дворяне и дети боярские и всякие служилые люди, которые при Царе Василье на Москве в

осаде сидели и за Московское осадное сиденье вотчины себе поимали, и они б те свои вотчины Царя Васильевы жалованные грамоты привозили потому ж для переписки к Москвы в поместной приказ, а напишут их против нынешнего Государева указу, что он, и его дети и внучата и правнучата вольны, и вольно ему и его детем и внучатом, и правнучатом ту вотчину продать и заложить и в приданные и в монастырь по душе дать, а печатать им свои Государевы жалованные грамоты велел Государь беспошлинно».

Из дворян и детей боярских Курского края значительное число находилось в Московском осадном сиденье при Царе Василии, а потому они и получили соответственные грамоты. Им пришлось, как и Измайлову, обменить свои грамоты в Поместном приказе.

Указ 1629 года имел большую важность, потому что он установил порядок восстановления грамот на вотчины, утраченные с Смутное время; этим указом была введена новая редакция жалованных грамот. Он отчасти слил понятия родовой и выслуженной вотчины, предоставив последней в правах распоряжения ею положение, до известной степени одинаковое с вотчиной родовой, затем ввел или же только фиксировал указную оценку вотчин при выкупе их у монастырей, как Правительством, так и частными лицами.

Вместе с тем жалованные грамоты по образцу указа 1619 года отразили на себе действие Соборного приговора: в них позволяется отдавать вотчину в монастырь только до выкупу, «а в монастырь та вотчина по прежнему Государеву уложенью (то есть, по Соборному приговору 1581 года) *не крепка*». Жалованные грамоты этого типа отличаются особою подробностью в определении объема вотчинных прав, однако они не определяют его вполне.

Что касается до ценности земли, покупаемой из казны, и прав распоряжения купленными у нее вотчинами, то передадим следующие сведения: продажная цена из казны была

дворцовых земель $4^{2}/_{3}$ рубля за десятину, цена же порожжих поместных земель $3^{1}/_{9}$ рубля. При этой продаже не принимались в расчет те или другие местности, так что и в Курском крае цена порожжих земель была одинакова с более северными уездами Московского Государства.

По указу Царя Иоанна Грозного 1573 года вотчина продавалась из казны с правом передачи прямым нисходящим потомкам и отдачи в приданое за дочерями и без права отдачи в монастырь. В случае бездетной смерти покупателя, устроившего и распахавшего вотчину, последняя отписывалась на Государя, а деньги, что заплатил за вотчину умерший, казна выдавала или роду умершего или, если его не было, то по душе умершего. Это правило продолжало действовать до 7 февраля 1628 года. В новом указе прибавлено было право наследования купленной из казны вотчины женою и родом, и только выморочные вотчины отписывались на Государя. По указу Михаила Федоровича 15-го декабря 1636 года было прибавлено новое право продавать и закладывать эти вотчины.

4.

В вотчинах частные владельцы на основании жалованных грамот получали многие державные права. Владелец получал правительственную власть над лицами, жившими на его земле. Он делался судьею не только по делам гражданским, но и уголовным, исключая дел о краже, разбое и душегубстве, которые, впрочем, иногда также ему поручались. Так, например, предок рыльских помещиков Волжиных, Семен Алехнов сын Волжин, Великим Князем Василием Ивановичем в 1528 году был пожалован в волостях Дынске и Лодыгине, в Кременском уезде, селами и деревнями «со всем, что к тем потягло». В жалованной грамоте на эти поместья было сказано: «*чтоб тех его людей, кроме его, Семена, никому не судить*».

В 1540 году Иоанн Грозный пожаловал С.А. Волжина с сыном Андросом селом Лясконоги, в Новгород-Северском уезде; впоследствии потомок его Иван Данеярович Волжин получил поместье в Курском крае, перешедшее в вотчину. В случае дел, возникавших между людьми такого владельца и людьми другого вотчинника, он производил суд вместе с ним. Жалоба на него приносилась Государю, которому одному он был подсуден. Он мог собирать в своей вотчине пошлины, следовавшие в Государеву казну, например, мыто, мостовщину, перевоз, держать торги. Он исключался из ведомства местного начальства, зависел от Государя, чиновники не могли въезжать во владение вотчинника для отправления своей службы. Но с течением времени общее вотчинное право стало ослабевать, во всей своей полноте оно стало даваться только знатнейшим вотчинникам особыми жалованными грамотами. Выдача таких грамот прекратилась при Иоанне IV. Несудимые грамоты были отменены - *Уложением,* а право собирать мыто, перевозную плату, мостовщину сохранилось долее. Федор Иоаннович повелел все это ведать на себя, а вотчинникам выдавать половину пошлин, но вотчинники продолжали собирать не себя эти пошлины. Только при Петре Великом они отошли в казенное заведывание. Вотчинник мог свободно отчуждать свою родовую и купленную вотчину, а жалованную в пределах, предоставленных ему жалованною грамотою, мог продать, заложить, отдать в приданое, передать законным наследникам, отдать в монастырь по душе.

Поместья давались служилым людям вместо жалованья за службу, поэтому поместья не имели характера частной собственности и не могли переходить по наследству. В XIV веке поместья не оставались даже всю жизнь за одним лицом, но только в продолжение его службы. Впоследствии сын, если он был годен на службу, мог заступить место отца и получить его поместье. По смерти помещика поместье его делилось только между готовыми на службу сыновьями. Отец еще при жизни мог поделиться с сы-

новьями, вступившими на службу. Но в XVI веке наступило наследование поместий в боковых степенях родства в тех случаях, когда умерший не оставлял сыновей. Брат наследовал брату, племянник – дяде; в этих случаях боковые родственники получали поместья за свою годность к военной службе. При этом надо иметь в виду, что после смерти помещика поместье его возвращалось к Государю, который уже жаловал им, по своему усмотрению, родственников умершего. Первоначально право помещика пользоваться своим поместьем ограничивалось только получением денежных, хлебных и других доходов; со временем право помещика пользоваться владеемой им землею было уравнено с правом вотчинника, только он не мог пустошить поместья, дурно относиться к крестьянам, продавать и менять поместья без позволения Государя.

Кроме поземельной собственности, служилые люди имели холопей, наймитов и крестьян. По Судебнику Иоанна III (1497 года) случаи перехода в холопство были те же, как и по *Русской Правде*: 1) по полной грамоте, то есть, когда кто сам себя продаст в холопство; 2) по должности сельского тиуна или ключника; должность городского тиуна не делала из свободного холопа; 3) женившись на рабе или поступивший в чье-либо владение в приданое или по духовной также считался холопом. Холоп, взятый в плен татарами, если впоследствии успевал бежать из плена, переставал быть холопом, становился свободным человеком. Бежавшего холопа можно было взять только после доклада *наместнику с боярским судом* и взяв у него для этого беглую грамоту для отыскания бежавшего холопа. В XVI веке наместники с боярским судом были только в шести городах: Москве, Новгороде, Пскове, Твери, Нижнем и Рязани; следовательно, беглый холоп всегда имел много времени, чтобы скрыться, прежде чем господин его мог начать розыски.

Что касается до Курского края – Путивльского и Рыльского уездов, а затем, во второй половине XVI века, Курского,

Оскольского и Белгородского, то здесь бегство холопов и крестьян было особенно значительно, и побеги из поместий и вотчин совершались часто, вследствие положения названных нами уездов, соседивших и с ногаями, и с крымцами, и с Литвою и поляками. Так называемые «вольные земли» полукольцом охватывали Курскую область. Неудивительно, вследствие этого, что в актах Белгородского стола и разрядного приказа находится много дел о беглых Курско-Белгородского края.

Из *Судебника* Иоанна III ясно видно отличие крестьян от наймитов. Наймит поступал к землевладельцу на срок или с условием определенных работ в его пользу; напротив, крестьянин садился на землю бессрочно. Наймит, не исполнивши условной работы или не доживши срока, лишался наемной платы. Для крестьян законом был назначен срок перехода – за неделю до осеннего Юрьева дня и спустя неделю после этого дня. Но, переходя от одного помещика к другому, крестьянин, по *Судебнику*, должен был заплатить за пожилое от 2-х до 4-х рублей за двор.

Судебник Иоанна III относительно срока давности для поземельных процессов устанавливает два термина: в три года и шесть лет. При этом надо заметить то обстоятельство, что в обоих *Судебниках* 1497 и 1550 гг. выражение *поместье* не употребляется, но в юридических актах того времени, например в грамотах, оно уже встречается.

«В первом *Судебнике*[92], – говорит В.Н. Сторожев, – встречается слово *поместник* (помещик), за которым зе́мли Великого Князя (Государевы). В Судебнике 1550 года находим слово *поместный*, но не в тексте, а в оглавлении (Суд о землях поместных). Слово это встречается еще в половине XV века. В «Послании Митрополита Ионы» 1454-го года есть выражение: «благоверным поместным князем»[93]. В Никоновской летописи в 1500-м году встречаем слово

[92] То есть, Иоанна III, 1497 г.

[93] «Указная книга Поместнаго Приказа», 9-10 стр. Изд. М.А.М.Ю.

«поместье». Эта летопись говорит о том, что отобранные новгородские митрополичьи земли были розданы *детям боярским в поместье* (Ник., т. VI). В половине XVI века утвердилось уже наследование поместий. До нас дошел указ *об испомещении* от 1555 года, в котором сказано: «отцовских поместей не отнимать у сыновей, если они пригодны в службу».

Глава VII Царствование Федора Иоанновича

Географический очерк Курского края. – Распределение древнейших уездов Курского края. – Преемственность населения. – Пространство, пределы и состав территориальных единиц Курского края. – Северная его граница. – Значение г. Ливен. – Муравский шлях и Калмиусская сакма. – Оскольский край. – Белгородский полк. – Отношение Черниговского края к Путивлю. – Города Курского края в XVII веке. – Возрастание дворянского сословия в Курском крае. – О Курской чудотворной иконе Знамения Богоматери. – Устроение новых городов. – Переселение дворян Рыльского и Путивльского уездов в Курск, Оскол и Белгород. – Прикрепление крестьян и значение этого закона для Курского края. – Изменение дворянской сторожевой и станичной службы в Курском крае. – Новое распределение служебной деятельности детей боярских в 1586 г. – Добровольный вызов детей боярских Рыльска и Путивля на военно-боевую службу.

1.

Местность, на которой жило и действовало в конце XVI и в XVII веке Курское дворянское население, представлявшее собой военно-служилое сословие, составляет Курский или иначе сказать Белгородско-Курский край[94], в обширном значении этого слова.

[94] Выражение Курский, Белгородско-Курский и Курско-Белгородский край мы употребляем в равносильном значении.

Излагая историю Дворянства Курского края, мы разумеется, должны сказать о той местности и ее дворянском населении, которая составляет в настоящее время территорию Курской губернии. В этом отношении мы встречаемся с тем благоприятным фактом, что все те уезды, которые образуют Курскую губернию, как нынешнюю административную единицу, созданную уже в конце XVIII века, в предшествующее время составляли в своей совокупности Курский край. Дело в том, что ни один из уездов Курского или Белгородско-Курского края не был впоследствии отторгнут от Курской губернии при разных изменениях в территориальном положении губерний средней России. Очертание границ древнего Курского края (XVI – XVII веков) остаются почти теми же, какими мы их видим в нынешней Курской губернии. Отсюда можно видеть, что и состав дворянского военно-служилого населения, занимавший поместья и вотчины в уездах Курского края того времени, почти всецело вошел в состав Дворянства Курской губернии. В самом деле: Путивльский, например, и Рыльский уезды заключали в себе части Суджанского и Дмитриевского уездов и Льговский уезд, и все это пространство и население мы теперь находим в пределах Курской губернии. Суджанский уезд, относившийся в Княжеский период Русского Государства к Курскому краю, хотя впоследствии примкнул к южным местностям России, но затем опять вошел в состав Курской страны. На востоке граница уездов Старооскольского, Новооскольского и Корочанского по отношению к Воронежскому краю осталась почти такою же, какою была и в древнее время Русской истории. На юге города Слободской Украйны, которые в позднейшее время образовали Харьковскую губернию, – Чугуев, Валки, Харьков, Вольный, находились уже не в Белгородской черте, а за нею. На севере многочисленное дворянское население теперешних Фатежского, Щигровского, и Тимского уездов и части Дмитриевского на Свапе уезда примыкало к Курску и служило по этому городу. Не имея возможности вдаваться

в подробности и ограничиваясь пределами задачи нашего труда, мы должны констатировать тот факт, что древний Курский край и современный пре6дставляют в территориальном отношении более или менее однородные понятия и стало быть сохраняют полную преемственность в истории своего населения вообще и дворянского в особенности.

Рассмотрим пространство, пределы и состав территориальных единиц, образовавших древний Курский край. При этом считаем нужным сказать, что по отношению к городам Белгородско-Курского края, вследствие их неодновременного основания, придется дать те сведения, которые относятся к XVII столетию.

На севере Курский край граничил с Орловским краем, который, как это видно из исторических данных, жил более или менее отграниченною жизнью от Курского края, тяготея к северу. Условия жизни Орловского края также значительно отличались от условий жизни Курского края, так как Татары, Ногайцы и другие враги Русского Государства не могли в значительной мере нападать на Орловский уезд, который и не требовал военно-боевой службы от местного дворянского населения в той степени, как это было необходимо в Курском крае. К северо-востоку лежал Ливенский край, который имел значительную связь с Курским. Ливны некоторое время были средоточием сторожевого управления некоторых местностей Белгородской черты, как раз возле города Ливен (Ливна, по древнему) шел знаменитый Муравский шлях, недалеко к нему примыкала Калмиусская сакма, прорезывавшая, как известно, Курский край, при чем Муравский шлях достигал Перекопа. У Ливен на реке Сосне была переправа. В 1627 году Ливны уже существовали, как польский[95] город, деятельность которого была связана с Оскольским краем. К этому краю примыкали уезды Воронежский, Коротоякский и Ольшанский, которые также имели постоянные служебные сношения с курскими по-

[95] От слова поле – т.е. степной.

рубежниками. Из Оскольского края в Воронежский край регулярно являлись отряды военных людей и служили в сторожах и разъездах, несли они службу и в отдаленном от Оскола Дивногорском монастыре. На юге, где к Курскому краю примыкали Валуйский, Усердский, Чугуевский, Харьковский и др. уезды Слободской украйны, мы замечаем тесную связь военно-боевой службы дворянского населения между этими уездами и Белгородско-Курским краем, тем более, что долгое время города того и другого края принадлежали к одному *Белгородскому полку*, составлявшему военно-административный отдел или по тогдашнему выражению – разряд. На юго-западе мы можем также заметить общую служебную жизнь уездов: Хотмышского, Миропольского и Суджанского с одной стороны и Вольновского, Ахтырского, Лебединского и Белопольского с другой. Наконец, Рыльский и Путивльский уезды притягивали к себе Черниговщину: Новгород-Северский, Недрыгайловский и Черниговский уезды. Новгород-Северцы дворяне и дети боярские издревле служили и были записаны в десятни по Рыльску, а Недрыгайловцы и Бобриковцы по Путивлю. В конце XVII столетия некоторое время Путивльский и Рыльский уезды состояли в Севском полку или разряде, а остальные уезды в Курском крае в Белгородском полку, но это административное деление не оказало особого влияния на единение дворянского военно-служилого класса всей Курской страны.

Нужно сказать, что Путивляне притянули к себе часть Черниговского края, между прочим, тем, что они с воцарением Государя Михаила Федоровича начали наступать на Польско-Литовскую землю и воевать ее города, дело это пошло очень успешно[96], города Черниговщины были завоевываемы путивльско-рыльскими отрядами военных людей дворян и детей боярских, которые за это получали от Ми-

[96] Об этих завоеваниях в Черниговщине нами будет сказано в своем месте.

хаила Федоровича разные награды, завоеванные же города, острожки и земли поступали в состав Путивльского края.

В заключение обзора пограничных территорий Белгородско-Курского края мы должны выделить особую, отдаленную от него военно-боевую службу дворян и детей боярских на страже в Святогорском монастыре, куда они являлись очередными отрядами после перехода нескольких сот верст и где оберегали окруженную со всех сторон дикою степью обитель, о чем нами будет сказано ниже. Служба охраны Святогорского монастыря была возложена на дворян и детей боярских Белгородцев.

Укажем замечательные места каждого уезда Курской области, начиная с запада.

В Путивльском уезде находим более выдающимися городами: Путивль, Белополье, Терны, Недрыгайлов, Бобрик, Каменный.

В Рыльском уезде выделялись Рыльск, Ивановское,

в Суджанском – Суджа, Мирополье, Кондратовка,

в Хотмышском – Хотмышск, Городное,

в Карповском – Карпов,

в Болховецком – Болховой,

в Белгородском – Белгород, Нежегольск,

в Корочанском – Короча (Красный город), Яблонов,

в Оскольском – Старый Оскол, Новый Оскол (Царев Алексеев), Жестовый острожек,

в Обоянском – Обоянь,

в Курском – Курск, Коренная пустынь.

Все эти места были средоточием поселений с большим или меньшим количеством дворянского населения.

2.

В царствование Федора Иоанновича дворянское сословие значительно возросло в Курском крае, сравнительно с предшествующим временем. До тех пор дворяне и дети бо-

ярские, главным образом, населяли Путивльский и Рыльский и отчасти Курский уезды, в конце же XVI века стала все более и более населяться степная окраина Московского Государства, в том числе и *Дикое поле* Курско-Белгородского края. Здесь строились города и другие укрепления и сюда высылались Правительством из северных областей жители, преимущественно из служилого сословия: дворяне, дети боярские и другие ратные люди. Так как еще при Государе Иоанне Грозном предприняты были меры для защиты от неприятелей южного рубежа, то естественно самую важную роль с Курском крае должны были играть военные люди, военное население, во главе которого стояли дворяне и дети боярские. При Федоре Иоанновиче было построено много новых городов. В 1586 году было повелено поставить на реке Быстрой Сосне Ливны, на р. Воронеж – Воронеж, в 1592 году выстроен был город Елец, в 1593 году было начато устройство и укрепление города Белгорода воеводами князьями Михаилом Ноздреватым и Андреем Волконским. К тому же времени относится и построение Белгородского Троицкого собора, ставшего впоследствии духовным центром всего обширного Курско-Белгородского края и городов Белгородского полка. В 1595 году был устроен город Оскол, впоследствии получивший название Старого Оскола вследствие переименования устроенного в царствование Алексея Михайловича города Царева-Алексеева в Новый Оскол. Оскол был поставлен в той части Дикого поля, где пролегал большой шлях.

В 1597 году Царь Федор Иоаннович повелел перенести в Москву прославленную святыню Курского края Чудотворную Икону Знамения Пресвятой Богородицы, находившуюся в Коренной Пустыни. Во время пребывания ее в Москве, по Царскому повелению, вокруг иконы была сделана кипарисовая доска, с написанием вверху Господа Саваофа, а по сторонам ветхозаветных пророков; вся икона была украшена серебряным вызолоченным окладом, жемчугом, драгоценными камнями и, – по желанию Царицы Ирины Федо-

ровны и Царевны Феодосии – богатой пеленой. В том же году икона была возвращена в Курский край, в Коренную Пустынь, где по повелению Государя уже началась постройка монастыря во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

В то же время сторожевые воеводы Иван Полев и Нелюб Огарев укрепили Курск и заселили его ратными людьми. По поводу устройства новых украинных городов в летописи читаем: «Того же году Царь Федор Иванович виде от Крымских людей своему Государству войны многие и помысля поставить по сакмам татарским городы и посла воевод своих со многими ратными людьми, они же шедше поставиша на степи городы *Белгород*, *Оскол*, Валуйку и иные городы, а до тех городов поставиша на украине городы: Воронеж, Ливну, *Курск*, Кромы и насади ратными людьми, те же городы праведною молитвою укрепились и ныне стоят» (Ник. Лет. ч.8, стр. 26-27).

Таким образом при Федоре Иоанновиче в нашем крае устроились три важнейших центра на юго-восток от Путивльско-Рыльской области и сообразно с этим здесь появилось даже на первых порах довольно значительное дворянское население, без которого, как высшего военно-служилого элемента, которому было вручено важнейшее государственное служение, не имело бы значения и самое устройство городов. В непродолжительном времени класс дворян и детей боярских стал возрастать в местах их нового поселения. Как это возрастание было интенсивно, видно из следующего факта. В писцовых книгах уездов Курского края, составленных в первой половине XVII века, мы находим как в Курском, так и в Белгородском крае большое, по тому времени, дворянское население, выросшее в крупную величину в 50, 40, а иногда даже всего в 25 лет. Также выросло и пространство занятой дворянскими поместьями земли. Конечно, говоря так, мы имеем в виду с одной стороны возможность существования дворянского населения в Оскольском, Белгородском и в особенности в

Курском уездах раньше основания Оскола, Белгорода и Курска, а с другой – переселение с севера дворян и детей боярских в местности нашей страны в самый момент построения названных нами городов. Но при всем том рост дворянского элемента в Курском крае является весьма заметным. Во всяком случае в царствование Федора Иоанновича пределы для жительства дворянского сословия расширяются к югу, при чем некоторая часть дворян и детей боярских, проживавших в Путивльском и Рыльском уездах по собственному желанию и по назначению Правительства переселилась в Курск, Оскол и Белгород.

Так как Курск и в особенности Белгород стали выдающимися в то время центрами военных сил, Белгород же, кроме того, вскоре сделался центром всей польской, т.е. степной украйны, то в оба города и уезда прибыло и здесь сосредоточилось много дворян и детей боярских уже в царствование Федора Иоанновича. Что касается до Рыльского и Путивльского уездов, то государственная служба тамошних дворян и детей боярских оставалась тою же сторожевой, станичной и разъездной, впрочем с некоторыми изменениями, о которых скажем ниже. Заметим, что когда при Федоре Иоанновиче указывалось на необходимость устройства, кроме Оскола, города Карпова, то явилось предположение перевести туда из Путивля все станицы, но этот проект не получил осуществления, и путивльские дворяне и дети боярские остались на своих местах.

3.

В 1591 году совершилось прикрепление к земле крестьян. Это была, прежде всего финансовая мера для правильного сбора податей. Немногие крестьяне были землевладельцами-собственниками, они жили на частных землях, но имели право свободного передвижения, вследствие чего подат-

ная система не представляла собой ничего прочного. Прикрепление крестьян было совершено не по желанию Дворянства, и по узаконении его – всякий крестьянин, переселившийся из места своего жительства в другое, рассматривался как беглый, которого разыскивали и отдавали прежнему владельцу. Указ 1591 года не дал никаких новых преимуществ дворянам. Крестьяне были прикреплены к земле, а не к лицу землевладельца, они были теми же жильцами той или другой земли, только бессменными, крепкими земле. Зависимость крестьян от лица владельцев была установлена только в XVIII столетии.

Дворяне, кроме крестьян, крепких только земле, имели холопов кабальных и полных, которые были крепки лицу владельца. Указ 1597 года был тяжел для кабальных холопов, потому что он сравнял их с полными холопами, оставив только ту разницу, что кабальные холопы служили владельцу до его смерти, поэтому их нельзя было ни продать, ни заложить, полные же холопы составляли собственность своего владельца и переходили к его наследникам. Закон о прикреплении крестьян устанавливал, что если крестьяне бежали от поместных дворян, то за них должны были отвечать владельцы, платить подати, отбывать службу и разные повинности.

Что касается до Курско-Белгородского края, то закон 1591 года не имел для местного Дворянства – вотчинников и помещиков почти никакого значения. Дело в том, что у служилого сословия детей боярских, которые составляли подавляющее большинство Курско-Белгородского дворянского сословия, почти не было крепостных крестьян. Это явление мы наблюдаем не только в XVI, но и в XVII веке. Дети боярские вели свое хозяйство трудами рук своих и членов своей семьи, вследствие чего на своих земельных участках вспахивали и засевали незначительную площадь земли, около 15, а то и 10%, предпочитая заниматься другими отраслями сельского хозяйства, например, скотоводством. Закон 1591 года имел для Курского края то не-

благоприятное последствие, что из северных местностей, где крестьян было много, они бежали в наш край, надеясь здесь устроиться иначе и более желательным для себя образом на поместных землях и в городах, но беглецов преследовали розыски и поимки, что вызывало неприятные явления для курских вотчинников и помещиков в разных отношениях.

4.

В 1587 году сторожевая, станичная и разъездная служба рыльских и путивльских дворян и детей боярских, по указу Государя Федора Иоанновича и боярскому приговору несколько изменилась. По отписке путивльского воеводы князя А.Хворостинина некоторые Донецкие сторожи были сняты, но за то вместо них были посылаемы на отдаленные от Курского края берега Северского Донца станицы Путивлян и Рылян детей боярских. Причина этого изменения была очень важная. Дело в том, что вследствие знания Татарами и Ногайцами, где именно находятся постоянно сторо́жи, они нападали, подкрадываясь, на сторожи, и находившиеся здесь дети боярские гибли понапрасну, даже не имея часто возможности доставить вести о приходе Татар. Вот что читаем в указе Федора Иоанновича:

«95 году[97] в июле писал к Государю Царю и Великому Князю Федору Иоанновичу всеа Руси из Путивля наместник и воевода князь Ондрей Хворостинин, что стоять сторожевым головам по шти (шести) недель с проездом, а в осе́нь по месяцу, а с ними по 36 человек детей боярских на Донецких сторо́жах не мочно, *громят их* Татары и Черкасы на урочных местех, а укрытья им такими людьми не мочно, и он учал посылати на Донецкия ж сторожи станицы, а в станицах по 12 чело-

[97] 1587 года.

век, и без станиц на Донецких сторожах не будет, а воинским людем на Государевы украйны пройти безвестно не мочно, а от Черкас ратным людем укрытися мочно. И бояре – князь Федор Иоаннович Мстиславский с товарищи, выслушав отписку князя Ондрея Хворостинина, приговорили: послать в Путивль к нему грамоту о том, что то учинил он гораздо, а на ближних Путивлю и Рыльску сторо́жах стоять детям боярским Путивльцам по прежнему».

Разнообразные передвижения в те и другие места степи путивльских станиц спасали от внезапной и напрасной гибели детей боярских.

По указу Царя Федора Иоанновича было сделано новое распределение службы голов и станиц путивльских и рыльских в поле. На Донецких сторожах стояли дети боярские Путивльцы и Рыляне по шести недель, из Путивля ездили вниз по Донцу до устья Айдара и по расписанию встречаясь одна станица с другою, объезжали все Царевы дороги и воинских людей походы через Донецкие перелазы и Муравский шлях. Кроме того, дети боярские из Путивля и Рыльска стояли на Осколе усть Убли, на Сейме, делая разъезды вверх рек Корочи и Кореня. В Путивле было восемь станиц. Донецких же голов детей боярских 8 человек, а с головами ратных людей детей боярских 114 человек, а посылали их на сторожи наместники и воеводы.

В составе Русского войска при Федоре Иоанновиче было 80 000 дворянской конницы. В дворянские конные полки набирались дворяне и дети боярские изо всех уездов Государства, в том числе Рыльского и Путивльского. Они служили в Москве и в военное время участвовали в походах и битвах, часть их находилась в других важнейших городах, в том числе и в Путивле. Дворяне большие получали жалованье от 70 до 100 рублей в год, середние от 40 до 60, дети боярские от 20 до 30.

Каждую весну полки собирались на берега Оки стеречь Крымских татар. В 1591 году путивльский воевода писал, что Черкасы на многих местах ходят в поле, путивль-

ские большие станицы и сторожевые детей боярских все погромили, проезду из Путивля большим станицам к устью Айдара, а сторожевым к устью Боровой[98] нет. Велено было посылать станицы, кроме путивльских и рыльских из Ливен и Воронежа.

В 1594 году было постановлено Путивльцам, Ливенцам и Ельчанам за службу, изрон и полон давать Государева жалованья за коня по 4 рубля, за мерина по 3 р., а которых убьют, то за службу, убийство и изрон давать женам и детям убитых по 4 рубля.

Исполняя свои военно-боевые обязанности, дети боярские и дворяне Путивльцы и Рыляне не редко шли против врагов Государевых *своею охотою*, по вызову. Так, в 1589 г. Царь писал Афанасию Зиновьеву[99] о том, чтобы он с Путивльцами, Черниговцами, с Рыльскими и Стародубскими казаками шел на поле на Донец или Оскол, укрепился там в крепких местах и посылал станицы проведывать про Крымского хана. Должен он был послать и к Запорожским Черкасам к атаману Матвею с товарищами проведать: будут ли они Государю прямы. Если Зиновьев проведает, что казаки прямы, то вместе с ними должен идти промышлять над крымскими людьми, если о Татарах вестей не будет, то Зиновьеву идти промышлять над ворами Черкасами. Лишь только распространилось известие о Государевом указе, как к Зиновьеву стали собираться охочие люди: в числе их явились из Путивля и Рыльска сорок человек детей боярских, не смотря на незначительность их числа, вследствие непрерывной военно-боевой службы.

Устроенный и укрепленный в 1597 году Курск, который, как населенное место, по всем вероятиям и историческим предположениям, существовал и во время татар-

[98] Боровая – река, впадающая в Донец.

[99] Атаман казаков.

щины, при Федоре Иоанновиче был населен служилыми людьми, переселившимися сюда из Орла и Мценска и других северных городов, как по назначению Правительства, так добровольно, по собственному желанию. Чудотворный образ Знамения Богоматери в это время из Коренной пустыни был перенесен в Воскресенский собор, где и поставлен в правом пределе храма.

В 1598-99 годах курским воеводою был князь Семен Семенович Гагарин, осадным головою Нелюб Огарев, в 1600-м воеводствовал Андрей Замыцкой, осадным головою был Плакида Чичерин. В это время в Курском крае была перепись; писцами из Москвы были Алексей Федорович Зиновьев да подьячий Акакьев. Они составили писцовые книги по Курску, в которых описали все селения и дачи, что за кем у дворян и детей боярских Курского уезда[100] и других служилых людей состояло. В 1601-1602 году в Курске было двое воевод Григорий Семенович Овцын и Андрей Нагово. Кто затем в конце царствования Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского были воеводами и осадными головами в Курске, в исторических актах сведений нет. Об этом в *описании Курского Наместничества*, составленном Ларионовым, сказано так: «Десять лет – кто были начальники в Курске и о происшествиях в нем ничего не известно. Уповательно, по причине настоявшаго тогда смутнаго времени».

В 1612 году в Курске воеводою был стольник Юрья Игнатьевич Татищев и губным старостою, по избранию дворян и детей боярских, Афанасий Мезенцов.

---

[100] Тогдашний Курский уезд, кроме теперешнего своего пространства, заключал в себе территории уездов Фатежского, Щигровского и Тимского.

Глава VIII Царствование Бориса Годунова

Военно-служебная деятельность дворян и детей боярских новопостроенных городов Курска, Оскола и Белгорода. – милостивое слово Бориса Годунова к дворянам и детям боярским Курского края. – Усиление сторожевой службы. – Вал около Курска. – Тайная грамота хана Казы-Гирея Царю о городах Курского края. – Ответ Царя Бориса. – Нападение крымцев на Курскую область. – Пожалование в дворяне. Указ о дворянском землевладении. – Татарские набеги на Курский край и страдания полоняников. – Смерть крымского хана. – Значение урожая в Курском крае в голодные годы для северных областей. – О населенности Курского края по писцовым книгам. – Заселение края высшим сословием. – О переселении в него крестьян. – Отвод служилым людям сенных покосов. – Переселение черкас и их служба.

1.

В царствование Бориса Годунова не произошло каких-либо выдающихся изменений в службе и частной жизни дворян Путивльского и Рыльского уездов. Дворянство Курского, Оскольского и Белгородского края, вследствие недавнего своего образования во вновь устроенных городах только начало нести военную службу против врагов Русского Государства и в этом отношении содействовать путивльским и рыльским дворянам и детям бояр-

ским. В этом отношении военно-служилое сословие Курска, Оскола и Белгорода проявило такую ревностную и отличную службу, что Борис Годунов посылал своего гонца с милостивым словом в Курск и Оскол, а впоследствии и в Белгород к дворянам, детям боярским и остальным ратным людям, в котором похвалял их службу и благодарил за нее.

Впрочем главная задача военно-служилого Дворянства Курского края – защищать отечество от крымцев и ногайцев была облегчена в данное время тем, что отношения России к Крыму были более или менее благоприятны. Хан, с одной стороны, будучи не в ладу с турецким султаном, принуждаемый им принимать участие в войнах Турок с враждебными им государствами, а с другой стороны видя, что внезапный приход ханских войск под Москву затрудняется устройством новых укрепленных городов в Курском и соседних с ним краях, должен был более или менее смириться и соглашаться с московскими послами, которые провозглашали, что Государь их не боится ни хана, ни султана, что рати его бесчисленны. Борис Годунов приказывал отпускать крымских гонцов так, чтобы новые города: Оскол, Белгород, Валуйки, Цареборисов были в стороне от их пути, и следовательно послы не шли близко от этих городов, не видали их и не рассматривали, в каком состоянии они находятся[101]. Тайна должна была окутывать силу и значение этих городов-крепостей для того, чтобы татары боялись их.

Во время царствования Бориса Годунова далеко от крайнего тогда на юге города Белгорода, по Царскому указу, в пустынной степи, вблизи нынешнего Изюма на берегу реки Оскола при впадении ее в Донец, был выстроен новый город Цареборисов под наблюдением боярина Бельского.

[101] История России с древнейших времен, С.М. Соловьева, т. VIII, 709-710 стр.

Дворяне и дети боярские Курского края принимали, на основании Царской грамоты, деятельное участие в постройке города Цареборисова. В 1599 году за неделю до Ильина дня ополчение и припасы для сооружения нового города, собранные в городе Ливнах, были отправлены в город Оскол. Здесь все необходимое для войска, было погружено на суда, где поместился пеший отряд, а конный шел по берегам реки за судами. На работах по городу находилось 46 выборных дворян и 214 детей боярских, взятых из городов Курского края.

Это обстоятельство, относящееся к концу XVI века (начало постройки Цареборисова относится к 1599 году), вызвало новую и притом очень трудную и опасную службу дворян и детей боярских Белгородского и Оскольского края. Дело в том, что в 1600 году последовало распоряжение Бориса Годунова о том, чтобы белгородский и оскольский воевода посылали сторожи и станицы к новому городу и получаемые ими вести передавали в Цареборисов.

Кроме того оба воеводы – белгородский и оскольский должны были сноситься с воеводами г. Цареборисова, которые в случае появления значительных татарских полчищ, должны были являться на помощь вместе с донецкими и оскольскими атаманами. Сторожи и станичники из Белгорода и Оскола прежде всего должны были ездить в Цареборисов с вестями, а потом уже в свои города, здесь назначен был съезд казаков и атаманов на помощь в осадное время, здесь же они получали корм и жалованье. Но эта новая служба дворян и детей боярских Белгородского и Курского края продолжалась недолгое время. В Смутное время Цареборисов был оставлен и пришел в запустение.

Выше мы упомянули о службе дворян и детей боярских в новых городах Курского края, вызвавшей одобрение и награду Бориса Годунова. К этому мы должны добавить, что в его царствование разъезды и станицы из этих городов, в особенности из Белгорода уже были на-

столько велики, что ничем почти не уступали разъездам путивльских и рыльских станичников. Белгородские станицы доезжали почти до впадения Донца в Дон. В Белгороде было 40 станиц, во главе каждой из них стояли дети боярские: головы и атаманы.

Около Курска важное значение имело особое укрепление, состоявшее из большого рва и вала, существовавшее еще со времени царствования Иоанна Грозного. О нем говорится в «Книге большого чертежа» под 1571 годом так: «В реку ж в Тускорь под градом под Курском пала речка Кур, протоку 12 верст, а вверх на московской дороге *валки*, от Курска 12 верст, а за них надолобы, по вестям стоят здесь сотники»[102]. Укрепленные города Курского края обыкновенно окружались укреплениями в виде надолобов. Надолобы – это обрубки дерева, стоймя поставленные за наружным краем рва в один, два или три ряда, они были иногда со связями и наметами, то есть, соединялись друг с другом связью и засыпались землею с хворостом. Иногда леса защищались надолобами, если в лесу были селения[103].

2.

Очень любопытна по отношению к истории Дворянства Курско-Белгородского края *тайная грамота* Крымского хана Казы-Гирея Царю Борису, в которой хан старается убедить Царя в том, чтобы тот не устраивал укрепленных городов на окарине Государства. «Теперь, – писал хан, – ты города поставил и этими городами к нашему государству близко подошел, а те места, которые по Донцу – наших

[102] Сотниками назывались служилые люди, посылаемые из сотен. Сотня же была одна из боевых единиц, другие единицы, большия по составу, были: станица и полк.

[103] Ласковский. Материалы для истории инженернаго искусства в России.

улусов угодья[104]. Будь тебе, брату нашему, ведомо: Турский государь как ни помыслит на ваше Государство рать послать, так я ему отговариваю тем, что место дальнее и пешей его рати до вашего Государства не дойти, чем ему и запрещаю, а только он ведает, что к вашим городам близко дойти можно, то он будет вашим Государствам вредить. Татарские князья и лучшие люди нам говорят: русские города к нам близко поставлены и если между нами будет недалеко, то нашим людям с Русскими людьми нельзя не задираться».

На это письмо был следующий ответ: «Турского рать Великому Государю не страшна, Великий Государь может стоять против всех своих недругов, а рати у Государя нашего несчетно. Города поставлены на поле для воров Черкас, потому что многие воры Черкасы и донские казаки послов и гонцов громили, а как те города поставлены, то теперь послам, посланникам и гонцам дорога чиста, Государя вашего улусам от тех городов убытка нет, а только прибыль, что уже тут воры Черкасы не живут».

Письмо Казы-Гирея к Борису Годунову очевидно было направлено не только против городов, хотя бы и укрепленных, но и против военного населения курских порубежников детей боярских, которые, по известиям Никоновской летописи, время от времени предпринимали военные походы против крымских и ногайских Татар, целью которых было освобождение пленных, добыча и внушение страха татарским улусам и ордам, чтобы в среде их населения было менее охоты к нападениям и походам на Русских. С увеличением числа военно-служащего населения в Курском крае, возросло и количество и интенсивность военных походов Курчан на Татар как Крымцев, так и Ногайцев.

[104] В то время устройство Белгорода на Донце рассматривалось как важнейший шаг к овладению степью, неподвластной еще Московскому Царству.

В 1600 году Крымские Татары явились к пределам Курского края для того, чтобы, если не удалось хитростью, которая была проявлена в письме Крымского хана к Борису Годунову, то взять города Белгородско-Курского края силою своих многочисленных полчищ. Они пытались завладеть Курском и Белгородом, и разорить их в конец. Будучи недавно устроены и укреплены, эти города не могли оказать на первых порах резкого отпора врагам, но орловский воевода князь Борис Петрович Татев вместе со своим войском разбил татарские полчища и прогнал их из пределов Русской земли.

Относительно пожалования лиц низших сословий и даже детей холопов в достоинство детей боярских Царь Борис не держался строгого правила охраны дворянского сословия от вторжения чуждых элементов, он допускал такие пожалования, примеры чего мы видим в городах Епифани, Ельце и в Курском крае. Но эти пожалования оказались непрочными, так как лица, пожалованные Борисом, в последующие царствования были возвращены в прежнее свое состояние.

Что касается указов Царя Бориса Годунова, относящихся к дворянскому сословию, то в этом случае обращает на себя внимание изменение Борисом указа Царя Иоанна Грозного 1556 года, сентября 20 о равномерном для цели службы наделении служилых людей землей и о нормальном размере службы с каждых 100 четей поместной земли. При Борисе Годунове этот указ был заменен новым, при чем установленные Иоанном строгие правила отбывания службы были значительно смягчены.

Нужно сказать, что в самом начале XVII века Курский край приобрел весьма значительное население вследствие того, что в северных областях Московского Государства свирепствовал голод и жители их устремлялись в более плодородные и привольные местности. «В некоторых областях России, – говорит историк С.М. Соловьев, – например, в Курской был большой урожай, вследствие чего сюда стеклось

много народа и Курск наполнился жителями». И действительно мы видим, что в Смутное время в Курске было большое население и уже несколько церквей[105].

3.

В 1601 году, после нашествия Крымских Татар, в город Белгородского края Цареборисов был послан окольничий Бутурлин для размена русских и крымских послов. На сделанном на реке Донце мосту велись переговоры, последовала уплата дани 14,000 руб. хану, а он дал шерт, то есть, клятву относительно прекращения нападений на Курский край.

Вообще набеги Татар несли с собою страшную разрушительную силу. Главный расчет их на удачу основывался на внезапности и быстроте наскока. Опустошив Русскую область, Татары или Нагайцы удалялись в степи на 30 или 40 верст от границы, останавливались в безопасном месте, отдыхали, собирали и делили между собою добычу, состоявшую из пленных и домашнего скота.

– «И бесчеловечное сердце (говорит в своем *Описании Украины* Боплан[106]), тронется при прощании мужа с женою, матери с дочерью, навсегда разлучаемых тяжкою неволею, а зверские мусульмане бесчестят жен и девиц в глазах мужей и отцов, обрезывают детей в присутствии родителей, одним словом совершают тысячи неистовств. Крики и песни буйных Татар, стоны и вопли несчастных Русских приведут в трепет и жестокую душу. Пленники отвозятся в Крым, Константинополь, Анатолию (Малую Азию) и другие страны. Поделив пленных, Татары уводят их в улусы и продают в рабство».

---

[105] История государства Российского, т. VIII, 741 стр.

[106] Профессора Д.И. Багалея «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского Государства», 87-90 стр.

Пленники и пленницы поступали на невольничьи рынки и продавались в разные страны Европы, Азии и Африки. На продажу пленных выводили гуськом, прикованных друг к другу за шею, и продавали с аукциона. Такая торговля производилась во всех городах Крымского полуострова. Но центральным рынком рабов и рабынь была Кафа, здесь они грузились на корабли и отвозились для продажи сарацинам, персам, индейцам, арабам, сирийцам. По истечении столетий сердце содрогается при мысли о жесточайших страданиях защитников родного Курского края и Русского Государства, его неприкосновенности, чести и славы.
В свои летние походы Татары обыкновенно собирались от 10,000 до 20,000 всадников, которые за 20 или 30 верст от границы разделялись на 10-12 отрядов; каждый из этих отрядов был удален от другого на 1-1½ версты; в таком порядке проходили они через степи. Делалось это для того, чтобы замаскировать свои действительные силы от русских сторо́жей и разъездов. Встретившись с отрядом Татар, разъездные станицы могли сообщить о числе их в пограничные города, между тем как к моменту нападения отдельные татарские загоны соединялись вместе, выбирали себе прямую дорогу между двумя большими реками и устремлялись грабить поместья, села, деревни и другие места, где и производили более или менее значительные разорения. По словам Боплана, в сражениях Татары прибегали к всевозможным хитростям: старались стать спиною к солнцу, чтобы оно светило в глаза их противникам, употребляли все усилия к тому, чтобы ветер дул на их врага, и т.д. Пустив тучу стрел, они убегали на своих быстрых конях, затем снова соединялись и опять пускали стрелы на всем скаку через левое плечо. Из лука они стреляли очень метко, попадали на 60 и даже 100 шагов. Догнать бегущего татарина было не легко. Нападения Татар нередко увенчивались успехом, потому что были чрезвычайно внезапны, правильных битв они избегали,

на за то были искусны в мелкой партизанской степной войне.

И вот с такими-то наездниками и мастерами степной войны, с людьми выносливыми до последней степени, фанатиками и фаталистами, с такой первоклассной конницей должна была сражаться курская конница, состоявшая из дворян, детей боярских и казаков, и, как мы видим из исторических источников, исполняла свою тяжелую службу самоотверженно и вполне успешно.

4.

После похода Татарского хана и уплаты ему громадной по тому времени суммы 14,000 руб.[107] Правительство старалось перемещать военно-служилое население из Москвы и других городов в города Курского края. Действительно, станицы, разъезды и сторожи никогда не могли закрепить окончательно за Московским Царством южной его окраины. Для этого необходимо было *постоянное население*, которое могло прочно утвердить за Государством среднерусские степи и оградить его от татарских орд. Станицы и сторожи могли быть только временно в опасных местах. Дворяне и дети боярские городов Белгородско-Курского края, находясь на службе в более отдаленных от их городов местах, как мы знаем, все время должны были проводить на лошадях, не раскладывать огня два раза на одном и том же месте, не останавливаться, их главная обязанность состояла в наблюдении за татарскими сакмами и перелазами, число которых было очень велико. Что бо́льшая часть Курского края в царствование Федора Иоанновича и Бориса Годунова еще не была заселена, ясно видно из обозначения направления дорог, по которым совершались разъезды путивльских

[107] Тогдашний рубль равнялся приблизительно 14 рублям, стало-быть хану было уплачено 196,000 руб.

и рыльских дворян и детей боярских, а впоследствии и курских и белгородских, которое определялось не селениями, а реками, речками, колодезями, перевозами, перелазами, городищами, курганами, лесами, деревьями и разными урочищами. Определение направления, скрещения и перекрещения путей нигде не указывается какими-либо населенными местами, например, селениями, деревнями, хуторами, починками. «Это, – говорит профессор Д.И. Багалей[108], – служит самым *убедительным доказательством,* что этот край не был еще заселен».

Таким образом, с полным правом мы можем сказать, что заметное и более или менее сплошное население Белгородско-Курского края совершилось в первый основной раз в начале XVIII века. Писцовые книги первой половины этого века уже свидетельствуют о значительном числе дворян и детей боярских, проживавших в тогдашних уездах Курского края. К этому, прочно осевшему на местах населению, впоследствии прибавляются новые контингенты дворянского населения то в бóльшем, то в меньшем количестве. Население это явилось преимущественно с северных областей России, но немалочисленно было движение населения с юга, востока и из иноземных Государств.

Крестьян в Белгородско-Курском крае, как мы уже говорили, почти не было, мало было и посадских людей. Только в некоторых городах развилась промышленность и торговля. Даже деревни, как это ясно видно из писцовых книг, были населены почти исключительно разными разрядами служилых людей. До Смутного времени, когда крестьяне еще пользовались правом перехода, они едва ли могли иметь желание переселяться сюда в виду постоянных военных действий в крае, а впоследствии число крестьян значительно возросло, особенно когда в Курской губернии появились не бывавшие дотоле крупные дворянские имения. До этого же времени большинство землевладельцев были дети

[108] Очерки по истории колонизации степной украйны, 109 стр.

боярские. Раздача земель на южной окраине Московского Государства была весьма удобна для Правительства при обилии свободной земли, а всякий новый поселенец был очень желателен как воин и земледелец. Так, например, в Белгородском уезде служилым людям в царствование Бориса Годунова было отведено земли на 5000 копен сенных покосов.

В царствование Бориса Годунова на службу в Государевы украйны принимались выходцы – Черкасы-малороссияне. Черкасские атаманы и другие служилые люди высших степеней увеличили в Курском крае дворянский класс населения. Еще с царствования Федора Иоанновича Малороссияне уже были в составе служилого сословия. В конце XVI века мы встречаем их в Путивльском и Оскольском уездах, что́ и не удивительно вследствие необходимости для Правительства иметь более служилых людей для вновь устраиваемых городов, острожков и тому подобное. укрепленных мест. В Царской грамоте путивльскому голове Зиновьеву[109] говорится, что с ним велено было отпустить в поле с Путивля 45 Черкас. В 1589 году путивльским выезжим Черкасам атаману Аггею «с товарищи» были отведены дворовые места в Путивле для своего устройства, здесь они просили пособия у Государя. Вообще Черкасы, поступившие на службу в Россию, несли ее наравне с дворянами и детьми боярскими. Так, голова Василий Андреев выручил из плена донецких атаманов Яковлева и Новгородца и разбил отряд воровских Черкас. Атаманы Яков Лысый и Аггей Мартынов с путивльскими Черкасами были отправлены на Псел и на Донец преследовать воровских Черкас. В другой раз Лысый разбил черкасского атамана Лазаря и отнял имущество и оружие, ограбленное у путивльских севрюков, в третий раз он отбил кош атамана Карнауха, разбил в Путивльском уезде атамана Берчуна.

[109] Значится в десятне в числе дворянства Путивльского уезда.

Мартынов разбил атамана Колошу, опустошавшего Государевы бортные ухожья. Черкасские атаманы со своими отрядами помогали Русским воинским отрядам против Татар и казаков, так они разбили воровской разбойничий отряд Сеньки Колпакова. Таких отрядов и шаек было много. По Осколу и Донцу грабил воровской атаман Мишук, он разбивал станичников, приходил под Рыльск и Новосиль (в Путивльском крае) и похищал стада. Против Мишука Правительство принимало деятельные меры.

В 1593 году было приказано Донским казакам промышлять в Северского Донца на перевозах и шляхах над Крымцами вместе с Государевыми людьми путивльскими детьми боярскими и Запорожскими казаками под предводительством гетмана Косицкого. Черкасы, подобно Русским служилым людям, были наделяемы поместными окладами, и сами били челом о поверстанье и о поместном и денежном жалованьи.

С течением времени Черкасы, а в особенности их предводители и начальники сделались Русскими дворянами в Белгородско-Курском крае, вступив в сословие детей боярских и положили основание некоторым родам Курского Дворянства, будучи испомещены в Курском крае. Этот факт принадлежит к очень важным в истории образования дворянского сословия в названном нами крае. Развитие его последовало в следующие царствования.

Глава IX Смутное время

Появление Димитрия Самозванца в Курском крае. – Волнение в народе. – Вопрос об отношении высшего служилого сословия к Димитрию Самозванцу, переход на его сторону низших классов населения и казачества. – Пустота осадных дворов во время похода Самозванца. – Затруднительность положения дворян и детей боярских Черниговско-Курского края. – Сдача Димитрию черниговских городов. – Переход Путивльцев на сторону Лжедимитрия. – Законы о дворянском сословии при Димитрии Самозванце. – Вступление на царство Шуйского. – Восстание против него. – Тушинский вор. – Награды за московское осадное сиденье Курским дворянам. – Законы о дворянском землевладении Шуйского. Эпоха междуцарствия. – Грамота московских бояр о спасении Государства. – Деятельность Пожарского по освобождению России от врагов. – Значение дворянского сословия в смутное время. – Закон о поместьях, изданный Боярской Думою.

1.

В октябре 1605 года Димитрий Самозванец вошел в пределы Московского Государства, именно в Северскую область, приближаясь к Курскому краю. В это время в Курске и других местностях было очень много волнений среди народа. В среде служилого сословия, дворян и детей боярских, как стоявших во главе местного обще-

ства возникли серьезные вопросы, которые приходилось решить немедленно. Во главе их стоял вопрос об отношении своем к лицу, которое назвало себя сыном Иоанна Грозного и приобрело доверие во многих слоях Московского Государства, начиная от самых высших. В Путивльской и Рыльской области появились воззвания Самозванца с разными заманчивыми обещаниями и уверениями в том, что он истинный Царь Дмитрий Иоаннович и идет занять свой родительский престол. В Курском крае нашлось много увлекшихся новым событием: крестьян, так называемых гулящих людей, Черкас, казаков и вообще представителей низших классов населения. Они не колеблясь решили примкнуть к Димитрию, по первому призыву. Точно также Донские и иные казаки, как бывшие в это время в Белгородско-Курской области, так и находившиеся в своих станицах, вскоре оказали Димитрию Самозванцу сильную поддержку, явившись к нему в критическую минуту с отрядом в 4000 человек отборного войска. Как низшие классы смотрели на движение Димитрия к завоеванию Русского Царства, видно из того, что в Путивле, Рыльске и в особенности в Курске никто из народа не боялся похода войск Самозванца и предстоявшей осады городов. Это ясно выражалось тем, что в Курске осадные дворы, находившиеся в крепости, совершенно пустовали, никто и не думал спасаться в них, как это бывало прежде, когда разносилась весть о том, что Литва идет или Татары. Тогда места не хватало в осадных дворах. В конце же 1604 и начале 1605 года посадские и вообще жилецкие люди, а тем более простой народ беспечно проживали в посадах, слободах и селениях.

Обратимся теперь к военному служилому классу населения – дворян и детей боярских. Они в наступившее Смутное время, руководимые своими начальствующими лицами, старшими дворянами, ревностно исполняли свои обязанности, стояли на башнях и заставах городов, держали караулы, разъезды, готовились в своих полках к военно-

боевому походному времени, приводили в порядок свое оружие и другие припасы, «седлали», как тогда говорилось и «кормили коней». Но неся, как прилично было настоящим воинам, службу, несомненно служилые люди дворяне и дети боярские и их руководители крепко задумывались о том, как им поступить и что́ делать? Решение этого вопроса для военно-служилого сословия было тем более затруднительно, что оно не могло воспользоваться ни чьим примером. Нельзя было ждать, как поступят другие города. Разрубить Гордиев узел и в значительной степени содействовать начатому Димитрием перевороту или затушить его, выпало на долю именно Черниговско-Курского военно-служилого сословия с тою только разницей, что Черниговцы в данном отношении могли не особенно значительно повлиять на ход дела, хотя и подали повод к началу первого успеха Димитрия. Жители Моравска сдались Самозванцу, также поступили и жители Чернигова, конечно, в согласии с тамошним военно-служилым сословием. Воевода был связан и лишен свободы. Новгород-Северский сопротивлялся Царевичу. В это время Димитрий все свое внимание обратил на Путивль, как город прекрасно укрепленный, бывший ключом к овладению Курским краем, как известно охранявшим Москву. В начале Путивль энергично отразил нападение войск Димитрия Самозванца, но затем в городском населении явились колебания, и возникло разногласие как в среде начальствующих лиц, так и в среде военно-служилых людей. 18-го ноября 1604 года Димитрий опять подступил к Путивлю. Воевода Михаил Салтыков распорядился об отражении войск Димитрия, оставаясь верным Борису Годунову. Воеводское приказание было немедленно исполнено, и поляки с казаками, составлявшие отряды Димитриевых полков, *были встречены огненным боем*. Но в это время путивльский осадный голова князь Рубец Масальский внезапно обезоружил и связал воеводу Михаила Салтыкова и отворил ворота для Димитрия Самозванца. Конечно, Масальский не позволил бы себе сделать этого крайнего

шага, если бы он не опирался на городовых ратных людей. Для ясности дела скажем о том, что ратные люди разделялись на *полковых,* которые должны были биться со врагами, выступив из города и действуя в поле, и на городовых или осадных, которые имели своею обязанностью защищать город в его стенах. Вот эти-то последние военные люди, предводимые своим осадным головою, стали за Димитрия.

Путивль был сдан ему, при чем Путивляне склонились на убеждения Масальского и присягнули Самозванцу. Примеру Путивля, как известно, последовали: Рыльск, Оскол и другие города Московской окраины. Если увеличение войска Димитрия зависело от присоединений к нему казаков, Черкас и «гулящих людей», то очевидно переход городов нашего края зависел от военно-служилого сословия. Причина этого отношения к Самозванцу со стороны объясняется легко. Очевидно, это сословие признало в Димитрии истинного сына Иоанна Грозного. Могло ли оно противиться ему? «Сам Димитрий, – говорит С.М. Соловьев, – поступил в Курском крае так, что народ видел усердие его к вере православной, он велел принести из Курска в Путивль Чудотворную Икону Знамения пресвятой Богородицы, встретил ее с честию, поставил ее в своих палатах и каждый день молился перед нею. Образ Знамения сопровождал его в Москву, где этот образ был поставлен во дворце.

С другой стороны, не надо упускать из виду, что уже впоследствии Димитрия считали человеком, так сказать, злонамеренным, захватившим путем обмана и насилия Русский престол. Но в 1604-1605 году могли ли так уверенно думать Русские? Не любя Бориса Годунова, они скорее всего искренно могли считать Димитрия истинным, спасенным от руки убийц Царевичем, законно восходящим на престол своего родителя. Высшие сановники, воеводы, например, Салтыков и Шереметев говорили: – трудно сражаться с прирожденным Государем.

Воеводы Бориса Годунова начали было осаду Рыльска, но потом отступили от города. После смерти Бориса Русское войско перешло на сторону Димитрия, о чем его известил прибывший в Путивль, где находился Самозванец, князь Голицын. Тогда он отправился к войску из Путивля, где нашел надежное убежище во время затруднительного своего положения.

2.

В свое кратковременное царствование Димитрий Самозванец не успел издать каких-либо законов, которые бы касались прав и обязанностей Дворянства. Впрочем, при нем состоялись два приговора бояр о крестьянах, имевшие отношение и к жизни дворянского сословия. В первом приговоре было сказано: «Если *дети боярские*, приказные люди, гости и торговые всякие люди станут брать на людей кабалы, а в кабалах напишут, что занял у него да у его сына деньги и кабалу им на себя дал, то этих кабал отцу с сыном писать, а в книги записывать не велеть, а велеть писать кабалы порознь, отцу особая кабала, и сыну особая. Если же отец с сыном или брат с братом станут по служилым кабалам холопства искать, то этим истцам отказывать, а тех людей, на кого они кабалу положат, освободить на волю».

Другой боярский приговор касается беглых крестьян. «Если помещики будут бить челом на крестьян, сбежавших с их земли за год до бывшего голода, то беглецов сыскивать и отдавать старым помещикам. Если крестьяне бежали к другим помещикам и вотчинникам в голодные годы, но с имуществом, которым им прокормиться можно, то их также сыскивать и отдавать старым помещикам и вотчинниках. Если крестьяне бежали далеко из подмосковных городов *на украйны* и пошли от старых помещиков с имуществом, но растеряли

его дорогою и пришли к другим помещикам в бедности, про таких велено было спросить окольных людей старого поместья, и если они скажут, что крестьянин был прежде не беден и сбежал с имуществом, достаточным для прокормления, то беглеца отдать прежнему помещику. Если же окольные люди скажут, что крестьянин бежал в голодные года от бедности, крестьянину жить за тем помещиком, кто кормил его в голодные года, а истцу отказать: «не умел он своего крестьянина кормить в те голодные года, и теперь его не ищи». Если крестьяне в голодные года пришли в холопы к своим или чужим помещикам и вотчинникам и дали на себя служилые кабалы, а потом старые помещики станут их требовать в крестьяне, то опять же приговор боярский постановил разобрать – вследствие бедности сделали это крестьяне или нет и сообразно с этим разрешать дело всякий раз. Если крестьяне пошли до голода, то обращаются снова в крестьянство, на беглых крестьян дале пяти лет суда не давать.

Этот боярский приговор, как следовало и ожидать, имел большое значение для Дворянства Курского края. Дело в том, что во время страшного голода в центре России в царствование Бориса Годунова масса крестьян бежала в наш край, где были урожаи и где вообще поместья нуждались в рабочих людях. Не смотря на уничтожение Юрьева дня, полного прикрепления крестьян к земле еще не было, многие подмосковные помещики, в виду голодного времени, сами рады были уменьшению числа людей, которых следовало прокармливать. В свою очередь многие помещики Курского края в данное время приютили у себя крестьян, покинувших северные области с тем расчетом, что с увеличением числа крестьян в их поместьях, несомненно должна увеличиться и доходность их имений – вотчин и поместий. Из архивных источников[110] мы видим, что в первое десятилетие XVII века значительное количество поме-

[110] Московский архив Мининстерства юстиции, дела Белгородского стола.

стий Белгородско-Курского края приобрело себе крестьянское население в большей или меньшей степени. Вследствие приговора бояр, по указу Царя Димитрия, крестьян, перешедших из подмосковных поместий и вотчин вследствие голода в наш край, нельзя было возвращать прежним владельцам. А это обстоятельство имело громадное значение для курских помещиков, так как большинство поселившихся на их землях крестьян осталось на них на более или менее продолжительное время, а то и навсегда.

3.

Василий Шуйский, как известно, царствовал недолго, с 19-го мая 1606 года по 17 июля 1610 г. Дворяне городов не участвовали в качестве представителей в избрании Василия Шуйского, не было их и от городов Белгородско-Курского края. Вступив на престол, Шуйский прежде всего озаботился о расширении прав бояр. В Курске, Белгороде, Рыльске и Путивле в мае 1606 года были получены грамоты нового Царя, в которых было сказано: «Мне, Великому Государю, всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати и вотчин и дворов и животов (имущества) и братьи их и у жен и у детей не отымати, будет которые с ними в мысли не были. То же и с торговыми людьми».

В царствование Василия Шуйского один из главных предводителей восстания, начатого против Шуйского, Болотников разослал послания к низшему слою населения с воззванием об участии в этом восстании во имя Лжедимитрия II, так называемого Тушинского вора. Предводитель восстания князь Шаховской и его единомышленник Болотников были разбиты князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, Болотникова и Лжепетра казнили, а Шаховской был сослан.

Между тем смуты продолжались, так в 1606 году в Белгороде был бунт низших слоев населения против Шуйского, а когда воевода князь Буйносов начал усмирять этот бунт, то был убит. Когда в 1608 году Самозванец Лжедимитрий II вошел в Московские пределы, то из Русских сначала служили ему казанки и люди из самых низших слоев населения, но затем ему стали передаваться лица других сословий, стольники, стряпчие, жильцы, дьяки и подьячие. Под знамена Тушинского вора становились люди недовольные и в Тушине образовался особый двор, противоположный двору Московскому.

При всеобщей неурядице воеводы при содействии военно-служилого сословия старались поддерживать гражданский порядок, насколько, разумеется, это было достижимо и возможно. Обращаясь к дворянам и детям боярским городов Курского края, мы замечаем в данное время, что военно-служилое сословие этих городов выносило на своих плечах тяжелое бремя самозащиты и защиты важнейших основ правильной государственной общественной жизни и культуры, которым со всех сторон грозило разрушение и уничтожение со стороны противогосударственных и противообщественных элементов. Кроме того, военно-служилому сословию нашего края по-прежнему приходилось защищаться от набегов Татар, которые в это время в особенности нападали на города Белгородско-Курского края. В 1611 году Татары проникли даже в Курский уезд, грабили его и разорили Коренную пустынь. Но вообще в Смутное время южный рубеж Московского Государства был плохо обеспечен в политическом отношении, когда в самом центре Государства находились неприятели со своими враждебными силами. Путивльский рубеж стал местом, откуда двигались на Москву разные противогосударственные элементы. И это должно было отражаться на характере местного населения – способствовало развитию неспокойного духа у местных севрюков. В пределы Московского Государства вторгалось множество казачьих отрядов и шаек, которые помогали самозванцам и со-

единялись в казаками, служившими в городах Курского края и вообще в украинных городах, и с польскими жолнерами.

Что касается движения законодательства по отношению к дворянскому сословию, то в царствование Царя Василия Шуйского последовал указ о пожаловании за Московское осадное сиденье и за неотъезд к Тушинскому вору дворянам и детям боярским и другим ратным людям в вотчину из поместья со ста четей по двадцати четей. В актах рода Кикиных мы встречаем ссылку на указ Шуйского, в которой было сказано: «во прежнему указу как в прошлом 118 (1610) году на Москве при Царе Василье даваны вотчины дворяном и детем боярским за Московское осадное сиденье», и «с его Иванова (Кикина) окладу с 750 чети со ста по 20-ти, итого 150 чети из старого его поместья в вотчину». Для дворян и детей боярских Белгородско-Курского края этот указ имел весьма важное значение, так как некоторые из них, в это время служили в Государевых войсках и получили жалованные грамоты на вотчины в награду за осадное сиденье в Москве и неотъезд к Тушинскому вору. Так: Богдан Осипович Виденьев получил от Государя Михаила Федоровича в 1625 году грамоту[111], которою он был жалован вотчиною, что была дана ему Царем Василием Ивановичем Шуйским «за многие его службы и осадное Московское сиденье против Польских и Литовских людей и русских воров».

Предок Курских дворян Голофеевых Никита Жданов сын Голофеев и сын его Иван Никитич за службы их и за Московское сидение по жалованной грамоте Царя Василия Шуйского были пожалованы из их поместья

[111] То есть, грамота на вотчину ему была дана Царем Василием Шуйским за осадное сидение, а при Царе Михаиле Федоровиче ему, по указу Царскому, надо было обменить эту грамоту в поместном приказе.

в вотчину «с людьми и со крестьяны» потомственно. Предок Тимских помещиков Лутовиновых Алексей Иванович Лутовинов «за Московское осадное сидение при Царе Василии Шуйском» получил в вотчину во Мценском уезде пашню и сенокос. Предок Белгородских дворян Гриневых Сергей Гринев «за Московское осадное сидение при царе Василии Иоанновиче Шуйском» был пожалован по Царской грамоте с поместного его окладу с 670 четвертей, со 100 по 20, итого 130 четвертей, в вотчину. Предок Суджанских помещиков Алтуховых Матвей Савинович Алтухов был пожалован в 1608 году «за его службу и мужественное осадное Московское стояние при Царе Василии Иоанновиче Шуйском, когда Поляки и Литовские люди покушалися разорить Московское Государство и попрать Христианскую веру, вотчиною с его поместного оклада 110 четвертей в поле, а в дву потомуж» в Болховском уезде. Курский помещик Карп Григорьевич Потулов «за его многие службы и за Московское осадное сиденье был пожалован с поместного его оклада с 500 четвертей, со 100 по 20, итого 100 четвертей – деревнею Баранковою в вотчину». Предок Старооскольских дворян Алисовых Петр Васильевич Алисов за его службы, оказанные во время войны с польскими и литовскими людьми из его поместного оклада, что ему был дан при Царе Василии Шуйском в 300 четвертей. Во Мценском уезде, был пожалован из поместья в вотчину и др.

Закон, изданный в царствование Шуйского в марте 1607 года, подтвердил прикрепление крестьян к земле и постановил, что принимающий чужих крестьян платит 10 рублей пени с каждого человека, а господам по 3 рубля за каждое лето. Кто женится на беглой женщине, отдается со всем имуществом и детьми господину ее. Если помещик держит холопку до 17 лет в девицах, вдову не женит после мужа больше двух лет, парня холостого за 20 лет, таким давать отпускные в Москве казначею, а в других городах наместникам и судьям.

В Белгородско-Курском крае было много мужчин и, сравнительно, мало женщин, так как он являлся военным краем, где даже административное управление было полковым. Здесь была масса военных людей – казаков, драгун, рейтаров, копейщиков и проч., здесь были беглые всякого рода и бежавшие из мест своего жительства по разнообразным причинам. Они то нередко похищали разными способами девиц и женщин и потом женились на них. В делах Белгородского стола мы часто встречаем указания на то, что крестьянки не только девицы и вдовы, но и замужние по подговору, большею частью, военных людей низшего звания, спешили оставить своих господ и отправлялись за ними. Нередко похищение женщин происходило во время проезда воинских людей через поместья и деревни. Некоторые дела так и озаглавлены: «о побеге такой-то вдовы или замужней или девицы с поля с таким то или неизвестным лицом». Закон Царя Василия имел в виду ограничить это невыгодное для помещиков явление местной жизни.

Третий закон 1607 года касается холопства. «Если кто послужит в холопстве полгода и больше, а сам не родился в холопстве и не захочет давать на себя кабалы, того в неволю не отдавать». Но в 1609 году бояре отменили эту статью и восстановили закон Федора Иоанновича, по которому холоп, прослуживший полгода и больше, прикрепляется окончательно. Отказано было в просьбе тем дворянам и детям боярским, которые, подвергшись опале при Лжедимитрии, хотели повернуть к себе назад холопов, отпущенных на волю вследствие опалы.

4.

В настоящих строках нам предстоит коснуться жизни и деятельности Дворянства Курского края в эпоху междуцарствия – 1610-1612 года. Прежде всего упомянем о том, что в августе 1610 года в городах Курского края

были получены из Москвы грамоты, в которых было сказано: «Видя междоусобие между православными христианами, польские и литовские люди пришли в землю Московского Государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили, святыне поругались и хотят православную веру в латинство превратить; Польский король стоит под Смоленском, гетман Жолкевский – в Можайске, а вор – в Коломенском, литовские люди по ссылке Жолкевским, хотят Государством Московским завладеть, православную веру разорить, а свою латинскую ввести. И мы, поговоря между собою и услыша *от всяких людей украинских городов*, что Государя, Царя Василия Ивановича на Московском государстве не любят, к нему не обращаются и служить ему не хотят, кровь христианская междоусобная льется многое время, встал отец на сына и сын на отца, друг на друга, – видя всякие люди Московскому Государству такое конечное разорение, били челом ему, Государю, всею землею, чтобы он Государство оставил для междоусобные брани, и для того: которые люди, боясь от него опалы, и его не любя к нему и ко всему Московскому Государству не обращаются – те бы все были в соединеньи и стояли бы за православную христианскую веру за одно. И Государь Государство оставил, съехал на свой старый двор и теперь в чернецах; а мы целовали крест на том, что нам всем против воров стоять всем Государством за одно и вора на Государство не хотеть. И вам бы всем всяким людям стоять с нами заодно и быть в соединеньи, чтобы наша православная вера не разорилась, и матери бы наши, жены и дети в латинской вере не были».

Эта грамота имеет важное значение для истории Курского края, так как из нее ясно видно, что московские бояре пришли к известному решению *выслушав всяких людей украинских городов*, т.е., конечно, прежде всего лиц военно-служилого дворянского сословия, которые, как видно из грамоты, были недовольны Василием Шуйским. Нет никакого сомнения в том, что Смутное время царствования Шуйского

особенно тяжело отзывалось на украинских городах Московского Государства и поместном дворянском сословии. Об этом единогласно свидетельствуют все русские историки.

Нападения Литовцев, разных гулящих людей, татар – все это доводило благодатный по своему плодородию Курско-Белгородский край до разорения, нестерпимого для всех, в том числе дворян и детей боярских. И действительно, как мы знаем из истории, военно-служилое сословие этого края сочувственно отозвалось на боярскую грамоту. Не могла жалеть о низложении Шуйского Курская область, когда, как мы видели, против него восставали ее города, например, Белгород. Но не могла она и оставаться безучастною к предстоявшему тогда устройству Русской земли.

Когда после убийства Лжедимитрия II уже на надо было бояться этого самозванца, то многим Русским людям можно было действовать свободнее. Московские бояре, как мы видим, засвидетельствовали о том, что они в своем решении руководствовались преимущественно мнением и политическими взглядами украинских городов и, разумеется, которые стояли во главе оседлого населения, желавшего водворения мира, спокойствия и правопорядка как на своей родине, так и во всей России. И действительно военно-служилое сословие Белгорода, Курска, Путивля, Рыльска, Севска, Мценска и других городов должно было в то время представлять крупную политическую силу вследствие своей организованности в одно целое, привычке к дисциплине и устойчивости в традиционной службе на защиту Отечества и его важнейших границ. И действительно, лишь только в России стало проявляться желание народа устроить и обеспечить государственный и общественный порядок, как все города Курского края начали вести энергическую борьбу со врагами Отечества и не смотря на много бед, которые пришлось перенести Курско-Белгородскому краю, он постепенно и неуклонно шел к великой цели восстановления правильной и закономерной политической жизни родины.

Дух бодрости все более начал охватывать Русских людей, и они малопомалу становились на тот истинный путь, чтобы идти за теми, которые хотели избрать Царя из Русских бояр и имели твердое намерение предложить Московский престол юному Михаилу Федоровичу Романову.

Когда польский вельможа Сапега, – говорит С.М. Соловьев, – писал в Кострому, уговаривая жителей ее признать опять царем Владислава, то он высказался так: – «Знаете вы польских и литовских людей мочь и силу: кому с ними биться?» Но *бойцов*, – продолжает С.М. Соловьев, – *нашлось много*: они шли из земли *Северской*, к которой относились Путивль и Рыльск, Муромской, Рязанской, Низовой и др. под предводительством людей незнаменитых, но за то вполне преданных Отечеству. Когда Русские люди под предводительством князя Пожарского и других полководцев приступили к освобождению Москвы от поляков, то в это время для выполнения этой задачи со всех сторон России к Москве устремились служилые люди, и им в значительной степени обязано было Московское Государство своим освобождением.

В Путивле в это время была получена призывная грамота Пожарского, в которой он обратился к Путивлянам следующим образом:

«В Путивль архимандритом и игуменом и протопопом и всему освященному собору и Государевым воеводам и дворяном и детем боярским и стрельцом и козаком и гостиным и всяким жилецким и уездным людем.

Московского Государства бояре и воеводы и по избранию всех чинов людей у ратных и земских дел стольник и воевода Дмитрий Пожарский с товарищи, и чашники и стольники и дворяне большие и стряпчие и приказные люди и жильцы и дворяне и дети боярские всех городов и головы стрелецкие и козаки и стрельцы, князья и мурзы и Татарове и всех городов служилые люди и гости и торговые и всякие жилецкие люди челом бьют о поручении ему, князю Пожарскому Нижегородского ополчения для освобожде-

Москвы от Поляков и для избрания Государя, о присылке к нему ратных людей, денег и выборных от всякого звания людей для совета с ними».

На этот призыв в числу других городов Русского Государства с готовностью отозвались Путивльцы и весь Курский край.

Какое же значение имело дворянское сословие в Смутное время? – спрашивает один из историков Русского Дворянства М.Т. Яблочков и отвечает на этот вопрос следующим образом[112]:

– В Смутное время проявилась вся разумная сила дворянского сословия. Оно постоянно оставалось элементом монархическим, постоянно стояло за государственный порядок. Несколько дворян было в войске Болотникова, в стане Тушинского вора, на стороне Сигизмунда, но это были исключения, дворянское сословие оставалось врагом всего противообщественного. Если дворяне и перешли на сторону Димитрия, то считая его спасенным сыном Иоанна Грозного. Убеждение это было искреннее, пример тому Басманов, который долго сопротивлялся Самозванцу, потом первый перешел на его сторону и положил за него жизнь. Путивльский воевода Михаил Глебович Салтыков встретил в Путивле полки Димитрия Самозванца огненным боем с крепостных стен, между тем как при осаде города Кром Салтыков, очевидно, признав Димитрия спасенным Царевичем, велел отвести наряд (т.е. жерла орудий) от крепости.

Изучая историю Смутной эпохи, мы видим, что во всех действиях руководящим элементом является дворянское сословие. Бояре, составлявшие Думу, имея власть в своих руках, не обратили ее в свою пользу или в пользу дворянского сословия. Служба для дворян и детей боярских попрежнему была обязательной. Несмотря на разнообразные смуты, дворяне и дети боярские Белгородско-Курского края

[112] История Двор. сосл. 208-209 стр.

продолжали нести полковую, городовую и даже сторожевую службу. Конечно, в этой службе были перерывы и неустройства, но принцип ее был настолько неприкосновен, что при первых проблесках восстановления порядка все неустройства исчезали и заменялись прежним строем Государевой службы. Боярская дума назначила дворянам явиться на службу 29 мая 1611 года, у тех же, кто почему-либо не явился, были отняты поместья.

В предшествующее время в поместной системе произошла большая путаница. Поместья раздавались и в Москве и в Тушине и в Калуге, то Московским Царем, то самозванцем, то Сигизмундом, то Владиславом. Для водворения порядка в этом деле Боярская Дума 30 июня 1611 года постановила: «поместья и вотчины, розданные без земского приговора, отобрать назад и раздать поместные и вотчинные земли беспоместным и разоренным детям боярским». По этому приговору, как это впоследствии обнаружилось в царствование Государя Михаила Федоровича, получили поместья многие дети боярские в Курско-Белгородском крае. Поместья, данные на имя короля или королевича, приговором Боярской Думы велено было отобрать, но не отбирать у тех дворян, у которых кроме них нет других поместий и дач. *Не отнимать поместий у жен и детей умерших и побитых дворян*. Если дворяне и дети боярские, не приехав на службу до 29 мая, приедут и будут бить челом, что они не являлись по бедности, о таких сделать обыск, и если окажется, что они сказали правду, то поместья им возвратить. Велеть испоместить прежде всего дворян и детей боярских бедных, разоренных, беспоместных и малопоместных. Поместья были признаны Боярской Думой как бы собственностью родов служилых людей, и пока в роде были люди, способные к службе, род мог владеть поместьем. Боярская Дума постановила еще, чтобы поместья, перешедшие в Смутное время в чужой род, были возвращены роду прежнего вла-

дельца, чтобы после смерти отца переходило к сыну все поместье, а не часть его.

В виду громадной гибели в Смутное время отцов семейств дворян и детей боярских Белгородско-Курского края, в нем более всего нашла себе применение статья приговора о неотнятии поместий у жен и детей убитых и умерших их мужей в кровавых боях того времени.

Глава X Царствование Михаила Федоровича – военно-боевая служба дворян детей боярских в Курском крае

Избрание Михаила Федоровича на царство. – Состояние Русского государства и Курского края при его вступлении на престол. – Служба дворянства. – Замыкание дворянского сословия. – Возрождение Курского края и его Дворянства. – Участие его в устройстве Белгородской черты. – Милостивое отношение Михаила Федоровича к Курскому краю и его служилому сословию. – Основание Курского Знаменского монастыря. – Чудотворный образ Знамения. – Государева грамота монастырю. – Военная деятельность дворян и детей боярских Путивльско-Рыльского края против польских и литовских войск. Участие дворян и детей боярских Курского края в походе против Заруцкаго. – Донесение боярина Федора Мстиславского Царю о ратных подвигах дворян и детей боярских Рылян и Путивльцев по освобождению Отечества от польских и литовских войск. – Борьба служилых людей Курского края против Литвы. – Мирное постановление с Польшею. – Учреждение Курских сторож. – Состав служилого сословия в Курском крае. – Нападение Татар и Литвы на Курскую область и отражение их служилыми людьми. – Поражение Татар Анненковым. – Нападение Польских войск на Белгородский

уезд. – Нападение Вишневецкаго на Курск. – Успешные походы Путивльцев дворян и детей боярских в Литву. – Битвы под Белгородом. – Отпуск дворян и детей боярских на Дон для выкупа пленных. – Нападение на Курск Литовских и Черкасских людей. – Переход на службу в Русское Государство малороссиян.

1.

Избрание на царство Михаила Федоровича было светлою зарею для Русского народа и Русского Царства. С этого времени начинается возвышение, слава и могущество России, в этом заключается великий смысл его славного царствования, сменившего собою страшные и кровавые смуты лихолетья.

После ужасов Смутного времени Россия вступила в счастливую пору успокоения и упорядочения государственной жизни. В этом великом Государственном историческом деянии принимала участие и Курская земля в лице своих выборных представителей населения всех сословий, во главе которых стояло военно-служилое сословие – дворяне и дети боярские. Из Курского края на Соборе 1613 года, избравшем Государя, присутствовали следующие лица: Рыленин и выборный человек Иван Брехов и несколько дворян Рыльского уезда, выборный пушкарь Иван Родивонов, из Курска Иван Федорович Паркин и несколько дворян города Курска, из Оскола Спасский поп выборный Богдан и несколько боярских детей-Оскольцев, из Белгорода церкви Пречистой Богородицы Рождества поп выборный Исаак и несколько *детей боярских*. Все они подписались на *Утвержденной грамоте* за себя и за других представителей не подписавшихся на грамоте и за всю Курскую землю. Представители Курского края участвовали во всех торжествах, которые состоялись в 1613 году по случаю избрания и венча-

ния на царство Государя Михаила Федоровича, состоя в это время в числе выборных Земского Собора.

В разоренной Русской земле в первое время царствования Михаила Федоровича еще бродили под названием казаков шайки разбойников, потерявших честь и совесть, которые грабили, жгли жилища, мучили и убивали людей. Государство было разорено, на него имели притязания и старались осуществить их сильные иноземные враги. Но благодаря верховному водительству Великого Государя Михаила Федоровича и его отца Патриарха Филарета, Россия не погибла и, не смотря на страшные опасности и народные бедствия, успела достаточно окрепнуть и положить начало светлому периоду русской истории – периоду могущества, славы и преуспения Русского Государства во всех отношениях.

В конце царствования Михаила Федоровича мы уже видим отрадную картину. Верный исторический путь России был найден и ясно намечен, уже ничто не вызывало опасений за ее будущее; взамен горьких дум о будущем и всеобщего колебания умов в народе явились светлые надежды и он увидел постепенное осуществление их.

В царствование Михаила Федоровича предстояли две больших задачи: освободить Русскую землю от врагов внутренних и внешних и устроить ее. В этом деле Государь обратился к содействию всей земли. Когда возвратился в Россию Патриарх Филарет, то Михаил Федорович всегда поступал по указанию и руководству отца, обладавшего выдающимся умом, замечательными государственными способностями и дальнозоркостью в делах политики. По смерти Патриарха Филарета царь Михаил Федорович продолжал с успехом и пользою для России его политику, духом которой и сам всецело проникся. Россия в первые же годы царствования Михаила Федоровича была освобождена от вражеских полчищ, с соседями был заключен мир, внутреннее состояние ее, по возможности, было приведено в порядок и устроено, сделаны были большие приобретения земель на востоке России.

При Михаиле Федоровиче каждый год, весною рассылались указы о сборе дворян и детей боярских и назначался срок их явки, например, к 1-му мая. Обыкновенно в уездный город приезжал боярин или кто-либо из Московских дворян, имевших придворные чины, собирать и привести ратных людей из уездов, здесь он и выполнял данное ему поручение. Дворяне, дети боярские и новики должны были являться на службу в латах, панцырях, шлемах и в шапках мисюрках, иметь пистоли, карабины и пищали мерные, саадаки.

За дворянами и детьми боярскими следовали: стрельцы, казаки, пушкари и другие служилые люди по прибору. Они набирались из вольных охочих людей, поселялись в городах, большею частью окраинных, в том числе в Белгородско-Курском крае, слободами, им давали дворы, землю, служба для них была обязательною, *но они не были дворянами*.

При Михаиле Федоровиче три сословия – сельское, городское и дворянское – замыкаются мерами Правительства. При нем в 1641 году дворяне и дети боярские били челом, что их братья и племянники, дети и внучата верстанные и неверстаные кабалу на себя дают и женятся на крепостных женках и девках. Государь повелел: «верстанных дворян и детей боярских, если даже они поженились на крепостных женках и девках, взять с женами и детьми и написать с городами по поместью и по вотчине. А вперед с нынешнего указа дворян и детей боярских детей, племянников и внучат, верстаных и неверстаных в холопы никому не принимать».

При Михаиле Федоровиче помещики могли уже вступать между собою в частные сделки для передачи поместий, из этого образовалось право давать поместья в приданое за дочерьми. Вообще Правительство старалось сравнять поместья с вотчинами, чтобы одинаково обложить их государственною службою «дабы земля из службы не выходила».

Царствование Государя Михаила Федоровича, будучи в высшей степени благотворным для Русского Государства, в

то же время дало новую жизнь Курскому краю. Историки справедливо считают время Михаила Федоровича *воскресением* Белгородско-Курской области после ее нестроения в Смутное время. Курское дворянское сословие начало свое прочное бытие на территории, занятой им уже по всем уездам нашего края при Михаиле Федоровиче. В это время возникло и усилилось дворянское землевладение, и земли заняли те члены дворянского сословия, которые передали их в роды родов в Курском крае. Развитие и возрастание курского дворянского сословия именно относится к царствованию Августейшего Родоначальника Царствующего Дома Романовых.

Количество городов, а следовательно и уездов в степной окраине Московского Государства до царствования Михаила Федоровича было весьма незначительно, всего восемь, и они были расположены в пределах Орловского, Курского, Тамбовского и Воронежского края. С 1636 года по очищении России от Литовцев, Поляков и воровских Черкас, Государь обратил особенное внимание на южную окраину; начинается кипучая деятельность по постройке новых городов, по укреплению старых и по устройству преград для кочевников. В одной только Курской области за время царствования Михаила Федоровича устраивается восемь городов[113], то есть, столько, сколько их было прежде во всей степной окраине. Устройство городов и разного рода укреплений было проведено не случайно, а даже все частности великого государственного дела были предварительно серьезно и внимательно взвешены и оценены по повелению Государя опытными и сведущими людьми, главным образом из представителей курского дворянского военно-служилого класса.

Неудивительно, что широкий план охраны России был выполнен вполне целесообразно и отразился в жизни России вообще и Курского края в частности столько благотворными

[113] Обоянь, Хотмышск, Карпов, Короча, Яблонов, Болховой, Недрыгайлов, Бобрик.

последствиями. Как обдуманно предпринималось в 1637 году дело городового строения, приведшего Курский край к возрождению из пепла и увеличившего его Дворянство, можно видеть из столбцов Белгородского стола в актах «об осмотре Калмиусского, Изюмского и Муравского шляхов и о постройке там городов и разных укреплений».

2.

В истории Курского края ясно выражается милостивое отношение Государя Михаила Федоровича к этому краю и его населению: дворянам, детям боярским и всему служилому сословию. Сказывается это прежде всего по тем щедротам, которые он оказывал монастырям, игравшим громадную роль в духовно-нравственной жизни тогдашнего населения. Религиозное чувство укреплялось созданием церквей и монастырей. Последние имели то важное значение, что здесь находили себе тихое пристанище и приют старые воины, проведшие всю жизнь в боях и походах, лишившиеся нередко жен и детей. При этом надо иметь в виду то обстоятельство, что заслуженные воины дворянского сословия искали и находили в монастырях приют не в материальном отношении, в чем они не нуждались, а нравственное успокоение в молитвенной и созерцательной жизни после бурного времени войн, походов, битв и тяжелых утрат.

В своей просьбе Государю Михаилу Федоровичу об основании Знаменского монастыря в Хотмышске дети боярские говорят: «иные из нас больные и на боех ранены и от больших ран по обещанию желают иноческий образ принять»[114].

Жены военно-служилых людей, так часто лишавшиеся своих мужей, погибавших на войне, спешили в монастыри... Вдовы нередко просили Государя об оказании им пособия на пострижение в монахини: «Пожалуй меня Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея России, –

[114] Белгородского стола столбец 151-й.

писала одна из вдов в 1634 году в своей челобитной, – черную вдову и мужа моего службы и за кровь и за смерть мне, черной вдове на постриганье своим Царским жалованьем». Если мы вспомним, – говорит профессор Д.И. Багалей, – как много русских украинских людей погибало в войне и захватывалось в плен неприятелями, то поймем, откуда являлось в монастырях значительное число монахов и монахинь[115]. Какое значение имели монастыри для ратных людей, видно, например, из отписки воеводы Государю об измене Черкас в Чугуеве, где во время боя их с детьми боярскими и московскими стрельцами, которые выбили Черкас из города, сотник стрельцов Роман Блеклой *от ран был пострижен*. Воины, ожидавшие смертного часа, принимали иночество, в случае выздоровления они обыкновенно уходили на всю остальную жизнь в монастырь.

Государь Михаил Федорович не оставил ни одного города Курского края без своего благоволения и оказания щедрой помощи. Он оказал ее в первый же год своего царствования Знаменскому Курскому монастырю.

По местному сказанию, основание Знаменского монастыря в Курске относится к 1612 году. В этом году, когда Поляки и казаки делали набеги до самого Курска, Польский Гетман Жолкевский напал с многочисленным войском на Курск. Находившиеся в нем войска, а также и посадские жители под предводительством воеводы стольника Юрия Игнатьевича Татищева, приготовясь отражать сильного врага, прибегли с молитвой к Богу в Воскресенском соборе, находившемся на теперешней Красной площади, и дали обет, если им удастся освободиться от неприятелей, устроить в городе монастырь во имя Богоматери и в нем поставить Чудотворный образ Ее Знамения, когда он будет возвращен из Москвы в Курск, потому что он, взятый в 1604 году Димитрием Самозванцем в Москву, находился там в Царском дворце. После продолжительной осады не-

[115] Очерки из истории колонизации степной окраины Московского Государства, 116 стр.

приятели не смогли овладеть городом и отступили от Курска. Военные люди и все граждане города исполнили свое обещание и построили монастырь. По писцовым книгам 1631 года, составленным при курском воеводе стольнике Собакине, Знаменский монастырь значится находящимся в крепостном остроге в конце городового моста и ряда. В 1613 году в монастыре были две деревянные церкви: одна во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а другая в честь преподобного Михаила Малеина, имя которого носил Государь Михаил Федорович. В 1618 году им была прислана грамота курским воеводам князю Афанасию Григорьевичу Козловскому и Ермолаю Ивановичу Мясоедову. Эта грамота последовала по челобитью Курчан дворян и детей боярских, посадских и уездных всяких людей о пребывании в устроенном в Курске Знаменском монастыре Иконы Знамения вместо Воскресенского Собора. Царскою грамотою было удовлетворено общее желание и челобитье. Возвращенная в 1615 году Михаилом Федоровичем в Курск Икона, находившаяся до 1618 года в Воскресенском храме, была поставлена в монастырской церкви. К 1626 году относится весьма важная в истории Курска и его служилого населения грамота Патриарха Филарета Никитича, вызванная челобитьем игумена Знаменского монастыря Варлаама.

Вот эта грамота: «Божиею милостию се аз смиренный Великий Господин и Государь Святейший Филарет Патриарх Московский и всеа Руси. Бил нам челом пречистые Богородицы Курского монастыря строитель Варлаам, а сказал: в прошлом де 133 (1625) году бил он нам челом, чтобы Чудотворную Икону Пречистые Богородицы нести в пустынь[116] на прежнее ее место, где Ея (то есть, Богородицы) был монастырь, и братии келлии строити, и по нашему указу тое Чудотворные Иконы Пречистые Богородицы нести и монастыря в пустыни для воинского времени не велено строити, а велено им строитца в городе, где ныне Чудотворная

[116] Коренную.

Икона и церковь Чудотворные Иконы поставлена в остроге после осады миром, не велика, а ныне де та церковь ветха, и нам бы его пожаловати-благословити на новую церковь лес ронить, а ту старую в новую церковь в роздел, которые бревна пригодятся, пустить. Се аз смиренный Великий Господин и Государь Святейший Филарет Патриарх Московский и всеа Руси строителя Варлаама пожаловал, благословил велел ему старой храм, что во остроге был поставлен Пречистые Богородицы Курские разобрать, а на новой храм лес ронить и из того лесу в городе воздвигнути новую церковь на новом месте, близко старого места, а старые церкви бревна, которые пригодятся, велел имати в новый храм в поделку, в паперте и в мост (пол), а которые бревна в поделку не пригодятся, и те бревна в поле в чисте месте сжечь...».

Таким образом, по грамоте Патриарха Филарета, Икона Знамения не была навсегда перенесена в Коренную пустынь, где она могла подвергнуться утрате от прихода воинских людей, а для нахождения ее по той же грамоте был устроен храм, на месте которого уже в 1649-60 гг. в царствование Алексея Михайловича был создан новый каменный храм.

В 1613 году Михаил Федорович пожаловал в Курске старцу Ионе, строителю Троицкого монастыря[117], грамоту, в которой разрешил восстановить прежнюю разрушенную Поляками обитель и призывать братию. В 1619 году этому монастырю были представлены новые льготы.

Путивльский Молчанский монастырь, справедливо считает Царя Михаила Федоровича своим великим благодетелем, вследствие пожалования им обители многих земель и угодий. В ней хранится жалованный колокол с надписью: «*Дар Царя Михаила Федоровича по отце своем Великом Государе, Святейшем Патриархе Филарете Никитиче всея Руси, при игумене Варлааме в 1635 году*». Один из исто-

[117] Теперь Троицкая приходская церковь.

риков Путивльского края указывает на то, что этот монастырь был любимым детищем Царя Михаила Федоровича.

В 1622 году старица Аполлинария Прыткова, дворянка Белгородского уезда, желая основать женский монастырь в Белгороде и не имея вовсе средств, обратилась к Михаилу Федоровичу с просьбой даровать эти средства на покупку земли и устройство обители. Государь, как видно из Царской грамоты белгородскому воеводе князю Петру Дмитриевичу Пожарскому, уважил просьбу старицы и ей было отдано место у городского посада. В 1639 году старица основанного уже Рождество-Богородицкого монастыря Мариамна была пожалована ежегодным жалованьем в размере 15 рублей.

Белгородский Николаевский монастырь по Государеву пожалованию в 1626 году получил Огурцовскую поляну и село Никольское, в 1638 году дикое поле и сенные покосы в Белгородском уезде под Розуменским лесом. Знаменский Хотмышский монастырь всецело был обязан своим устройством Государю Михаилу Федоровичу, пожаловавшему для этого все необходимые средства.

3.

Относительно военной деятельности служилых людей – дворян и детей боярских Путивльско-Рыльского края против Польских и Литовских войск вскоре после избрания на царство Государя Михаила Федоровича, обращает на себя внимание «донесение Государю от воеводы князя Федора Мстиславского с товарищи о сделанных распоряжениях к очищению от польских и литовских людей Северской земли»[118]. В этом донесении мы находим сведения о *пер-*

[118] Описание Государственнаго разряднаго Архива с присовокуплением со многих, хранящихся в оном любопытных документов, составленное П.Ивановым, 1842 г.

вом челобитье Путивльцев и Рылян, дворян и детей боярских и служилых людей избранному Царю из Дома Романовых, в котором они говорят *о своем неуклонном намерении биться с неприятелями* и очистить Путивль от литовских людей и от Черкас. В донесении Федора Мстиславского «с товарищи», посланном в апреле 1613 года, сказано следующее:

«Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, холопи твои, Федорец Мстиславской с товарищи челом бьют. В нынешнем, Государь, в 121 (1613) году марта в 18-й день писал к тебе к Государю из Рыльска Прокофей Воейков, что он, устроя в Рыльску осаду, и оставя в Рыльску товарища своего Богдана Износкова с осадными людьми, пошел на Путивль, а с ним ратные люди Путивльцы и Рыляня и Черниговцы и всякие служилые люди, и стали от Путивля за девять верст, а после того *прислали, Государь, бити челом тебе, Государю, из Рыльска дворяня и дети боярские*, Путивльцы, Рыляне, Черниговцы и стрельцы и казанки и всякие служилые, и жилецкие, и уездные люди, чтобы тебе, Государю, их пожаловать, прислати к ним воевод, а с ними ратных людей, с кем бы им над Польскими и над Литовскими людьми и над Черкасы промышлять и Путивль от Польских и от Литовских людей очистить.

И мы, холопи твои, апреля в 11 день отпустили на Северу[119] воеводу князя Данила Долгорукова, а с ним велели быть в сходе изо Мценска воеводе князю Тимофею Мещерскому, а людем с ним велено быть дворяном и детем боярским Карачевцам Орляном, Мецняном, Болховичам, *Курчаном*, Кромчаном, *Рыляном*, Стародубцом, Почепцом, *Путивльцом*, Черниговцом, которые из Рыльску. Да к ним же велено из городов: из Брянска, из

[119] Севера – Северская земля, к которой относились и Рыльск, и Путивль.

Новагородка Северского, посылать голов с сотнями, а воеводам, Государь, велено, собрався с людьми в Болхове или во Мценску, идти в Рыльск, а из Рыльска, смотря по вестем, в полки, где стоят Путивльские и Рыльские люди, и, прося у Бога милости, твоим Государевым делом велели им промышлять, сколько Бог помочи подаст, и твою, Государь, вотчину Северскую землю от Польских и от Литовских людей очищать, и Путивля доступать».

В апреле же 1613 года служилым людям дворянам и детям боярским Курянам и Рылянам пришлось выставить военно-боевые отряды для того, чтобы идти на Заруцкого, который «с Мариною побежал с Епифани за Дон на поле (степь), на Черкас и Заруцкого доходить и над ним промышлять, сколько Бог помочи подаст». Эти отряды, с другими воинскими силами должны были не дать Заруцкому соединиться с Черкасами, которые засели в Путивле, а в случае если бы Заруцкий стал приближаться к Путивлю, отряды должны были выступить к Рыльску и промышлять над Заруцким, сколько Бог помочи подаст.

Большой интерес в истории Курского края представляет другое донесение боярина Федора Мстиславского с товарищи Царю Михаилу Федоровичу о ратных подвигах дворян и детей боярских Рылян и Путивльцев по освобождению Отечества от Польских и Литовских войск. В донесении было изложено следующее:

«Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Федорец Мстиславской с товарищи челом бьют. Писали к тебе, Государю, из Рыльска Прокофий Воейков да Богдан Износков, что они, собрався с дворяны и с детьми боярскими в Рыляны, с Путивльцы и с Черниговцы и Новогородка Северского и с уездными людьми ходили в Путивльский уезд на Литовских людей в село Ковенково и в том, Государь, селе у Литовских людей *была застава*, и они тех Литовских людей на заставе побили многих и языки поимали. А как, Государь, они пришли от Путивля за десеть верст,

и в те поры пришли на них многие Литовские люди и они, Государь, прося у Бога милости, с Литовскими людьми бились и Литовских людей на том бою побили многих, а иных переранили *и во всем их осилили*, и села и деревни, самый город и по дорогам разгон у них отняли. И те, Государь, Литовские люди, проведав то, что к ним прибыльных людей нет, после тово на третий день вышли на них из Путивля всеми людьми и с нарядом и с ними бились *с сильным боем,* и стали те Литовские люди *под ними на двое и стояли под ними три недели и бились с ними по вся дни день и в ночь*, а на четвертой, Государь, неделе марта в 16-й день, прося у Бога милости, ходили они станом на Литовских людей *на обе стороны* и бились с Литовскими людьми под их станами *день и ночь безпрестанно* и Божиею милостию и Пречистые Богородицы и твоим Государевым щастьем на том деле Литовских людей побили многих и переранили и языки и *знамена многие* у них поимали, и из станов с обеих сбили, и станы их пожгли, и те Литовские люди побежали в Путивль. А языки, Государь, и переезжие Литовские люди в распросе сказывали, что Литовских людей было в дву таборех тысяч с шесть, да к Литовским же людем пришли на прибавку марта в 16-й день из Лубен князь Семен Лыко, а с ним с 400 человек, да тово ж числа пришол в Путивль с Ржищева Збаровской, а с ним Литовских людей 700 человек, да к ним же-де, сказывают, идут в Путивль Литовские прибылые люди, и они, Государь, по тем вестем от Путивля пошли назад в Рылеск, а как, Государь, они пришли в Рылеск, и из Рыльска, Государь, дети боярские Новогородка Северского и Путивльцы и Черниговцы многие с бедности пошли по Украйным городом, а выходцы и языки им в роспросе сказывают, что Литовские люди из Путивля хотят приходить под Рылеск, а ныне *воюют Рыльский уезд изгоном,* села и деревни жгут. И мы, холопи твои, до их письма отпустили на Северу на Литовских людей воеводу князя Данила Долгору-

кова, а с ним велели быть в походе дворяном и детем боярским... (здесь перечисляются те же города, что́ и в первом донесении).

А ныне мы, холопи твои писали от тебя, Государя, в Рылеск к Прокофью Войекову да Богдану Износкову с *твоим Государевым жаловальным словом,* чтоб они тебе Государю служили и с Литовскими людьми бились, и *они то учинили гораздо*, памятую Бога и твое Государево крестное целованье, и вперед бы им по тому ж к тебе Государю службу совершать и с Литовскими людьми битись, сколько им Бог помочи подаст, и Путимля и Северских городов доступать, а воеводы к ним с людьми посланы, и они на то б были надежны, а которые, Государь, дворяне и дети боярские приехали к нам из Рыльска от Прокофья Воейкова да Богдана Износкова, и на боех те дворяне тебе, Государю, служили».

Таким образом, первое известие, полученное избранным всею Русскою землею Государем, Царем Михаилом Федоровичем из Курского края, было, во время не завершившейся еще в некоторых местностях смуты и политического брожения, *самым отрадным явлением*, потому что оно говорило о патриотических подвигах, одушевленных любовью к Государю и Отечеству Рылян, единомысленно желавших очистить и свой, и Путивльский, соседний и связанный искони с Рыльским, край от врагов Литовцев и Черкас и твердо стоят за своего Царя, за государственный строй и порядок Московского Государства. От внимания только что вступившего на Царский престол Монарха несомненно не ускользнул тот факт, что бой Рылян с неприятелями в течение нескольких суток был выдающимся даже в данное, богатое кровопролитными сражениями, время. Замечательно, что первые представители Курского края – Рыляне и Путивльцы, дворяне и дети боярские, приехавшие после сражения из Рыльска в Москву и отсюда отправленные для личного доклада об успехах русского оружия против Поляков Михаилу Федоровичу, принесли ему *радостную весть*

о настроении того края, который не пал под дикими ударами Татарщины, сохранил свои города – Рыльск и Путивль и давно служил оплотом Московскому Государству в самом важном и опасном месте.

Герои последних битв, хотя еще не успели, вследствие громадности литовских, а в особенности черкасских полчищ, взять город Путивль, но как мы видели выше, просили у Московского Правительства только подмоги ратными людьми для того, чтобы опять ринуться в бой и «доступить Путивля», что им и удалось сделать в последующий период времени, и самый – каменный город Путивль стал крепким защитником против Литовских нападений. Все вытерпели Путивльцы и Рыляне – дворяне и дети боярские и другие служилые люди – «и голод и нужду великую терпели, и в приход неприятелей в крепких осадах сидели, и с разорители веры Хрестьянской с Польскими Литовскими людьми бились, не щадя голов своих, и всяких людей на то приводили, что не увидя милости Божией от Москвы не отхаживать. И милостью Всемогущего Бога и Пречистые Богородицы, и Государевым Царевым и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси счастьем, а дворян и приказных людей и детей боярских и атаманов и казаков и стрелцов, и всяких служивых людей *прямою службою и кровью* Московское Государство от Польских и от Литовских людей очистили, и многих людей свободных учинили».

Представители этих доблестных людей имели счастье видеть «Царские пресветлые очи» и были щедро награждены Михаилом Федоровичем за их службу, а все вообще дворяне, дети боярские и другие ратные люди, кроме того удостоились высшей награды, которую могли получить в то время защитники Отечества, именно Государева милостивого слова.

Напряжение всех сил Рылян и Путивльцев в то время было необходимо, главным образом потому, что в распоряжении Московского Правительства в 1613 году было

мало военных людей, о чем доносил Государю боярин Федор Иванович Мстиславской «с товарищи». Трудно было посылать в разные стороны России более или менее значительные отряды: «Послати нам некого, – писал Мстиславской, – потому что дворяне и дети боярские на Москве немногие и без них бытии не мочно, а стольники и стряпчие, и дворяне Московские и из городов многие поехали к тебе Государю». Как тяжело приходилось в то время, мы, между прочим, видели из того, что отряду дворян и детей боярских Курского уезда и города Курска пришлось разделиться на-двое, одной части идти под Путивль на Литву, а другой – за Дон, против Заруцкаго и Марины.

4.

В начале царствования Михаила Федоровича, по его воле воеводы и ратные люди разных областей России, в том числе и Белгородско-Курского края, почти непрерывно должны были совершать военно-боевые походы на западных и южных рубежах Государства и поражать Поляков, Литовцев, Черкас и Татар. Основываясь на данных драгоценного памятника древней Русской истории – *Разрядных Книгах*, изложим еще некоторые факты, касающиеся порубежных военных действий, в которых участвовали дворяне и дети боярские Курского края в первые годы царствования Михаила Федоровича.

В 1616 году Царь Михаил Федорович повелел своим указом воеводам Михаилу Самсоновичу Дмитриеву и Ивану Ивановичу Ушакову, чтобы для его Государева и земского дела на службе в Украинном разряде *в сторожевом полку* были дворяне и дети боярские, и казаки, и стрельцы и явились на Вербное воскресенье в этот полк. Из Курска было отправлено 100 человек дворян и детей боярских. В том же году Курчане-дворяне и дети боярские были отправлены в полк воеводы Прокофия Воейкова вследствие

того, что из Литовской земли в Рославльский уезд явился польский ротмистр Корсак и с ним Литовские воинские люди, которые поставили здесь острог и начали воевать Рославльский и Брянский уезды, ожидая к себе «прибыльных людей из Литвы», чтобы затем идти на Брянск, Рыльск и Путивль. В виду такой опасности для Орловского и Курского края, по Царскому указу, велено было из Рыльска и Путивля быть головам, а с ними детям боярским, атаманам, казакам и севрюкам. Кроме того, воеводам Северских городов было велено прислать голов и ратных людей в Брянск. Здесь необходимо было разобраться, «устроить ратных людей в сотни и в полки и пеших людей в обозе с вогненным (огненным) боем и потом идти в Рославльский уезд и посылать от себя из полков дворян и детей боярских и казаков с вогненным боем и велеть головам нападать на Литовских людей безвестно изгоном[120] и в ночное время, а смотря по вестям и по тамошнему делу, самих, прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи, промышлять на Литовских людей, сколько Господь помощи подаст, чтобы над Литовскими людьми поиск учинить и Рославльский уезд от них очистить и всю Северскую землю».

В 1616 году в городах Курского края дворянская конница находилась в следующем количестве: в Рыльске 132 человека, кроме того Государевым указом было назначено в Рыльск «прибыльных» 100 человек детей боярских из Курска. В Путивле было детей боярских Путивлян 150 чел., Черниговцев 124. В Осколе было 223 чел. детей боярских, станичных атаманов 20, в Белгороде детей боярских-станичников 19, полковых 117, волгских казаков 134 с их головою Порфирием Дворяниновым. В Курске было детей боярских 753 человека с головою Баушем Маракушевым.

В том же году Литовские люди вторглись в Болхов-

[120] То есть, нападая внезапно.

ской уезд. Против них выступил воевода Михаил Дмитриев. Бой с неприятелями произошел под городом Болховом, воевода был убит и Русский отряд побежден. Тогда Государь Михаил Федорович велел идти в поход воеводам князю Ивану княж Федоровичу Хованскому и Дмитрию Скуратову с 340 курских детей боярских. Из Путивля в поход были назначены воевода Степан Чемесов и голова Юрья Беззубцов, с ними 48 Путимцов[121], Черниговцев 34, Путивльских бортников 27 чел., а с низшими служилыми людьмы – 460 чел. Пред выступлением в поход в Царской грамоте Путивльским и Рыльским служилым людям было сказано: «и они бы дворяне и дети боярские и все служилые люди с Литовскими и Польскими людьми бились и Государь Михаил Федорович *за их службу пожалует* их своим Государевым жалованьем и службу их учинит *памятну*». Князю Хованскому было велено послать для сбора ратных людей дворян и детей боярских с тем, чтобы они отправили собранных служилых людей немедленно, а эти последние «шли в полки *днем и ночью на спех, не мешкая нигде ни часу* и вместе с дворянами и детьми боярскими пришли в полки однолично часа того».

Уже после сбора ратных людей Литовские люди, как это видно из отписки в разрядный приказ князя Хованского и Дмитрия Скуратова, «повоевав Кромские и Карачевские места», пошли к Курску. Оба воеводы со своими отрядами последовали за неприятелями и подошли к этому городу. Литовцы же, постояв у Курска, быстро направились на Оскол, подступили од него изгоном, взяли город, и острог сожгли, но побоялись оставаться здесь долгое время и двинулись к Белгороду, а потом, миновав Белгород, ушли в поле (т.е. степь), направляясь к своему рубежу.

[121] В это время употреблялись как равнозначущие понятия, слова: Путимль, Путим, Путивль; Путимец и Путивлец.

Князь Хованский послал преследовать Литовцев до рубежа голов с сотнями, что они и сделали.

Получив донесение воевод, Михаил Федорович велел князю Хованскому послать на Оскол Дмитрия Скуратова с тем, чтобы он поставил острог и устроил необходимые укрепления. Удостоверившись в том, что Литовцы и Черкасы скрылись за рубеж, головы со своими сотнями возвратились в Курск, Хованский из Курска был отозван в Тулу, а дворяне и дети боярские распущены по домам.

В 1617 году Литовские люди явились под город Стародуб. Воеводам Хованскому и Скуратову было велено идти из Украинного разряда[122] из передового полка из Мценска и с другими воеводами собраться в Болхове. Из Курска в передовой полк было отправлено 380 дворян и детей боярских. Воеводам было приказано: «И вы бы пришли в Болхов, а с вами дворяне и дети боярские и с вогненным боем атаманы и казаки и стрельцы. Из Путивля шел воевода Степан Чемесов, поимал языков и пытал их накрепко и промышлял неприятеля». Вследствие военных действий Русских отрядов, неприятели оставили Стародубье.

В 1618 году к Стародубу опять явились Литовские люди. Из Рыльска тотчас же было послано в поход 100 человек детей боярских Рылян лучших, не считая других служилых людей. Рыльскому и путивльскому воеводе было отписано о том, что, по указу Государя Михаила Федоровича, идут наспех в Мценск дворяне и дети боярские украинных и польских городов и «с вогненным боем атаманы и ясаулы с ратными людьми» и велено было воеводам идти на Литовских людей. «А ходить им под Литовскими людьми устроя в полкех голов с сотнями, а в кошех стрельцов и казаков с вогненным боем и подъезды перед собою и по сторонам, для береженья же

[122] Слово разряд здесь означает не учреждение, а военный отдел, представляя собою военно-административную территориальную единицу.

перед полками и позади велеть быть сотням безперестани и подъезды посылать ежечасно и на станех становиться с великим береженьем и неоплошно у крепостей и укрепясь обозом и береженье держать великое, чтобы Литовские люди и русские воры на них в походе *украдом* и обманом не напали и какого дурна не учинили».

Кроме того, следует упомянуть об участии из Рыльской и Путивльской области дворян и детей боярских в Дорогобужском походе, после которого Государь прислал полкам «Государево жаловалное милостивое слово»; такое слово и впоследствии посылалось в полки Курского края к воеводам и ратным людям после совершения ими особенно трудных военно-боевых подвигов. Объявление «милостивого слова» совершалось следующим образом: присланный с милостивым словом боярин, приехав в полк, на смотру шел к воеводам и ратным людям, от имени Государя спрашивал их о здоровье и говорил:

«Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Русии Самодержец, жалуючи вас воевод, прислал меня с своим Государевым, Царевым и Великого Князя жаловалным словом и золотыми и велел вас спросить о здоровье, как вас Бог милует, здоровы ли есте на его Царской службе?»

После этих слов боярин говорил:

«Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Русии Самодержец велел мне вам говорити: прислали есте в сеунчем голову с дворяны и детми боярскими о победе над врагами и то сделалось Божьей помощью и всех Святых молитвами и нашим Государевым и Царевым счастием, а вашим промыслом и радением ратных людей службою. И мы Великий Государь, жалуючи вас за вашу службу и промысел, послали есмя к вам и ратным людям с нашим жаловалным словом и с золотыми своего боярина[123], и вы бы и вперед прося у Бога

[123] Боярин здесь произносил свое имя.

милости нам служили и над Полскими и Литовскими людьми[124] промышляли, сколько Бог помочи подаст, а мы Великий Государь вас за вашу службу и за промысел и за раденье пожалуем нашим Царским жалованьем».

Сказав это Государево слово, боярин подавал воеводам золотые и затем говорил дворянам и детям боярским и другим ратным людям:

Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Русии Самодержец, жалуючи вас дворян и детей боярских (а при обращении к другим служилым людям – жалуючи вас ратных людей), прислал вам свою жаловалную грамоту и золотые и велел спросить о здоровье (в тех же выражениях): как вас Бог милует, здоровы ли есте на Государевой службе?»

Проговорив все милостивое слово, как и воеводам, боярин раздавал золотые монетами: 1) в 5 золотых Угорских, 2) в полтретья золотых Угорских, 3) в два золотых Угорских, 4) в один золотой Угорский и 5) серебряными рублями жалованье, назначенное ратным людям.

После передачи милостивого слова ратные люди могли подавать челобитные Государю, вручая их боярину. Это называлось «бить челом у Государева милостивого слова».

В 1620 году был послан к воеводам Царский указ о том, чтобы во всех городах Курского края «держать дворян и детей боярских *о дву конь*» на случай прихода Крымских людей. В 1621-м же году Царским указом было приказано, чтобы воеводы наблюдали за тем, чтобы дети боярские, которых пошлют на вести и на сторожи и в подъезды, были конны и могли бы, увидев воинских людей, отъехать и к воеводам с вестью приехать. В том же указе находим наставление дворянам и детям боярским Курского края о том, что им говорить в том случае, если их на разгроме возьмут в плен и учнут про

[124] Или над татарами и др., смотря по тому, над кем одержана победа.

вести расспрашивать, и они б сказывали, что в Мценску и по всем Украинным городам стоят воеводы со многими людьми и Литва, и Немцы, и Татарове Казанские и Свияжские и Мещерские и всех понизовых городов, и казаки, и стрельцы с «вогненным боем»[125]. При посылке по вестям станиц, велено было поручать их начальству дворян и детей боярских, при чем «выбрать станичного голову *доброго из дворян*, а с ним детей боярских»; на засеках и топких местах указ предписывал поставить голов со всякими бои и промышлять над Татарами.

5.

В 1619 году после поражения королевича Владислава под Москвою, он прислал к Государю Михаилу Федоровичу послов с тем, чтобы заключить мирное постановление, и просил назначить для этого послов с русской стороны. Государь приказал «бояром, чтоб с Литовскими послы учинить съезд о том, чтоб промеж великих Государств учинить мирне постановление, и великих послов: Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии отца, Преосвященного Митрополита Филарета Никитича и боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищи отдать, а своих полоняников, которые в полону в Московском Государстве, взять на размену, а королевичу Владиславу и Польским и Литовским и Немецким людем и Черкасом из земли Московского Государства идти вон, и городы, которые взяли, отдать.

А в послех указал Государь, Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии быть бояром: Федору Ива-

[125] Эти показания дети боярские, в случае захвата их в плен, должны были делать Крымским Татарам, для угрозы им упомянуть и о Литовцах, и Казанских и других Татарах, потму что и они, наравне с Русскими, были враждебны Крымцам.

новичу Шереметеву, да князю Даниилу Ивановичу Мезетцкому, да окольничему Ортемью Васильевичу Измайлову, да дьяком: Ивану Болотникову да Матвею Сомову».

Государь указал быть с послом боярином Шереметевым 41 стольнику, 25 стряпчим, 77 дворянам Московским. Кроме того с послом были дворяне и дети боярские из городов, именно из 41 города, в том числе и из *Путивля*. Число представителей от каждого города было неодинаково, более всего от Вязьмы 90 человек, из других по несколько человек, от одиннадцати городов по одному человеку, в том числе один дворянин был *Путимлец* (Путивлец).

1-го декабря послы писали Государю и прислали с сеунчем – боярин Шереметьев прислал стряпчего князя Дмитрия княж Петрова сына Львова, а боярин князь Данило Иванович Мезетцкой «с товарищи» прислали с сеунчом дворян Игнатья Уварова да Василья Полтева, что «милостью Божией и Пречистые Богородицы и всех Святых молитвами, и Государевым Царевым и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии щастием, а молитвою отца его Великого Государя, Преосвященного Митрополита Филарета Никитича и Матери его Великия Государыни иноки Марфы Ивановны на съезде с Литовскими послы договор учинили и крестным целованием укрепили, и записьми разменялися на том, что меж Великим Московским Государством и Польшею и Литвою учинить мирное постановление на 14 лет и на 6 месяцев декабря с первого нынешнего 127 (1619) года до лета 7141 (1633)».

По случаю заключения этого мирного постановления многие дворяне, находившиеся в Москве в осаде, были пожало-

ваны вотчинами. Так, предок Льговских дворян Ржевских Иван Федорович Ржевский, написанный по Москве в боярском списку 7119 года, в приход Литовского Владислава королевича в 126 и 127 гг. был на Москве в осаде и за ту Московскую осадную и другие службы был пожалован Государем Царем и Великим Князем Михайлом Федоровичем вотчиною и окладом.

Важное значение для украинных городов, разоренных предшествующими войнами и смутами, имело постановление Земского Собора, по челобитью Украйных и разоренных городов о том, чтобы «в те городы, которые от Литовских людей и от Черкас были в разоренье, послати дозорщиков добрых, приведши к крестному целованию, дав им полные наказы, чтоб они описали и дозрили все городы вправду, без посулов, а льготы давать смотря по разоренью, да в городех сыскивать и выписывать, сколько со всяких городов всяких денежных и хлебных доходов по окладу и что́ каких сел и деревень роздано в вотчины и поместья и что́ в них было каких доходов, и что затем по окладу всяких доходов денежных и хлебных осталось и на какие расходы те доходы указаны, а для устроенья взять к Москве, выбрав из духовных людей по человеку или дву, да из дворян и детей боярских дву человек добрых и разумных, да по 2 человека посадских людей, которые умели бы рассказать обиды и насильства и разоренья, чем Московскому Государству пополнитца и ратных людей пожаловать, и устроить бы Московское Государство, чтоб пришло все в достоинство»[126]. Но устроить Московское Государство и привести все «в достоинство» в начале царствования Михаила Федоровича по причинам, указанным нами в предшествующих главах, было еще трудно.

[126] Московского стола книга № 7-й.

6.

В 1623 году состоялось распределение Курских сторо́ж. Их было много, именно 25. Они были расположены по всему нашему краю и представляли собою целую сеть военных наблюдательных пунктов[127]. Сторо́жи это были следующие:

1-ая – на Лебяжьем броду[128] в 5 верстах от Курска, а видить (видеть) с нее за реку за Семь на степь на 3 версты, а по лугам видить с полверсты. 2-ая – на Ратцком Городище в 20 верстах от Курска, а проезд с этой сторо́жи был до верха Доброй воды. 3-ья – верх Хону под Ханским лесом, в 40 верстах от Курска. В XVI веке на этом месте стаивала смесная сторо́жа Ливенцев и Курчан детей боярских, впоследствии же сторо́жа состояла из одних Курчан. С нее можно было «видить на Муравский шлях большие полки в 5 верстах, а невеликие люди в 2-х верстах, а проезду с нее до Курганов 10 верст» 4-ая сторо́жа за рекою Семью на речке Млодати в Галитцкой дуброве по Белгородской дороге, 5-ая на р. Полной (впадающей в Сейм), 6-ая вниз по Семи, на Городенском городище, поддалась к городу Рыльску. В XVI столетии здесь стояли Курчаны и Карачевцы, а потом одни Курчане. 7-ая – на Семи усть-Курицы, 8-ая – на Московской дороге за Княжими лесами, 10-ая – на Саженском Донце, поддалась к Белугороду (смесная), 11-ая – на Теребренове ровне, 12-ая – на Сомкове усть-Погореловском Колодезе, 13-ая – на Бакаеве шляху, поддалась к Белугороду от Курска далече.14-ая – от Муравского шляха верх Нижней Россоши, 15-ая и 16-ая – на р. Ревуте (Реуте) для прихода Крымских людей, 17-ая – на Псле, усть-Старого Гатища, 18-ая – верх р. Полной у Заднево боерака. 19-ая – на валках по Москов-

[127] Сведения о них приводятся с необходимыми сокращениями.

[128] На реке Сейме.

ской дороге, 20-ая – на колодезе на Кадорце, 21-ая – в деревне Жировой, 22-ая – на р. Усожи, 23-ья – на Московской дороге у колодезя в 30 верстах от Курска, 24-ая – на усть-Сновы, 25-ая – на Меловом броду на реке Семи – «имается меж Курска и Оскола, а видит с ней за реку Семь на Полскую сторону большие полки в 5-ти верстах, а с Курские стороны не видит, а малые полки в 2-х верстах».

Таким образом, почти все теперешние уезды Курского края имели сторо́жи из Курска, на каждой из них обыкновенно стояло по 3 человека из дворян и детей боярских и по одному казаку, переменяясь в установленные распорядком службы сроки, стало быть, в Курский край уже в начале XVII века для неприятелей трудно было проникнуть внезапно и безвестно.

В 1625 году число дворян и детей боярских в городах Курского края возросло. В Рыльске их было: детей боярских Новгородка-Северского 125 конных, да городовую службу служили 20 человек, Черниговцев конных 58 чел., городовой службы 36 чел., Рылян конных 184 чел., городовых 36 ч., Донских верстаных казаков 74 чел.[129] Из состава служилых людей на варнице жили по переменам, по месяцу по 50 чел. В Путивле было детей боярских конных 172 ч., городовых – пеших 51 ч., Донских верстаных беломестных казаков 37 ч., прибыльных детей боярских Курчан в Путивле было 100 ч. В Осколе было детей боярских и конных казаков 277 чел. В Курске детей боярских Курчан было 885 человек, из них жили, переменяясь по 2 месяца, на варнице в Белгородском уезде у Бузовых Курганов и у Турьих-Лук 100 ч., на Валуйке для посольской размены 100 ч. Осадным головой

[129] О беломестных и верстаных казаках мы упоминаем потому, что изъчисла их образовалось довольно много дворянских родов Курского края.

в Курске был *Руженин* (уроженец города Рузы) Федор Шадеев. В Белгороде детей боярских полковых было 164 ч., с головою и двумя сотниками, беломестных атаманов 6 ч. Из детей боярских на варницах жили, переменяясь по месяцу, 50 чел. В Белгороде служили станичную службу 40 станиц, а в станице было по сыну боярскому, по атаману, ездоков и вожей по 7 человек.

Вообще число дворян и детей боярских и других служилых людей в городах Курского края продолжало возрастать. В Рыльске в 1628 году было конных дворян и детей боярских Новгородка- Северского 145 человек, Черниговцев – 91, Рылян – 220. Кроме того, на селитряных варницах Романа селитрянника стояло детей боярских и атаманов 50 человек с весны и во все лето.

В 1630 году в Рыльске было дворян и детей боярских уже 514 чел. В Путивле было детей боярских конных Путивльцев 222 чел., Черниговцев – 143, Донских верстаных и беломестных казаков 37 чел., Путивльских жилых казаков 235 чел., прибыльных людей дворян и детей боярских Карачевцев было 50 чел., из Курска 100 чел., прибылые люди (в числе их и казаки из Курска) жили в Путивле с весны и во все лето, переменяясь по два человека с проходом. В 1628 году по Государеву указу было велено отпускать Курчан из Путивля по домам на зиму для того, что они живут в Путивле с 1616 года зимою и летом беспрестанно, а с весны все лето велено быть Курчанам в Путивле по-прежнему и с прибавкою перед прежним.

В Осколе в 1628 году было детей боярских полковых Осколян 155 человек, станичников детей боярских 20 чел. и столько же станичных атаманов. В 1630 году в Осколе было детей боярских уже 208 человек. В Курске в 1629 году было дворян и детей боярских 864 чел., из

них на Олешкиных варницах селитряника с весны во все лето до отпуска находилось детей боярских и казаков 50 чел., на варницах они жили по 2 месяца, переменяясь. В 1631 году дворян выборных было 4 человека, дворовых, городовых и новиков было уже 997 чел. Наконец, в Белгороде в 1628 году детей боярских Белгородцев полковых было 164 чел., кроме того 30 чел. жили на селитряных варницах Михаила Лимарова, в 1631 году детей боярских было уже 189 чел.

В 1636 году, когда Государь Михаил Федорович велел воеводе Ивану Гавриловичу Бобрищеву-Пушкину да Василью Вахрамеевичу Мясному стать на своей Государевой службе во Мценске на вербное воскресение, то были назначены в поход туда дворяне и дети боярские Рыляне вместе с Брянчанами, Стародубцами, Почепцами, Белевцами, Болховичами, Карачевцами и Черниговцами. Рылянам было велено явиться на Николин день мая 9 числа. При этом велено было дворян и детей боярских посылать на вести в северские и польские города, в том числе и в Курск о дву конь. «А как воинские люди на Украйне в войне объявятся, воеводам с дворяны и детьми боярскими и со всеми людьми служилыми быть наготове».

7.

Во время царствования Михаила Федоровича отряды татар на своих быстрых конях сновали по Курскому краю и грабили там, где не встречали надлежащего отпора.

Но, несмотря на первые годы после страшной смуты в Государстве, местные воеводы, по указам Царя, принимали деятельные меры для уничтожения различных «воровских» шаек и прекращения разбойничьих нападений. В Белгородском уезде был схвачен «переезжий вор» Пронка Брыкайка, который, имея в своем распоряжении Черкас, похищал лошадей, а вслед за ним и «вор» прозвищем

Недосека, ограбивший монастырь на Северском Донце. В Рыльском уезде дворяне, дети боярские и казаки уходили за рубеж, там они вели партизанскую войну с Литовцами и возвращались домой с большой добычей. Московское Правительство наблюдало за тем, чтобы мало-помалу вывести измену из городовых порубежных областей и требовало от воевод сведений о так называемых воровских казаках, в том числе городов Рыльска, Севска, Путивля и Белгорода, которые не были допускаемы в пределы России.

Лишь только приближались Литовские люди, как вся Курская область становилась на военное положение, и служба дворян и детей боярских и других ратных людей удваивалась. То же было и при вестях о приходе татар. В промежутках от нападений служилые люди отправлялись на Дон для выкупа «пленной братии» – своих жен, детей, родственников и крестьян, захваченных татарами, а также для покупки лошадей вместо погибших в предшествующих боях[130].

В 1616 году Ногайские татары пришли под Курск. Против них с отрядом курских войск, состоявшим из детей боярских и козаков, был послан голова казаков Иван Антипович Анненков, выборный дворянин 1-й степени, который, выступив из Курска, встретил татарские полчища в 15 верстах от города. Здесь произошло кровавое сражение, в котором татары были разбиты наголову, много из них было забрано в плен. Кроме того, И.А. Анненков отбил у них взятых в полон русских мужчин, женщин и детей, которых татары успели захватить в разоренных помещичьих имениях.

В 1622 году Курский воевода Степан Михайлович Ушаков поручил И.А. Анненкову преследование татар, большой отряд которых бродил в это время по Курскому краю. Анненков с детьми боярскими и казаками догнал татар

[130] Отпуск Белгородцев на Дон. Стоблцы, 1628 года, № 40-й. Московского Архива Министерства Юстиции.

на Изюмской сакме в пределах Оскольского края, разбил их отряд и взял большой полон, наших же полоняников отбил от татар. Эти полоняники были взяты в Мценском, Одоевском, Белевском и Чернском уездах. С громадной награбленной добычею, минуя Курский уезд, напасть на который они остерегались вследствие предшествовавших, нанесенных им И.А. Анненковым, поражений, татары пробирались по пустынной сакме, находившейся на водоразделе между бассейнами рек, впадавших в Днепр и Дон, между истоками Рати и Кшени, Сейма и Оскола, Донецкой Семицы, Олшани, Корочи и Халани. Но искусство и распорядительность И.А. Анненкова, храбрость и мужество его отряда разгромили кочевников.

В 1623 году воевода С.М. Ушаков, узнав, что татарские полчища из Орловского края пришли в Курский, послал детей боярских Курчан 300 человек да казаков, которые остались за Путивльскою службою[131], да пехоты с огненным боем 100 человек. Татары, пришедши в Русь, воевали Орловские, Карачевские, Мценские, Болховские места, а потом шли «свалясь все вместе» Бахмутскою сакмою. За ними погнались станичные головы и вперед выслали станицу Курских детей боярских. С остальными детьми боярскими был послан И.А. Анненков. По просьбе Ушакова Белгородский воевода князь Тюфякин прислал также отряд детей боярских и казаков под начальством Василия Торбина и Плакиды Темирова[131], которые сошлись с Анненковым на Котлубанской Семице, где татары стояли за Семью. Произошла страшная битва, и татары были разбиты совершенно.

В 1628 году Курский воевода вызвал к себе, проживавшего уже в своей вотчине известного своею храбростью И.А. Анненкова и поручил ему военные силы Курска дворян, детей боярских и др. ратных людей для похода против татар. И.А. Анненков двинулся со своим войском

[131] То есть, после отправления казаков на службу в Путивль.

на юг, по направлению к Белгороду и в 100 верстах от Курска настиг татар, которые успели захватить много полоняников. Догнав неприятелей, И.А. Анненков охватил их стан и, взяв его, освободил русских пленников. Но хищники не унимались и приблизились к Курску. Здесь ночью в 10 верстах от Курска на реке Виногробле И.А. Анненков разбил этот отряд и захватил «в полон» татарских начальников[132].

Дворяне Анненковы, к которым принадлежал отличавшийся в ратных делах против татар голова Иван Антипович Анненков, незадолго перед этим временем переселились из Орловского края в Курский. Предок их Иван Васильевич Анненков был думный дворянин и Болховский наместник, служил в Рязанском сторожевом полку, был с этим полком в походах: в 7053 (1545) году для защиты от татар, в 7057 (1549) году в шведском под городом Колыванью (Ревель), в 7059 (1551) году в польском на приступе города Полоцка. Потомки И.В. Анненкова имели поместья и вотчины в Низовых городах, в Калуге и Орле. Правнук его Михаил Антипович Анненков с четырьмя братьями, в том числе с Иваном Антиповичем «от бывшего тогда в России от поляков и татар разорения, лишась своих поместий и вотчин и всего имения», в 7124 году (1616) переселились из Орловского уезда в Курский, где им «в разных местах и в разных годех» были даны поместия и писцовые дачи.

Будучи помещиками Курского края, Анненковы служили Царю и Отечеству в разное время в разных чинах, были головами отрядов казаков и стрельцов, воевали против татар, делавших постоянные набеги на Курский край, «поражая их во многих местах, полон и награбленное имущество отбивали»; за свои службы они были жалованы от Государей поместьями, вотчинами и окладами.

[132] При выкупе пленников начальники ценились дороже простых воинов.

8.

В 1630 году в Белгороде город и острог (крепость) были исправлены работой детей боярских и ратных людей, туда был приведен из Царева-Борисова наряд (артиллерия).

В 1632 году Белгород сразу выдержал два нападения: Литвы и Татар, последние взяли много пленных и побывали в Курском и Рыльском уездах. Разбивший их вместе с детьми боярскими Рыльский воевода получил от Михаила Федоровича милостивую грамоту за победу, в которой была выражена похвала ему и детям боярским Рылянам. Путивляне ратные люди отбили нападение Литвы. Для разузнания вестей о разных неприятелях из городов Курского края, в особенности из Белгорода, часто высылались станичные головы и дети боярские, так называемые – «язычники», с поручением доставить языков в тот или иной город. В Курск в 1639 году была послана из Москвы медная форма для литья пуль и учрежден в Курске литейный двор. Перед этим временем Курчане-дворяне и дети боярские возвратились со службы под Смоленском, где они служили по Царскому указу.

В 1633 году польское войско, явившееся в Белгородском уезде, нанесло страшный урон и ущерб Белгородцам, в особенности дворянам и детям боярским в их вотчинах и поместьях. Самый город также сильно пострадал от Польского нападения. Большое число жителей было убито и взято в плен, Поляки много взяли и сожгли церковного строения, образо́в и имущества монастырского и крестьянского Белгородского Никольского монастыря и Рождественского девичьего. Посадские священники также представили воеводе большую роспись, что́ именно Литовские люди *взяли и сожгли церквей и в церквах образов и книг и колоколов и риз и всякого церковного строения и животов*. Были также ограблены таможня и винокурня.

В это время польский гетман Иеремия Вишневецкий ре-

шил со множеством войска напасть на Курск и взять его. Не смотря на многочисленность войска, он подбирался к Курску тайно, идя по берегам реки Сейма, и подошел к переправе через реку Сейм[133]. На Сейме находилась сторожа, выезжавшая из Курска в составе нескольких детей боярских. По приближении Поляков к реке, в Курск прискакал с вестями о грозной польской военной силе Курчанин сын боярский Николай Малцов и заявил, что неприятель уже на Сейме.

Но почему-то его вестям в Курске не было придано надлежащего значения, воевода Курский не обратил на них должного внимания... Этому известию, сказано в «Описании Курского наместничества» Ларионова, не удостоверились сперва и послали для лучшего узнания станицу детей боярских под предводительством сына боярского помещика Курского уезда Мартемьяна Никифоровича Шумакова. Станица из города по Белгородской дороге[134] направилась к берегам реки Сейма и к ужасу своему натолкнулась на громадное польское войско, передовая часть которого успела уже переправиться через Сейм и выстроиться в боевой порядок. Курская станица встретила Поляков в четырех верстах от города, в урочище, называемом *Глинище*[135]. Храбрые дети боярские бросились было на неприятелей, но принуждены были отступить, в виду многочисленности польской конницы. Предводитель курской станицы мужественно повел своих детей боярских на польских конников, но, будучи изранен, был подхвачен своими и привезен в крепость. По словам Ларионова, «М.Н. Шумаков *доказал правду вестей Малцова ранами своими, полученными от неприятеля*».

Трудно описать, какое смятение поднялось в посаде и

---

[133] В местности, около которой теперь находится мост на Сейме по Харьковской шоссейной дороге.

[134] Теперь Херсонская улица города Курска.

[135] От древняго города – крепости считалось четыре версты, от нынешней же городской черты Глинище находится в трех верстах.

слободах. Все, кто мог, бросились в осадные дворы в острог. К тому, чтобы дать отпор врагу, едва могли изготовиться ратные люди всех частей войск, бывших в Курске. Между тем неприятели передового полка смело приближались к городу, и вскоре его воины очутились у наугольной Меловой башни, которая стояла на берегу р. Кура и служила одним из главных укреплений города, и взошли на стену. Они пробовали несколько раз приступом взять Курск, но не могли успеть в этом. Продержав долгое время город в осаде и разорив окрестности его, неприятель принужден был, после потери своих людей убитыми и ранеными, отступить от Курска и удалиться в свои пределы.

В 1633 и 1634-м годах в Курский край опять вторгались польские войска под предводительством князя Иеремии Вишневецкого. Главные нападения их были на Путивль и Рыльск, и оба нападения потребовали крайнего напряжения военной силы – дворян, детей боярских и других ратных людей для борьбы с многочисленными польскими отрядами.

В апреле 141 (1633) года Путивльские воеводы[136] князь Н. Гагарин и Ан. Усов посылали, в виду польских вестей, для добывания «языков» на низ рекой Семью под литовский город Борзну голову Прокофия Стобурова с товарищами, да к Рамонскому острожку Константина Вишневского[137], и апреля 14-го дня оба головы пришли из похода и привели языков семь человек, а в расспросах они сказали, что идут под Путивль полковник Песочинский «с товарищи», по тем вестям воеводы «сели в осаду» и приняли все меры предосторожности для обороны крепости.

И действительно, вскоре под стенами Путивля явилась грозная рать Поляков, Литовцев и Черкас. О нападении их воевода князь Гагарин писал Государю Михаилу Фе-

[136] Акты Московского Государства, изд. Московского архива Министерства Юстиции, № 646-й.

[137] Оба значаться в десятне Путивльского уезда.

доровичу следующее: «Июня в 14-й день пришли под Путивль полковник Песочинский да Муцарской, да Еремия Вишневецкой, да Запорожских Черкас и вольных людей гетмана Дорошенко, да Тимошка Бондаренко, а с ними Польских и Литовских людей и Запорожских Черкас и всех вольных людей с 50,000 с большим нарядом (артиллерией) и стали около города во многих местах с шанцы и туры, со всех сторон под город и под острог подкопали и под Никитскую башню подкоп подвели и из тех шанцов по городу и по острогу беспрестанно стреляли, и зажигательными ядрами и нарядными стреляли многажды, и в городе и в остроге зажигали и воду у путивльских людей отняли и приступом, жестокими приступы с приметы многажды приступали и *с умыслом присылали воров*, Путивльского уезду русских мужиков для зажоги, и *смутными листы прельщали*, и многую тесноту Путивльским людям учинили. И стояли Польские и Литовские люди и Черкасы с мая 14-го по июня 9-го. И мы, воеводы, и дворяне и дети боярские и все ратные люди против Польских и Литовских людей и Черкас стояли *крепко и мужественно* и с ними билися с города и с острогу *всякими бои* и всякими промыслы промышляли, и на вылазках смешався съемным боем билися... и Божиею милостью и Пречистые Богородицы помощью и заступлением, и Государя Царя и Великого князя всея Русии Михаила Федоровича и детей его Государевых, благоверных князей Царевичей Алексея Михайловича и Иоанна Михайловича счастием и Отца его Государева, Великого Государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и вся Русии молитвами многих Польских и Литовских людей и Черкас у приступов и на вылазках и в шанцах побивали, и *знамена их* и языки имали, и многие шанцы раскапывали и подкопы зарушали[138], и примётные дрова и солому зажигали и города зажечь не дали. А языки Литовские в расспросе и пытке сказывали, что убито на присту-

[138] Разрушали.

пах два полка Черкас – атаманов Сорока и Самошка и сотников и Черкас и охочих всяких людей побито 4000 человек и больше, да раненых тысячи с полтретьи[139] и те от ран многие помирали. А языков Литовских людей взято было в Путивле 63 человека, и те языки от утеснения Литовских людей вершены, что беречь их было некому, а в тюрьмах сидели многие Польские и Литовские люди и Черкасы более тысячи. И Польские и Литовские люди, видя наш, Государевых воевод, промысел и ратных людей крепкое стояние, от Путивля отошли и по своим городкам пошли...».

В битвах с Литовскими людьми и отбитии приступа легли своими головами за Государя Михаила Федоровича и Отечество много путивльских дворян и детей боярских, как это видно из списков убитых, представленных в Разряд. После отражения врагов Путивльские воеводы князь Гагарин и Андрей Усов, «сославшись» в Рыльск со стольником и воеводою князем Василием Ромодановским, послали в Литву на промысел под Рамонский городок голову Ивана Черепова с товарищами и с ними станицу детей боярских и служилых людей. Черепов взял приступом Рамонский острог, начальник его – урядник был убит. Ратные люди и их предводитель со славою возвратились в Путивль.

9.

Хотя война с Польшею 1633-1634 года окончилась не вполне благоприятно для России, и по миру с Польшей, заключенному 17-го мая 1634 года на реке Поляновке, Польше были уступлены некоторые города, но во время указанной нами войны служилыми людьми Курского края было совершено несколько блестящих военных походов в Литву и

[139] Тысяча сто пятьдесят человек.

одержаны победы над польскими войсками, в которых особенно отличались дворяне и дети боярские и другие ратные люди Путивльского и Рыльского края. Чтобы судить об успехе этих походов, достаточно сказать, что в периоде 1633-1634 годов служилыми людьми Курской области были взяты приступом такие значительные города Польского королевства, каковы Борзна и Полтава.

Относительно первой победы Русских над Литовцами уведомили Царя Михаила Федоровича Путивльские воеводы князь Гагарин и Усов. Они посылали «под литовский город под Серебряной для языков детей боярских Володимира Черепова и Кондратия Вишневского, а с ними Путивльских ратных людей и они вернулись в Путивль и захватили с собою языков». Разузнавши от них о положении дел, Путивльские воеводы приняли соответственные меры.

«Писали мы (сказано в донесении воевод Государю Михаилу Федоровичу) вести воеводам в Белгород, Рыльск, Куреск и Севск, чтобы они прислали из тех городов голов с ратными людьми к Путивлю: в сход с Новгородка-Северского уезда на Спасское поле идти для промыслу под литовские города, и тех городов воеводы писали нам, что по твоему Государеву указу они голов с ратными людьми и с *охочими людьми* на Спасское поле послали. И мы на Спасское поле послали голов Левонтия Литвинова, Микифора Яцына, Семена Вощинина, Федора Оладьина, Ивана Черепова, Олексея Костентинова и Володимира Черепова, а с ними служилых людей под литовские города под Нежин или Борзну. И головы с ратными людьми пришли и Божиею милостию и твоим Государевым счастием город Борзну взяли, и острог большой и малый взяли, и народ поимали и оба острога разорили и выжгли без остатку и многих Литовских людей и Польских на приступех и в остроге же побили и языки поимали и капитана Вишеля жену Федору взяли и привели в Путивль, а капитана Ви-

шеля убили или он ушел, не знают[140]. А около Борзны многие села, деревни и слободы большие, дворов по 300, 400, 500, пожгли и в языцех привели в Путивль Поляков и Черкас 10 человек, да мещан 10 человек. В распросех литовский человек Олександр Волошинов сказал, что ротмистр Воронович прислал в Борзну от гетмана Конецпольского 150 человек Поляков к Вишлю, а во все литовские Украины города разослали листы, чтобы Поляки из Борзны, Нежина и всех литовских городов шли к Вишневецкому, а он думает идти под Путивль и чрез Комарицкую волость под Смоленск»[141].

В 1633 году Белгородский воевода Волынский писал Государю о том, что 3-го ноября он послал из Белгорода станичного голову Сидора Маслова и с ним Белгородцев дворян и детей боярских и других служилых людей 200 человек для добывания языков. В тот же день из Оскола приехал сын боярский Федор Митрофанов с Оскольскими ратными людьми. Его послал воевода Яков Хрущов. Военный отряд двинулся в поход, который они совершили в Литовской земле, взяли там Плотавский город приступом и взяли в плен начальных Литовских людей: Ивашку Ордынца и Якушку Неуструя и повоевали Литовскую землю. 20-го ноября ратные люди возвратились в Белгород и сообщили воеводе Волынскому о том, что в Плотавском городе Литовских людей в сборе нет, а пошли они в город Лубны, что взяли они Плотавский город и острог и многих Литовских людей побили и большой острог и слободы и посады сожгли, а достальные Литовские люди сели в малом острожке.

Благодаря удачным боевым походам в Литву Путивльцев, им удавалось брать в плен довольно значительное число Литовских женщин и детей. По этому по-

[140] То есть, Русские ратные люди.

[141] Московский Архив Министерства Юстиции. Столбцы Белогородского стола, столбец 53-й.

воду в 1634 году ими и Черниговцами было подано Государю Михаилу Федоровичу следующее челобитие о дозволении держать у себя литовских полонянок и малых ребят.

«Бьют челом города Путивля богомольцы твои Государевы попы и дьяконы и холопи твои Государевы *дворяне и дети боярские* и верстаные казаки[142]. В нынешнем в 142 году прислана в Путивль новая Государева грамота к твоим, Государь, воеводам, а по твоему, Государь, указу велено у нас, у которых есть литовский полон, переписать, и держать у себя литовский полон не велено, а мы – богомольцы и холопи людьми оскудели до конца. А по твоему Государеву указу велено во всех городах литовский полон – рабочих людей с женами и детьми держать в холопстве и крестьянстве и служилых людей велено посылать к тебе, Государю, к Москве. Просят для их бедности и безлюдства дозволить им держать литовский полон: женок и девок и малых ребят, чтоб их женишкам и детишкам от безлюдья позорным не быть».

Помета на челобитье: «Государь пожаловал, велел для их службы и разоренья Литовский полон, девки и малые робята держать у себя». В Царской грамоте Путивльским воеводам было сказано: «велели мы женок и девок и робят малых держать в великой крепости, в береженье большом, а если в них объявится воровство или измена, то тех людей приводили бы к вам, а вы бы их велели сажать в тюрьму и о том писали нам».

Вообще в первые годы царствования Государя Михаила Федоровича, после недавних бедствий Смутного времени, военно-боевая служба дворян и детей боярских Курского края шла непрерывно, отличаясь своею интенсивностью и трудностью.

В период Польских войн некоторые города нашего края, например, Путивль и Рыльск то переходили к Полякам,

---

[142] Имевшие поместный и денежный оклад, ниже их чином стояли кормовые казаки, получавшие от казны содержание.

то были возвращаемы под власть Московских Государей. В Путивльском уезде в 1627 году, несмотря на нападение Литовцев на поместья и вотчины и «шатость» среди Путивльцев, вызвавшую приезд в Путивль Московских стрельцов, все-таки ратным людям удалось сжечь слободы, устроенные в уезде Литовскими людьми, о чем Путивльский воевода и донес Государю. В Рыльске, несмотря на опасность от врагов, уездные люди отказывались ехать с семьями в город, в осаду, что́ объясняется большими неудобствами этого переезда и надеждой как-нибудь избежать опасности. Со своей стороны воеводы городов посылали за Литовский рубеж проведывать вести. Об этом в 1628 году писал в разряд Путивльский воевода, отправивший в Литву сына боярского Григория Гладкого.

В это время, по повелению Государя возобновлена была правильная раздача жалованья дворянам, детям боярским и вообще ратным людям в городах Курского края. В Осколе была организована станичная служба. В Белгороде полковые дети боярские, ездоки и вожи были освобождены от обязанности кормить конюшенных лошадей. В Корочанском стану было устроено несколько деревянных крепостей. В Курске, по челобитью неверстанных и беспоместных детей боярских, даны были им поместные и денежные оклады, а также беспоместным и малопоместным детям боярским был роздан свинец и порох.

В 1633 году Белгород выдержал осаду Литовцев и Черкас под начальством Остренина и отразил врагов. В Корочанском стану в том же году на реке Короче был бой Русских с Татарами, при чем последние были побеждены и прогнаны[143]. В Осколе воеводы и ратные люди жили, по Государевой грамоте, с великим береженьем вследствие вестей о Татарах и Поляках; где проходили неприятели, они разоряли дворянские имения, деревни уездных людей, брали женщин и детей в плен и увозили

[143] Столбцы Белгородского стола № 53-й.

в далекую и тяжкую неволю. Нападение Литовских людей на Белгород опять было в 1634, и они даже разорили Белгородский посад. Вследствие этих обстоятельств Белгородцам-дворянам и детям боярским и другим ратным и жилецким людям было дано позволение пользоваться отпуском на Дон для выкупа родных из крымского плена. В 1634-м же году они подали челобитье о посылке Государевых грамот воеводам в Путивль и Новгород-Северск, чтобы они пропускали Белгородцев за рубеж для вывоза из плена их жен и детей и писали так: «Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Русии бьют челом Белгородцы, бедные и разоренные от Литвы детишки боярские и ездоки, и вóжи, и стрельцы, и всякие люди. В нынешнем 142 году приходили в Петров пост Литовские люди с полковником Ливерским, и, *грех наших ради*, *Острог большой взяли*, а мы в городке отсиделись. И в тот приход Литовские люди у нас на посаде и в уезде у многих людей поимали в полон жен и детей и братьев, и как Литовские люди пошли от Белгорода прочь в свои Украинные городки, и они многих наших жен, которые старые, пущали назад в Белгород, а с теми выходцы семьи наши приказывали, что их повели в Украинные городки: в Лубны, в Голтву, в Миргородок, в Лоховицу, в Синечь, в Сорокин, в Плотаву, и ныне семьи наши в полону живут и их мучат в тех городех. И буде Литовские люди наши семьи станут пущать в Белгород, и тем нашим детишкам и братьям, которые взяты малы, из тех городов пеших до Белгорода не дойти, учнут в дороге пропадать напрасно». Челобитчики просили послать грамоты в Путивль и Новгородок-Северский, чтобы по получении тамошними воеводами известий о местопребывании какой-либо семьи в плену, отпускать их из тех городов с грамотами за рубеж для привоза пленных на телегах. Государь пожаловал своих служилых людей, уважил их челобитье.

Польские войска в 1634 году сделали нападение и

на Курск. Воевода Петр Григорьевич Ромодановский и голова Иван Буланой отстояли город и Полякам пришлось отступить. В отписке Ромодановского в Разряд об этом событии дело было изложено так. «Апреля в 4-й день пришли под Курск из Комарицкой волости Литовские люди и Запорожские Черкасы, гетман Ильяш Черной с полковниками, с Данильевым да с Жуком Остреиным с товарищи, да четыре пушки с ними наряду, а с ними войска 12,000 человек и приступили к городу и острогу многими приступы с примёты[144] и хотели город (крепость) зажечь, а слободы[145] разграбить. И я, прося у Бога милости и у Пресвятые Богородицы помощи, послал на вылазку голов, а с ними Курчан детей боярских и всех ратных людей, и головы с Курчаны на вылазке многих Литовских людей побили и языки поимали 13 человек, языки от ран помирали, а мы слобод около острога жечь не дали. А стояли Литовские люди под Курском апреля с 4-го дня по 16-е число и пошли они от Курска тою же сакмою, что приходили в прошлом году под Курск полковник Пырской, за реку Семь».

Между тем, подступив в 1634 году к городу Орлу, польские войска не только его взяли приступом, но и разорили окончательно, так что в 1635-36 гг. Орел был построен вновь на Орловском городище.

10.

Мы видели, что в первой половине XVII века Черкасы (Запорожские и Малороссийские казаки) очень часто воевали вместе с Поляками и Татарами в Курско-Белгородской

---

[144] Примётами назывались подбрасываемые к стенам города горючие вещества.

[145] Вокруг Курской крепости были слободы: Рассыльная, Подъяческая, Солдатская, Городовая и Малороссийская. В 1808 году оне вошли в состав города. *(Видимо, Танков здесь ошибся: эти слободы, судя по всему, появились после пожара 1782 года, когда потомков служилых людей переселили на южную окраину города. А слободы около крепости в XVII веке носили имена церквей, вокруг которых группировались, например, Ильинская слобода – В.О.)*

области. Но значительное число их являлось сюда для поселения, принимало Московское подданство и крестное целование. В «столбцах» 1636-1638 годов находим сведения о том, что в эти годы (как тó было ранее и позднее) в Курско-Белгородский край являлось много выходцев из Литвы, главным образом запорожских казаков «от Литовского гоненья», так что Правительство установило некоторые условия приема выходцев из Литвы[146]. Так, запрещено было принимать выезжающих на Государево имя из Литвы пахолков и худых людей-черкас в числе более 50-ти человек и иноземцев, которые наперед сего были в Московском Государстве и по их челобитью отправлены в Литву. В 1637 году было дозволено принимать «добрых шляхтичей и пашенных и мастеровых людей». Запорожских казаков устраивали на житье по городам, давали им жалованье, устраивали землей, отпускали на житье в Курск, Воронеж и Усерд[147]. Переход в Россию выезжих людей имел для курского поместного Дворянства то значение, что они населяли дворянские поместья, вступая в зависимые отношения от помещиков. Таким путем образовалось в Курском крае сословие подданных помещикам Черкас, которые жили в вотчинах и поместьях наравне с крестьянами.

К 1641-1642 годам относится важное событие в истории Курского края, именно измена курских Черкас, которые[148] в предшествующее время поселились в Курском уезде, а потом изменили своему новому Отечеству и отправились обратно в Литву. Военно-служилым людям Курского края пришлось вести военные действия против мятежных Черкас, которые были особенно значительны в Хотмыш-

[146] Столбцы Белгородского стола № 82-й.

[147] Оба последних города считались принадлежащими к Белгородскому краю.

[148] Московский Архив Министерства Юстиции, Белгородского стола столбец 154-й.

ском и Путивльском уездах. В 1641 году Хотмышский воевода Федор Пушкин писал Государю о том, что августа в 15-й день в часу седьмом дня получил он из Курска от стольника и воеводы Григория Образцова сообщение, доставленное Курчанами детьми боярскими Григорием Провоторовым с товарищи, о том, что 13-го августа курские Черкасы изменили Великому Государю, а он, воевода, «чает – тем Черкасам идти меж нового Хотмышского города и Рыльска Бакаевым шляхом в Литовскую сторону».

В тот же день, когда Хотмышский воевода получил письмо из Курска, он послал «на тех Государевых изменников курских Черкас для промыслу из Хотмышсково» голов с ратными людьми и велел идти к тем изменникам, говорить им, чтобы они, Черкасы, помня твое[149] крестное целование и жалованье, поворотили назад в Курск и *вину свою к тебе принесли*, а будет они назад не поворотятся и вины своей к тебе не принесут, я велел (писал воевода) головам твоим Государевым над теми изменниками Черкасами *делом промышлять* сколько Милосердый Бог помочи подаст, а Вольновскому воеводе Толочанинову писал, чтоб он послал из города Вольного для промыслу находящихся там Хотмышских детей боярских Василия Тураева да Фому Левшина. Военный отряд, вышедший из Хотмышска 15-го же августа, нашел изменников Черкас «на Бакаевом шляху у Левиных яруг у Выварённого кургана, отсюда головы донесли воеводе, что те изменники Черкасы уговору Русских ратных людей не послушали, в Курск не поворотили и, укрепясь обозом, идут Бакаевым шляхом к Литовской стороне, а с Хотмышскими ратными людьми бьются». Тогда Пушкин послал помощь с сотниками Василием Хомутовым и Софроном Чекиным пеших Московских и Хотмышских стрельцов и Рыльских и Хот-

[149] То есть, тебе.

мышских служилых людей с нарядом, зельем и свинцом и велел им сшодчися промышлять сколько Милосердый Господь помочи подаст.

Военный отряд возвратился в Хотмышск 18-го августа. Начальные люди передали воеводе о том, что отряд разбил изменников Черкас, ратные люди побили и переранили их и захватили языков, жен и детей Черкас. В своей челобитной Государю, посланной 19-го августа в Москву с участником боя сыном боярским Федором Рогозиным, Пушкин засвидетельствовал военно-боевую доблесть ратных людей. «А на том бою, – писал он, – головы с ратными людьми явственно служили и с изменниками Черкасами курскими билися и к обозу приступали и в языцех жен и детей поимали и привели с сотником Василеем Хомутовым».

В том же году, во время движения изменников Черкас в Литовскую сторону, Путивльский воевода Петр Волконский доносил Государю о том, что «приехал с путивльской заставы Мокшевского перевоза сын боярский Иван Титов и привел Черкас, при чем один из них Федко Кудиненок сказал, что курские Черкасы изменили и отправились в Литовскую сторону. Князь Волконской немедленно послал на изменников путивльских голов с сотнями: Ивана Булгакова и Ивана Бершова, атамана Гаврилу Еремеева, у голов был бой на Саадачном шляху в урочищах Проходах и изменники Черкасы были разбиты».

Со стороны Путивльских ратных людей было немало убитых и перераненых. Воевода послал немедленно в Москву список убитых и раненых и взятую на бою пищаль, похищенную изменниками из Курска, с Государевой печатью. Кроме того, князь Волконский послал список Путивльских детей боярских и других служилых людей, отличившихся в кровопролитном бою. В этом списке значатся следующие лица:

Владимер Черепов.

Федор Беззубцов.

Атаман Гаврило Еремеев.

Микита Барсуков } взяли в плен
Федор Онтыков } семь человек Черкас.

Иван Трифонов.

Донские казаки:

Василий Миколин.

Прокопий Савельев.

Жилые казаки:

Гришка Ремизов.

Гришка Белевцев.

В последний год царствования Государя Михаила Федоровича случилось событие, которое обращает на себя внимание: именно намерение князя Еремея Вишневецкого «идти изгоном» под Путивль.

Об этом говорится в отписке Вольновского[150] воеводы Никифора Белосельского в Разряд так:

«В нынешнем в 153 (1645) году июня в 21-й день посылал я в Литовскую сторону для проведывания всяких вестей казака Федьку Гнилокоза. Июня 22 дня за час до вечера прибежал из Литовской стороны казак Гнилокоз, а в расспросе предо мною в съезжей избе он сказал: говорил ему в литовском городе на Олешне мещанин белорусец Ивашка, что де князь Еремей Вишневецкий хочет идти войной под твой, Государь, Государев город, под Путивль, а с ним де в сборе с Вишневецким многие люди, а в Нове Городке Северском тут у него Вишневецкого в сборе гайдуки, да мещанин Ивашко про то про все подлинно ведает, что князю Вишневецкому под Путивль идти войной большим собранием и взять его изгоном и засесть в нем. А межевые и литовские судьи его, Вишневецкого, дважды ворочали, чтоб он под Путивль не ходил, и он, Вишневецкий, межевым судьям сказал:

[150] Город Вольной относится к числу городов Белгородского полка. Он находился в 200 верстах от Путивля.

– Хотя горлом орать, *а на своем поставить*: Путивль взять и засесть в нем.

Мещанин Ивашко слышал это от самих панов. И сказал про то Федьке Гнилокозу, помнючи православную христианскую веру, потому что он христианин и был взят мал в полон.

И я (пишет воевода) июня того же числа и часу послал нарочно в Путивль станицу на добрых лошадях и с тою станицею те вести писал к воеводе ко князю Василию Львову, чтобы ему в Путивле про то было ведомо, а сию отписку я июня того же числа и часу послал к тебе Государю на Москве, а отписку велел подать в Разряд твоим Государевым думным дьякам Ивану Гавреневу да Михайле Волошенинову».

Глава XI Сеунчи дворян и детей боярских Курского края

Особые боевые подвиги и победы над врагами дворян и детей боярских Курского края. – Походы их за рубеж и завоевания литовских городов. – Сеунчи дворян и детей боярских: Путивльцев – Леонтия Литвинова, Офонасия Беззубцова, Юрия Беззубцова и атамана Ондрея Гринева; Рылянина – Константина Ширкова; Новгородка-Северского дворян – Богдана Стремоухова, Родивона Скрябина и Богдана Износкова; Путивльцев – Ивана Констентинова, атамана Левонтия Рябова, Олексея Юдина, Олексея Костентинова и Ондрея Гринева; Путивльцев – Тихона Тархова, Дмитрия Стремоухова, Баима Дурова да Рылянина Василия Малеева; Курчан – Семена Виденьева, Исайка Котунина, Евского, Левонтия Жердева, Григория Маслова, Кондратия Шумакова; Путивльца – Федора Булгакова; Новогорода Северского – Зиновия Лемяшова, Матвея Износкова и Петра Чудинова; Белгородцев – Микулы Маслова; Курчанина – Ивана Анненкова; Белгородцев – Сидора Маслова и Микулы Маслова; Старооскольца – Дмитрия Сорокина; Белгородцев – Купина и Микиты Тарасова; Путивльца – Никифора Яцына; Рылянина – Ивана Стремоухова; Новгородка-Северского – Никиты Кульнева; Путивльцев – Леонтия Литвинова и Семена Вощинина; Курчан – Ивана Анненкова и Ивана Бунина; Белгородца – Ивана Маслова; Рылянина – Ивана Волжина; Белгородца – Петра Шарапова.

1.

Изложив в предшествующей главе военные деяния Курского служилого сословия в царствование Государя Ми-

хаила Федоровича на полях битв для защиты и охраны родного края и Государства от многочисленных врагов, мы остановимся на особых боевых подвигах и военных предприятиях дворян и детей боярских Курской области, которые они совершали, предпринимая со своими отрядами отважные походы против неприятелей. Эти героические подвиги, награждаемые Государем, представляют одну из интересных страниц истории курского дворянского сословия. Многие из этих славных подвигов были совершены Курянами в тесном единении и союзе с Черниговцами.

Обыкновенно воеводы тех или других городов, пограничных с Литвою, Степью или Татарскими урочищами предлагали отличавшимся особенной храбростью и беззаветной отвагой служилым людям дворянам или детям боярским делать военные походы и воевать с врагами, где только то было возможно. В случае успеха, а насколько это видно из древних актов Курского края, успех почти всегда сопровождал действия храбрецов, наградою для них была более или менее богатая добыча, слава, а всего дороже – Царское пожалование и награждение за сеунч[151].

Сеунчи из местностей Курского края в Царствование Государей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича были многочисленны. По обычаю воеводы посылали выразивших свое согласие военных людей в намеченные походы против врагов, а когда они с триумфом возвращались на родину, то воеводы доводили до сведения Государя об успехах русского оружия, отправляя в Москву сеунч с кем-либо из участников битвы или других служилых людей. Государь, после наведения справок в Разрядном приказе о дарованных ранее милостях за сеунчи, жаловал землею, денежным жалованьем и своими Царскими дарами героев этих военных подвигов. Нечего и говорить, как драго-

[151] Сенучем или саунчем называлось известие, привозимое Государю о победе над врагами. Лицо, участвовавшее в этой победе и привезшее известие, называлось сеунщиком.

ценны исторические воспоминания о них не только в истории Курского края, но и в истории России.

Прежде всего остановимся на тех сеунчах[152], которые были представлены Государю Михаилу Федоровичу в самый ранний период его царствования 1613-1618 гг., преимущественно из северо-западной части Курского края, где велась важнейшая в истории России того времени борьба с Литвою и Польшей. Остановимся прежде всего на сеунчах из Путивля и Рыльска.

В 1613 году из Путивля в Москву к Государю приехали дворяне Левонтий Литвинов и Офонасий Беззубцов[153] от воеводы Тимофея Мещерского. Он уведомлял Государя о том, что он посылал из Путивля под литовский город Синеч сына боярского Путивльца Беззубцова и Путивльских и Черниговских детей боярских и других служилых людей. «И Беззубцов с служилыми людьми пришли под Синеч и его взяли, и посады сожгли, и из города забрали наряд и затинные пищали, похищенные Литовцами из русских церквей Божие милосердие – образа и церковные книги и колокола и свечи и всякое церковное строение, а многих Литовских людей в городе и посадах побили, а жен и детей их в полон поимали». Возвращаясь же из завоеванного Синеча, Путивльские дети боярские с другими ратными людьми взяли литовский острожок Лохвицу, находившийся на пути их следования. Здесь они сожгли и острог, и посад, и отбили русских пленников из разных городов. За этот доблестный подвиг победители были удостоены Государевой милости. Левонтий Литвинов получил серебряную чарку в 2 рубли 6 алтын 4 деньги, камку в 5 рублев и 40 куниц, ценою 10 руб. Офонасий Беззубцов получил серебряную чарку в 1 руб.

---

[152] Книги разряднаго стола Московского Архива Министерства Юстинции. Книга раздаточная жалованья деньгами и вещами сеунщикам № 2-й, 1613-1618 гг.

[153] Помещики Путивльского уезда, значатся в писцовой книге Путивльского уезда и десятне.

6 алт. 4 деньги, камку в 4 руб., 40 куниц, ценою в 10 руб. Казакам – двум человекам, которые были присланы в Москву к Государю со своими предводителями, было дано Государева жалованья из Большого Прихода[154] по 2 руб., да сукна доброго по 4 аршина каждому, а цена сукну по 2 рубля, 5 алт. и 2 деньги.

Вскоре из Путивля воеводою Василием Коробьиным были присланы новые сеунщики – доблестные витязи Путивльского края – Юрья Беззубцов и атаман казаков Ондрей Гринев. Они вместе с Путивльскими детьми боярскими и другими служилыми людьми, а также с рыльским головою Костентином Ширковым, который привел с собою ратных людей из Рыльска, отправились в поход «воевать Литовскую землю и промышлять над нею, сколько Господь помочи подаст». Поход увенчался большим успехом, при чем литовские города: Хорол и Миргородок были «взяты взятьем»[155]. Путивльские ратные люди оба города и посады выжгли, неприятелей побили и «пожгли по дворам», взяли 1000 человек пленных Литовцев, а русский полон отбили, мало того: ими были захвачены начальники Хорола и Миргородка, наряд и знамена и вся военная добыча и доставлено в Путивль. О них *в Книге сенучей* было сказано: «И дано Государева жалованья за сеунч Юрья Беззубцову серебряная чарка в 3 рубли, камка 6 аршин в 6 рублев и сукна в 12 рублев. Ондрею Гриневу 5 руб. из казны, тафта добрая, цена 2 рубли, 20 аршин».

В тот же день с сеунчем явился к Государю дворянин Рыльского края Костентин Ширков[156] с донесением воевод Рыльских: князя Алексея Львова и Григорья Олябьева об участии Ширкова с Рыльскими ратными людьми в завоевании Хорола и Миргородка. Ему были пожалованы сере-

[154] То есть, из Государственной казны.

[155] То есть, штурмом.

[156] Помещик Рыльского уезда.

бряная чарка с Царского стола в 3 рубля, камка 8 арш. цена 6 руб., 40 куниц, цена 12 руб.

В тот же день с сеунчем явились к Государю Михаилу Федоровичу другие дворяне и дети боярские из Путивльского края Новгородка-Северского, дворянин Богдан Васильевич Стромоухов[157], старого Северского городка Родивон Иванович Скрябин и станичный голова Богдан Износков[158]. В донесении воеводы князя Михаила Барятинского было сказано о том, что эти витязи «побили Захаряша Заруцкова с его Литовскими людьми под литовским городом Лоевым и языки поимали, и острог большой взяли, и к городу приступали, и городовые башни зажгли, и острог и посады выжгли, и у приступа на вылазках многих Литовских людей побили». Государь Михаил Федорович пожаловал отличившихся героев, назначил им: Богдану Стремоухову серебряную чарку со своего стола, а в ней весу 2 гривны, 40 куниц, цена 8 рублев, камку 8 аршин в 5 руб. 25 алт. Родивону Скрябину из Большого Прихода жалованья 8 рублев.

В следующем году из Путивля прибыли Черниговец Иван Иванович Костентинов и атаман казаков Левонтий Рябов, с атаманом Ондреем Гриневым и Черниговцем Яковом Костентиновым с сеунчем. Они с ратными людьми детьми боярскими и казаками отправились «повоевать Литву и добыть ее городов» для увеличения пределов Русского Царства и «пришедши под Монастыревский город, взятьем взяли его и Литовских многих людей побили, начальника города[159] с женою и детьми его и город весь и посады *без остатку* выжгли». Повоевав многие литовские города, села и деревни, выжгли их и Монастыревские места от неприятелей очистили. Государем было велено дать жалованье им из Большого Прихода по 6 рублев человеку.

---

[157] Помещик Рыльского уезда.

[158] Тоже.

[159] В *Книге сеунчей* он называется урядником польским.

В том же году Путивльские воеводы стольник Григорий Тюфякин и Степан Чемесов прислали в Москву с детьми боярскими Олексеем Юдиным, Олексеем Костентиновым и атаманом Ондреем Гриневым сеунч «с тем, что генваря против 5-го числа в полночь пришли под Путивль князь Вишневецкий, а с ним много Литовских людей жолнеров и Запорожских казаков, которые напали на Путивль и стояли под ним 12 дней и по вся дни и ночи жестокими приступы приступали и тесноту Путивльцам учинили велию. Путивляне-дворяне и дети боярские и другие служилые люди билися и на приступах и на вылазках и языков литовских и знамена их захватывали и воинских людей Вишневецкого побивали. Генваря в 15-й день в третьем часу ночи Литовцы приступали к Путивлю со всеми своими людьми, с боевыми турами, щитами, лестницами, жестоким огненным боем, нарядом и с нарядными стрелами[160] для зажигания строений города, приступали со всех четырех сторон жестокими приступами». Но Путивляне с таким мужеством и силой устремились на войска Вишневецкого, что они со своим предводителем «пометая туры, гунты, лестницы, нарядные стрелы и другие снаряды, бежали в свои таборы, а на утрее Вишневецкий от Путивля пошел прочь».

Сеунщикам от Государя Михаила Федоровича были пожалованы: Олексею Юдину серебряная чарка с Царского стола в 2 рубля, камки 8 арш., цена 5 руб., 40 куниц – 10 руб.; Олексею Костентинову – та же награда, атаману Ондрею Гриневу 6 руб. из казны, 8 аршин камки в 5 руб. 16 алтын 9 денег.

Щедро оделяя сеунщиков из Курского края почетными наградами, Государь Михаил Федорович посылал часто свое милостивое слово к верным ему ратным людям и воеводам их, награждая их также почетными отличиями

[160] То есть, с зажигательными снарядами, выпускаемыми из пищалей.

в виде особых *золотых*, которые бояре, посылаемые Государем, привозили для раздачи отличившимся начальным людям, и в виде денежного и поместного жалованья дворянам и детям боярским и другим ратным людям.

Между тем Путивльцы в союзе с Рылянами и Черниговцами продолжали воевать Литовскую землю и завоевывать для Государя литовские большие и малые укрепленные города. Дети боярские Иван Волжин, Василий Андреевич Люшин[161] с атаманом Дорофеем Поповым[162], явясь в Москву с сеунчем, из которого было видно, что они ходили воевать литовские города, один из них взяли, пожгли острог, и башни, и посады, разгромили села и деревни на 10 верст в окружности, получили награду: Волжин 40 куниц в 10 руб., Люшин 9 рублей, атаман Попов – также 9 рублей.

Вскоре за ними в Москву были присланы воеводою Коробьиным путивльский сотник Тихон Тархов, Дмитрей Стромоухов, Баим Дуров[163], да из Рыльска воеводою князем Микитою Волконским – Рыленин сын боярской Василей Малеев с сеунчем.

Эти лица находились в посылках, по назначению воевод вместе с станичными головами из Путивля Юрьем Беззубцовым, из Новгородка Северского Богданом Износковым, из Рыльска – Василием Малеевым[164]. Отправившись добывать вести, они пошли с другими служилыми людьми в Литовскую землю и здесь, кроме исполнения данного им поручения, взяли приступом Острецкий острог, выжгли посады, захватили полон и многих Литовских людей побили. За свой подвиг сеунщики получили Государеву награду: Тархов и Стромоухов по 12 рублей, Малеев, Баим Дуров,

---

[161] Помещики Рыльского уезда.

[162] Тоже.

[163] Тоже.

[164] Тоже.

Беззубцов и Износков по 9 руб. Через несколько времени Стромоухов с дворянами и детьми боярскими опять отправился в поход за рубеж воевать Литовскую землю, нанесши поражения Литовским воинским людям, подошел к городу Стародубу и, не доходя до него восьми верст, сражался с неприятелями, многих из них побил и взял в полон и с военной добычей возвратился в Путивль. После победы над Литовцами Степан Износков, бывший головой у дворян и детей боярских и отличившийся в бою блестящею храбростью, был послан к Государю к Москве с сеунчем. За свои заслуги Износков удостоился получить от Государя Михаила Федоровича редкую награду, а именно: *серебряный ковш*, а в нем весу три гривенки[165].

2.

Скажем теперь о некоторых сеунчах, представленных в Москву Государю дворянами и детьми боярскими Курского уезда, в период времени 1613-1618 гг.

Из Курска «в сеунщиках» в 1618 году были присланы воеводами князем Офонасием Козловским и Ермолом Мясоедовым «Курчаня Семен Виденьев[166] да Исайко Котунин». О них было сообщено следующее:

«Июня в четвертый день 1618 (126) года приходили в Курский уезд Татаровя, от города стали в четырех верстах за рекою Семью. Воеводы, по тем вестям, посылали голов с сотнями из Курска: Ивана Анненкова, Семена Виденьева, Сунбула Онофреева[167]. Головы эти с дворянами и детьми боярскими преследовали Татар на далекое расстояние от Курска и наконец, настигши на реке Псле, около сторо́жи усть-Старого Гатища, ударили на их коши». Вско-

[165] Гривенка – около фунта.

[166] Помещик Курского уезда.

[167] Помещик Курского уезда.

ре татары были разбиты на голову, русский полон у них был отбит и языки схвачены. Увенчанные славою победы, Курчане возвратились в свой родной город, отправленные же в Москву дворяне и дети боярские с сеунчем и с известием о *Государеве счастии* получили Царскую награду – все по 6 р. и по сукну доброму на каждого человека.

В 1617 году от Курского воеводы князя Ивана Васильевича Волконского были присланы Курченин дворянин Евской и голова Левонтий Жердев[168], которые представили донесение князя Волконского о том, что оба сеунщика, а с ними дворяне и дети боярские Курчане с ратными людьми составили отряд и пошли на промысел над Литовскими людьми, появившимися в Курском уезде и даже в окрестностях Курска, где настигли их на речке Мокве, впадающей в Сейм с правой стороны. Здесь в бою Курчане разбили и прогнали Литовцев, захватили полон и с добычей вернулись в Курск. Государь Михаил Федорович пожаловал сеунщиков по 5 р. денег и по 4 арш. Сукна доброго, ценою в 2 р. 16 алтын.

В декабре того же года, несколько дней спустя прибытия в Москву Евского, из Курска явился другой сеунщик дворянин Григорий Савич Маслов[169], который во время жестокого приступа Литовских людей, к Курскому острогу с ратными людьми выходил на вылазку, Литовских людей многих побил, из слобод их выбил и языков поимал. После этой вылазки Литовцы отошли от Курска. г.С. Маслов за свою доблесть получил Государево жалованье – 5 руб. да сукно доброе – 4 арш. ценой в 2 р. 16 алтын.

В 1617 году, 5 февраля в Москву к Государю явился с сеунчем посланный воеводою Иваном Волынским сын боярский Кондратий Шумаков из Курска. В донесении воеводы было сказано: «В посылке от него против Литовских людей были головы с сотнями, они сшодчись с Ли-

[168] Помещики Курского уезда.

[169] Курский помещик.

товскими людьми на реке Хону, в 30 верстах от Курска многих Литовских людей побили и в языцех поимали, а привели в Курск Литовских людей 12 человек, а он, Кондратий, в том походе был головою. Государь его пожаловал, велел дать 5 рублей своего жалованья, сукна доброго 4 аршина, по 2 рубля 16 алтын аршин.

В 1618 году к Государю Михаилу Федоровичу был прислан из Путивля сын боярский Новгородка-Северского Федор Булгаков, который был послан воеводою Волынским с головою Иваном Стромоуховым с дворянами и детьми боярскими против Литовских людей в Трубчевский уезд на поле. Здесь ратные люди напали на Литовцев, «многих из них побили и языки поимали», а старшину Литовского шляхтича Томаша Берестецкого взяли в полон. Он был доставлен в Москву. Федор Булгаков получил за сеунч из Большого Прихода 5 рублей.

В том же году к Государю явился сеунщик Зиновий Лемешов сын боярский Новгородка-Северского. Его военный подвиг был следующий: Лемешов с детьми боярскими отправился в Польскую землю в Гомельский уезд, где они воевали польские села и деревни, пожгли их, многих Литовских людей побили и повоевали местность, лежащую на реке Снове и на 12 верст западнее Сновы. Лемешев за Сеунч был пожалован Государем, он получил 4 рубля денег, да сукна середняго 5 арш., цена 8 рублей, 2 алтына.

В том же году от воеводы князя Ивана Долгорукова были присланы Новгородка-Северского дети боярские, служившие по Рыльску Матвей Износков[170] и Петр Чудинов. Они с ратными людьми воевали в Литовской земле в Остренском уезде, где «села и деревни многие пожгли и Литовских людей побили и в полон взяли. И на них выходили Литовские люди, с ними был у Русских бой и Литовцы были побиты». Государь пожаловал за сеунч 6 руб.

[170] Значится в Рыльской десятне.

В 1623 году из Белгорода приезжал к Москве к Государю с сеунчем Белгородец выборный дворянин Микула Маслов[171], который вместе с детьми боярскими и другими служилыми людьми преследовал Татар и разбил их на речке на Халани. Ему было дано жалованье 5 рублей да сукно доброе. В том же году, 2-го сентября к Государю Михаилу Федоровичу прибыл с сеунчем от воеводы Степана Ушакова из Курска Курченин выборный дворянин Иван Антипович Анненков. В своей отписке воевода сообщил о том, что он посылал за Татарами голов Ивана Анненкова и стрелецкого голову Малюту Дурышкина, и они недалеко от реки Лещины побили Татар и отбили русский полон. Сеунщику Ивану Анненкову было дано жалованья 9 руб. да сукно доброе.

В 1624 году в Москве был с сеунчем их Белгорода станичный голова Белгородец Сидор Маслов, который одержал победу над Татарами. Он получил 8 рублей денежного жалованья и сукно доброе.

В 1625 году выборный дворянин Белгородец Микула Маслов бил челом Государю о сеунче. В своем челобитье он, между прочим, писал следующее: «В нынешнем году посылал меня воевода с детьми боярскими и другими служилыми людьми. И мы пошли за Татары и Божиею милостью и Великого Государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича молитвами и твоим, Государевым, Царевым и Великого Князя счастием Татар побили и многих в полон взяли. И воевода Лодыженский прислал меня, холопа твоего, к тебе, Государь, к Москве и за мою службишку и

[171] Московский архив Министерства юстиции, столбцы Белгородского стола, столб. 12-й. Микула Иванович Маслов был в то время одним из самых богатых и знатных помещиков Белгородского края. В 1622-м году он был пожалован Царем Михаилом Федоровичем большим поместьем в южной части Белгородского края по Ногайской и Крымской стороне Северского Донца, далеко вглубь степных пространств.

саунч[172] своим Государевым жалованьем, как тебе Милосердый Господь известит».

О военно-боевом подвиге Микулы Маслова воевода писал Государю: «И 133 года июля в 16-й день в полдни приезжал в Бел город сторож с Изюмского шляху с верх реки Кореня станичной ездок Исачка Уваров, а в расспросе сказал: приехали к ним на сторо́жу оскольские вестовщики Иван Дурнев с товарищи – 4 человека и сказали, что июля в 15-й день были в Оскольском уезде Татаровя и воевали Оскольский уезд на ручье на Орлике в деревне Косиновой, а переехали они татарскую сакму на заре и перешли на речку Корочу в Новую Слободу, и я того же часу послал из Белгорода на Изюмский шлях Микулу Маслова и голову Ивана Кобыльского с белгородскими служилыми людьми, и они на том шляху Татар побили и за рекою за Осколом на Ногайской стороне верх речки Красной побили же и в полон поимали языков, и я послал к тебе, Государю, с сеунчом Маслова и Кобыльского пожаловал твоим Государевым жалованьем как тебе Господь Милосердый известит»[173].

3.

В 1631 году в Москву был послан с сеунчем из Оскола[174] от тамошнего воеводы Афонасия Тургенева оскольский сын боярский Дмитрий Сорокин[175]. В этом сеунче было сказано, что голова Федор Митрофанов был в походе против Татар, а с ним Оскольские ратные люди дети боярские и казаки. Они заметили Татар недалеко от

---

[172] Слово *саунч* редко употребляется сравнительно с обычным сеунч.

[173] Какое Государево жалованье было дано сеунщикам, в столбцах Белгородского стола сведений нет.

[174] Разумеется Старый Оскол.

[175] Помещик Оскольского края, значится в писцовой книге.

Оскола, дошли до Калмиусской сакмы, которая находилась в 50 верстах от Оскола, и здесь вступили в битву с неприятелем и «Татар многих побили, а в языцех взяли Татар 67 человек». Государь Михаил Федорович за тот сеунч пожаловал Дмитрию Сорокину «10 рублей жалованья, да тафту, да сукно доброе».

В 1633 году, 24-го Июля сын боярский Белгородец Купин одержал победу над Ногайскими Татарами на реке Короче, на Изюмском шляху. Татары были разбиты наголову. Купин был послан с сеунчем в Москву[176].

В том же году была одержана победа над Поляками в десяти верстах от города Сорочена Литовского. Эта победа, между прочим, замечательна тем, что Поляков победили не Путивльцы или Рыляне, обыкновенно совершавшие походы в пределы Польского королевства, а Белгородцы дети боярские и другие служилые люди. Белгородский воевода в 1633 году послал с ратными людьми станичного голову Микиту Тарасова, который вышел за Польский рубеж и воевал литовские городки и деревни с большим успехом в окрестностях Сорочена и Бельского городища. Здесь у него произошел бой с Литовцами, окончившийся их полным поражением, предводители их «Лаврушко, Ильюшко и Корнейко» были взяты в плен и приведены в Белгород. Тарасов же был послан сеунщиком в Москву[177].

В декабре 1633 года к Государю Михаилу Федоровичу был прислан из города Путивля воеводами князем Андреем Масальским и Игнатием Уваровым с сеунчем путивльский помещик Микифор Яцын[178]. Вместе со своим

---

[176] Московский архив Министерства Юстиции, столбцы Белгородского стола, столб. 53-й. О жалованье за сеунч Купину в столбцах не указано.

[177] Там же, о размере жалованья за сеунч не сказано.

[178] В Путивльской писцовой книге 7136 (1628) года поместных и вотчинных земель в Подгороднем стану и волостях Печерской, Колодезенской, Залутской, Городецкой, Биринской, Мужецкой, Желвацкой и Немирской письма и меры Петра Мусоргского и Гаврилы Федотова, значится Микифор Матвеевич Яцын в числе поместных дворян (Архив вотчинный Министерства Юстиции).

отрядом и товарищами, он, по поручению воевод отправился в поход «за Литовскими людьми и для городового промыслу» (завоевания городов) и достиг Батурина острожка, который был целью военного похода. Н.М. Яцын решил взять крепость приступом, и его предприятие увенчалось полным успехом. В донесении о нем Государю сказано: «Божией милостью и твоим Государевым счастием Микифор Яцын с ратными людьми острожек Батуринской взяли взятем[179] и Литовских многих людей побили, и наряд (пушки) и знамена и барабаны поимали, а в языцех[180] взяли 48 человек, а иные Литовские люди во избах и погребех погорели». Таким образом, радостное для Государя известие о новой победе над Литовцами доставил в Москву сам победитель. Он был удостоен Царского благоволения и щедро награжден. А именно: Микифору Яцыну за ту службу и за сеунч дано Государева жалования у стола: «чарка в 4 рубля, камки куфтерю 8 аршин, тафта добрая, 10 рублей денег, да ему ж придачи к старому его окладу к 450 четям – 100 четей, денег к 12 рублям – 10 рублей и придаточных денег выдано 6 рублей».

В том же 1633 году Государю Михаилу Федоровичу писал воевода Баим Болтин и прислал с сеунчем из Новгородка-Северского рыльского помещика Ивана Стремоухова[181]. В донесении Болтина было сказано, что Стремоухов 20-го декабря «поговоря с дворяны и детьми боярскими и со всякими ратными людьми, приступил к Новгородку-Север-

[179] То есть, приступом, штурмом.

[180] В качестве пленников, которых можно было расспросить о неприятелях.

[181] В писцовой книге поместных и вотчинных земель в Подгороднем, Омонском и Свапском станах Рыльского уезда 1628 года Иван Васильевич Стремоухов значится в числе поместных дворян Рыльского уезда.

скому с вечера до полуночи со всех сторон *жестоким приступом* и Новгородок зажгли и урядник, который сидел в Новгородке-Северском, капитан Куницкой с Литовскими людьми пошли было на проход, и Государевы ратные люди многих Польских и Литовских людей побили, а в языцех взяли урядника капитана Куницкого и Литовских людей с[182] 400 человек, а Русских людей из города вывели с 2000 человек, и город очистили, и наряд[183] поимали».

Блестящая Новгород-Северская победа над Поляками и Литовцами под предводительством И.В. Стремоухова обратила особое внимание Государя Михаила Федоровича. Действительно, завладение крепостью, богатая военная добыча, освобождение громадного, по тому времени, числа Русских людей, томившихся в плену, благодаря храброму натиску русских воинов, все это покрыло славою Стремоухова и тех дворян, детей боярских и ратных людей нашего Курского края.

Царь Михаил Федорович, с присущею ему милостью, щедро вознаградил Рыльских героев за одержанную победу:

«И за ту службу и за сеунч Ивану Стремоухову дано было Государева жалованья у стола: ковш в две гривенки, камки куфтерю 20 аршин, 40 соболей в 30 рублей, а ему ж придачи к старому его окладу к 850 четьи – 150 четей, денег к 52 рублям денежного жалованья 20 рублей, и те придаточные деньги ему на Москве были выданы».

Стольник и воевода Рыльский, князь Василий Ромодановский уведомил Государя Михаила Федоровича о том, что «из Брянска тамошний стольник и воевода, по Государеву указу посылал для промысла над Литовскими людьми товарища своего Никиту Оладьина с Государевыми ратными людьми, и ему бы князю Василию послати из Рыльска к

[182] Около 400 человек.

[183] Артиллерийские орудия.

Никите Оладьину Государевых ратных людей в прибавку, и он посылал голову Новгородка-Северского Матвея Износкова да рылянина Федора Ширкова[184].

И те головы с Государевыми ратными людьми Государю служили, с Польскими и Литовскими людьми бились и к городу приступали до сдачи города. И он, князь Василий, с тою службою и с сеунчем послал к Государю к Москве голову Новгородка-Северского Микиту Кульнева[185], который участвовал в боях при взятии Стародуба».

Сеунщики были присланы к Михаилу Федоровичу от Брянского и Рыльского воевод, в донесении которых было сказано о заслугах голов, предводительствовавших ратными людьми при взятии Стародуба, и прибавлено: «Бог поручил Государю город Стародуб, а они – воеводы были под Стародубом в промыслу». Царь Михаил Федорович пожаловал предводителей ратных людей за службу и за сеунч 5 рублями, да из поместного оклада 50 четей, да денег – 6 рублей.

В скором времени после взятия Литовских крепостей Батуринского острожка и Стародуба, Путивльскими служилыми людьми был завоеван под высокую руку Русского Царя и принадлежавший Полякам Рамонский острожек. Опять же военачальниками ратных людей были поместные дворяне Курского края путивльский голова Леонтий Литвинов[186] и Новгородка-Северского Матвей Кусаков[187]. Как совершилось это новое, славное для курского служилого сословия дело, мы видим из челобитья Государю обоих голов:

---

[184] В писцовой книге Рыльской значатся в числе поместных дворян: Матвей Богданович Износков, Федор Степанович Ширков.

[185] В той же писцовой книге в числе поместных дворян Рыльских значится дворянин Никита Степанович Кульнев.

[186] Значится в писцовой Путивльской книге 1628 и 1629 гг.

[187] Значится в Рыльской писцовой книге 1628 и 1629 гг.

«Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом Левка Литвинов да Матюшка Кусаков. Посылали нас, холопов твоих, с Путивля, да с Рыльска голов с ратными людьми под Литовский острог под Рамон, и встретился с нами рамонской урядник Сеножацкий от острогу а версту, и был с ним бой и Божией, Государь, милостью, а твоим Государевым счастием урядника мы побили и острог большой взяли, и Литовских людей многих побили, и о той службе присланы мы к тебе, Государю, с сеунчем.

Милосердный Государь, пожалуй нас своим Царским жалованьем за сеунч, чем тебе, Государю, Бог известит».

На этом челобитье была написана помета – *выписать*. Выписка была сделана в Разряде на основании отписки воевод князя Масальского и князя Ромодановского. В той отписке было засвидетельствовано о том, что воеводы послали для промыслу над Литовскими людьми под Рамонской острог, и действительно путивльские головы Левонтий Литвинов и Семен Вощинин[188] с товарищами и ратными людьми, после военного своего похода под Рамон, возвратились в Путивль «и здесь в разпросех» рассказали о битве своей с Сеножацким и о том, что Божиею милостию и Пречистой Богородицы помощью и Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии и сына его Государева благоверного Царевича Алексея Михайловича счастием, а Великого Государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии молитвами, они убили множество Литовских людей и их полководца Сеножацкого и взяли знамена и затинную пищаль в большом остроге, кроме того в бою пять знамен. Из них три знамени привезли в Путивль, а два знамени и затинную пищаль отвезли в Рыльск. Остальные Литовские люди заперлися

[188] Семен Вощинин значится помещиком Путивльского уезда в писцовой книге 1628 и 1629 года.

на осыпи в малом острожке. А в языцех взяли было в большом остроге многих литовских людей, и как они стали приступать к другому острогу, тех языков побили, а в Путивль привезли языков два человека. А с сеунчем, писали воеводы, с того бою послали они к Государю к Москве голову, который был на том бою, Леонтия Литвинова. Взятые с поля сражения языки были литвины.

После справки, на челобитье обоих голов была сделана следующая помета: «141 году, генваря 26-го дня Государь пожаловал за службу и за сеунч, дал своего Государева жалованья по 10 рублей, да по сукну по англинскому каждому человеку, а Семену Вощинину велел дать Государево жалованье за сеунч 10 рублей, да сукно англинское, доброе».

В 1633 году один из богатых по размерам своего поместья дворянин Белгородского уезда Иван Маслов просил о пожаловании его Государем за его службу и бой в Белгородском уезде на реке Разумной. В челобитье было изложено следующее: Бьет челом Белгородец Ивашко Мелентьев сын Маслов[189]. В нынешнем в 141 году приходили Литовские люди в твою Государеву вотчину, в Белгородский уезд, и как были Литовские люди на речке Разумной и три версты от города, и нас твой Государев стольник и воевода Михаил Петрович Волынской по твоему Государеву указу посылал на Литовских людей и Божиею милостию и твоим Государевым счастием и отца твоего Государева, Патриарха Московского и всеа Русии Филарета Никитича молитвами, мы многих Литовских людей побили и языков поимали. И твой Государев стольник и воевода Михайла Петрович Волынский из Белгорода прислал меня с отпискою и сеунчем к тебе Государю, к Москве, а я прошу пожаловать *за кровь* и за службу как Бог известит».

Помета в разряде была сделана следующая: 141 года,

[189] В Белгородской подлинной переписной книге поместий и вотчин 1646 года Иван Маслов значится помещиком.

апреля 29 дня Государь пожаловал, велел ему Государева жалованья дать 10 рублей, да тафты, да сукно англинское доброе».

4.

Известный уже нам по своему доблестному нападению на Литовцев голова Иван Васильевич Стремоухов и Рыльский помещик Иван Иванович Волжин[190] со своим отрядом ратных людей были под городом Черниговом. Здесь литовское войско застигло Русский отряд на реке Снове. Русские, под предводительством Стремоухова и Волжина, вступили в бой и одержали над неприятелем победу, большинство Поляков и Литовцев было перебито. Храбро сражаясь, Иван Иванович Волжин получил тяжелую рану выстрелом из пищали в левое плечо, которое было пробито насквозь.

Возвратившись в Новгородок-Северский, где он находился на службе станичным головой, Иван Иванович Волжин послал челобитье Царю Михаилу Федоровичу, в котором писал: «и та моя службишка и рана писаны к тебе, Государю, воеводою к Москве и за тое рану и службишку я поместным окладом и денежным жалованьем не пожалован» и просил о пожаловании. Для доклада сделана была выпись из донесения воеводы, подтверждающая доблестный подвиг Волжина, и сказано, что он, будучи «в Ивановой сотне Стремоухова, Государю служил, с Литовскими людьми бился явственно и поражал неприятеля».

Несмотря на тяжелую рану, Иван Иванович Волжин остался в строю. «30-го ноября, – сказано в отписке воеводы, – он, во время нового боя с Литовскими людьми под Новгородком-Северским, бился явственно[191], убил неприятелей, да взял

[190] Иван Иванович Волжин значится в числе помещиков Рыльского уезда в писцовой книге 1628 года, по Подгородному стану.

[191] То есть, сражался с такою храбростью, что она обращала на себя внимание других воинов.

в плен. Да декабря 15-го дня было новое сражение с неприятелем, и Иван Волжин, уже в звании головы, с сотнею бился явственно: убил неприятелей, да в плен взял. 28-го апреля 1634 года был бой с Литовцами под Блиставою, а на том бою Иван Иванович Волжин был голова с сотнею, Государю служил, а бился с Литовскими людьми явственно, убил неприятелей да взял жива – Литвина Игнатка Ромашева. Да Июля 4-го дня был бой в Новгородском уезде[192], и на том бою Наумовы сотни Бобрищева-Пушкина[193] Иван Волжин Государю служил, с Литовскими людьми бился явственно, убил неприятелей и его Ивана на том бою ранили из пищали, да он же на бою отнял[194] сына боярского Семена Енкудатова. А на Москве Иван Волжин не осматриван, потому что его на Москве нет, а бьет челом за него его сын Василий. И Государю бьет челом Иван Волжин, чтобы пожаловали его за службу и рану жалованьем, поместьем и денежною придачею. А поместный ему оклад 750 четьи, денег из чети 34 руб.»

В Разряде была сделана надлежащая справка, и оказалось, что за такие службы и за раны придают Государева жалованья по 100 четьи, денег к старым окладам по 5 р. и по 6 р. и по 7 р., и придача выдавана была по указу. А головного[195] головам давано по 5 руб., да по камке.

На этом основании Государь Михаил Федорович пожаловал Ивана Ивановича Волжина – велел ему за службу и за рану учинить придачу 100 четей, денег 9 руб. и придачи дать ему по указу, да ему ж дать на лечьбу[196] 5 р., да камку.

Путивльские воеводы князь Никита Гагарин и Андрей Усов просили Государя о пожаловании их за службу. Вот что́ писали они: «По твоему, Государь, указу были мы на

---

192 То есть, в Новгород-Северском.

193 То есть, сотни Наума Бобрищева-Пушкина.

194 То есть, отбил у неприятелей, взявших было Енкудатова в плен.

195 Разумеется – вознаграждение головам и его норма.

196 Лечение.

службе в Путивле и от Литовских людей и Черкас сидели в осаде, и Божию милостью и Пресвятые Богородицы помощью и твоим Государевым и твоих благородных чад, а наших Государей счастием, город Путивль от Польских и от Литовских людей и от Черкас от их жестоких приступов отсидели и многие литовские города и острожки поимали и литовских людей побивали».

Государь пожаловал их, велел дело выписать и доложить ему. По докладу 25-го марта 1634 года, князю Никите Гагарину было дано к прежнему его окладу 100 четей, кроме того на шелках шуба в 130 руб. и кубок в 4 гривенки. Андрею Усовую были даны: к прежнему его окладу 60 четей да шуба на шелках в 90 руб. и кубок в 2 гривенки.

В 1633 году сеунщиками в Москву были присланы Курчане Иван Анненков и Иван Бунин. Посланы они были воеводою Ромодановским. Он писал Государю: «Холоп твой Петрушка Ромодановский челом бьет. Августа 24 в четвертом часу дни приходили под Куреск Литовские люди и Черкасы полковые и урядник польский Сеножацкий к городу приступал с четвертого часу дни до вечерен жестокими приступы и Стрелецкую слободу жгли, и я холоп твой посылал на вылазку голов Ивана Анненкова и Ивана Бунина, а с ними детей боярских и всяких людей, и Божиею милостью и твоим Государевым счастием Литовских людей от города отбили и они пошли за реку Семь. А послал я к Москве к тебе Великому Государю с сеунчем Курченина Ивана Анненкова и Ивана Бунина. А Литовские люди пошли к деревне Толмачевой Курского уезда, а были Ляхи и Литовцы и Запорожские казаки, а полковник Пырской да Яцко Остренин, да с ними от Рамонского городка урядник Сеножацкий, а с ними 15 знамен».

В 1633 году Белгород был осаждаем Литовскими людьми и под начальством стольника и воеводы Михаила Петровича Волынского успешно отражал нападения неприятелей. Литовцы принуждены были отступить. Описание этой

осады находим в челобитной белгородского станичного головы сына боярского Шарапова: «Бьет челом Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русии станичный голова Петрушка Шарапов. Приходили в нынешнем в 141 (1633) году на Ильин день Св. Пророка под Белгород Литовские люди Черкасы и под Белым городом стояли и к городу приступали, и мы тебе, Государю, служили и с Литовскими людьми и с Черкасы билися и Божьею милостью и твоим Государевым счастием тех Литовских людей побили, а достальные от Белгорода прочь отошли и твой, государь, стольник и воевода М.П. Волынский прислал нас к тебе, Государю, к Москве с сеунчем с отпискою, просить пожаловать их за службы и за сеунч».

По этому челобитью в Разряде была сделана выпись (справка), где было сказано: «Июля в 20-й день пришли под Белгород многие Литовские люди и учали к городу приступать, да июля 22-го приступали к городу жестокими приступы с приметы и с лестницами во многих местах, с полуночи до третьего часу дня и Божьей милостью и Пречистой Богородицы помощью и заступлением, а Великого Государя Михаила Федоровича и детей его счастием, а отца его Государева молитвами у приступа многих польских людей побили и переранили, а туры и приметя и лестницы отбили, на том приступе взяли черкашенина Петрушку Шимковского, а в расспросех он сказал, что приходил под Белгород полковник, который Валуйку взял Яцко Остренин «с товарищи», а с ним было Литовских людей и Черкас 5000 человек, и того же дня те Литовские люди отошли от Белгорода после приступу».

По челобитной Шарапова Государь пожаловал своих ратных людей за их службу. По его указу была дана «память» дьяку Разрядного приказа Гавриилу Облезову. «Велети ему дати Государева жалованья Белгородскому станичному голове Петру Прохорову сыну Шарапову за Бел-

городскую службу нынешнего 141 года и за сеунч: камку, сорок куниц, чарку серебряную в 2 рубля».

Вообще, как видно из «Разрядных книг» Московского архива Министерства Юстиции, из городов Курского края очень часто были присылаемы к Государю Михаилу Федоровичу дворяне и дети боярские с сеунчем воеводами этих городов и получали те или другие Царские награды за доблестные свои подвиги в боях и за доставление радостных известий о победах над врагами.

Глава XII Дворянское землевладение в царствование Михаила Федоровича

Указная книга Царя Михаила Федоровича, ее происхождение и значение в истории Курского Дворянства. – Черты сословной организации. – Отношение дворян к земле. – Влияние Дворянства на крестьянство и сельское хозяйство. – Челобитье детей боярских Курского края об утаенных поместьях. – Закон 27 ноября 1614 года. – Наделение поместьями иноземцев в Курском крае. – Указ о неотдаче поместий мимо родства. – Отдача поместий погибших на войне дворян и детей боярских семье их и роду или челобитчикам одних городов с погибшими. – Порядок восстановления грамот на вотчины. – Права распоряжения вотчинами. – Приобретение дворянами земли в поместье или вотчину посредством приращения. – Отписка пашен. – Создание системы землевладения. – «Служба кровию и смертию». – Указ 1637 года о вотчинах и поместьях. – Запрещение дачи и мены поместьями людям Московских чинов в украинских и польских городах. – Указ о порозжих землях. – Указы в последние годы царствования Михаила Федоровича. – Отказные и ввозные грамоты, полученные дворянами Курского края. – Крестьяне в дворянских поместьях. Бегство и розыск их.

1.

В настоящей главе мы остановимся на поместном владении дворян Курского края вотчинами и поместьями

в царствование Михаила Федоровича[197]. По мнению ученых, вопрос о происхождении и организации поместного землевладения является одним из труднейших для полного его разрешения, между прочим, потому, что история дворянского землевладения соединяет в себе две стороны жизни: юридическую и экономическую. К счастью, для этой истории сохранился драгоценнейший памятник, известный под именем «Указной книги Царя Михаила Федоровича». Эта книга дошла до нас в рукописи, принадлежащей первой половине XVII века. Заглавие ее таково: «Книга указная Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Русии и отца его Государева Великого Государя, Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского всея Русии. Указы и боярские приговоры о поместных и вотчинных землях, о которых указах докладывали Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича и которые указы сысканы в переносных делех по памятем после Московского пожару 134 (1626) года и которые Государевы указы о поместных же и о вотчинных землях написаны с докладу о разных статьях».

Для истории Дворянства в Курском крае *Книга указная* имеет особенно важное значение потому, что в ней мы находим, помимо общих сведений о поместном владении и условиях его в России XVII века, такие данные, которые *именно* касаются Курского края, дворянского землевладения в нем и других фактов поместно-дворянской жизни.

Происхождение *Указной книги* Поместного приказа 1626-1649 гг. было таково. 3-го мая 1626 года страшный пожар истребил часть Кремля и Китай-города: «всяких чинов людей дворы начали гореть и многие церкви Божии в Китае-городе и Кремле погорели, опрочь больших соборов... и во многих приказех многие Государевы дела и многая Го-

[197] Главнейшими источниками для этой главы были: 1) Указная книга Поместнаго приказа и 2) Историко-юридические материалы В.Н. Сторожева, изд. Министерства Юстиции 1889 года.

сударева казна погорела. Это несчастие весьма тяжело отозвалось на документах Московского Государства и вызвало тогда целый ряд практических затруднений. В Поместном приказе сгорели: 1) Указная книга до 1626 года, 2) книги писцовые, приправочные, отдельные, дозорные, отказные, 3) дачи и 4) столпы. После пожара принялись за восстановление утраченного законодательства. В Боярскую Думу была подана докладная записка о составлении *Указной книги* вместо сгоревшей, с указанием источников для этого. Результатом этой записки и было восстановление законов о поместном владении.

На основании *Указной книги* мы рассмотрим черты поместного и вотчинного владения Дворянства в Курском крае. Для ясности же изложения данного предмета, считаем необходимым предпослать ему краткий очерк отношения дворянского сословия к земле, имея, главным образом, в виду условия жизни и деятельности Курского края.

В Московском Государстве, по выражению В.Н. Сторожева, служила *земля* (точнее *пашня*) в лице ее обладателя или пользователя, и она не несла податного бремени, отсюда особое положение владельца или пользователя. Землевладелец на поместном или вотчинном праве был обязан, в особенности в Курском окраинном районе, личною военной службой. Личная военная служба составляет обязанность того класса лиц, право которых владеть *белой землей*. Поместное землевладение дало Дворянству известную политическую силу в Государстве, оно замкнулось в служилый класс, не имевший, однако, полной сословно-корпоративной организации. Некоторые черты этой организации можно заметить в положении Дворянства в XVII веке, например, сюда относятся выбор губного старосты из дворян, выбор окладчиков и нарядчиков, а также сотенных знаменщиков, выбираемых Дворянством и для Дворянства, но в целях государственных. Выбор окладчиков говорит нам о существовании некоторой корпоративной связи между дворянами, служащими с одного города. В.О. Ключевский заме-

чает, что сотенные головы из уездных дворян имели тесную корпоративную связь со своими сотнями. В силу исторических условий Дворянство Курского края было военным классом и политической силой, опорой Престола Русских Государей и главной защитой Отечества не с одной только, а с трех сторон: южной, юго-западной и юго-восточной.

Дворянство в то время, как известно, имело военную организацию, которая покоилась на известном отношении дворянина к земле. Беззе-мельный дворянин был явлением ненормальным, он выбивался из своего класса, хотя даже служил подьячим в приказной палате. Вот поэтому в делах Разряда так многочисленны челобитья детей боярских Курско-Белгородского края о земле. Отсюда является известное отношение дворянина к земле и ее населению. В этом отношении мы видим вторую, после военно-боевой, сторону истории Дворянства, важную для истории Русского народа, именно связь его с крестьянством, которое жило на поместных землях и обрабатывало их. Дворянство должно было оказывать сильнее влияние на крестьянство, а вместе с ним на сельскохозяйственную и промышленную жизнь Руси.

2.

Первый по времени указ Государя Михаила Федоровича относительно поместий и вотчин дворянских, помещенный в *Указной книге*, был издан в 1613 году, содержание его следующее: «Бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи приговорили: которые стольники и стряпчие и дворяне Московские *и дворяне и дети боярские из городов* и всяких чинов люди учнут Государю бить челом о поместьях и в поместном приказе старых их вотчин поместных дач сыскать будет нечем, и тем челобитчикам велеть к сказке руки свои прикладывать, за кем, в котором городе

сколько вотчин и поместей чети за ними в дачах, да кто за собою поместей и вотчин не скажет, или скажет да не с полна, не столько, сколько вотчин и поместей чети за ним в дачах и кто челобитчик про те утаенные поместья и вотчины обещает, и те утаенные вотчины и поместья отдать ему безповоротно, взяв лутчее в его оклад».

Смысл и значение этого закона вполне понятны. При даче поместья Правительство руководилось чином лица, кому предполагалось дать поместье и величиной его вотчины. Если же Правительство не знало в точности, сколько за кем поместья или вотчины, оно должно было невольно отступать от обычной нормы поместных дач. Поэтому утайка поместья или вотчины целиком или частично воспрещалась. В 1624 году закон этот получил некоторое смягчение в том смысле, что доводившие сами на себя утаенное поместье, хотя бы за один день до доноса на них об утайке, могли рассчитывать на справку этого поместья за ними.

В указе 1624 года было сказано: «И Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии и Великий Государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московской и всеа Русии…указали тем людям, которые челом били сами на себя о справках, о прописных старых своих поместьях, чтоб те их поместья справить за ними, а челобитчиков на них наперед их челобитья не было, и вперед которые люди учнут бить челом до челобитчиков хотя за один день сами на себя о справках о утаенных старых своих поместьях, и за теми людьми те их старые поместья справливать по-прежнему к старым их поместьям и в оклады, *а в утайку им того ставить не велели*».

Важное значение для Курского края имел закон 27 ноября 1614 года о неотдаче старых иноземцевых поместий никому, кроме иноземцев, вследствие того, что в нашем крае владение землями иноземцев было довольно значительно. Уже в начале царствования Михаила Федоровича в Бел-

городе были служилые иноземцы старого выезда. То же мы видим и в Курске. В 1627 году в Путивле уже существовали «правила о приеме зарубежных выходцев». В 1634 году давалось Государево жалованье за выход на Государево имя нововыезжих иноземцев. В 1636 году Разряд заботился об устройстве выходцев иноземцев по разным городам Курского края, в том числе в Белгороде, где дано было жалованье и произведено устройство землей нововыезжих Черкас и привод из к крестному целованию, устройство с семейством Белорусского попа Мартина. В Путивле были устроены, кроме групп иноземцев, шляхтич Матвей Горянский и греческий поп Юрий с братом и др. В 1638 году Разряд устраивал жалованьем нововыезжего иноземца Сербской земли князя Михаила Милорадова. В том же году были наделяемы землей иноземцы в Короче, Осколе, Рыльске и Яблонове. Словом, раздача поместий выезжим иноземцам в Курско-Белгородском крае шла с давних времен и непрерывно.

Но если где, то именно в этом крае, было нередкостью то, что наделенные землею, жалованьем и другими милостями, выходцы покидали места своего пребывания и возвращались за рубеж. Такие факты были особенно свойственный Курскому краю потому, что он был *порубежным*. Вследствие этого, как мы видим из исторических актов Белгородского стола Московского архива Министерства юстиции, выходцы-иноземцы покидали дарованные им поместья и бежали за рубеж, например, в 1638 году из Путивля бежало несколько человек Черкас, в числе которых был и атаман Раздай-Беда. Для Курских дворян указ 1614 года имел между прочим то значение, что дети боярские нередко били челом Государю о пожаловании им поместий, оставленных беглецами. По этому же указу они не могли получить этих поместий.

В указе было сказано: «Бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи приговорили иноземцев старые поместья в раздачу дворянам и детям боярским

в поместья, опричь иноземцев, *никому не отдавать*, к которой иноземец умрет, а после его жены и дети и роду и племени не останеца, или которой иноземец в опале будет, и те иноземетция старые поместья и вотчины велено отписывать на Государя до тех мест, пока о тех поместьях и о вотчинах иноземцево челобитье будет». Этот закон впоследствии вошел и в *Уложение*, однако с дополнением о запрещении поместья Русских людей отдавать иноземцам.

В виду того обстоятельства, что в Курском крае уже в начале XVII века, а тем более – позднее, было значительное число поместий выходцев-иноземцев, то для нас интересны и те последующие указы, которые два раза подтверждали закон 27-го ноября, а также указ 8-го мая 138 (1630) года, который не только воспрещал обращение поместий и вотчин между Русскими людьми и иноземцами, но стеснял даже обращение их между самими иноземцами. Правительство Московского Государства находило, что от беспорядочности обращения поместий и вотчин между иноземцами и Русскими страдают интересы Государевой службы.

В 1614 году 8-го августа состоялся приговор бояр о том, что поместья тех, которых на службе убьют или на службе не станет, и того мимо родства не отдавать, а которые помечены дать, и тем до указу грамот не давать. По этому указу, как видно , было запрещено поместья бездетно погибших на войне служилых людей отдавать кому-либо, кроме боковых родственников. Для Курского края это распоряжение Правительства имело громадное значение, так как вследствие многочисленных нападений на уезды его неприятелей, битв, осад городов: Белгорода, Курска, Оскола, Обояни, Путивля, Рыльска, а впоследствии и Каменного, Царева-Алексеева, Яблонова, Красного Города (Корочи), Хотмышска, Карпова, защиты их, а также походов во вражеские земли, Курская дворянская военно-боевая сила – дворяне и дети боярские ежегодно гибли во время военных

действий, оставляя свои поместья, нередко без прямых наследников... Во время Татарских, Литовских, Ногайских и других разгромов поместий Курского края прямые их наследники были убиваемы или уводимы в жестокий плен… Вот поэтому указ 8-го августа давал полную возможность Курскому боевому дворянскому сословию знать и ожидать, что в случае ежеминутно возможной смерти на бою, по крайней мере, поместья владельцев не уйдут из рода и не очутятся в чьих-либо посторонних, а то и инородческих руках.

3.

В 1615 году последовал Царский указ об укреплении по челобитьям лиц, получивших при Царе Василии Шуйском поместья в вотчины и утерявших вотчинные грамоты. В этом указе было сказано: «Бьют челом Государю разных городов дворяне и дети боярские, что им даваны поместья, отобранные от изменников при царе Василье, а из поместий и в вотчины, а кладут поместные грамоты, а про вотчинные грамоты сказывают – утеряли, а те помещики, чьи поместья им даваны, ныне же Государю бьют челом о своих поместьях, о повороте». Бояре приговорили: «Против их челобитья сыскивать Московскими сидельцами накрепко, да по сыску те вотчины отдавать по 123-й (1615-й) год, а которые учнут бить челом впредь и тем отказывать, потому что застарелось».

Громадное значение имел для Курского Дворянства указ Михаила Федоровича, обнародованный в 1618-м году, 27 августа. Им были предоставлены поместья лиц, убитых на войне, пропавших без вести семье их и роду, а за отсутствием последних – челобитчикам *исключительно* тех городов, к которым принадлежали пострадавшие на войне.

Указ этот был вызван поместным делом дворян

Борисова и Языкова. В том деле было написано[198]: «В Государеве Цареве и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии, и в боярском приговоре 126 (1618) года августа в 27-й день Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии указал и бояре приговорили: у дворян и детей боярских, которые побиты и в полон поиманы и которые без вести, поместий их не отнимать и в раздачу их не отдавать, а давать те их поместья женам и их детям, а у которых жен и детей не осталось, и тех поместья давать в оклады и в додачу *роду их и племени*, а мимо родства и мимо того города, кто учнет бити челом, никаким людем не отдавать».

Несколько выше мы, по поводу указа 1614 года, имели случай сказать о том, что при многочисленных военных боевых действиях и смерти в них дворян и детей боярских Курско-Белгородского края, указ об отдаче выморочных дворянских поместий в род умершего или взятого в плен должен был поддерживать дворянские семьи и роды. Теперь добавим к этому, что в силу исторических условий в каждом уезде Курского края были дворянские роды, значительные по числу сородичей, которые в лице своих представителей в особенности ревностно стояли на страже Отечества, предводительствовали и участвовали в походах и действиях против врагов и приобретали себе славу. Понятно, что передача выморочных по одному семейству поместий в род и племя, к которому принадлежали главы этих семейств, усиливая материальное положение рода, давало ему возможность иметь бóльшее значение и, при желании, с бóльшею силою выступать на поприще военной доблести. Вообще по этому указу поместная земля не могла уходить из рода-племени, что бывало прежде обычным явлением. При военном же устройстве городов Курского края, позволение получать выморочную землю лицам только

198 *Указная Книга* Поместнаго приказа, изд. Архива Министерства юстиции, 42 стр.

своего уезда не ослабляло военных сил и средств каждого горда. Это было весьма важно вследствие того, что силы защиты от врагов городов Курского края были далеко не одинаковы. Нельзя было, например, сравнивать в этом отношении города Курск, Путивль, Белгород, например, с Карповым, Каменным или Недрыгайловым.

Первый по важности указ 1619 года касается порядка восстановления грамот на вотчины, утраченные в Смутное время. Из изложения жизни Курского Дворянства в царствование Иоанна Грозного и Федора Иоанновича мы видели, что в Рыльском и Путивльском уездах существовало значительное по числу дворянское сословие, члены которого несли сторожевую, станичную и разъездную службу. В Смутное время утрата грамот на вотчины являлась весьма естественной, и с вероятностью можно утверждать, что Рыльские и Путивльские владельцы нуждались в указе, который был изложен так:

«Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович указал бояром и окольничим и дворяном большим и стольником и стряпчим жильцом и приказным людем и дворяном из городов и детем боярским на родственные и прежних Государей жалованные и на купленные вотчины, у которых Государевы грамоты и купчия, и духовные и вотчинные крепости в Московское разоренье пропали, а в Поместном приказе в вотчинных, записных, в писцовых и дозорных книгах и в Большом приходе и в городех в платежных книгах, чья вотчина и за кем имянем или за детьми и за братьею и за племенники записана, и тем людем свои Государевы жалованные вотчинные грамоты за своею Государскою красною печатью на свое Государево имя давати на вотчины велел. А которые вотчины в книгах не сыщут, и про те вотчины указал Государь сыскивать в городех всякими людьми до разоренья, те вотчины за ними были ль и по каким крепостям владели, да по сыску и тем людем на вотчины свои Государевы грамоты давать указал».

Вопрос о порядке восстановления крепостей на вотчины в первые годы царствования Михаила Федоровича был делом особенно важным. Смутное время, особенно сильно разыгравшееся в Курском крае, могло служить хорошим предлогом для незаконного завладения землей. «Грамоты на вотчины и поместья, – говорит В.Н. Сторожев[199], – во время Московской разрухи усердно раздавались и Московским Царем Василием в русском лагере, и поддельным Димитрием в Тушинском, и по исчезновении двух последних Польско-Русским Правительством в Москве и чисто Русским Правительством «всей земли» под Москвою, и в Польском лагере под Смоленском, и в Шведском лагере в прежнем вольном городе Новгороде». Результаты такого положения дела и должны были оказаться при Царе Михаиле Федоровиче. Законные вотчинные и поместные владельцы оставались без крепостей, незаконные старались удержать неправильные свои приобретения в Смутное время. Одни тягались с другими за неправильное владение, третьи обвиняли других в том, что вследствие измены не могут владеть теперь своими старыми землями, наконец, четвертые требовали вознаграждения за труды, понесенные в Смутное время. Вследствие этого явился ряд указов, имевших в виду уладить все эти затруднения.

Много таких затруднений было в то время в Курском крае, принимавшем, как мы видели, деятельное участие в событиях Смутного времени.

Другой указ, касающийся восстановления грамот, был издан в 1624 году. В нем было сказано: «Государь указал про те вотчины сыскивать в Московском уезде и в городех писцом, а в городы своих Государевых грамот о вотчинах сыскивать давать не велел». Смысл этого выражения должен быть таков: *особых* Государевых грамот о сыске в городах «всякими людьми», как то́

[199] Историко-юридические материалы, изд. Московского архива Министерства юстиции, 153 и след. стр.

было сказано в указе 1618 года, для каждого отдельного случая посылать не надо; сыск будут производить писцы, разосланные по городам.

4.

В 1620 и 1623 году последовал указ о неотнятии у помещиков и вотчинников лишних земель (пашни сверх дач), припаханных из собственных угодий и лесов старых дач. В нем было сказано: «За которыми людьми объявятся лишние земли, а они будет (буде) их припахали из старых своих угодей – из лесов и из лугов и старых своих дач, а не из новых и сыщетца тово пряма, что они распахали старинные свои земли, и тех земель у тех людей не отнимать, а писать за ними вотчинные земли по дачам, а поместные по окладам, потому что они те земли припахали из старых своих дач, хотя будет на них и челобитники и им в том не верить».

Эти указы, важные для дворянского землевладения вообще, имели большое значение для Дворянства Курского края в XVII столетии. В самом деле, здесь имеется в виду приобретение земли в поместье или вотчину *посредством приращения*. Помещик, без боязни лишения, мог владеть только таким количеством пашни, какое записано было за ним писцами. Раз количество пашни у него увеличивается, если даже и на счет его собственных угодий, то это является некоторого рода нарушением межевых установлений. Понятно это строгое отношение Правительства к каждой, вновь появившейся четверти пашни у помещика, в особенности в Курско-Белгородском военно-служилом крае, по преимуществу. При увеличении состава служилых людей, Правительству нельзя было допускать расточительного обращения с землей. В земельном законодательстве Московского периода мы находим постоянную заботу предотвратить завладение земли на счет Государства.

Таким образом «примерная» земля (лишек, припаханный к известному количеству пашни, записанному за служилым человеком писцами), каково бы ни было ее происхождение, становилась владением незаконным или же не вполне законным. Но иное дело было а) припахать к записанной пашне землю, лежащую вне *межи и граней поместья*, а иное дело б) запахать лишние против письма четверти, взяв их из своих же угодий, из лесов и лугов. Но и для второго случая потребовался особый закон, который предотвратил отобрание таких пашен в пользу Государства. Новые писцы, посланные по городам, должны были отписывать такие припаханные пашни на Государя, ибо они являлись сверх количества пашни, записанной за владельцем прежними писцами. Указы 1620 и 1623 годов предотвратили подобную отписку пашен. Но это увеличение пашни не на счет так сказать, государственной выдачи потребовало тщательного государственного надзора: 1) в предотвращение злоупотреблений и 2) *в видах военной службы*.

Земельное и военное устройство были так тесно связаны друг с другом, что малейшее повреждение в первом из них чувствительно отзывалось на втором[200].

Система землевладений в царствование Михаила Федоровича создалась делом защиты Отечества, им поддерживалась и от него зависела. В этой же системе мы видели оригинальность, целесообразность для своего времени, и она станет на почетном месте в истории устройства военной службы.

Как известно, эта военная поместная система XVII века была в особенности выдержана в Курском крае, где служба и бой со врагами, как «*служба кровию и смертию*» сделались почти равносильными понятиями. К тому же распахивание земли под пашни было жизненным нервом благосостояния землевладельца, как то продолжалось потом в течение веков и достигло нашего времени. С одной стороны

[200] В.Н. Сторожев, 168 стр.

Курских дворян владельцев интересовало плодородие черноземной пашни (называлась земля добрая), которая, так сказать, сама просилась для бóльшего и бóльшего распахивания, а с другой – вследствие естественных условий почвы нашего края, земля тогда только приобретала надлежащую ценность, когда она была разделана под пашню.

Указ 12 марта 1620 года замечателен тем, что предписывал укреплять за владельцами земли по новым писцовым или дозорным книгам, даже если по старым писцовым книгам числилось за ними меньшее количество четвертей. Благодаря этому указу, нечего было утаивать показания старых писцовых книг; кто утаивал, тот и лишался примерных земель за эту ненужную утайку. Любопытен мотив закона 12 марта 1620 года: показания новых книг имеют силу, потому что «в прежние лета многие места были в пусте, а после того населились и объявились в жилье». Мотив этот всецело мог найти себе применение в Курском крае, где в начале XVII века было еще много *Дикого поля*.

Указ 1620 года запрещает утайку старых отцовских разоренных поместий. В нем сказано:

«Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Русии и Великий Государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии на соборе приговорили, которых людей были поместья и в разоренных городех, и они об них не бьют челом, а бьют челом вновь об новых поместьях, а старые отцовские для разоренья[201] таят, а возьмет вновь, и у тех новые отымать и отдавать в раздачу, потому что они старые отцовские поместья таили и имали вновь, и вперед велеть отцовские поместья хотя и в разоренных городех обявлевать, а для разоренья, кто старово не утаит, Государь пожалует». Это постановление имело значение для Курско-Белгородского края уже потому,

[201] То есть, вследстсие их разоренья.

что именно здесь часто города подвергались жестокому разорению, а с ними и поместья, находившиеся в уездах.

В том же году Государь Михаил Федорович указом повелел о том, чтобы вдовы помещицы, у которых есть дочери, имели право выдавать их или сами выходить замуж за беспоместного или малопоместного дворянина или сына боярского, принося им в приданое владеемые ими вотчины или жалованные поместья. Но так как возможны были случаи, что родичи мужей этих вдов, братья родные или двоюродные приносили челобитья Государю о том, чтобы поместья умерших их родных не вышли из рода, тогда вдове или дочерям позволялось в приданое брать только свою вдовью или девичью часть. Те же вдовы и дочери, которые не хотели идти замуж, могли владеть и пользоваться прожиточным поместьем в полном его составе.

Таким образом, по данному указу устанавливалось известное положение относительно вдовьего владения, что было важно для Курского края, где, как мы видим из исторических актов, в XVII веке всегда бывало много вдов, остававшихся после погибавших в войнах и битвах их мужей. Между тем указ, содержание которого мы передали, ясно и точно определяет положение вдовствовавших дворянок и жен детей боярских.

В связи с этим постановлением находится указ о том, чтобы «дворянам и детям боярским, которые стары и от службы отставлены, и вдовы, которые стары и за теми дворяны и детьми боярскими и за вдовы прожиточные, и о тех поместьях бьют челом Государю челобитчики *в пожить*, и тем людям в пожить не давать».

В 1623 году последовал Царский указ о неотнятии поместий и вотчин у лиц, бывших в Тушине и по собственной воле вернувшихся в Москву на службу, хотя бы они и утеряли крепости на землю, о недействительности раздач земельных в Тушине и под Смоленском и о неповороте земель, до сих пор таким лицам еще невозвращенных и розданных в раздачу при Царе Василье. По

этому указу было велено: «всяких людей, которые были в Тушине, и по городам, которые были за вором, а после того приезжали к Царю Василью и к боярину к князю Михаилу Васильевичу Скопину, а которые приехали на Москву к боярам и воеводам сами, и у которых людей вотчинные и поместные крепости пропали, в Московское разоренье, а ныне о тех землях бьют челом многие челобитчики в поместья, и тех всех людей *пожаловали* – вотчин старых и родственных и купленных, которые за ними были до Московского разоренья за самими, отымать у них и в раздачу раздавать не велели за то, что они, после Московского разоренья, пришед в Москву, соединились все вместе Московского Государства с бояры и воеводы и против Литовских людей стояли и Московского Государства и Литовских людей доступали все вместе и меж собою укрепились, что им всем за Московское Государство стоять и от Литовских людей очищать и Божиею милостию, а своею многою службою Московского Государства у Литовских людей доступили и очистили, и грамоты свои Государские всяким людем на старые их родственные и на купленные вотчины велели дать, сыскивая про то подлинно, чтоб всякие люди имали свое прямое родственное и купленное своих отцов и дедов и братьи своей родных, которые вотчины были за ними до смутных лет и до Московского разоренья за самими, опричь тех вотчин и поместей, которые даваны им у вора в Тушине и под Смоленском у короля и королевича».

В 1627 году, 3-го декабря последовал указ о наследовании вдовы после мужа в его вотчинах, кроме купленных, и о даче ей приданого да четверти из животов.

По этому указу Михаила Федоровича вотчины, полученные вдовами после мужей и проданные или заложенные ими, по их показанию, для помина души, милостыни и собственного пропитания, остаются за купцами; но сохраняется право выкупа вотчин. Вдовы же, получившие вотчины и затем постригшиеся, сохраняют их за собою «до живота,

а им тех вотчин никакими обычаи не продавать, ни заложить, ни по душе не отдавать»[202].

Сообразно с предшествующими постановлениями был составлен и утвержден новый образец жалованных вотчинных грамот 1627 года.

5.

В 1628 году, января 27-го последовал Царский указ о том, как *писаться* в грамотах и челобитных: «Бьют челом Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русии комнатные ближние люди, Государева жалованья поместья им дают и в Государевых грамотах пишут в челобитье без *вичей*. И Государь бы их пожаловал, велел им свои Государевы грамоты давати и писати в челобитье с *вичем*. И 136 (1628) года, генваря в 27-й день Государь тех людей челобитья слушав, приказал на поместья писати свои Государевы грамоты в челобитье, без *вичей*, опричь бояр, и окольничих, и думных дворян».

В следующих указах того же года: 11-го марта было постановлено о взимании пошлин по вотчинным крепостям, без обозначения цены, в размере 3-х денег с каждой четверти, 23-го мая о том, что сестры при братьях вотчин не наследуют, а получают на прожиток из поместей, 9-го октября об обязательной даче дворянами и детьми боярскими показаний в повальном обыске и подписи под этими показаниями.

В 1629 году был издан *важный указ*, в особенности для Курского края, о запрещении продавать поместья в вотчины, без именного Государева указа, а в 1630-м последовали указы: а) о порядке одабривания поместных зе-

[202] Указная книга Поместнаго приказа, изд. Московского архива Министерства юстиции, 65-66 стр.

мель из примерных с запрещением одабривать вотчины, полученные из поместий, и за неимением примерных земель одабривать поместья уменьшением в записке поместных дач; б) о запрещении иноземцам продавать и сдавать друг другу и Русским людям поместья и вотчины, о дозволении меняться поместьями между собою лишь с особого разрешения Иноземного приказа, представляемом в Поместный; в) о количестве крестьянских и бобыльских дворов, которое следует писать в разных местностях в живущую пашню[203].

Последний указ очень важен в истории Курского Дворянства в XVII веке, вследствие того, что в нем точно указано, сколько класть на живущую пашню крестьянских и бобыльских дворов за помещиками и вотчинниками Курского края во всех его уездах.

Из этого указа видно следующее: в *Курском*, *Рыльском и Путивльском уездах* было положено по два двора крестьянских, да по два двора бобыльских *в четверть*. *Оскольский* же уезд имел в этом отношении *преимущество*, – в нем было положено по два двора крестьянских, да по три двора бобыльских.

– «А где, – сказано в указе, – *за помещики и за вотчинники* живут торговые и мастеровые люди и белопашцы, и их указали класти в живущую пашню за бобыльскими дворы ровно, а где крестьянских дворов не достанет, и тут указали положить за один двор крестьянской по два двора бобыльских: а) на Резани, в Колуге, в Болхове, в Мценску, в Карачеве, в Брянску, в *Путивле*, в *Рыльску*, в *Курску*, на Воронеже, в Лихвине, в Перемышле, в Воротынску, в Белеве, в Ряском (Ряжске), в Донкове, на Лебедяни по три двора крестьянских и бобыльских в четверть; б) а на Туле, на Дедилове, на Веневе, на Епифани, на Солове, в Козельску, в Мосальску, на Ливнах, *на Осколе*, в Одóеве, на Черни, на Ельце, в Новосили, в Кромах

[203] То есть, заселенную пашню.

указали положить по два двора крестьянских, да по два двора бобыльских в четверть». Таким образом, из уездов Курского края *Оскольский* имел некоторую особенность в назначении количества дворов крестьян и бобылей.

По издании этого указа, в 1631 году помещики и вотчинники всего Курского края – *Курские, Оскольские, Рыльские и Путивльские* били челом Государю о том, чтобы увеличить число положенных за ними дворов как крестьянских, так и бобыльских. И Государь указал по челобитью дворян и детей боярских воеводств Курского края положить на живущую пашню за помещиками и вотчинниками по восьми дворов крестьянских и по четыре двора бобыльских *в четверть*. В этом случае и *Оскольский* уезд был сравнен с остальными.

Такое же увеличение числа дворов последовало по Государеву указу и в других городах Московского Государства, в том числе и соседних с нашим краем, например, в Мценске, Воронеже, Кромах, Болхове и др.[204]

Торговые и мастеровые люди за помещиками и вотчинниками были сравнены с бобылями. В случае недостатка крестьянских дворов, последние добавляются бобыльскими. На полторы десятины, в трех полях пашни, в Курском крае полагалось всего 12 дворов в дворянских поместьях, так что наш край был по численности дворов в шестом разряде. Высший разряд над ним занимали только те уезды, где полагалось по 20 дворов на пашню. Так стало после челобитья Курских дворян и детей боярских. Но до этого, как мы видели, города Курского края – *Курск, Путивль и Рыльск* – занимали первый, самый низший разряд из семи разрядов, а Оскол – второй разряд. Замечательно, что челобитье Курян – дворян и детей боярских возвело их поместья на четыре разряда выше.

---

[204] *Указная книга* Поместнаго приказа, изд. Московского архива Министерства юстиции, 101-102 стр.

В 1634 году, 31 Июля последовал указ о выкупе отданных в монастыри выслуженных вотчин из казны по полтине за четверть. В 1635 году для истории Дворянства имеют интерес указы: о неотписке поместий у нетчиков, бывших лишь в одних нетех на последнем смотру в Можайске, о даче поместий вновь тем лицам, которые объявились в нетчиках по недоразумению, о запрещении Русским людям каким бы то ни был образом приобретать земли у мурз и Татар.

Что касается нетчиков, дела о которых можно видеть по Белгородскому столу, то законодательство XVII века довольно подробно останавливается на них. На практике Правительство делало различного рода снисхождения. Чтобы обеспечить правильное отбывание воинской службы, Правительство прибегало не только к наказаниям, но и к системе поручительства. Отобрание земли у не явившихся на службу производилось неодинаково: отписывали и целое поместье, и половину, и треть. Вообще Правительство отпискою поместий преследовало: 1) неявку на службу по призыву, 2) неявку на службу в назначенный срок или медленные сборы, 3) неявку на военные смотры, 4) бегство со службы, 5) службу несообразно с показанием окладчиков[205], 6) укрывательство служилыми людьми солдат, рейтар и драгун.

В указе 19-го сентября 1635 года находим любопытное постановление о том, что родовое поместье после служилого человека, убитого на войне, переходило к родственнику нетчику беспоместному и безвотчинному; нетчик же наказывался *убавкой* в поместном и денежном окладе (на 50 четей и 2 рубля). Это постановление с течением времени не только не ослабило своей силы, но и получило усиленное применение. Но велено было дать поместья тем лицам,

[205] То есть, когда окладчики назначали явку в поход в известном вооружении и с известным числом вооруженных людей, а служилый человек не выполнял вполне этих требований.

которые не объявились на смотру, потому что «с бедности ходили по запас и по волостям конского корму купить» или были заняты делами, а сказать было у смотру про них некому.

6.

Для дворянского землевладения в Курском крае был очень важен указ Михаила Федоровича 1637 года о вотчинах и поместьях. Главнейшие положения этого указа следующие:

а) Было запрещено поместья записывать в вотчины, а вотчины в поместья.

б) Вотчины по купчим и закладным было дозволено записывать.

в) «Если вдовы вышли замуж за дворян и детей боярских с прожиточными поместьями прежних мужей своих, как мужья их прожиточные поместья за собою справливали, и они старые отцовские поместья за собою таили, и тех дворян и детей боярских не стало, а после их те поместья даны женам их с детьми, и на тех вдов били челом челобитчики, что мужья их утаили старые поместья, и у тех вдов те поместья против мужей их утаенных старых поместей отняты прежних мужей их поместья и розданы в раздачу, а ныне те вдовы бьют челом Государю о тех своих прежних мужей своих поместьях о повороте и о том, как Государь укажет».

Бояре приговорили «той статье вперед не быть и *таких поместей у вдов не отнимать*, а что такие статьи делались до преставленья, блаженные памяти Великого Государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии, и тем делам по уложенью так и быть. Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Русии указал той статье быть так, как бояре приговорили».

Этот приговор вошел в *Уложение* Государя Алексея Михайловича и важен для Дворянства Курского края, главнейшим образом, потому, что в нем в XVII и XVIII веках, как мы говорили, было очень много вдов-дворянок, потерявших своих мужей в постоянных военных действиях против многочисленных врагов Отечества. Прочитывая так называемые «Полоняничные книги» городов Курско-Белгородской области, мы видим, что в большинстве семейств дворян и детей боярских были вдовы с детьми. Для них переданное нами здесь законодательное постановление: *поместей у вдов не отнимать* имело существенное значение.

г) «Если дворяне и дети боярские были в полону лет по 10 и по 15 и по 20 и по 25 лет, а поместья отцов из без них как они были в полону, розданы были в раздачу, а ныне те полоненики бьют челом Государю, чтоб Государь их пожаловал, те отцов их поместья велел поворотить. Бояре приговорили и Государь указал тем отцовские поместья поворачивать за 10 лет, а испомещивать их вновь *наперед всех челобитчиков*».

Это постановление для украинных городов, в том числе для Путивля, Рыльска, а впоследствии для Курска, Оскола и др. имело особенно важное значение. Служба Рылян и Путивльцев еще в царствование Иоанна Грозного и в последующее время заключалась, преимущественно, в разъездах, в содержании станиц в безлюдной Степи вдали от укрепленных городов Путивля и Рыльска, в службе в сторóжах, разбросанных маленькими оазисами на громадном пространстве, по которому рыскали орды и отдельные отряды хищных Татар и Ногаев. При таких условиях попасть в плен было в высшей степени легко. Налетала, например, на несколько человек, детей боярских Путивльцев или Рылян, бывших в разъезде или сторóже, орда вооруженных Татар, и никакая храбрость не могла помочь ратным людям спастись от плена, их влекли в тяжкую и нередко долгую неволю... Такая же орда в сотни

и тысячи человек *снимала* станицу детей боярских, которую ожидала та же участь. Несомненно, что постановление 1637 года было благодетельно для Курского края.

Указ 1637 года, апреля 1-го имеет важное значение в истории Курского Дворянства и *прямо относится к его трем городам: Курску, Рыльску и Осколу*. Он касается запрещения дачи и мены поместьями людям Московских чинов в некоторых украинных и польских[206] городах. Вот этот указ:

«145 года, апреля в 1-й день Государь, Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии указал: в украинных и польских городах на Воронеже, на Ельце, *на Осколе, в Курску*, в Новосили, на Ливнах, *в Рыльску*, в Карачеве, Болхове, на Орле, во Мценску, на Лебедяни бояром и окольничим и думным людем и стольником и стряпчим и дворяном Московским, и жильцом и всяких чинов Московским людем поместей в тех городех не давать и не выменивать и вотчин им в тех городех не покупать, а хто похочет в тех городех у ково купить вотчину, и о том бити челом Государю именно, а кто будет хто в тех городех купит вотчину без Государева указу и тех вотчин в Поместном приказе не записывать».

Этот указ имел силу до издания в 1649 году *Соборного уложения*, в котором он уже не сохранен. Во всяком случае, приобретение земель в уездах Курского края Московскими дворянами было приостановлено на некоторое время.

Исключением в этом отношении был *Путивльский уезд*, которого приведенный нами указ не коснулся. Но в 1639 года был издан в развитие этого указа новый, в котором Московским людям было запрещено «давать поместья городовых дворян и детей боярских и с городовыми дворяны и детми боярскими поместья и вотчины не менять». Тогда к трем городам Курского края примкнул

[206] Окраинных и степных.

и Путивль, но только до 1647 года, когда Государь Алексей Михайлович отменил указ 1639 года.

Другой, важный для дворянского землевладения в Курском крае Царский указ относится к 1640 году.

В нем сказано, чтоб «порозжия земли в Московском уезде и в городех давать бояром и окольничим и дворяном Московским и приказным людем и жильцом и *городовым дворяном и детем боярским* на льготу на 15 лет, а им в те годы на тех *порозжих землях* и строитца и пашня пахать и лес расчистить и дворы поставить и крестьян сажать, а те льготные лета с них никаких Государевых податей не имать, а как те льготные лета отойдут, и те земли давать в поместье в оклады тем же людем, кто возьмет для строенья, и в вотчину тех земель не отдавать и не продавать. А хто, взяв те земли, в те годы не учнет пахать и строить или покинет, и на том пеня Государева, чтó Государь укажет».

В Курском крае в XVII столетии, в царствование Государя Михаила Федоровича, *было очень много порозжих земель*, в особенности на юге и на юго-востоке. Неудивительно, что приведенный нами закон мог очень содействовать заселению края именно дворянским элементом, что имело большое государственное значение, так как во все продолжение XVII века во всех воеводствах Курского края происходило заселение порозжих мест служилыми людьми.

Для истории Курского Дворянства в XVII веке большое значение имеет следующий факт, изложенный в докладе Государю таким образом:

«До Московского и после Московского пожару в Северских городах: *в Рыльске, в Путивле, в Беле-городе* даваны детем боярским пустые порожние *бортные ухожеи в поместье, в оклады* за четвертную пашню, а иным даваны и оброчные земли в поместье ж и в оброк, а ныне бьют Государю челом челобитчики о пустых же бортных ухожих за четвертную пашню и оброчных землях по-прежнему в поместье и в оброк против прежних дач, которым

людем давано наперед сего, и о том Государь как укажет, в Северских городах из порозжих земель бортные ухожеи за четвертную пашню и оброчные земли в поместье и в оброк вперед челобитчиком против челобитчиков же прежних дач в поместье давать ли? Бояре приговорили порозжеи бортные ухожи давать по-прежнему в поместья, сыскивать большими сыски, будет порозжи и спору нет, а оброчных земель и бортных ухожей в оброчных же в поместье не давать. Государь, Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии указал той статье быть так, как бояре приговорили».

Просмотрим в заключение те указы относительно дворянского землевладения, которые были изданы в последние годы царствования Михаила Федоровича.

В 151 (1643) году били челом Государю беспоместные, малопоместные и пустопоместные разных городов дворяне и дети боярские, которых родители, дядья и братья на службе были побиты Литовскими людьми. Они просили, чтобы Государь их пожаловал, не велел бы их родственных поместий сдавать *из роду вон*, чтоб им в конец не погибнуть и от службы не отбыть. Государь указал поместий не отдавать вдовам без именного указа.

Указ 1644 года, 11-го августа, касается условия обмена имениями. «Государь указал: меновные поместья справливать за женами и за детьми по дачам мужей и отцов их, а с кем они менялись, и, бив челом ему Государю, за челобитьем теми своими меновными поместьи владели по записям, а в Поместном приказе не расписався, и тем людям указал Государь отказывать и тех меновных поместий по челобитьям не росписывать».

Стало быть, обмен поместьями должен был быть утвержден в Поместном приказе. В Курском крае обмен поместьями, насколько это можно видеть из архивных источников, был довольно значителен.

В 1644 году был издан указ, который имел прямое и *непосредственное отношение к Курскому краю*. «Государь, – сказано в нем, – слушав выписки, указал – которые дворяне и дети боярские на украйных городех, к которым в то время относились: Путивль, Рыльск, Курск, Обоянь, Белгород, Оскол, Хотмышск, Короча, Карпов и другие, от Крымских и Ногайских людей побиты, женам их давати с окладов мужей со ста по двадцати чети, а дочерям – по десяти на прожиток. А которых дворян и детей боярских не станет собою, и женам их давать с окладов мужей со ста по пятнадцати чети, а дочерям по семи чети с осминою на прожиток, а которых не станет на Государевой службе, тем женам со ста давать десять чети, а дочерям пять».

В 1644 году последовал указ Царя Михаила Федоровича о дозволении оброчные пустоши Большого Прихода, по просьбам Государю, выкладывать из оброка и отдавать в поместья.

В последний год правления Михаила Федоровича – 1645-й, было издано два указа о дворянском поместном владении: 1) января 2-го о порядке явки в Москве на суд по поместным и вотчинным делам и 2) февраля 6-го о дозволении передела поместных земель, недобросовестно разделенных вотчимами и дядьями в малолетство челобитчиков пасынков и племянников.

7.

В дворянском землевладении XVII века важное значение имели *отказные грамоты*. При составлении писцовых книг писцы всегда требовали актов на владение у вотчинников и помещиков и записывали со слов их основание для владения, например, а «владел по Государевой грамоте, или по старым писцовым книгам, по купчей меновной, отказным или отдельным книгам» и т.п. Так как Курская

область во весь период времени царствования Государей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича была - *заселяемой*, то отказные грамоты играли здесь большую роль. Поступали таким образом: местному воеводе предписывалось послать – кого пригоже на место нахождения поместья и произвести сыск окольными и тутошными людьми по поводу справедливости тех оснований, по которым челобитчик просит записать за ним это поместье, а затем измерить землю поместья в десятины и положить в четверти. Измерив землю, отказчик должен был разверстать ее на три поля и определить, сколько четвертей придется в одном из них. Обыкновенно в Курском крае измерялась только некоторая часть земли, в состав ее входила пашня, перелог, дикое поле, дубрава на пашню, пашня поросшая лесом, и эта часть считалась одним полем. Умножением этой части на три определялась величина поместья.

Для ясности передаем содержание отказной грамоты по челобитью помещика Белгородского уезда Микулы Ивановича Маслова Белгородскому воеводе Тюфякину в 1623 году. В ней предписывается «на диком поле переписать дворовые места и присады, а пашню и перелог и дикое поле измерить в одном поле, измерить в десятины, а в дву полях пашню и дикое поле писать, выспрашивая и самому смечать накрепко, чтобы во всех трех полях пашни в книги написать, с сенные покосы, и леса пашенные и непашенные измерить в десятины. Где же леса большие, там измерить их, выспрашивая и самому смечать накрепко, сколько где лесу, а описав и измерив, про всякия угодья выспросив, велеть отделить Микуле Иванову сыну Маслову к его Белгородскому поместью»[207].

Подобного рода отказные грамоты давались и другим дворянам Курского края. Например, Курский помещик Семен

[207] К истории хозяйственнаго быта Московского государства, И.Н. Миклашевского, часть И, 33-35 стр.

Семенович Трунов по его челобитью в 1628 году от Царя Михаила Федоровича получил *отказную грамоту* об отказе недостающего в его оклад 200 четвертей поместья и о послушании крестьян. Также Курский помещик Гавриил Иванович *Малышев* получил в 1644 году от Царя Михаила Федоровича *отказную грамоту*, посланную Курскому воеводе Стрешневу, которою было велено Курского уезда Подгородного стана по выписке с писцовых книг письма и меры Степана Унковского 136-137 гг., 67 четвертей с полуосминою «в поле, а в дву потомуж» отказать ему к курскому поместью к 260 четвертей в его оклад в 600 четвертей со всеми угодьи. Впоследствии это поместие перешло в вотчину. Курский помещик Савва Осипович *Курасов* имел поместье «со крестьяны» в Курском уезде. Сын его Петр по *отказной грамоте* к курскому поместью получил 440 четвертей. Впоследствии оно перешло в вотчину. Путивльский помещик Иван Михайлович Борсуков был верстан 400 четвертей земли и 9 руб. денежного Государева жалованья. За сыном его в 1629 году было в разных деревнях и пустошах отказано по *отказной грамоте* дворянское имение[208] и др.

В царствование Михаила Федоровича, кроме *отказных грамот* на поместья, дворяне Курского края получали еще *ввозные грамоты*. Так, Рыльский помещик Степан Михайлович *Малеев* был пожалован Царем Михаилом Федоровичем поместным окладом 300 четвертями в Рыльском уезде и на это владение ему была дана *ввозная грамота*. Впоследствии внук его Иван Юрьевич Малеев это поместье получил в вотчину. Также Курский помещик Михаил Антипович Анненков в 1621 году получил *ввозную грамоту*, в которой было сказано, что он «Курчанин Михайло Антипович Анненков пожалован поместием в Курском уезде в разных станех и велено

[208] Архив Курского Дворянского Собрания, Протоколы Курского депутатского Собрания.

крестьянам, которые в том поместье живут и впредь жить учнут, его Михайлу слушать, пашню на него пахать и доход помещиков ему платить». Предок Фатежских помещиков Цуриковых Василий Матвеевич Цуриков с братом Карпом в 1620 году Царем Михаилом Федоровичем был пожалован из отцовского поместья 120 четвертей и о послушании крестьян дана была ему *ввозная грамота*, из которой видно, что он был верстан окладом на 300 четвертей. Курский помещик Аким Иванович Чернышев в 1615 году получил *ввозную грамоту* на поместье в Усожском стану Курского уезда 150 четвертей в деревне Жирове на колодезе Демине, по которой крестьяне должны были «его слушать и пашню на него пахать», и др.

Некоторые же дворяне Курского края в царствование Михаила Федоровича за их службу были пожалованы из поместья в вотчину. Так, Рыльский помещик Сила Козмич Арсеньев с поместного его окладу с 705 четвертей, со 100 по 20, из его поместья, состоящего в Рыльском уезде, был пожалован в вотчину. Курский помещик Яков Васильевич Толмачев в 1613 году был пожалован Царем Михаилом Федоровичем «за его многия службы» в Смутное время из поместья в вотчину. Курский помещик Иван Никитич Сухорев в 1616 году был пожалован за многие его службы с поместного его оклада с 500 четвертей, со 100 по 20, итого 100 четвертей, в вотчину в Курском и Орловском уездах. Обоянский сын боярский Федор Леонтьевич Беленихин был пожалован Царем Михаилом Федоровичем «за его многия службы» из поместья в вотчину. Сын его Сергей Федорович владел как этой вотчиной, так и поместьем, данным ему с крестьянами[209].

Предок Тимских дворян Сонцовых Игнатий Сонцов

[209] Архив Курского Дворянского собрания, Протоколы Курского Дворянского депутатского собрания.

в 1616 году получил от Царя Михаила Федоровича *владенный указ*, на поместье данный.

8.

Вознаграждение Дворянству Курского края, равно как и других областей Московского Государства, за службу Государю и Отечеству в царствование Государя Михаила Федоровича выражалось в пожаловании земли. Денежное жалованье служило только дополнением к поместному, составлявшему собою тот источник, благодаря которому дворянское военно-служилое сословие содержало себя, семейство и имело возможность с оружием на коне и с запасами, а иногда с вооруженными людьми из своего поместья являться в поход и биться с врагами Отечества. Но для возделывания земли были необходимы крестьяне, которые проживали в поместьях дворян и детей боярских, питаясь от земли работами на помещика. Не надо забывать, что рабочая крестьянская сила была дана Государством военно-служилому сословию в целях государственных. Лишение дворянина крестьян лишило бы его возможности служить и в городах-крепостях и на войне. Вот поэтому Правительственная Власть в XVII столетии обращала большое внимание на то, чтобы отыскивать беглых крестьян и холопов, которые покидали самовольно поместья и устремлялись на так называемые «вольные земли», соседившие со всеми воеводствами Курского края. В десятнях Курского края мы находим сведения о том, что нередко дворянин съезжал со службы и отправлялся отыскивать своих крестьян, разбежавшихся в его отсутствие. Правительство признавало полную законность подобного отъезда со службы. Законодательство установило сыски крестьян *без урочных лет*, даже если последние после 1626 года успели попасть в казаки, стрельцы и пушкари. В _Уложении Алексея Михайловича гово-

рится о праве свода крестьян помещиком с одной своей земли на другую, и поднимается вопрос о праве дворян отпускать своих крестьян на волю. В 3 статье 12 главы *Уложения* сказано, что вотчинник имеет право отпускать крестьян на волю, а помещик нет, ибо «из поместей помещиком крестьян на волю отпускать не указано». Правительство, кроме того, старалось заселять помещичьи земли и облегчать это заселение Черкасами, которые постоянно приходили в Курский край, желая поселиться здесь, между прочим, и в дворянских имениях. Вообще жизнь и деятельность высшего военного сословия нашего края была тесно связана с ходом земледелия в имениях, а оно, в свою очередь, зависело от крестьян. Поэтому является необходимость остановиться и на крестьянстве описываемого нами времени.

Главнейшая черта отношения крестьян к поместьям выражается в неоседливости их, в стремлении покидать на произвол судьбы не только поместья, но и свои жилища, а иногда и движимое имущество. Понятно, что это явление, бывшее не случайным, а постоянным, тяжело отзывалось на благосостоянии служилых людей при больших требованиях от них со стороны условий службы.

Мы изложим в настоящей главе те факты из крестьянской истории, которые имеют отношение к положению дворянских поместий Курского края и самих дворян и детей боярских, начиная со времени царствования Государя Михаила Федоровича[210].

В 1614 году мы встречаемся с следующим фактом: крестьяне и холопы, воровавшие во время Смуты с казаками и Литовскими людьми, возвращаются Правительственною Властью на первоначальные места их жительства. Многие из них возвращались добровольно, прослужив в Смутное время в казаках. В 1616 году служилым людям даются в холопство пленники Литовские и Польские. Беглые в этом и сле-

[210] Приказнаго стола документы о крестьянах и холопах в Архиве Министерства юстиции.

дующих годах ревностно разыскивались. В 1623 году в Рыльске был большой сыск о побеге крестьян за рубеж, чем они отягчали свою вину, так как уход *за рубеж* даже свободных людей влек за собою взыскание.

При постоянных нападениях на Курскую область и ее воеводства Татар, Ногайцев и Литовцев, дворянские поместья всякий раз лишались своих работников-крестьян, которых в большом числе уводили с собою в плен неприятели, и как видно из исторических актов, целыми семействами в надежде, разумеется, поживиться при выкупе их или при продаже в рабство. Это обстоятельство сильно расстраивало земледелие и сельское хозяйство. Мы встречаемся с массой жалоб дворян и детей боярских Курско-Белгородского края на обезлюдение поместий и разорение их. Правительство, после захвата и увода крестьян неприятелями, само посылало к ним военные отряды с целью вторгнуться во вражеские пределы и там захватить пленных, которые и становились помещичьими крестьянами. Так, в 1623 году, в Велижский уезд Польского королевства была сделана посылка ратных людей для захвата Литовских крестьян взамен Русских крестьян, захваченных литовцами.

В начале XVII века были люди, которые «проводили» крестьян из Курского края на «вольные земли». В 1627 году помещики Оскольского уезда Измайловы жаловались на Воронежских белопоместных казаков, *проводивших* их беглых крестьян на Дон. В то время по нашему краю бродили так называемые *гулящие люди*, к которым легко примыкали и помещичьи крестьяне.

В актах царствования Государя Михаила Федоровича встречаем случаи *наездов* воровских людей на дворянские имения, например, в Курске[211] и других городах, при чем увозились и уводились крестьяне имения, подвергшегося наезду.

[211] Поместнаго приказа столбец 37 и 41-й.

В некоторых случаях уменьшению числа крестьян у помещиков содействовало поверстание крестьян, попавших в ратную службу, в разные чины этой службы, в том числе и в дети боярские, что имело место в Курско-Белгородском крае, по исследованию ученых вследствие исключительного положения этого края.

Что касается до порубежных местностей Курского края, в особенности Рыльского и Путивльского уездов, то там бегство крестьян из дворянских поместий было заурядным явлением, при этом крестьяне-беглецы уходя похищали господское имущество. «Крестьяне перебегали через рубеж с господскими лошадьми и рухлядью»[212].

Отыскивание беглых крестьян даже в пределах России было очень затруднительно, вследствие того, что разные лица из-за корыстных побуждений скрывали их. В 1637 году Воронежский станичный атаман был уличен в подобном укрывательстве беглецов из Курского края. Таких лиц было немало. Кроме того крестьяне и сами, в случае поимки их, вступали в борьбу с ратными людьми и вообще нередко проявляли непокорность и производили возмущения.

Иногда крестьян из поместий уводили насильно, конечно в этих случаях в небольшом числе. Всякий проезжий казак мог сделать это. Например, поместьем Осколянина сына боярского Левыкина проезжал в город Усерд летом 1639 года казак и увлек за собою крестьянина, которого и привел в Усерд и записал на службу. В свою очередь беглые крестьяне нападали на проезжих по дорогам. В 1641 году дворянин Белгородского уезда Иван Маслов, представил иск на жильцов города Усерда, ограбивших его вместе с беглыми крестьянами во время возвращения домой. Беглые крестьяне иногда доходили до

[212] Белгородского стола, 1637 года, столбец 83-й.

такой дерзости, что грабили приставов, посланных для их поимки воеводами.

Как бы дело ни было, тем не менее неустойчивость необходимой для обработки земель служилого сословия крестьянской силы и вообще неблагоустройство в этом отношении земельного владения очень невыгодно отзывались на благосостоянии дворянского класса Курского края.

Глава XIII Служебное положение дворянского сословия Курского края в царствование Михаила Федоровича

Служебные обязанности дворянского сословия. – Материальное его состояние. – Заботы Правительства об устройстве служилого сословия. – Верстание новиков. – Хлебное жалованье. – Возобновление храмов. – Усиление раздачи дворянам и детям боярским денежнаго жалованья. – Иноземные выходцы. – Размен пленных и выкуп их. – Посылка вестового колокола в Оскол. – Пожалование Оскольскому полку киндячных сотенных знамен. – Укрепление Оскола воеводою Димитрием Плещеевым. – Царская грамота об избрании в Курске осадного головы дворянами, детьми боярскими, другими служилыми и посадскими людьми из среды Курчан-детей боярских. – Устройство новых линий защиты Государства и городов Яблонова и Корочи. – Поверстание новоприборных детей боярских в Короче. – Работы курчан детей боярских при устройстве города Чугуева. – Заселение края Черкасами. – Состав военной дворянской силы по городу Курску. – Курские выборные, дворовые и городовые дворяне. – Воеводы и другие должностные лица по городу Курску в царствование Михаила Федоровича.

1.

В свое царствование Государь Михаил Федорович направлял свои заботы на устройство служилых людей во всех отношениях. Дворянская конница составляла в то время главную военную силу Московского Государства.

Иностранцы, посещавшие Россию, приходили в изумление от неприхотливости и выносливости дворян и их людей во время военных походов.

Среднее Дворянство нашей местности, бывшей военной окрайной Московского Государства, в начале XVII века жило бедно и нелегко находило средства для исправного отбывания тяжелой военной службы. Являясь в полк, дворянин обязан был иметь дорогостоящее вооружение и лошадей, должен был привести с собою людей, надлежащим образом вооруженных и доставить продовольствие для всех из своих средств на несколько месяцев. В большинстве случаев дворяне Курского края в то время не имели вотчин, а жили доходами с пожалованных им поместий. Доходы с этих поместий были не велики. В семидесятых годах XVI века из 168 дворян и детей боярских из Путивльского и Рыльского края, записавшихся в военную службу, 99 совсем не получили поместий, остальные были испомещены не сполна, «иные вполы, а иные в третий и четвертый жребий, а иным дали на усадьбище не помногу». Из этого можно видеть, как трудно было жить и служить Дворянству Курского края. Денежные оклады были не велики, на войне они выдавались в виде награды, в мирное время по 1 рублю на человека в четыре года. Вообще денежные оклады едва хватали на вооружение дворянина.

По закону крестьяне, жившие на земле помещика, должны были «слушаться помещика, пашню на него пахать, доход помещиков, хлебной и денежной и всякий мелкой платить, чем он их изоброчит» и «всякое изделие делать». Работая на помещика – Царского слугу – они в его лице служили Государству. Но близость вольных земель, разумеется, была для крестьян Курского края громадным соблазном. Профессор Романович-Славатинский говорит, что вопрос о беглых уже во второй половине XVI века был больным местом в быте помещиков[213].

[213] История Русского Дворянства, стнр. 133 и след.

Дворянам и детям боярским, как везде, так и в Курском крае давались земельные прирезки за Царскую службу. Так в XVII веке в царствование Михаила Федоровича дана была Курчанам служилым людям прибавка к поместному окладу по пятидесяти четвертей земельных владений и денег по 2 р. за то, что они в городе Карпове делали земляной вал и строили деревянную крепость для бережения от воинских людей.

Отличительные черты класса дворян и детей боярских состояли в праве быть свободными от налогов и в праве землевладения, но с обязательной службой. Иначе говоря, они были служилыми людьми по отечественным вотчинам и поместьям, беломестцами. Низшими были служилые люди по прибору. Впоследствии впрочем с поместий и вотчин дворян и детей боярских были делаемы различные государственные сборы.

Заботы Михаила Федоровича, направленные на устройство разных сторон жизни Курского края и его служилого сословия, проявлялись во все продолжение его царствования. Уже в первые годы царствования Государя во время военных действий на окраинах Государства мы встречаемся с фактами щедрых даров Михаила Федоровича дворянам и детям боярским Курско-Белгородского края за их отличия в битвах, походах и завоеваниях городов и острожков.

В 1631 году в разных уездах Курского края дворяне и дети боярские были пожалованы Государевым жалованьем за осадное терпение. Точно также выдавалось жалованье за захват языков, за убитых в бою неприятелей, за бои с Татарами, за раны и выход из полона. Так, в Хотмышске по указу Михаила Федоровича служилым людям даны были льготы «для дворовые селитьбы и пашенного заводу», а также они были наделены сенными покосами и выгонами. Государем было пожаловано «церковное строение» (предметы и вещи для совершения богослужения) Соборной церкви и даровано жалованье ее причту. Разрешено было служилым людям за их ревностную военную службу курить вино и варить

пиво в Господские и семейные праздники. По челобитью служилых людей им были даны бортные ухожеи для получения из них меда и воска. Кроме того, члены и дети бежавших из Курского края изменников черкас были отданы в работы детям боярским.

В 1626 году, по указу Государя Михаила Федоровича, в Оскольском уезде были поверстаны поместными и денежными окладами новики-дети боярские. Это поверстание усилило дворянское землевладение на Осколе, в плодородной, но ранее пустынной степной местности. В следующий раз на Осколе новики были поверстаны земельными окладами в 1633 году, после разбора Оскольцев дворян и детей боярских, вследствие чего, а также вследствие переселения служилых людей из Оскола в окрестные деревни и займища, возросло в Оскольском крае землевладение военно-служилого сословия.

Просьбы дворян и детей боярских Курского края милостиво удовлетворялись Михаилом Федоровичем. Так в 1632 году Курские служилые люди были освобождены от платежа посопного хлеба за прошлые годы[214]. В 1632 году в Путивле было роздано хлебное жалованье служилым людям, бывшим у межеванья Путивльских рубежей с Литовскою землею. В случае неурожаев служилым людям были выдаваемы хлебные припасы из Государевых житниц как на пропитание, так и на обсеменение полей. После пожарных разорений, которые весьма часто бывали не только в деревнях, но и в городах, обыкновенно служилым и жилецким людям оказывалось вспомоществование.

2.

В 1633-1636 годах продолжалась придача поместного жалованья: так оно было выдано рыльским и севским подьячим за бои с неприятелем и полонное терпение, а также дворянам, детям боярским и др. рат-

[214] Белгородского стола столбцы 55, 115, 121.

ным людям за бои, за сеунчи и иноземцам за выезд на Государево имя. Замечательно пожалование Михаила Федоровича Осколянам жилецким и служилым людям Царской грамоты на безоброчное владение большими реками: Осколом и Сеймом, а также и Котельским лесом, находившимся на берегах реки Котла. В царствование Михаила Федоровича было очень много челобитий духовных и светских лиц о присылке в устраиваемые и прежде существовавшие храмы икон, крестов, Евангелий, книг и других предметов, церковного вина, ладану и проч. для совершения богослужения. Эти просьбы удовлетворялись щедро, в особенности после разорения храмов. В 1637 году в Белгородскую церковь Николы Ратного, разоренную Литовцами, были пожалованы по Царской грамоте новые образа и книги[215]. Нередко служилые люди ходатайствовали за своих приходских священников о даровании им жалованных грамот, и такие ходатайства имели успех. Таким же образом жалобы на притеснения, которые оказывались почему-либо служилым людям воеводами или другими начальными людьми, или посторонними лицами, как это видно из актов Белгородского стола, всегда вызывали расследование и часто присылку для производства его доверенных лиц из Москвы.

В Осколе (Старом) в 1638 году было обращено внимание на то, что служилые люди из города переселились в окрестные селения и займища и таким образом город «обезлюдел». Составлен был список служилых людей, «живущих по гумнам», для того, чтобы требовать их к возвращению в Оскол. В то же время правительством, начиная с двадцатых годов XVII века, усилена была раздача дворянам и детям боярским нашего края денежного жалованья, удовлетворялись челобитья, большею частью, об уравнении тягостей службы. Так, например, в 1635 году сын боярский Никита Булгаков[216] писал Государю Михаилу Федоровичу: «Бьет челом Путивлец Никита Бул-

[215] Там же, столб. 123-й.

[216] Значится в числе дворян Путивльской десятни.

гаков. *Служу я* тебе Государю лет с тридцать, всякие твои Государевы службы *по выбору*, да я ж был на твоей Государевой службе с ратными людьми головой под Батуриным, да под Ромном (Ромнами) был головишка ж с ратными людьми, да под Иван Городом был головишка ж, да в осаде был я, сидели, как приходили Литовские люди под Путивль и был головишка ж, да я ж на твоей Государевой службе ранен двумя раны, ранено плечо, да пострелен по правой руке из пищали, и от тех ран я увечен, да и в иных во многих посылках на твоих Государевых службах головишкою был же». Просит «для его ран назначить осадным головою в Севске вместо Алексея Руднева, который у приказа живет лет с шесть, а *служил* по Черниговскому списку *с городом*[217], поверстан только года с два, а на службах и на боях нигде не был». Помета на челобитной: «143 года, ноября в 27 день. *Государь пожаловал*, *велел быть*».

В 1630-м году Рыльские дворяне и дети боярские просили Государя о следующем: «Испомещены мы в Рыльском уезде, и в Рыльске на реке Семи твой Государев перевоз, и как мы ездим в твое Государево жалованье, в свои поместьишка по запасы, и с нас, и с людишек, и с крестьянишек наших с запасов за перевоз емлют. Просим тебя, Великий Государь, о грамоте твоей Государевой, чтобы с нас, холопей твоих, перевозу не имали». Государь пожаловал, «перевозу на ратных людех имати не велел», о чем и была послана Царская грамота Рыльскому воеводе князю Осипу Ивановичу Щербатову.

В 1633 году по указу Государя из Белгородских помещиков был составлен почетный отряд для проводов из Москвы до Азова посла из Царь-Града Турского Мурад-Салтана и посла Греческого Томы Кантакузина. Курский

[217] В этой челобитной любопытно сопоставление службы Булгакова *по выбору*, следовательно дворянина 1-й, высшей степени, и службы Руднева *с городом* как дворянина 3-й степени.

отряд был составлен из лучших людей, «у кого кони были добры и платье цветно».

В 1635 году было удовлетворено ходатайство Путивльских и Черниговских дворян и детей боярских, выраженное в следующем челобитье: «Служим мы твою, Государь, службу в Путивле от Черниговского разоренья с 118 (1610) года по ся места (по это время), а дано нам под селитьбу внутри города осадные местечка, а мы с тех мест, не выходя из города, всякую нужду и тесноту в осаде терпели живучи. А за Путивльцы, за дворяны и за детьми боярскими за многими и за попы и за подьячими на посаде места по два, по три, и те они лишние места отдают в наймы всяким людям, а нам деться негде». Они просили, чтобы Государь велел пожаловать их, на тех лишних местах поместить и дать грамоту воеводам. По этой просьбе Путивльский воевода Семен Иванович Волынский получил Царскую грамоту 26-го февраля 143 года, а в ней было писано: «ты бы в Путивле, на посаде у Путивльцев, за которыми дворовых мест по 2, по 3, велел переписать и лишние дворовые места раздал бы дворянам и детям боярским, у которых на посаде дворовых мест нет, по сколько сажен в длину и поперек доведется, а у кого именем (именно) у Путивльцев у всяких людей лишних дворовых мест, отписать и скольких сажен вдоль и поперек по мере, чье место будет и кому именем и кольким человеком и по Кольку сажен вдоль и поперек под дворы отведешь, и ты бы то все велел написати в книги подлинно порознь вперед для спору (на случай спора), да те книги за своею рукою прислал к нам к Москве».

Давая возможность дворянам и детям боярским вне Курского края, а также Черкасам поселиться в нем и устраивая их, в особенности Черкас на новых местах жительства, Московское Правительство предписывало воеводам отсылать обратно за рубеж Литовских, Польских и Немецких выходцев, исключая *важных лиц*. В этом

отношении для Курского края представляет интерес грамота Путивльскому воеводе. «От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии окольничему нашему и воеводе Григорию Гавриловичу Пушкину. По нашему указу Польских и Литовских и Немецких людей, которые наперед сего были в нашем Московском Государстве в полону и которые в городех сдались и по мирному договору из Московского Государства в Литовскую и Немецкую стороны и которые были для службы на заслуженном жалованьи, и тех всех, также и шляхтичей худых, незнатных и никаких приезжих в нашу сторону принимать не велено, а велено им отказывать; что, по милости Божией Наше Государево Величество со всеми окрестными государствами в миру, и без службы принимать их в Московское Государство не для чего. А будет придут на рубеж из Литовской стороны *больших чинов начальные люди*, Поляки и Немцы, и скажутся, что они великих, думных честных людей дети и братья и племянники, и собою добры и прожиточны (зажиточны), и свидетельные листы у них есть, а в Московском Государстве в полону и для службы наперед сего не бывали, а приехали вновь на наше Царское имя на вечную службу, и о тех велено писать к нам, к Москве»[218]. И действительно, такая предосторожность в приеме иноземцев была далеко не лишнею, так, например, в 1639 году Корочанские иноземцы *опустошили* Белгородские оброчные земли в селе Старикове, по реке Короче.

3.

Упомянем о размене пленных, по указу Царя Михаила Федоровича[219]. Путивльские воеводы князь Гагарин и

[218] Акты Московского Государства, изд. Архива Министерства юстиции.

[219] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола столбец 157-й.

Усов в 1634 году писали Государю: «Из Путивля холопи твои, Государь, Микитка Гагарин и Ондрюшка Усов челом бьют. Сентября 20-го писал к нам в Путивль из Литовской земли из города Прилук урядник[220] Криштоф Сеножацкий и прислал листы свои с пахолком[221] с Лукашком, а в листу своем писал он к нам о жене своей, чтобы нам жену его отдать ему на окуп или на обмену на детей боярских на трех человек: на Семена Татаринова, Федора Селиванова и Степана Дерюгина. А та жена его взята в Путивль в то время, как твои Путивльские ратные люди взяли в прошлом 141 году Рамонский острог. С тем же, Государь, пахолком своим Сеножацкий прислал четыре листа и писаны они польским письмом, а в Путивле польского письма читать некому. В первом листе пишет он жене своей, а другой лист прислал Сеножацкий из Чернигова к сыну боярскому Ивану Мокидонову, которому отдана жена его в Путивле за пристава, а третий лист пишет сын боярский Семен Татаринов к братье своей к Ивану и Григорию Татариновым. А тот Семен взят в полон в то время, как стояли Литовские люди под Путивлем, а посылан он был из Новагородка-Северского для языков. Четвертый лист писал из Прилуки Рыленин Степан Дерюгин матери своей да братье своей, а взят он был в полон под Рыльском, как Литовские люди стояли под Путивлем. И мы пахолка велели взять в острог[222], потому что на посаде дворников нет, и отдали его за пристава до твоего Государева указа. А листы посланы к тебе, Государь, с сыном боярским Дмитрием Киреевым и велели мы те листы отдать в Разряд к думному дьяку Ивану Гавреневу, да Михайлу Данилову, да Григорию Ларионову».

В ответ на грамоту воевод Государь выразил свою

---

[220] То есть, начальник.

[221] Слугою.

[222] В крепость.

волю в посланной им грамоте, где было сказано: «И мы указали есмя на урядникову жену Сеножацкаго обменить Ивана Колтовского с женою и детьми, а будет Ивана Колтовского не дадут, указали есмя на ту жену Сеножацкаго обменять тех детей боярских. А как ся наша грамота придет, вы бы писали о том уряднику»…

Относительно освобождения из плена в царствование Михаила Федоровича обращает на себя внимание Государева грамота 1644 года[223] Курскому воеводе Ивану Филипповичу Стрешневу. В этой грамоте было сказано: «Бил нам челом Курский осадный голова Ларя Петров, а сказал: в прошлом 151 (1643) году в приход в Воронеж взяли его на бою в полон Крымские Татаровя, *а из полону отпустили его за крестное целование*, что ему дати за себя откуп в 153 (1645) году, на Валуйке[224] во время выкупа и размены полоняников. И мы его пожаловали есмя, велели отпустить из Курска на Валуйку для выкупа».

В 1642 году из Оскола Государю писал воевода Дмитрий Плещеев о том, что присланный из Москвы в 1635 году вестовой колокол был до его приезда в Оскол «нарушен и по татарским вестям разбит» и в сполошное время звонить не во что. Воевода просил, чтобы Государь велел дать указ о присылке нового колокола, «а разбитый колокол, – писал он, – весит 13 пуд и 18 гривенок[225], и в сполошное время в слободах и на посадских полях от того колокола звону не было слышно, а в Пушкарском приказе пишет же холоп твой». Сообщение воеводы о недостаточности силы в звуке прежнего колокола было принято во внимание, и в Оскол, по указу Государя, был отлит больший вестовой колокол, весом в 15 пуд 15 гривенок. Колокол был отдан Осколянину Калине Еремееву для доставки из Москвы в Оскол.

---

[223] Белгородские столбцы, столб. 157-й.

[224] Где обыкновенно происходил размен пленных с Крымскими Татарами.

[225] То есть, фунтов

Другая грамота Царя Михаила Федоровича к Оскольскому же воеводе Дмитрию Плещееву касается присылки из Москвы новых знамен ратным людям вместо окончательно изветшавших прежних сотенных знамен. В своей отписке воевода писал: «Митка Плещеев, холоп твой челом бьет. Как по твоему Государеву указу доведетца, по вестям для поиску Татар воинских людей, мне холопу твоему послать в поход твоих Государевых ратных людей, и на Осколе, Государь, для ратного дела знамен нет и сотенным головам для посылок знамен роздать нечего. А которые на Осколе твои Государевы знамена были, и те все при прежних воеводах в посылках от дождя и от ветру изветшали и избились. И от того мне холопу твоему, вели, Государь, указ твой учинити».

По этой челобитной в Москве были изготовлены для служилых людей Осколян знамена и они, по изготовлении, были посланы с Осколянином Федором Онахиным. В Царской грамоте за приписью дьяка Волошенина было указано полученные знамена раздать сотенным головам. Знамен было десять по числу Оскольских сотенных голов, они были киндячные[226] и разных цветов.

Вновь присланные в Оскол вестовой колокол и знамена вскоре же оказались надобными по случаю появления в 1642 году Крымских Татар в Оскольском уезде. Об этом писал в Москву Дмитрий Плещеев, что «воинские люди Татарове приходили и с слободах и посаде твоих Государевых людей имывали и слободы разорили, потому что те слободы от города в дальних местах, версты по две, по три…». Вследствие этого Плещеев окружил Оскол значительным числом укреплений. От Калмиусской сакмы между Стрелецкой и Пушкарской слободами было сооружено укрепление «башня с вороты, а от тое башни по обе стороны острог, а против башни и острога надолобы трои и связи положены, и от степи – надолобы трои со свя-

[226] То есть, из материи.

зями на 50 саженей». От реки Оскола и до болот и крепей[227] и от Изюмской сакмы до конца Ездоцкой слободы были сделаны укрепления и построена башня с воротами, а на башне устроен караульный чердак. Между болотами были поставлены надолобы в три ряда со связями. За казачьими слободами также были поставлены в три ряда надолобы «промеж вод и лесов». Такие же надолобы были устроены у Соковой слободы в тех местах, «с которых прихаживали воинские люди Татарове». «Ныне, – писал Государю воевода Дмитрий Плещеев, – за милостию Божией и за твоим Государевым счастием в приходы к городу Осколу воинских людей Татар уберечься мочно».

Передавая сведения, характеризующие те или другие стороны правовой и бытовой жизни дворянского сословия Курского края в царствование Михаила Федоровича, мы должны упомянуть о данной на имя Курского воеводы Государевой грамоте, которая имела важное значение для дворянского населения Курского уезда, посадских людей и других жителей, потому что ею был восстановлен прежний, прекратившийся в Смутное время порядок службы Курского осадного головы. Вместо назначения его Разрядом из служилых людей какой-либо местности, *Царская грамота* вводит избрание осадного головы дворянами, детьми боярскими и другими служилыми людьми, а также посадскими жителями и, кроме того, избрание этого начальствующего в городе лица из среды Курчан – детей боярских[228].

Эта важная для дворян Царская грамота была вызвана следующей челобитной Курчан:

«Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Самодержцу бьют челом богомольцы твои

---

[227] Крепью называлось то место, которое было укреплено, так сказать, самою природою, например, трясины, глубокия впадины, непроходимые места в лесах, не допускавшия перейти или пройти неприятелям.

[228] Московский архив Министерства юстиции, столбцы Белгородского стола, столб. 157-й.

Курского Пречистые Богородицы Монастыря строитель Варлам с братией да девичьего монастыря игуменья Федора с сестрами да холопи твои Курченя детишки боярские: в нынешнем 150 (1642) году по твоему Государеву указу приехал в Курск осадный голова Воронежец Ларивон Петров, а велено ему в Курске ведать наших крестьянишек, которые жили в Курску на посаде за монастырями, а у нас холопей твоих, которые живут в Курску на посаде же, на подворьях есть дворники и те дворники разбрелися по разным городам от приказных людей, от великие налоги, что те, Государь, дворники наши на них – приказных людей *толкут и мелют* и пива и вина варят и сено косят и всякую работу работают и подворишки запустели, и мы холопишки твои для пустоты сводили из деревень своих братью и племянников на те свои подворья, чтобы было к кому приехати, а у нас посадским крестьянишкам имена переписаны и воеводам в съезжую избу отданы для приходу воинских людей им, нашим крестьянам, места в городу указаны. А в прошлых, Государь, годех блаженные памяти при Государе и Великом Князе Федоре Ивановиче всеа Русии и при Царе Борисе Федоровиче всеа Русии в Курск наезжих осадных голов не бывало, а бывали, Государь, при прежних Государях городовые приказчики Курченя дети боярские, ведали они твою Государеву казну и погреб казенной и житницы и ключи городовые.

Милосердый Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович, пожалуй нас холопей твоих и богомольцев, вели, Государь, в Курску быть по-прежнему в городовых приказчиках Курчанам детям боярским, чтоб нам разоренным и достоль в конец не погинуть. Царь, Государь! Смилуйся пожалуй!».

Под грамотою подписались представители от монастырей (от Знаменского монастыря черной поп Елисей), дворян и детей боярских и посадских людей.

Государь Михаил Федорович, как мы упомянули, пожаловал Курчан и удовлетворил их просьбу. В Царской грамоте воеводе было сказано: «Как ся наша грамота к тебе придет, и ты б велел у смотра Курчан детей боярских и всех городских людей сказать, что мы их пожаловали, осадному голове Воронежцу Ларе Петрову быти у них не велели, а велели бытии у них и посадских людей ведать из Курчан из детей боярских кого они изберут, а велел бы от детей боярских и всех городских людей грамоту, кому у них быть в осадных головах, за их и духовных руками взять. Писано на Москве 140 (1642) года, сентября 29-го».

4.

Важное событие в истории службы местного высшего служилого сословия представляет собою устройство в 1637-1640 годах новых линий защиты Московского Государства от нападений и разорений врагов, новых укрепленных пунктов, куда были призваны служить ратные люди из прежних мест своего служения, именно из северных областей Московского Государства и существовавших уже тогда городов Курского края и испомещены там, где прежде не было дворянских имений и поместий. В 1637 году из Москвы прибыли в Курский край Государевы стольники Андрей Васильевич и Иван Иванович Бутурлины, посланные первый на Изюмскую, а второй на Калмиусскую татарские сакмы для устройства укреплений по этим дорогам для защиты от набегов Крымцев и Ногаев. Из Москвы были двинуты в назначенные места железные снасти для работ, наряд (артиллерия), пушечные и хлебные запасы, денежная казна, прибыли деловцы для городового дела. Закипела работа по сооружению вала, надолобов, стоялых и жилых острожков и земляных городков между Халанским и Яблочным лесом и рекой Ко-

рочей, и между реками Тихой Сосной и Осколом. У Яблочного леса был устроен большой острог и отсюда повели вал к реке Короче до стоялого до Байдикова острожку. На реке Короче был устроен Красный город (впоследствии г. Короча)[229].

Кроме устройства укреплений по линиям Белгородской черты, стольники Бутурлины исполнили другое важное дело, именно «прибор служилых людей во вновь устроенные крепости, поверстание их землей и дачу им денежного жалованья». Во время прибора служилых людей в жилой город на р. Короче, из Корочанского стана Белгородского уезда дети боярские Фирс Филатов с товарищами просил дозволения служить по вновь устроенному Красному городу, и его челобитье Государем было уважено. Когда И.И. Бутурлин был отозван в Москву, то его товарищ Савва Нарбеков продолжал верстание боярских детей в новую службу и наделял их поместьями, так что они занимали и заселяли Дикое Поле Курского края по рекам Короче, Кореню и Осколу. Несмотря, однако, на меры, принятые Правительством для сформирования служилых полков, в Осколе чувствовалась малочисленность ратных людей, вызываемая отчасти уходом из старых городов в новые детей боярских, в особенности допустивших какие-либо провинности, которые амнистировались на новых местах службы.

В 1637-39-м годах особенное внимание Правительства было обращено на устройство в Курском крае городов Яблонова и Корочи. В данное время в эти города из Белгорода и Оскола были присланы хлебные запасы для служилых людей. Контингент детей боярских для Яблонова и Красного города был составлен из детей же боярских Белгородцев и Осколян. Всем служилым лю-

[229] Красным городом Короча называлась в продолжении первых лет своего существования.

дям обоих городов было прислано Государево жалованье и роздано воеводами, и также наряд (артиллерия). Низшие служилые люди были присланы из разных городов, но несмотря на это, состав их был еще малочислен. Для богомоления в Яблонове была построена церковь Знамения, а в Красном городе – Рождества Пресвятые Богородицы, были устроены житницы, розданы ратным людям пищали, прислана денежная казна. Узнав об устройстве новых городов, сюда явились Литовские люди, выразившие желание принять Русское подданство. В то же время был издан Царский указ, которым было запрещено принимать на службу в Яблонове детей боярских, написанных на службу в другие города. Для Белгородских же детей боярских заселение новых городов отразилось убыточным образом в том отношении, что значительное число их крестьян бежало в эти города: Красный Город, Яблонов, Усерд и Чугуев[230]. В 1638 году в Белгороде, Воронеже, Курске, Осколе и Ливнах были заготовлены большие запасы хлеба и высланы в Яблонов и Корочу[231]. Потребность в достаточном числе населения вызвала поселение казаков на вечное время в Яблонов из украинных городов. Им были даны карабины, а всем служилым людям Корочи и Яблонова – знамена. В 1641 году оба города были осмотрены приезжавшими из Москвы окольничим князем Семеном Васильевичем Прозоровским и дьяком Каллистратом Акинфьевым, а в 1642-м в ведение Яблоновского воеводы были переданы Осколяне – дети боярские, жившие в селе Халани. В том же году Яблоновцы дети боярские и другие ратные люди выдержали бой с татарами и разбили их на голову. В 1643 году в Короче сгорела церковь, но немедленно была возобновлена заботами Правительства[232].

В 1644 году в Короче был прибор детей боярских

---

[230] Два последние города – Харьковской губернии.

[231] Столбцы Белгородского стола, столб. № 130-й.

[232] Столбец № 153-й, № 170-й.

и верстание их поместными и денежными окладами, а также размежевание земель служилых людей. По этому поводу Корочанский воевода Василий Петрович Апраксин получил следующую грамоту от Царя и Великого Князя Михаила Федоровича[233].

«Пожаловали есмя детей боярских Короченцев *новоприборных* Кондрашку Полянского с товарищами, велели их *поверстати* нашим жалованьем, поместными и денежными окладами. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы новоприборных детей боярских Короченцев Кондрашка Полянского с товарищи – 29 человек поверстал нашим жалованьем, поместным и денежным оклады и учинил им новичные статьи, которые написались из детей боярских или детей боярских дети – самым лучшим по 150 четвертей, денег с городом по пяти рублев, а детем боярским же и детей боярских детем середней статьи по 100 четвертей, денежного жалованья с городом по четыре рубля, а которые написаны в дети боярские *вольные люди*, а отцы их и они сами в детех боярских не были, и тем лучшим по 80 четвертей поместного оклада и денежного жалованья по 3 р. с полтиной, а середним по 70 четвертей, денег по 3 р. А поверстав тех детей боярских нашим жалованьем, поместным и денежным оклады, привел бы ты их к нашему крестному целованью по записи, какова запись послана в город Яблонов наперед сего, а что детем боярским Короченцом по верстанью поместные и денежные оклады учинишь, и ты то б велел написати верстанья своего в десятне и ту десятню прислал бы к нам к Москве за своею рукою, а другую таковую ж десятню держал на Короче, в съезжей избе за свою ж рукою. Писана на Москве лета 7152 (1644), октября в 22-й день.

Дьяк Григорий Ларионов».

[233] Акты Московского Государства, изд. Московского архива Министерства юстиции.

По этой Царской грамоте воевода Апраксин поверстал в службу детей боярских и вольных людей, ставших также детьми боярскими, по Государеву жалованию. Вскоре была получена и другая Царская грамота, в которой было сказано: «Пожаловали есмя Корочанцев новоприборных детей боярских 29 человек велели им дати из нашей казны по карабину, и те карабины совсем пищальным строением (устройством) посланы к тебе с Короченцем, с сыном боярским Якушком Ивашиным. И как Якушко Ивашин на Корочу приедет, и ты б у него 29 карабинов взял, и роздал те карабины короченцам новоприборным детям боярским – всем на лицо с порукой, что им карабинов не продать и не заложить, да о том к нам отписать с иными нашими делы. Писано на Москве 7152 года, декабря в 20-й день».

Вообще пожалование оружия дворянам и детям боярским и другим служилым людям Белгородско-Курского края имело большое значение для них, особенно вследствие постоянных военных действий.

К 1638 году относится устройство Черкас в Курском уезде, которые получили дозволение въезжать в лес за дровами и бревнами и везде ловить рыбу, а также пустовые порожние земли, принадлежавшие умершим детям боярским Курского уезда. Атаманы, сотники и есаулы били челом пред Государем Михаилом Федоровичем о пожаловании им знамени, труб, литавр и коротких пищалей. Это челобитье было уважено. Для управления, Черкасами был избран атаман, ставший во главе их. Главное заведывание ими было поручено Курскому выборному дворянину первой статьи Воину Антиповичу Анненкову «для всякого береженья их».

5.

Рассмотрим состояние Дворянства Курского уезда в последние годы царствования Михаила Федоровича.

Для этого обратимся к *Разборной и раздаточной десятне* 1642 года. Она рисует нам состав военной дворянской силы по городу Курску и его уезду, который в то время заключал в себе северную часть Курского края. В предисловии к десятне сказано: «раздать денежное жалованье Курчаном дворяном выборным и детем боярским дворовым и городовым и новиком на 150-й год, по списку, каков список прислан с Москвы за дьячею приписью и по окладчиков сказке, у которых детей боярских в прошлом в 149 году от татарской войны поместья их разорены и которые дети боярские на татарском бою с головой Иваном Буниным[234] были, *а с татарского боя не побежали* и от Татар с головою Иваном Буниным вместе на степи отстоялись и которые дети боярские побиты на том же бою и в полон поиманы и которые побиты ж на бою в черкасскую измену, как Курские Черкасы в 149 (1641)-м году Государю изменили, побежали в Литву, а *после всех тех побитых остались дети*, а в службу поспели и тем дано Государево денежное жалованье по десяти рублев. А у которых детей боярских в 142 году татарския войны не было, а поместья за ними, и крестьяне и бобыли есть, и тем Государево денежное жалованье дано по пяти рублев, а за которыми детьми боярскими крестьян и бобылей нет, тем дано Государева денежного жалованья по шести рублев. А за которыми детьми боярскими и поместий нет и тем Государево жалованье дано по семи рублев. А которые дети боярские в прошлом же 149-м году в татарскую войну и черкасскую измену побиты и в полон поиманы, а после их остались жены и дети малы, а в службу дети не поспели, и тем дано по восьми рублев на семью. А у которых детей боярских жен и детей не осталось, а осталось у ково мать вдова, или брат не в службе или сестра вдова или девка и тем дано по пяти рублев. А которым Курчаном детям боярским пятидесяти человекам нынешнего года мая с 1-го

[234] Станичный голова.

числа велено быть на Государевой службе на Хотмышском[235], а наперед сего в 150-м же году для Хотмышские службы дано Государево жалованье из прежней их дачи по 4 рубля человеку».

Таковы были статьи, сообразно с которыми предписано было из Разрядного приказа, после предварительного разбора, раздать денежное жалованье дворянам и детям боярским Курского уезда.

Дворян – *выбор* (служивших по выбору) в Курске было в 1642 году только четверо: Воин Антипович Анненков, Михаил Антипович Анненков, Петр Иванович Анненков и Кузьма Богданович Виденьев. Они имели следующие поместные дачи: первый в 700 четей, второй 615½ четей, третий 310, четвертый 230. Что касается до крестьянских и бобыльских дворов, то Анненковы имели их 30, 20 и 19, а Виденьев 10-ть. Из них один был впервые написан в десятне *по выбору* за службу и по родству, другой только за службу, одному была придача к поместному и денежному окладу за черкасский бой и убитых им на бою неприятелей.

Эти четверо дворян выборных были самые богатые по Курску и его уезду. Они выводили с собою на службу по несколько человек. Так Воин Антипович Анненков выводил за собою в полк два человека на конях с пищалями, два человека на мерине с простым конем, да человека в кош с пищалью. Дворян-детей боярских дворовых оказалось по Курску 19 человек с поместными окладами от 550 до 250 четей земли. Некоторые из них не имели крестьянских и бобыльских дворов, двое совсем не имели поместий, а один из дворян-дворовых владел поместьем всего в 9 четвертей. Некоторые из них, впрочем, имели придачи «за бой» и за убитых неприятелей.

Детей боярских городовых было более всего – 731 че-

[235] То есть, по городу Хотмышску.

ловек. Они составляли ядро дворянского сословия в нашей области. Поместные их оклады были от 500 до 70 четвертей. Беспоместных среди них было самое незначительное количество, за то большинство городовых детей боярских Курского уезда не имело вовсе крестьянских и бобыльских дворов. Вообще, число крестьян в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича в Курско-Белгородском крае было очень незначительно во всех уездах, за исключением Рыльского и Путивльского, где на долю дворян-помещиков выпадало довольно значительное число литовских полоняников. Поместные дачи городовым детям боярским Курского уезда были 50, 70, 100 четвертей земли. Что касается Курских новиков, то состав их в десятне 1642 года рисуется следующим образом. Новики верстанья Ивана Бутурлина 147 (1639) года, в числе 202 человек, были с поместным окладом от 200 до 70 четвертей. Новики же верстанья на Москве в Разряде 150 (16420 года, в числе девяти человек, были с поместными окладами от 250 до 70 четвертей. Во всех перечисленных разрядах Курского городового Дворянства владение поместьями с братьями встречается не более, как в четырех случаях. Далее в десятне Курского уезда следует особая рубрика Курчан-детей боярских по смотренному списку стольника Гр. Гр. Образцова, написанных в списке с поместными окладами, а на Москве в Разряде несысканных в Курских десятнях и в подлинных списках. Таких дворян оказалось 29 человек. К указанной рубрике надо отнести 12 человек новиков 144 (1636) года верстанья в Курске Тимашева. Новая рубрика в десятне 1642 года представляет перечень Курчан-детей боярских, верстанных в разные года, а в Московском разрядном списке записанных в числе неверстанных, их насчитывается 21 человек.

Далее следуют 12 детей боярских, о которых велено было всем городом и окладчиками сыскать: когда и кем они были верстаны поместными и денежными окла-

дами. Из числа этих 12 детей боярских четверо бились под Смоленском в солдатах и получили придачу к своим поместным и денежным окладам, а большинство оказалось поверстанными на Москве.

Под особою рубрикою были записаны в Курской десятне с поместными и денежными окладами 4 человека детей боярских, вследствие особой грамоты из Разряда 15-го июня 150 (1642) года, а один по грамоте 30-го июня того же года. *Прописных*, то есть, пропущенных в Московском разрядном списке Курчан-детей боярских перечислено 66 человек. Некоторые из них служили под Смоленском, были поверстаны на Москве, один в Орле, один в Рыльске, другие в Курске. Неверстанных, без окладов, служивших с отцовских поместий было 20 человек. Выдано было денежное жалованье матерям, вдовам, женам и детям побитым в татарских и черкасских боях 35-ти человекам. В последней рубрике перечислены дети умерших, побитых, взятых в плен 16 человек и из Курска сшедших в разные города 18 человек. Сошли они на Хотмышск, Орел, Рыльск, Вольный, Корочу, Чугуев, Яблонов, в Московские стрельцы.

Таким образом наличный состав *военной дворянской силы* по Курску равнялся в 1642 году 1130 человекам. Денег на жалованье им вышло 7315 рублей.

6.

В заключение приведем вкратце некоторые сведения, касающиеся служилого сословия в городе Курске в царствование Михаила Федоровича, главным образом о воеводах, осадных и других головах и губных старостах – начальствующих лицах города, которые принадлежали к числу тогдашнего Дворянства.

В 1613 году воеводою был Сомов, губным старостою

Афанасий Мезенцов, вступившие в исполнение своих обязанностей в конце 1612 года. Сомов оставался в должности весь год, место же губного старосты занял Павел Посошков. В следующем году было двое воевод: Татищев и Матвей Игнатьевич Сафонов, губным старостою Мезенцов, осадным головою Богдан Виденьев. Все эти четверо высших начальных лица оставались в должностях следующие два года – 1614 и 1615-й.

В 1615-м году диакон Курского Воскресенского Собора о. Поликарп был послан в Москву для ходатайства пред Государем Михаилом Федоровичем о возвращении св. Иконы, ходатайство это было удовлетворено. В 1616 году Курскими воеводами были те же лица, осадным же головою был Пенщин. В следующем году воеводою был князь Василий Волконский, который и произвел перепись дворянского землевладения. В 1618 году воеводствовали князь Афонасий Григорьевич Козловский и Ермолай Иванович Мясоедов. Головой стрелецкого отряда был герой побед над Татарами Иван Антипович Анненков. В 1619-21 годах воеводой в Курске был Сергей Иванович Жеребцов, губным старостою избранный дворянами и другими сословиями Павел Посошков. В 1622 году в Курском крае были дозорщики селений и дач Константин Дмитриевич Апухтин и при нем подьячий Федор Кунаков. Дозорщики произвели досмотр и описали порубежные укрепления. В 1622-м году воеводами были Жеребцов и Степан Михайлович Ушаков. В 1624 году воеводствовал Ушаков, осадным головою был Василий Сафонов, губным старостой был избран Мезенцов. В 1625 году в должности воеводы мы видим князя Милославского, в должности губного старосты Мезенцова, головы Анисима Дурнева. В 1627 году головою и старостою были Юшков и Дурнев.

В 1627 году в Курском крае опять были писцы Богдан Гаврилович и Степан Иванович Унковские, которые продолжали еще два года слишком описывать дворян-

ские и иные владения, селения, города, земли и составляли свои писцовые книги, которые сохранились до нашего времени.

В 1629 году был прежний воевода, в следующем же стольник Никифор Сергеевич Собакин; подьячим был Афанасий Мезенцов. В 1632 году воеводствовали стольник князь Матвей Васильевич Прозоровский и Степан Тимофеевич Чириков, подьячим был Афанасий Мезенцов. В 1633 году главными должностными лицами были те же. В 1634-м году воеводою Курска был стольник князь Петр Григорьевич Ромодановский, губным старостою избран Евмен Стрекалов – помещик Курского уезда. У казаков и стрельцов был один общий голова сын боярский Иван Бунин.

В 1635 году Курским воеводою сначала был князь Ромодановский, а потом Невфалим Венедиктович Тимашев. В 1636-38 гг. воеводою был Данило Семенович Яковлев, в 1639 г. – стольник Иван Васильевич Клипиченок-Бутурлин, в 1640 г. – князь Михаил Григорьевич Козловской, а по смерти его стольник Григорий Григорьевич Образцов. В 1643-45 гг. воеводою Курским был Иван Филимонович Стрешнев.

Глава XIV Участие представителей дворянского сословия Курского края в земских соборах XVII века

Правила созыва Земских соборов и участие в них представителей сословий. – Акты соборных деяний. – Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. – Представители Курского края на соборе 1613 года. – Единодушие собора и народа. – Подписи представителей Курского Дворянства под выборною грамотою. – Земские соборы 1614-1618 года. – Призывная грамота на собор 1619 года. – Земский собор 1621 года. – Посылка для разбора служилого сословия бояр, дворян и дьяков. – Собор 1648-1649 года и составленное им Уложение Царя Алексея Михайловича. – Жалованье выборным на соборах. – Челобитная выборных от дворян и детей боярских Курского края на земском соборе Государю. – Пожалование их Государем Алексеем Михайловичем. – Характеристика тогдашней жизни Курского края. – Земские соборы 1651 и 1653 г. – Производство выборов на соборах. – Челобитная представителей Курского дворянского сословия на соборах о местных пользах и нуждах Курского края.

1.

Земские Соборы имели весьма важное *значение* в истории России в XVII веке. Об этом свидетельствуют ученые юристы и историки, изучавшие эти учреждения древней Руси. По своему составу Земские Соборы были сословными госу-

дарственными собраниями, где, естественным образом, первое место занимали представители высших сословий в Государстве, в том числе дворяне и дети боярские городов Московской Руси вообще и Курского края в частности, избиравшие своих уполномоченных для участия в заседаниях, суждениях и решениях Соборов. Согласно с правилами созыва Земских Соборов, города Московского Царства *должны* были избирать своих представителей, которые становились полноправными членами Собора. Это было не только правом поместного Дворянства и детей боярских как высшего военно-служилого сословия, но и его обязанностью, равно как и других сословий. Вследствие этого и города Курского края: Курск, Белгород, Оскол, Рыльск и Путивль избирали, на основании Царских повелений, своих уполномоченных и отсылали их «к Москве для великого Государева и Земского дела». Но, к сожалению, до нашего времени сохранились далеко не все акты, которые касаются Земских Соборов, а о некоторых из них мы имеем самые скудные сведения. Неудивительно поэтому, что об участии представителей Дворянства и детей боярских Курского края в деяниях Соборов можно извлечь немногие сведения из исторических материалов XVII века. Но это, разумеется, увеличивает их ценность, и мы постараемся передать их возможно подробнее.

Представители Дворянства, детей боярских, духовенства и посадских людей из Курского края участвовали на Земском Соборе 1613 года, которым был избран Государем Родоначальник Августейшего Дома Романовых, Михаил Федорович Романов.

В конце года «бояре и воеводы, духовные власти бывшие в Москве, приглашали, чтобы из дворян, детей боярских, гостей, торговых, посадских и уездных людей, выбрав лучших, крепких и разумных людей для земского совета и Государского избрания все города прислали бы их в Москву». Когда собралось достаточное число выборных, приступили к избранию. После пред-

варительных рассуждений и обмена мыслей, внимание всех остановилось на Михаиле Федоровиче Романове, как на избраннике всей Русской Земли и всего Русского народа. Еще до избрания, – говорит профессор Латкин[236], – началось заявление в пользу Михаила Федоровича Романова. После предварительного избрания Михаила Федоровича на царство, перед 21-м февраля, послали в города доверенных лиц узнать о желании населения относительно избрания его в цари. «Во все городы Российского Царствия, – так повествует избирательная грамота, – послали[237] во всяких людех их про Государево обиранье проведывать верных и боязных людей, кого хотят Государем Царем на Московское Государство во всех городах. И во всех городах и уездех во всяких людех от мала и до велика та ж мысль, что бытии на Московском Государстве Государем Царем Михаилу Федоровичу Романову, а опричь его Великого Государя никак никого на Московское Царство не хотети». Доверенные лица были в Курском крае, известно, что они были в Рыльске, Курске и Путивле. Здесь им важнее всего было узнать мнение высшего служилого сословия, в особенности дворян и детей боярских Путивльского, Рыльского и Курского края, как представителей военного сословия, служившего в самой важнейшей для охраны Государства области и в Смутное время не раз игравшего выдающуюся роль в отношении своем к вопросам государственным. Дворянство Курского края единодушно подало свой веский голос за избрание на Царство Михаила Федоровича.

Когда состоялось в первое воскресение Великого Поста торжественное полное собрание Земского Собора, то каждый выборный подал письменное мнение, в котором указывал на племянника Царя Федора Иоанновича – Михаила Федоровича. Собор в этот день – 21-го февраля – заседал

---

[236] История земских соборов в XVII веке.

[237] Разумеются – бояре и воеводы.

в Апостольской церкви и в церкви честнаго и славнаго Успения Богоматери. На Соборе принимали участие митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты и игумены, протопопы и священники. Все разряды служилого военного сословия были представлены на соборе, начиная от бояр и кончая казаками. Тяглые люди прислали также своих представителей, при чем Собор 1613 года был замечателен тем, что на нем были выборные от крестьян. Это – так называемые уездные люди. Выборные были из 39-ти городов, кроме Москвы, а именно: из Калуги, Кашина, Тулы, Брянска, *Курска*, Ярославля, Вязьмы, Козельска, Серпейска, Казани и городов Казанского края, Мценска, Твери, Царева, Козьмодемьянска, *Рыльска*, Владимира, Мещовска, Рязани, Устюжны, Арзамаса, Коломны, *Оскола*, Торжка, Переяслава-Рязанского, Серпухова, Алексина, Бежецка, Перемышля, Романова, Рославля, Одоева, *Белгорода*, Осташкова, Вятки, Шацка, Нижнего Новгорода, Вологды и Ливен.

Из Курского края присутствовали на Земском Соборе 1613 года следующие лица[238]: Рыленин и выборной человек *Иван Брехов* и несколько дворян Рыльского уезда; пушкарь выборной Иван Родивонов и несколько дворян города Курска. – Из Курска *Иван Федорович Паркин*[239] подписавшийся за выборных стрельцов и казаков, пушкарей и посадских людей. Из Оскола Спасский поп выборный Богдан и несколько боярских детей – Оскольцев. Из Белгорода – Пречистой Богородицы Рождества поп выборный Исаак и несколько детей боярских.

Таким образом мы видим, что из подписей уполномоченных Курского края ясно вытекает то обстоятельство, что

[238] История Земских Соборов, стр. 154-158.

[239] Иван Брехов значится в числе Дворянства Рыльского уезда, Иван Федорович Паркин – Курского уезда по десятням служилых людей и писцовым книгам. Брехов, Паркин, оо. Богдан и Исаак подписались, кроме себя, и за других уполномоченных, в том числе – за дворян и детей боярских.

число их от дворян и детей боярских было очень значительно. По Рыльскому уезду упоминаются *выборные дворяне*, за которых приложил руку Иван Брехов, по Курскому – выборные дворяне и уездные люди, за которых приложил руку Паркин, по Оскольскому и Белгородскому – дети боярские, за которых подписались о.о. Богдан и Исаак. К сожалению мы не имеем в Соборной грамоте 1613 года подписей других лиц, избранников Курского края, кроме приведенных выше.

Все выборные Курска, Белгорода, Рыльска и Оскола на Соборе, как и на местах, подали единодушно и единогласно свои голоса за избрание на Царство Михаила Федоровича Романова. Об общем желании избрать именно его Никоновская летопись говорит так: «И положил Господь во все люди мысль не токмо в вельможе и в служилые люди, но и в простые все православные христиане и в младенцы, и возопиша все велегласно, что люб нам на Московское Государство Михаил Федорович Романов».

В Утверженной грамоте об избрании Борина Михаила Федоровича Романова на царство эта общая мысль и чувство выражены так:

… «Бытии на Владимирском и Московском и на Новгородском государствах и на царствах Казанском и Астраханском и Сибирском и на всех великих и преславных Российских государствах Государем Царем и Великим Князем всея Русии Самодержавцем прежних великих благородных и благоверных и Богом венчанных Российских Государей Царей от их Царского благородного племени блаженные славные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всея Русии сродичу Михаилу Федоровичу Романову-Юрьеву; из иных государств и из Московских родов на Московском Государстве Государем никак иному никому не бытии». На тот же день, говорит летопись, «бысть радость велия на Москве и поидоша в Соборную Пречистыя Богоматери церковь и пели молебен со звоном и со слезами и бяше радость велия,

яко от ямы изыдоша человеки на свет»[240]. После заседания Собора Рязанский Архиепископ Феодорит, Новоспасский Архимандрит Иосиф, келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын и боярин Морозов вышли на Лобное место и спросили народ, кого он хочет Царем? Все провозгласили Михаила Федоровича Романова. Затем последовал торжественный молебен в Успенском Соборе и была принесена присяга на верность избранному Государю.

Общее число подписей под Соборною Грамотою об избрании на Царство Михаила Федоровича Романова равняется 255-ти. Приведем здесь подписи выборных людей Курского края:

Подпись 175-ая[241]. Рыленин и выборной человек *Иван Брехов* во всех место дворян выборных место руку приложил.

Подпись 176-ая. Из Рыльска пушкарь выборной *Иван Родивонов* и выборных стрельцов и казаков и в пушкарей в посадских людей в место руку приложил.

Подпись 182-ая. Курска города *Ивашка Федоров Паркин* в выборных Курска города дворян и людей уездных место руку приложил.

Подпись 195-ая. С Оскола Спасской поп выборной Богдан и в детей боярских место руку приложил.

Подпись 196-ая. Белгородской Пречистые Богородицы Рожества поп Исак и в детей боярских и атаманов руку приложил[242].

Таким образом, от Курского края были выборные на Соборе 1613 года следующих категорий:

1. От дворян и детей боярских.
2. Духовенства.
3. Атаманов.

---

[240] Никоновская летопись, VII, № 330-й.

[241] Нумерация данных подписей ведется по очередному счету всех подписей под Соборной Грамотой.

[242] Грамота об избрании Государя Михаила Федоровича, изд. Белокуровым.

4. Низших военно-служащих (пушкарей, стрельцов, казаков).

5. Посадских людей.

6. Уездных людей (крестьян).

Подписались из них, как мы видим, не все, а поэтому имена остальных выборных не сохранились.

Из таблицы категорий выборных людей становится очевидным тот важный факт, что на избирательном Соборе 1613 года были представители всех сословий и классов населения Курского края, что же касается высшего служилого сословия, жившего в нем, то оно заключало в себе все группы: собственно дворян и детей боярских, а также атаманов казачьих станиц.

2.

По избрании на царство Михаила Федоровича, Собор 1613 года продолжался и в продолжении его заседаний участвовали выборные городов Курского края, принимая участие в обсуждении и решении дел.

Поэтому считаем должным сказать вкратце о соборных деяниях второго периода его деятельности, которые несомненно являются, в известной степени, результатом суждений, в числе других, представителей Курского края.

10-го марта Земский Собор послал грамоту Польскому королю, в которой выставлял ему на вид все зло, причиненное Поляками России и оправдывал действия Русских по отношению к Полякам. В своей грамоте Собор предложил Польскому королю мир и заявил, что о кандидатуре королевича Владислава на Московский престол не может быть и речи. Эту грамоту должен был доставить Польскому королю дворянин Аладьин.

Собор послал грамоту избранному Государю Михаилу Федоровичу, в которой говорилось об обнародовании Собором пред Россией его согласия венчаться на царство и

просил его прибыть в Москву, чтобы принять бразды Царского правления. При этом Собор уведомлял о том, что дворянство и дети боярские из Москвы отпущены не были и вообще к приезду Царя велено было собраться в столицу всем представителем служилых людей, равно как и тем лицам, которые выехали из Москвы по своим служебным делам.

После венчания на царство Государь Михаил Федорович не распустил Земского Собора, и заседания его продолжались до 1615 года. Он действовал в составе прежних членов как из других местностей России, так и из городов: Курска, Рыльска, Оскола, Белгорода и Путивля. В 1616 году был созван новый Собор, который заседал до 1618 года.

В призывной грамоте на Собор 1619 года было, между прочим, следующее замечательное выражение: «прислать выборных от дворянства, детей боярских и других сословий, которые передали бы обиды и насильства и разорения и чем Московское Государство полнится и ратных людей пожаловать»[243]. В Царской призывной грамоте на собор 1620 года писалось к воеводам: «А выборных есте людей, которых выберут, отпустили бы к нам, к Москве, не мешкая, чтобы нам и отцу нашему и богомольцу о всем разорении было ведомо». Отсюда видно, что сословные группы, избиравшие представителей на Соборы, составляли для них наказы, которые и предъявлялись на Соборе. Но эти наказы, несомненно составляемые и в городах Курского края, не сохранились до настоящего времени. Актами, близкими по своему содержанию к наказам, являются челобитные выборных на Соборы людей, которые были из Курского края и приводятся нами в соответствующих местах нашего изложения. На Соборе 1621 года, в присутствии Государя Михаила Федоровича и Патриарха Филарета была прочитана грамота, в которой говорится о неправдах и клятвопреступле-

[243] Латкин, материалы для истории земских соборов, 268 стр.

ниях Польского короля Сигизмунда, нарушившего договор с Московским Государством. Польские люди в пограничных местах, *в Путивльском крае*, как об этом в особенности свидетельствовали Путивльцы и Рыляне, дворяне и дети боярские, наносят большой ущерб интересам Русских, строют остроги и слободы, бьют зверей в лесах и других угодьях, грабят и побивают дворян и детей боярских, сгоняют их с их поместий, одним словом «во многия места вступаются неправдою и осваивают не по делу».

По выслушании этих и других подобных заявлений, Собор постановил нарушить мир с Польшей и высказал, что все готовы служить Царю против Поляков. Служилое сословие высказалось, что оно готово против Польских и Литовских Государевых врагов биться, не щадя голов своих. Дворяне и дети боярские просили о том, чтобы «велели в их городах разобрати, кому мочно их Государева служба служити, чтобы дворяне и дети боярские никакой человек в избылых не был[244]». В города были посланы для разбора бояре, дворяне и дьяки. «А Государевы Царевы и Великого Князя Михаила Федоровича всея Русии наказы бояром и дворяном и дьяком даны и грамоты указные к воеводам посланы против наказов[245]. А как все городы против наказов разберут и им тех всех городов и десятен[246] сделать списки, чтобы и на войну итить». Бояре, дворяне и дьяки были посланы для разбора в *Путивль*: к стольнику и воеводе князю Василию княж Иванову сыну Туренину да Сергею Степанову сыну Собакину, к детям боярским Путивльцам, Нова-Городка Северского, Черниговцам, Рылянам и Донским атаманам и казакам, которые живут в Путивле и Рыльске.

---

[244] То есть,, чтобы кто-либо, могший служить в военной службе, не был пропущен в списке.

[245] То есть, сообразно с наказами.

[246] Десятнями называются списки военно-служилых людей, в которых обыкновенно отмечается род их службы, вооружение и Государево им жалованье – поместное и денежное.

В Курск[247] было велено ехать к воеводе Степану Михайлову сыну Лошакову, к детям боярским Курчанам.

В Белгород к стольнику и воеводе Василию Измайлову сыну Измайлову, к детям боярским Белогородского полка и станичным ездокам и вожам и Белогородским помещикам, атаманам и казакам.

На Оскол к воеводе Никите Дмитриеву сыну Воробьеву, к детям боярским Осколянам.

Но, как известно, мир с Польским королевством не был нарушаем до 1632 года. В этом же году состоялся Земский Собор, на котором было установлено денежное обложение для усиления средств, необходимых для ведения войны с поляками. То же было сделано и на Соборе 1634 года, акт которого не сохранился до настоящего времени. Собор 1642 года решил вопрос относительно принятия или непринятия в подданство России крепости Азова, завоеванной казаками.

3.

Следующий Земский Собор 1648-49 гг. имеет в истории России важное значение в том отношении, что на этом Соборе было составлено и утверждено *Уложение* Царя Алексея Михайловича. В составлении его участвовали бывшие на Соборе выборные городов Курского края, призванные по повелению Государя Алексея Михайловича. Постановление о созыве Собора 1648 года было изложено следующим образом: «Для того Государева и земского великого дела Государь указал, а бояре приговорили выбрать из стольников, из стряпчих, из Московских дворян и из жильцов по два человека. Также из городовых дворян и детей боярских взять изо всех больших городов, кроме Нов-

[247] В XVII веке название города нередко обозначало и уезд или область, во главе которой он находился. Поэтому жить в Курске – значило жить в городе или его уезде.

города, по два человека, от Новгорода же пять человек». Выборные должны быть добрые и смышленые люди, которые могут оправдать доверие Государя.

Под *Уложением* собора 1648-49 гг. было 315 подписей выборных членов Собора, из них 153 подписи дворян и детей боярских. Из Курского края были выборные дворяне и дети боярские из городов: Курска, Оскола, Путивля, Белгорода и Рыльска.

Уложение составлялось, не считая работ подготовительной к Собору комиссии, состоявшей под председательством князя Н.И. Одоевского, с 16-го июля по 29 января, то есть, 6 ½ месяцев. Из Курского края на Земском Соборе 1648-49 года присутствовали в качестве представителей высшего сословия, дворян и детей боярских следующие лица:

Из *Белгорода* – сын боярский *Кондратий Свищов* и сын боярский *Осип Маслов*[248].

Из *Курских* дворян и детей боярских были: *Гаврило Малышев* и *Сергей Колугин*.

Из *Путивля* – сын боярский Федор Дементьев сын Аладьин[249].

Из *Рыльска* – сын боярский Афанасий Григорьев сын Ортаков.

Из *Оскола* – дворянин Дмитрий Емельянов сын Сорокин. Все эти выборные значатся в писцовых книгах и десятнях в составе Дворянства Курского края. Все члены Земских Соборов получали жалованье. Так во время Собора 1648 года по этому предмету была дана следующая «память»:

«Память князю Ивану Васильевичу Хилкову и дьяку Грязеву о выдаче денежного жалованья выборным городов

[248] От посадских людей Белгорода выборным на Соборе был Петр Савин.

[249] Выборным от посадских людей города Путивля был Федор Рошков.

дворянам и детям боярским. Лета 7157 (1649) сентября в 16-й день по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всея Русии Самодержца, память князю Хилкову и дьяку Грязеву. Государь пожаловал дворянам и детям боярским, которые приехали к Москве из городов, по выбору всяких чинов людей и бытии им на Москве в приказе у боярина у князя Никиты Ивановича Одоевского с товарищи для Государева и земского дела. Велел им дати своего Государева денежного городового жалованья против своего Государева указу по 14 рублев человеку, и которых городов и кому имена дворянам и детям боярским Государева денежного жалованья по указной статье даны, и тех имена посланы к вам в приказ под сею памятью».

К «памяти» была приложена: *Роспись выборным* из городов дворянам и детям боярским. Из этой росписи мы извлекаем следующие данные относительно получения жалованья выборными людьми Курского края.

Куреск. Государево жалованье взяли на Москве *Гаврило Малышев, Сергей Колугин.*

Белгород. Кондратий Свищов, Осип Маслов. Деньги посланы. Против обоих на поле листа отмечена цифра 10.

Рылеск. Афанасий Ортаков. Деньги даны с городом.

Путивль. Федор Аладьин, деньги даны с городом. Против него на поле листа отмечено: 10.

Кроме указанных нами лиц, на Соборе был *князь Семен княж Васильев сын Прозоровский*, который ранее находился в составе Путивльского служилого сословия, и здесь по своей грамоте Государь велел ему дать на 1136 год (1628-й) жалованье вполы его оклада за его Путивльскую службу. В 1649 году князь Прозоровский был назначен воеводою в Путивль.

Так как выборные на Соборы имели право подавать Государю общие челобитные, то и на Соборе 1648 года выборные от Дворянства и детей боярских Курского края из городов: Курска, Путивля, Белгорода, Рыльска, Оскола и

Севска[250] подали Царю Алексею Михайловичу челобитную о выдаче им жалованья вследствие их бедности и татарского разорения. Эта челобитная была изложена так:

«Царю, Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Русии бьют челом бедных и разоренных городов[251] Курска, Путивля, Севска, Оскола, Белгорода и Рылеска холопи твои выборные дворяне и дети боярские в числе двенадцати человек. По твоему, Государя, Цареву и Великого Князя всеа Русии указу прибрели мы, холопи твои, по городским выборам к тебе, Государь, к Москве для твоего Государева и земского дела. А твоего Государева денежного жалованья на прошлый на 156-й (1648) год дано нам, холопям твоим вместе с нашими городы для твоей Государевой службы Путивльцам, Рылянам, Севчанам по осми рублей, Курчанам, Белгородцам, Осколянам по семи рублев человеку. И мы, Государь, бедные и до конца разоренные холопи твои, то твое Государево денежное жалованье издержали для твоей Государевой службы на покупку и самим с женишками и детишками своими на пропитание до нынешние нам холопям твоим Московские посылки. А прибрели мы, Государь, бедные и разоренные холопи твои из городов, бояся твоего Государева страху, спеша к ука́зному сроку к тебе, Государь, к Москве беззапасны, а везти нам бедным из городов за разореньем своим запасов нечего.

И ныне, Государь, мы бедные и разоренные холопи твои, ожидая на Москве твоего Государева и земского дела вершенья, волочась со всяких нуж, и голодом помираем.

---

[250] В то время Севск и его уезд, до некоторой степени, входил в соатв Курского края. Дмитриевская округа, теперь Дмитриевский уезд, считалась частью Севского уезда.

[251] Предшествующее нападение Татар и разгром населения в Курском крае выдавалось из ряда других по своим размерам. Об этом свидетельствуют и другие акты истории XVII века, между прочим так называемые «полоняничные книги».

А замосковных, Государь, и заочных[252] разных городов, где такие бедности[253] от литовские и от татарские войны и от саранчи разорения и не бывало, для твоего Государева и земского дела выборным дворяном и детем боярским твоего, Государева жалованья нынешнего 157-го (1649) года дано по четырнадцати рублей человеку, да за ними же, Государь, за дворяны твое Государево жалованье – *вотчины и поместья большия и крестьяне многи* и не разоренные. А за нами, Государь, за бедными холопями твоими, за которыми поместьишка[254] и есть, и то все от литовские и татарские войны разорено без остатка, а крестьянишка и бобылишка[255] наши побиты и в полон поиманы, а достальные многие от разоренья из бедности разбрелись в твои Государевы в новые в польские городы и в Камарицкую волость[256]. А бедность, Государь, и разоренность наших городов от прежних литовских и от татарской войны и от хлеба недорода лет и от нынешней саранчи скудость наша тебе, Милосердный и правосудный Государь, и твоим Государевым боярам и думным дворянам, и ближним людям ведомы.

Милосердный и правосудный Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Русии Самодержец, пожалуй нас бедных, до конца разоренных холопей твоих для

---

[252] То есть, дворян и детей боярских, живших в местностях за рекою Окою.

[253] То есть, такой бености.

[254] Поместьишка, крестьянишка, бобылишка – старинное выражение, вместо поместишки, крестьянишки, бобылишки.

[255] Бобыли соответствовали – позднейшим «дворовым людям».

[256] Выражение польские города здесь означает украинные города, устраиваемые Правительством на южных границах, куда для увеличения населения новоукрепляемой местности охотно допускались переселенцы из других мест. Комарицкая волость занимала южную часть Онрловского края, Дмитриевский уезд Курского и восточную окраину Чергиновского.

нашей бедности и достаточного[257] разорения, вели Великий Государь, свое денежное жалованье дати нам против неразоренных городов выборных дворян и детей боярских, чтоб нас бедных, будучи на Москве для твоего Государева и земского дела, в такой нашей бедности и достаточном разорении со всеми нужею и голодом не помереть. Государь, Царь, смилуйся, пожалуй!»

Эта челобитная выборных Курских дворян и детей боярских увенчалась успехом. Государь их пожаловал и сентября в 19-й день велел сделать придачу к жалованью следующим распоряжением: «Государь велел им дати своего денежного жалованья против своего Государева указа к прежней их даче, что им дано в городах[258], Путивльцам и Рылянам, Севчанам по 2 руб. к 8 рублям человеку, Белгородцам, Осколянам, Курчанам по 3 руб. к 7 рублям. А кому имены детям боярским Государева денежного жалованья к прежней даче дати, и тем имена посланы к вам в приказ под сею памятью».

Память была послана окольничему князю Ивану Васильевичу Хилкову и дьяку Мине Грязеву.

4.

Другая челобитная на Земском Соборе 1648 года была подана Государю Белгородскими выборными на Собор Осипом Масловым и Кондратом Свищовым о пожаловании им за службу поместного оклада. Эта челобитная имеет большой интерес в том отношении, что указывает на те труды, которые выпадали на долю дворян и детей боярских Курского края по их службе Государству. В челобитной было сказано следующее:

[257] То есть, значительного.

[258] В Путивле, Севске, Рыльске, Курске, Осколе (Старом), Белгороде.

Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Русии Самодержцу бьют челом холопи твои Белгородские выборные Осипка Маслов и Кондрашка Свищов, присланы мы по твоему Государеву указу к Москве для твоего Государева и земского дела. И в прошлом, Государь, в 154 (1646) году при боярине и воеводе Белгородском, князе Николае Ивановиче Одоевском, в Белгороде мы, холопи твои, вал валили и надолбы делали и ров копали и всю крепость делали. Да мы ж, холопи твои, в прошлом 156 (1648) году при воеводе Тимофее Федоровиче Бутурлине на низ по Дону по Ногайской стороне вал валили и ров копали и надолбы делали и всю крепость строили. Да мы ж, холопи твои, в Корочанском стану от Нежегольского лесу к реке к Нежеголи от Валуйского броду вал валили, ров копали, и надолбы делали и Нежегольский острог поставили. А когда, Государь, в прошлом 151 (1643) году дворяне и дети боярские разных городов и Курчане на твоей Государевой службе вал валили и ров копали и крепости делали, им за ту службу прибавлено твоего поместного окладу и денежного жалованья, а нам, холопям твоим, не прибавлено. Милосердый Государь, Царь Алексей Михайлович, пожалуй нас, холопей твоих, за нашу службишку и валовую работу, своим Государевым поместным окладом и денежным жалованьем придачею, как тебе Господь Бог известит. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй!»

По этой челобитной выборные получили удовлетворение. В «памяти» в приказ было сказано: 157 (1649) года, ноября 22-го Государь пожаловал: велел выписать тех, которые вал делали и Государевой милости ожидали.

Собор 1651 года и 1653 имел отношение к польским делам и к вопросу о принятии Малороссии в подданство Московского Государства. Ближайшим поводом для созвания Земского Собора было следующее обстоятельство. Польское правительство, зная о переговорах Малороссийского гетмана Богдана Хмельницкого с Москвою, послало в Мо-

скву посольство с предупреждением, чтобы Русское Правительство не доверяло гетману. Затем дела польские осложнились, и вопрос о присоединении Малороссии приобрел важное значение. Тогда Государем Алексеем Михайловичем были посланы созывные на Собор грамоты о выборе в городах уполномоченных и присылке их в Москву. В числе этих грамот сохранилась Царская грамота в Рыльск тамошнему воеводе, в которой было сказано:

«И как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы наш указ *Рыляном, дворяном и детем боярским* сказал, чтобы они выбрали дворян лучших людей два человека из себя, да из посадских людей двух же человек и тотчас прислали их к указному сроку, чтобы нашему и земскому делу мотчанья[259] не было». Выборные люди были призваны из 44 городов, в том числе из Курского края: Белгорода, Курска, Путивля и Рыльска.

По окончании выборов, местные воеводы делали Государю свои представления об исполнении возложенного на них поручения. Эти представления в то время носили название отписок. По выборам 1651 года воеводы городов Курского края прислали Царю следующие отписки:

Белгородские воеводы писали следующее:

«Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Русии холопи твои Васька Головин и Митька Карпов челом бьют. В нынешнем в 159 (1651-м) году, февраля в девятый день прислана твоя Государева грамота из Разряду в Белгород к нам, холопям твоим, за припискою твоего дьяка Ивана Северова. А в твоей Государевой грамоте написано: велено нам, холопям твоим, в Белгороде из Белгородцев выбрать лучших дворян и детей боярских двух человек, да из посадских людей лучших одного человека. А выбрав их, тобою, Государь, велено нам, холопям твоим, их прислать к

[259] Промедления.

тебе, Государь, к Москве на Сборное воскресенье[260] нынешнего 159 года для твоего, Государева великого и земского и литовского дела. А кого выберут и о том нам, холопям твоим, велено отписать и имена их прямо к тебе, Государь, к Москве прислать.

И по твоему, Государь, указу мы, холопи твои в Беле городе из Белгородцев дворян и детей боярских выбрали Ивана Маслова и Николая Филатова, а из посадских людей Гришку Щербакова. А выбрав их, послали к тебе, Государь, к Москве февраля в 12-й день и велели им явиться в разряд к твоему Государеву думному дворянину Ивану Афанасьевичу Гавреневу, да к твоим дьякам думным Семену Заборовскому, да Григорию Ларионову, да Ивану Северову».

Таким образом, избрание выборных на Земский Собор 1651 года в Белгороде состоялось через три дня после получения Царского указа о выборах.

Из Курска Курский воевода Иван Волжин послал следующую отписку. «Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Русии холоп твой Иван Волжин челом бьет. Нынешнего, Государь, 159 года февраля 5-го прислана в Курск твоя Государева грамота из Разряду ко мне, а в той грамоте велено мне выбрать из Курчан дворян и детей боярских двух человек: Гаврилу Малышева да Бориса Мосолова, и тех двух послал к тебе и велел явиться в Разряд в Сборное воскресенье к твоему думному дворянину Ивану Гавреневу, да к дьякам думным: Семену Заборовскому да Григорию Ларионову».

На Земском Соборе 1651 года участвовали в качестве представителей высшего сословия Курского края следующие лица: из *Курского уезда* Гаврило Малышев и Борис Мосолов, из *Путивльского* Леонтий Литвинов, Алексей Константинов, Николай Яцын и Кондратий Вишневский, из *Рыльского* Ермолай Дуров и Матвей Киев, из *Белгородского*

[260] То есть, в первое воскресенье Великаго поста.

Иван Маслов и Николай Филатов, всего 10 человек. Кроме того профессор Латкин указывает на факт избрания двух представителей на Собор от дворян и детей боярских Нового Оскола. Все выборные, как это видно из писцовых книг и десятен, были помещиками Курского края.

На Соборе 1651 года было постановлено, что если Польское королевство не исполнит требований Русского Правительства, то земские чины Собора дают свое согласие на объявление войны Польше и на присоединение к Московскому Государству Малороссии[261].

На Соборе 1653-54 гг. окончательно был решен вопрос о присоединении Малороссии. Бояре согласились на предложение Правительства. Дворяне – как Московские, так и городовые, в том числе и Курского края, высказались за войну и принятие гетмана под высокую руку Государя. Они заявили, что они готовы «с Литовцами битися, не щадя голов своих и рады помереть за его Государскую честь».

5.

Изложив сведения, которые касаются участия Курского Дворянства в лице его представителей, на Земских Соборах XVII века, мы остановимся на тех, важных в истории Курского края, фактах, которые имели отношение к челобитным Курских выборных на Соборы Государю и были вызваны этими челобитными, в которых затрагивались имеющие большое значение местные интересы не только дворянского военно-служилого сословия, но и других классов тогдашнего населения Курской области.

Главный факт относится к устроению в Знаменском монастыре города Курска большого каменного Соборного

[261] Полное собрание законов, том И, № 104.

храма во имя Знамения Пресвятой Богородицы, с придельными престолами во имя Алексия человека Божия и Великомученика Димитрия Селунского. На сооружение нового храма, отличавшегося своими размерами и красотой архитектуры, было дано Государево жалованье.

Государев указ о построении храма и отпуск на это значительных средств состоялись по челобитью Курских дворян и детей боярских, представленному выборными от этого сословия на Земском Соборе 1648 года Гавриилом Малышевым и Сергеем Колугиным[262]. Оба Курские выборные исхлопотали у Государя грамоту на построение нового храма, который в последующие годы был устроен.

Кроме этого челобитья, Курчане-дворяне и дети боярские чрез посредство своих выборных Малышева и Колугина обратились с просьбой к Государю о присылке из Москвы креста Господня со святыми мощами для богомоления по случаю «распространения в Курске и его уезде нападных болезней и страхований»[263] – «многие из нас, – писали Курчане, – нездоровы, многие помирают, а животворящего креста Господня, утешения в скорбех у нас нет». Алексей Михайлович исполнил эту просьбу. 20-го февраля 157-го года[264], по его повелению, был послан в Курск крест Господень с выборным Земского Собора Гавриилом Малышевым. В этом кресте находились частицы мощей Святого Иоанна Предтечи.

Отправляясь в Курск с драгоценной для Курского Дворянства и всего населения святыней, Гавриил Малышев подал следующую челобитную Государю:

«Царю Государю и Великому Князю всея Русии Алексею Михайловичу бьет челом холоп твой Курчанин Гаврилко Малышев. По твоему Государеву указу и по выбору всего

---

[262] Несомненно, что в указанном нами челобитье участвовали все дворяне и дети боярские Курского уезда.

[263] Эпидемическая болезнь в то время распространилась на юге России и захватила Курский край.

[264] 1649-й год.

города Курчан был я на Москве у твоего Государева и земского дела с выездными людьми всех замосковных украинных городов. Ныне выборные люди по твоему, Государь, указу отпущены в городы и велено выборных людей оберегати»… Далее в своей челобитной Малышев просил охраны в поездке его до Курска.

Благодаря охранной Царской грамоте, Гаврило Малышев прибыл в Курск благополучно и здесь передал святыню, – крест Господень, – представителям населения города Курска для богомоления пред ним в тяжелое для жителей Курска и его уезда время морового поветрия.

В 1648 году Рыляне – дворяне и дети боярские представили свою просьбу Царю Алексею Михайловичу чрез посредство своего выборного на Земском Соборе от Рыльского уезда – Офонасия Ортакова[265]. Просьба эта касалась весьма важного в то время для военного служилого сословия дворян и детей боярских дела, именно размена пленных с татарами и выкупа их из татарского плена. Для осуществления выкупа и размена служилые люди должны были на некоторое время оставить свою службу и прибыть в Валуйку для «посольской размены». Просьба от имени Рылян, поданная Афанасием Ортаковым[266], была удовлетворена, и по этому поводу Рыльский воевода получил из Разрядного приказа следующую Царскую грамоту[267].

«От Царя, Государя и Великого Князя всея Русии Самодержца Алексея Михайловича нашему стольнику князю Андрею Михайловичу Солнцеву. Били нам челом Рыляня – дворяне и дети боярские и служилые люди, у которых в прошлых годех Крымские люди родимцов их (родствен-

---

[265] Надо иметь в виду, что некоторые буквы в именах и фамилиях в XVII веке в разных документах заменяются одне другими, так, например, почти рядом встречаются начертания: Офонасий, Офанасий, Афонасий, Ортаков, Артаков, Ортоков и тому подобное.

[266] Афанасий Ортаков владел поместьями недалеко ото Льгова, в теперешнем Льговском уезде.

[267] Столбцы Белгородского стола № 431.

ников) в полон поимали, чтоб нам, Государю их, дворян и детей боярских пожаловать и всяких служилых людей, – велеть их из Рыльска отпустити на посольскую размену для размены и окупу родителей их. И как к тебе ся Наша Государева грамота придет, и у которых Рылян у дворян и у детей боярских и у служилых людей в прошлые годы Крымские люди родимцев их в полон поимали и ты бы тех дворян и детей боярских, и всяких служилых людей из Рылеска отпустил на посольскую размену в Валуйку».

Наконец, с выборными людьми на Земский Собор 1648 года была представлена Государю просьба Осколян служилых разных чинов людей о жалованьи и поверстании их денежными окладами за их службу. По рассмотрении этой просьбы в Разрядном приказе, она была признана заслуживающею уважения и Оскольский воевода Федор Иванович Лонгинов получил Царскую грамоту, в которой, между прочим, было сказано: «бьют нам, Великому Государю, Осколяне Федка Омельянов[268] с товарищи с детьми боярскими о жалованье, и мы велели детей боярских Осколян поверстать и пожаловали их за их службу поместьями и денежными окладами».

---

[268] Федор Омельянов значится в Оскольской десятне.

Глава XV Города Курского края и участие в устройстве их дворян и детей боярских

Происхождение большей части городов Курского края. – Исполнение мероприятия Государя. – Осмотр сторожевых линий и татарских сакм для решения вопроса об устройстве новых городов. – Деятельное участие дворян и детей боярских в совещаниях и соображениях присылаемых по этому поводу из Москвы бояр. – Белгород, его укрепление, население и значение. – Хотмышск, устройство и заселение города. – Карпов, устройство дворянами и детьми боярскими укреплений в нем. – Переведенцы в Карпов дети боярские из Орловского и Курского уездов. – Частые перемены жительства дворян и детей боярских и передвижение их. – Город Болховой и его устройство. – Города Короча и Яблонов. – Город Царев-Алексеев (Новый Оскол). – Станичная служба городов. – Челобитная дворян и детей боярских об устройстве города Обояни и его основание. – Устройство укреплений Оскольского края. – Укрепления города Старого Оскола. – Города Суджа и Мирополье. – Укрепления города Курска. – Дворяне и дети боярские, как строители городов и их укреплений.

1.

Укрепленные города Белгородской черты и других местностей Курского края служили главным местом военно-

боевой деятельности и жизни дворян и детей боярских. Здесь сосредоточивался их тяжелый и ответственный труд в исполнении разнородных обязанностей, соединенных с главной целью их службы. Вследствие этого мы остановимся на некоторых данных, касающихся состояния городов Курского края в царствование Михаила Федоровича и вообще в XVII столетии по отношению именно к жизни дворян и детей боярских и их деятельности.

Бóльшая часть городов Белгородской черты[269] обязана своим происхождением деятельности Московского Правительства того времени, которому в этом отношении принадлежит руководящая роль, а *исполнение мероприятий Московских Государей – дворянам и детям боярским* и другим служилым людям. Поэтому мы с полным правом можем отнести устройство Белгородской черты к деятельности Правительства и служилого сословия.

Опытные и сведущие дворяне и дети боярские Курского края были, по повелению Государя, приглашены к устройству этого дела в той его части, которая проходила по Курскому краю. Предположения дворян и детей боярских, основанные на знакомстве их с местностью, ее географическими и историческими условиями, легли в основу постройки городов на Калмиусской, Муравской и Изюмской сакмах. Вследствие этого мы должны несколько подробнее остановиться на тех предположениях и планах, которые были составлены и представлены Правительственной власти относительно устройства военной защиты на сакмах, по которым с юга проходили татарские полчища. Рассмотрев этот предмет, мы можем оценить все значение содействия дворян и детей боярских делу Государственной обороны[270].

В 1637 году, по Государеву указу, Федор Вахромеев

---

[269] Белгородская черта состояла из 25 городов, соединенных между собою земляным валом и рядом укреплений.

[270] Профессора Д.И. Багалея: «Материалы для истории колонизации и быта», № 4-й.

и Сухотин да подьячий Евсевей Юрьев ездили с Оскола и из Белгорода на Калмиусскую сакму на Тихую Сосну, и на реку Усерд до устья Тихой Сосны и до Дона, и на Ольшанское Городище и к реке Валуйке и Валуйскому лесу, и на Изюмскую сакму к Яблонову лесу, и на Муравский шлях к реке Ворсклу и к Пслу и Липовому и Сажному Донцу для осмотра местностей, где лучше всего и целесообразнее было бы устроить укрепления и населить их дворянами и детьми боярскими, и другими ратными людьми. Кроме личного осмотра, Вахромеев и Сухотин руководствовались ценными для них указаниями местных военно-служилых дворян и детей боярских.

Досмотрщики Вахромеев и Сухотин осмотрели берега реки Усерда, вытекающей из Курского края и находившийся на них лес и нашли, что на этой реке бродов и перелазов нет. Они описали находившееся здесь городище. Затем были осмотрены берега Сосны и найдено, что за этою рекою – чистое поле и никаких крепостей нет. Здесь было предположено построить две крепости: одну к Валуйскому лесу, недалеко от старой Посольской гати, на которой во время осмотра лежал уже брод на татарской сакме, другую на Крымской стороне. Что касается местности далее на юг, то станичники дети боярские в своей сказке заявили, что через Сосну реку хаживали станичники из Терновой Поляны от стоялых голов и переезжали Калмиусскую сакму к Богучару, а Татары через тот брод не хаживали и не ходят, а между Олександровым городищем и Черемховым бродом иных бродов по реке Сосне нет. Обозрение дальнейших мест по Калмиусской сакме оканчивается замечанием: «от Терновского лесу к реке Дону пришли поля и сенные покосы, *земля добрая*. А на устье Сосны, где река Сосна в Дон пала, на крымской стороне гора меловая крута, а *на горе дивы Каменные*»[271].

[271] В этой местности находится Дивногорский монастырь, имевший занчение в истории Курского Дворянства.

Затем следует подробное описание местностей, находящихся около *Изюмской сакмы*, при чем указываются все протекающие здесь реки и растущие леса. Между Яблоновым и Холковским лесом находился липяжок, «а в том липяжку стаивали стоялые головы, дети боярские из городов, а в липяжку – вода, колодезь текущий».

Вопрос о «постановке новых городов» был решен общим советом Сухотина и Юрьева, и Осколян детей боярских: станичных голов и атаманов[272] и ездоков и вожей и полковых казаков.

Все соображения и предположения посланных из Москвы дозорщиков Федора Сухотина и подьячего Евсея Юрьева по *чертежу и сказке* Осколян и Белогородцев детей боярских и других ратных людей были представлены Государю Михаилу Федоровичу, и на основании их был составлен приговор Боярской Думы относительно устройства новых укрепленных городов в Курском крае.

2.

Центральный город Белгородской черты – Белгород был основан еще в царствование Государя Федора Иоанновича в 1593 году, а в царствование Михаила Федоровича он считался весьма значительным городом Московской окраины. В 1668 году он состоял из двух острогов (внутренних городских укреплений, обнесенных оградою из тына, сверху заостренного) – деревянного и земляного[273]. Окружность деревянного острога равнялась 649 саж., он состоял из стоячих стен с обламами[274] и с десятью башнями. Здесь были Соборная церковь, двор митрополита Белгородского, принадлежавший прежде воеводам, казенный

[272] Также – дворянского сословия.

[273] Д.И. Багалей. Очерки из истории колонизации степной украйны, глава IV.

[274] Облам – это брустверна стене или валу, который служил для защиты стрелка по грудь.

погреб, дворы: воеводский, духовных лиц, 9 полковничьих, 6 полуполковничьих, 9 майорских, 7 ромистров, 7 капитанских, 2 порутчиковых, 1 прапорщика, 1 пастора, подворье игумена Белгородского Николаевского монастыря, 25 дворов Белгородских жилецких людей, всего 76 дворов.

Окружность большого земляного острога, находившегося между реками Везелкой и Северским Донцом, равнялась 1588 саж., в нем было 4 глухих башни, 2 проезжих ворот и затем много построек: Николаевский монастырь, Рождество-Богородицкий девичий монастырь, 9 церквей, воеводский двор (другой), приказная изба, судная изба, сарай для караульных, 2 сарая для наряда, таможенный и кружечный двор, торговые ряды, дворы духовных лиц, полковников и других военных чинов, дворян и детей боярских, сотника и станичника, подьячих, рейтар и других низших военных чинов и Донских казаков.

На одной из городских башен, которая была с раскатом, стояла пищаль – «собака», для нее в казенной клети хранились ядра весом в 10 гривенок (фунтов). В других башнях были пищали полковые, железные, скорострельные, пушка верховая и 152 пищали затинных. К пищалям железным были ядра в 4 и 6 гривенок, а к полковым и скорострельным – пули железные и свинцовые.

Кроме того, на одной из башен находилась пищаль полуторная – *урывок*. Пушечных бойниц в острогу было 130, ружейных 2265. Количество наряда было велико: медных пушек – 9, железных – 32, железных затинных – 73, железных в поларшина – 2, всего же – 116[275]. Через р. Донец был устроен мост в 264 саженей длины.

Город Хотмышск был устроен в 1641 году. Хотмышский острог в окружности имел 347 сажен, в нем было 20 башен, против городских ворот был ров с дубовым палисадом, а вокруг города были поставлены в 3 ряда дубовые столбцы. На татарских пере-

[275] Дополнение к Актам историческим, т.ИХ-й.

лазах у Ворсклы были три острожка со рвами. Недалеко от Хотмышска было расположено 3 острожка, в которых находились сторóжи, кроме того, здесь было еще двое других отъезжих сторож.

В остроге воевода Толстой поставил Соборную церковь Воскресения Христова. «А в церкви строенья церковного было прислано с Москвы: образ местной Воскресения Христова, образ Пречистые Богородицы напрестольный, двери Царские с сенью и столбцы, крест осенянной (для осенения), сосуды оловянные, кадило медное и другие вещи, облачение, 3 фунта ладону, да книг: Евангелие напрестольное, Евангелие – листы серебряные, охтоих 8 гласов, две триоди, псалтырь и др.» Из Москвы было прислано оружие, военные запасы, а также хлебные.

Хотмышанам, через семь лет после построения города пришлось исполнять большую и ответственную работу, касавшуюся укрепления *черты* по рекам Ворсклу и Мерлу в 1647 году. Сведения об этой работе[276] представляют собою яркую картину службы тогдашнего дворянского сословия Курского края. Воевода князь Семен Никитич Болховской послал из Хотмышска детей боярских, бывших в это время уже конными и оружными, стрельцов и казаков «на реку Мерл на Городное городище[277] *для заимки* и для городового строения и Хотмышане дети боярские и другие ратные люди то Городное городище заняли наперед Литовских людей и на городище и около городища *лес секли* и место очистили и острог со всякими городовыми крепостями поставили. Острогу Хотмышане поставили 18 сажен с полусаженью и кровати помостили и котки поклали и бóи поделали, стены острога были высотой в 2 сажени. Да башен поставили: башню глухую, мерою полутретья сажня стена и в вышину до обламов 20 венцов, а обламов 5 венцов,

[276] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола книга 68-ая.

[277] В теперешней Харьковской губернии к юго-востоку от Ахтырки.

другую башню делали 2 жеребья, а третий жеребий делали Волничаня. А проезжую большую башню Хотмышане делали вместе с Волничаны и с Камарицкими драгуны, а ворота в той башне делали Хотмышские ратные люди. Да в том же остроге устроили Хотмышане и Волниченя и камарицкие драгуны казенный погреб, да тайнику сделали Хотмышане 5½ сажен». Затем князь Болховской послал Хотмышских детей боярских в Можевской город Валки, где они всякие городовые крепости делывали и пашни распахивали на своих лошадях и из Хотмышска возили овес на Валки на своих лошадях. Кроме того воевода князь Болховской посылал стрелецкого и казачьего голову Курского дворянина Гаврилу Малышева[278] с Хотмышскими детьми боярскими и другими ратными людьми по реке Ворскле до Литовского рубежа, до Скельских гор досматривать дороги и мосты и худые места и татарские перелазы, и Гаврила Малышев до Литовского рубежа дороги закрепил и мосты разметал, и роспись за своею рукою подал князю Болховскому. Ниже устья реки Ворсклицы Малышев закрепил лесным завалом дорогу, другую дорогу он закрепил в устье р. Боровни, третью – ниже устья этой реки, кроме того закрепил стежки на Русскую сторону, разметал мосты и вообще уничтожил дороги и стежки, которыми езживали и хаживали Литовские люди на степь, и на пасеки, и на речки Мерл и Мерчик, Братеницу и Уды. «И те дороги и стешки запретил и мосты разметал Гаврила Малышев с Хотмышены с ратными людьми», – так было сказано в его челобитной.

В 20 верстах от Хотмышска в 1646 году был устроен город Карпов. Городище, на котором он находился, издавна было известно как весьма удобное место для сторóжи. О нем упоминали в Москве дети боярские – станичники, вызываемые в царствование Иоанна Грозного для сообщения сведений, в качестве специалистов, о том

[278] Один из Курских выборных на Земском Соборе 1648-49 гг.

как лучше и удобнее устроить оборону границ Московского Царства. Здесь в XVI веке находилось Карпово сторожевье.

Окружность устроенного Карповского острога равнялась 48½ саженям, башен было 9; около города шел ров. С Крымской стороны реки Ворсклы сделано было на 5 верст и 63¼ сажени земляного вала с 9 городками, на 666 саженях – надолбов. В крепости было 859 служилых людей русских и 43 человека черкас.

Двести человек детей боярских из Курского уезда Обмецкого стана были переселены в отдаленный Карпов на службу. Дело было таким образом. В 156 году, по Государеву Алексея Михайловича указу и по наказной памяти стольника и воеводы князя Ивана Федоровича Лыкова, Курчанин Воин Артемов да с ним площадной[279] подьячий Афонасий Исаев, да рассыльщик Лукьян Артюхов в Курской уезд в Обмецкий стан ездили, и, приехав в тот стан, *Курчан детей боярских*, которые выбраны в Карпов на вечное житье, переписали «по именам их жен и детей, и братью, и племянников, и внучат, и соседей, и подсоседников женатых и холостых и сколько у них детей, и сколько лет, и сколько у ково лошадей и коров и всякой животины и хлеба молоченова и не молоченова и земли сеяной в 156 году, и сколько за кем Государева жалованья – поместья в дачах чети и *сколько за кем крестьян и бобылей* и то все написали подлинно в книги порознь, по статьям»[280].

Кроме детей боярских, в Карпов из Курска было переселено 32 чел. стрельцов с семьями и 50 человек казаков, также с семьями.

Что касается до детей боярских, Орлян, назначенных в Карпов, то в числе их находим и тех, которые

[279] Площадной дьяк – противополагается приказному дьяку, служба перваго была на площади, у приказной избы.

[280] Местность Обмецкаго стана теперь находится в Фатежском уезде.

имели на месте своего прежнего жительства по 250 чети поместного оклада. Некоторые из детей боярских Орловского уезда охотно шли на вечное житье в Карпов, о них в выборных книгах было сказано: «бил челом Государю и подал челобитную, чтоб его написать в Новый Карпов город».

В XVII веке дворяне и дети боярские Курского края часто должны были переменять места своего жительства. Служба заставляла вместе с полками, в которых они находились, проводить более или менее значительное время в отдаленных от дома и родины местностях, случайное взятие в плен приводило к еще более продолжительному расставанию с домом и отчизной. То же надо сказать о назначении служить в разных городах вне своего уезда. Наконец, распоряжение о переходе в другое место в качестве сведенцов, вело к оставлению со всем семейством и имуществом родных полей и основанию на жительство в новых, более негостеприимных и опасных пунктах Курского, а иногда и чужого края. Вообще местным дворянам и детям боярским приходилось редко и на короткие сроки оставаться дома.

3.

В восьми верстах от Карпова в том же 1646 году был устроен город Болховой. Болховской острог был значительнее Карповского – окружность его равнялась версте и 25 саж. Около посада были устроены надолобы на 120 сажен, а около Пушкарской слободы надолобы, ров и вал были на 110 сажен. От Болхового до Белгорода шел земляной вал с дубовым частоколом на 2½ версты, а до Карпова на 5 верст.

Воевода Богдан Денисьевич Оладьин в Болховом городе устроил Соборную церковь во имя Покрова Пресвятые

Богородицы, да в приделе Св. Пророка Илии с трапезою, на подклетях 6 сажен. Также им была устроена приказная изба с сенями на подклетях, для приезда воеводам устроен воеводский двор, 6 городовых башен.

Оладьин отвел леса, пашни, покосы и проч. Всем Болховским служилым людям, на пашню – 4 725 четей в поле, «а в дву потому ж», сена же 16 715 копен. На сторожи ездили казаки, но за ними наблюдали дети боярские, ездившие с каждой сторожей.

По левую сторону Белгородской черты лежал город Короча, основанный в 1638 году. Окружность его острога с башнями равнялась 264 саженям, около города шел ров с дубовым частоколом. За рекой Корочей на Ногайской стороне было 2 острожка, в которых было 2 отъезжих сторожи, в каждой из них в обыкновенное время было по пяти, а во время ожидания нападения неприятелей и по *10 детей боярских*. Всех служилых людей было в Короче 1 015 человек.

За Корочею находился город Яблонов, основанный в 1637 году. Окружность его равнялась 749½ саж., в нем было 3 колодезя и пруд. В Яблонове был «острог дубовый, стоячий с приезду от земляного города от Московских ворот, на воротах стояла башня рубленая, верх шатровый, с обламами, на верху чердак, кругом три окошка, к башне два моста». В середнем бою была пищаль медная в станке на колесах, в кружале ядро в три гривенки (3 фунта), к ней 77 ядер. Такие же медные пищали стояли и на других башнях (которых было 9), в первой наугольной башне была пищаль полковая, в кружале ядро в 2 гривенки.

Около острога был устроен земляной вал с обламами, на этом валу были башни, на башнях везде находились пищали с запасом ядер. Та часть вала, которая вела к Цареву-Алексееву (Новому Осколу), оканчивалась засекой с надолбами. Всех служилых людей в Яблонове было 1 192 человека, в том числе 24 станичника. На земляном

валу несли дозорную и иную службу *дети боярские*. Они же несли службу в двух острожках и за валом *на Кургане*.

Царев-Алексеев (впоследствии Новый Оскол) основанный в 1647 году, имел большую крепость, в окружности 529 сажен с 13 башнями. Большой Царево-Алексеевский вал был устроен в 1651 году по указу Государя Алексея Михайловича. В отчете об устройстве вала[281] находим следующие интересные в истории дворянского сословия Курского края сведения.

«Воевода князь Яков Петрович Волконский делал в Цареве-Алексееве городе собою и *дворяны и детьми боярскими* и служилыми людьми валовое дело, подле земляного валу ставил острог дубовый и столбы с Русской стороны ставил, да обставил со всякими крепостями с городком. Царевские дворяне и дети боярские и все служилые люди поставили к земляному валу по 2 бревна с человека. Дворяне и дети боярские поставили подле земляного валу – острогу со всеми крепостями по 20 бревен. *И всего дворяне и дети боярские валового дела сделали со всеми крепостями 257 сажен*».

Другие, кроме перечисленных, города Курского края, бывшие местом военно-боевой службы и деятельности дворянского сословия «были прикрыты, – говорит профессор Д.И. Багалей, – Белгородской чертой как бы щитом, и потому, естественно, не были укрепляемы так тщательно, как первые. Исключение в этом случае представляли Путивль, обнесенный каменными стенами, Рыльск и Курск. Население городов в черте было в подавляющем большинстве военное, хотя в Курске выдавалось по своему числу и посадское, именно на 2 888 военных людей было 1 253 посадских. Кроме того в Курске, как и в некоторых городах Курско-Белгородского края, мы встречаем значительное количество *отставных дворян и детей боярских*, которые имели возможность перейти на более мирное положение.

[281] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола книга 26-я.

К 1639 году относится устройство города Обояни как крепости. Построению крепости предшествовала челобитная Михаилу Федоровичу Курчан и Белгородцев, в которой они просили о постройке Обоянского городища. Эту челобитную дворян и детей боярских, стрельцов и казаков Курского края Белгородский воевода Петр Пожарский прислал в Разряд в июле 1638 года. Содержание челобитной следующее:

«Бьют челом разных городов Курчане и Белгородцы дворяне и детишки боярские и казаки и стрельцы и всякие служилые люди. Милосердый Государь, Царь и Великий Князь всея Русии Михаил Федорович, пожалуй нас, вели, Государь, гóрода строить меж Курска и Белгорода на половинах – от Курска 60 верст и от Белгорода 60 же верст, на устье реки Баяни, а то Баянское городище, искони вечно, от Муравской сакмы верст с 10. А как по твоему Государеву указу, бываем мы на твоей Государевой службе в станицах и на вестех, и в том дальнем проезде наша братия погибает и в поляне живот свой мучим безвыходно[282]. А к тому баянскому городищу приходят с Русской стороны реки Псла[283], меж больших лесов поля пашенные, и нам детишкам боярским поместные земли будут во многих в крепких местах».

Помета на отписке Белгородского воеводы была следующая: «146 года, июля 17-го дня. Государь указал послать на городище осмотрети и на чертеж начертать»[284].

В 1639 году воевода Иван Колтовский 1 августа прибыл на Обоянское городище с 600 человек детей боярских, который должны были поселиться здесь и 16-го августа известил Государя о том, что «на Спасов день на Обоянском городище молебен пели и воду освятя, Обоянское

[282] Смысл выражения тот, что переезд очень утомителен, неудобен и опасен вследствие своей длины.

[283] Правая сторона реки.

[284] Составить карту местностей.

городище святою водою окропили и меж речки Обояни и крутого боярка обложили два города, трое вороты, 6 глухих башен».

4.

Для характеристики особых военных трудов дворян и детей боярских Курского края приводим интересную челобитную, поданную в 1639 году Курчанами детьми боярскими, которые писали Государю: «Бьют челом бедные разоренные Курчане детишки боярские Сенька Алферов сын Костин, во всех место товарищей своих 40 человек. В прошлом, Государь, году по твоей грамоте высланы мы на твою Государеву службу на Чугуево Городище ставить город скорым делом, запасов нам и снасти не дали, и кирок и просеков и заступов готовить не дали, и про городовое дело нам не сказали: и мы пришли на твою Государеву службы беззапасны и воевода Максим Лодыженской велел нам острог ставить и башни делать, а почва на Чугуевом городище каменная, и мы камень секли в глубину большую, а просеки, кирки, заступы покупали и наймовали у Литовских людей большою дорогóю ценою, и мы оскудели и одолжали великими долгами, и для запасов и конного корму воевода в Курск не отпущал и в Белгород не отпущал, и мы лошадишками опали, и оскудели всем без остатку». Просят пожаловать их, «велеть ради их бедности от сторóж и вестей отставить на лето для их поправки. Если же случится надобность идти против неприятелей, они готовы». Государь пожаловал, «велел дать в сторóжех льготы на лето, а по большим (чрезвычайным) вестям быть».

Для ограждения уездов Курского края от Татар, как мы знаем, постройка городов и разных укреплений продолжалась в течение XVII века. В 1639 году на долю Осколян – детей боярских выпало устройство в их крае укреплений, предназначенных для развития оборонительной линии. Зимою 1639 года закипела на местах работа, глав-

ным образом, для заготовления лесных материалов. Государь велел ехать на Оскол Понкратию Константиновичу Пущину. Прежде всего необходимо было во многих местах сделать надолобы. «А для того надолобнаго дела указал Государь послать его Понкратья *ныне на спех*, чтобы ему ныне по зимнему пути надолобное дело от Холковского лесу до Яблонова лесу, до речки до Корочи, где быть надолобом и острожком по местом изготовить лес мочно, безо всякаго мотчанья…»

К этому спешному делу были немедленно привлечены Оскольские дети боярские и другие ратные люди, чтобы они ехали с Понкратием на надолобное дело лес готовить, Оскольцам от Холковского лесу до Яблонова ж лесу, а Белгородцам от Корочи до Яблонового лесу. «А наперед того покаместа Белогородские и Оскольские служилые и жилецкие люди по местом лесу не положат, *взять с собою детей боярских и станичников,* сколько человек пригоже – добрых и смышленых людей, *которым полевое дело за обычай, и теми детьми боярскими* и станичными ездоки рассмотреть на Изюмской сакме по Федорову чертежу Сухотина (члена досмотрной комиссии), меж Холки и Холани и Корочи и к Яблонову лесу, в которых местах лутче и крепче быть жилым и стоялым острогом, и с которых мест надолобы учинить от крепости до крепости ж, чтоб тех крепостей вручь Татаровья не обошли».

Все эти распоряжения были исполнены детьми боярскими.

Таким образом была ограждена Оскольская местность путем возведения разных укреплений в избранных Правительством, при содействии детей боярских и других ратных людей, местах. Охрана всех работ была удачной и она не приостанавливались вследствие каких либо затруднений в «береженьи рубежа». Оскольские дворяне и дети боярские отслужили назначенную им службу вполне исправно, за что́ и *удостоились высокого и дорогого для них внимания Государя Михаила Федоровича, приславшего им свое милостивое Царское слово*.

Укрепления города Старого Оскола[285] в 1644 году находились в следующем состоянии. «А по мере (сказано в росписном списке), город Оскол в передних воротех башня полчетверты сажени. От передних ворот по пряслу до наугольные башни, что от Стрелецкие слободы 26 саж. Наугольная башня 3 саж. От наугольные башни до глухой башни по пряслу 20 саж., глухая башня 3 саж. От глухие башни до наугольные башни, что от реки Оскола по пряслу 28 саж. Под башнями 28 сажен, по пряслом 222 сажня. В городе 2 колодезя да *озеро* обрублено струбом до реки Оскола, подле реки выкопан колодезь. А что бывал *старой острог до Литовского разоренья* и около того острожного места, по мере, где сели башни и меж башен по пряслом 920 сажен. И как Литовские люди город Оскол и острог *взяли и сожгли*, и посля того на месте острога ничего не осталось, кроме рва[286]». Таким образом после разорения Литовцами Старого Оскола острог мог быть выстроен только в три раза меньший.

Остановимся еще на двух юго-западных городах Курского края, где также проходила военно-боевая служба Курских дворян и детей боярских, именно – Судже и Мирополье[287]. Укрепления Суджи отличались своею значительностью. В 1665 году он состоял из большого города, малага острожка и нескольких слобод. Постройка его укреплений была окончена только в 1668 году. В этом году Никифор Яцков «в Судже построил город со всякими городскими крепостьми», соединенными силами детей боярских, Черкас и казенных работников. Окружность острога была несколько более полуверсты, высота стен 2½ сажня, обламы были рублены в 3 венца, котки положены на обламы в 3 ряда, коровати помещены и лестницы построены по всему острогу, острожная стена была рублена тара-

[285] Основан был г. Оскол (старый) в 1593 году.

[286] Московский архив Министерства юстиции, Дела разных городов, кн. 15-ая.

[287] Материалы для истории колонизации степной украйны Д.И. Багалея, 61-72 стр.

сами в полтора аршина, около острога шел ров глубиной в 2 сажени, по всему городу построен честик в 6 рядов, столбы вкопаны в три ряда. Суджа была основана на Татарской сакме и потому на нее было обращено особое внимание. Окружность всего города с башнями равнялась 1 версте 129 саж.

Город Мирополье, лежавший несколько южнее Суджи, состоял из городка, острога и посада, окружность первого в 1678 году равнялась 215, а второго 291 саженям. Вокруг Мирополья были большие леса и болота по берегам рек Псла и Удавы, защищавшие до известной степени от неприятельских нападений город.

5.

В заключение нашего изложения о построении городов Курского края скажем о городе Курске – как крепости, который подобно другим городам нашего края, был построен дворянами и детьми боярскими и другими служилыми людьми. Впоследствии они же на место обветшавших городских укреплений возводили новые. Более или менее подробное описание Курской городской крепости мы находим в книгах Белгородского стола Разрядного приказа за 1642-54-й году[288]. В виду того, что Курск был издавна одним из важнейших городов Курского края и укрепления города представляли собой центральное место, где протекала служба Курских дворян и детей боярских, где они испытывали радость победы или горе утраты в боях товарищей, где соединялась мощь дворянского населения для охраны России, мы изложим это описание возможно подробнее.

«С приезду Московской дороги», – сказано в описании, – находится *Пятницкая башня*, устроенная из дубового леса, высотою три сажня. Эта башня, видная издали по Московской

[288] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола столб. 1639 года.

дороге (теперь Московская улица) называлась Пятницкой потому, что стояла против Пятницкой церкви, существовавшей в XVI ст. на площади (где теперь разведен городской сад). Эта Пятницкая церковь имела и другое – более официальное название Благовещенского собора, который читался вторым после Воскресенского собора, находившегося на площади же и бывшего главным храмом Курска в XVI и XVII столетии.

Пятницкая башня была шатровая, покрыта тесом. До обламов высота ее была два сажня, вверху была устроена клеть с окнами. Ворота в этой проезжей башне были сделаны наискось, два сажня шириною без локтя, а вышиной также два сажня. От этой башни по направлению к реке Тускари шла острожная стена до первого отвода шестнадцать сажен с пядью длины. Острог был от осыпи у рва до обламов, полтора сажня высоты. Отвод поперек осыпи острожной стены с двух сторон по 2 сажня в длину, а по осыпи острожной стены 3½ сажен. От этого отвода до другого шла острожная стена 28¼ сажен, острог от осыпи в вышину два сажня, от этого отвода в длину по осыпи было острожной стены и наугольной башни 37¼ сажен.

Наугольная башня называлась *Кривой*, она была глухая, обращена к реке Тускари, дубовая, высотою три сажня, без одного локтя. От этой башни вниз по реке по Тускари[289] до отвода острожной стены было протяжение 24½ сажня, отвод был поперек осыпи острожной стены с двух сторон по одному сажню. Отвод этот в длину по осыпи острожной стены был 2¼ сажня. От отвода до следующей башни было 27½ сажен, острожная стена на этом протяжении была высотою два сажня.

[289] Это выражение значит: параллельно течению реки Тускари, а не по ея берегу. Стена шла на высоте Курского холма.

Следующая башня была воротняя, дубовая, шатровая. Она была ниже предшествующих башен, всего два сажня высоты с локтем, ее ворота были уже, всего полтора сажня ширины, от нее до следующего отвода было 22¼ сажни, отвод поперек стены по сажени и в длину по осыпи острожной стены два сажня. От описанного отвода до глухой башни в длину 59 сажен, высота стены была всего два сажня.

Глухая башня была, как и другая, дубовая, в 2¼ сажня, до отвода острожная стена имела 38 сажен, а после него до проезжей воротней башни расстояние было всего 11 сажен. Следующая проезжая башня была выше двух предыдущих, всего высоты 3 сажня, без локтя, до отвода было стены 4½ сажня. В этом месте стояло старого острога две сажени, а затем до глухой наугольной башни было 51 сажен расстояния.

Следующая глухая наугольная башня к речке Куру была также дубовая[290] той же высоты, стена простиралась до отвода 9¾ сажня, отвод с обеих сторон был по полусажени, до следующего отвода было 42 сажня расстояния, до другого 12½ сажня, и наконец, до следующей глухой башни 25½ сажня.

Эта башня была шатровая, от нее до отвода было 42 сажня, а от него 38 сажен и затем крепостная стена тянулась на 6¾ сажени до самых *Никитских* ворот.

Никитские ворота находились против улицы, которая вела на западную сторону города. Башня была так же, как и остальные – дубовая и стояла от Пятницкой башни в расстоянии 106 сажен, на этом протяжении крепостной стены было два отвода.

В описании города Курска воеводы Дмитрия Ивановича Плещеева в 1652 году было сказано: «В Курску ж старая городовая осыпь, а по той осыпи был рубленой город и

[290] Впоследствии она была сделана из известняка и называлась *Меловая*.

проезжие ворота, а по мере – той осыпи 160 сажен, и тот острог сгорел в 136 (1628) году, а ныне на той осыпи *раскатная башня в шесть стен*, и ныне та осыпь посеред острога огорожена во острог. Всего под четырьмя проезжими да под четырьмя глухими башнями, которые находятся в стенах острога 23 сажени, да под четырнадцатью отводами 53 сажени, да меж проезжих и глухих башен и отводов по осыпи острожной стены 632 сажен, и всего под башнями и под отводы и под острожною стеною 708 сажен.

«Тайник подведен под острожную стену к реке Тускари, от острожной стены (с южной стороны) до колодезя к реке Тускари 24 сажени, в нем выкопан колодец, поставлен струб дву сажен с локтем, вода из него идет в реку Тускарь безперестани; в старой городовой осыпи (то есть, в местности бывшего, сгоревшего старого острога) выкопан колодезь, струб в нем поставлен, до воды – девять сажен, воды в нем полусажени. На остроге не сделано на 66 сажен обламов, и кроватей и котков не положено».

Мы остановились несколько подробнее на построении укреплений в городах Белгородско-Курского края потому, что главными строителями и работниками «в городовом деле», как мы сказали выше, были именно дворяне и дети боярские. Они призывались Правительством как знатоки и компетентные лица, для указания и выбора тех пунктов, на которых надо было устраивать города, острожки, укрепления и тому подобное. сооружения.

Дворяне и дети боярские проявляли свою деятельность в этом деле одни в качестве военных инженеров, другие – архитекторов, третьи – производителей работ по разным мастерствам и, наконец, как рядовые работники – землекопы, плотники, возчики и т.д.

От проектирования идеи военного искусства и до простой, но тяжелой работы землекопа, прорывающего рвы на болоте, вбивающего сваи на реке, насыпающего разные

укрепления – все исполняли военно-служилые люди Курского края в течение целой эпохи, продолжавшейся два столетия.

Таким образом, на долю дворян и детей боярских в постройке городов и крепостей выпадали работы, требовавшие знания и мастерства, которые несомненно передавались из поколения в поколение.

В случае обветшания различных укреплений городов, засаривания и обвала рвов, порчи городских стен и башен от времени и военных действий неприятелей и других причин, исправление обнаруженных недостатков также возлагалось на дворян и детей боярских и других служилых людей.

Глава XVI Царствование государя Алексея Михайловича – военно-боевая деятельность дворянского сословия в Курском крае

Вступление Государя Алексея Михайловича на престол. – Полки Московского Государства. – Белгородский стол Разряда. – Территория и служба Белгородского полка. – Города Белгородской черты. – Усиление военно-боевой службы дворян и детей боярских Курского края. – Поход за Азов. – Нападение татар на Путивльский уезд и битвы с ними. – Усиление защиты границ Московского Государства в Курском крае. – Челобитная Государю Путивльцев 1646 г. – Царские грамоты на Корочу 1647 г. – Нападения татар на Белгородский уезд. – «Опасные грамоты» 1652 г. – Белгород как центр защиты южного рубежа. – Бой с татарами в Курском уезде. – Набег черкас и татар на Путивльский уезд и битвы с ними. – нападение татар на Рыльский и Севский уезды. – Бой с татарами в Белгородском уезде. – Поход князя Ромодановского в Черкасские города. – Смуты в Малороссии. – Поход князя Барятинского к Карпову и Котельве. – Выдача хлебных запасов и вооружения ратным людям. – Пожалование «милостивым словом» ратных людей полка. – Поражения татар в Рыльском уезде. – Оберегание украинных городов во время бунта Разина. – Военные события в Курском крае в последние годы царствования Алексея Михайловича. – Сеунчи дворян и детей боярских Курского края и награда им Государевым милостивым словом и *золотыми*. – Челобитные курских дворян и детей боярских по поводу возмущения стрельцов и казаков. – Отпуск служилых людей по домам. – Охрана дворянами и детьми боярскими монастырей.

1.

Вступление на престол Государя Алексея Михайловича в 1645 году совпало со временем наибольшего развития в военно-боевом отношении тогдашнего служилого сословия Курского края. Для достижения наибольшей целесообразности в ратной службе городовые воеводы вели помещикам и вотчинникам разборные книги, списки, в которых означались их прежняя служба, поместные оклады, денежные выдачи, также их сыновья взрослые и малолетние и другие свойственники, состоявшие в семействе. Сверх того, «кто как люден, конен и оружен».

Высшее управление Курским краем и его дворянскою военною силою, а также и служилыми людьми низших степеней в царствование Алексея Михайловича было вверено Белгородскому столу Разряда, образованному во второй половине XVII века из повытья Московского стола. Белгородский стол ведал в военном, административном сословном и финансовом отношении города Белгородского полка, который в то время, как и другие полки, представлял военно-административный отдел. Огромная территория этого полка, постоянно расширявшаяся вследствие завоеваний и увеличения населения в Южной России, обнимала бассейны Дона, Донца, правого притока Оки – р. Зауши, Сейма до Рыльска, Пасла – до Путивльского пригорода Каменного и Ворсклы, и до границ Малороссийских полков. На территории Белгородского полка в эпоху ее наибольшего расширения находились следующие города Курского края: 1) «в черте» – Курск, Оскол – Старый, Обоянь и Суджа 2) «по черте» – Белгород, Болховой, находившийся на реке Везелице, в семи верстах

от Белгорода, Карпов[291], Хотмышск, Короча, Яблонов, Оскол Новый (Царев-Алексеев) и 3) «за чертою» – Мирополье, Нежегольск[292].

Вследствие соседства Белгородского полка с Малороссией и постоянного участия служилых людей в Малороссийских походах, они воевали с Польшей из-за Малороссии и для подавления тех смут, которые в этой стране разыгрывались в шестидесятых и семидесятых годах XVII века. Войска из Курско-Белгородской территории двигались в Малороссию, большею частью, из Белгорода, и в этом городе находилась главная квартира полкового воеводы в начале похода, а иногда и во время похода войск.

Уже в первый год царствования Алексея Михайловича служилые люди почти всех городов Белгородской черты, с воеводою Жданом Васильевичем Кондыревым во главе, совершили военный поход за город Азов на Крымских царевичей. В этом походе и битвах с царевичами Курские служилые люди дворяне и дети боярские и другие ратные люди действовали совместно с Донскими казаками.

В следующем 1646 году Татары приходили в Яблоновский уезд, где в бою они были разбиты Курскими военными отрядами, а потом в Хотмышский уезд, откуда также были скоро прогнаны Курскими ратными людьми.

В этом году был «большой приход Татар в Курские и Рыльские места», вызвавший кровопролитные битвы и разгром Татарами населения обоих уездов и в особенности вотчин и поместий дворян и детей боярских, а также увод в плен множества людей. Татары во время этого похода нападали и на другие уезды Курского края, но с меньшим успехом, пока не были прогнаны в свои степи.

---

[291] Карпово стороженье.

[292] Сюда же надо отнести Рыльск и Путивль с их территориями, хотя они имели и самостоятельное значение.

В декабре 1646 года Татары большой ордой проникли в Путивльский уезд и подошли к Путивлю, желая завладеть городом и ограбить его слободы и посад. Тогда воевода князь Василий Львов с дворянами и детьми боярскими и со всеми ратными людьми, как сказано в его отписке в Разряд, «под Путивлем ходили[293] и бились с первого часа дни и до последнего и в посаде, и в монастырских слободах, на пущах, татарове же жестокими боями устремлялись, чтобы им зажечь посад. И Божиею милостью и Пречистые Богородицы помощию и Государевым Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Русии счастьем Татар с посада, с монастырской слободы и с пущ прогнали, из наряду и из мелкого ружья побили многих и переранили, а в языцех взяли одиннадцать человек, а на посаде и на монастырской слободе Татары никакой порухи не учинили и пошли от Путивля прочь». И воевода князь Василий Львов для поисков над Татарами послал стольника князя Федора Львова, а с ним Путивльцев ратных людей голов с сотнями конных и пеших с обозом и нарядом[294].

В Путивльском уезде на речке Снагости от Путивля верст с пятьдесят, а от Рыльска верст с пятнадцать был у князя Федора Львова с Татарами бой, и «Татар Путивльские ратные люди побили и в полон поимали, а еще полон у Татар отбит Рыльского уезду да села Крупец, а Путивльского уезду отбито полону: Татьяна Ивановская жена Черепова и несколько крестьян».

Вообще в Курском, Рыльском и Путивльском уездах в конце 1646 года были жестокие битвы с Татарами, причем, врагами было взято громадное число жен и детей помещиков и их крестьян.

В 1647 году в Белгород был прислан из Москвы Государем Алексеем Михайловичем для устройства тамош-

[293] То есть, производили военные действия.

[294] Столбцы Белгородского стола № 306.

них военных и городовых дел стольник Дмитрий Мешков-Плещеев и с ним дьяк Иван Кобыльский. Они осмотрели и описали Татарские перелазы по реке Северскому Донцу. За рекою Разумною в Белгородском уезде был сооружен земляной вал. Белгородский воевода Тимофей Бутурлин получил Царское повеление «по вся месяцы» досматривать города Болховой и Карпов. У реки Нежеголи был построен новый укрепленный острог; из Москвы были присланы новые замки для ворот городов и казенных погребов. В Яблоновском уезде была начата постройка укреплений, а в Цареве-Алексееве (Новом Осколе) был спешно устроен новый вал. Словом, были приняты меры для усиления защиты границ Московского Государства, в особенности от Крымских татар и Ногайцев.

Несомненно, что благодаря частым неприятельским нападениям и стремлениям Правительства усилить способность Курского края к охране государственного рубежа, военная служба дворян и детей боярских становилась все тяжелее, особенно принимая во внимание татарские разорения. В этом отношении имеет значение следующая челобитная Путивльцев:

«Бьют челом Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Русии Самодержцу Путивльцы, дворяне дети боярские, и верстанные и кормовые казаки, а в челобитье написано: служат они всякие Государевы службы зимою и летом и с Путивля по отъезжим сторóжам и на вестях и по заставам, по острожкам, и от Литовской и от Крымской стороны стоять, иноземцев с Москвы и к Москве провожают до Литовского рубежа. В нынешнем 154-м (1646) году были посыланы они из Путивля для городового строения на Заводицкое Городище, и они Государю служили и работали, острог ставили со всякими крепостями и от Литовских людей оберегали, а в прошлом году в августе и в нынешнем в сентябре от Крымских людей в Татарские войны многие побиты и в полон поиманы, а у них жены, дети, люди и крестьяне в полон поиманы и поместья и хлеб пожжены и разорены. Да мы же, Государь,

служили, с Татарами под Путивлем бились и слобод и посада жечь и к посаду приступить не дали и многих татар на боях побили, а Государева жалованья на нынешний 154-й (1646) год им не дано, и Государь бы их пожаловал для их бедности и татарского разорения и за службу им велел дать своего Государева денежного жалованья на нынешний год, как Государю Бог известит». По получении челобитной Путивльских дворян, детей боярских и других служилых людей из Разрядного Приказа был послан Царский указ Путивльскому воеводе князю Василию Львову по поводу поданной Государю челобитной. Воевода вполне подтвердил факты, указанные в челобитной. Он в своей отписке засвидетельствовал о том, что поместья служилых людей разорены Татарами, что ратных людей Путивльцев убито в сражениях с неприятелями 202 человека, в плен взято 204 человека, жен же и детей и братьев и племянников Путивльских детей боярских было взято в плен 224 человека. Крестьян их и дворовых людей было убито до 100, а взято в плен 168 человек. Всех же Путивльских помещиков дворян и детей боярских служилых людей состояло 305, из них поместных 84, пустопоместных 78, беспоместных и новиков 154.

В разрядном приказе была сделана соответственная справка, в которой, между прочим, было сказано: «А только Государь пожалует Путивльцев и велит им дати своего Государева денежного жалованья против Курчан разоренных, у которых Татарская война была и поместья их разорены без остатка, по 10 руб., а у которых жены, и дети, и люди, и крестьяне в полон поиманы и побиты – по 8 руб., а которых детей боярских побиты и в полон взяты жены и дети, которые в службе не поспели – по 7 руб. на семью, и на то жалованье нужно 5157 рублей».

По представлению Государю справки Разрядного приказа, он приказал выдать денежное жалованье Путивльцам.

В 1646 году опасались нападения Татар на Белгород[295], так что отпущенные в свои поместья дворяне и дети боярские были возвращены с дороги в Белгород, по случаю «больших вестей» о Татарах.

2.

В следующем году Татары продолжали беспокоить население Курской области, что видно из грамоты Царя Алексея Михайловича Корочанскому воеводе Микифору Прокофьевичу Воейкову 1647 года[296] следующего содержания:

«Октября в 29-й день писали к нам из Белгорода боярин наш и воевода князь Никита Иванович Одоевской с товарищи: посылали они станичников по Изюмской сакме к Сокольим горам. 20-го октября прибежал в Белгород станичник Данилко Чичерин[297] и сказал:

– Наехали де они Татарскую сакму усть реки Явсуги, прошло Татар в Русь человек с 200 и больше, а в другом месте наехали Татарскую же сакму, перешли Татаровя Северской Донец человек со 100 и больше. Да того же числа писал к нам в Белгород с Валуйки Перфил Колтовский: октября де в 18-й день приехали на Валуйку Ждан Кондырев и Донской казак и сказывали: говорили де на Дону в роспросе из пытки языки Азовские и Крымские Татаровья, что Крымский царь хочет приходить на наши Украины большим обранием[298] нынешней осени, как воды укрепятся. Октября в 29-й день писали к нам с Оскола стольник и воевода Василий Шереметев с товарищи, а к ним писал из Яблонова Семен Измайлов:

[295] Столбцы Белгородского стола № 217.

[296] Царские грамоты на Корочу 1647 года.

[297] Фамилия Чичериных значится в Белгородской писцовой книге и десятне.

[298] Большим походом, набегом.

– Приехали де в Яблонов с Тору дети боярские Данило Токмаков с товарищи и сказывали: были де они на Тору и при них де шли мимо Тору Литовские Черкасы, а с собой вели языков Татар и сказывали Татаровя: пошли при них из Крыму десять мурз, а с ними Татар 40,000, а приходить тем Татаром войною на наши Украины нынешние осени. И от нас писано в Белгород к боярину нашему и воеводе ко князю Н.И. Одоевскому и велено ему со всеми товарищи с сходными воеводы[299] над Крымским царем и над Крымскими людьми нашим делом промышлять, сколько милосердный Бог помощи подаст. И как к тебе ся наша грамота придет и ты бы со всеми нашими ратными людьми к походу был готов, а которым людем бытии на Короче, и ты бы тех людей росписал по городу и по острогу и места им указал, где кому в осадное время бытии и по вестям уездных людей велел собрать в город с женами, с детьми и со всеми их животы. И как боярин наш и воевода князь Одоевской велит с Корочанскими ратными людьми идти к себе на сход, и ты б шол к боярину нашему Одоевскому и с Божией помощью над Татары нашим делом промышлял, а если ты в сход не пойдешь, и тебе от нас бытии в опале, велим тебя сослать в Сибирь и посадить в тюрьму, а поместья твои и вотчины велим раздать в раздачу безповоротно, и тебе не дожидаясь на себя такие нашие большие опалы, однолично идти на сход ко князю Одоевскому тотчас по его отписке не мешкая ни часу».

Следующая Царская грамота Воейкову была прислана в том же 155-м (1647) году. Она говорит о положении в военное время семейств и имущества тогдашнего местного дворянского сословия. «Писано от нас, – сказано в грамоте, – к тебе наперед сего не единожды, что по многим вестем нынешние зимы чаять приходу Крымского царя и воинских людей на

[299] То есть, воеводами, которые изо всех городов Курского края сойдутся к большому Белгородскому полку.

наши Украины, и тебе велено на Короче детям боярским и всем служилым людям сказать, а бирючам велено, на Короче *кликать по многие дни*, чтобы дети боярские и всех чинов служилые люди и уездные люди жен своих и детей и животы всякие и хлеб молоченый везли в город, а достальной хлеб молотили и ссыпали в ямы, а немолоченый хлеб развозили по лесам и уездные люди (крестьяне) бежали был по вестям в город, чтобы их Татаровя не побили и в полон не поимали. И ныне ведомо нам учинилося, что Короченцы, дети боярские и всяких чинов люди многие, жен своих и детей и хлеба на Корочу в город (крепость) не везут и сами ехать *опасаются* от воров, что воры без них в их домех остаточные их животы пограбят и покрадут; и как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы детям боярским и всех чинов людям сказал бы и велел бирючам кликать не по один день, чтоб они тотчас поспешили, жен, детей держали в городе со всеми животы и со всеми запасы и с конскими кормы. И уездные люди бежали бы в город, чтобы их Татаровя не побили и в полон не поимали. А то б еще детям боярским и всех чинов людям сказал и бирючам велел в торговые дни прокликать в Короче не по один день, что как все будут, по вестям, в городе, а в то время если которые в их домех учнут запасы и животы их всякие и животину (скот) грабить или красть, или иное какое *дурно* в домех их учинять, и таких по нашему Государеву указу велено сыскивать и велено их по торгом *бить кнутом нещадно*, и велено за то их воровство ссылать в Сибирь; и они всяких чинов люди тот наш указ ведаючи, и будет на Короче и в Короченском уезде такие воры, грабители и тати сыщутся, и ты б велел их имати, за их воровство бить кнутом нещадно и держать их в тюрьме до нашего указу, да о том к нам к Москве отписал тотчас».

В 1647 году Татары вошли в Белгородский уезд и начали грабить помещиков. Для отражения их выступил

из Белгорода воевода Воейков и в бою около деревни Тюриной нанес им полное поражение. Они разбежались. Но в Рыльском уезде было захвачено так много пленных, что в том же году, по челобитью рыльских служилых людей, они были отпущены на Валуйку на «посольскую размену» для обмена и выкупа пленных родственников, в Разрядный же приказ были отправлены Рыльским воеводою «росписи и сказки о разорении Рыльского уезда Татарами в 152 – 1644 году». Вследствие этого по Государеву указу и по наказу боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого был послан в Рыльск Иван Иванович Апухтин для составления переписи убитым и взятым в плен дворянам и детям боярским и служилым людям, а также их женам и детям в 1644 году.

Иногда Татары осаждали в степи русских станичников. Так, в 1647 году за Чугуевскими и Белгородскими станичниками гонялось 50 человек Татар и держали их в осаде до самого вечера[300]. В одной из Царских грамот на Корочу сообщается следующий случай: в 1646 году Белгородский драгун Плечков ходил в окрестностях Белгорода за реку Везелицу отыскивать своих лошадей. В это время его схватили русские воровские люди и, завязав ему глаза, привели в Татарский стан. Из разговора Русских с Татарами Плечков узнал, что первые подъезжали к Белгородскому валу, рассматривали его и другие укрепления города и старались сосчитать ратных людей. Получив от своих лазутчиков необходимые им сведения, Татары, улучив удобную минуту, прорывались сквозь укрепленные черты и начинали свой грабеж. Особенно они неистовствовали в поместьях и вотчинах, в деревнях и слободах, о чем красноречиво свидетельствуют, среди других исторических актов, *полоняничные книги*. Не довольствуясь награбленной добычей, они предавали огню все то, чего не могли захватить с собою. Существовал даже

[300] Историко-статистическое описание Харьковской епархии арх. Филарета, 4-й отд.

особый термин: *выбрать деревню*, то есть, захватить в плен всех ее жителей. Недаром также по селениям Белгородско-Курского края при появлении в известной местности Татар, население ее кричало «*Татары идут, смерть наша идет!*» Таков был вопль отчаяния мирного населения. Ратные же люди на конях – дворяне и дети боярские впереди всех, должны были немедленно – во всякое время дня и ночи схватываться с Татарами и биться до последней капли крови. Обстоятельства жизни и быта Курского края в XVI и XVII веках были таковы, что изо всех ратных людей, стоять на первом месте приходилось дворянам и детям боярским, кроме того они были начальными людьми и над отрядами драгун, рейтар, казаков и проч.

Постоянные военные действия отрядов Белгородско-Курского края с Татарами напоминают собою беспрерывную партизанскую войну. Нередко Татарам приходилось встречаться в Степи с сторожами и станичниками, и в случае малейшей возможности, Татары на своих быстрых конях догоняли военно-служилых людей и схватывали Русских, чтобы влечь их в далекий плен. Достижение этой цели для Татар было тем более доступно, что их кочевья подходили близко к Курскому краю: они были на Тихой Сосне, между Доном и Днепром, между реками Валуйкой и Донцом, на реках Хопре и Суле и в других степных местах. «Общий характер отношений Крымско-Татарского юрта, – говорит исследователь быта Крымцев[301], – к соседям, в том числе Русским, было хищничество, доходившее до жадности. Татары не вели правильных войн, а потому соседи боялись их не как врагов, с которыми сладить нельзя, а как огня, от которого трудно уберечься. Если кто-либо из соседей не присылал условленной дани, то Татарами это принималось как вызов к набегу». При таких условиях вся надежда Московского Государства была на укрепленные города и стойкость и храбрость служилого

[301] Ст. Хартахая в «Вестнике Европы» 1866 года, июнь.

сословия, Курских порубежников, во главе которого стояли дворяне и дети боярские. Когда в 1650 году гетман Богдан Хмельницкий сказал послу Государя Алексея Михайловича о том, что он устроил многие города от Татар на границе, то посол с полным правом ответил: «во всех городах по Путивль людей много – *дворян и детей боярских*, рейтар, и драгунскому и солдатскому строю научены, в городех многие устроены жилецкие и служилые люди – дворяне и дети боярские, и казаки, и стрельцы, и драгуны, и солдаты, и пушки с Москвы привезены во все городы многие». На это сказал гетман: «всякое государство *славится ратными людьми*, а от татарских приходов люди беспрестанно надобны, потому что Татары на правде своей мало стоят»[302].

3.

В 1652 году «опасные грамоты» для обереганья украинных городов от нападения Литовских и Крымских людей были посланы в Белгород, Путивль, Рыльск, Хотмышск, Яблонов и другие города Белгородской черты. В Царской грамоте Яблоновскому воеводе было сказано: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б из Яблонова шли в Белгород и были там, а в Яблонове велел бы ты, боярин и воевода, быть Павлу Левонтьеву, чтоб он жил в Яблонове с великим береженьем, по городу и острогу и по воротам и по земляному валу караулы держал, и вести про воинских людей проведывал. А голове Московских стрельцов с его приказом велел быть в Белгороде с собою, и жил бы в Белгороде с великим береженьем, и станицы для вестей посылал». В опасное в отношении возможного нападения неприятелей время Царские грамоты предписывали тем или другим воеводам «идти на сход» с другими, указанными

[302] Акты Южной и Юго-Западной России. Том III.

в грамотах воеводами. Не исполнявшие этого приказания подвергались также строгому взысканию.

В том же году в Рыльском уезде был бой с Крымскими и Ногайскими Татарами около села Городенска, а в Курском уезде около деревни Реута. Участвовавшие в боях ратные люди – дворяне и дети боярские в своей челобитной так описывали бой:

«Многие наша братья с лошадей были посбиты, а лошади пропали, а у иных лошади с зуку[303] с вьюки (с вьюками) в Крымские люди вмешались и там пропали, а у иных казенные пищали и свои отбиты были и изронены карабины, десятошной котел медный отбит, кони с седлом и уздою епанчу в тороках изронили, пищаль квинтованную». Оскольский воевода, подтверждая челобитную о милости Царской ратным людям, отписывал о бое с Татарами в Оскольском уезде. «И как, Государь, воинские Татарове пришли к Ломоватой Яруге, я, холоп твой, бился с третьего по восьмой час и милостию Божиею и твоим Государевым счастием Татар побили многих и тогда они поворотили к реке Осколу. Татар же было 800 человек, они пошли в степь. Дети боярские есаул Иван Павлович Винников бился явственно, Яков Поликарпович Миронов бился явственно, сам был ранен из лука в правое плечо, под ним убит конь. Мирон Титов Дудоров бился явственно, получил две раны: саблею и из лука». Татары были выбиты из уезда с большим уроном.

Военные действия против Татар и передвижение полков в те места, где в них являлась необходимость, вызвали такой недостаток в служилых людях в 1656 году, что их не хватало для несения очередных служб в городах Курского края, а потому из поместий были вызваны для пополнения проживавшие там дворяне и дети боярские.

В описываемое время в города Курского края часто приходили вести о приходе Татар и изменников-черкас,

[303] «Зук» – звук, шум.

и ратным людям приходилось биться с ними. Так, например, в 1658 году Татарам удалось разрушить все крепости (укрепления) в Новооскольском уезде, отсюда они бросились в Хотмышский уезд и здесь сделали набег в союзе с «воровскими черкасами» на деревни и имения, но были прогнаны Русскими. В виду таких обстоятельство из Белгорода были посланы дворяне по Белгородской черте в украинные города для досмотра «городовых и острожных всяких крепостей и тайников, и колодезей».

Большой набег Черкас вместе с Татарами произошел в Путивльском уезде в 1659 году. Путивльский воевода князь Григорий Долгоруков сообщил в Разряд в своей отписке о приходе воровских черкас, сторонников гетмана Выговского и Крымских Татар на Путивльские места и о бое с ними[304].

«Генваря 19-го, – писал князь Долгоруков, – в пятом часу дня со сторожи от Белых берегов прибежал в Путивль казак Гришка Ефремов и сказал нам, что идут де от Конотопа к Путивлю великим множеством люди на спех и он с товарищами своими тех воинских людей увидел от сторóжи за версту».

Как видно, неприятели торопились овладеть таким важным центром Курского края, каким в то время был *Путивль*, имевший каменные крепостные стены, богатое население и большие запасы для воинских людей. Обыкновенно враждебное движение около границ было скорее узнаваемо в городе, чем то случилось в этот раз. Трудно описать ту тревогу и тот ужас, который охватил население Путивльского уезда, в особенности семейства помещиков, недавно еще испытавшие татарское разорение.

Воевода прежде всего послал к Белым Берегам в подъезд Путивльцев детей боярских Бориса Федоровича

[304] Нужно сказать, что Малороссийские и Запорожские казаки иногда соединялись с так называемыми воровскими черкасами и действовали совместно.

Беззубцова[305] с четырьмя другими и велел им ехать по дороге, которая вела в Конотоп таким образом, чтобы между всадниками было расстояние по 100 саженей, причем на пути осмотреть внимательно состояние и устройство неприятеля, сделать возможно обстоятельную рекогносцировку[306], а потом поспешно возвратиться[307] в Путивль. Немедленно же посланы были нарядчики в сторожевые сотни с вестью о походе воровских черкас, сторонников изменившего Московскому подданству гетмана и Татар, а эти сотни находились за посадами у надолоб для оберегания Путивля под начальством Сергея и Якова Яцыных. Князь Долгоруков распорядился, чтобы оба начальника военных отрядов по надолобам, в которых были конские проезды и пеших людей дороги, заметать и укрепить накрепко, а самим быть готовыми к бою с врагом. Кроме того князь велел сказать конным отрядам, что буде они увидят неприятельскую погоню за нашими подъездчиками (посланными для наблюдения за движением неприятелей и разузнания их сил), то они должны «прося у Бога милости и у Пресвятой Богородицы помощи, тем подъездчикам помощь чинить, чтобы не дать Татарам и воровским Черкасам над ними дурна учинить или в полон их взять».

«И подъездчики наши, – писал воевода, – Борис Беззубцов и Богдан Глушков приехали к нам в Путивль вскоре и сказали следующее:

– Отъехали они, были от города в пяти верстах, а до Белых Берегов не доехали столько же, и на них набежали изгоном Черкасы 20 человек, и товарищей их Прокофия Трифанова и Луку Огрызкова взяли в полон, а за ними гнались версты две, а потом, увидя на сторóжах ратных Путивльских людей, побежали назад».

---

[305] Род дворян Буззубцовых значится в Путивльской десятне.

[306] «Рассматривать гораздо».

[307] «Бежать».

Выслушав это сообщение, воевода приготовился к битве. Вот в каких выражениях в своей отписке он излагает дело: «И мы, собрав Путивльцев, дворян и детей боярских и всех служилых людей конных и пеших, которые объявились у города с ружьем, послали их к сторожевым сотням на помощь и велели им стоять у надолб. И того же часу приехали на нас к посадам за полверсты воинские люди с 200 человек и не дошед посадов за полверсты, остановились. И мы послали на тех воинских людей четырех голов: Якова да Сергея Яцыных, да Ивана Оладьина[308], да Федора Беззубцова с сотенными людьми и велели им над теми людьми, прося у Бога милости и у Пресвятой Богородицы помощи, промышлять, сколь милосердый Бог помощи подаст, а добыв языков, идти назад к надолбам, а вдаль за теми воинскими людьми ходить не велели. И воинские люди, видя твоих ратных людей, побежали, а к нам приехали прибылые воинские люди, по смете 3000 человек Черкас и Татар и пригоняли к надолбам до сторожевых сотен, и учинили с твоими ратными людьми бой. И Божию милостию и Твоим Государевым и сына твоего Федора Алексеевича счастием твои ратные люди тех воинских людей в надолбы не пропустили и от посадов отбили и гнали их с полверсты и отбили их *знамя* и знаменщика сбили, и того знаменщика Черкасы увезли и побежали к Конотопу назад».

4.

Итак, от Путивля счастливо была отражена соединенная Черкасская и Татарская рать. Но, как видно из отписки князя Долгорукова Севскому воеводе Е.В. Козлову о дви-

[308] Оба значаться в числе детей боярских в Путивльской десятне.

жениях Крымских Татар и воровских Черкас, они «не мало повоевали» южную часть Путивльского края. «Прибежали, – сказано в воеводской отписке, – к нам в Путивль из Недрыгайлова[309]. Недрыгайловский поп сечен, да слободы Ольшанки поп Игнатий граблен, а в расспросе пред нами сказали, что Татарове близко Недрыгайлова на пашне иссекли и грабили, и слободу Ольшанку разорили и многих людей в полон поимали и с Недрыгайловцами *бились всю ночь*, а кош Татарский стоит верх реки Хорола от Недрыгайлова в десяти верстах. А потом прибежали августа в 31-й день в Путивль из Черкасской стороны Путивльцы из Кролевца казачий сотник Ивашко Калачников да деревенский мужик Микитка Вязовников, а в расспросе перед нами сказали: гетман Иван Выговский с Черкасами и Татарами пошел под Белгород, а в Кролевец пришло Черкас до 700 человек конных, а пехотинцы идут в Кролевец многие люди, и подлинно (назначено) им приходить войною под Путивль и под иные Великого Государя украинные города, а идти Нежинскому полку через реку Семь в Белые Берега, а Черниговскому полку чрез реку Клевень под Семен день, и на реках перевозы готовить велели, а пехоты в Глухов пришло 600 человек. И тебе бы, господине, те вести были ведомы. А с сей отпиской отпущены станичники твои стародубцы – Осип Деханов с товарищи августа того же числа».

Против Поляков, казаков и Татар действовал князь Алексей Никитич Трубецкой, который сражался под Конотопом, следовательно невдалеке от Путивльского уезда. В июле 1659 года Путивльский воевода послал трех человек крестьян, чтоб они прошли под Конотоп в таборы к боярину Трубецкому лесами и призначными местами, явились к нему и просили у него точных и подробных вестей о положении дел, о которых князь написал бы Путивльскому воеводе князю Долгорукову.

[309] Теперь заштатный город Харьковской губернии.

Через день, именно 4-го июля в седьмом часу вечера крестьяне благополучно приехали в Путивль и рассказали следующее. Они трое пришли к месту, где находились отряды Русского войска, но там не оказалось уже их, все было пусто. На пути крестьяне, посланные воеводою, приближаясь от Конотопа к Путивлю, слышали верстах в 15-ти от города сильную стрельбу из пушек и из ружей, и местами видели, что Русские ратные люди идут с обозом по направлению к Путивлю, а Крымский царь с Татарами и изменник Ивашка Выговский «к обозу приступают и чинят бои большие беспрестанно». «И я, –писал Государю Путивльский воевода, – укрепя в городе осаду, оставил в Путивле товарища своего дьяка Тимофея Бессонова, а сам с дворянами и детьми боярскими и со всеми ратными людьми, прося у Бога милости и у Пречистой Богородицы помощи, пошел на помощь к боярину князю А.Н. Трубецкому, а наперед себя послал к нему для ведома проезжую станицу Гаврилу Вощинина[310] с товарищи – 20 человек, а велел ему сказать князю Трубецкому про то, что я к нему с твоими, Государь, Путивльцами ратными людьми на помощь».

В тот же день Вощинин возвратился и, застав Долгорукова с его отрядом на пути, сказал ему, что князь А.Н. Трубецкой пришел в Путивльский уезд со своим войском и стал у реки Сейма у Белых Берегов в 10 верстах от Путивля. Трубецкой поручил Вощинину передать Путивльскому воеводе о том, чтобы тот не шел к нему на помощь, а возвратился в Путивль и жил там с великим береженьем, и установил по реке Сейму на перевозах и на сторóжех в причинных[311] местах крепкие караулы и заставы, а также и отъезжие сторóжи. «И мы, – писал воевода, – около Путивля по надолобам отъезжие ка-

[310] Гаврило Вощинин значится в числе дворян и детей боярских в десятне.

[311] Необходимых.

раулы учинили крепкие против прежнего с прибавкою, и по реке Семи на перевозах поставили голов с сотнями, и приказали им стеречь накрепко, без всякого мотчанья, чтоб воинские люди чрез реку Семь безвестно не прошли и Путивльский уезд не повоевали, и людей в полон не поимали, и над городом украдом и изгоном[312] дурна какого не учинили».

На отписке сделана помета: «*Государю чтено*».

Около этого времени был назначен поход князя Ромодановского в Черкасские города. По переписке его с Разрядом и приказом тайных дел, в Белгород была прислана оружейная казна с Курским дворянином Никитой Яковлевичем Кондыревым. Князь Ромодановский выступил в поход, ратные люди были высланы им в Киев и Гродно, а в Белгороде оставлен воеводский товарищ стольник Лев Прокофьевич Ляпунов. К Ромодановскому в Белгородский полк явился кошевой атаман Яков Барабаш с 200 запорожцев. В Белгород прибыл окольничий князь Семен Петрович Львов. Он принял меры предосторожности как в Белгороде, так и в других городах Белгородского полка относительно Крымских Татар, по вестям от гетмана Ивана Выговского. К концу года князь Ромодановский возвратился с полком в Белгород. Во время крупных военных действий в Малороссии, Татары не переставали делать набеги на Курский край. Так, в 1662 году они успели пробраться в Курский уезд, где был с ними ожесточенный бой Курских войск, окончившийся поражением Татар, успевших однако настолько пограбить уезд, что в 1663 году было запрещено с жителей его собирать хлебные запасы ради их разорения.

По окончании похода в Малороссию дворяне, дети боярские и другие служилые люди городов Белгородского полка подали челобитье Государю, в котором описали свой поход с князем Ромодановским и просили о даче им

[312] Внезапным, тайным нападением.

денежного жалованья за их скудостью, так как медные деньги «заклика-ны», а серебряных им не дано.

В 1663 году Поляки проникли в Путивльский и Рыльский уезды. Уездные люди Путивльского пригорода Каменного едва только свезли свои хлебные запасы в город под защиту крепости, как ратным людям пришлось биться с Поляками под самым городом. Прогнанный отсюда Польский отряд кинулся под Рыльск, где отступил только после упорно-го боя.

В виду обеспечения продовольствием ратных людей было запрещено, под страхом смертной казни, продавать в отвоз хлеб в Белгороде, Кур-ске, Севске и их уездах, тем более, что хлебные запасы в это время от-правлялись к Русским войскам в Киев.

5.

В виду важности, по случаю военного времени, охранения юго-западной границы Московского Государства, в 1665 году особенное внимание Правительства было обращено на Путивль и Путивльских ратных людей, а также на местности прилегающие к названной нами границе. Путивльским воеводою, окольничим Федором Васильевичем Бутурлиным были составлены росписи ратных людей и военных запасов в Путивле, Недрыгайлове, Сумах[313] и Каменном.

В Переяславле был произведен смотр дворянам и детям боярским и другим ратным людям Путивльцам и Черниговцам. В Путивль был при-слан стряпчий Иван Петрович Образцов «для береженья» Черниговцев и Путивльцев дворян и детей боярских, и из Путивля отпущены наряд, ратные люди и запасы с Киев, к окольничему князю Никите Яковлевичу Львову. В 1665-м же году были исправлены все «худые места» в крепо-стях *по черте*, по досмотру князя Львова, но некоторые крепости, устро-енные по *Кривому валу*, сгорели.

[313] Сумы и его уезд велено было отдать в ведомство Белгорода.

В 1667 году в Белгородский полк в первый раз были вызваны для службы калмыки чрез атамана Донских казаков Корнила Яковлева.

В Белгородский полк в это время был прислан стряпчий Дмитрий Киреевский, который передал *милостивое слово* Государя Алексея Михайловича ратным людям полка. В этом случае, по обычаю, были заявлены челобитья дворян, детей боярских и других воинов «об их нуждах у милостивого слова», то есть во время объявления милостивого слова полку. К Черкасам же всех городов Белгородского полка были посланы увещательные грамоты, чтобы они не соблазнялись «прелестными изменничьими письмами» и не передавались неприятелям.

Белгородский полк, под начальством князя Барятинского, совершил поход против изменников-черкас и снова получил присланное через стряпчего Ивана Румянцева Царское милостивое слово. По возвращении из похода дворяне и дети боярские и другие ратные люди были распущены в города и уезды Курского края. Возвратившийся также из Малороссийского похода Севский полк отпустил Путивльцев и Рылян в их города. В Севский полк были зачислены дворяне и дети боярские уроженцы городов Севского полка в том числе Рыльска и Путивля, служившие до того времени в Белгородском полку.

Поражения воровских черкас и Татар шли своим чередом. В 1668 году они наголову были разбиты под Севском, и Кромами, и в Рыльском уезде. Разбитых Черкас и Татар Русские полки преследовали до Мценска[314].

По удалении неприятелей значительное число дворов дворян и детей боярских в Путивльском уезде оказались разоренными и сожженными. Всем им была составлена перепись и отослана в Москву вместе с челобитьем о Царском жалованье.

Бунт Стеньки Разина вызвал некоторые особенные события в местностях Курско-Белгородского края. В 1670 году

[314] Белгородского стола столбец 629.

здесь появилось *«прелестное письмо»* от Разина «ко всей черни» *с призывом к восстанию*. Вследствие этого была объявлена в Белгороде, Курске, Рыльске, Путивле, Обояни, Хотмышске и других городах края Государева грамота всяким ратным и жилецким людям всякого чину по городам и по острогам *по черте* и в уезды по селам и по деревням с призывом «чинить промысел над воровскими казаками, не прельщаться никакими прелестями вора Стеньки Разина и *против него стоять и биться*». Другая грамота была прислана Московским Патриархом к всем духовным иноческого и мирского чина в города, монастыри и села Белгородского и Севского полков с призывом убеждать православных не приставать к Стеньке Разину. Воеводам было вменено в обязанность «обереганье украинных городов от воров», а в Белгород был прислан из Москвы стряпчий Клементий Иевлев для обсуждения мер для защиты украйны от нападения Стеньки Разина. В Белгородский полк были посланы служилые люди Московских чинов с Государевым милостивым словом. Белгородцы под начальством Скуратова были двинуты против воровских людей к Козлову и Тамбову.

Бунт воровских казаков, не смотря на отдаленность места, коснулся и территории Белгородско-Курского края. Так, под Коротояком воровские казаки, под начальством Фролки Разина, бились с военным отрядом из Белгородского полка; воровскими казаками были взяты Чугуев, Харьков, Змиев, Балыклея и Мурафа. Другой бой с воровскими казаками был между Старым Осколом и Землянском, здесь захваченные в плен изменники были немедленно казнены. Даже в Курске детям боярским во время бунта Разина было велено собраться в город в осаду. С воровскими казаками большой бой был на реке Донце, где у них были захвачены полковые знамена и припасы, пленники казнены, в числе их «вора Стеньки Разина названная мать, вдова Матрена, отсечена ей голова».

В некоторых городах Курского края были пойманы товарищи Разина и высланы в Москву[315].

В 1673 году был доставлен из Москвы в Путивль «большой галанский наряд Государева полка для предполагавшегося похода Государя Алексея Михайловича и для военных действий по соглашению с Польским королем против Крымского хана и Турецкого султана. Наряд этот был привезен водою по реке Оке до Орла, а оттуда на подводах и направлен в Путивль. Для Государева похода были посланы большое Государево знамя и икона Архангела Михаила. Но как известно, предположенный поход не состоялся. В том же году в Запороги было послано на Государеву службу 1000 человек из Белгородского полка с полковником Яганом Купером.

Что касается Татар, то с ними было несколько битв, при чем все забранные в плен Татары, по распоряжению из Москвы, были отосланы туда, а разрушенные Татарами крепости починены и исправлены[316]. Из Тулы, с железных заводов Петра Марселиса было отправлено 20 пищалей железных с ядрами в новопостроенные на территории Белгородского полка пять городов на Татарских сакмах и перелазах в 1671 и 1672 годах. Вот эти города: «под Палатовым лесом, да у старого Валковского земляного валу, да на Сенном Проворотье, да на Саайдачных просеках, да на Псле реке – *Мирополье*, которые городы были в разоренье в измену Ивашка Брюховецкого». В 1674 году из военных действий Белгородского полка обращает на себя внимание поражение, нанесенное Татарам в Белгородском уезде сыном окольничего стольником Григорием Скуратовым. В ноябре этого года был назначен поход вместе с гетманом Иваном Самойловичем против Татар в наказание за разорение ими летом местностей в разных уездах городов Белгородского полка; по этому поводу

[315] Белгородского стола столбец 688-й.

[316] Белгородского стола столбец 795-й.

состоялся сбор дворян и детей боярских и других ратных людей в полки для похода.

Князь Ромодановский с войском в это время из Белгорода пришел в Обоянь, а воеводою в Белгороде был назначен стольник Борис Ефимович Мышецкий. Отсюда в Москву был послан челобитчик от дворян и детей боярских Курчан об их нуждах, и их Москвы было получено Государево разрешение об отсрочке ратным людям Севского и Белгородского полков в судных делах до окончания похода. Из Обояни Ромодановский прибыл в город Чигирин, где им был взят город, а Черкасы и жители приведены к присяге. Хлебные запасы для войска князя Ромодановского были высланы из вотчин и поместий Севского, Рыльского, Кромского и Путивльского уездов и розданы служилым людям.

В Москву из войска Ромодановского приехали к Государю *с радостною вестью* о взятии нескольких Заднепровских городов в качестве сеунщиков Путивльцев дворянин Гаврило Вощинин и Белевец П. Киреевский[317].

6.

Вообще в царствование Алексея Михайловича так же, как и в царствование Михаила Федоровича, из Курского края весьма часто являлись в Москву к Государю с сеунчами дворяне и дети боярские, участники побед над врагами[318]. Так, например, в 1646 году к Рыльскому воеводе была прислана Государева грамота, в которой было сказано: «в нынешнем году Рылянин Тимофей Деменков, как приходили к Рыльску Крымские и Ногайские Татары и у Рылян с теми Татары был бой, и на том бою взял он – Демен-

[317] Белгородского стола столбец 771-й.

[318] Все эти сеунчи не перечисляются здесь, вследствие их многочисленности.

ков – в языцех татарина и тот татарин прислан к Москве и за ту[319] службу учинить ему поместного окладу 200 чети и 10 рублев»[320].

В 1654 году под 29-м июня в *Книге сеунчей* этого года было записано: «Писал к Государю боярин и воевода Василий Петрович Шереметев с товарищи: пришли они под Полоцк июня 17-го дня, и в Полоцке Литовских людей осадили и к городу со всеми ратными людьми бились целый день и полоцкие сидельцы[321] Польские и Литовские люди, езовиты, и шляхтичи, и мещане, видя над городом их промысл, Государю добили челом и город Полотеск сдали и учинились под Государевой высокой рукой, и они – боярин и воевода с всеми ратными людьми в город вошли того ж числа. А с сеунчем к Государю прислан стольник Иван Жданов сын Кондырев[322], и за службу и за сеунч ему учинено Государево жалованье придачею к прежнему его окладу поместному 150 чети и денежным к прежнему окладу 20 р., да ему же дано в приказе 20 руб. да 4 пары соболей, по 5 руб. пара».

5-го августа того же года в *Книге сеунчей* было записано: «боярин и воевода В.П. Шереметев с товарищем его, думным дворянином и ясельничим и воеводою Жданом Васильевичем Кондыревым[323] июля 30-го дня под Глубоким колодезем с ратными людьми Литовских людей побили и языки поимали, и знамена и барабаны и мушкеты взяли. А с сеунчем прислан к Государю стольник Семен Жданов сын Кондырев. И Государь его пожаловал за сеунч 100 чети поместного оклада, 15 рублев денежного, да в приказе ему дано 10 р. и 3 пары соболей по 5 р. пара».

---

[319] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола столбец 202-й.

[320] Очевидно, что взятый в плен татарин принадлежал к числу начальных татарских людей.

[321] Осажденные.

[322] Дворянин Курского края, Калужский воевода.

[323] Выборный дворянин Курского края.

Ноября 22-го боярин и воевода В.П. Шереметев с ратными людьми приступал к городу Витебску и взял приступом два острога, и Литовских людей побили, а достальные побежали в два другие города и, видя свое изнеможение, те Литовские люди Государю добили челом и эти два города сдали. А с сеунчем был прислан сын стольника Матвеев, которого Государь пожаловал, велел дать 200 чети к его поместному окладу, 40 рублев к денежному, да по его челобитью, вместо 40 соболей – 50 руб.

Частые известия о победах Белгородского полка, во время военных его действий в Малороссии в 1661 году, Государь Алексей Михайлович получал от воеводы Григория Григорьевича Ромодановского. Так, он уведомил о том, что когда полковник Чигиринский Богун перешел на другую сторону Днепра, в местечко Чигирин и послал от себя Татар и Черкас, то ратные люди Белгородского полка неприятелей выбили из посада, «многих побили и языков поимали, и люди твоего полка, Государь, остались в целости, никого из них не убили и в полон не взяли и шкоды никакие над городом и над посадом учинить не допустили. А было Татар и Черкас тысячи две и больше».

В другом донесении князь Ромодановский писал Государю о том, что «в ноябре 1661 года под город Кременчуг приходили Татары и Чигиринский полковник, ратных людей тысяч с десять и бились под городом, и мы от города их прочь отбили и изменников Черкас побили, а твои ратные люди и Черкасы все в целости, никого не убили и в полон не взяли».

Вообще донесения о военных успехах Белгородского полка во время похода в Малороссии от боярина и воеводы князя Ромодановского были часты и в это время Государь Алексей Михайлович прислал *три милостивых слова* князю Ромодановскому и его Белгородскому полку. Одно из них было прислано с стряпчим Степаном Андреевичем Лазаревым. В нем было сказано: «Божиею милостию и Пресвятые Богородицы помощию и Великого Государя счастием в

той посылке ратные люди в Кременчуге изменников Черкас многих побили, а иные отступили, а которые побежали – в Днепре потонули. И Государь окольничего и воеводу князя Григория Григорьевича Ромодановского с товарищи и ратными людьми пожаловал, велел послать к ним со своим милостивым словом и поехать в Черкасские города и говорить воеводе ратным людям: – вас Великий Государь пожаловал, велел вас спросить о здоровье, здоровы ли есте на его Государевой службе, и жалуючи вас за вашу Государеву службу, милостиво похваляет».

Посылка милостивых слов Государя, как мы упоминали выше, сопровождалась пожалованием наиболее отличившимся своею доблестью и заслугами ратным людям золотых разного достоинства, в полтора, один, два или несколько Угорских золотых. В числе удостоенных такой высокой награды мы находим служивших в Белгородском, Севском и других полках дворян и детей боярских Курского края. Так, в 1660 году в Киеве в полку воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского золотыми были награждены следующие дворяне и дети боярские Курского края.

Белгородцы:

Осип Маслов.
Иван Маслов.
Микифор Маслов.
Федор Свищов.
Василий Маслов.
Сергей Свищов.
Степан Маслов.
Василий Миловидов.
Микита Беседин.
Логвин Осипов.
Фатей Муратов.
Гаврило Ребинин.

Василий Сапунов.
Устин Золотарев.
Филип Кононов.
Афонасий Маслов.
Яков Аладьин.
Кондратий Неронов.
Василий Мещеряков.
Иван Бородин.
Родивон Беляев.
Кузьма Исаев.
Селиверст Минин.
Ефрем Волобуев.
Иван Попов.
Иван Обрютин.
Михаил Чубаров.
Степан Пищулин.
Федор Кистенев.
Иван Тарасов.
Ондрей Свищов.
Иван Колотев.
Микула Маслов.
Осип Гвоздев.
Нехорош Волобуев.
Матвей Левин.
Чивян Головин.
Тимофей Марков.
Игнат Плетенев.
Максим Овинеев.
Аким Резанов.
Кузма Путятин.
Исай Филатов.
Митрофан Озеров.
Семен Гостищев.
Платон Черного.
Петр Маслов..

Иван Маслов
Федор Маслов.
Мокей Маслов.
Петр Филатов.
Митрофан Мещерский.
Астафей Шеховцов.
Федор Панов.
Сава Козлитинов.
Терентий Баранов.
Автомон Маслов.
Илья Свищов.
Родивон Уланов.
Иван Русаков.
Тимофей Переславцев.
Степан Золотарев.
Савостьян Гостищев.
Алексей Маслов.
Ульян Мишнев.
Кузма Краснов.
Степан Кирилов Кузмин.
Афанасий Ястребов.
Пофом Беляев.
Тимофей Озеров.
Мокей Лапин.
Потап Петров.

Всем этим дворянам и детям боярским были выданы золотые, каждый в 1½ Угорских.

В 1660 году в 1-й день января по Государеву указу стольник Ляпунов раздал золотые в полку окольничего и воеводы Ондрея Васильевича Бутурлина, который удостоился получить золотой в 5 Угорских золотых.

Из Курского края получили золотые дворяне и дети боярские, которые были в сотнях[324].

[324] Разумеются сотни коннаго войска.

Служившие по Рыльску:

Новгородка-Северского:

Ондрей Матвеев сын Износков.

Совелий Богданов сын Полянской.

Федор Тимофеев сын Пушкарев.

Сидор Ондреев сын Износков.

Фрол Дементьев сын Костин.

Иван Тимофеев сын Пушкарев.

Гаврило Тимофеев сын Пушкарев.

Воин Фролов сын Костин.

Черниговцы (также служившие по Рыльску):

Григорий Тимофеев сын Самойлов.

Семен Дмитриев сын Коренин.

Елизар Петров сын Чудинов.

Рыляне:

Григорий Офонасьев сын Артаков.

Игнатей Денисьев сын Толмачев.

Иван Миленин сын Некипелов.

Тимофей Григорьев сын Висковатов.

Понкратей Иванов сын Некипелов.

Микита Иванов сын Дарин.

Ондрей Иванов сын Орлов.

Захар Иванов сын Артаков.

Иван Ильин сын Коптев.

Андрей Иванов сын Полянской.

Анисим Ондреев сын Подпрятов.

Елизар Яковлев сын Сасин.

Василей Онтонов сын Рухлин.

Игнатей Михеев сын Осмолов.

Ефтифей Васильев сын Дремов.

Василей Михайлов сын Понкеев.

Говоря о награждении дворян и детей боярских Курского края, упомянем еще тех из них, которые удостоились за свою доблесть и военные заслуги получить от Государя Алексея Михайловича золотые в декабре 1660 года, находясь в полку князя Григория Григорьевича Ромодановского. Сам он получил золотой в 5 золотых, товарищ его стольник Петр Скуратов получил золотой в полтретья золотых.

Белгородцы.

Епифан Иванов сын Толстой.
Нефед Клеменов сын Мезенцов.
Тимофей Петров сын Озеров.
Матвей Семенов сын Лапин.
Петр Родионов сын Петров.

Нового Оскола

Петр Кузьмин.
Григорий Ерофеев.
Кондратий Коробков.
Григорий Съедин.
Иван Щоголев.
Свирид Тулупов.
Иван Съедин.
Василий Москвитинов.
Иван Москвитинов.
Илья Лодыгин.
Данило Гнездилов.
Семен Чаплыгин.
Василий Труфанов.
Игнатей Ушкин.
Терентий Съедин.
Селиван Орлов.
Фома Орлов.

Курчанин.

Евмен Болычев.

Дано им всем Государева жалованья по золотому каждому человеку.

Перечисляя здесь имена дворян и детей боярских, удостоенных отличия жалованьем золотыми, мы, разумеется, не имеем в виду исчерпать всего числа полученных в разное время дворянами и детьми боярскими Курского края подобных Царских наград. Это является едва ли возможным, вследствие крайней обширности самого предмета, тем более, что многие из них получали золотые, служа в рейтарах, драгунах, копейщиках, а также начальными людьми – капитанами, поручиками и другими военными званиями в разных полках. Но нашей целью было отметить достижение дворянами и детьми боярскими Курского края столь дорогой и ценной для служилых людей Царской награды – *золотыми*.

7.

Как известно, стрельцы и казаки, служившие в городах и полках, далеко не всегда представляли надежный элемент по отношению к своей службе, вследствие чего они всегда находились под начальством дворян или детей боярских. Еще более можно было ожидать враждебных действий со стороны стрельцов и казаков в том случае, когда их заставляли нести службу против их желания. В этом отношении замечательно событие, которое случилось в Курске в июле 1648 года[325]. В это время Курским стрелецким и казачьим головою был Константин Теглев. Ему Царским указом было предписано: «тех Курских стрельцов и казаков, которые преж сего разбежались

[325] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола столбцы 1648 года.

и живут за монастыри и за попы и за дворы и за детьми боярскими в вотчинах и в поместьях во крестьянах, свесть в Курск в стрельцы и казаки по прежнему». Дело в том, что бежавшие из Курска от службы стрельцы и казаки самовольно записались в крестьяне и в качестве таковых пользовались теми удобствами жизни, каких не могли иметь в тревожной и тяжелой военно-походной или военно-осадной службе. Теглев принял против них принудительные меры и, разыскав некоторую часть бежавших из Курска стрельцов и казаков, возвратил их к исполнению прежних обязанностей. Они несли их, но в то же время глухо волновались и затевали бунт, который и разыгрался 5-го июля.

Интересные сведений о бунте части стрельцов и казаков мы находим в отписке в Разряд тогдашнего Курского воеводы Федора Лодыженского.

«Июля 5-го дня, – писал он, – пришли ко мне, холопу твоему, Государь, в съезжую избу человек с 50 и больше монастырских крестьян, и те мужики[326] учали кричать и к съезжей избе приступали многое время, и я, видя то, что от них нельзя избавиться, а оборониться не с кем, велел бить в колокол для того, чтобы сошлись всякие люди и пришли ко мне в съезжую избу, чтобы не дать убить головы Константина Теглева, но мужики старые не пошли[327]. Я холоп твой, Государь, заперся в съезжей избе с протопопом, попами и осадным головою, с подьячими, и говорил им сказать, чтобы мужики голову Теглева не

[326] Мужиками и крестьянами воевода называет напавших на съезжую избу бунтовщиков потому, что хотя они и означались в списках стрельцов и казаков, но проживши более или менее значительное время в крестьянском быту, обмужичились. Теглев еще не успел образовать из них тех бравых воинов, которыми должны были быть стрельцы и казаки, постоянно занятые военной службой.

[327] Очевидно они были настроены против Теглева, сочувствуя явным бунтовщикам.

убили, но они не послушали, дважды ломали дверь в избу, вытащили Теглева и убили, а я убежал в Воскресенскую Соборную церковь, а мужики разграбили все животы Теглева. А унять мне мужиков было не с кем: дети боярские разъехались на сенокос, и мужики приходили ко мне холопу твоему, Государь, июля в 6-й день на дворишка мой и грозили мне смертию».

Но 7-го июля в Курск, бросив свои хозяйственные дела, явились дети боярские, и в городе, посаде и слободах наступило полное спокойствие. Дети боярские немедленно заняли караулы на башнях, воротах и стенах города, и зачинщики бунта воеводою были схвачены и посажены в тюрьму.

Когда донесение Федора Лодыженского было получено в Москве, то Правительство очень серьезно взглянуло на небывалое дотоле в Курске событие, и в Курск немедленно был послан стольник Василий Васильевич Бутурлин и с ним отряд в полтораста человек Московских стрельцов. В данном ему из Разряда наказе было, между прочим, сказано: «Ехать ему Бутурлину в Курск и послать с ним с Москвы Московской сотни стрельцов с сотником Яковом Кувязевым и другим сотником и Московских стрельцов 150 человек, и в станех и на дороге им не останавливаться и по списку их ему смотрити по-часту, чтобы стрельцы были с ними (то есть, с Бутурлиным и Кувязевым) в посылке сполна и берег бы стрельцов на-крепко, ехати вместе, чтоб они на дороге никого не били и не грабили и корму безденежно не имали. Приехав в Курск сотников и стрельцов поставити в посаде, во дворех». Бунтовщиков В.В. Бутурлину велено было спросить: «по чьему умышлению они скопом, заговором и гилем приходили к приказной избе и у приказной избы двери выбили и из избы взяли насильством голову Теглева и убили его до смерти и животы его пограбили и воеводе Федору Лодыженскому смертным убойством грозили?»

Пока происходили следствие и суд, Курские дворяне и

дети боярские сочли своим долгом отозваться на печальное событие случившегося бунта и просить о высылке из Курска опасных для его спокойствия стрельцов. Особенное внимание они обратили на то обстоятельство, чтобы соответственным образом засвидетельствовать пред Государем Алексеем Михайловичем свои чувства и непоколебимую преданность Престолу и Отечеству. Эти чувства были выражены в челобитной Курских дворян и детей боярских, посланной Государю.

После описания в ней происшедшего бунта стрельцов, дворяне и дети боярские говорят следующее: «Мы холопи твои, Государь, в это время были разосланы на твою Государеву службу, на Олешню[328], на городное на Хотмышское дело, для Литовского похода и по вестем и по сторóжам, а достальные мы, холопи твои, Государь, отпущены были воеводою для нашей бедности по деревнишкам для сенокоса, а стрельцы и казаки, и пушкари были отпущены на покос же, а на караулах по воротам стояли новописные стрельцы, из крестьян Курского девичья монастыря и те заговорщики убили Теглева Константина. И ныне нам, холопям твоим, Государь, воевода Федор Лодыженской велел жить всем в городе, бояся от них[329] убийства, а тех заводчиков[330], пожалуй нас, милосердный Государь, вели из Курска вывести, чтобы нам от их воровства в конец не погинуть, а мы, холопи твои, дворяне и дети боярские и все служилые люди в их воровской завод не приставали, *служили тебе, Государю, как отцу своему*, Великому Государю, Царю и Великому Князю всеа Русии Самодержцу, на чем тебе, Государю, крест целовали. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй!»

После этого отец убитого стрелецкого и казацкого

---

[328] Олешня – город, в котором Курчане дети боярские несли в то время военную службу. Он находился южнее Путивля, в пределах нынешней Харьковской губернии.

[329] То есть, новописных стрельцов.

[330] Зачинщиков мятежа.

головы Небогатый[331] Теглев и брат убитого Андрей Теглев подали Царю челобитье о сыске про убийство, розыск разграбленных животов Константина Теглева и роспись его имущества.

Заводчики из стрельцов и казаков после наказания были сосланы на службу в Валки. Но, конечно, всех причастных к бунту стрельцов и казаков вывести из Курска, при значительности их числа, было трудно. Это между прочим доказывается тем фактом, что уже через два года после убийства Курские казаки, сосланные в Валки и служившие там, представили Курскому воеводе «роспись убойцев и заводчиков» убийства Теглева, которые, как они писали, живут «в Курску по прежнему».

8.

В половине XVII столетия ратные люди из дворян и детей боярских в Курске отличались своею численностью. Известный исследователь военно-служилого сословия в древней России Сторожев указывает, что, например, в 1642 году наличный состав военной дворянской силы по Курску равнялся 1130 человек[332]. При этом надо иметь в виду, что дворянское войско было лучше других вооружено и действовало вполне последовательно и сознательно, представляя собою самый развитой и просвещенный слой тогдашнего общества. Кроме того, в то время Курская крепость, где сосредоточивалось высшее военное управление и кадр дворянского войска, была хорошо укреплена. В целях охраны границ от неприятелей Белгородские и Карповские дворяне и дети боярские и другие ратные люди обоих воеводство выполнили в самом начале царствования Алексея

[331] Личное имя Теглева.

[332] Киевская Старина, 1886 г.

Михайловича громадную по тому времени сверх-обычную работу: провели от Белгорода до Карпова земляной вал. Этот труд обратил на себя внимание Государя и в 1647 году Государь Алексей Михайлович повелел постельничему Михаилу Александровичу Ртищеву ехать в Белгород к боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому и передать ему с его товарищами: Дмитрием Петровичем Шереметевым и Ондреем Плещеевым, а также дворянам и детям боярским и всем ратным людям за их усердие в работе по устройству вала и других укреплений в Белгородской черте Государево милостивое слово. Боярин Ртищев получил из Разряда наказ относительно передачи Государева милостивого слова, и в этом наказе было сказано: «приехав в Белгород, идти в съезжую избу, а придя туда, говорить речь, а молвити: Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малые и Белые Русии Самодержец велел тебя и товарищей твоих о здоровье спросити: – здоровы ли есте на его Государевой службе?

А после говорити: писали вы есте, что по нашему Царскому указу на Муравской сакме для береженья от татарского приходу ты, боярин Никита Иванович *собою* сделал земляного валу 50 сажен, а ты, окольничий и воевода Дмитрий Петрович, сделал валу *собою* 15 сажен, а дьяк Алексей Дуров сделал *собою* валу 5 сажен, стольники, стряпчие и дворяне Московские, и жильцы и дворяне и дети боярские из городов, и головы и сотники и все служилые люди, которые с вами в полку были, того же всего сделали на Муравской сакме от Белгорода до Карпова сторожевья от 1 июля 154 году до сентября по 15-е число и нынешнего году на 8 верстах на 514 саженях[333], по потому валу сделали 13 городков, 14 выводов[334], а вал в подошве 3 саж.,

[333] Верста, служившая для измерения вала, была равна 700 сажням.

[334] Т. е. просветов, для выхода и выезда из пределов вала.

в вышину 1½ саж., ров от валу 1½ саж., в ширину 1½ саж., а на Болховом колодезе сделали земляной жилой город и 7 башен дубовых с воротами и глухих, а по мере тот город с башнями 562 саж. И мы тебя с товарищи и со всеми ратными людьми милостиво похваляем».

Несмотря, однако, на устройство вала, имевшего назначение защищать этот край от нападения неприятелей с юго-востока, жизнь в селениях была небезопасной.

Об этом говорит нам отписка Белгородского воеводы Бутурлина, посланная в Разрядный приказ 25-го февраля 1648 г. Эта отписка была вызвана Царской грамотой, в которой сообщалось, что недалеко от Валуйки стоит разменный князь Сулешов с немалыми людьми и от того разменного князя приходили Татаровя, взяли в полон 14 человек, и потом похищали сено и дрова, и повелевалось Белгородскому воеводе жить с великим береженьем и от татарской войны оберегатися… Велено было Государевой грамотой из Белгорода летнею порою на сенокос, жнитву и в леса, также по зиме по сено и дрова отпускать «собрався многими людьми», а кроме того для береженья отпускать голов с сотнями, чтоб тех людей от татарского прихода уберечь.

9.

Наш очерк службы дворян и детей боярских Курско-Белгородского края был бы не полон, если бы мы не упомянули о службе их для охраны монастырей, где им нередко приходилось сражаться с врагами, отражая их нападения на мирные обители. Прежде всего скажем о монастыре *Дивногорском,* который находится в Воронежском крае, в семи верстах от Коротояка немного ниже впадения в Дон реки Тихой Сосны, вытекающей из Курского края. Монастырь расположен на холмах, где возвышается много меловых столбов с тупыми и острыми верхушками. Эти столбы, иные стоя одиноко, другие соединяясь по три и

по пяти, придают чудный вид и дивную красоту всей местности, изредка покрытой кустарниками и деревьями. Народ называет эти столбы *дивами*. Над самым монастырем, приютившимся в ущелье между двух гор, стоят три таких столба, из которых в одном некогда была колокольня, а в другом находится небольшая церковь во имя Св. Иоанна Предтечи.

Охраняя и монастырь, как рассадник культуры, и восточную окраину Государства, Государь Алексей Михайлович повелел на *Дивиих горах* построить острог и назначить в нем военную стражу. Построение его выпало на долю детей боярских Корочанского края. В 1652 году из Корочи отправилось 80 человек детей боярских, с ними стрельцы, казаки, черкасы, выехали они на телегах с топорами, заступами и кирками. Городским и уездным торговым людям позволено было ездить на Дивные горы и там беспошлинно продавать съестные припасы и всякие другие товары.

В истории военно-служилого населения Белгородско-Курского края в XVII столетии видное место также занимал *Святогорский монастырь*, находящийся на Донце, южнее впадения в него реки Оскола и, следовательно, в довольно далеком (более 300 верст) расстоянии от одного из крайних городов Белгородской черты – Белгорода. Несмотря на такое расстояние, на нахождение свое в пустынном степном месте, среди кочевников, Святогорский монастырь имел тесную связь с Белгородско-Курским краем и играл большую роль в деле военно-боевой службы служилого сословия нашего края. Об этом замечательном монастыре мы находим подробные сведения в «Историко-статистическом описании Харьковской епархии» Арх. Филарета, пользуясь которыми, скажем об отношении Святогорского монастыря к служилому сословию Белгородско-Курской области.

Монастырь существовал уже в царствование Михаила Федоровича. Государь своею жалованною грамотою предоставил право инокам получать хлебное вспомоществование в

Белгороде. Монастырь был укреплен. В 1672 году Чугуевскому воеводе предписано было выдать игумену Святогорского монастыря Корнилию «для береженья от прихода неприятельских людей полпуда пороху и 9½ фунтов свинцу». Но что было важнее всего, в царствование Государей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича – монастырь был охраняем, под наблюдением Белгородских властей, военно-служилыми людьми. Конные стражи – дворяне и дети боярские и казаки Белгородские участвовали в этой охране, чередуясь с Чугуевскими и Валуйскими сменами, хлебные же запасы Святогорскому монастырю было очень удобно получать на судах по реке Донцу. О посылках Белгородских станичников в Святые Горы мы находим данные в столбцах Белгородского стола. Так, в 1644 году служилые люди были высланы из Белгорода на охрану монастыря, и по челобитью строителя Игнатия был выслан наряд, очевидно, для отражения кочевников, которые особенно боялись «огненного орудийного боя». В 1648 году в монастырь были пожалованы колокола и богослужебные книги[335], в 1659 году состоялась дача игумену Паисию с братией «денежной и хлебной руги», церковного вина и тому подобное.

Военные отряды Белгородского края, охраняя Святогорский монастырь, исполняли важное поручение Правительства, именно: принимали ушедших из татарского или ногайского плена Русских людей, имели обязанность расспрашивать их о вестях и отправлять в города степной украйны, главным образом в Белгородско-Курский край. В Святогорском монастыре находили себе временный приют те дворяне, дети боярские и другие ратные люди, которым удавалось уйти из плена, как это мы видим из примера Белгородских детей боярских Сапелина и Жилина и других. В монастырь поступали раненые, туда направлялись военно-служилые люди для того, чтобы помолиться Богу, исповедаться и приобщиться Св. Таин Христовых, так

[335] Белгородского стола столбцы № 181-й, 342-й, 288-й, 481-й.

как они в своих станичных разъездах всегда были на волосок от смерти. Настоятели Святогорского монастыря извещали воевод Валуйского, Белгородского и других о движении Татар. Так, в 1652 году игумен Игнатий переслал Валуйскому воеводе письменное известие, в котором было изложено, что в верховьях рек Тора и Торца стоят два мурзы с 15,000 Татар и намерены идти на Изюмский перевоз. Хотя Святогорский монастырь подвергался нападениям, но редко. Так, в 1679 году Татары разграбили и разорили его.

Во всяком случае Святогорский монастырь был в полной опасностей степи тем приютом и местом спасения, куда военно-боевая жизнь много раз приводила служилых людей Белгородско-Курского края, если им удавалось вырваться из плена, а также их жен или подростков детей, которые при представлявшейся возможности ускользали от надзора татар-мучителей и спасались в монастырское убежище.

Глава XVII Землевладение дворян и детей боярских в царствование Алексея Михайловича

Важнейшие законы о вотчинном и поместном землевладении. – Пожалование земель детям боярским украинных городов. – Распределение поместных окладов. – Прибавки земли из «диких поль». – Отношение *Уложения* Царя Алексея Михайловича к дворянскому землевладению. – Придача к земельному окладу дворян и детей боярских, бывших выборными на Земском Соборе 1648 года. – Пожалование поместий в вотчину. – Положение сведенцов, поселившихся в новоустроенных городах. – Заселение юго-восточной части Курского края. – Верстание поместными окладами новиков. – Наделение землями выходцев из Малороссии. – Порядок отвода земель.

1.

Почти все указы Государя Михаила Федоровича относительно дворянских вотчин и поместий сохранили свою силу и в следующее царствование Алексея Михайловича и вошли с небольшими изменениями в *Уложение* 1649 года. Из указов времени этого Государя важнейшими были следующие.

В 1646 году, августа 15-го последовал указ Государя Алексея Михайловича об условиях родового выкупа *улучшенных* вотчин, без обесценения их. Для Курского края, в особенности для Путивльского и Рыльского уездов, этот

указ имел то важное значение, что уже в XVII веке по условиям климата и почвы было можно вести сельское хозяйство помещикам только при улучшении естественных свойств имения на степных полосах.

Другой указ, изданный 12-го апреля 1648 года, относится к землевладению дворян и детей боярских Курско-Белгородского края. Он говорит о даче людям украинных городов поместий из *диких поль* в наддачу. «Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Русии указал: украинных городов детем боярским, которые бьют челом Государю в поместье на порозжие земли, на *дикое поле*, давать из порозжих земель и диких поль».

Из указа Алексея Михайловича 1648 года мы видим, что основные поместные оклады детей боярских были распределены следующим образом:

Старшие оклады: 400 и 300 четвертей.

Средние оклады: 250, 200 и 150 четвертей.

Низшие оклады: 100 и 70 четвертей.

Назначение поместных окладов украинным детям боярским (следовательно, городов Курского края) интересно сравнить с назначением таких же в других местностях Московского Государства.

В этом отношении руководством может служить указ Алексея Михайловича 15-го августа 1645 года о поместном окладе Ростовцев. Из этого сравнения оказывается следующее:

	Курский край	Ростовский край
1-й статьи:	400	350
2-й статьи:	300	300
3-й статьи:	250	250
4-й статьи:	200	200
5-й статьи:	150	150
6-й статьи:	100	–
7-й статьи:	70	–

Из этой таблички видно, что в Курском крае было большое число статей поместных окладов, чем в Ростовском, а также, что высшая статья Курского оклада была выше Ростовской, а низшие статьи 100 и 70 четвертей в Ростовском крае совсем отсутствовали.

Уложение Государя Алексея Михайловича с небольшими изменениями заимствовало этот указ о наделении землей детей боярских нашего края. Первые и последние два параграфа остались без перемены в *Уложении*, по третьему – 250 четвертей – последовала прибавка в 10 четвертей (50 вместо 40). Кроме того, был введен шестой пункт, назначавший указную статью по 40 четвертям к поместным окладам, в 200 и 150 четвертей. В конце царствования Алексея Михайловича все другие местности России были уравнены с украинными городами и было велено назначить указные статьи из *диких поль* к поместным окладам *всех* служилых людей всех областей России.

2.

В связи с предшествующим указом Государя Алексея Михайловича находится указ его 18 ноября 1648 года о дозволении людям Северских и Польских, то есть, степных городов давать грамоты на поместья и дикие поля, без посылки отказных книг в Москву, если нет спора. Этот указ бы вызван следующим обстоятельством. Служилые люди – дворяне и дети боярские украинных и польских городов *Путивльцы*, *Рыляне*, *Курчане*, *Белгородцы*, Ельчане, *Осколяне*, Ливенцы, Воронежцы, Кромчане, Орляне, Новосильцы, Черняне, били челом о том, чтобы «Государь пожаловал, велел из Поместного приказу свои Государевы грамоты отпущать на поместные и порозжия земли и на дикия поля, будет (буде) спору не будет, и те земли отделять и отказные книги присылать к Государю к Москве в Поместный приказ, вместе с обысками, *безволокитно*».

Из других указов Царя Алексея Михайловича, относящихся к дворянскому земельному владению, отметим указ 1648 года июля 7 дня о необходимости справки прожиточного поместья за женихом до женитьбы. В 1649 году последовал Царский указ о придаче дворянам и детям боярским, бывшим в Москве по выбору на Земском Соборе 1648 года, к их поместным и денежным окладам. Именно каждому из выборных на Соборе было прибавлено к поместному окладу по 100 четвертей (четей) и денежному – по 5 рублей. Так как на Земском Соборе 1648-1649 года присутствовали выборные из дворян и детей боярских городов Курского края, то этот указ имел значение для уполномоченных на Соборе, получивших столь щедрое вознаграждение.

В *Уложении* Царя Алексея Михайловича были собраны и изложены все законоположения, касающиеся дворянского землевладения. В них мы находим вышедшие до *Уложения* Царские указы, которые нами приведены выше. Вообще же *Уложение* не внесло в права владения и наследования каких-либо особенных или резко отличавшихся от прежних законоположений.

В 1650 году последовал указ Алексея Михайловича, относящийся к Курскому дворянскому сословию о *неотнятии* до Государева указа у дворян и детей боярских, сведенных в новые города, старых их поместий, а в 1651-м – о праве их или тех, которые сами соли в новые города, поступиться своими поместьями.

Рассмотрим значение этих указов.

В 1650 году «Рылени, дети боярские, Богдан да Иван Поповкины били челом Государю о поместье». Но челобитчики, имевшие в виду получить поместья сведенцов в новые города, не были удовлетворены, им было отказано, потому что «Государь указал и бояре приговорили, которые сведены из городов в новые городы, и тех поместий до Государеву указу не отдавать»[336].

[336] Полное собрание законов, том И, № 26-й.

Это постановление относительно частного случая вызвало за собой общий указ, имевший большое значение для Курско-Белгородского края, так как в нем и южнее его устраивались новые города и заселялись сведенцами, главным образом детьми боярскими, из других городов, в особенности из городов Курско-Белгородского края. Вследствие этого установление правил на счет переселения из старых городов было для нашего края очень важно. Бояре приговорили: «которые *Курчени* и Орляне и иных разных украйных городов дети боярские сведены, и которые *сами сошли в новые городы* и впредь учнут сходить, а поместные их земли в тех старых городех будет сыщутся в порозжих землях никому не отданы, и те их поместные порозжия *покинутые земли* отдавать впредь челобитчикам тех же городов *дворяном и детем боярским беспоместным,* которых городов те покинутые порозжие земли, буде (если) те прежние помещики сведенцы и которые сами сошли в новых городех испомещены и землями устроены».

На основании *Уложения* Алексея Михайловича, как то было и прежде, получение дворянами и детьми боярскими поместий зависело от их службы. Каждый из них должен был сам найти себе поместье и узнав, что оно не принадлежит никому, бить челом Государю о том, чтобы это поместье было справлено за ним. Отсюда в подобных случаях употреблялась формула: *где кто приищет*. Приискание себе поместий служилыми людьми обыкновенно поощрялось Правительством. Правилом, изложенным и в *Уложении*, было: отдавать те земли челобитчикам, кто какие земли найдет для себя удобными и желательными.

Кроме того, в царствование Алексея Михайловича поместья в целом составе или в известной части жаловались в вотчину. Приведем здесь несколько случаев такого пожалования, касающихся предков Курских дворян.

Сидор Иванович Маслов в 1623 году был пожалован Царем Михаилом Федоровичем поместьем в Белгородском уезде 400 четвертей, а по жалованной грамоте 1665 года

от Царя Алексея Михайловича, это поместье перешло в вотчину сыновьям его Василию, Андрею и Григорию Масловым.

Дмитрию Ивановичу Кусакову «за многую его службу, промыслы и храбрость пожалована в роды и роды с поместного его окладу с 450 четей со 100 по 20, итого 90 четей из его поместья, состоящего в Рыльском уезде, вотчина».

Иван Сергеевич Озеров, по жалованной грамоте Царя Алексея Михайловича получил в Белгородском уезде вотчину в потомственное владение. В жалованной грамоте на это поместье было сказано: «Похваляя его службу, промыслы и храбрость с поместного его оклада с 870 четей со 100 по 20, из его поместья в вотчину в разных урочищах в род его неподвижно».

Прокофий Юрьевич Артюхов, по грамоте Алексея Михайловича «за многую службу, промыслы и храбрость был пожалован в роды и роды с поместного его оклада с 700 четвертей, со 100 по 20, итого 140 четвертей, в вотчину».

Курчанин *Аким Михайлович Анненков* в 1668 году получил грамоту от Царя Алексея Михайловича, в которой сказано: «похваляем его великую службу, промыслы и храбрость и жалуем в роды и роды из поместного его окладу 730 четей со 100 по 20, итого 140 четей из его поместья в вотчину в Курском уезде».

Тимофей Берлизев по грамоте Царя Алексея Михайловича 1664 года получил поместье в вотчину. Григорий Митрофанович Старов по жалованной грамоте Алексея Михайловича 1671 года получил свое поместье в вотчину. Осип Петрович Левшин в 1672 году Царем Алексеем Михайловичем был пожалован «за многую службу», оказанную в войну с Короной Польской и княжеством Литовским, и за взятие многих городов из поместного его окладу с 650 четей со 100 по 20, итого 130 четей из его поместья в Рыльском уезде в разных урочищах, в вотчину[337]. Также были пожалованы землями в вотчину другие Курские помещики.

[337] Архив Курского Дворянского Собрания, протоколы Депутатского Собрания.

В 1651 году был издан Царский указ о верстаньи детей боярских и недорослей. Было назначено каждому: первой статьи отеческим детям самым лучшим 350 четей, денег с городом 12 рублей, второй статьи – 300 четей и 10 руб. денег, третьей статьи – 250 четей и 9 руб. денег и четвертой статьи – 200 четей земли и 7 руб. денег с городом. В украинных городах новики четвертой статьи верстались меньшими окладами, чем в северных, кроме того в украинных городах, в том числе в Курском крае, была еще пятая статья с еще меньшим окладом. Выбираемые всем городом окладчики под присягой показывали чиновнику, присланному для верстанья, кто именно должен быть отнесен в ту или иную статью. «Окладчиком у верстанья сказать именно, чтоб верстали тех, у которых отцы были в детех боярских и служили с городом, а верстати новиков ниже окладов отцов и большие их братьи». По указу 1651 года в северных городах дети боярские по первой статье получали в оклад 350 четвертей, в Курсе же, Белгороде, Осколе и других только по 200 четвертей. За древними же городами Курского края – Рыльском и Путивлем – остался прежний более крупный оклад – 300 четей.

Дети боярские должны были справить за собою отцовское поместье, в случае смерти отца, и поспешить челобитьем об этом, чтобы это поместье не было отобрано. Но по *Уложению* Алексея Михайловича отобрание поместья у сына было отменено, а только взыскивали с опоздавших справкою поместья двойные пошлины.

Что касается обработки земли, то служилым людям в XVII веке приходилось трудиться самим, так как крестьян у них почти не было.

В случаях перевода детей боярских на службу в новопостроенные города для них сельскохозяйственная деятельность была возможна потому, что помимо испомещения

их на новых местах, они – сведенцы – удерживали за собою право на старые свои поместья.

3.

В 1647 году, равно как и в последующее время, Московское Правительство принимало деятельные меры к заселению юго-востока Курского края, преимущественно служилыми ратными людьми, дворянами и детьми боярскими, и отводило им поместья и разные земельные угодья, посредством чего дворянское землевладение возрастало, увеличивалось и укреплялось в тех местностях, где недавно еще было *Дикое поле*. В указанном году присланными из Москвы стольником Дмитрием Мешковым-Плещеевым и дьяком Иваном Кобыльским были сделаны досмотр и опись татарских перелазов по реке Северскому Донцу. Из-за этих перелазов трудно было устроить помещичье и крестьянское землевладение с сельским хозяйством и его обзаведениями, вследствие возможности для Татар беспрерывно угрожать поместьям, пользуясь многочисленными перелазами. В то же время Царским указом было велено отмежевать уезды Болхового и Карпова городов от Белгородского и Хотмышского и *устроить землями дворян, детей боярских и других ратных людей*. В Яблонове были поверстаны поместным окладом новики дети боярские, а служилые люди поверстаны денежными окладами. Некоторых из детей боярских и казаков хотели было перевести в Белый Колодезь, но оставили на месте прежней службы, так как они знали «степную службу». В том же году был произведен смотр Карповским детям боярским, сведенцам и всяким служилым людям. В 1617 же году по грамоте Алексея Михайловича[338] было приказано раздавать Путивльцам

[338] Столбец 224-й Белгородского стола.

поместья в Каменном городище (пригород Путивля) и близ него. Одной из главных причин этой раздачи земель было запустение Каменного городища. Путивльский воевода князь Юрий Алексеевич Долгоруков, по осмотре Каменного городища, донес в Разряд о том, что «в нем городового и острожного строения никакого нет, только и строенья от того городища с версту *слобода пуста*, а в той слободе 68 дворов пустых, только один жилец, литовский человек Алешка Пивовар с женою и детьми»[339].

Раздача земель детям боярским и другим служилым людям оживила край. Сведенные на вечное житье в окрестностях Каменного городища и Литовские выходцы, написанные в дети боярские, ходатайствовали о перенесении на Каменное городище города. Это ходатайство было уважено и вскоре здесь был устроен острог, из Бобрика были переведены служилые люди и устроены землями и дворами.

Кроме местностей около Каменного городища, и Путивльцам и Рылянам, переведенным в новые города, были оставлены их прежние поместные дачи. Кроме того, дворяне и дети боярские Новгородка-Северского и Рыляне, переведенные из Рыльска на житье в Недрыгайлов, Каменное и Бобрик, получили денежное жалованье. Жившие же в этих городах Литовские люди были предназначены к высылке за рубеж, но все они подали челобитье об оставлении их в России на том основании, что в этом случае «литовские паны и урядники (начальники, правители) учнут их всякими смертными казнями казнить, а жен и детей их поработят в тяжкие работы за Государево крестное целование». По этой челобитной Литовские люди были высланы в город Коротояк Воронежского края.

В 1650 году часть Рыльских детей боярских переведена была на жительство в Недрыгайловский округ. Жившие здесь Путивльские дети боярские подали челобитье о написании их в списках *выше Черниговцев*, основываясь на своей

[339] Белгородского стола столбец 262-й.

более древней службе, ведомой Государю. Подобная просьба, как это видно из документов и бумаг Белгородского стола, является очень редкою, почти исключительной в жизни Дворянства Курского края в XVII веке. В Белгородском уезде в 1649 году продолжалось наделение землями служилых людей. Новики дети боярские были поверстаны землею из *диких полей* и сделана им придача к селитебным деньгам; из каждой семьи по два человека сыновей детей боярских были поверстаны в службу. В Яблонов схожие из разных городов неверстанные дети боярские были устроены землями по реке Пене, берега которой представляли степь (дикое поле). Кроме того, часть детей боярских, живших в поселках (хуторах) по реке Пслу, была переселена в Обоянские слободы, где, таким образом, основался дворянский элемент. В то же время Обоянские земли были отмежеваны от Курских, Хотмышских, Путивльских и Волновских. Это межевание было вызвано челобитьем Обоянских детей боярских о присвоении их угодий жителями соседних уездов. Такое же большое межевание было земель Царево-Алексеевских, Оскольских, Яблоновских, Верхососенских, Усердских и Ольшанских. По челобитью Яблоновских детей боярских, им были высланы из Москвы деньги на церковное строение, доставлены церковные книги, иконы, свечи, вино и ладан.

В том же году происходило большое наделение землями в Хотмышском уезде. Хотмышские дети боярские были поверстаны поместными и денежными окладами, причем они просили о записи их *в старые десятни*. С другой стороны довершено было устройство новопоселенных детей боярских поместными землями и выдача им денежного жалованья на дворовую селитьбу (на устройство в поместьях усадеб). Таким образом и в Хотмышском крае все более и более устанавливалось дворянское землевладение, вносившее в него культурные начала быта.

В 1650-м же году в городе Цареве-Алексееве состоялось поселение служилых людей из разных городов,

выдача им денег на селитьбу, на *конский и ружейный заводы*, испомещение их в Царево-Алексеевском уезде, где прежде пролегали пустынные, никем не занятые пространства. Московское Правительство так заботилось о заселении края служилым сословием, что усадебные места детей боярских, построившихся на спорных землях, оставило в их владении до «больших писцов». На «упалые места» были приверстаны в службу сыновья умерших дворян и детей боярских. Наконец, воеводе Царева-Алексеева Афонасию Семеновичу Отяеву была прислана похвальная грамота Государева за устройство города и наказ о его береженьи.

Вообще в это время мы часть встречаемся с челобитьями помещиков о размежевании земель, в особенности в царствование Алексея Михайловича, например, в 1648 году Карповские помещики просили о размежевании их с Хотмышским и другими уездами, с которыми соприкасались их земли. О верстании в дети боярские просили иногда крестьяне. Так, в Корочанском уезде в 1667 году крестьяне Посопной волости села Городища и деревни Тюриной Сергей Шиповский с товарищами просил о написании их в городовую службу, в дети боярские и поверстании поместными окладами. Подобные просьбы иногда удовлетворялись в виду малочисленности в том или ином месте служилых людей. Эта малочисленность была тем более заметна, что как мы не раз имели случаи видеть, на дворян и детей боярских возлагались разнообразные и многочисленные служебные поручения. Например, за поселением и разверстанием сведенцов в той или иной местности поручалось следить дворянам и детям боярским, и в актах XVII столетия находим сведения, что их для указанного дела иногда не доставало.

В царствование Алексея Михайловича началось поселение и наделение землями выходцев из Малороссии и других мест из старшины и других высших классов общества. Так, в 1655 году была, по Государеву указу, произведена

дача земли и всяких угодий Черкасского города Ставиша атаману Герасиму Кондратьеву с 500 товарищами, которые построились на Бердитцком городище, на реке Псле.

4.

Известный порядок наблюдался при отводе земли детям боярским. Так, в 1656 году по Государеву указу и «по наказной памяти воеводы Ивана Романовича Сатина Нового Оскола сын боярской Петр Григорьевич ездил в Морквину деревню на починок Ивана Бородина с товарищи, взяв со собою тутошних помещиков Должонкова, Чюдакина, Бородина, да *при тех помещиках* отмерил в поляне на порозжей земле нововерстанным детям боярским Федору Осафову сыну Некрасову, Емельяну да Онтону Левонтьевым усад (усадеб) старых помещиков и под огороды и под гумна места в ряд с прежними помещики двор по шти десять (шестидесяти) сажен, поперечнику по 20 сажен человеку, да им же отказал на пашню земли и с примерной земли Ивана Бородина с товарищи, которую землю вымерил у них писец Микита Мосолов против прежних помещиков по 12 чети человеку в поли, а в дву потому ж, а сенные покосы отказал возле реки Оскола от межи и от грани детей боярских Чернянских веденцов верх по Осколу по полянам до Бобрычевые полянки и до межи Гнилова Орлика детей боярских Петра Окулова с товарищи, и тем детем боярским Федору Некрасову, Емельяну да Онтону Должонкову в Морквиной поляне дворовыми, огородными и гуменными месты, и землею и сенными покосы и всякими угоди владеть через межу с прежними помещики с Иваном Бородиным с товарищи, потому что у них те их поместные дачи от примерной земли писца Микиты Мосалова не отмежеваны».

В этом наделении землею нововерстанных детей боярских – троих человек, главную роль сыграла помещикова

примерная земля, которая была взята у прежних владельцев как излишняя и передана новым.

Отказчики земель указывали и ставили известные грани отведенным землям. Но эти грани с течением времени утрачивались. Поэтому в задачу отказчиков входило и восстановление граней. Тот же сын боярский Петр Григорьев в 1657 году, будучи уже подьячим съезжей избы Нового Оскола, ездил за вал, против Жестового городка[340] в Крымскую сторону реки Оскола «досмотреть напорченных граней и в которых местах грани ставлены редко, ставить вновь иные грани часто, а в попорченных местах поставить вновь иные грани, а про то дикое поле сыскать писцовыми книгами». Грани эти, между прочим, были насечены на так называемых *гранных дубах*.

После отставки от службы детей боярских получали землю сыновья их. Об этом факте читаем в грамоте следующее: «по Государеву указу 1657 года по челобитной сына боярского Мосея Должонкова, отказчик Терентей Гринев ездил в Терновую поляну, чтобы сыскать, владеет ли оставленной сын боярской Мосей Должонков, то ту поляну отказать в поместье сыну его Василию Должнонкову».

«Терентей Гринев, приехав на тое Терновую полянку и на прописные полянки помещиков жилецких людей, никого не заехал, усада и выгон лежит впусте и про ту Терновую поляну с прописными полянками обыскать было не с кем. А по выписке писцовых книг письма и меры Володимира Племянникова да подьячего Тимофея Семенова 151 (1643) году велено *владеть по старине* ему Мосею Константиновую сыну Должонкову по старым граням старою дачею и по Государеву указу и по отписной челобитной за пометою думного дьяка Семена Заборовского (1657 года) владеть тем старинным Мосеевским поместьем сыну его Василию Должонкову со всеми угоди, что тою Терновою по-

[340] На Жестовых горах находился стоялый острожек для наблюдения за окрестностями.

ляною и прописными полянками владел бы отец его Васильев Мосей Должонков исстари».

В том же году подьячий съезжей избы Матвей Головин ездил в Новооскольский уезд в Морквину поляну. Там он сыскивал, где находится дикая порожжая земля. В сыску *помещики – многие люди* сказали, что такая земля есть и сенные покосы и другие угодья. Тогда Головин отвел дворы порожжие детям боярским Дементию Зубову промеж дворовых усадеб Смирного-Князищева да Ермола Должонкова, да Ивану Гаврилову промеж Григория Аничкова да Обрама Мазитнева вдоль по 80 сажен, поперег по 20 сажен человеку, а на пашню земли и сенные покосы и всякие угодья отдал им за рекою Осколом «дикое поле и с примерные земли по 20 чети в поли, а в дву потомуж. И ту их дачю записал за ними за Дементием Зубовым, да за Иваном Гавриловым в отдельные книги. А на отделе были тое Морквиной поляны помещики, дети боярские: Мосей Должонков, Свирид Мысков, Михайла Чудакин, Игнат Холютин, Федор Бовыкин, Степан Певцов, Сергей Бавыкин, Федор Некрасов, Василей Должонков».

Из этого акта мы можем сделать некоторые небезынтересные для истории Дворянства Курского края выводы. Так, мы видим, что южная часть Новооскольского уезда была уже во средине XVII века значительно заселена дворянами. В Морквиной поляне уже имели владения 9 помещиков, и в акте говорится, что в той местности обитали *помещики многие*, и именно дворянского сословия, а между тем в этой местности еще оставались порожжие земли. Затем обращает на себя внимание тот факт, что на усадьбы испомещаемым детям боярским Зубову и Гаврилову были даны громадные участки земли по 80 сажен длины.

Интересно то обстоятельство, что, кроме земли усадебной и пашенной, отводилась земля и под пчельники. В этом отношении останавливает на себе внимание тот акт, в котором было сказано: «Лета 165 (1657) года, декабря в 11 день по Государеву Цареву и Великого Князя Алек-

сея Михайловича указу и по наказной памяти воеводы Кирила Андреевича Миткова, съезжей избы подьячей Петр Моброхин отвел Андрею Гончарову *подо пчельник место* ниже города за валом за речкою Осколом, возле пчельника Буцкого попа Лариона в верх по Осколу реки к городу и Гнилому озерцу, а по мере подо пчельник место стало в длину по 60 сажен, а поперек по 40 сажен, и тем пчелиным местом ему Андрею владеть по сим книгам, а с книг дана ему Андрею выпись за рукою и печатью воеводы Кирилла Андреевича Миткова».

Глава XVIII Служебное положение дворян и детей боярских Курского края в царствование Алексея Михайловича

Служебное начальство дворян и детей боярских Курского края. – Разрядный приказ, воеводы и их власть. – Корпоративная деятельность Дворянства. – Военные и гражданские интересы дворянского сословия. – Сооружение соборного храма Знамения Пресвятой Богородицы в Курске. – Возобновление Снавского острожка. – Перенесение г. Бобрика на Каменное Городище. – Челобитные о присылке животворящего Креста Господня по случаю «наносных болезней и страхований». – Челобитные, касающиеся польз и нужд государственных. – Деятельность Белгородского воеводы князя гг. Ромодановского. – Призвание на службу отставных дворян, служивших по г. Курску. – Распорядок службы дворян и детей боярских. – Сжигание степей. – Добывание и отсылка в Москву диковинных зверей и птиц Курского края – «для Государевой потехи». – Пожалование Государем Белгородскому полку нового знамени, устройство его в Серебряном приказе и чин освящения знамени. – Воеводы, осадные головы и губные старосты Курска во второй половине XVII века.

1.

Высшим Правительственным учреждением, которое по указу Государей заведовало службою дворян и детей боярских, был Разрядный приказ, который сосредоточивал в

себе направление и подробности этой службы. Служба эта зависела от Государевых указов, так как для разрешения всяких, даже небольших дел, воеводам Белгородско-Курского края присылались Царские грамоты, сообразно с которыми они должны были руководиться в своих распоряжениях. С другой стороны, воеводы должны были посылать в Москву подробные и точные отчеты о своих действиях. Из Разрядного приказа ежегодно присылались росписи сторожам и станичникам с точным обозначением времени и места службы дворян, детей боярских и других служилых людей с предупреждением воеводе – от росписи не отступать, чтоб «однолично, – как говорилось в грамотах, – тебе того нашего дела в оплошку не поставить».

Служебные отношения дворян и детей боярских к Разрядному приказу заключались, главным образом, в том, что они чрез его посредство имели право подавать челобитные свои с просьбами и жалобами самому Государю. Челобитные эти были отдельные и общие. Касались они самых разнообразных предметов службы и частной жизни и представлялись или путем пересылки в Москву или чрез выборных, отправлявшихся к Государю. Государь был Верховным Вождем дворян и детей боярских, и от его имени удовлетворялись или отклонялись ходатайства, Государем назначались награды за заслуги и делались пожалования. По судебным делам челобитные направлялись в Разряд, также было и по делам, касавшимся военной службы, о назначении на должности, по земельному владению и т.п.

Воеводы были прямыми начальниками дворян и детей боярских, от них зависели ход службы высшего военно-служилого сословия, порядок и распределение ее. Воевода, будучи полным хозяином города и главным начальником его сторожевой и станичной службы, в своих распоряжениях подчинялся Государевым указам, присылаемым из Разряда и даваемому каждому воеводе наказу для правильного и успешного несения воеводской службы.

Воевода назначался и сменялся по указам Государей и служил обыкновенно два года. Власть его простиралась непосредственно на голов: станичного. Казацкого, стрелецкого и осадного, которые в Курском крае были назначаемы из дворян и детей боярских. Воевода же был главным распорядителем городовых служилых людей, в случае неблагоприятных вестей из степей, собирал их всех в съезжую избу. С головами воевода, по своему усмотрению, советовался о предстоящих военно-боевых действиях. Затем, призвав к себе начальных людей, он назначал им и другим служилым людям оружие и место, чтобы каждый знал, на случай осады, с каким боем, в каком месте города и под чьим начальством должен сражаться с неприятелями. Для производства всяких дел по городу и уезду воевода имел съезжую избу, где вся письменная часть лежала на подьячем.

Вызов дворян и детей боярских из их поместий, в случае надобности, зависел от воеводы. В распоряжении воеводы находились запасы. Так, в 1600 году, когда по указу Государя Бориса Годунова в Оскол заходил воевода Богдан Бельский с ратными людьми, посланными для построения города Царева-Борисова, то Оскольский воевода Иван Жиронов Засекин снабдил Бельского «зельем, ядрами, свинцом, сухарями, крупой, толокном». Кроме того, от Оскола даны были находившиеся там Государевы суда, на которых вниз по Осколу отправлены были всякие запасы. От воеводы зависел отпуск служилых людей в Москву и другие места.

После воевод, начальствовавших полками, начальниками дворян и детей боярских Курского края были станичные и сотенные головы, так как меньшими военно-боевыми единицами, после полков, были станицы и сотни. Сотенные головы обыкновенно избирались сотнями. Кроме того, начальниками были: стоялые головы и станичные атаманы.

Так как воеводы были главными начальниками служи-

лых людей, то представляют интерес те ходатайства дворян и детей боярских, которые касались воевод.

Одни ходатайства касаются жалоб на местных воевод, в других, наоборот, находим просьбу дворян об оставлении воевод на службе по истечении ее двухгодичного срока. Так, например, в городе Путивльского края Вольном воевода Федор Юрьевич Арсеньев в 1650 году, по челобитью служилых людей Вольновцев был оставлен в занимаемой им должности на третий год. В 1651 же году воевода города Болхового – Давыд Щепотьев был смещен с своей должности по челобитью всех сословий города Яблоновским воеводою, боярином князем Борисом Александровичем Репниным, который и произвел сыск о злоупотреблениях смещенного воеводы[341].

В 1678 году Яблоновские дети боярские, стрельцы, казаки и пушкари били челом об оставлении после срока воеводы Романа Комынина, а Боховецкие о назначении воеводою Никифора Домнина, сына их умершего воеводы Алфера Домнина[342]. В 1682 году последовало челобитье Государю «Рыльских помещиков и градских всяких чинов людей» об оставлении на третий год в Рыльске воеводою стольника Семена Микуловича Дордунова. Ходатайство это было удовлетворено как и другие, подобные просьбы.

Говоря о служебном положении дворянского сословия Курского края, мы должны упомянуть о тех началах корпоративной деятельности его, которые проявлялись в XVII веке. Дело в том, что общие собрания и выборы не были чужды тогдашнему Дворянству Курского края. Корпоративность его была порождена военною службою, отсюда вытекает и отличие дворянской корпоративной деятельности от такой же деятельности других сословий, ее целью прежде всего была разверстка и отбывание военной службы. Объединяющим дворян элементом были связи троякого рода: соседская по-

[341] Белгородского стола столбец 350, 480.

[342] Белгородского стола столбец 853, 862.

рука в исправной явке на службу, установленная законами того времени, самая служба дворян и детей боярских в одном полку, который состоял из наличного числа способных к службе помещиков уезда, и, наконец, *выборы* корпорацией поместного Дворянства окладчиков – лиц, которые производили разверстку службы по собираемым ими сведениям о физической и имущественной годности каждого дворянина к военно-боевой службе. С течением времени эти дворянские корпорации стали получать некоторое политическое значение. В их обязанности, до некоторой степени, вошли задачи местного управления в виде участия в выборе губных старост, осадных и сотенных голов, а иногда и приказных людей. Так, в 1652 году в Курске, после смены всех подьячих за злоупотребления, новые подьячие не были назначены, а выбраны Курскими дворянами и детьми боярскими и притом же из их же среды[343]. Дворянские корпорации, как известно, принимали участие в вопросах и делах государственных, посылая выборных на земские соборы и давая им наказы или общие челобитные.

2.

В истории дворянского населения Курского края в XVII веке важное значение имеет изложение разных сторон его жизни, в особенности же тех, которые существенно касались военных и гражданских интересов служилого сословия и высказываемых его представителями желаний, взглядов и стремлений. В этом отношении, бесспорно, заявления самих дворян и детей боярских, выражаемые в их челобитных Государю по каким-либо поводам и побуждениям, имеют наибольшую ценность, как подлинный голос тех лиц, которые жили и действовали в описываемую нами историческую эпоху.

[343] Московский архив Министерства юстиции, Столбцы Белгородского стола, столбец 386-й.

В челобитных дворян и детей боярских, которые они подавали Государю в Москве с разными просьбами, жалобами и пожеланиями, отражаются условия жизни Государства того времени, особенности ее, обстоятельства их службы, характеризуют общие черты быта и деятельности дворянского сословия в XVII веке.

В царствование Алексея Михайловича, при деятельном участии дворян и детей боярских было устроено в городах и уездах Курского края много церквей и два монастыря – Богородицко-Знаменский в Обояни и Николаевский Белогорский в Суджанском уезде. В Курске, в Знаменском монастыре был воздвигнут большой замечательной архитектуры Соборный храм. Сооружение каменного Соборного храма, который существовал в Знаменском Курском монастыре до 1816 года, когда на его месте было начато устроение храма, существующего и в настоящее время, было вызвано ходатайством пред Государем Алексеем Михайловичем «Курчан – дворян, детей боярских и всякого чина людей», причем это ходатайство было представлено в челобитной Государю выборными от Курского Дворянства на Земский Собор 1648 года. На построение Собора очень много средств пожертвовал Государь от своих щедрот и из Государевой казны. Во все время сооружения храма правительство наблюдало за ходом дела и делало распоряжения, содействовавшие успешному окончанию дела.

В 1648 году Курскому воеводе была прислана грамота, в которой было сказано: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Русии Самодержца в Куреск стольнику нашему и воеводе Федору Михайловичу Ладыженскому. По челобитью Курчан, которые были на Москве, да Сергея Калугина, велено нами в Курске в Богродицком монастыре устроить церковь каменного дела; по нашему указу за постройкой ее надзирать Курскому Воскресенской церкви протопопу Григорию, сыну боярскому Сунбулу Онофрееву, чтоб то каменное дело делалось спешно, а которые деньги ука-

зано на церковное дело, и у тех денег быть Якушку Белевцову и Епифану Кромскому, и как грамота ся наша к тебе придет, то ты бы начал то церковное каменное дело».

Курские выборные от дворян Колугин и Малышев – помещики Курского уезда, принимали деятельное участие в сооружении храма и являлись в Москву за Государевым жалованьем и пособиями на довершение построения церкви. Она была устроена, по желанию дворян, детей боярских, посадских и других людей, во имя Знамения Пресвятой Богородицы и Чудотворной Ее Иконы, и, как сказано в челобитной, в похвалу и славу Богородицы и в память Государя Михаила Федоровича, создателя Знаменского монастыря, с приделами Алексея Человека Божия и Великомученика Димитрия Селунского.

Построение Знаменского храма продолжалось несколько лет, причем Государь Алексей Михайлович удостаивал своим особенным вниманием совершение этого дела. В Разрядном приказе шла переписка с Каменным приказом, Курскими воеводами и строителями об успехе постройки. Кроме бумаг из Разряда относительно сооружения храма, в Курск были присылаемы грамоты Государя. По распоряжению Разряда нанимались мастера и рабочие люди и доставлялись материалы.

В 1653 году Григорий Малышев был в Москве, а оттуда был отпущен с Государевым денежным жалованьем. В грамоте было сказано: «а дано ему на Москве блаженные памяти по Святейшем Иосифе, Патриархе всея Русии денег 100 руб., по нем Патриархе и его родителех в вечный поминок». Для более успешного построения Малышев, по челобитной Курчан – дворян, детей боярских и всех чинов людей, исхлопотал назначение посадских людей попеременно работать в монастыре. На Государево жалованье были приобретаемы лес, бут и кирпич. Кроме того, Знаменскому монастырю дана была мельница на реке Тускари.

В 1650 году Курским протопопом настоятелем Вос-

кресенского Собора на урочище *Старое городище* в 15 верстах от Курска были найдены у реки Рати, в земляном бугре неизвестные никому, небольшие, вросшие в землю, палаты, весьма древнего происхождения. Воевода князь Волконский велел сделать осмотр их и снять план и послал к Государю, по повелению которого указано было сломать эти палаты, а кирпич и дикий камень употребить на постройку Знаменского Собора.

По грамоте царя Алексея Михайловича в дар монастырю было отведено урочище *Дикое поле* с находившимися на нем крестьянами, которые должны были «пашню на монастырь пахать и доход всякий платить». В другой грамоте воеводе князю Ивану Михайловичу Волконскому, присланной в 1656 году, было сказано: «По нашему указу делают в Курске *город Курск новый* (то есть, новую крепость), а старый лес старого города остается в лишке, а на наше ни на какое дело тот лес не годится, а около монастыря Пречистые Богородицы ограды нет. Ходят и ездят чрез монастырь всякие люди, а построить около монастыря ограды нечем… А как к тебе ся наша грамота придет, ты велел бы дать старого лесу на монастырскую ограду».

Кроме Малышева, в Москве бывал и другой главный строитель Знаменского храма Сергей Колугин и являлся к Государю. С ним была послана следующая грамота Курскому воеводе. «Мая в первый на десять день, писал еси к нам с Курченином Сергеем Колугиным, что в Курску в Богородицком монастыре на церковное на каменное строение каменные запасы изготовлены многие, а подмастерья и каменщики по тому церковному делу с Москвы в Курск не присланы, и нам о том велеть указ учинить. И по нашему указу отпущены с Москвы в Курск с сыном боярским Сергеем Колугиным каменных дел подмастерья Сенка Белый и кирпичной ожигальщик Оска Микитин и каменщики… И как Сергей Колугин и каменных дел подмастерья и кирпичной ожигальщик и каменщики в Курск прибудут, и ты б по прежнему нашему указу в

Курску в Знаменском монастыре церковь каменную во имя Пречистыя Богородицы, честного и славного Ее знамения и придел Святого праведного Алексея человека Божия и великого мученика Димитрия Селунского, пев молебны, велел обложить, мерою в длину и ширину немалу, с трапезою и погребами – по образцу, каков образец тому церковному строению у Курского протопопа с товарищи: Гаврилою Малышевым и Сергеем Колугиным. А у кирпичного дела с Московскими мастерами велел бы быть Курским посадским и монастырских деревень непашенным людям. А которые люди станут ослушаться у каменного и у всякого церковного дела не будут, и ты бы тем ослушником делал наказанье. Протопопу Григорию и Гаврилу Малышеву приказал, чтобы они церковным делом промышляли и неоплошно и над подмастерьями и каменщиками смотрели и берегли, чтобы они на кружечном дворе не бражничали, и от церковного дела в уезде не разбежалися и сам (то есть, воевода) того каменного строения надзирал почасту, чтобы то церковное дело строили спешно, и было б то церковное дело вечно. А с которого числа в Курску церковное дело учнет делатца и каким образом, и ты о том и нам отписал бы и чертеж прислал с иными нашими делы, а прочесть Сю нашу грамоту отдал протопопу Григорию, Гавриилу Малышеву и Сергею Колугину, а список с сей нашей грамоты за своею рукою держал в приказной избе».

Новый собор был 82 аршин длины и 16 аршин ширины. Из древней *Описи* Курского Знаменского монастыря можно видеть, что стены храма снаружи были покрыты белой краской, крыша сделана из сибирского железа и выкрашена зеленой краской. Над нею было пять глав, на средней самой большой главе был водружен медный крест, вызолоченный червонным золотом. Иконостас был вызолоченный, в три яруса, местные иконы Спасителя и Богоматери были в серебряных окладах. Царские врата вызолоченные, на них –пять священных изображений, около врат два ангела,

каждый из них держал в руках по небольшой иконе – Спасителя и Богоматери.

Посреди церкви помещались два кивота: один для Чудотворной Иконы Знамения, а другой – для Иконы Божией Матери, именуемой *Умягчение сердец*. На двух клиросах были хоругви алой материи, на одной изображения Знамения Богоматери, на другой Ее Рождества. Кроме главной церкви в Знаменском соборе было два придела, размером в 8 аршин длины и 7 ширины. В числе икон были иконы трех Святителей, Св. Христофора и Св. Иоанна Воина. На дверях притвора находилось изображение *неплодящего злого древа*. На четырехъярусной колокольне было 9 колоколов, главный из них, современный XVII столетию в 275 пудов весом, и до настоящего времени находится на одной из соборных колоколен.

Курское дворянское военно-служилое сословие принимало самое живое и интенсивное участие в сооружении Знаменского храма. Дворянство было во главе челобитья Государю о построении его, представители Дворянства были главнейшими деятелями по сооружению собора и его украшению, дворяне и дети боярские сделали в общем крупные пожертвования, давшие возможность довершить в полном совершенстве начатое дело, наконец, в Знаменском храме в течение долгого ряда лет дворянское военное сословие вместе с другими ратными людьми молилось пред Чудотворной Иконой Знамения и перед выступлением в трудные и опасные походы, и во время частых нападений и осад Курска неприятелями, и в счастливые минуты благодарения за победы и благополучно совершенные походы, за Царские милости, оказываемые верному Курскому войску и его главной силе – дворянам и детям боярским.

Главнейшая святыня Курской страны – Чудотворная Икона Знамения Богоматери в 1665 году была облечена во вновь устроенную драгоценную ризу на пожертвования служилых людей Курчан всякого чина. Вот древнее описание этой ризы: на иконе Знамения венец и риза – кованые, золотые.

Вес ризы 320 червонцев. С исподней стороны Икона подложена серебряной чеканной доскою, в венце около ризы и около доски внизано крупным жемчугом в три ряда 725 зерен, один ряд по краям, другой – около пророков, третий – около Богоматерней Иконы. Жемчугом также перенизаны отверстия на ризе для лиц. Венец украшен алмазами и на венце семь золотых звезд, и на каждой по семи алмазных искр; восьмая звезда на персях Спасителя и на ней 59 алмазных искр. На венце корона – в ней 13 алмазных искр, два яхонта красных из них один осыпан алмазными искрами, два яхонта голубых (аметисты), большой бриллиант и по сторонам его два алмаза, выше бриллианта – цветные камни, в числе которых один забирзант. Кроме множества алмазных искр, на ризе находилось и два изумруда.

3.

Многие челобитные дворян и детей боярских нашего края касались условия военной их службы и вытекающих из нее фактов.

В начале царствования Алексея Михайловича сыном боярским короченцем Иваном Ефимовым «с товарищи» была подана челобитная Государю о приводе их к присяге, так как «во время присяги их братии вступившему на престол Государю Алексею Михайловичу они были в степи».

По отношению к военному делу, дворяне и дети боярские в своих челобитьях давали по просьбе Правительства советы, касавшиеся наилучшего укрепления границ России. Так, в 1646 году помещики Корочанского стана Белгородского уезда просили о своде их всех для безопасности от Татар в село Дмитриевское и деревню Яблочную и об устройстве острога на реке Нежеголи. Это серьезное и важное челобитье обратило на себя особое внимание Разряда и воеводе стольнику князю Федору Андреевичу Хилкову была

послана грамота Алексея Михайловича о том, чтобы он, по челобитью детей боярских произвел обыск, целесообразны ли предлагаемые меры? Он высказался за полную их целесообразность, и поэтому на реке Нежеголи был устроен острог, и были присланы из Москвы пищали и вестовой колокол. Такие челобитные свидетельствуют об инициативе местных представителей дворянского служилого сословия и о живом участии их в заботах Правительства[344].

В 1647 году дети боярские города Курска били челом Государю по важному в военно-полевом отношении вопросу, о возобновлении Снавского острожка. Этот Снавский или Сновский острожек находился на севере от Курска на реке Снове, впадающей в Тускарь, по направлению к Ливнам. Возобновлением этого острожка достигалось бóльшее ограждение пределов Тускарского стана, где по реке Тускари было много дворянских поместий и находился Коренской монастырь, подвергавшийся нападениям со стороны Татар[345].

К разряду таких челобитных относится челобитье детей боярских города Бобрика, поданное в 1648 году о перенесении их города на более удобное для этого место – Каменное городище. Это заявление было принято в соображение Правительством и вскоре Бобрик был упразднен, а крепость и ее служилый состав были переведены по указанию детей боярских и образовали новый город – Каменный; по челобитью же Бобриковцев им были присланы из Москвы пушки и знамя.

Представляет интерес челобитье детей боярских того же года в Хотмышске, которое касается присылки из Москвы Животворящего Креста Господня с мощами. Крест этот был устроен в Серебряном приказе, освящен в Успенском соборе и послан для прекращения болезней между жителями города. Впоследствии он оставался в Хотмышской Соборной церкви и был, по просьбе служилых

[344] Белгородского стола столбцы 266, 279

[345] Белгородского стола столбец 192.

людей других городов Белгородско-Курского края, посылаем в эти города в случае «наносных болезней и страхований».

По челобитью детей боярских и служилых людей Курчан и Орлян, они были в 1647 году устроены землями, в качестве веденцов, не по реке Пене, чтó для них было неудобно, а «по Пслу с упалыми речки у больших лесов», иначе сказать не на северной, а на южной стороне Псла, в плодородной и богатой угодьями местности.

В 1648 году дети боярские, Орловские и Курские веденцы, которые работали над постройкой и устройством нового города Обояни, изнемогши и обессилев от продолжительных и тяжких, особенно земляных работ, просили о присылке «с иных городов для довершения городового дела Обояни плотников», что было и исполнено.

В 1648 году дворяне и дети боярские города Болхового подали челобитье об *отверстании* их от неверстанных драгун и о занесении их имен в подлинные списки с детьми боярскими. Таким образом, поступив в драгуны и неся драгунскую службу, дети боярские сознавали свое сословное положение и не желали, чтобы они были исключены из списков собственно детей боярских.

В 1648 года Государю Алексею Михайловичу жители новоустроенного города Карпова и во главе их дети боярские подали челобитную грамоту следующего содержания[346]:

«Царю, Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьют челом богомолцы и холопи твои нового твоего, Государь, города Карпова, детишки боярские и драгуны, жилцы и казаки, и пушкари, и затинщики, и воротники всем городом. По твоему Государеву указу, как твой Государев новый город Карпов поставлен, и мы, Государь, холопи твои в Карпов из разных городов сведены на вечное житье с женишками и детиш-

[346] Белгородского стола столбец № 317-й.

ками и дворишки себе построили, и за грех, Государь, наш в Карпове напала на нас холопей твоих болезнь и скорби полевые, и вода, Государь, в Карпове – нездоровая, многие от тех болезней и скорбей помирают и целебного, Государь, животворящего креста Господня с мощами Святых в Карпове нет; вод, Государь, священие бывает крестом Христовым, без мощей. Милосердный Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Русии, пожалуй нас, богомолцев и холопей твоих, бедных и беспомощных, не дай, Государь, нам в Карпове напрасною смертью помереть от нахождения полевых болезней и скорбей: вели, Государь, для своего Царского богомолья прислать в Карпов и для наших скорбей и болезней животворящий крест Господень с мощами святыми на освящение воде и на утверждение и на исцеление нам, богомолцам и холопем твоим и всем православным христианам, чтоб, Государь, нам богомолцам и холопем твоим впредь от тех полевых болезней и скорбей напрасной смертью не помереть. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй».

Государь Алексей Михайлович, получив челобитную грамоту Карповских детей боярских и других служилых людей чрез посредство Карповского воеводы Игнатия Вердеревского, велел удовлетворить их просьбу. Вследствие этого 30-го апреля 1648 года последовала Царская грамота:

«От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии в Карпово стольнику нашему и воеводе Игнатью Глебовичу Вердеревскому. Писано от нас тебе февраля в 12-й день, а велено тебе послати на Хотмышском Карповского попа и Карповских служилых людей добрых, сколко человек пригоже, и взятии им на Хотмышском у воеводы, у князя Семена Болховского животворящий Крест Господень с мощми, привести в Карпово, а в Карпове с животворящего Креста, святив воду, велено людей и лошадей, и всякую животину кропить не по один день. И марта в 30-й день писал есми нам. И по нашему указу в прошлом 154 (1646-м) году отпущен с Москвы

в Хотмышское животворящий Крест Господень с мощми, а с Хотмышского тот животворящий Крест Господень, для освящения святые воды и исцеления всяких болезней и скорбей, велено Хотмышским воеводам отпускати в городы без задержанья.

И как к тебе ся грамота придет, и ты б, по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте, послал на Хотмышской Карповского попа с дьяконом и Карповских служилых людей добрых, сколко человек пригоже, и велел им взятии у воеводы животворящий Крест Господень с мощми принести в Карпов. А как Карповский поп с Крестом будет близко Карпова, и ты бы там животворящий Крест Господень встретил, а с собою на встрече велел Карповским попом со кресты и иконами и всяким служилым и жилецким людем с женами и детьми и с болшою честью, и велел тот животворящий Крест Господень со всеми нести в город в Соборную церковь с молебным пением, а в Соборной церкви велел пети молебны Спасу и Пречистой Богоматери и всем Святым и велел воду святить и тою святою водою велел людей, и лошадей, и всякую животину кропить по многие дни и, освятя воду, тот животворящий Крест Господень, отпустил народ на Хотмышской с Хотмышским и с Карповским попы, с кем пригоже. А наш указ на Хотмышской ко князю Семену Болховскому послать: велено ему животворящий Крест Господень в Карпово отпустить *не мешкая ни часу*».

Как видно из предыдущего, было много челобитий важного и даже государственного значения. Таково, например, челобитье Рыльских помещиков 1677 года, принесенное по следующему поводу[347]. Сумской казак Степан Ворыкомский сделал предложение Правительству о том, чтобы построить новый город на Сугровском городище, на реке Сейме, над Голубым Колодезем. Но Рыльские помещики в сво-

[347] Белгородского стола столбец 1153-й.

ем челобитье представили решительное возражение против задуманного проекта в виду его неудобств, и он не был осуществлен Правительством.

4.

В 1656 году полковым воеводою в Белгород был назначен окольничий князь Григорий Григорьевич Ромодановский, в ведомстве которого должны были быть и воеводы городов Белгородской черты.

Установлении подведомственности одному общему начальнику, разумеется, отразилось, в известной степени, на службе и ее условиях дворян и детей боярских и вообще высшего служилого сословия Курского края. В предшествующее время они зависели от воевод, подведомственных Разрядному приказу, теперь же распоряжаться службой дворян и детей боярских мог, по требованиям обстоятельств и по своему усмотрению, Белгородский полковой воевода. Князь Ромодановский, как видно из документов Белгородского Разрядного стола, старался о том, чтобы служба ратных людей совершалась самым исправным образом как в мирное, так и в военное время и принимал меры к ее усовершенствованию и улучшению во всех частях. Нечего и говорить, что новые возвышенные требования отозвались на дворянах и детях боярских, служивших под знаменами. Ведение списков служилых людей и разбор им стали совершаться с возможною точностью и требовательностью. Уже в 1658 году был составлен список Яблоновцев, которые «у разбору детей своих таили, живут дома, Государевой службы не служат»[348]. По этому списку они и дети их были вытребованы из своих поместий. Составлена была перечневая роспись полка князя Григория Григорьевича Ромодановского и список началь-

[348] Столбцы Белгородского стола, № 395-й.

ных людей, бывших с ним в Белгороде. В Курске разыскивали служилых людей для отправки в полки и поверстали в рейтарскую службу детей боярских. На службу «за черту» велено было посылать семьянистых служилых людей городовой, а не полковой службы.

В 1658 году из Москвы прибыли в Белгород думные дьяки Семен Иванович Заборовский и Семен Иванович Титов для «разбора всех украинных городов служилых людей и высылки их в Белгород к разбору и к полковому строю, и к Государеву денежному жалованью». Для характеристики отношения обоих думных дьяков к разбору достаточно указать на указание им необходимости немедленного строгого наказания ослушников, не поехавших к разбору.

Установление подведомственности городов нашего края Белгородскому воеводе повело к учреждению в 1660 году Белгородского судебного округа и окружного суда в Белгороде, в котором ведались дела всех ратных людей всяких чинов украинных городов Белгородского полка. Для этого суда были назначены судьи и к ним подьячий для письма.

Князь Ромодановский представил в Москву докладную записку в 32 статьи о нуждах полка, отпуске и высылке служилых людей, доставке в полк пушек, ядер, пороха, свинца, фитиля, лошадей и других предметов военного снаряжения, а также роспись, что в Белгороде и в подведомственных ему городах, по смотру, им проведенному, оказалось служилых всяких чинов людей и их детей и братьи, и племянников и захребетников, что оказалось наряду, и зелья и свинцу, и всяких пушечных и хлебных в житницах запасов. Как ни значительны были сборы дворян и детей боярских на службу в Курском крае, но в них продолжал чувствоваться недостаток. Так, например, в 1660 году Князь Ромодановский писал в Разрядный

приказ о неимении в Белгороде дворян для посылок по сыскным делам[349].

В том же году Государевым указом дети боярские полковой службы в городах Курского края были освобождены от рейтарской, драгунской и солдатской службы. Нуждающимся из них из Государевых житниц было разрешено давать в заем хлеб, «в нынешнее, – было сказано в Царской грамоте, – нужное, бесхлебное время».

В Новом Осколе и других городах хлеб был раздаваем служилым людям всяких чинов. Кроме того был объявлен Царский указ о том, что все помещики, городские и уездные служилые люди и жильцы могут доставлять и продавать по вольной цене хлеб и сено в Белгороде и во всех польских[350] и украинных, и по черте и за чертою городах, которые были подведомственны Белгороду.

Между тем, число дворян и детей боярских, вследствие посылок в разные города по службе, временно настолько уменьшилось, что по челобитной Курского воеводы Государю, он получил Царскую грамоту, в которой было разрешено посылать на вести и в сторóжи *отставных дворян* и детей боярских, вышедших из состава военно-служилого сословия по старости или болезни. Этот случай надо отнести к неособенно редким в XVII веке.

Относительно распорядка службы дворян и детей боярских приведем выдержку из наказа Белгородскому воеводе, данному ему из Разряда в 1646 году. В нем сказано: «а по вестем, быть служилым людям по списку и в *день и в ночь*, самому воеводе смотрити и станичным и сотенным головам велеть над служилыми людьми потому смотрить, чтоб служилые люди по местам были по наряду сполна и пищали б и всякое ружье (оружие) у них было

[349] Столбцы Белгордского стола, № 414-й.

[350] Удержано старинное название городов, построенных в так называемой польской степной окраине Московского Государства.

наготове и стояли на стенах и башнях с великим береженьем и неоплошно, и от всякого дурна берегли бы… И по вестем и в подъезды посылать детей боярских[351] на добрых конях и смотрить тово, чтобы у станичников и подъездчиков лошади были добры, на которых мочно прямых вестей доведаться и воинских людей видев в Белгород приехати с прямыми вестями, и станичникам и подъездчикам наказывать[352] накрепко, кого из них притчею[353] воинские люди возьмут и учнут про вести расспрашивать, и они б сказывали, что на Изюмском и Калмиусском шляхам в городах стоят бояре и воеводы, а с ними служилые люди конные и пешие многие, а в украинных городах стоят воеводы со многими людьми и на Туле и на Тульской и Веневской и на Крапивенской, и на Каширской и на Резанской и на Ливенской дорогах, и на Козельской и на Белевской засеках, а с ними конные и пешие многие люди»[354]. Воеводе Белгородскому приказывалось Государеву Украину от войны уберечь, а если она случится, и будет поход, то в Белгороде оставить голов, кого пригоже, устроить город накрепко, «чтоб сидеть в нем было *бестрашно* и надежно».

В круг службы дворян и детей боярских сходила еще обязанность сжигания травы.

О процессе этого сжигания говорится в отписках воевод Курского края в Разряд. Приведем здесь одну из них из Белгорода, относящуюся к 1647 году[355]. В ней писал воевода: «велено было послать мне на татарские сакмы в степу траву жечь, послав станичников, по скольку

---

[351] Из этого видно, что даже во втрой половине XVII века, когда состав служилых людей низшаго звания увеличился и дисциплина в среде их возрасла, всетаки предпочитали на ответственные службы назначать лиц дворянского сословия.

[352] Приказывать.

[353] Случаем, случайно.

[354] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола столбец 394-й.

[355] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола столбец 217-й.

пригоже. И я послал станичников детей боярских за реку за Оскол на Изюмскую и Савинскую сакмы до Донца Северского и до Изюмского и Савинского татарских перелазов 2-х станиц атаманов с товарищи, верх реки Айдара и верх Черной Калитвы и 3-ю станицу на речку, где прежде были татарские становища на реке Лозовой, и я велел жечь траву во всех трех посылках и всю выжечь, где учнет гореть, чтобы впредь в тех местах татарских становищ и опочиву не быть». Сожжение травы совершилось на громадном пространстве в октябре, и возвратившиеся станичники передали воеводе о том что в некоторых местах, немногих, впрочем, не смотря на все их усилия, трава не загорелась. Такой случай имел место «верх реки Бугучара». В других местах станичникам не пришлось жечь травы потому, что ее на громадных пространствах истребила саранча.

В 1670 году Белгородский воевода князь Ромодановский получил Царский указ, который касался объявления всяких чинов людям всех городов Белгородского полка относительно добывания и присылки в Москву диковинных зверей и птиц Курского края для «Государевой потехи». Местные помещики не замедлили отозваться на этот указ, и в непродолжительном времени целый транспорт пойманных зверей и птиц, с том числе несколько лосей и ланей из Белгорода был отправлен в Москву с Белгородским дворянином Родионом Масловым, где и был принят на Потешном Дворе в Семеновской слободе.

В следующем году воевода князь Борятинский сообщил в Разряд, что местные помещики прислали шесть орлов, четырех аистов, трех молодых козленков ланей, двух медведков и одиннадцать барсуков, а также двух лосейков молодых и одну годовалую лань.

Эти звери и птицы были доставлены в Москву дворянином Фирсом Маканиным и также сданы на Потешный Государев двор в слободе Семеновской.

Доставившие животных были награждены Государевым жалованьем.

5.

Из ряда последних событий царствования Алексея Михайловича необходимо выделить важное в истории военной дворянской силы Белгородско-Курского края событие, которому и само Московское Правительство придавало большое значение, это именно пожалование Белгородскому полку нового знамени Государем. Пожалование это, как увидим, по повелению Государя и по сознанию местной власти и военно-служилых людей было обставлено с особою торжественностью, что и вполне естественно, так как Государево полковое знамя служило государственным символом службы и всей жизни населения края. Самое пожалование состоялось в 1675 году, за год до кончины Государя Алексея Михайловича.

В этом году князь Григорий Григорьевич Ромодановский прислал из Белгорода в Москву в Разрядный приказ ветхое большое полковое знамя Белгородского воинства, дарованное ему еще Государем Михаилом Федоровичем.

Под ним, в течение предшествующих десятилетий соединялись дворяне, дети боярские и другие ратные люди Курско-Белгородской области во время военных походов, сражений с неприятелями и празднования побед. Носимое пред воинами в течение длинного ряда лет *знамя части* совершенно изветшало, и наступила пора заменить его другим.

«То знамя, – писал князь Ромодановский, – гораздо ветхо, избилось все, развернуть его в полков ополчении не мочно» и просил Государя пожаловать новый стяг Курско-Белгородскому войску.

Государь повелел «ветхое знамя отослать в Оружейный приказ и в этом приказе писать в Белгородский полк

новое знамя против ветхого[356] знамени, а как будет написано новое знамя, тотчас выслать его в Белгородский полк».

Когда новое «большое полковое писаное знамя» было изготовлено, то препровождено при Царской грамоте, в которой было сказано:

«К тебе, боярину нашему и воеводе князю Григорью Григорьевичу послано нашего Царского Величества знамя, на котором изображено _лицо сил князю Григорью Григорьевичу послано нашего Царского Величества знамя, на котором изображено *лицо сил Небесных грозного воеводы* Архистратига Господня Михаила, и будет тебе или товарищу твоему бытии в походех, и вам будет крепкое и несумненное упование на Господа и Бога, Спаса нашего Иисуса Христа и рождьшей Его Матери, Владычицы нашей Богородицы скорое заступление и сил Небесных грозного воеводы Архистратига Господня Михаила сим знамением побеждати противящиеся враги, безо всякого сумнения».

Знамя Белгородского полка должно было быть торжественно освящено в Белгородском Троицком соборе. Князю Ромодановскому велено было сказать протопопу собора с братиею о том, чтобы они к приходу в храм боярина и приносу знамени были готовы к молебному пению. Велено также было в храме устроить новый стол и на него приготовить сукно красное, на чем будет положено в соборной церкви во время молебствия Государево Белгородское большое полковое знамя.

Далее говорится в Царской грамоте:

– «А Государевым разных чинов людем: конным и пешим дворяном и детем боярским и прочим ратным людем велел бы (воевода) из всех городов прибыть в Белгород. Как боярин и воевода с товарищи придут к Соборной церкви и полковое большое знамя принесут и положат на красном столе на сукне, а самим, пришед в Соборную церковь, велеть протопопу с братией петь молебен, а на молебне говорить канон об умирении церкви,

[356] То есть, такого же вида и рисунка, каким было прежнее знамя.

по печатной книге, каковая с боярином послана с Москвы, а другой канон Пресвятой Богородице: *Воду прошед, яко сушу*[357]… А по совершении молебного пени боярину и воеводе то великое Государево Белгородского полка знамя велеть протопопу кропить святою водою, и окольничему и воеводе принять полковое знамя и ключи городовые и казенные, и списки ратных людей».

Таким образом торжество освящения знамени Белгородского полка было совершено в храме. На городской же площади, в присутствии войск, их начальников и приехавших из каждого города начальных людей и представителей дворянской военной силы, совершалась церемония вручения знамени полку. В случаях схода полков других городов к Белгородскому воеводе и походов с ним, под этим знаменем чести шли и Курчане, и Оскольцы, и Обоянцы и другие служилые люди Курского края.

К Царской грамоте приложено описание самого знамени. Так как знамя было снимком с еще более древнего, то тем более интересно познакомиться с этим описанием. Вот что сказано в нем:

«По средине, по тафте брусничного цвета, образ Пресвятые Богородицы, на престоле сидящей с превечным Младенцем. Окрест написаны небесные силы по тафте василкового цвета и воевода их Архистратиг Михаил. В откосе написаны ангели с мечи по белой тафте. Каймы – тафта алая, по них подписи слова золотом: Пречистой Богородице тропари, кондаки и задостойники[358]. На том же знамени подпись такова:

Божиею милостью Мы, Великий Государь, Царь Великия,

---

[357] Этими словами начинается первый ирмос Канона Пресвятой Богородице.

[358] То есть, тропари и кондаки праздников в честь Богородицы, например, Благовещения: *Днесь спасения нашего главизна…*, Рождества Богородицы: *Рождество твое, Богородице, радость воссия миру* ; задостойники, то есть, песнопения вместо *Достойно есть*, например, на Успение: *Побеждаются естества уставы…*

Малые и Белые России Самодержавец и многих государств Государь и Обладатель, повелением нашего Царского Величества подписано сие знамя в лето ѧзѱпг (7183, 1675) маиа в їѥ (15-й) день, в тридесятое лето Государства (то есть, Государствования) нашего и при Благоверных Царевичах и Великих Князьях Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах, а быть сему знамени в полку левой руки[359] у бояр и воевод, как Мы великие Государи сами бываем в походах против Божиих и своих недругов, а сие знамя нести тогда пред бояры и воеводы, которые будут по нашему Царскому указу в полку левой руки, а разве (кроме) сего полку ни в котором полку не быть».

А животворящий крест Господень на сем знамени – серебряный, позолоченный и ток (возглавие) серебряный и древко, писанное в полку, оставлено прежнего полкового ветхого знамени».

Новое знамя было прислано из Москвы от Разрядного приказа с капитаном Журавлевым.

Итак, изветшавшее и стрепавшееся на ветре и непогоде, но сохраненное в всех кровавых боях и тяжелых военных походах, прежнее знамя с величайшею торжественностью, при пушечной пальбе и патриотических кликах всех собравшихся от начальных людей – дворян и детей боярских и до простых казаков, было заменено новым. Это событие несомненно запечатлелось в умах тогдашнего воинственного дворянского населения Курского края, которому предстояло еще совершить под новым знаменем много военных подвигов геройства и доблести, обессмертивших его имя.

[359] Как известно, войско, идущее в поход, разделялось на передовой полк, то есть отряд, большой – центральный, два фланговых – правой и левой – и сторожевой (арьергард). Из подписи на знамени видно, что Белгордский полк, в случае вступления в общую армию, становился левофланговым.

4.

В царствование Государей Алексея Михайловича, Федора, Иоанна и Петра Алексеевичей (в правление Царевны Софьи) воеводами и избираемыми Курским Дворянством осадными головами и губными старостами в Курске были: в 1645 году стольник князь Юрья Никитич Борятинский, который, по кончине Государя Михаила Федоровича, приводил к крестному целованию Курчан на верность Царю Алексею Михайловичу. В 1646 году Курским воеводою был назначен стольник князь Семен Романович Пожарской и Андрей Тимофеевич Лазарев. Перепись крестьян в вотчинных и поместных владениях, начатая в 1645 году князем Ю.Н. Борятинским, продолжалась. Ею заведовали Козма Козлов и подьячий Алексей Минаков.

В 1647-1648 году воеводами были Лазарев и князь Иван Федорович Львов. В 1650-51 годах Курским воеводою был князь Иван Михайлович Жмурка-Волконский, губным старостою был избран Прокофий Анненков.

В 1652 году воеводой в Курске был Волконский, а товарищем воеводы Дмитрий Иванович Плещеев. В 1656-1667 году воеводами было преемственно следующие лица: Семен Семенович Рахманинов, В.Ф. Елчин, Алексей Елизарович Похвиснев, Николай Иванович Дурнев, Алексей Николаевич Аничков.

В 1668 году воеводами были: Василий Иванович Волженский, Еремей Назарович Хрущов, осадным головою был Андрей Федорович Малютин. Те же лица были и в 1669 году. В 1670 году воеводою был Волженский.

С 1672 по 1679 год воеводствовал боярин и стольник Григорий Григорьевич Ромодановский. В 1674 году в Курске были учреждена *разрядная изба* и первым судьею в этой избе был Замятня Никитич Тяпкин. В том же году была произведена перепись крестьян в вотчинах и поместьях Курского края. Писцами были Бунин и подьячий Орлов. В 1676-79 годах дьяком в Курске был поме-

щик Курского уезда Петр Исаков. С 1679 по 1680-1 г. воеводою был боярин Иван Богданович Милославский, в 1681-м думный дворянин Венедикт Андреевич Змеев и боярин князь Петр Иванович Хованский.

В 1682 году, когда Хованский продолжал свое воеводство, в Курском крае были писцы селений и дач Василий Апухтин и подьячий Федор Никитин. В 1683 году воеводами были боярин Петр Васильев Шереметев и боярин Алексей Семенович Шеин.

В 1685-86 годах воеводою был князь Михаил Андреевич Голицын, по переводе которого в Белгород в 1687 году был прислан в Курск думный дворянин Андрей Иванович Хитрово. В 1688 и 89 годах воеводой был Хитрово, губным старостой Григорий Афанасьевич Мезенцов.

Глава XIX Сельское хозяйство дворян Курского края в XVII веке

Виды и формы сельского хозяйства дворян и детей боярских Курского края. – Возделывание злаков. – Выгодные и невыгодные стороны местного землевладения. – Общинное владение. – Десятинная Государева пашня. – Урожайность пашни. – Засухи и вредные насекомые. – Огородничество и лесоводство. – Бортные ухожеи и пчельники. – Скотоводство. – Рыболовство. – Добывание минеральных богатств. – Хозяйство дворян и детей боярских Курского края, по Курским выборным книгам.

1.

Рассмотрим в этой главе формы дворянского землевладения в Курском крае и характер сельского хозяйства.

В подавляющем большинстве случаев дворянское землевладение этого края было более или менее равным и некрупным. Крупных поместий, например, в 1200, 1500, 2000 и более четвертей земли, не встречается. В дворянских владениях культура злаков была ограничена, из поместья выделялось сравнительно немного пахотной земли, остальная давала землевладельцу-дворянину угодья, каковы бортные ухожеи, пасеки, звериные гоны, рыбные ловли, леса даже пти-

целовство, из которых он старался извлечь пользу и, по возможности, в широких размерах. Из актов Белгородского стола ясно можно видеть, что дворяне и дети боярские Курской области предпочитали то или другое поместье не по количеству десятин или четей земли, а по его угодьям. В них была вся сила и все значение поместья, между прочим, довольно значительно было развито в угодьях поместий скотоводство.

Если угодья составляли выгодную сторону помещичьего сельского хозяйства в имениях, то чересполосность, наоборот, была очень вредным явлением в тогдашних поместьях. Были нередко случаи, когда рожь была посеяна в трех, четырех и шести местах, при общем количестве пашни в 10 четвертей.

Земля, по большей части, отводилась целой группе детей боярских в одних и тех же урочищах. Так, например, в Белгородских писцовых книгах сказано: «за Прокофием сыном Сотникова жеребей в деревне Устенке, а на его жеребей пашни паханой по обе стороны реки Кореня и за рекою Нежеголью 200 четвертей в поле, а в дву потому ж, а ему дана дворовая усада против его товарищей от Крапивенского рубежа по обе стороны, в той же деревне поместье за Костею Некрасовым, а на его жеребей пашни паханой по обе стороны реки Кореня и за рекою Нежеголью 100 четвертей в поле» и так далее. Все дачи описываемых лиц были в одном районе. «Сын боярский Калугин владел в деревне Кривецкой Корочанского уезда – 15 четвертями в поле, а животинный выгон против его и других помещиков огородов *у всех вопче*, а пашня ему пахать в той же деревне с детьми боярскими через межу, а сено косить по жеребьям, и на пашню земля и сенные покосы и лес и хоромный и дровяной, и рыбные и звериные ловли отведены с его братьей с Кривецкими детьми боярскими вопче».

Землевладение в это время большею частью было общинным. Сами служилые люди называли себя по отношению к

землевладению сябрами, то есть, товарищами. В одном из древнейших документов Курского края по судному делу, производившемуся в 1616 году в Курске, читаем: «А пашня ему, Василью, пахать и сено косить, и в леса въезжать, и всякими угодьями владеть с старыми помещиками, своими сябрами вопче по своим дачам, и на то ему поместье осадный голова с книг отказу своего выпись за своею печатью руку приложил». В белгородском судном деле сказано: «В прошлых годех дано Великих Государей жалования поместная земля в Белгородском уезде, в деревне Волковой, 50 чет и тою землею владел отец наш и мы лет с 20 и больше той деревни с *сябры* с Миною Волковым с товарищи».

Обыкновенно часть земли отводилась дворянам и детям боярским Курского края вблизи города, а другая часть на большом от него расстоянии.

Удаленные от города земли назывались отхожими, или землями в отъезде. Городские люди в первые года своего владения не имели на этих землях дворов или других каких-либо построек, временно же работали здесь сами или посредством других работников. По окончании всех полевых работ они снятый хлеб увозили в те места, где имели постоянную оседлость. Нужно сказать, что подобные земли и указанный нами способ пользования ими представляют одну из особенностей дворянского землевладения в Белгородско-Курском крае.

Причина этого явления, очевидно, заключается в том, что Правительство заботилось о том, чтобы все военно-служилые люди города обрабатывали землю и тем самым обеспечивали свое существование. Стало быть землю нужно было отвести всем служилым людям. В то же время, по военным соображениям, Правительство заботилось, чтобы они не покидали городов. Этого можно было достигнуть, предоставив хотя бы незначительное количество земли каждому служилому человеку вблизи города и отведя ему остальную землю «в отъезд». В Государевой грамоте воеводе

читаем: «и ты учинил бы еси за ними (указано сколько) чети земли в поле, а в дву потомуж из порозжих земель, половину под городом, а другую – в отъезде и сенными покосами и всякими угодьи устроил их по нашему указу».

Этим самым Правительство в известной степени облегчало выселение из городов и образование новых селений в уезде. С другой стороны, подгородняя или вообще близкая к городу часть владения играла важную роль еще в том отношении, что сельскохозяйственные строения, запасы, снятый с поля хлеб, скот и проч., находясь под защитой городов-крепостей, могли уцелеть даже при крупных нападениях Татар, Ногайцев и других степняков. В указанном нами распределении земельных дач дворянам и детям боярским Курского края мы видим в высшей степени целесообразную меру Правительствующей Власти.

Вследствие значительного населения городов военно-служилыми людьми, даже те земли, которые давались вблизи города, иногда отстояли от него на некотором расстоянии, так что и здесь приходилось заботиться о безопасности землевладений. Так, в Короче городские поля находились верстах в двух, и в трех, и в пяти и больше от города, а сенные покосы за 15 верст. Дозорщики, посланные из Разряда для исследования степени безопасности этих земель, сообщали, что там «пашенным полям и сенным покосам защитою является только одна река Короча, и что городским пашенным людям не мочно, потому что поля и сенные покосы от города вдали, за горами, а город Короча стоит внизу, за пологою горою и за косогорами пашенных полей и сенных покосов не видно[360]. В виду этого дозорщики предлагали Правительству устроить на Красной горе стоялый острог, отчего и городу Короче и слободам будет бережно и помощь большая и без вести воинские люди не придут».

[360] Н.И Миклашевский. К истории хозяйства Московского Государства, 70-71 стран.

Что касается возделывания сельскохозяйственных произведений почвы в поместьях и вотчинах, то оно сосредоточивалось, главным образом, на хлебопашестве.

Весьма важно проследить, какие роды хлеба в XVII веке засевались и какой степени урожая достигали они в нашем крае. В этом отношении большую ценность имеет так называемая «Десятня Государевой десятинной пашни в *Белгородском,* Воронежском, Елецком, *Курском* и *Старооскольском* уездах»[361].

Хотя в этой десятне говорится об обстоятельствах обработки Государевых пашен, продукты которых шли на хлебное жалованье – служащим дворянам и детям боярским и другим ратным людям, но в том же положении находилось возделывание земель и у помещиков.

В Белгороде при Царе Борисе «пахали десятинные пашни по 200 десятин в поле, а в дву потомуж, а для тое пашни было в Белгороде Государевых 130 лошадей, а пахали ту пашню стрельцы пешие украинных городов, переменяясь по годам, которых посылали на службу, а сошники и серпы Государевы. А ныне по Государеву, Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по боярскому приговору велено в Белгороде (то есть, в Белгородском уезде) Государеву десятинную пашню пахать по 100 десятин в поле, а в дву потомуж, а *пашут дети боярские* и стрельцы и казаки и всякие Белгородские служилые и жилетцкие люди».

Таким образом из «Десятни Государевой пашни» мы видим, что дети боярские Курского и Белгородского края, кроме исполнения своих военно-боевых обязанностей, еще несли особую службу – обрабатывали Государеву пашню. Эту

[361] Московский архив Министерства юстиции, десятни книга № 208. Название книги таково: «Десятня Государеве десятинной пашне, что в польских городех пашут» 128 (1620) г.

обязанность они исполняли или своим личным трудом, или при посредстве своих крестьян.

Что касается родов хлеба, возделываемых в Курском крае, то в актах «Десятни» упоминаются: рожь, овес, ячмень, гречиха, просо, конопля и другие, сеемые и в настоящее время злаки.

Рассматривая условия сельского хозяйства в дворянских поместьях, скажем несколько слов об урожайности пашни. Несмотря на то, что в Курском крае в XVII веке было гораздо более лесов, чем в настоящее время, и реки были во много полноводнее, достаточно, например, сказать, что в Курской области было пять судоходных рек: Сейм, Оскол, Донец, Псел и Свапа, по которым ходили будары с частными и казенными грузами, все-таки засухи и заморозки вредили успехам земледелия. Челобитья о неурожае, вследствие засухи или весенних холодов, встречаются весьма часто в актах Белгородского стола. Вот какое донесение Оскольского воеводы Государю в 1629 году читаем мы: «во всем Оскольском уезде овес выгорел от солнечного зною и не ужато ни одного снопа». В том же году восточнее Оскола, по донесению воеводы, «гневом Божиим хлеб не родился, все лето была сухмень великая, не токмо, Государь, хлеб выгорел, и трава вся выгорела. И дети боярские и всякие служилые люди оскудели великою скудостию, а хлеб купят большою ценою: рожь купят четь по 20 алтын. И от того дети боярские и атаманы и служилые люди, *покиня свои поместья бредут розно*».

Много актов встречаем мы в делах Белгородского стола, из которых видно, какие опустошения в Белгородско-Курском крае причиняли также вредные насекомые, в особенности саранча. Разрядный приказ предписывал воеводам меры против саранчи[362]: буде в которых местех саранча ныне есть и приказным людям и воеводам, собрався с городскими и уездными людьми большим много-

[362] Предписание Белгородскому воеводе.

людством на поля идтить. И нашед на тое саранчу, ее *побивать* и лошадьми, и телегами топтать, и лопатами сгребать, и соломою оболокши пожигать, и всякий над ней промысел чинить, чтоб ее всю искоренить». Но печальны были отписки на эту грамоту. «Которая саранча, – писал воевода, – на полях была, и та саранча весь хлеб поела. В то число сбивал я с жителями саранчу по многие дни и от той саранчи хлеба на полях уберечь никоторыми делы не мочно».

Что касается до орудий хлебопашества, приемах его и урожаях хлебов, то в этом отношении мы можем сказать несколько слов только на основании данных о десятинной Государевой пашне. Из орудий упоминаются в помещичьих имениях Курского края сохи с палицами и без палиц и деревянные бороны. Сошники к сохам были трех размеров: большей руки, средней и меньшей. Что касается урожая, то, например, в 1617 году было посеяно 200 четвертей ржи, ужато 582 копны, вымолочено 1124½ четверти, урожай сам 5,6. Овса было посеяно 400 четвертей, ужато 430 копен, вымолочено 831 ¼ четвертей, урожая сам 2. В 1682 году было высеяно 182 четвертей ржи, ужато 338 копен, вымолочено 547½ четверти, урожай был сам 3. Овса было высеяно 273 четверти, ужато 444 копны, умолочено 458½ четверти, урожай сам 1,7. Вообще же в XVII веке урожайность вращается около приведенных цифр.

Огородничество было не очень значительно развито в поместьях и вотчинах Курского края. Более значительно было хмелеводство. Составляя необходимый продукт для варения любимых напитков браги и пива, хмель разводился во всем Курском крае, главным образом для домашнего употребления. В XVII веке число хмельников или хмелевых угодий настолько увеличилось в Курско-Белгородском крае, что Московское Правительство нашло необходимым обложить их известным денежным оброком. Поэтому сведения о Курских хмелевых угодьях встречаются в оброчных книгах, именно в перечнях хмельников, находившихся в разных уездах нашего края. Из оброчной кни-

ги 135 (1627) года по Белгородскому уезду мы видим, что в этом уезде особенно процветало хмелеводство, иногда хмельники примыкали здесь к пасекам, но чаще в поместьях и вотчинах они были в качестве самостоятельных угодий.

3.

Относительно лесов Курско-Белгородского края мы должны сказать, что вообще число их и пространство в XVII веке было гораздо значительнее, чем теперь, принадлежали они, главным образом, помещикам и вотчинникам. Леса были теми естественными оградами владений дворян и детей боярских и других жителей Курско-Белгородского края, которыми оседлое население пользовалось для целей защиты с очень древних времен.

Главные полосы лесов шли: по правому берегу Донца, Ворсклы (чрез Хотмышский уезд) и Псла (чрез Миропольский уезд), а также по речкам Корени, Короче и Нежеголи. В верхнем течении Донца, в Корочанском и Белгородском уездах, как видно из *Книги большого чертежа*, мы находим в начале XVII столетия следующие леса: *Болховы Бояраки*, *Долгий Боярак и Разумный лес* по реке Разумной. Первые два находились на Муравском шляху в 20 верстах от Белгорода, из третьего вытекала река Разумница[363]. В местности, где сошлись верховья рек Сейма, Оскола и Оскольца, около Муравского шляха находился громадный *Пузацкий лес*. Между притоками Оскола – Ублей и Котлом и притоком Дона Потуданью был *Погорелой лес*, между Осколом и Тихой Сосной – *Куколов лес*. У верховьев речек Корени и Корочи, впадающих в приток Донца Нежеголь,

[363] Теперь – Разумная, название, очевидно, происходит от слова разъемлю, разымати – разделять.

лежал большой лес под названием *Юшковы баераки*. Берега Псла также были лесисты, в окрестностях Суджи упоминается в *Книге Большого Чертежа Борзжовский лес*, на Сейме *Пузацкой лес*. В указе Государя Михаила Федоровича 1637 года[364] упоминается, что «река Тим и Кшенево место *наполное лесов*, а верховье реки Оскола проходят дубровы небольшие, а больших лесов нет», упоминается Яблоновый лес и другие. Леса, если не широкие, то длинные тянулись по Сейму, Тускари, Рати, Свапе и другим рекам. Если мы примем во внимание, что как видно из писцовых книг, помещичьи селения и хутора были расположены по течению рек, то важное значение местных лесов станет нам вполне ясным. В древних актах мы находим немало упоминаний о том, что помещики нередко у густых и непроходимых лесах устраивали свои тайники для сохранения имущества и даже для спасения там человеческих жизней от нападения степных врагов.

Помещичье хозяйство в Курском крае имело большое подспорье в бортных ухожеях и других угодьях. Бортничество составляло исконный и любимый промысел на Руси. Оно было очень распространено и давало большой подсобный доход помещикам, крестьянам и другим классам населения. Мед и воск были предметами оживленной международной торговли, и с понятием бортный ухожей еще со времен глубокой древности связывалось понятие о владении землей.

Остановимся несколько подробнее на бортничестве в виду того, что эта отрасль сельского хозяйства имела весьма крупное значение для дворянского землевладения и в Курском крае, в особенности в Путивльском, Рыльском, Суджанском и Белгородском уездах.

Под бортным ухожеем нужно разуметь довольно обширную местность, непременно лесистую и притом с пре-

[364] Белгородского стола столбец 73-й.

обладанием лиственного леса, так как пчелы не водятся в хвойных лесах. Определить пространство, которое занимал каждый бортный ухожей, трудно, так как границы их, показываемые в писцовых книгах, очень неопределенны.

Бортные ухожеи в Курском крае отличались большими размерами и из них добывалось большое количество воску и меду. Мед из Путивля и Белгорода нередко посылался в Москву к Государю на Сытный двор, а также разным высокопоставленным лицам, например, в 1686 году – Мефодию Епископу Мстиславскому и другим. Вследствие этого бортные ухожеи обыкновенно охранялись от повреждения и порчи неблагонамеренными людьми, которые иногда посягали на их целость и неприкосновенность.

Бортные ухожеи могли существовать только в те времена, когда население в Курском крае было сравнительно редко. В XVII столетии, с увеличением населения и возрастанием числа сел и деревень, мы видим постепенное уничтожение их и замену пасеками.

Один бортный ухожей обыкновенно отличался от бортей соседа по лесу при посредстве так называемых *знамен*. Это были натесы, сделанные на деревьях топором. В писцовой книге Путивльского уезда приведены рисунки знамен каждого бортного ухожея и их названия. По большей части, *знамена* изображали либо какие-либо предметы из ежедневного обихода или произведения природы. Приведем здесь некоторые из *знамен* поместных бортных ухожей дворян и детей боярских: Ш – столбы вверх, – сорочья лапка с коленцем, W – шеломец с откоски, – голова с протесом, – белка, – тренога, – чеботки, – скобель, >≡≡≡< – четыре палицы да два куцыря, – коробья с куцырем, > – мотовило с куцырем, – голова.

В писцовой книге Рыльского уезда 7136 (1628) года встречается такое описание бортной ухожеи: «Ивана Ливанова и Андрея Поповкина в Рыльской волости бортное ухожеи усть Гаврилова Колодезя на реке Семи да верх по Гаврилову лесу противу деревни Петра да Григория Петряева с братьями да через межу, а в том бортные ухожеи три пальца да знамя граница стесы 1 X 1, да знамя мотовило кверху рогами с примечком, X еще знамя в том ухожеи вески » и др.

Бортники и оброчники принадлежали к служилым людям – дворянам и детям боярским, посадским людям и должны были уплачивать оброк казне. Оброк они платили Государю медом и куницами, а за куницу деньгами по пяти алтын, да пошлин с меду с пуда по полуземе (6½) деньги, а за куницы по полуторе деньгами.

В 1667 году в Белгородском уезде было собрано оброчного меду 36 пудов 17 гривенок. С улья брали меда в оброк по гривенке; так как пуд состоял из 40 гривенок, то, следовательно, в Белгородском уезде в этом году находилось на оброчных пасеках, принадлежавших помещикам и другим лицам, 1417 ульев.

В Белгороде пчельники находились, большею частью, за Северным Донцом по Крымской стороне, в Донецком логу, на Большом логу, «выше прежнево городища», и как значительно было пчеловодство в этом уезде, видно из того, что только в семи пунктах, лежавших в окрестностях Белгорода, находилось 58 пчельников.

У некоторых детей боярских пчельник, хмелевое угодье и рыбная ловля соединялись вместе.

В Белгородском уезде большая пасека принадлежала боярину и воеводе Князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому. Она находилась под *Меловою* горою в одной версте от Белгорода. На ней было 85 ульев с пчелами, из которых в сентябре 1665 года было убито непрочных пчел 25 ульев, меду вынуто 16 пудов 20 гривенок. Оставлено в прок доброй и середней пчелы 60 ульев. Из 92 ульев вынуто

67½ пудов меду. На пасеке было строенья: «*изба* с сеньми, против избы клеть, конюшня, 4 омшеника, сарай. Пасечной железной и медной посуды – котел медной ведра в четыре, в нем сытят мед, кормят весной пчелу, 4 теслы, заступ, Мотыка, топор, струг, скобель. Выкопан колодезь, в колодезе сделан струб дубовой, рубленой».

Другая пасека князя Ромодановского была в Карповском уезде, на реке Ворскле, под Серетинным колодезем, в ней находилось в 1665 году 543 улья. На пасеке, принадлежавшей в Карповском уезде детям боярским Андрею Покушелову и Гавриилу Пузанову, было 84 улья, у Ивана Муратова в Белгородском уезде было 50 ульев, у П. Борыкова в Хотмышском уезде было 60 ульев и т.д. По большей части, количество ульев вращается около указанных нами цифр. Некоторая часть воска составляла ежегодную дачу дворян и детей боярских в Белгородский Троицкий собор на свечи.

В Курском крае существовали Государевы пасеки, на которых дети боярские несли службу, именно охраняли пасеки как в мирное, так и в военное время. Так, Государеву пасеку в Карповском уезде охраняли пятеро детей боярских: «А для всякого береженья на пасеке сторожи *Карповцы дети боярские*, которые живут подле той пасеки: Анисим да Михайла Русанов, Михаил Кураков, Михаил Конев, Иван Полуэхтов, Ермил Зубочев, а стерегут пасеку, меж себя переменяясь»[365].

При этом дети боярские несли свои обязанности на пасеках на своем собственном иждивении.

4.

Относительно скотоводства и птицеводства в поместьях и вотчинах Курского края мы имеем некоторые сведения

[365] Переписная книга Государевых отписных пасек 180 г., Разряд. 5, № 31-й.

из Сборных книг столовых припасов, взимавшихся на дворцовый обиход.

Из Курского края доставляли в Москву в числе разных припасов: свиное мясо, сало, коровье масло и другие продукты. В Сборных книгах говорится об индейских и русских курицах и других домашних птицах, разводимых в поместьях.

Коневодство в Курско-Белгородском крае, по-видимому, было значительно. Из поместий и вотчин постоянно доставлялись лошади на военные и полковые надобности. Правительство часто собирало лошадей для пополнения ими полков, для артиллерии и обоза. Кони собирались с телегами или санями и погонцами. Лошади высылались также в южные города: например, из сметной книжки Хотмышска в 187 (1649) году видно, что значительное число лошадей было выслано отсюда в город Валки.

В Курском крае в XVII веке значительно было развито и рыболовство, данные о рыбных ловлях содержатся в так называемых оброчных книгах, по которым обыкновенно взимались налоги за пользование рыбными ловлями. Из этих книг видно, что почти во всех владениях более или менее крупных помещиков и вотчинников были свои рыбные ловли в реках, плесах и озерах. Границами речных плес, принадлежавших разным помещикам, служили устья впадающих речек и ручьев, речные заливы, известные береговые очертания и разные выдающиеся места на берегах – холмы, овраги и проч.

Что касается минеральных богатств Курско-Белгородского края, то пользование ими было незначительно, в оброчной книге Севского уезда мы встречаем сведения об отдаче ломок жернового ломового камня помещикам А. Иванову и К. Анофрееву в 1678 году «по торку – владеть каменными ломовыми и Брусовыми горами по Свиную дорогу, вниз по речке Речице до речки Свапы с упалыми каменными горами по Черкасскую дорогу» (в нынешнем Дмитриевском уезде Курской Губернии). Разработка горшечной гли-

ны производилась в Белгородском и Курском уездах, а также Каменовском (Каменный – пригород Путивля).

В истории Курского Дворянства в XVII веке, конечно, важное значение имеют сведения о поместном хозяйстве средних по своей зажиточности дворян и детей боярских. Есть один драгоценный памятник, который касается данного вопроса и дает на него положительный и достаточный ответ. Это именно «Курские выборные книги, каковы прислал Курский воевода стольник Князь Иван Лыков 156 (1648) году детям боярским». В этих книгах излагаются данные о хозяйстве Курчан – детей боярских Обметского (Обмяцкаго) стана, которые были назначены к переводу на вечное житье в новопостроенный город Карпов. Посланные Лыковым чиновники переписали детей боярских с их семействами, «сколько у ково лошадей и коров и всякой животины и хлеба молоченого и немолоченого и земли сеяной ко 156 году». Здесь даны указания и на крестьян и их семейства, принадлежавших детям боярским.

Каков был размер земельных дач, видно из описания трех рубрик этих дач, из которых первая касается лиц, имевших средний оклад земли (50-60 чети), вторая – наибольший (100-140 чети) и третья наименьший (20-30 чети). При этом надо иметь в виду то обстоятельство, что эти цифры касаются собственно земельных дач детей боярских, а не их поместных окладов. Оклады были несколько больше, земельные же дачи, как это видим и во многих других случаях, гораздо менее. Приведем описание хозяйств указанных трех разрядов.

«Козма Дмитриев Микулин. У него сын Евсей полутора году, живут вместе, животов двоя лошади, корова самодруга, троя овец, свинья самопята, три копны ржи, десятина ржи в земле сеяна, поместья в дачах 60 чети, крестьян и бобылей нет.

Фатей Андреев Ачкасов, у него сын Денис осьми лет, два сын Авдоким шести лет живут вместе, животов двоя лошади, корова, четверо овец, полосмины овса, две-

надцать копен ржи, десять копен овса, полчетверти десятины ржи в земле посеяно, поместья в дачах 110 чети, за ним крестьян четыре человека мужеска пола.

Кузма Макаров сын Епишев, детей нет, у него зять Ермол, жена у него умерла, у него сын Богдан пяти лет, живут вместе, животов двоя лошади, корова самадруга, пятеро овец, троя свиней, три осмины ржи, полосмины овса, полосмины пшеницы, полдесятины ржи в земле сеяной, поместья в дачах 30 чети, за ними бобыль Прокофей, у него сын Кузка 20 лет пошол в драгуны бегая, а у Кузмы сын Никифор пяти лет, да сын Осип полугоду».

Рассматривая «Курские выборные книги», мы находим сведений относительно трех семейств – Петра Михайлова, Карпа Лыкова и Куприяна Сидорова, которые не были испомещены. О них в «Курских выборных книгах» сказано: *поместья нет ни одной четверти*. В то же время у всех троих детей боярских были запасы хлеба и домашние животные. Очевидно, что беспоместные дети боярские занимались сельским хозяйством или на землях, арендованных у других лиц, или на каких-либо пустопорожжих землях. Остальные 38 помещиков владели 1848 четвертями земли, так что средний размер поместного владения для Курского уезда был весьма значителен, свыше 50 четвертей. Наибольший размер поместья был в 110 четвертей, наименьший – в 20 четей.

Что касается до использования поместной земли, то самая большая ее часть, около 90% не распахивалась, а, очевидно, была под лесом, лугами, пустошами и проч. Важность лугов и выгонов видна уже из того, что на 38 семейств считалось 582 домашних животных, в среднем по 15 на семейство.

Глава XX Полоняники Курского края

Захват в плен русских людей татарами и литовцами – во время сражений и в поместьях. – Полоняничные книги. – Размен пленных. – Страдания полоняников в татарской неволе и продажа их в рабство. – Рассказ вышедших из плена корочанских детей боярских Сапелина и Жилина. – Отношение к выкупу пленных Церкви и Правительства. – Особый полоняничный сбор. – Обеспечение Правительством явившихся из плена. – Захват пленных в 1646 году в Курском и Путивльском уездах. – Татарский погром Курско-Белгородского края в 1680 году. – Слова историка Н.И. Костомарова.

1.

Татарские и Литовские нападения на уезды Курского края обыкновенно сопровождались уводом в далекую и тяжкую неволю жен, детей и престарелых родных помещиков, которые в случае внезапных нападений на их поместья или других обстоятельств, не имели даже возможности защищать дорогих и милых сердцу семьян, так как были обязаны стоять на обороне городов-крепостей и вообще ратоборствовать со врагами, имея пред собою одну важнейшую цель: изгнание из Курской страны вторгшихся в нее неприятелей. Если не удавалось Русским

отрядам при их военных действиях отбить у Татар забранных ими в плен Русских, то необходимо было выкупать их из плена или ожидать посольской размены, которая устраивалась в каком-либо, назначенном месте, например, Валуйке, Переволочне и др. По условию, заключенному между Московским Правительством и Крымским ханом обыкновенно в том и другом, указанном в условии, пункте сходились с обеих сторон военные отряды и здесь на нейтральной, так сказать, почве[366] присланный Государем воевода, по соглашению с представителем Крымского хана, выкупал на привезенные из государственной казны суммы денег пленных, а также обменивал за полоненных Русских людей Татар, попавших в плен к Русским военным отрядам. С Литвою выкуп и обмен пленных нередко производились посредством переписки. Но Польские отряды во время нападений и войн захватывали, главным образом, военных людей, тогда как Татары по преимуществу влекли в плен из поместий, вотчин, сел и деревень беззащитных людей и томили их в плену, откуда возвращались далеко не все и не всегда.

Увод в Татарскую неволю сопровождал каждое нападение Татар, Ногаев и других хищных степняков. Нет надобности останавливаться на каждом случае захвата Татарами и другими неприятелями пленных из уездов Курского края, потому что факты этого рода были очень однообразны и многочисленны. Для нашей цели важно из множества фактов остановиться только на некоторых из них и передать читателям характеристические черты отрицательного, по своему свойству и мучительного для поместных дворян, в особенности для женского населения, условия их жизни, вообще мало дававшей им спокойствия и благополучии.

В «записных книгах» убитых и полоняников мы находим много именных списков дворян, детей боярских, других служилых людей и крестьян Курского

[366] Большею частью, на мосту какой-либо реки.

края убитых, взятых в полон и разоренных во время Татарских и воровских Черкас набегов на порубежные области. Эти списки свидетельствуют о положении тогдашних вотчинников и помещиков, их семейств и крестьян, которое можно признать очень тяжелым. Устроенные в Белгородской черте, за чертою и по черте города были в силах защищать Государство, но не все пространство уездных территорий, так как городов в XVII столетии, сравнительно, было немного.

Особенно ясно это видно из двух записных книг, одна из которых касается Путивльского уезда и относится к 167 (1659) году, а другая касается Севского уезда и составлена тремя годами позднее, именно в 1662 году[367].

Первая книга носит такое заглавие: «Тетради записные, что в Путивльском уезде воры Черкасы и Татарове Великого Государя всяких чинов служилых и уездных людей мужского полу и женского побили и в полон взяли и сел и деревень выжгли и разорили».

Далее перечисляются соответственные имена и названия деревень, причем даются довольно подробные сведения. Так, например:

«Февраля во 2-й день у Михаила и Федора Барсуковых в Путивльском уезде деревни Мишутиной воры Черкасы и Татарове крестьян их *одного* человека ссекли, а другого в полон взяли и животы их помещиков и крестьянские, лошади и коровы поимали.

Февраля в 4-й день у Путивльца сына боярского у Федора Черепова на речке на Терну, в деревне Череповке воры Черкасы и Татаровя побили и в полон взяли крестьян ево четырех человек з женами и з детьми, да животины волов и коров 170».

Другая Севская записная книга также заключает в себе именное перечисление Путивльцев убитых и в полон взятых Татарами и изменниками Черкасами.

[367] Дела Разряднаго приказа, вязки №№ 79 и 98.

2.

Более или менее подробные известия по отношению к полоняникам Курского края дают нам *Царские грамоты на Корочу* [368]. Так как они касаются тогдашнего Корочанского дворянского сословия, то приведем их здесь в подробном изложении.

В 1645 году, во время нападения Татар на Белгородский и Корочанский уезды, было взято ими в плен несколько детей боярских из города Корочи. Из них двое Самойло Сапелин и Григорий Жилин ушли благополучно из Татарского плена в Святогорский монастырь, откуда они были перевезены в Корочу – оба израненные в бою около деревни Стариковой Корочанского уезда. Обыкновенно возвращавшихся полоняников допрашивали, главным образом, в Полоняничном приказе в Москве об обстоятельствах их пребывания в плену. Но на этот раз Сапелина и Жилина допрашивали только в Короче, так как они были очень больны, *раны их были разъедены червями*.

Первый полоняник – Сапелин рассказал «в расспросех» Корочанскому воеводе следующее. Когда ожидали нападения Татар, то один из военных отрядов, в котором находился Сапелин, стоял недалеко от села Старикова. Нужно было отправить впереди отряда разъезд. По обычаю отправили детей боярских, на этот раз Сапелина и Петра Комарицкого. Утром, 20 августа, когда они оба ехали впереди отряда в долине, чтобы не быть замеченными Татарами и в случае необходимости известить свой отряд, внезапно напали на разъездчиков воинские люди, с которыми наши дети боярские немедленно вступили в бой, но, будучи изранены саблями, не могли сопротивляться и попали в плен. Вскоре Татары напали на отъезжую сторожу и во время нападения захватили в плен Григория Жилина и Федора Рогулина. Однако в это время на Татар

[368] Царские грамоты на Корочу, 1645 года.

налетел Русский отряд, разбил их полчище и преследовал их в продолжение целого дня. Между тем Сапелин оставался в числе пленных. Татары своих убитых везли целый день с собою, а с наступлением ночи сбросили их в овраги. Только на третьи сутки татарский отряд достиг реки Донца, но здесь – 22 августа на него напал отряд Литовских Черкас под предводительством Грицько Торского. Благодаря этому, Сапелин и Жилин были отбиты у Татар, но двое их товарищей Корочанских детей боярских были уведены Татарами в их улусы.

Грицько Торский заботливо отнесся к судьбе несчастных раненых, он дал им лодку, на которой оба Григорий и Самойло доплыли по Донцу до Святогорского монастыря. В монастыре они пролежали две с половинную недели и дали о себе весточку в Корочу. Тогда за ними приехала из Корочи станица детей боярских и возвратила их на родину. Разумеется, такое спасение служилых людей израненных и мучимых можно назвать не иначе, как чудесным, редким спасением.

Григорий Жилин рассказал воеводе следующее. Стоял он с другими тремя своими товарищами детьми боярскими на отъезжей стороже, как вдруг рано на них напали неизвестно какие воинские люди: одни из них явились из лесу, другие из степи, началась схватка, в которой Жилин и Рогулин были взяты в плен. Других двух товарищей освободили Русские, прибежавшие на помощь. Обратившись в бегство, Татары бежали беспрерывно два дня и две ночи. На Донце его с Сапелиным отняли Черкасы и отправили в Святогорский монастырь, куда они плыли на лодке по Донцу три дня. Татары, говорившие по-русски, высказались пред обоими пленниками так:

– «Ныне у вас Царь новый (Алексей Михайлович) и нам ныне на Государевы украйны *ходить вольно*, и мы будем нынешнего лета воевать Государевы украйны большими людьми».

Дети боярские Сапелин и Жилин передали воеводе о

том, что Татарский отряд, в котором они были, по числу людей был невелик, до 100 человек, некоторые из Татар, находившихся в нем, были из Крыма, другие из Азова, кто предводительствовал ими, этого полоняники не могли сказать, потому что сами не знали.

Этот рассказ с полной убедительностью подтверждает то положение дворян и детей боярских Курского края, что каждый из них никогда не знал, что принесет ему и его семье завтрашний день.

Интересна судьба попавшего в плен атамана Ивашки Каторжного[369]. Он служил в Белгороде в казаках и послан был оттуда с военным отрядом на Северский Донец против Татар. Здесь на перевозе, в бою с ними он был ранен, взят в плен и продан в Турцию в Константинополь. Там он пробыл 12 лет, потом с товарищами напал на сторожей Турок, и ему удалось уйти в Россию, где был избран атаманом села Старикова. В его отсутствие Татары взяли в плен его жену и детей и продали в Азов, жену он выкупил, а дети остались в рабстве. Среде многих случаев полона дворян и детей боярских Курского края обращает на себя внимание долголетнее пребывание в плену дворянина Белгородского уезда Семена Григорьевича Черемисинова, он был на службе взят в полон и пробыл в нем 10 лет.

Русское Правительство, Православная Церковь и общество для спасения пленных устроили выкуп из неволи. Существовал особый *полоняничный сбор,* благодаря которому можно было время от времени выкупать пленников. Котошихин в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» говорит: «А как они, Крымские люди, ходят войною на украинные города и разоряют и людей рубят и в полон берут, и тех полоненников привозят они на границу, по сговору, на размену; и которыми полоненниками с обе стороны разменяются, а другие останутся,

[369] Царская грамота на Корочу, стр. 37.

и за тех Московские люди платят деньги по сговору, по 100 рублев и больше, и по 50, и по 30, и по 20, и по 15 за человека, смотря по человеку». *Полонянной сбор* сбирался ежегодно, и о нем мы находим сведения в *Уложении* Алексея Михайловича. С служилых людей брали по 2 деньги, с помещичьих и дворцовых крестьян по 4 деньги и проч. Как важно было это дело, видно из следующих слов *Уложения*: «Таковое искупление (выкуп пленных) общая милостыня нарицается и благочестивому Царю и всем православным христианам за то великая мзда от Бога будет, яко же рече праведный Енох: не пощадите злата и серебра брата ради, но искупите его, да от Бога сторицею примете. Христос же не токмо серебра, но и душу свою повелевает по братии положити. И того ради Христова слова, благочестивым Царем и всем православным христианам не токмо пленных окупати, но и душу свою за них полагати достойно, да сторичные мзды в он день сподобиться».

За дворян и детей боярских, взятых в плен на бою, давалось по 20 руб. со 100 четей поместной земли, стало быть в Курско-Белгородском крае выкупная сумма могла быть ниже 20 руб. и выше, достигая в большинстве случаев от 40 руб. (с 200 четей) до 100 руб. (с 500 четей). Кто из дворян и детей боярских были взяты в плен не на военно-боевой службе, за тех полагалось по 5 руб. со 100 четей.

По возвращении из плена дворяне и дети боярские были обеспечиваемы со стороны Правительства. Дело в том, что полоняники теряли свои поместья, в особенности, когда их неволя продолжалась десятки лет. Явившись к воеводе, полоняники подавали о себе заявления, передавали известия о Татарах, Литовцах и других иноземцах и пользовались правом получать жалованье за выход. Поместье возвращалось полоняникам и уже с прибавкой к нему земли за выход из плена.

В этом отношении интересен случай, который мы находим в одной из *Царских грамот на Корочу*. В

1646 году вышел из татарского плена Корочанский сын боярский Данило Шевелев[370], и ему за полонное терпение к прежнему его поместному окладу в размере 200 четвертей земли было прибавлено 50 четей, то есть, целая четверть владеемого им оклада, и кроме того было прибавлено к его прежнему жалованью в размере пяти рублей еще 3 рубля нового. Их того же сочинения Котошихина можно видеть, что получивших раны лечили бесплатно Государевы лекаря, а за раны давалось особое жалованье.

Упомянем еще о том, что жены дворян и детей боярских, попавших в плен и мужья пленных жен имели право вступить во второй брак, если полоняники или полоняницы находились долго в отсутствии. Иногда возвратившиеся из плена мужья не находили не только имущества, но и своих жен.

3.

После прихода в Курский край и воеванья Крымских царевичей с большими полчищами Татар, в 154 (1646) году были собраны сведения об убитых и взятых в плен в Курском, Рыльском и Путивльском уездах.

В полоняничной книге было записано следующее заявление пред списком полоняников и полоняниц:

«В 154 году, как приходили Крымские царевичи в Государевы украинные городы в декабре и январе месяцах[371] в Курские, Рыльские и Путивльские места и тою войной, што у нас взяли в Курском уезде Курчан детей боярских, их жен и детей и пашенных крестьян, и крестьянских жен и детей и дворовых людей, тому всему по допросу боярина Бориса Васильевича Трубецкого дали

[370] Значится в Корочанской десятне в числе Дворянства.

[371] Годъы 154, начавшись в сентябре, продолжался в январе, по современному же счислению наступил 1647-й год.

сказки тем полоненным людем за своими руками, что в нашей расписке написано, то взято, кроме тех, которые из полону отбиты Курского уезда в селе Городенском, о тех полоняниках сведения дали. А на подлинных сказках написаны поруки».

Из списка полоняников видно, что из 34 дворянских поместий Курского уезда были схвачены дворяне – старики и малолетние, дворянки – женщины и девушки, таким образом 34 дворянских семейства были повлечены Татарами в тяжкое рабство. За ними вели крестьян с их семействами… Тридцать четыре поместья было разорено и дымилось в развалинах…

Азиатские хищники, возбужденные своею хищническою удачей в Курском уезде, не спешили оставлять пределов Курского края, а двинулись своей ордой в Рыльский уезд. Здесь в начале они действовали успешно, но потом храбрый отряд Рыльских ратных людей в жаркой битве с Татарами отбил у кочевников Курчан детей боярских и их жен и детей, мальчиков и девушек, и крестьян с семействами их, всего – 439 человек.

Из этой цифры можно видеть, как страшны были нападения большими массами Татар на поместья и как дерзки были их орды, не боясь захватывать множество полоняников, что, конечно, должно было затруднять быстроту передвижения Крымцев.

Что же касается удачного отбития Рыльским отрядом пленных, то, следует сказать, что такие удачные случаи были не часто, и множество пленных было уводимо в степи. Вот почему число селений в Курском крае не увеличивалось так быстро, как это могло бы быть вследствие обилия и плодородия земли прекрасного, неистощенного чернозема и всяких других угодий. Вот почему селения и дворянские поместья иногда укреплялись подобно городам, а жители их были такими же воинами, как горожане. Недаром у каждого дворянина и сына боярского, у всякого по-

мещика все его доспехи и вооружение висело на стене у его кровати.

В 1646 году, по Государеву указу, князь Алексей Микитич Трубецкой и Григорий Орефьев Миронов были в Путивле для регистрации убитых и взятых в полон во время бывшей перед этим «войны Татар» в Путивльском уезде. Князь Трубецкой имел поручение «переписать полон, который забрали Ногайские люди – детей боярских и всяких служилых людей по статьям порознь и их жен и детей и что на бóех и в проезжих станицах и в подъездах[372] побито».

На Государевой службе в проезжих станицах и подъездах были побиты дети боярские Путивльские:

Федор Афанасьев сын Беззубцов.

Василий Савинов сын Карпов.

Андрей Захаров сын Золотарев.

Савел Петров сын Юдин.

Юдин был убит на дороге, будучи послан к Государю с вестовой отпиской от воеводы.

На вылазке и приступе побиты дети боярские:

Жадéн Кузьмин сын Власов.
Иван Федоров сын Забелов.
Василий Ондреев сын Щетинин.

В уезде были взяты в полон:

В деревне Белой Галице:

Беззубцова жена Аграфена Федотьева, сын Юрья 11 лет, Борис 6 лет, Михаил 5 лет.

Деревни Козловки:

Василия Карпова жена Матрена, сын Иван.

---

[372] Подъездами назывались такия военные действия, когда посылаемые ратные люди *подъезжали* к станам и укрепленным местам неприятелей, к татарским перелазам, и здесь добывали о них сведения и вести.

Деревни Щекиной:

Ивана Щекина пасынок Елизар Афонасьев.

Прохора Карпова жена Парасковья, сын Михайло.

Села Коренского:

Жена Лукьяна Константинова Елена с детьми с сыном Сидорком, да с Алешкою, Гришкою и дочерью Ефросиньицей.

Деревни Золотаревой:

Семена Золотарева жена Степанида с сыном Григорием, с невесткою Федосьею, с детьми сыном Степаном, дочерьми девками Матренкой и Анкой.

Села Волынцева у попа Родивона матерь Алена и попадья Авдотья с сестрою Марьицею и с детьми сыном Петрушкой да Матюшкой.

Деревни Щетининой:

Герасима Щетинина жена Агафья, да с детьми: дочь Федоска, другая дочь Федоска, внучка девка Евдокеица пяти лет.

Той же деревни Ондрея Щетинина жена Ирина с детьми с сыном Григорьем и дочерьми Марфой, Оксиньею да с Огафьею да с Татьяною.

Села Студенка:

Афонасия Некрасова жена Варвара с детьми сыном Степашком да с Васком.

Деревни Дугиной:

У Кузьмы Карпова жена Овдотья и дети: сын Левонтей 11 лет, другой сын Иван 9 лет, 3-й сын Микита 7 лет, 4-й Семен – 5-ти лет, да дочь девка Фетинка шти лет.

Деревни Окуловой:

Егорьевского попа Григория Щепкова племянница Варвара 13 лет, другая Палагея 9 лет.

Деревни Фастовой:

Ивана Маслова жена Маланья с детьми: сын Никита, да сын Прокоф (Прокофий), да сын Семен, да сын Семен же, да сын Савелей.

Деревни Малеевой:

Петра Малеева жена Федора, да сын Микита, да сын Иван, да сын Левон, да сын Гаврила, да дочь девка Евдокеица, другая дочь девка Дарица (Дарьица).

Деревни Золотаревской:

Иванова жена Золотарева вдова Марья с детьми: две девки – Овдотья и Марьица.

Микиты Стремоухова жена Анна с детьми: сыны Денис, Иван, дочери Палагея, Христина, Пелагеица.

Села Линева:

Взят в полон поп Федор с попадьею с Марьицей, с дочерью Иринкою, да с Анюткою, да с сыном Ивашком.

По Государеву указу 154 (1646)[373] года Григорий Орефьев Неронов допрашивал Путивльцев дворян, детей боярских, голов, верстаных и кормовых и жилецких казаков и стрельцов, кто убит и взят в полон в нынешнем году под Путивлем с Татарского бóю, и в Государевых посылах[374], и на поле.

По справке оказалось, что полон отбит Рыльского уезду села Крупец[375], а Путивльского уезду отбито по-

[373] Книги полоняничные 154 году Московского архива Министерства юстиции.

[374] То есть, в посылах на Государевой службе, Московский архив Министерства юстиции, Полоненные книги 154 г.

[375] То есть, были отбиты те пленные, которых татары захватили в селе Крупец. Московский архив Министерства юстиции. Книга полоняничная 154 года.

лону: вдова сына боярского Татьяна Ивановская жена Черепова и несколько человек крестьян.

А выше поименованные дворяне и дворянки, лица духовного звания и много крестьян были повлечены в Татарские улусы в качестве военной добычи для продажи.

После Татарского погрома в 1646-м году, бывшего и в Рыльском уезде, по Государеву указу и по наказу боярина и воеводы князя Алексея Микитича Трубецкого прибыл в Рыльск Иван Иванович Опухтин, чтобы переписать «в которых местех Татарская война была, хто имяны дворяне и дети боярские и всякие служилые и посадские люди и их жены и дети побиты и в полон взяты и из полону от Татар сами ушли и которых воеводы и ратные люди отбили», и то все написал «в сех (сих) книгах полно»[376].

В этой переписной полоняничной книге показано всего полоняников Рыльского уезда 161 человек, считая в том числе, дворян, детей боярских, членов их семейств, крестьян и лиц других сословий.

«В эту эпоху, – как говорит исследователь истории Воронежского края М. Де-Пуле[377], – вся Московская украйна была наводнена варварами: сакмы их, *дочерна битые*, прорезывали ее вдоль и поперек. Татары и калмыки пользовались малейшею неосторожностью чуткого в то время к опасности украинца в ближайших к Русским колониям степях, в лесах и кустах, и то показывались на курганах, то, пользуясь ночною темнотой, прорывались за городские укрепления. Трус в правильной Европейской войне, калмык или татарин являлся дерзким и отважным в разбойническом набеге: в виду городских укреплений он отгонял конские и животинные стада, *колол* невооруженных и неосторожных жителей, отправляющихся по степям или по берегам рек для своих промыслов в ближайшие места, *брал целыми*

[376] Московский архив Министерства юстиции. Разряднаго приказа книга Севского стола № 3-й.

[377] Материалы для истории Воронежской губернии.

толпами полоняников, грабил и оставлял пустыми избы и деревни».

Но этого мало. Из приводимых нами здесь некоторых данных, касающихся взятия в плен дворян и детей боярских и отчасти лиц других сословий, можно видеть, что как ни прискорбны и тяжелы были факты увода в плен взрослых мужчин, но еще тяжелее и мучительнее для нас данные полоняничных книг об уводе старцев, малолетних, несовершеннолетних детей, женщин, девушек и девочек в жестокую неволю. Что их там ожидало, об этом страшно и подумать!

В 1680 году в Курско-Белгородском крае совершился страшный по своим кровавым последствиям татарский погром, более всего отразившийся на местном дворянском военно-служилом сословии и в значительной степени захвативший огнем, мечем и пленом лиц и других сословий[378]. В Белгороде и в Белгородском уезде было побито, сгорело и в полон взято татарами 471 человек мужчин и 368 женщин. В том числе сгорело 30 человек в погребе, у помещиков было захвачено в плен крестьян, дворовых людей и работников 45 человек. Большинство погибших страшной смертью и попавших в тяжкую неволю были дворяне и дети боярские с женами и детьми и другие ратные люди. Бросившись на дворянские поместья, Татары избивали там беззащитных детей в возрасте от 15-ти лет до грудных младенцев. Всего пострадало детей 294 человека, в пламени погибло 28 мальчиков, от четырех лет до полугода, и 42 девочки.

Татары в вотчинах и поместьях дворян, главным образом, грабили скот. И действительно, в 1680 году ими было угнано из имений 683 лошади, 820 коров и волов, 2 250 овец, 112 коз, кроме того дотла сожжено 6 помещичьих дворов, да хлеба, стоявшего в одонках 170 ко-

[378] Московский архив Министерства юстиции, Белгородского стола книга 105-ая.

пен и 20 четей обмолоченного хлеба, словом они произвели большое опустошение в Белгородских пределах.

В уезде города Болхового[379] набег Татар в 1680 году был незначителен, в плен было взято 34 человека, и в самом городе несколько человек.

В Карповском уезде в этот приход воинских людей, по росписи воеводы Филиппа Силыча Пересветова, было взято в плен из Карповских жителей и деревни Красной Отрошки городовой службы детей боярских 2 человека с тремя лицами их семейств женского пола и несколько других ратных людей, захвачено 8 лошадей и четыре коровы, словом, погром здесь был также незначителен.

Иную картину мы видим в соседнем Хотмышском уезде. По заявлению тамошнего воеводы Луки Андреевича, в Хотмышске и уезде в 1680 г. было взято служилых и других людей с женами и детьми 200 человек, в избах пожжено мужчин и женщин 19 человек. У помещиков было взято в плен 63 человека крестьян. Татарами здесь было захвачено 180 лошадей, 207 коров, 2 быка, 653 овцы и 12 коз. Большие опустошения произвели татарские полчища и в соседних уездах, лежавших южнее: Вольновском, Краснокутском, Золочевском, Ахтырском, Валковском. Всего же за один год в городах Белгородского полка было взято, побито и пожжено всяких чинов людей, жен и детей 3 258 человек, да и них же взято 24 193 головы скота, 4 828 ульев с пчелами, сожжено 4 церкви, 688 дворов, 4 мельницы, 8 хуторов. После татарского погрома не оказалось 6 984 чети молоченного хлеба, не молоченного 10 385 копен, сена 1 571 возов.

После татарского разорения Государь Федор Алексеевич своим указом повелел воеводе Петру Хованскому

[379] Болховой город в 4 верстах от Белгорода, на Муравском шляху, уезд его был незнаителен и лежал между Белгородским и Хотмышским. Значение его как военно-укрепленнаго места было кратковременным. Теперь – слобода Болховец.

послать дворянина и с ним подьячего в пострадавшие от нападения неприятелей города и уезды для того, чтобы сделать перепись относительно всех несчастий, которые причинили татары в январе 1680 года и переписные книги, засвидетельствованные самим воеводою, прислать к Государю, к Москве. Это Государево повеление было исполнено.

Наш историк Н.И. Костомаров в своем исследовании о страданиях Русских полоняников, уводимых Татарами в свои улусы и продаваемых в рабство, изобразив эти страдания яркими чертами, заключает свою речь о них следующим образом:

Черты – чрезвычайно живые, правдивые, драгоценные для истории! [380]

Если эти черты тяжелого положения полоняников, по авторитетному признанию Н.И. Костомарова, драгоценны для истории вообще, то *насколько же они должны быть драгоценнее в истории Курского Дворянства?*

[380] Собрание сочинений Н.И. Костомарова, книга 8-ая, 789 стр.

Глава XXI Царствование государя Федора Алексеевича

Правительственные распоряжения относительно службы дворян и детей боярских. – Порядок смотров и службы. – Деятельность князя Ромодановского. – Получение дворянами и детьми боярскими и другими ратными людьми «милостивых слов» Государя Федора Алексеевича. – Посольская размена. – Государевы грамоты за Чигиринское осадное сиденье Курским дворянам. – Родословная книга дворянским родам, составленная в царствование Федора Алексеевича после отмены местничества. – Бархатная книга 1680 года и внесенные в нее роды дворян Курского края.

1.

В 1676 году было обнародовано о восшествии на престол Царя Федора Алексеевича и приведены к присяге ратные люди полков боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского в Курске и стольника князя Михаила Григорьевича Ромодановского в Белгороде. Ратных людей привели к присяге присланные из Москвы стольник князь Алексей Нефедьевич Щербатов и подьячий Юрий Кузьмин[381].

В царствование Федора Алексеевича дворяне Курского края все более и более прикреплялись к службе. Прави-

[381] Белгородского стола столбец 1211.

тельство в это время старалось о том, чтобы внести более определенности в службу дворян и сообразовать ее с материальными средствами каждого дворянина. Так, в 1677 году Царским указом было велено пересмотреть всех дворян и взять сказки, сколько за кем в наличности состоит крестьянских и бобыльских дворов. В городах Курского края это приказание было исполнено в следующем году, и тогда же были отосланы в Москву «сказки дворян, детей боярских, солдат, стрельцов, казаков, пушкарей, черкас о службе, жалованье и поместьях».

Порядок смотров и службы был определен указом Царя Федора Алексеевича в 1678 году. Этим указом предписывалось всех дворян и детей боярских для смотра и разбора выслать «без всякого мотчания» в города. У кого окажется менее 23 дворов, верстать в рейтарскую службу с жалованьем 24 р. в год, с вычетом по 1 рублю с каждого крестьянского двора; пустоместных же и безпоместных и без всякого жалованья. У кого же более 24-х дворов крестьян, тем служить полковую службу «с городом», верстать в сотенную службу по-прежнему. А кто из них пожелает служить рейтарскую службу, тех записывать и сказать, что Государь за это их позволяет, но без жалованья. Указ 1677 года определил городовую службу; по этому указу тех дворян и детей боярских, которые не верстаны поместными и денежными окладами, нельзя было производить во дворяне выборные или дворовые, или тех, которые написаны с городом и не служили в дворовом чине, нельзя производить в выборные.

При Царе Федоре Алексеевиче было обращено внимание на недорослей. Им, под страхом наказания, приказывали записываться на службу. По этому поводу в 1679 году был издан указ, в котором было сказано: «Великий Государь указал Московских чинов людям: детей, и братью, и племянников и свойственников, которые поспели в полковую службу, а в чины по сие время не написаны, приказывает записать их в чины вскоре, а кто не запишется

из них, разбирать их в городах разборщикам и писать в полковую службу в копейщики и рейтары». Звание «людей Московских чинов» имело значительное число дворян Курского края.

Относительно недорослей нужно сказать, что в Курском крае менее, чем во многих других, имел значение этот указ в виду того, что непрерывность и всеобщность военной, походной и боевой службы создала здесь для дворянской молодежи нравственный долг чести служить так же доблестно, как служили отцы и деды.

2.

В 1676 году полковые воеводы боярин князь гг. Ромодановский и боярин князь В.В. Голицын вели переписку с Разрядом относительно береженья украинных (Белгородско-Курского края) городов от прихода Турского султана и Крымского хана, так как в этих городах получались тревожные вести о неприязненных движениях Крымцев, продолжавших делать свои набеги на Русские владения.

В 1676 году ратные люди бились с Татарами у города Валуйки и тогда, опасаясь их дальнейшего движения, по распоряжению воеводы Белгородскими дворянами были проверены и описаны перелазы по реке Осколу от города Оскола до города Царево-Борисова; в Карпове, Новом Осколе и Хотмышске было осмотрено оружие.

Полковых лошадей в это время отдавали на корм не только в поместья дворян и детей боярских, но даже крестьянам Хотмышского Знаменского Монастыря, несмотря на протест игумена этого монастыря[382].

В Рыльске в это время спешно возводились укрепления для большей безопасности города, в виду назначенного

[382] Белгородского стола столбец 838-й.

против Малороссийского гетмана Дорошенка похода. Ратным же людям были розданы запасы и произведен смотр и разбор чинов Севского полка.

Князь Ромодановский отправился к Днепру, и в своих письмах к воеводам Курского края требовал присылки в полк дворян и детей боярских и других ратных людей. Тогда же, по приговору бояр, дворянам и детям боярским полковой и городовой службы Белгородского полка был составлен подробный список.

По случаю военных событий к князю Ромодановскому и в города Белгородского полка были посланы Государевы грамоты с Курским приставом Позняковым и двумя его товарищами, но на Тульской дороге, у реки Лопасни разбойники убили их, и таким образом грамоты были утрачены. В городах, подведомственных Белгороду и Севску, по случаю начала войны с Турцией заготовлялись для полка князя Ромодановского припасы, делался сбор подвод, высылался провиант и т.п. Все это подготовление и отправка приготовленного выпали на долю владельцев дворянских поместий и крестьян Севского и Белгородского полков.

Духовенство, по челобитью его Государю, было освобождено от взимания с его поместий податей, хлебных запасов и подвод для войск князя Ромодановского. Все укрепления главной в крае каменной крепости – Путивля были починены и исправлены, а для передвижения войск с севера был устроен «живой» пост на реке Сейме, охрана которого была поручена местным ратным людям.

В Рыльск и Путивль были присланы думный дворянин Заборовский и дьяк Федор Посников для сыска и высылки нетчиков и для розыска «про убылых ратных людей» Севского и Белгородского полков. Севский же полк генерал-майора Траурнихта был пополнен «копейным шквадроном и Болховскими и Комарицкими драгунами до 1 400 человек для повышения чину против Белгородского полка генерал-майора Франца Ульфа,

в ведение которого в 1677 году был передан Драгунский полк, бывший ранее под начальством уволенного за старостью и увечьем полковника Любима Вязевского». Оба полка Белгородский и Севский выступили далее для защиты Киева и Чигирина от нападения Турок, а между тем Крымский хан из-под города Переяславля двинулся к Белгороду. Передовые отряды татар подступали даже к Новому Осколу вместе с отрядами калмыков, но были отбиты от города.

Полки Курского края одержали победу над Турками у Чигиринских гор. Они не один раз получали от Государя Федора Алексеевича милостивое слово во время похода, получили его и в 1678 г. В полку были отслужены благодарственные молебны по присланной из Патриаршего дома чиновной книге[383].

После победы полк Ромодановского возвратился с военными трофеями, знаменами, пушками и другим оружием в Курский край, и дворяне и дети боярские, выполнив, как они писали, «многие кровавые нужные службишка», были временно распущены по домам.

В 1679 году в Курск воеводой был назначен боярин Иван Богданович Милославский, в Белгород товарищ его стольник Еремей Афонасьевич Пашков. В этом году состоялся поход Белгородского и Севского полков к Киеву и Кременчугу, бой с Татарами и изъявление покорности изменниками черкасами. Затем «для осеннего времени», как сказано было в Царском указе, было предписано отступление от Днепра и роспуск ратных людей по домам. В этом же году, после смотра ратные люди Белгородского и Севского полков получили Государево жалованье не только деньгами, но и дорогими сукнами.

Что касается до укрепления и обороны границ южной окрайны Государства, то это дело шло своим чередом. На Калмиуской сакме, между городами Усердом, Валуйкой и Коло-

[383] Белгородского стола столбец 1157-й.

маком «для береженья от приходу воинских людей» устраивали вал и крепости, по реке Сосне были расставлены ратные люди. Это было необходимо вследствие непрерывавшихся подходов неприятелей к Белгородской черте. В 1680 году подступали сюда: Азовцы, Ногайцы, Черкасы и Татары. В виду этого к боярину Шереметеву в Новый Оскол были посланы наряд и подводы со всякими полковыми припасами, а военные отряды были передвинуты к Муравской сакме «для береженья построенных крепостей от прихода воинских людей и валового дела».

Татары, Ногаи, Азовцы успели в некоторых местностях южных уездов Украйны произвести разорение поместий, но, будучи отражены от пределов Курского края, напали на Пензу и направились к Саратову. Не только Татары разных орд, но и калмыки во все время царствования Федора Алексеевича «учиняли жителям украинных городов обиды и разорения и брали в полон жителей поместий».

В 1681-82 году состоялся большой размен полоняников[384]. 15-го июня 1681 года по случаю Крымской посольской размены последовал Царский указ о посылке опасных грамот в города Курского края. Посольский приказ озаботился о даче провожатых Крымским посланникам и о присылке в Москву из Курска «дворянина добра для отправки в Курск разменной окупной казны». На Крымскую посольскую размену был назначен боярин П.И. Хованский с товарищами окольничим П.Д. Скуратовым и думным дворянином Кириллом Осиповичем Хлоповым. Заготовлены были «меды и вина про разменного мурзу и Татар» и назначен поход в переволочную «на размену», куда князь Хованский выступил из Курска. Когда прибыли к месту размена, то разнеслись ложные слухи о том, что Татары намерены воевать русские го-

[384] Белгородского стола столбец 1018-й «Столпик о размене нынешняго 189 году». «Столп разменной 190 году Белгородского полку городов».

рода. Вследствие этого, по предложению Русских послов, Крымские послы «на размене» принесли шерть (клятву) в том, что они не будут воевать украинных городов и сел. По окончании размена пленных князь Хованский возвратился в Курск и отправил в Разряд присланный ему для пользования во время похода на размену *особый шатер*.

3.

Поместное землевладение дворянского сословия в царствование Федора Алексеевича подвергается изменению в своем характере и значении. Проследим за этими изменениями[385].

По указам Федора Алексеевича помещики Курско-Белгородского края стали получать придачи к своим поместьям в значительных размерах. После Чигиринского похода дворяне и дети боярские украинных городов получили земельные и денежные придачи. Так, Курский дворянин Софон Васильевич Шумаков «за Чигиринскую службу» получил в 1678 году к прежним окладам к 330 четям и 16 рублям – 100 четей поместной и 10 рублей денежной придачи. Старооскольский помещик Федот Иевлевич Орлов «за Чигиринское сидение» получил 100 четей поместной земли. Получали придачу и другие Курские помещики.

Пожалование придач к прежним окладам было очень важно в жизни наших помещиков в виду незначительной величины, вообще, их поместных и денежных окладов, а также вследствие увеличения числа дворянского населения.

Кроме пожалования придач и поместий дворянам и детям боярским, при Царе Федоре Алексеевиче продолжалось пожалование «из поместий в вотчину» за службу вообще, а особенно за участие в войне с Турцией и Крымом.

---

[385] Главным источником этой главы служит: _Полное Собрание законов 1676-1882 гг.

В таких случаях на пожалованные вотчины выдавались грамоты, в которых писалось так: «за многую его службу, что он во время настоящие с Салтаном Турским и Ханом Крымским войны… жалуем, милостиво похваляя тое его службу, промыслы и храбрость, в роды и роды с поместного его окладу… из его поместья… в вотчину». Среди дворян, получивших по этому случаю вотчины, было значительное число дворян Курского края. Так, Путивльский помещик Иван Богданович Шечков в 1680 году по жалованной грамоте получил свое Путивльское поместье в вотчину. Также дворянин Марк Аврамович Шетохин, бывший в Белгороде объездным головою, за службы, оказанные «во время войны с Салтаном Турским и Ханом Крымским» был пожалован Царем Федором Алексеевичем из поместья в вотчину.

Такие же пожалования дворянам и детям боярским делались за участие в войне с Польшею и Литвою. Так, Курский помещик Нифонт Афанасьевич Ачкасов за службу, оказанную во время войны с польскими и литовскими людьми, был пожалован в вотчину. Рыльский помещик Андрей Щекин за службы его, оказанные «в Коруне Польской и Княжестве Литовском» был пожалован из поместья в вотчину. Старооскольский помещик Истома Денисьевич Кривцов «за Польскую службу» также был пожалован Царем Федором Алексеевичем в вотчину, и др.

Весьма важен был закон, изданный в это время, по которому распаханные помещиками земли сверх их дач и даже окладов, не были взяты на Государя, как то бывало прежде, а представлены самим распахавшим владельцам по крайне дешевой цене. Это очень хорошо отразилось на благосостоянии служилого сословия Курского края. При Федоре Алексеевиче состоялось *межевание земель*, но оно не было закончено в его царствование и продолжалось и во время правления Царевны Софьи Алексеевны.

В 1677 году относительно помещиков Курского края было издано имевшее для них существенный интерес по-

становление. Поводом к этому было следующее обстоятельство, изложенное в докладе Государю бояр: «в украинных городах на порожжих землях и диких полях дети боярские поселились без отказных грамот, а иные тех же городов дети боярские, подав челобитные, поселились на тех землях без дач и владеют теми землями многие годы»[386]. Московские же дворяне подали Царю челобитье об отобрании этих земель от украинных дворян и детей боярских и передаче их в поместье им. «А украинных городов дети боярские, – сказано в докладе бояр, – бьют челом Великому Государю, а в челобитьях своих пишут, что они на тех землях поселились и ими владеют и распахали за челобитьем своим и за сыском, а Государевых отказных грамот не имали для того, что *беспрестанно на его Государевых службах*, и о тех землях бить челом Великому Государю и ходить[387] по приказам без них некому, а иные на те земли не имали грамот Великого Государя за скудостию». Дворяне и дети боярские просили:

«чтоб Великий Государь *пожаловал их за их службы* и для их скудости, не велел тех земель у них отнимать, чтоб им было с чего его Государева служба служить и *врозь не разбрести*».

Челобитье дворян и детей боярских украинных городов увенчалось успехом. В Царском указе было поставновлено: «если за ними[388] нет еще нигде поместий, то тем землям быть за ними по их челобитью и прииску *для их службы и скудости*». Московским просителям было отказано, «сказав, что те просьбы тем дворяном и детям боярским *неприличны*, потому что они[389] о тех землях били челом и на них поселились и служат с тех земель по вся годы».

Весьма обстоятельно против домогательств Московских выходцев отвечали в своем челобитье помещики Курско-

---

386 Полное собрание законов, № 682-й.

387 То есть, ходатайствовали.

388 Дворянами и детьми боярскими украинских городов.

389 Украинные дворяне.

Белгородского края, указывая на тот справедливый факт, что им при беспрестанной службе нет времени добиваться исполнения разных приказных формальностей.

В 1678 году был издан указ: «Кто из дворян и детей боярских служит давно, или из новиков, но не поверстаны поместьями, и таких верстать поместными и денежными окладами против указных статей, смотря по отечеству и по службе и по людям, кто в которую статью пригодится по окладчиковым сказкам. Окладчикам приказать накрепко, чтобы они новиков не верстали свыше указных новичных статей и выше отцов их и болшие братьи». Таким образом, новик как только поступал на службу, получал поместный и денежный оклад, смотря по тому, к какой статье Дворянства принадлежал по отечеству, то есть, по боле или менее знатному происхождению и по числу людей, которых он приводил на службу[390].

Этот указ Царя Федора Алексеевича весьма способствовал расширению дворянского землевладения в Курском крае.

В царствование Федора Алексеевича в 1678 году был издан указ, касавшийся продажи за долги поместий. В нем было, между прочим, сказано: «А мимо истцов и родственников, сторонним людем того поместья не продавать», следовательно, этим указом оберегались интересы рода. Вотчины принимали все более и более родовой характер. По указу 1678 года было постановлено отказывать родственникам в выкупе вотчин, если они были проданы или заложены кому-либо, а тот, в свою очередь, продал или заложил вотчину. В 1679 году было постановлено: кто подарит родовую или выслуженную вотчину в чужой род, то эти вотчины не справливать, а отдавать сыновьям или внучатам, а не будет их, то дочерям. Если же не будет детей, то отдавать их по поступкам (по дарению), но родственник мог выкупить вотчину по оценке. В 1681

[390] История Русского дворянского сословия Яблочкова, 309-310 стр.

году было узаконено: «которые вотчинники продали свои родовые и выслуженные вотчины, а у тех, кто купил или взял в заклад, вотчина взята на Государя и роздана в поместья, то родственникам в выкупе ея отказать».

Крестьяне в царствование Федора Алексеевича по закону имели государственное значение. По указу 20 марта 1677 года служба владельцев определялась по числу крестьянских и бобыльских дворов, состоявших за ними, причем не шли в расчет холопы. Различие между крестьянами и холопами мы можем видеть в Государевом указе 23-го мая 1681 года, в котором предписывается на людей брать служилые кабалы, а на крестьян ссудные записи. Бегство крестьян продолжалось и не смотря на строгость указа 1664 года, по которому принявший беглого крестьянина платил за это четыре своих крестьянина. Правительство в 1681 году отменило этот указ и постановило взыскивать с лица, принявшего беглого крестьянина, по 10 руб. за год, «да за проести и волокиту по гривне на день» со дня подачи челобитной до перевоза беглого крестьянина к старому владельцу.

Сыск беглых крестьян производился в царствование Федора Алексеевича так же в обширных размерах, как и прежде, так как число беглецов бывало весьма значительно, особенно в виду приведенного нами указа 1681 года, уменьшившего наказание за прием беглых из поместий.

4.

Государь Федор Алексеевич, уничтожив местничество, повелел завести родословную книгу дворянским родам, разделенную на четыре части.

В первую часть – внести все знатные и честные роды, также и дворян, которые занимали разные места при Иоанне Грозном.

Во вторую – тех дворян, которые занимали разные места при Михаиле Федоровиче и при нем, Федоре Алексеевиче.

В третью – дворян средней и меньшей статьи.

В четвертую – дворян, записанных из нижних чинов за службу отцов своих или свою службу в Московские чины.

При Федоре Алексеевиче, по его повелению, была «собрана и сочинена в Разряде родословная книга», которая известна под названием *Бархатной книги*.

В эту Бархатную книгу были внесены тогдашние дворянские роды Курского края[391]:

Аладьины. Выехали из Смоленска. У одного из потомков выехавшего был сын Лев Аладья, а от него весь род именуется.

Алымовы.

Арсеньевы. Выехали из Золотой Орды. Один из потомков выехавшего назывался Арсений, от него весь род именуется.

Беззубцовы. Выехали их Пруссии. Один из потомков выехавшего был Алеша Беззубец, а от него весь род именоваться начал.

Безобразовы. Выехали из Пруссии. Выехавшего название Безобраз, а по нем весь род именоваться начал.

Боголюбские.

Биркины. Выехали из Орды. Один из потомков выехавшего назывался Иван Бирка, от него весь род получил название свое.

Болотовы.

Богдановы. Выехали из Швеции.

Борисовы. Выехали из Литвы. Один из потомков

[391] Здесь сообщаем сведения о тех дворянских родах, внесенных в Бархатную книгу, которые значатся в писцовых книгах и десятнях Курского края в XVII веке.

выехавшего назывался Борис, от которого весь род получил название.

Булгаковы. Выехали из немец. Один из потомков выехавшего назывался Булгак, от которого и род называется.

Бунины. Выехали из Польши. Выехавший назывался Буникевский, от него пошли Бунины.

Веревкины.

Веригины. Выехали из Польши. Выехавший назывался Веригин, от него род название получил.

Волковы. Выехали из Польши. В гербе, данном из Польши, написано: «Господа славные и храбрые Волки».

Вороновы. Выехали из Польши. Название получили от выехавшего Михайла Вороновского.

Воропоновы. Выехали из Польши. Название получили от выехавшего Воропона.

Глебовы. Выехали их Кайсуйской Орды. Тамошнего князя Редеги у правнука был сын Сорокоум, а у него сын Хлеб, от которого и весь род начал именоваться Глебовы.

Головины. Выехали из Кафы. У одного из потомков князя Степана Ховры был сын Иван Голова, от него и пошли Головины. Но в роде ни он, ни его потомки князьями не писались.

Даниловы. Был у Великого Князя Ивана Васильевича окольничий.

Демьяновы.

Денисьевы. Из Черниговцев. Название получили от бывшего в роде их Денисия.

Дуровы. Из Новгородцев.

Дятловы.

Евские. Выехали из Швеции.

Елагины. Выехали их Римской области. Название ведут от предка Елагония.

Ждановы. Выехали из Золотой Орды. Один из потомков выехавшего назывался Ждан, от него и название принято.

Жеребцовы. Из Черниговцев.

Зайцовы. Выехали из Швеции. Выехавшего сын был Федор, прозвищем Заец, от него название род получил.

Замятины. Выехали из Орды. У одного из потомков выехавшего, у Андрея Самары, был сын Замятня, по которому весь род стал называться.

Зиновьевы. Выехали из Литвы. Выехавший был Александр Зиновечь, что самое и в гербе написано.

Злобины. Выехали из Литвы. У одного из потомков выехавшего был сын Афанасий Злоба, от него и название принято.

Игнатьевы. Из Черниговцев. Название приняли по одному из рода их, называвшемуся Игнашею.

Исуповы. Выехали из Золотой Орды.

Исуповы. Выехали из Швеции. Название приняли от выехавшего, который назывался Исуп.

Измайловы. Выехали из Сарацин. Название приняли по одному из предков выехавшего, называвшемуся Измаил.

Иевлевы. Из Новгородцев.

Казначеевы. Название получили от предка своего, который был казначеем у Рязанского Князя Олега.

Карповы. Выехали из Польши. Первый взятый в полон назывался Крекша, а один из потомков его Карп Крекшин, сыну которого велено писаться Карповым.

Кишкины. Выехали из Польши. Название приняли от выехавшего, которого имя было Асенбег Кишка.

Козловы. Выехали из Литвы.

Кокоревы. Выехали из Пруссии. Название произошло от одного из потомков выехавшего Андрея Кокоря.

Кологривовы. Из Немец. Название приняли от одного из потомков выехавшего, у которого был сын Иван Кологрив.

Коновницыны. Выехали из Пруссии.

Крюковы. Выехали из Большой Орды. Название приняли от одного из предков их именем Солохмира, у него был сын Тимофей, прозвищем Крюк.

Кузмины. Из Новгородцев.

Лаговчины. Выехали из Польши. Название приняли от одного из рода их, называвшегося Лагач.

Лазаревы. Выехали из Литвы.

Ларионовы. Название получили от одного из рода их, прозывавшегося Христофор Ларионов.

Леонтьевы. Выехали из Большой Орды. Название получили от одного из предков выехавшего, у которого был сын Леонтий, а от него пошли Леонтьевы.

Левшины. Из Немец. Название получили от одного из рода их, называвшегося Сувол-Левша.

Лодыгины. Выехали из Пруссии. Название получили от одного из рода их, прозванием Григорий Лодыга.

Лукины. Название получили от одного из предков Андрея Луки.

Лунины. Выехали из Польши. Название получили от одного из потомков выехавшего, прозванием Лукьян Луня.

Лупандины. Выехали из Койсайской Орды. Название получил от одного из предков выехавшего, у которого был сын Лупанда.

Лызловы. Выехали из Литвы. Название получили от одного из рода их Лозовецкого.

Масловы. Выехали из Литвы. Название приняли от одного из рода выехавшего, который назывался Онцифер Маслов.

Мосаловы. Выехали из Золотой Орды.

Меркуловы.

Мецняниновы.

Михайловы. Название приняли от предка их Михайлы.

Молчановы. Выехали из Цесари. Название получили от одного из потомков выехавшего, у которого был сын Иван по прозванию Молчан.

Муратовы.

Мясоедовы. Выехали из Польши. Название получили от предка их, который назывался Мясоед.

Мятлевы. Из Немец. Название получили от одного из рода их, прозванием Григорий Мятель.

Нарбековы. Выехали из Большой Орды. Название приняли от бывшего в роде их предка, называвшегося Нарбек.

Наумовы. Выехали из Швеции. Название получили от одного из потомков выехавшего, у которого был внук Наум.

Неплюевы. Выехали из Пруссии. Название получили от одного из потомков выехавшего, которого прозвание Федор Неплюй.

Нестеровы. Выехали из Швеции. Название получили от предка их Семена Нестера.

Нечаевы. Из Черниговцев. Название получили от одного из рода их, называвшегося Нечай.

Новосильцовы. Выехали из Швеции.

Ознобишины. Выехали из Пруссии. Название получили от предка их, называвшегося Филип Ознобиш.

Орловы. Выехали из Пруссии. Название приняли от одного из рода их, у которого был сын прозвищем Орел.

Ослановы. Выехали из Пруссии.

Остафьевы. Выехали из Кайсуйской Орды. Название приняли от выехавшего предка, у которого был сын по прозванию Остафей.

Офросимовы. Выехали из Волохи. Название получили от одного из потомков выехавшего, называвшегося Офросим.

Павловы. Выехали из Цесарии. Название получили от одного из потомков выехавшего, называвшегося Павел.

Пашковы. Выехали из Польши. Название получили от одного из рода их прозванием Пашкевич.

Погожевы. Из Новгородцев.

Полтевы. Выехали из Литвы.

Похвисневы. Выехали из Польши.

Прокудины. Выехали из Золотой Орды. Прежде назывались *Горские* по пожалованию вотчины, называемой Гора. У одного из потомков Горских был сын Прохор, прозвищем Прокуда, почему и род стал называться Прокудины.

Раевские. Выехали из Литвы. Предок их при выезде написан Раевским.

Рожновы. Из Немец. Название получили от одного из рода выехавшего, у которого был сын прозвищем Рожон.

Ртищевы. Выехали из Золотой Орды.

Рудины.

Резановы. Выехали из Польши. Первовыезжий назывался Резаной.

Савостьяновы. Выехали из Немец. Название получили от одного из потомков выехавшего, у которого был сын Савостьян.

Сазоновы. Выехали из Польши.

Сафоновы. Выехали из Крыма. Название приняли от одного из потомков выехавшего, который назвался Сафон.

Свищовы. Выехали из Золотой Орды. Название получили от одного из потомков выехавшего, который назывался Нечай Свищов.

Селезневы.

Селивановы. Выехали из Большой Орды. Название получили от первовыехавшего, у которого был сын Селиван.

Селиверстовы. Выехали из Большой Орды. Название получили от одного из рода их, именем Селиверст.

Сергеевы. Выехали из Немец. Название получили от первовыехавшего, у которого был сын Сергей.

Сидоровы. Выехали из Литвы. Название получили от бывшего в роде их Сидора.

Сомовы. Выехали из Большой Орды. Название получили от одного из предков их именем Андрей Сом.

Спасителевы. Откуда выехали, неизвестно, но показано, что предки их были Августинского исповедания белых чернецов.

Стрекаловы. Выехали из Польши. Название получили от первовыехавшего, у которого был сын прозвищем Стрекал.

Суворовы. Выехали из Италии. Название приняли от первовыехавшего, которого называли Юда Сувор.

Стремоуховы. Выехали из Греции. Название получили от одного из потомков выехавшего, который назывался Стромото́рос, отчего и пошли Стремоуховы.

Толстые. Выехали из Цесари. Название получили от одного из потомков выехавшего, которого Великий Князь Василий Васильевич прозвал Толстым.

Тараканови.

Тутолмины.

Трусовы. Выехали из Пруссии. Название получили от одного из потомков выехавшего, который назывался Матвей Трус.

Филипповы. Выехали из Литвы. Название получили от первовыехавшего, у которого был сын Филип.

Фомины. Выехали из Литвы.

Хрущевы. Выехали из Польши. Название приняли от первовыехавшего, который назывался Хрущев, а по гербовнику польскому предок их назывался Хрущ.

Цыплятевы. Выехали из Смоленска.

Чаплины. Выехали из Польши. Название получили от одного из рода выехавшего, который назывался Чаплинским.

Чаплыгины.

Челищевы. Название получили от одного из рода их, называвшегося Чело.

Черемисовы. Выехали из Золотой Орды. Название приняли от одного из рода их, который назывался Семен Черемисин.

Чернышев. Название получили от одного из предков

Коробьины. Выехали из Большой Орды. Название получили от одного из потомков выехавшего, у которого был сын Иван Коробья.

их Ильи Чернецкого, который после писался Чернышевым.

Чулковы. Из Немец. Название получили от одного из потомков выехавшего, который назывался Чулок.

Шепелевы. Выехали из Швеции. Название получили от первовыехавшего, который назывался Шепель.

Шиловские. Выехали из Цесари. До выезду в Цесарию были в Польше и назвались Шидловскими, а по выезде в Россию стали назваться Шиловскими.

Шишкины. Выехали из Польши. Название получили от первовыехавшего, который назывался Шишка.

Языковы. Выехали из Золотой Орды. Название получили от первовыехавшего, который назывался Ергулей Язык.

Яковлевы. Выехали из Швеции.

Глава XXII Правление царевны Софьи Алексеевны

Правительственные распоряжения об управлении и охране Белгородской военной черты. – Присутствие при постановлении вечного мира с Польшею дворян и детей боярских Курского края. – Ходатайство об изменении срока службы воевод, возбужденное дворянами и детьми боярскими города Курска. – Предосторожности против нападения татар на Курский край. – Крымские походы. – Восстановление власти губных старост, избираемых дворянством. – Вопрос о поселении в Рыльском уезде черкас. – Жалованные грамоты Курским дворянам на поместья и вотчины.

1.

В 1682 году, по кончине Государя Федора Алексеевича, дворяне, дети боярские, служилые люди и все население Курского края присягнули Царям Иоанну и Петру Алексеевичам, за малолетством которых Государством правила Царевна Софья. В Курск и в другие города нашего края «для Государева и земского дела», то есть, привода к присяге, были посланы из Москвы стольники и подьячие. Крестоприводные книги по городам Белгородского полка из Курска были отосланы в Москву.

В это время в Курске боярин Алексей Семенович Шеин осматривал оружие, припасы, полковые знамена и

барабаны. Были сделаны необходимые починки и исправление оружия, оно было разослано в те места, где было необходимо, и всем ратным людям роздано жалованье. В Белгородский полк был прислан новый лекарь Адольф Екимов с лекарствами: ему, между прочим, было поручено собрать в Курске «про аптекарской Великих Государей обиход *самбукового семени и цвету и купить оленьего рогу*». На случай военного похода было подготовлено 3 000 дворян и детей боярских полковой службы и других ратных людей Белгородского полка, воеводой над ними был назначен стольник Неплюев, и сформированный полк был выслан на службу по требованию Гетмана Ивана Самойловича. Несколько позднее, в 1683 году, были приготовлены к походу ратные люди Белгородского и Северского разрядов из ближайших к Белгородскому полку городов.

В Курске было сообщено местному воеводе и другим воеводам Курского края о том, чтобы по Царскому указу по старой и новой черте не пропускали в степь через заставы, «где караулы учинены», беглецов служилых и помещичьих людей и оброчных земцев, а также были приняты меры против побега в Запорожскую Сечь и Польшу Черкас.

В 1683 же году для присутствия «при постановлении вечного мира с Польшею» были выбраны и высланы в Москву по двое человек от Курска, Белгорода, Нового Оскола и других городов из отставных дворян и детей боярских полковой службы первой статьи.

На посольскую размену в 1683 году, которая совершилась в Переволочне для выкупа пленников, томившихся в Крыму, было отпущено 5 000 рублей в «разменное платье» – для мурз. Из Курска был выслан шатер для устройства свидания послов и размена. Во главе размена стоял князь Дмитрий Нефедович Щербатов из Белгорода. В этом же году для Белгородского полка была изготовлена в Серебряной Палате и отослана в Курск Икона Пресвятой Богородицы.

В том же 1683 году был получен Царский указ в

городах Курско-Белгородского края о необходимости иметь готовность «к воинским делам» по случаю вестей о приходе в правобережную Украйну калмыков и «своевольных казаков» и о намерении Поляков и Шведов напасть на Россию.

В этом году последовало ходатайство Курских дворян и детей боярских и других служилых людей, которое имело отношение к общегосударственному вопросу о сроках службы полковых и городовых воевод и желательности изменить эти сроки. Ходатайство это касалось того, чтобы боярин А.С. Шеин «был у них без перемены», то есть, продолжал служить воеводою возможно продолжительный срок, так как «от смены воевод обыкновенно бывают подвластным всяких чинов людям многие убытки и тягости, а воеводам в столь короткий срок, каков два года, в здешней окрайне к ратным людям признаться (примениться, присмотреться) вскоре невозможно». Но это челобитье не было уважено, на место Шеина был назначен Голицын.

2.

В 1686 году, вследствие предстоявшего похода Русских войск в Крым, из Курского края был отправлен в Запорожскую Сечь полк генерала Григория Ивановича Косагова. Из разных городов были назначены ратные люди; в Хотмышске и Карпове были изготовлены лодки.

Воеводским товарищем в Курск был назначен Курский дворянин Сидор Каменев. Из Москвы сюда были присланы денежное жалованье служилым людям и полковое знамя. Сделана была роспись «каких чинов и строев и каких городов сколько человеком ратным людем на службе в Запорогах в полку генерала и воеводы Григория Ивановича Косагова с товарищи и для отвоза хлебных запасов в Запороги с подводы быть». Полк был собран в Колонтаеве и оттуда ушел в Запорожье. В Курске в это время

был исправлен тайник и другие укрепления, так как предполагалось, что война с Крымским ханом могла вызвать неприязненные движения и нападения Татар на города Белгородского полка.

От Москвы до Переволочны, Кодака и Запорожской Сечи была устроена почта, которая проходила через Курский уезд и Путивль. В Курском Знаменском монастыре, находившемся, как известно, в крепости, был исправлен колодезь, который мог иметь важное значение на случай продолжительной осады города. Юго-восточная граница Курско-Белгородского края была особенно тщательно оберегаема от Татар. Эта охрана имела то значение, что в то время, когда войска князя Голицына двигались против татар в Юго-Западной Украйне, Крымские и Ногайские татары могли сделать обходное движение. Военные отряды выходили на заставы для поимки казаков своевольного гетмана Могиленка, посланных звать калмыков на королевскую службу. В Степи также были устроены сторожи для поимки посланных Польского короля призывать Донских казаков на помощь. В Путивле несколько дворян городовой службы были назначены для строения и бережения Духова Новодевичьего монастыря в качестве его попечителей. Боярину князю М.А. Голицыну было велено указом впредь находиться в Белгороде вместо Курска.

В 1687 году на долю дворян и детей боярских в Короче, равно как и в других городах Белгородско-Курского края, выпала новая повинность, которую они должны были нести с своих поместий. Это мы видим из следующей Царской грамоты:

«Велено с городовой службы с дворян и детей боярских впредь по вся годы имать четверикового хлеба – ржи по полуосьмины, овса потому ж со всякого двора». Дворяне же и дети боярские полковой службы были освобождены от новой поместной повинности.

В том же году в разосланной по всем городам степной украйны Царской грамоте были сообщены сведения

о военных делах: «Хан стоит у Перекопа. Послана грамота в Курск к воеводе Михаилу Андреевичу Голицыну, велено во все города Белгородского полку писать дворяном и детем боярским и копейщикам и рейтарам и солдатам быть во всякой воинской готовности, лошадей кормить, а из городов к Москве и никуды не разъезжаться. Нам (то есть, Государям и Царевне) известно от Гетмана обеих сторон Днепра Ивана Самойловича, что иные орды намерение имеют приходить на наши украинные города войною. Ратным людям в судных и исковых делах дать отсрочку, опричь татиных, разбойных и убивственных дел, отсрочены и с судных дел пошлинные деньги и с истцовых исков, и по полкам править и людей их в том волочить и убыточить не велели. Денежная казна послана из Москвы и будет роздана ратным людям до походу».

Через год в Царской грамоте было писано, чтобы «все воеводы и города Белгородско-Курского края жили с великим береженьем. Хан Крымский имеет с бусурманами намерение, как реки станут, со всей ордой приходить под наши украинные города войною. Мы указали окольничему нашему и воеводе с Белгородским полком *сбираться наспех* и быть во всякой готовности»[392].

В это же время из Москвы был послан во все города Белгородского полка разрядный подьячий Иван Суровцев для проверки хлебных запасов. С дворянских поместий собирали запасы сена, так что Мирополь-ские дворяне и дети боярские полковой и городовой службы просили о сложении с них недоимки по сбору с них в казну сена. В Белгород прибыл стольник князь Семен Федорович Борятинский с милостивым словом к войскам Белгородского полка и с золотым для его воеводы.

В 1687 году интересы военно-служилого сословия Белгородско-Курского края, в особенности дворян и детей боярских, как конницы, сосредоточивались на Крымском

[392] Царские грамоты на Корочу 1687.

походе ближнего боярина князя Василия Васильевича Голицына. От яицких казаков были присланы в Курск, Белгород и другие города Курского края вести о проезде татарских послов в Хиву, Каракалпаки и Бухару с целью «подымать те земли» на русские города. Вследствие таких вестей воевода большого полка в Белгороде Михаил Андреевич Голицын распорядился принять по этому случаю меры предосторожности. Это было необходимо тем более, что военные запасы, оружие и дворянская конница городов Курского края были передвигаемы на юг к Крымскому ханству.

Так, по грамоте от имени Государей Царей Иоанна и Петра Алексеевичей и Царевны Софьи Алексеевны 11 декабря 1687 года большой полковой наряд, бывший в походе у разрядного шатра, знамена и полковые припасы были отправлены в Ахтырку. Сюда же было отправлено оружие из разных городов Белгородского полка. Дворянам и детям боярским и другим служилым людям был произв6еден смотр, и они также препровождены были в Ахтырку в большой полк ближнего боярина В.В. Голицына. Кроме того в Ахтырке были собраны дворяне и дети боярские и все служилые люди городов Болхового, Карпова, Яблонова, Корочи, Верхососенска и Усерда. На основании Царского указа для увеличения запасов войск, предводительствуемых В.В. Голицыным, со всех городов и уездов Белгородского полка, в особенности из дворянских вотчин и поместий, были собраны деготь, сено и овес. В некоторых городах Курского края были построены лодки и оборудованы к морскому ходу. При ощущаемом недостатке в ратных людях, на службу были приняты отставные служилые люди. Из Приказа Большого дворца в Ахтырку были присланы кавардак, рыбий жир и снятки на жалованье служилым людям войск, назначенных к походу в Крым.

По окончании Крымского похода в 1687 году дворянам и детям боярским, участвовавшим в нем, было роздано от имени Великих Государей по золотому.

В 1688 году был издан Царский указ об приготов-

лени к другому походу против Крымского хана. Поход вызвал оживленные приготовления к войне в Курском крае как относительно сбора ратных людей, так и доставки оружия и всевозможных запасов в войско князя Василия Васильевича Голицына. Из городов Белгородского разряда в Тамбов было выслано 500 пищалей. В поместьях нескольких уездов, в том числе Суджи и Болхового, были собраны и отправлены к Василию Васильевичу Голицыну пенька и деготь, необходимые для войска, а в полк Михаила Андреевича Голицына выслан полковой шатер, в Курске была сделана высылка пушек и полковых припасов в полк воеводы Нелидова. Хотмышский воевода Гаврила Иванович Елагин получил от Государей Иоанна и Петра Алексеевичей похвальную грамоту «за раденье и поспешенье» при приеме хлебных запасов с помещиков и вотчинников. Из Рыльска в полк думного дворянина Леонтия Романовича Неплюева были посланы: рыбные припасы, кавардак и коровье масло. Их великороссийских городов Белгородского полка (то есть, городов Курского края) в полки были отосланы смола, деготь и пенька, с Обоянцев – дворян и детей боярских было собрано сено. Хлебные запасы, сбитень и вино были высланы в полк генерала Косагова. Суджанский помещик полковник Андрей Кондратьев был послан с 1 500 казаков на Колончак и под Перекоп в октябре и ноябре 197[393] (1688) года.

В указе, касавшемся приготовления к Крымскому походу, между прочим, было сказано: «ведомо сделалось Великим Государем, что у вас есть дети, внуки и другие родственники, которые поспели к службе, а в службу не записаны, то приказываем поскорее записать их, а кого утаят, и то сыщется, то Великие Государи указали впредь их в чины не писать, а написаны будут с городами все в рейтарскую службу без денежного жалованья, а городо-

[393] По прежнему летоисчислению октябрь и ноябрь были уже в новом 197 года, по настоящему оба месяца относились к 1688 году. С января месяца оба года совпадали: 197 и 1689-й.

вых дворян и детей боярских дети написаны будут в солдатскую службу без жалованья».

3.

Во время двоевластия Царей Иоанна и Петра Алексеевичей в законодательстве относительно Дворянства важное значение для Курского края имел указ о службе дворян и детей боярских. Служба разделялась таким образом:

Во-первых, была назначена служба в Москве, было велено расписать стольников, стряпчих, дворян Московских и жильцов на пять перемен вместо четырех. Каждая перемена должна была жить по четверти года, так, чтобы летней перемене пришлось жить на следующий год осенью, а зимней перемене –весной, летом и т.д.

Вторым родом службы было житье, то есть, служба городовых дворян по выбору в Москве. Их Белгородско-Курского края эту службу несли немногие дворяне, так как в каждом городе дворян по выбору было немного, как это видно из десятен (десятных книг).

Третьим родом признавалась полковая служба, то есть, служба в действующем передвижном, а не местном войске.

Полковая служба дворян Курского края, бывшая в предшествовавшие царствования самым существенным элементом жизни нашего Дворянства, теперь в значительной степени изменилась, и число дворян полковой службы уменьшилось вследствие усилившегося образования рейтарских, драгунских и им подобных полков, в которые могли поступать дворяне и дети боярские. Дворяне служили в них узе не сословным образом, как в своей дворянской коннице, а наравне с другими служилыми людьми. Но и в этих полках Курские дворяне и дети боярские занимали преимущественно должности «начальных людей».

Последний род службы была так называемая городовая служба, то есть, в составе гарнизона в том городе, в каком кто был записан и имел в уезде этого города поместье.

В правление Царевны Софьи Алексеевны дворяне продолжали занимать службу в городах и несли ее так же, как и в предшествовавшее время. В 1685 году был издан указ от имени Государей Иоанна и Петра Алексеевичей о том, чтобы детей, у которых отцы служили и служат с городами, в полковой службе и в житье не писать, а писать их с теми городами, по которым отцы их служили или ныне служат. Однако для Курских дворян и детей боярских этот указ имел небольшое значение, вследствие положения Курского края на границе и участия Курско-Белгородского Дворянства в больших походах и войнах на юге и юго-западе Московского Государства. Так как Курские дворяне и дети боярские были, так сказать, природными воинами, то им приходилось постоянно, как прежде, так и теперь переходить из городовых дворян в полковые и участвовать в военных действиях. Указ 1685 года имел значение для дворянств внутренних, не военных областей Государства, где давно уже процветала мирная помещичья жизнь, о которой Курские дворяне-воины и думать не могли. Мало того: попутно мы должны отметить тот *интересный факт,* что в Курско-Белгородском крае дворяне городовой службы часто ходатайствовали о переводе их в полковую службу, стало быть, сами стремились мирную жизнь в гарнизоне заменить военным служением и битвами для защиты Отечества. Эти ходатайства обыкновенно удовлетворялись без затруднений, так как возможно большее число дворян искусных и храбрых в бою было в высшей степени необходимо для усиления тогдашних войск, а в особенности, для стоявших в порубежном Курском крае Севского и Белгородского полков и вспомогательных к ним: Курского, Обоянского, Рыльского и других, несших напряженную боевую службу.

Городовые дворяне являлись на службу тогда, когда это было необходимо. Тогда воеводам посылались указы о высылке их на службу, а окладчикам давались наказы, как собирать дворян.

К 1685 году относится указ Царей Иоанна и Петра Алексеевичей, касавшийся северной части Курского края, о разборе дворян, детей боярских и других ратных людей Севского полка, в котором служили Курчане дворяне и дети боярские: Рыльска, Путивля, Севска и других городов. В этом указе, между прочим, было сказано: «Окладчикам на смотру спрашивать, сколько у кого детей, братьев и внучат и племянников и иных свойственников, которые живут с ними не в разделе, а у прежних разборов не были, которые поспели из недорослей в службу и которые еще не поспели, и сколько за ними крестьянских и бобыльских дворов и задворных и деловых людей. А кто на службу скажется отставленным за старость и увечье, и у тех досматривать отставленные Великим Государем грамоты и их полков, бояр и воевод отписки и памяти. У кого же нет оставленных грамот, отписок и памятей, тем служить по-прежнему в тех же чинах. Если у них есть в дому свойственники, которые поспели в службу, спрашивать, сколько за ними крестьянских и бобыльских дворов, и писать их в службу, кто в какой чин пригодится. Кто же на службу еще не поспел, а в домах у них свойственников нет и из дому некого написать в службу, тем в службе дать льготы, пока они в службу не поспеют, а в смотренном списку написать их особою статьею, написав, сколько кому лет, сколько за кем крестьянских и бобыльских дворов и людей».

Так как дворяне и дети боярские Курского, Рыльского и Путивльского уездов[394] в описываемое нами время

[394] К Рыльскому уезду относился Льговский и отчасти Дмитриевский уезд, к Курскому – Фатежский, Тимский и Щигровский, к Путивльскому – Недрыгайловский и Каменновский.

поступали в службу в Севский полк, то Царский указ 1685 года имел для них полное значение, так как касался именно Севского полка.

В правление Царевны Софии Алексеевны было сделано некоторое изменение в объеме воеводской власти, которое имело отношение к жизни и быту Дворянства.

По указу 1684 года губные дела, которые в предшествующее время ведали воеводы, перешли опять в заведывание губных старост. Эту перемену необходимо признать очень значительной, если мы примем во внимание важность самых дел, подлежавших по новому закону губным старостам. Названным нами указом была восстановлена вполне власть этих старост. В законе было сказано: «во всех городах быть губным старостам, и в тех городах разбойные и убийственные и татийные и всякие губные дела ведать им по-прежнему, а воеводам тех дел не ведать, о выборе губных старост послать Великих Государей грамоты». Таким образом, уголовный суд в важнейших его делах вручался законодателем Дворянству, губные старосты, как известно, были избираемы и из дворян, в избрании их участвовали дворяне.

В 1683 году некоторым помещикам Рыльского и Путивльского уездов пришлось пережить немало волнений. Дело в том, что явилось предложение поселить новоприхожих из-за Днепра Черкас: осадного Алексея Кривобокова, атамана Демьяна Прудника «с товарищи» по реке Снагости на поместных землях Рыльских и Путивльских помещиков. Была возбуждена переписка Разрядного приказа с находившимся в то время в Курске боярином Алексеем Семеновичем Шеиным и Севским воеводою окольничим Леонидом Романовичем Неплюевым о досмотре и описании спорных земель. Черкасы подали челобитные о дозволении селиться на спорных землях по реке Снагости, Рыльские и Путивльские помещики с своей стороны ходатайствовали о запрещении этого Черкасам. Причина такого ходатайства лежала с тех крупных неудобствах соседства Черкас, которые испытывали помещики не только

в XVII, но и в XVIII веке. По распоряжению Шеина, Курченин Уколов был послан на реку Снагость для досмотра спорных земель и новоприхожих Черкас. Возникло целое производство в Разряде под заглавием: «Дело Путивльцев и Рылян, Путивльских и Рыльских помещиков с Черкашенином Алешкою Кривобоковым с товарищи нынешнего 191 (1683) году». Челобитье помещиков имело успех, Черкасам было предложено поселиться в городах Полатове и Царе-Борисове и других новопостроенных городах по черте меж Валуйкой и Коломаком. В Царской грамоте боярину Шеину было сказано: «Новоприхожих всяких чинов Заднепровских Малороссийских жителей городами селами и деревнями строить промеж городов, которые за чертою, по урочищам промеж рек Мерла и Северского Донца и Оскола и в Палатове, промеж рек Семи и Псла и Ворскла и промеж тех городов, которые в черте, земель и всяких угодий на селитьбу без указу и без грамот не давать»[395]. Таким образом, наступавшие было затруднения миновали Путивльских и Рыльских помещиков.

4.

В правление Царевны Софьи Алексеевны на поместья и вотчины по-прежнему давались жалованные грамоты.

В 1686 году, по случаю заключения вечного мира с Польшею, значительное число дворян Курского края получило такие грамоты на вотчины. В грамотах, жалованных по этому поводу, писалось так: «для того вечного мира и святого покоя пожаловали его… за службы предков и отца его, которые службы ратоборство и храбрость и мужественное ополчение и крови и смерти предки и отец его и сродники и он показали в прешедшую войну в Коруне Польской и

[395] Белгородского стола столбец 1060-й.

в Княжестве Литовском, похваляя милостиво тое их службу и промыслы и храбрость в роды и роды с поместного его оклада… из его поместья… в вотчину». В числе названных нами дворян Белгородско-Курского края был Мирон Никитич Пузанов. Он состоял в числе городовых дворян и детей боярских, верстанных поместными и денежными окладами, был подьячим Курской приказной избы. В 1689 году за свои службы М.Н. Пузанов был написан в дворовые дворяне служить с Курчаны в завоеводчиках, а для *вечного миру с Польским королем* в 1686 году велено «учинить ему придачи 85 четвертей и денег с городом 20 рублев».

Рыльский помещик Алексей Прокофьевич Артюхов по случаю заключения *вечного мира* с Польшею был пожалован от Царей Иоанна и Петра Алексеевичей из поместья в вотчину. Также Рыльский помещик Игнатей Федорович Кулешов по этому же случаю был пожалован с поместного оклада с 420 четвертей в вотчину, и др.

Вообще же в правление Царевны Софьи Алексеевны за службу и за участие в разных войнах многие дворяне и дети боярские Курского края получали пожалования поместьями и вотчинами. Так, в 1686 году по жалованной грамоте Царей Иоанна и Петра Алексеевичей Рыльскому помещику Дмитрию Яковлевичу Суковкину было пожаловано «за его многую службу, промыслы и храбрость в роды и роды» с поместного его окладу, с 740 четвертей, в вотчину – половина слободки Белицы по речке Белице с урочищами старой писцовой дачи и с примерными, всего 450 четвертей «в поле, а в дву потому ж». Также Путивльский помещик Федор Григорьевич Вощинин пожалован был из поместья в вотчину. В грамоте, данной ему от Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича было сказано: «за его многие, во время настоящие войны с Салтаном Турским и Ханом Крымским, службы, жалуем и милостиво похваляем ту его службу, промыслы и храбрость в роды и роды с поместного его окладу с 1 000

четвертей, со 100 по 20, итого 200 четвертей, из его поместья, в Путивльском уезде в разных урочищах, в вотчину».

Путивльские помещики Иван и Василий Андреевичи Череповы были пожалованы за свою службу Царями Иоанном и Петром Алексеевичами из поместья в вотчину. Белгородский помещик Иван Никитич Мосалов «за многие службы, промыслы и храбрость» был пожалован «в роды и роды» из поместья в вотчину. Предок Тимских помещиков Похвисневых дворянин Василий Михайлович Похвиснев по грамоте, данной от Царей Иоанна и Петра Алексеевичей за службу его во время войны с салтаном Турским и ханом Крымским, был пожалован с поместного его окладу с 870 четвертей, со 100 по 20, итого 174 четверти, из поместья в вотчину. Рыльский дворянин Иван Карнеевич Ширков в 1688 году «за службы предков и отца его и его, за ратоборство, храбрость и мужественное ополчение и крови и смерти, как предки и отец и сродники и он показали в прошедшую войну в Коруне Польской и Княжестве Литовском», был пожалован из его поместья в разных урочищах в вотчину «в роды и роды»; также были пожалованы и многие другие.

Из изложенного хода исторической жизни дворянского сословия Курского края видно, что в древней Русской истории государственная его деятельность сложилась и проявлялась следующим образом:

В княжеский период Руси, до нашествия Татар, высшее служилое сословие в княжествах Курского края – Путивльском, Рыльском и Курском, – бояре и дворяне, находясь в составе ближайших сотрудников и сподвижников Князей, занимали высшие должности: придворные, военные и судебные, участвуя в совете Князя, предводительствуя княжескими дружинами, служа по всем отраслям управления. Дружинники Князей Курского края отличались в военных

походах против Половцев и прославлены в «Слове о полку Игореве» как доблестные воины. Бояре и дворяне владели землей на тех или других правах и вносили в жизнь Курского края культурное развитие и христианское просвещение.

Во время татарского разорения и тяжелого монгольского ига много представителей высшего класса населения пало жертвой своей любви к родине и защиты ее. Дворянство Курского края в его северо-западной части, именно в Путивльском и Рыльском уездах, благодаря своей доблести и другим историческим условиям имело возможность не подпасть окончательно под продолжительное иго Татар. Находясь под властью Литвы, Путивльско-Рыльское Дворянство не восприняло польского влияния, осталось верным своей религии и народности и, освободившись от зависимости от Польши, продолжало быть ревностным поборником русских начал государственной и общественной жизни и поддерживало их всеми материальными и нравственными силами.

Когда в XVI веке Московское Государство усилилось, возросло и расширилось в своих пределах, то дворянское сословие Курского края, служившее уже Русским Государям, выступило в почетной и в высшей степени ответственной службе, будучи оплотом и охраной России на ее южной, восточной и западной окраинах от сильных и хищных неприятелей, а также содействовало расширению пределов Русской державы. В царствование Государя Иоанна Грозного и его преемников службу в Степи сделала Курское военно-служилое сословие в лице дворян выборных, дворовых и городовых (детей боярских), а также других ратных людей, крепкой оградой России.

Впоследствии Курское служилое сословие во время Смутного времени с готовностью откликнулось на предложение знаменитого воеводы Пожарского и приняло ревностное и деятельное участие в устроении Русской земли. Курская страна, имея во главе служилое сословие, единодушно и единомысленно высказалась за избрание на царство Боярина Ми-

хаила Федоровича Романова, как посланникам из Москвы, бывшим в Курском крае, так и на Соборе, созванном для избрания Государя. Представители Курского края участвовали в торжествах избрания Государя, и Рыляне вскоре первыми принесли избранному Государю Михаилу Федоровичу свой верноподданический дар – известие о завоевании ими Литовских земель и о взятии неприятельских городов, на радость Государю в столь трудное для него время восприятия Царского правления, в терзаемом еще врагами Отечестве. Немедленно после этого Путивльцы и Рыляне старались об очищении Курского края от Литовцев, отбрасывая их войска все далее и далее от владений России.

В царствование Михаила Федоровича и его преемников дворянское служилое сословие нашего края осуществило в истории России три великих государственных задачи: 1) отражение многочисленных нападений иноземных врагов, служа «кровию и смертию» для спасения Отечества, 2) строительство гражданской жизни и гражданского правопорядка в стране, куда Дворянство вносило начала благоустроенного быта и правильного сельского хозяйства, несмотря на самые неблагоприятные внешние условия и 3) расширение пределов России, что совершалось постепенно, непрерывно и прочно, так что Степь мало по малу становилась Русской землей и получала оседлое население, увеличивавшее ее силы.

Будучи вполне Русским по своему духу, направлению и цели деятельности, дворянское сословие Курского края действовало всегда и везде сообразно с этим своим непоколебимым убеждением и согласно с заветами своих предков, проявляя беспредельную преданность Самодержавным своим Государям и любовь к Отечеству, причем для славы и чести Государя и блага Отечества жертвовало собою и всем своим достоянием.

Состав дворян и детей боярских Курского края, их разряды, распределение по местностям и условия службы мы находим в писцовых книгах и десятнях, составленных в XVII веке.

Из этих книг и десятен мы сообщаем здесь все те данные, которые соответствуют цели настоящего труда. При этом надо добавить, что мы воспользовались писцовыми книгами и десятнями шести уездов: Курского, Путивльского, Рыльского, Оскольского, Белгородского и Обоянского, так как в древнее время Курский край разделялся на эти уезды, впоследствии из них выделились и другие уезды. Как писцовые книги, так и десятни сохранились далеко не все, и не в полном объеме, так, например, по Курскому уезду писцовая книга сохранилась только одна, заключающая в себе описание части уезда, по Суджанскому мы имеем писцовую книгу только села Поречного и тому подобное.

ДВОРЯНЕ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ КУРСКОГО КРАЯ

в XVII веке по писцовым книгам

Писцовые книги

[396]В истории Дворянства Курского края важное значение имеют писцовые книги, так как в них мы находим наиболее древние сведения о составе, поместьях и других земельных владениях дворян и детей боярских и о расположении этих владений по уездам, станам и селениям нашего края. Нечего и говорить, что все эти данные представляют драгоценный источник для знакомства с отдаленнейшим временем исторической жизни Дворянства Белгородско-Курского края, в особенности потому, что заселение его дворянами и детьми боярскими в большей части территории совершилось, главным образом, в первой половине XVII века, а писцовые книги были составлены преимущественно в XVII-м же веке. Стало быть, писцовые книги почти современны дворянскому заселению Курской земли. Исключение в этом отношении представляет собою только Путивльско-Рыльская область, которой, как мы знаем, мало коснулось Татарское разорение и в которой жило еще более древнее население.

В Московском Государстве всякое новое присоединение земель сопровождалось посылкой для их описания писцов. В так называемой украйне Московского Государства, к которой относился

[396] Источником этой главы служили подлинные писцовые, межевые, переписные и дозорные книги, рассмотренные нами в Московском архиве Министерства юстиции.

Курско-Белгородский край, особенно тщательно описывались *черты*, населенные служилыми людьми. По Курскому уезду сохранился только один список с писцовой и межевой книги 7193 (1685) года поместных и вотчинных земель в уезде, письма и межеванья писцов: князя Якова Осиповича Щетинина и подьячего Тимофея Друковцова. Писцовые книги, в которых описывались помещичьи владения, обыкновенно составлялись писцами, посланными из Москвы. Посылка их назначалась по тем или иным государственным соображениям, впрочем мы имеем сведения о том, что иногда сами помещики Курского края в той или другой местности его просили о присылке писцов. В редких случаях роль писцов исполняли местные воеводы. В городах Белгородско-Курского края, где происходил постоянный приток населения и приходилось часто отмежевывать один уезд от другого, статьи о писцах вписывались в воеводские наказы.

Интересный факт представляет собою отношение писцов к вотчинникам и помещикам. Оно следующим образом охарактеризовано профессором Лаппо-Данилевским:

Местные воеводы должны были принимать писцов, давать им нужные справки из архива в приказной избе, предоставлять в их распоряжение служилых людей для производства работ по писцовому и межевому делу и следить за тем, чтоб местное население было им послушно. Приехав в город или уезд, писцы читали Государев наказ помещикам, вотчинникам, земскому старосте, целовальникам, посадским людям «не по один день». Затем сами помещики или вотчинники, земские власти, представители от духовенства, специально выбранные для этого лучшие люди присоединялись к писцам. Писцы приводили выборных людей к крестному целованию в том, что они все скажут по правде, а вслед за тем собирали у жителей сказки, в которых были означены размеры хозяйств. Для проверки писцы сами ездили в села и деревни, заменяли неточные сказки новыми и содержание их списывали в писцовые книги. Сказки помещиков и вотчинников имели особое значение при составлении переписных книг.

Описание уездов происходило по волостям и станам, по селам, деревням и починкам. Земля разделяется на добрую, среднюю и худую, встречаются и такие ее характеристики как песчаная, песковатая, худа-песковата (запустела та деревенька от недороду, хлеб не родит, земля песчана), боровая и т.п. В Курско-Белгородском крае в писцовых книгах преобладает в подавляющем большинстве случаев такое определение: *земля добрая*. Это и естественно в виду плодородия чернозема.

1.

Курский уезд

Список с писцовой и межевой книги поместных и вотчинных земель в уезде письма и межеванья писцов – князя Якова Осиповича Щетинина и подьячего Тимофея Друковцева 1685 года.

«Лета 7193 апреля в 3 день[397] по указу Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малые и Белые России Самодержцев и по наказу из поместнаго приказу за приписью дьяка Анисима Нетужина, писцы князь Яков Петрович Щетинин да подьячий Тимофей Друковцев, приехав в Курский уезд, в станех и волостях монастырские и церковные земли, за стряпчими и за дворяны московскими и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за вдовами и за девками и за недорослями, и всяких чинов за помещики и за вотчинники поместные и вотчинные земли, села и деревни и починки и пустоши и селища и займища, в них крестьянские и бобыльские дворы и в дворех людей по имяном, и места дворовые и оброчные и бортные и порозжия земли, и дикия поля и всякия угодьи межеванные и немежеванные и посадских людей земли, писали и мерили и межевали по наказу и по крепостям, а за кем имяны поместья и вотчины и всякая земли писаны и по каким крепостям, писано в сих книгах подлинно».

Село Шумаково-Мордовская поляна тож

на реке Семи и на реке Млодати. В селе церковь святого Великомученика Георгия деревянная, а в церкви церковное строение, а у церкви на церковной земле во дворе поп Иван Овдокимов. Пашни паханые и перелогом дикого поля и дубровы добрые земли 20 четей в поле, а в дву потому ж. Сено по лугам в Толстой Луже и по реке Млодати вверх 40 копен. Пашни пахать и лес хоромной и дровяной сечь вопче с помещики села Шумакова до берег реки Семи и по озеры до берег реки Млодати, и рыбные ловли и всякия угодьи.

[397] Предисловие к писцовой книге.

В селе жеребьи помещиков:

Микифор Клеменов сын Шумаков.

Федор, Онцифер и Ондрей Ефимовы дети Шумаковы.

Племянники их:

Онисим и Федор Онтиповы дети Шумаковы.

Вдова Матрена Афонасьева жена Шумакова, да ее дети Дмитрий и Лаврентий.

Ефрем, Карп, Иван, Трофим, Онисим, Петр, Тит, Степан Петровы дети Шумаковы.

Осип и Овдоким Васильевы дети Шумаковы.

Племянники их:

Михаил, Максим, Озар, Кондратий и Ефим Микифоровы дети Шумаковы.

Иван Филипов сын Шумаков.

Вдова Марья Кирилова жена Шумакова с пасынками Иевом, Осипом и Евсеем Кириловыми детьми Шумаковыми.

Вдова Марфа Васильева жена Шумакова с пасынком Софоном да с дочерьми с девками с Солонидою, Натальею да с Софиною.

Карп Григорьев сын Мезенцов. Поместье его, что он выменил у Григория да у Мины Измайловых из поместья его в жеребьи села Шумакова-Мордовская поляна тож, с тем, что к Толстой луже, а в том его поместье мельница на реке Семи.

Иван Павлов сын Бредихин да его двоюродные братья.

Ондрон да Ортем Акимовы дети Бредихины.

Племянники их:

Осип, Павел, Омельян Мироновы дети Бредихины.

Деревня Толстая Лужа на реке Семи.

Жеребьи помещиков:

Клемен и Иван Кириловы дети Толмачевы.

Тимофей Семенов сын Толмачев.

Петр, Ортем и Митрофан Макаровы дети Толмачевы.

Вдова Прасковья Ондреева жена Толмачева с сыном Ермолом да с внуком Иваном Толмачевыми.

Село Козья Поляна на реке Семи и на реке Млодати. А в селе погост Введения Пресвятые Богородицы, церковь деревянная, а в церкви церковное строение, а во дворе поп Калинник Титов. Церковные добрые земли, пашни паханы и перелогом и дикого поля 20 четей в поле, а в дву потому ж, сена по дикому полю 40 копен, лес вопче с помещики села Козьи Поляны по берегу рек Семи и Млодати, рыбные ловли и всякия угодьи.

Жеребьи помещиков на реке на Млодати:

Кирей Кирилов сын Заплавской.

Кирил Анисимов сын Есков.

Наум, Михаил, Аникей Фомины дети Бредихины.

Вавило Андреев сын Конорев с племянником Мелехом Кириловым сыном Коноревым.

Мартын, Юрья, Ерофей, Лазарь, Зикей Григорьевы дети Коноревы.

Епифан Семенов сын Михайлов.

Денис Тимофеев сын Конорев.

Кирей и Иван Терентьевы дети Конаревы.

Микифор Федоров сын Конарев.

Григорий Ермолов сын Самсонов, поместье его, что он выменил у Епифана Михайлова, жеребьи села Козьи Поляны.

Григорий и Михайло Тимофеевы дети Звегинцовы.

Иев и Прокофей Аверкеевы дети Парфеновы.

Федот, Василий, Овдей Сидоровы дети Парфеновы.

Прокофей Борисов сын Кулаков.

Деревня Бугор на реки на Семи у Красного Озера, а в нем места дворов помещиков:

Семен Ондреев сын Новосильцов.

Племянники его:

Родион, Спиридон, Офонасей, Федор Леонтьевы дети Новосильцовы.

Терентий Родионов сын Поликарпов.

Деревня Букреева на реки на Семи.

В ней жеребьи помещиков:

Семен, Леонтий, Лубим, Василий, Герасим Акимовы дети Анненковы.

Вдова Марфа Карпова жена Красова, прожиточный ее жеребей.

Село Толмачево Лебяжье тож. В селе церковь во имя Архистратига Михаила деревянная клецки[398].

Великих Государей Царей Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малые и Белые России Самодержцев, а в церкви церковное строение, а у церкви на церковной земле поп Сила Афонасьев. Пашни паханые перелогом и дикого поля добрые

[398] Клецки – клет-ски, клеть.

земли по обе стороны реки Семи 20 четей в поле, а в дву потому ж. Сена по дикому полю и по конец Поль 20 копен, лес вопче с помещики до берегу реки Семи, по озеру рыбные ловли и всякия угодьи: пашни пахать и сено косить и всякими угодьи владеть вопче с помещики села Лебяжья Толмачево тож через десятину.

Жеребьи помещиков:

Иван Аверкиев сын Фирсанов.

Племянники его:

Иван Михайлов сын Фирсанов.

Абрам Григорьев сын Фирсанов.

Степан большой и Степан меньшой Ивановы дети Мелеховы.

Клемен и Иван Кириловы дети Толмачевы.

Тимофей Семенов сын Толмачев.

Племянник его:

Ермол Андреев сын Толмачев.

Петр, Ортем да Микифор Макаровы дети Толмачевы.

Иван, Фома, Трофим, Сергей Лукьяновы дети Толмачевы.

Поместья их по обе стороны реки Семи.

Василий, Олексей и Михайла Ондреевы дети Толмачевы.

Обрам и Василий Микифоровы дети Толмачевы.

Козма Ананьев сын Толмачев.

Василий Лукьянов сын Мелехов.

Фатей, Максим, Василий Софоновы дети Мелеховы.

Павел Нестеров сын Глебовской.

Кондратей Павлов сын Беседин.

Петр Силин сын Кизилов.

Истома Фатеев сын Буколов.

Василий Иванов сын Шевляков.

Село Зорино. В селе церковь Святаго Великомученика Димитрия деревянная клецки, а в дворе церковное строение, а у церкви на церковной земли поп Симон Климов. Пашни паханые добрые земли 20 четей в поле, а в дву потому ж, сена по дикому полю по конец Поль 40 копен, лесу большого по берегу реки Семи с озера вопче с помещики против дач, а пашни пахать и сено косить и всякими угодьи владеть вопче с помещики села Зорина через десятину.

В том селе жеребьи помещиков:

Семен да Дмитрей Ивановы дети Фомины.

Василей Иванов сын Мишустин.

Онфиноген да Ларион Еремеевы дети Чаплыгины.

Иван да Федос Григорьевы дети Чеплыгины.

Иван Данилов сын Чеплыгин.

Петр Трофимов сын Шатов.

Максим Елисеев сын Кобызев да племянник его Сергей Козмин сын Кобызев.

2.

Путивльский уезд

Древнейшая писцовая книга Путивля и его уезда относится к 1626-27 годам.

Из этой книги видно, что Путивльский уезд в XVII веке имел поселения, большею частью, по рекам Сейму и Клевени, в лесистых и привольных местах. На юге селения занимали верхнее течение рек Хорола, Псла, Ворсклы и их многочисленных притоков, простираясь на восток до Северского Донца и Белгородского уезда. При образовании последнего Хотмышская волость отошла к Белгороду, а впоследствии это был самостоятельный Хотмышский (ныне Грайворонский) уезд.

Общее число помещиков Путивльского уезда более чем в три раза превышало число их дворов. Объясняется это явление тем, что часть помещиков проживала в городе.

На одного помещика в Путивльском уезде в среднем приходился один крестьянский двор, большинство помещиков не имело ни крестьян, ни бобылей и обрабатывало земли своими руками.

Помещичье хозяйство имело большое подспорье в бортных ухожеях и других угодьях.

Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель и бортных ухожеев в Подгородном стану и в волостях: Печерской, Колодецкой, Залуцкой, Биринской, Городецкой, Желвацкой и Немирской, письма и меры Петра Мусоргского да подьячего Гаврилы Федорова. 1628-1629 гг.

Подгородный стан, в поместьях

Губной староста Иван Васильев сын Яцын.

Микифор Михайлов сын Яцын.

Петр Михайлов сын Яцын.

Иван Михайлов сын Яцын.
Григорий Кузмин сын Яцын.
Спиридон Денисьев сын Яцын.
Вдова Агафья Офонасьева жена Яцына.
Иван Михайлов сын Черепов.
Федор Михайлов сын Черепов.
Василей Михайлов сын Черепов.
Федор Денисьев сын Стрелников.
Василей Денисьев сын Стрелников.
Степан Богданов сын Стрелников.
Юрья Богданов сын Стрелников.
Микифор Федоров сын Стрелников.
Богдан Петров сын Стрелников.
Герасим да Степан Офонасьевы дети Онтыковы.
Сергей Олексеев сын Онтыков.
Федор Иванов сын Онтыков.
Вдова Катерина Богданова жена Онтыкова.
Василей Денисьев сын Молотов.
Юрья Жаденов сын Карпов.
Микита Матвеев сын Почеплянкин.
Кондрат Васильев сын Олешков.
Вдова Наталья Микитина жена Безобразова.
Федор Михайлов сын Щоголев.
Иван Михайлов сын Репин.
Григорей Федоров сын Гарасимов.
Микифор Васильев сын Горяинов.
Семен Моисеев сын Карпов.
Иван Игнатьев сын Саблин.
Федор Григорьев сын Воронков.
Офонасей Иванов сын Арсеньев.
Фома Ондреев сын Носов.
Иван Матвеев сын Левин.
Степан Ильин сын Бузов.
Офонасей Носонов сын Кольцов.
Тимофей Борисов сын Некрасов.
Семен Данилов сын Вощинин.
Михайло Данилов сын Вощинин.
Богдан Савельев сын Шечков.
Григорий Степанов сын Булгаков.
Иван Игнатьев сын Щетинин.
Семен Семенов сын Мужецкой.
Вдова Овдотья Офонасьева жена Беззубцова с сыном Федком.

Кузма да Федор Зиновы дети Титовы.
Савелей Петров сын Литвинов.
Кирил да Гарасим Ивановы дети Титовы.
Петр Федоров сын Ильин.
Григорий да Иван Олексеевы дети Череповы.
Семен Иванов сын Щекин.
Семен Савельев сын Рыков.
Ондрей Олексеев сын Мещеринов.
Петр Иванов сын Щекин.
Василей Петров сын Олешков.
Петр Савельев сын Щетинин.
Дмитрей да Федор да Игнат Савельевы дети Карповы.
Василей Федоров сын Волынцев.
Федор болшой Матвеев сын Трифанов.
Федор меньшой Матвеев сын Трифанов.
Роман да Василей Васильевы дети Марковы.
Семен Васильев сын Золотарев.
Осадной голова Левонтей Петров сын Литвинов.
Василей да Матвей Федоровы дети Головленковы.
Степан Левонтьев сын Золотарев.
Кондрат Левонтьев сын Золотарев.
Богдан Кудинов сын Чудов.
Иван Петров сын Овечкин.
Иван Григорьев сын Важев.
Вдова Агафья Петрова жена Белелюбская.
Федор Васильев сын Киреев.
Семен да Юрья Васильевы дети Киреевы.
Дмитрей Иванов сын Киреев.
Самойло Иванов сын Онтыков.
Гаврило Жаденов сын Митков.
Вдова Ографена Олексеева жена Яцына.
Губной староста Офонасей Матвеев сын Беззубцов.
Микита Федоров сын Булгаков.
Яков да Дмитрей Федоровы дети Титовы.
Вдова Лукерья Семенова жена Глушкова.
Яков Офонасьев сын Воронин.
Иван Кирилов сын Лотышев.
Денис да Иван Васильевы дети Толстоуховы.
Богдан да Борис да Иван Федоровы дети Дашковы-Кривопишины.
Гаврило Федоров сын Дашков-Кривопишин.
Григорей Иванов сын Дашков-Кривопишин.

Вдова Орина Ондреева жена Оладьина.
Федор да Данило Демьяновы дети Оладьины.
Федор Федотов сын Литвинов.
Вдова Ульяна Огафонова жена Олешкова.
Василей Федоров сын Клюев.
Семен Данилов сын Литвинов.
Кондрат Денисов сын Моногаров.
Федор Офонасьев сын Головин.
Микита Иванов сын Стегнищев.
Вдова Марья Романова жена Селитренина.
Денис да Богдан Федоровы дети Олешковы.
Черниговцы Данило Иванов сын Марков да Иван Иванов сын Костентинов.
Левонтей Васильев сын Копачев.
Михайло Тимофеев сын Прудников.
Василей Тимофеев сын Конин.
Григорей Яковлев сын Костентинов.
В Подгородном же стану церковь Рождества Пресвятые Богородицы, Печерской Молчанской монастырь и церковные земли.
В Подгородном же стану порозжая земля.

Волость Печерская, в поместьях:

Петр да Иван Михайловы дети Яцыны.
Микифор Михайлов сын Яцын.
Василей Михайлов сын Ревякин.
Семен Данилов сын Вощинин.
Мартын Семенов сын Юденков.
Ондрей Федоров сын Вощинин.
Матвей Мартынов сын Юденков.
Федор Михайлов сын Забелин.
Григорей да Никон Богдановы дети Забелины.
Иван Михайлов сын Борсуков.
Микифор Михайлов сын Борсуков.
Осадной голова Левонтей Петров сын Литвинов.
Богдан Сидоров сын Малютин.
Мартын Федоров сын Головленков.
Василей Федоров сын Голощапов.
Степан Левонтьев сын Золотарев.
Кондрат Левонтьев сын Золотарев.
Вдова Богдана Евсеева жена Беззубцова.
Дмитрей Григорьев сын Бунакин.

Микита да Кирил Ивановы дети Бунакины.
Федор Михайлов сын Черепов.
Офонасей Насонов сын Кольцов.
Вдова Овдотья Офонасьева жена Беззубцова с сыном Федком.
Михайла да Микита Трифоновы дети Борсуковы.
Кирил да Тарас да Иев да Иван Ивановы, а прозвищем Ломакины, дети Титовы.
Семен Романов сын Ширяев.
Игнат Богданов сын Белелюбской.
Иван Григорьев сын Важев.
Вдова Ографена Петрова жена Белелюбская.
Иван Фролов сын Белелюбской.
Федор Васильев сын Киреев.
Семен да Юрья Васильевы дети Киреевы.
Петр Иванов сын Щекин.
Черниговец Иван Тимофеев сын Бершов.
Лука Яковлев сын Некрасов.
В Печерской волости дети боярские в починках.
Микифор да Петр да Иван Михайловы дети Яцыны.
Василей Федоров сын Головленков.
Порозжия земли.

Волость Колодезная, в поместьях:

Иван Левонтьев сын Золатарев.
Вдова Овдотья Офонасьева жена Беззубцова с сыном с Федком.
Олексей Омельянов сын Некрасов.
Иван Петров сын Овечкин.
Семен Васильев сын Золотарев.
Вдова Марья Иванова жена Золотарева.
Иван Гаврилов сын Щекин.
Семен Данилов сын Вощинин.
Михайла Данилов сын Вощинин.
Роман да Василей Васильевы дети Марковы.
Вдова Марья Васильева жена Маркова.
Иван Савельев сын Шечков.
Василей Федоров сын Головленков.
Юрья Кондратьев сын Шулешкин.
Микифор Михайлов сын Яцын.
Петр да Иван Михайловы дети Яцыны.

Спиридон Денисьев сын Яцын.
Вдова Агафья Офонасьева жена Яцына.
Иван Михайлов сын Черепов.
Василий Михайлов сын Черепов.
Иван Михайлов сын Борсуков.
Кондрат Левонтьев сын Золоторев.
Петр Иванов сын Щекин.
Иван Васильев сын Стремоухов.
Василий Иванов сын Дуров.
Черниговцы: Григорий Яковлев сын Костентинов.
Иван Иванов сын Костентинов.
Черниговец Данило Иванов сын Карпов.
Иван Иванов сын Булгаков.
Михайло да Микита Трифановы дети Борсуковы.
Богдан Кудинов сын Чудов.
Андрей Кудинов сын Чудов.
Вдова Аксинья Гарасимова жена Костентинова.
Микита Матвеев сын Стремоухов.
Семен Романов сын Ширяев.
Микита да Гаврила Семеновы дети Ондрюкины.
Иван Яковлев сын Митков.
Микита да Иван Романовы дети Щекины.
Вдова Палагея Степанова жена Булгакова с сынами с Иваном да Степаном да с дочерью с девкою Аксиньицею.
Иван Тимофеев сын Борисов.
Лука Яковлев сын Некрасов.
Алфим Нестеров.
Андрей да Семен Степановы дети Раскосовы.
Вдова Марфа Левонтьева жена Рябова.
Ларивон Исаев сын Киреев.
Лукьян Афонасьев сын Руднев.
Вдова Фекла Федорова жена Рябова с дочерью.
Казачьи ясаулы:
Ермол Филипов сын Руднев.
Андрей Логвинов сын Быков.
Алексей да Яков Сергеевы дети Рудневы.
Киприян Фирсов.
Тимофей Сидоров.
В Колодесской же волости в починках
Дмитрей Иванов сын Киреев.

Волость Залуцкая, в поместьях:

Иван меншой да Петр Плешков.
Григорей Степанов сын Кротов.
Яков Кондратьев сын Шулешкин.
Иван Гаврилов сын Щекин.
Василей Иванов сын Дуров.
Иван Олексеев сын Булгаков.
Вдова Палагея Степанова жена Булгакова с двумя сыновьями с Степашкою да с Ивашкою да с дочерью с девкою Фетиницею.
Порозжия земли в Путивльском уезде, ухожеи бортные за пашнею в поместьях и в оброках.

Волость Городецкая, в поместьях:

Иван да Федор да Микифор Михайловы дети Борсуковы.
Михайла да Микифор Трифоновы дети Борсуковы.
Сергей Иванов сын Кротов.
Федор Головин.
Михайло Черепов.
Микита Федоров сын Булгаков.

Волость Биринская, в поместьях:

Иван Михайлов сын Черепов.
Матвей Мортынов сын Юденков.
Петр Иванов сын Щекин.
Микифор Федоров сын Булгаков.

Волость Желвацкая, в поместьях:

Григорий Степанов сын Булгаков.
Прохор Микифоров сын Афонасьев.
Левонтей Иванов сын Бунакин.
Микифор Федоров сын Стрелников.
Иван Михайлов сын Черепов.
Ромашко да Васко Васильевы дети Марковы.

Волость Немирская

Осадный голова Левонтей Петров сын Литвинов.
В Путивльском уезде монастырские и церковные земли, ружные, бортные ухожеи, рыбные ловли и перевозы.

3.

Рыльский уезд

Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах Подгородном, Омонском и Свапском письма и меры писцов Петра Ивановича Мусоргского и подьячего Гаврилы Федорова, 1628-1629 гг.

Стан Подгородный

А в нем села и деревни и починки и пустоши в поместьях.
Ондрей Григорьев сын Поповкин.
Петр Степанов сын Суковкин.
Дмитрей Тимофеев сын Петряев.
Григорей Микитин сын Петряев.
Олексей Романов сын Петряев.
Ефрем Романов сын Петряев.
Иван Романов сын Петряев.
Дорофей и Богдан Григорьевы дети Воропоновы.
Иван Иванов сын Воропонов.
Микита Иванов сын Воропонов.
Семен Карпов сын Старостин.
Исай Карпов сын Старостин.
Иван Созонов сын Старостин.
Михайла, Матвей, Илья Матвеевы дети Артюшковы.
Иван Корнеев сын Клеменов.
Иван Максимов сын Маслов.
Милон Ларивонов сын Некипелов.
Кизыл-башем Жданов сын Толмачев.
Игнат Жданов сын Толмачев.
Любим Степанов сын Чуркин.
Елизар Степанов сын Мичурин.
Иван Микулин сын Пешков.
Михайла Федоров сын Деменков.
Богдан Михайлов сын Деменков.
Черниговец Тимофей Козмин сын Оношков.
Черниговец Зенон Григорьев сын Лемяшев.
Козьма Лаврентьев сын Садыков.
Черниговец Петр Ширяев сын Коренев.
Семен Лазарев сын Быков.
Воин Богданов сын Износков.
Черниговец Олексей Истомин сын Павлов.

Черниговец Микифор Семенов сын Османов.
Черниговец Григорей Тимофеев сын Точеников.
Григорей Лаврентьев сын Поляков.
Черниговец Ефрем Ондреев сын Коробедков.
Черниговец Тимофей Дмитриев сын Самойлов.
В Подгородном же стану верстанные и беломестные атаманы и казаки.
Атаман Ярофей Васильев сын Попов.
Атаман Сергей Онтонов сын Мотохин.
Данило Лаврентьев сын Садыков.
Беломестные казаки: Кондрат Титов с товарищи всего 44 человека.
Яков Пахомов сын Кусаков.
Богдан Лаврентьев сын Арсеньев.
Федор Матвеев сын Булгаков.
Степан Васильев сын Савенков.
Григорей Микитин сын Арсеньев.
Сергей Федоров сын Волков.
Сила Иванов сын Пересветов да Иван Лукьянов сын Яцкаго.
Иван Ортемьев сын Волков.
Иван Богданов сын Тетерин.
Атаман Василий Федоров сын Булатов.
Михайло Федоров сын Чубаров.
Иван Васильев сын Стремоухов.
Василей Ондреев сын Люшин.
Василей Иванов сын Дуров.
Иван Алексеев сын Шастов.
Богдан Иванов сын Износков.
Матвей Богданов сын Износков.
Иван Иванов сын Волжин.
Омельян Дмитриев сын Стремоухов.
Иван Алексеев сын Булгаков.
Федор Ондреев сын Люшин.
Вдова Пелагея Степанова жена Булгакова с детьми с двоемя сынами с Васкою да с Степанкою да с дочерью с девкою с Фетиницею.
Черниговцы Петр да Севрюг Васильевы дети Чудиновы да Новгорода-Северского Микита Степанов сын Кульнев.
Черниговец Иван Григорьев сын Лемяшов.
Черниговец Василей Петров сын Коренев.
Григорей Васильев сын Петрищев.

Семен Матвеев сын да Федор Иванов сын Петряевы.

Микифор Степанов сын Орлов.

Семен Констентинов сын Поречной.

Федор Онтонов сын Висковатов.

Леонтей да Василей Богдановы дети да Олексей да Григорей Лукьяновы дети да Игнат Дмитриев сын Ворванины.

Григорей Богданов сын Аристов.

Левонтей Семенов сын Макарев.

Вдова Пелагея Офонасьева жена Стремоухова с двоеми сыновьями с Василием да с Микитою да с дочерями с девками Марьяницею да Овдотьицею.

Василей Степанов сын Люшин.

Иван Дмитриев сын Кусаков.

Григорей Лаврентьев сын Износков.

Ондрей Богданов сын Износков.

Микита Тимофеев сын Люшин.

Иван Ондреев сын Люшин.

Яков Богданов сын Стремоухов.

Иван Васильев сын Щоголев.

Тимофей Евсеев сын Чубаров.

Савелей Александров сын Ергин.

Богдан Лаврентьев сын Арсеньев.

Микита Матвеев сын Стремоухов.

Федор Костентинов сын Стрелников.

Миляка Моисеев сын Карпов.

Игнатей Михайлов сын Тораканов.

Степан Алексеев сын Стремоухов.

Сургаш Наумов сын Быков.

Матвей Пахомов сын Кусаков.

Гаврило Федоров сын Дашков-Кривопишин.

Иван Ортемьев сын Волков.

Иван Иванов сын Булгаков.

Василей Федоров сын Быков.

Федор Матвеев сын Булгаков.

Игнатей Васильев сын Дуров.

Иван Лукьянов сын Яцково.

Степан Васильев сын Савенков.

Сила Иванов сын Пересветов.

Григорей Микитин сын Арсеньев.

Сергей Федоров сын Волков.

Марк Фролов сын Лаговчин.

Мартын Петров сын Елянской.

Матвей Иванов сын Рудкин.
Григорей да Олексей Ивановы дети Денисовы.
Павел Романов сын Счасной.
Петр Микифоров сын Летов.
Прокофей да Роман Васильевы дети Русановы.
Илья Романов сын Дерюгин.
Матвей Романов сын Киев.
Степан Родивонов сын Дерюгин.
Иван Михайлов сын Дерюгин.
Иван Семенов сын Малеев.
Савл Малеев сын Спасителев.
Сергей Петров сын Сучкин.
Никольского монастыря Волынской пустыни церковные земли, в том же стану оброчные и порозжия земли.

Стан Омонской, в поместиях:

Григорей Костентинов сын Бойкачкаров.
Иван Михайлов сын Сомов.
Вдова Овдотья Иванова жена Брехова с дочерью с девкою с Богданицию.
Федор Иванов сын Миколников.
Михайла да Пронка Михайловы дети Бырдины.
Данило да Федор да Офонасей да Олексей да Мартин Ондреевы дети Бояринцовы.
Ортемей Киреев сын Зворыгин.
Тимофей Кирилов сын Зворыгин.
Левонтей Семенов сын Макарьев.
Илья Матвеев сын Коптев.
Микифор Якимов сын Горбунов.
Иван, а прозвищем Шестой, Лукьянов сын Филимонов.
Дементей Олексеев сын Тураев.
Савин Олексеев сын Тураев.
Василей Федоров сын Тураев.
Яков Иванов сын Подпрятов.
Ондрей Прокофев сын Хвостов.
Яков да Федор Киреевы дети Спасителевы.
Савелей Иванов сын Малеев.
Федор Васильев сын Малеев с сестрою с девкою Марьицею.
Федор Алексеев сын Толстой.
Иван да Михайла Петровы дети Макарьевы.

Сергей Богданов сын Осмолов.
Игнатей да Иван Михайловы дети Осмоловы.
Яков Иванов сын Осмолов.
Кирилла Михайлов сын Осмолов.
Иван Иванов сын Осмолов.
Иван болшой Иванов сын Миколников.
Иван меншой Иванов сын Миколников.
Прокофей Богданов сын Цуриков.
Петр Степанов сын Стремоухов.
Федор Семенов сын Брехов с тремя сестрами: Пелагейцею, Катеринцею да Овдотьицею.
Первой Богданов сын Брехов с двоеми сестрами с девками Софиницею да с Анницею.
Петр Богданов сын Агарков.
Вдова Анна Борисова жена Агаркова с дочерью с девкою с Василискою.
Федор Костентинов сын Бойкачкаров.
Вдова Агафья Богданова жена Тураева с 4 сыновьями с Федкою, с Васкою, да Степанком да с Микиткою.
Иван Максимов сын Подпрятов.
Михайла Онофреев сын Викторов.
Козерко да Федор Ивановы дети Киевы.
Иван Иванов сын Осмолов.
Сергей да Иван Григорьевы дети Ширковы.
Федор Степанов сын Ширков.
Василей да Петр Костентиновы дети Ширковы.
Игнатей да Василей да Мокей да Петр Даниловы дети Должиковы.
Иван да Гаврило да Сергей Михайловы дети Должиковы.
Михайла Федоров сын Мачикин.
Ондрей да Дмитрей Ондреевы дети Боковы.
Афонасей Матвеев сын Бобров.
Илья Романов сын Дерюгин.
Матвей Романов сын Киев.
Ортем Васильев сын Осмолов.
Ондрей да Степан Ивановы дети Осмоловы.
Юрья Жданов сын Лодыгин.
Дружина Жданов сын Лодыгин.
Василей да Гаврила Васильевы дети Злобины.
Остафей Волокитин сын Злобин.
Захарей да Семен Федоровы дети Злобины.
Федор Лаврентьев сын Бойкачкаров.

Василей да Иван Герасимовы дети Чупахины.
Булат Иванов сын Зеленин с сыном Гордеем.
Юрья Булатов сын Зеленин.
Васка Несмеянов сын Зеленин.
Тимофей Иванов сын Машкин.
Иван Михайлов сын Малеев.
Богдан Михайлов сын Малеев.
Степан Михайлов сын Малеев.
Алексей Михайлов сын Малеев.
Гаврило Семенов сын Малеев.
Захарей Иванов сын Копачев.
В Омонском стану Новгородка-Северского и Черниговцы.
Игнатей Васильев сын Дуров.
Меншой Тимофеев сын Чортов.
Илья Ортемьев сын Волков.
Василей Ильин сын Пушкарев.
Иван Иванов сын Волжин.
Матвей Пахомов сын Кусаков.
Юрья Федоров сын Быков.
Воин Богданов сын Износков.
Иван да Федор да Василей Ивановы дети Арсеньевы.
Юрья Лаврентьев сын Арсеньев.
Иван Тимофеев сын Чортов.
Тимофей Васильев сын Некрасов.
Василей Фролов сын Быков.
Черниговец Михайла Федоров сын Россомахин.
Яков Богданов сын Стремоухов.
Иван Максимов сын Савенков.
Вдова Василиса Истомина жена Некрасова с сынами с Курпиком да с Василком да с дочкою девкою с Окулиницею.
Тимофей Жаденов сын Пушкарев.
Иван да Логвин Дементьевы дети Машкины.
Семен Семенов сын Ондрюкин.
Злоба Жуков сын Арсеньев.
Афонасей Петров сын Машин.
Вдова Василиса Олексеева жена Кровяковского с сынами Ивашкою да Тимошкою.
Иван меншой Васильев сын Мошин.
Лукьян Максимов сын Савенков.
Иван Гаврилов сын Замятин.
Семен Матвеев сын Петрищев.
Семен Замятин сын Лакисов.

Олексей Васильев сын Соколов.
Роман Остафьев сын Зубов.
Девки Федорица да Аграфеница Ивановы дочери Большого Машина.
Семен Лазарев сын Быков.
Федор Богданов сын Тетерин.
Федор Васильев сын Петрищев.
Черниговец Офонасей Иванов сын Бояринцов.
Атаман Ярофей Васильев сын Попов.
Ясаул Микула Иванов сын Вилимов.
Атаман Василий Федоров Булатов.

В Омонском же стану старец Никольского монастыря Омонской пустыни Боголеп Лодыгин с Юрьем да Дружиною Ждановыми детьми Лодыгиными.

Стан Свапской

Микифор Филипов сын Арбузов.
Михайла Иванов сын Верещагин.
Иван да Дорофей да Михайла Михайловы дети Воропоновы.
Василий Несмеянов сын Зеленин.
Захарей Михайлов сын Сниткин.
Григорей Тархов сын Ортаков.
Иван Михайлов сын Сомов.
Григорей да Олексей Ивановы дети Денисовы.
Василей Иванов сын Поветкин.
Сергей Григорьев сын Трубачев.
Яков Иванов сын Подпрятов.
Вдова Овдотья Иванова жена Брехова с дочерьми с девкою Богданицею.
Иван Ондреев сын да Олешка Федоров сын Яковлевы.
Юрья Жданов сын Лодыгин.
Дружина Жданов сын Лодыгин.
Григорей Осипов сын Висковатой да Ортемей Киреев сын Зворыгин.
Петр Степанов сын Суковкин.
Василей Дементьев сын Ильин.

Вдова Марья Иванова жена Ломакина с двоеми сынами Ивашкою да с Васкою да с дочерьми с девками с Татьяницею да Огрофеницею.

Федор Костентинов сын Бойкачкаров.
Ондрей Казмин сын Шустов.

Ивашко Ондреев сын Счасной.
Иван да Петр Ивановы дети Пешковы.
Савелей Ондреев сын Пешков.
Федор Степанов сын Ширков.
Сергей да Иван Григорьевы дети Ширковы.
Левонтей Семенов сын Макарьев.
Иван Петров сын Дарин.
Офонасей Сергеев сын Молахов.
Тимофей Иванов сын Машкин.
Яков Иванов сын Машкин.
Степан Иванов сын Машкин.
Нелюб Иванов сын Машкин.
Захар Иванов сын Рогачев.
Вдова Иванова жена Киева.
Василей Ондреев сын Люшин.
Исай Ондреев сын Люшин.
Иван Фомин сын Щоголев.
Дмитрей Игнатьев сын Тараканов.
Иван Васильев сын Щоголев.
Федор Костентинов сын Стремоухов.
Степан Алексеев сын Стремоухов.
Миляка Моисеев сын Тархов.
Ондрей Богданов сын Износков.
Иван да Федор да Василей Ивановы дети Арсеньевы.
Ондрей Иванов сын Булгаков.
Савелей Тимофеев сын Чортов.
Меншой Михайлов сын Пушкарев.
Михайла Иванов сын Аладьин.
Захар Гаврилов сын Федюшин.
Гаврила Семенов сын Андрюкин.
Василий Степанов сын Люшин.
Григорий Лаврентьев сын Износков.
Вдова Пелагея Офанасьева жена Стремоухова с сыном Василием да Микитою да с дочерью с девкою Марьею.
Иван Олексеев сын Шастов.
Богдан Иванов сын Износков.
Матвей Богданов сын Износков.
Юрья Федоров сын Быков.
Федор Ондреев сын Люшин.
Василей Иванов сын Дуров.
Иван Иванов сын Волжин.
Олексей Дмитриев сын Стремоухов.

Иван Олексеев сын Булгаков.
Микула Остафьев сын Зубов.
Ондрей Семенов сын Ондрюкин.
Третьяк Федоров сын Чортов.
Вдова Марья Васильева жена Щоголева с сыном Воином.
Лукьян Богданов сын Тетерин.
Онтон Григорьев сын Замятнин.
Черниговец Юрья Микифоров сын Артюхов.
Яков Богданов сын Стремоухов.
Иван Дмитриев сын Кусаков.
Гаврило Федоров сын Дашков.
Вдовы Пелагея Григорьева жена Пушкарева да невестка ее Пелагея Никитина жена Пушкарева да сын ее Степан.
Осип Тимофеев сын Некрасов.
Михайла Федоров сын Чубаров.
Фрол Федотов сын Волков.
Федор Васильев сын Александров.
Петр Наумов сын Быков.
Степан Ондреев сын Лакисов.
Мартын Сургашев сын Быков.
Яков Иванов сын Булгаков.
Федор Прохоров сын Износков.
Злоба Жуков сын Арсеньев.
Любим Ондреев сын Люшин.
Иван Ондреев сын Люшин.
Яков Данилов сын Волжинский.
Иван Максимов сын Савенков.
Василей Савельев сын Гулидов.
Воин Васильев сын Яковлев.
Вдова Пелагея Степанова жена Булгакова да с двоемы сынами.
Филип Иванов сын Чубаров.
Вдова Василиса Истомина жена Некрасова.
Микита Семенов сын Андрюкин.
Тимофей Жаденов сын Пушкарев.
Иван да Логвин Дементьевы дети Машины.
Григорей Лаврентьев сын Поляков.
Семен Семенов сын Андрюкин.
Офонасей Петров сын Машин.
Вдова Василиса Олексеева жена Коровяковская.
Илья Максимов сын Швечков.
Семен Лазарев сын Быков.
Иван меншой Васильев сын Машин.

Михайла Федоров сын Пушкарев.
Лукьян Максимов сын Савенков.
Иван Гаврилов сын Замятнин.
Семен Матвеев сын Петрищев.
Семен Замятнин сын Лакисов.
Олексей Васильев сын Соколов.
Фома Остафьев сын Зубов.
Федор Богданов сын Тетерин.
Василий Васильев сын Алистархов.
Федор Васильев сын Петрищев.
Иван Ортемьев сын Волков.
Савелей Александров сын Ергин.
Микита Тимофеев сын Люшин.
Василей Федоров сын Быков.
Иван Иванов сын Булгаков.
Игнатей Михайлов сын Тараканов.
Сургаш Наумов сын Быков.
Черниговец Яков Иванов сын Лихачев.
Тимофей Юрьев сын Чубаров.
Дмитрей Григорьев сын Данилов.

Беломестные казаки Кондратей Титов с товарищи, и всего 44 человека.

В том же Свапском стану Новогородка-Северского Осип Некрасов, атаман Василей Булатов, Ярофей Попов с товарищи, 26 человек.

В том же стану монастырские и церковные земли оброчные и порозжия.

В Рыльском же уезде в волостях монастырские и церковные земли, ружные, бортные ухожеи, рыбные ловли и мельницы.

4.

Оскольский уезд

Оскольский уезд занимал в первой четверти XVII века верхнее течение реки Оскола и ее северных притоков.

Оскольский уезд делился на пять станов, очень неравных по пространству, ими занимаемому, и по количеству селений, находившихся в каждом из них.

Характерным для селений Оскольского уезда является то обстоятельство, что в них не было почти совсем ни крестьян, ни бо-

былей. На весь уезд в начале XVII века был только один бобыльский двор. Население Оскольского уезда состояло целиком из детей боярских. Только в двух деревнях Чуфичевского стана Верхней и Нижней Атаманской жили станичные атаманы, а в сельце Голубине Орлицкого уезда – беломестные казаки. Но эти последние мало чем отличались от детей боярских и впоследствии были поверстаны в этот класс военно-служилого сословия.

Список с дозорной и межевой книги города Оскола и его посада и поместных земель в станех: Окологородном, Ублицком, Чуфичевском, Дубенском и Орлицком. Письма, дозора и межеванья Осипа Секерина и подьячего Добрыни Русанова. 1615 года.

1. Стан Окологородный

В поместьях за детьми боярскими.

Село Короваево, а Горосим тож.

На реке на Осколу, усть речки Горосима.

В том селе жеребьи помещиков:

Семен Онофреев сын Миляев.

Гриша Миляев сын Душкин.

Яков Фомин сын Устинов.

Фектист Офонасьев сын Колюнанов.

Левонтей Яковлев сын Тетуров.

Недоросль Пронка Провоторхов сын Устинов.

Логвин Петров сын Чечулин.

Клементей Федоров сын Кайсаров.

Фотейка Федоров сын Бурцов.

Васка Микифоров сын Неретин.

Иван Родивонов сын Прончаков.

Иван Саввин сын Головин.

Григорей Иванов сын Жердев.

Кузьма Омельянов сын Набережнев.

Донило Провоторхов сын Татаринов.

Василей Семенов сын Онофреев.

Позняк Михайлов сын Пузиков.

Беляй Ондреев сын Кошкорев.

Ерема Офонасьев сын Бутаков.

Обокум Тимофеев сын Обокумов.

Григорей Анофреев сын Родивонов.

Ортем Иванов сын Семенов.

Кирей Петров сын Гревцов.

И всего *в селе Короваеве* 23 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

И обоего пашни паханы доброй земли и на пашне дубровы и дикого поля 3 сохи без пол чети и без пол-пол-трети сохи в поле, а в дву потому ж и перешло на сошное письмо четвертные пашни осмина.

2. Стан Ублинской

В поместьях за детьми боярскими.

На реке на Убли.

Сельцо Дублинское. На реке на Осколу и усть реки Убли. В сельце храм во имя Николая Чудотворца. В селе жеребей помещика:

Сава Лукьянов сын Фефилов.

Починок Чернышов. В нем жеребей помещиков:

Яков Левонтьев сын Сысоев.

Деревня Подгорная Поляна. В ней жеребьи помещиков:

Иван Омельянов сын Сорокин.

Юда Макаров сын Понфилов.

Парфенко Федоров сын Прокудин.

Вдова Февронья Иванова жена Мишустина.

И всего *в деревне Подгорной Поляне* 4 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Починок Подкопаев на реке на Осколу у озера да на болоте на острову. В починке помещик:

Мартын Максимов сын Подкопаев.

Деревня Мокрая Поляна. В поместьях помещики дети боярские.

Остафей Федоров сын Башкотов.

Овдоким Кондратьев сын Полников.

Рава Семенов сын Ерин.

Ондрей Григорьев сын Васютин.

И всего *в деревне Мокрой Поляне* 4 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня под Котельским лесом на Ржавом колодезе, впадающем в колодезь Пониковец.

В ней жеребьи помещиков:
Иван Прокофьев сын Протасов.
Микита Кондратьев сын Симонов.
Озар Яковлев сын Игнатов.
Фома Онтипов сын Селютин.
И всего *в деревне на Ржавом колодезе* 4 двора помещиков, а людей в них тож.

Починок Елистратовской на усть реки Котла вниз по речке Осколу между Живого и Гнилого Котла. В нем жеребьи помещиков:
Елистрат Трофимов сын Колесников.
Ерема Филипов сын Дягилев.
Онтон Васильев сын Кислинской.
Офонасей Дмитреев сын Чернцов.
И всего *в починке Елистратовском* 4 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Курская под Ровным лесом на колодезе. В ней жеребьи помещиков:
Семен Иванов сын Бочаров.
Степан Дементьев сын Безруков.
Ондрей Давыдов сын Боев.
Семен Ортомов сын Ломакин.
И всего *в деревне Курской* 4 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Кладовая под Ровным лесом. Помещики:
Гриша Федоров сын Козловской.
Гордей Гаврилов сын Карпов.

Деревня Лопыгина под Ровным лесом. В ней поместья детей боярских:
Оким Озаров сын Редкин.
Максим Иванов сын Каханов.
Юда Микитин сын Онисимов.
И всего *в деревне Лопыгиной* 3 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Починок Болбицкой на усть реки Котла на реке Осколу. Помещик:
Иван Тимофеев сын Болбицкой.

Починок Березовой на реке на Дубне.

В нем помещик:

Сава Федоров сын Кормазов.

Починок Поляна Боровая между реками Осколом и Ублею. В нем помещик:

Иван Офонасьев сын Сокин.

Деревня Яблоновая под Котельским лесом на колодце Пониковце. В нем жеребьи помещиков:

Иван Иванов сын Черников.

Ларя Яковлев сын Тихонов.

Петр Фефилов сын Заикин.

Селиван Михайлов сын Бехметьев.

Починок Верховой на колодце на Пониковце против Федцовой дубровы. В нем помещик:

Порфен Петров сын Кристинов.

И всего в Ублицком стану сельцо 1, да деревень 7, да починков 7, а в них 36 дворов помещиков живущих, людей в них 38 человек. Пашни паханой земли добрые 115 чет с полуосминою и с получетвериком, да на пашне дубровы соха и пол-пол-пол-трети сохи, да дикого поля на пашне 3 сохи с четью сохи, не вошло в сошное письмо четверные 6 четей и обоего: пашни паханой добрые земли, а на пашне дубровы и дикого поля 4 сохи с четвертью сохи и пол-пол-пол-трети сохи в поле, а в дву потому ж, и перешло за сошным письмом четвертные пашни 10 четей с осминою и с получетвериком.

3. Стан Чуфичевский

Деревня Первая Отаманская на усть реки Чуфичевки. А в ней живут станичные атаманы:

Мезин Милентьев сын Стрелников.

Костя Сергеев сын Мишустин.

Роман Васильев сын Ряполов.

Иван Дементьев сын Горожанкин.

Иван Иванов сын Стрелников.
Прокуда Тимофеев сын Нелюбов.
Костя Офонасьев сын Торасов.
Самсон Иванов сын Подосиной.
И всего *в деревне Первой Оттоманской* 8 дворов, а людей в них тож.

Деревня Другая Оттоманская по течению реки Чуфичевки. В ней живут станичные атаманы.
Кондрат Полуехтов.
Исай Коробин.
Федор Иванов сын Дендин.
Кирей Семенов сын Горожанкин.
Ларя Яковлев сын Амосов.
Васка Федоров сын Объетков.
Григорий Дмитреев сын Холтуба.
Свирид Федоров сын Винников.
Аким Бредихин.
Григорий Петров.
Дмитрий Попов.
Микитка Инзищев.
И всего *в деревне Другой Отаманской* 12 дворов, а людей в них тож.

Село Нижнее Чуфичево, Никольское тож, на реке на Чуфичевке. В селе храм Великого Николая Чудотворца. В селе помещики дети боярские:
Костентин Микитин сын Пронин.
Микита Филипов сын Докукин.
Иван Донилов сын Ряполов.
Роман Кондратов сын Рощупкин.
Кузма Семенов сын Ряполов.
Ондрей Донилов сын Кондоуров.
Фирс Семенов сын Демин.
Федор Деев сын Кондоуров.
Ортем Марков сын Мацнев.
Кузма Торасов сын Мишустин.
Порфен Федоров сын Прокудин.
Левонтей Сараев.
Григорей Сидоров сын Рощупкин.
И всего *в селе Нижнем Чуфичове* 13 двор помещиков живущих.

Село Верхнее Чуфичево на реке на Чуфичевке, поместья за детьми боярскими:

Севостей Меркулов сын Дукарев.
Тимофей Ондреев сын Рогинин.
Фома Гарасимов сын Логотов.
Иван Гаврилов сын Золотухин.
Ондрей Григорьев сын Толмачев.
Федор Дмитриев сын Чернышев.
Хоритон Карпов сын Мелентьев.
Радя Никодимов сын Реутов.
Денис Семенов сын Ильин.
Кудин Меркулов сын Рощупкин.
Прокофей Григорьев сын Беседин.
Орех Олексеев сын Тибыкин.
Фирс Курдюмов сын Мецнянкин.
Василей Карпов сын Соповской.
Василей Карпов сын Чернышев.

И всего *в селе Верхнем Чуфичеве* 15 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Починок Сорокодумов под Околенским лесом. В нем помещик:

Филимон Клементьев сын Сорокодумов.

Починок Монаков под Околенским лесом вверх Чуфичевского верха, в острову. В нем помещик:

Лукьян Семенов сын Монаков.

Починок Околенской в Околенском лесу в Захарове поляне. В нем помещик:

Дорофей Семенов сын Копначев.

Починок Сенков под Околенским лесом на колодезе на Сенкове, на берегу реки Оскола. В нем помещик:

Богдан Кузмин сын Сторожев.

Починок на Правороте под Околенским лесом у колодезя. В нем помещик:

Родя Трофимов сын Лодыгин.

Деревня Великий Перевоз на реке на Осколу против Великого Перевоза.

В ней помещики:
Игнат Мурзин сын Стрелников.
Иван Говрилов сын Золотухин.
Филип Костентинов сын Мишустин.
Трофим Ортемов сын Должиков.
Родя Еремеев сын Уколов.
И всего *в деревне Великом Перевозе* 5 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Прокудина в Долгой поляне. В ней жеребьи помещиков:
Сотник стрелецкой Иван Михайлов сын Прокудин.
Василей Михайлов сын Прокудин.

Починок Сопрыкин. В нем помещик:
Онцифор Иванов сын Сопрыкин.

Деревня Котенева – Долгая Поляна тож. В ней помещики дети боярские:
Семен Дмитреев сын Романов.
Микита Клементьев сын Котенев.
Федор Иванов сын Доронин.
Микита Ортемов сын Фомин.
Тимофей Васильев сын Маликов.
Офоня Варламов сын Монаков.
Богдан Софонов сын Коршиков.
И всего *в деревне Котеневой* 8 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Казачья Прость на реке на Осколу у Сторожевого колодезя. В ней поместья за детьми боярскими:
Тимофей Ондреев сын Рогинин.
Роман Полуехтов сын Котенев.
Игнат Микифоров сын Козулин.
Оверкей Васильев сын Золотухин.
Василей Иванов сын Обакумов.
Федор Офонасьев сын Гобин.
И всего *в деревне Казачья Прость* 6 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

И всего в Чуфичевском стану села 2, да деревень 6, да починков 6, а в них 75 двор помещиков живущих, а людей в них тож. Пашни паханые и добрые земли 148 чет без полосмины и без получетверика. И обоего пашни паханые добрые в поле, а в дву потому ж, и перешло в сошном письму четвертные пашни 5 четей.

4. Стан Дубленской

На реке на Дубне. В нем поместья за детьми боярскими и за вдовами и за недорослями.

Село Егорьевское на реке на Дубне. В селе храм деревянный во имя Страстотерпца Христова Еоргия. В селе помещики:

Карп Яковлев сын Малахов.
Иван Озаров сын Малахов.
Гурей Яковлев сын Гамов.
Василей Мортынов сын Каракулин.
Петр Наумов сын Кононыхин.
Богдан Степанов сын Левшин.
Яков Васильев сын Дягелев.
Олфер Донилов сын Ларивонов.
Калина Ортемов сын Ортемов.
Савин Яковлев сын Гамов.
Макар Григорьев сын Дашин.
Олфер Ширяев сын Дашин.

И всего *в селе Егорьевском* 12 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Починок Губин на реке на Дубне. В нем поместья за детьми боярскими:

Иван Офонасьев сын Губин.
Офонасей Степанов сын Горбатов.
Мартын Дмитриев сын Боровля.
Михаил Григорьев сын Селинов.
Микифор Степанов сын Рыбущинов.

И всего *в починке Губина* 5 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Дурнева на реке на Дубне. В ней поместья за детьми боярскими:

Федор Иванов сын Дурнев.

Понкрат Иванов сын Митосов.

Тимофей Селиверстов сын Озаров.

Степан Ортемов сын Грезнов.

Григорей Онофреев сын Ровенской.

И всего *в деревне Дурневой* 5 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Починок Ендовищев на реке на Дубне. В нем поместья за детьми боярскими:

Ондрей Мосеев сын Кобызев.

Донило Григорьев сын Родивонов.

Лукьян Ондреев сын Донилов.

И всего *в починке Ендовищеве* 3 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Починок Сопрыкин на реке на Дубне. В нем жеребьи помещиков в поместьях:

Иван Сопрыкин сын Сопрыкин.

Ондрос Петров сын Головин.

И всего *в починке Сопрыкине* 2 двора помещиков живущих, а людей с них тож.

Починок Окольная Поляна под Околенским лесом. В нем помещик:

Михайло Осипов сын Бекетов.

Деревня Полянка Русская Плеса. В ней помещики дети боярские:

Микита Тимофеев сын Козюлкин.

Наум Васильев сын Анофреев.

Осип Офонасьев сын Телегин.

И всего *в деревне Русской Плесе* 3 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Коморенцова на реке на Дубне. В ней помещики дети боярские:

Филип Фомин сын Логочев.

Прокофей Петров сын Дурнев.

Терентей Тимофеев сын Лукьянов.

Иван Григорьев сын Васютин.

И всего *в деревне Коморенцовой* 4 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

И всего в Дубленском стану село 1, да деревни 3, да починка 4, а в них 31 двор помещиков живущих, а людей в них тож. Пашни паханые добрые земли полчети и пол-пол-полчети сохи и обоего пашни паханые и на пашне дубровы и дикого поля 5 сох без чети сохи и пол-пол-пол-трети сохи в поле, а в дву потому ж, и перешло за сошное письмо четвертные пашни 9 четей.

5. Стан Орлицкой

Деревня Халан на реке на Осколу, на усть речки Халани. В ней поместья за детьми боярскими:

Остафей Исаев сын Жилин.
Игнат Иванов сын Зуйнев.
Кирей Григорьев сын Миляев.
Севостьян Иванов сын Натарин.
Игнат Микифоров сын Сизов.
Тимофей Фирсов сын Доманов.
Федос Онофриев сын Жилин.
Олфер Васильев сын Скуратов.
Ондрей Иванов сын Головин.
Василей Ларивонов сын Ешин.
Семен Офонасьев сын Лощов.
Микита Иванов сын Натарин.
Михаил Селинов.

И всего *в деревне Халани* 11 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Кобыльная на реке на Халани. В ней помещики дети боярские:

Тимофей Огофонов сын Карпачев.
Гришка Васильев сын Дряхлов.
Исай Провоторхов сын Анненков.
Иван Мелехов.

И всего *в деревне Кобыльной* 4 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Олшанец на реке на Ольшанце. В ней поместья за детьми боярскими:

Дмитрей Васильев сын Некрасов.

Лазор Дементьев сын Овдокимов.

Иван Филипов сын Захаров.

Матвей Селиванов сын Озаров.

Деревни Олшанца детям боярским всем вопче в той деревне жеребьи в поместьях:

Тимофей Семенов сын Грязнов.

Иван Родивонов сын Монаков.

Ефим Васильев сын Бородин.

Василей Ефремов сын Хорошев.

Левонтей Костентинов сын Долженков.

И всего *в деревне Олшанце* 9 дворов помещиков живущих, а людей в них тож.

Село Яблоновое на реке на Орлике. В селе храм деревянный во имя Обновления Храма Христа и Бога нашего, да в приделе во имя Николая Чудотворца. В селе поместья детей боярских:

Тимофей Ондреев сын Рогинин.

Микита Иванов сын Сурьянов.

Трофим Григорьев сын Головин.

Евтифей Олексеев сын Лукьянов.

Онис Денисов сын Звегинцов.

Миней Торасов сын Сурьянов.

Олексей Иванов сын Мухортов.

Овдей Кузмин сын Назаров.

Недоросль Федор Иванов сын Шеховцов.

Яков Петров сын Бредихин.

Иван Васильев сын Некрасов.

Семен Федоров сын Калинин.

Мартын Фомин сын Федюшин.

Юрья Ондреев сын Курлов.

Купря Федоров сын Шеховцов.

Тимофей Зинов сын Бредихин.

Михаил Олексеев сын Лукьянов.

И всего *в деревне Яблоновой* 17 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Сараева Поляна – Завалишино тож. В ней помещик:

Софонко Семенов сын Завалишин.

Починок Фотеев, а Олпеев тож. В нем поместья за детьми боярскими:
Недоросль Ульян Фотеев сын Сотников.
Микита Донилов сын Олпеев.
Ермак Иванов сын Воротынцов.
И всего *в починке Фотееве* 3 двора помещиков живущих, а людей в них тож.

Деревня Хмелевая, а в ней жеребьи в поместьях детей боярских:
Минай Логвинов сын Сотников.
Григорей Иванов сын Щетинин.
Мартын Ондреев сын Овсянников.
Иван Иванов сын Руднев.
Ондрей Евменов сын Овсянников.
Огафон Васильев сын Жилин.
Укол Михайлов сын Овдокимов.
И всего *в деревне Хмелевой* 7 двор помещиков живущих, а людей в них тож.

Починок Мокрищев на реке на Осколу, на усть реки Ольшанца. В нем помещик:
Ортем Авдеев сын Романов.

Деревня Волкова, в ней поместья за детьми боярскими:
Ондрей Григорьев сын Волков.
Омельян Донилов сын Евсюков.
Недоросль Меркул Семенов сын Поповкин.
Вдова Ульяна Иванова жена Елисеева.
Недоросли Ондрюшка да Исайка Ивановы дети Звягинцовы.
Сава Михайлов сын Блекин.
Недоросль Зохарко Иванов сын Елисеев.
Онофрей Борисов сын Сеченов.
Микула Иванов сын Чернцов.
Вдова Анна Иванова жена Махова.
Иван Озаров сын Косинов.
Томила Васильев сын Ондреев.
Истома Федоров сын Ондреев.
Ждан Микитин сын Поповкин.

Село Голубино на реке на Осколу. В нем живут атаман и казаки оскольские. Атаман: Парфен Ондреев сын Денехин, и его станицы казаки 22 человека. И всего *в селе Голубине* 23 двор казачьих, а людей в них тож.

5.

Белгородский уезд

Северную часть Белгородского уезда[399] в царствование Михаила Федоровича занимал Сажный или Саженский стан. Это название он получил от притока Северского Донца – Сажного Донца. На этом притоке находилось самое большое селение в стану – Сажное, окруженное лесом. В этом же лесу была Липовая слободка. Другие селения стана, в которых находились дворы помещиков дворян и детей боярских, был: Черная и Сотничья Поляны, на Северском Донце и Ольшанец на колодезе того же имени, впадавшем в реку Разумную. Название некоторых деревень Полянами указывает на то обстоятельство, что первоначально они были основаны в лесных полянах, что могло представлять много удобств для первых насельников края.

Древний Белгородский уезд занимал весь теперешний уезд того же имени, более половины Корочанского, восточную часть Грайворонского и часть Харьковской губернии. Хотя в восточной части селений еще не было, но военно-служилые люди владели здесь землями. Эти земли Белгородского уезда были в бассейне Северского Донца, по нем и по впадающим в него рекам шло заселение уезда с севера на юг.

Вотчинников и помещиков уезда в это время было более 300.

Большинство владельцев были дети боярские. Если некоторые из них состояли атаманами и станичниками, то, как видно из писцовых книг, они исполняли станичную и атаманскую службу, оставаясь в сословии боярских детей, то есть, дворянском. В деревне Черной Поляне проживало 8 человек вотчинников. В то же время они имели и поместья, а в вотчину получили участки земли из Государевой пашни. Эти вотчинные участки были не большие, не более 48 четей в поле и 100 копен сена.

Подлинная переписная книга посадских дворов в городе Белгорода, и поместий и вотчин и сел и деревень и дворов в станех Саженском, Розумницком, Коренском и Корочанском, переписи Афанасия Федоровича Боборыкина да подьячего Ивана Гаврилова, 1646 года.

«Книги переписные Белгорода и посаду и Белгородского уезду письма и досмотру Афонасия Федоровича Боборыкина да подьячего

[399] Московский архив Министерства юстиции. Писцовая книга по Белгороду 1646 года.

Ивана Гаврилова 154 году, что в Бел городе и в остроге и на посаде посадские и жилецкие и всяких чинов служилые люди, и на монастырских и на церковных землях дворов и во дворех людей по имяном, и у них детей и братьев и племенников и внучат и соседей и подсоседников, и что в Белгородском уезде за дворяны и за детьми боярскими и за станичные головы и всяких чинов за служилыми людьми в поместьях и в вотчинах сел и деревень, и в них крестьянских и бобыльских дворов и в дворех крестьян и бобылей и детей их и братьев и племенников и соседей и подсоседников по сказкам, каковы дали Белгородцы дети боярские и всяких чинов служилые и жилецкие люди за своими, и отцов своих духовных руками сказки, и по досмотру в новы селе и деревнях людей поимяно сверх приправочных книг письма и меры Василия Кирикрейского да подьячего Петра Максимова 134 году, и то писано в сих книгах».

Стан Сажной

Деревня Черная Поляна на реке Донце, на Крымской стороне выше Старого Городища, розданы в починках и поместьях во 128 году по жеребьям.

Помещики:

Тарас и Степан Яковлевы.
Родивон Савельев.
Смирной Творогов, ныне сын боярский Афонасий Клопов.
Третьяк Осипов.
Кирил Микитин, а ныне Степан Попов.
Станичный голова Ондрей Маслов.
Митрофан Кривцов.

Деревня Сотничья Поляна.
Михайла Обрютин.
Беломестный атаман Орех Федоров.
Олексей Кузмин, на Донце Полянка Хвостова.

Деревня Липовая Слободка в Саженском лесу.
Ларивон Лычев.
Роман Рытов.
Кондрат Гостищев.

Исай Гостищев.
Михайла Губарев.
Прокофей Бырдин.
Ларивон Беседин.
Афонасей Лустин.

Село Сажное на реке на Сажном Донце. В селе церковь Великого Чудотворца Николы. В селе в поместьях за детьми боярскими усады их на Сажном Донцу по Крымской стороне:

Сергей Каменев.
Онофрей Телятников.
Станичный вож Мирон Маслов.
Севостьян Марков.
Мокей Орехов, а ныне станичный голова Торас Красников.
Григорей Уколов.
Онтип Беседин.
Прон Полуехтов.
Федко Полуехтов.
Елистрат Лодыгин.
Нехорош Литвинов.
Кондрат Черпалов.
Михайла Рогов с племенником его с Сенкою Роговым.
Томило Волобоев.
Вдова Марфа Федоровская жена Чернова.
Семен Скалозубов.
Павел Кизилов.
Григорей Исаев.
Федор Волобоев.
Яков Беседин.
Мартын Марков.
Михайла Кривцов.
Тимофей Озеров.
Микифор Анпилогов.
Митрофан Кривчиков.
Омельян Кокорев.
Ортем Григоров.
Яков Озеров.
Тимофей Богров.
Дмитрей Чаплыгин.

В том же селе Сажном на Белоколодезе к Муравскому шляху в поместьях помещики:

Огафон Собынин, а ныне сын боярский Семен Рязанцов.

Дементей Офросимов.
Давыд Чурсин.
Станичной вож Клементей Мезенцов.
В том же селе Сажном в поместьях за детьми боярскими усады их на Северском Донце на Крымской стороне, а пашни пашут за рекою за Северским Донцом на Ногайской стороне.
Павел Сабынин.
Данила Мезенцов.
Евсей Лукьянов.
Давыд Бородатов.
Афонасий Бородатов.
Тимофей Волобоев.
Вдова Анна Савельевская жена Агапонова с сыном ея Васкою.
Яков Гревцов.
Недоросль Иван Гревцов.
Лаврентий Кривцов, а ныне те их поместья за Белгородскими переезжими черкасы да за казаки за Оверкием Ястребовым с товарищи.

Деревня Олшанец на колодезе Олшанце под Розумнинским лесом. В поместьях за детьми боярскими:
Григорей Съедин.
Тимофей Афонасьев.
Микифор Буколов.
Григорий Телепнев.
Игнат Гнездилов.
Василий Чернов.
Клементей Зайцов.
Иван Немов.
Кирей Съедин.
Яков Лукин.
Евтихей Кураков.
Севостьян Герасимов.
Федор Овдокимов.

Деревня Беломестная на реке на Северском Донце, в ней живут беломестные казаки с атаманов Антоном Курским с товарищи.

Деревня на Липовом Донце на усть Липового ерка на Крымской стороне, а в ней поместья за детьми боярскими:
Станичный голова Тимофей Шопин.

Филимон Козлитин.
Сидор Красников.
Минай Стрелников.
Иван Шопин.
Емельян Шопин.
Петр Путятин.
Сава Шопин.

Село Хохлово, а в селе церковь святых Козьмы и Дамиана. В селе живут жилые поместные атаманы и казаки.

Деревня Вислая. В деревне поместья за детьми боярскими:
Абрам Губарев.
Микита Съедин.
Марк Мочалов.
Игнат Беседин.
Федор Перемышлин.
Лукьян Рослодов.
Ондрей Швецов.
Афонасей Косищев.
Влас Зайцов.
Фрол Косой.
Олексей Косищев.
Олфер Стрелников.
Прокофей Шеметов.
Гаврила Чулочев.
Филип Кривчаков.

Деревня Черемошная, в ней поместья за детьми боярскими:
Михайла Крюков.
Лукьян Щербинин.
Федор Данцов.
Сергей Жданов.
Понкрат Долгополов.
Никон Туленикov.

Деревня Непыхаева на реке на Липовом Донце, а в деревне живут помещики дети боярские:
Михайла Гостищев.
Тимофей Моракин.
Дема Климов.
Ларя Лукьянов.
Онтип Бородин.

Михайла Седой.
Кондрат Черпалов.
Федор Губарев.
Ондрей Глотов.
Сидор Кононыхин.

Деревня Щолокова, а в ней живут помещики дети боярские:
Овдей Беседин.
Микифор Фурсов.
Григорей Губарев.
Степан Незнамов.
Милован Колугин.
Яков Ордодин.
Кондрат Лукьянов.
Роман Муратов.
Иван Немыкин.
Афонасий Доманин.

Деревня Ольшанец. В ней живут помещики:
Антон Овдеев.
Тимофей Афонасьев.
Микита Уткин.
Иван Беседин.
Семен Молчанов.
Костентин Артемнов.
И всего в Сажном стану за помещики за детьми боярскими 55 дворов крестьянских, а людей в них 133 человека.

Стан Разумницкий

Деревня Игумнова, что прежде сего было *село Никольское*, на Белоколодезе под Розумнинским лесом, за Николаевским монастырем вотчина.

Деревня Княжая Поляна в Розумнинском лесу на колодезе, за Никольским монастырем.

Слободка Подострожная, а в ней живут за Никольским монастырем бобыли безпашенные.

Деревня Шеховцова на реке на Розумной, в ней помещики:
Сергей Шеховцов.

Насон Шеховцов.
Михайла Рогов.

Починок Плетенев на реке на Розумной, на Ногайской стороне под Розумнинским лесом. Помещик:
Захар Ишков.

Деревня Шляхова на реке на Розумнице, а в ней помещики:
Овдей Шляхов.
Минай Шляхов.
Станичной ездок Степан Федосов.
Михайла Рогов.
Олексей Кузмин.

Село Мелехово на Большом Колодезе, в Розумненском лесу. В селе церковь Богоявления Господня. Поместья за детьми боярскими:
Федот Дронов.
Микита Лапин.
Григорей Лазарев.
Иван Выглодов.
Тимофей Гридчин.
Федор Пищулин.
Иван Шуваев.
Аксен Лукьянов.
Иван Щеголев.
Станичной ездок Иван Уваров.
Станичной ездок Мелентей Марков.
Гришка Подпорник.
Станичной атаман Севостьян Лупандин.

Деревня Мясоедова на притоке реки Кореня на Гремячем Колодезе под Коренским лесом. Поместья за детьми боярскими:
Офрем Еремин.
Василий Новиков.
Обрам Мясоедов.
Григорей Лазарев.
Иван Рязанцов.
Станичной ездок Трофим Тимофеев.
Вдова Оксинья Васильевская жена Русанова.
Станичной голова Обросим Русанов.
Кондратей Трунов.

Гур Трунов.
Козма Чмутов.

Село Никольское – Ястребово тож на реке на Розумной на Крымской стороне. В селе церковь Великого Чудотворца Николы. Поместья за детьми боярскими:

Федор Шиловской.
Григорей Гвоздев.
Захар Гвоздев.
Степан Попов.
Петр Гармонов, а ныне половина его поместья 50 четей за Романом Муратовым.
Кузма Некрасов.
Злоба Подпорнин.
Яков Санин.
Микита Филатов.
Онисим Кобозев.
Малах Ястребов.
Павел Беляев.
Мамон Шарапов.
Василей Белой.
Ждан Кибяков.
Захар Роганин.
Иван Мелеховской.
Федор Нечаев.
Семен Муринов.
Микита Глозунов.
Иван Рыков.
Монуйло Репин.
Иван Жилодилов.
Первой Толмачев.

Атаманы, которые живут вблизи города, а в селе Никольском дворовые их усадебные места, пашню пашут наездами.

Фирсан Свищев.
Севостьян Лупандин.
Севостьян Беляев.
Ортемьян Белой.
Кондратей Киреев.
Григорей Кондалов.
Иван Видаков.
Сава Олехин.
Микита Картавов.

Федор Ортамонов.
Федор Саблин.
Меньшой Рышков.
Григорей Маканин.
Ондрей Дронин.
Захар Левин.
Григорей Мелехов.
И всего в Розумницком стану за помещики за детьми боярскими дворов крестьянских 141, а людей в них 388 человек.

Стан Коренской

Село Ушаково, что прежде была *деревня Ушакова*, на реке на Кореню. В селе помещики:
Назар Еремин.
Вдова Агафья Афонасьевская жена Еремина с сыном Сенкою.
Наум Бородатов.
Сава Логвинов.
Яков Орканов.
Василей Выродов.
Данила Выродов.
Станичной ездок Сопрон Сысоев.
Сысой Хорошев.
Степан Трусихин.
Станичной ездок Русый Брагин.
Евтифанко Денисов.
Савко Медведев.
Исай Анахин.

Село Пятницкое – Боровое тож на реке на Кореню. В селе церковь святой Великомученицы Параскевы, нареченные Пятницы. В селе поместья за детьми боярскими:
Станичной голова Гордей Коватеев.
Станичной голова Иван Исаев.
Окинфей Исаев.
Севостьян Волков.
Савелей Лаптев.
Вдова Анна Кузмина жена Исаева с сыном Сидорком.
Иван Забусов.
Докучай Забусов.

Мишка, да Савка, да Понкрашка Погожевы.
Вдова Анна Дмитриевская жена Толстова.
Вдова Анна Федоровская жена Бобровская.
Иван Почуев.
Алексей Краснов.

Село Никольское на реке на Кореню. В селе церковь Великого Чудотворца Николы. В селе поместья за детьми боярскими:
Ларивон Мещеряков.
Трофим Цепелин.
Афонасей Шахов.
Василей Дубров.
Михайла Жегулин.
Вдова Ульяна Микитина жена Демьянова.
Сава Демьянов.
Мартын Толмачев.
Иван Левонтьев.
Веденей Желтухин.
Лазарь Козлов.
Федор Гуляев.
Гаврила Солов.
Первой Лозарев.
Яков Лозарев.
Минай Сопотов.
Яков Микифоров.
Федор Беляев.
Гарасим Шопин.
Федка да Тимка Угримовы.
Онисим Безменов.
Харитон Осеев.
Микита Кошлаков.

Деревня Чураева на реке на Кореню. Поместья за детьми боярскими:
Гришко Переславцев.
Петр Енин.
Микита Крюков.
Андрей Романов.
Павел Гридчин.
Акинфей Свищев.

Кирей Свищев.
Станичной атаман Фирсан Свищов.
Якушко да Савко Хрусловские.
Степан Медведев.
Сидор Маслов, сын его Ондрей.
Недоросль Федка Маслов.
Иван Полянской.

Село Кропивенское на реке на Кореню. В селе церковь Богоявления Христова. Поместья за детьми боярскими:
Михайла Махонин.
Карп Медведев.
Ондрей Долгоусов.
Вдова Марья Родионовская жена Матренина с сыном Терешкою.
Иван Колпаков.
Иван Махонин.
Иван Роганин.

Деревня Устинка при впадении реки Кореня в Нежеголь, под Коренским лесом. Поместья детей боярских:
Трофим Сотников.
Костя Некрасов.
Тимошко Ивков.
Василей Долженков.
Клемен Левин.
Володимер Роганин.
Меншой Молчанов.
Левка и Архипка Крюковы.
Станичной голова Онисим Конанов.
Вдова Овдотья Григорьевская жена Конанова с племянником Потапком.
Овдей Левин.
Селиван Купин.
Сенко Микулин.
Агафон Коптев.
Станичной атаман Захар Левин.
Козма Левин.
Мелешко Тонков.
Потапко Колесников.

Починок Маканин в Коренском лесу. Помещик:

Станичной атаман Григорий Маканин с детьми его с Прокопкою да Омелкою.

Деревня Медведева Поляна в Нежегольском лесу. Помещик в ней:

Филат Бородатов.

Село Маслово, что прежде была *деревня Маслова*, под Коренским лесом по конец ездочной земли. Помещик:

Микула Иванов сын Маслов, да племянники его Иван да Микифор да Симан Мелеховы дети Масловы.

Деревня Банная на реке Северском Донце на Нагайской стороне. Помещик:

Микула Маслов да его дети Семен да Оникей.

В Коренском же стану *в дву полянках дву пустынника*: старец Иона да старец Пимен, а ныне станичной голова Семен Выродов.

И всего в Коренском стану за помещики за детьми боярскими 178 дворов крестьянских, а людей в них 660 человек.

Стан Корочанской

Деревня Ретульная, *Кунино тож*, на реке на Короче, на Крымской стороне. В ней поместья за детьми боярскими:

Ортем Савелов.
Сидор Кунин.
Селифан Кунин.
Макар Васин.
Ондрей Сопронов.
Тришка Долженков.
Афонасей Ишков.
Станичной атаман Микита Филатов.
Милешка, Васка и Степанка Тонковы.

Деревня Яблочная на реке на Короче. Помещики дети боярские:

Иван Голахтионов.
Федко Мацнев.
Семен Кононыхин.

Василей Матренин.
Меркул Пантелеев.
Фирсан Филатов.

Село Новиково, что прежде была *деревня Новикова*, на реке на Короче. В селе церковь Святого Великомученика Димитрия Селунского. Помещики дети боярские:

Иван Колугин.
Роман Колугин.
Порфен Думин.
Семен Котов.
Сава Колугин.
Иван Ондреев.
Тимофей Озеров.
Павлик Веригин.
Вдова Авдотья Тимофеевская жена Картавцева с детьми.
Сидор Маслов.

Деревня Добрая на реке на Короче под Коренским лесом. Помещики дети боярские:

Федор Неклюдов.
Недоросль Верещагин с братьями.
Ондрон Головин.
Гаврила Каторгин.
Лукьян Демьянов.
Серешко Картавов.
Олексей Кузьмин.
Петрушка Есипов, ныне вышел с полона и своим поместьем владеет.
Якушка и Понкрашка Тяглевы.
Сава Колпаков.
Микула Маслов.
В этой же деревне Доброй отписаны на Государя пустовые поместья.

Деревня Напрасная на реке на Северском Донце против Нежегольского устья. Помещики дети боярские:

Тришка Конанов.
Яков Дерлин.
Станичный ездок Софонка Бакшеев.
Панок Жеребцов.
Онисим Кобозев.

Станичной атаман Петр Гармонов.

Станичной атаман Севостьян Беляев.

И всего в Корочанском стану за помещики за детьми боярскими 8 дворов крестьянских, а людей в них 17.

6.

Обоянский уезд

Подлинная писцовая и межевая книга города Обояни и его посада и поместных земель в станах Залесском, Салотинском и Рудовском письма, меры и межеванья писцов стольника Авраама Богдановича Мантурова и подьячего Григория Жеребцова, 1684 г.

«По указу Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия, и Малые, и Белые Русии Самодержцев и по наказу, и по грамотам из Разряду за прописью дьяка Н. Кобякова, писцов стольника Авраама Богдановича Мантурова, да подьячего Григория Жеребцова во Обоянском городе и в уезде, в слободах, и в селах, и в деревнях монастырские и церковные, а на посадах стрелецкие, и казацкие, и пушкарные, и воротниковые, и в уездах, и в деревнях за Обоянцы *дворяны и за детьми боярскими*, и за вотчинники, за вдовами, и за девками, и за недорослями поместный и вотчинные их земли писать, и мерить, и межевать по дачем, и по строенным книгам, и по крепостям прежних писцов, которые в Обоянском городе церковные и на посадах стрелецкия, и казацкия, и пушкарные, и воротниковые; и в селах, и в деревнях за помещики и за вотчинники поместные и вотчинные земли в прошлом году не дописаны и не домежеваны и те земли велено по прежнему их Великих Государей указу, и по наказу, и по грамотам Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия, и Малые, и Белые России Самодержцев … писать, и мерить, и межевать лето в Обоянском городе и в слободах, и в уездах монастырские и церковные и стрельцем и казаком и пушкарем и воротником земли и лесов и сенных покосов и всяких угодей, и что Обоянцем *дворяном и детем боярским* старых их поместных дачех по прежнем дачем и по крепостям прежних писцов в межах, и что за теми их дачи в их местах примерные помест-

ные и вотчинные их земли в лишку по мере объявилось, и что им тех примерных земель Обоянцом *дворяном и детям боярским* в их окладах к прежним дачем в половину дано, а детем их и братьем и племянником и всяким свойственником, и с тех же примерные земли в старых межах и в дачех в новы поместной земли дано, и кому имяны, и то писано в сих книгах ниже».

Стан Залесской

Деревня Быканова. Усадища к реке к Усланке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:

Осип Микитин сын Алексеев.
Иван Федоров сын Лунев со товарищи:
Селуян Иванов сын Шахов.
Григорий Прохоров сын Рындин.
Терентий Иванов сын Суржиков.
Максим Гуров сын Колоколов.
Акинфей Алферов сын Быканов.
Григорий Семенов сын Кононов.
Павел Козеров сын Демьянов.
Павел Степанов сын Лыткин.
Кондрат Иванов сын Овсянников.
Фолимон Карпов сын Салов.
Федор Иванов сын Родионов.
Тит Власов сын Жердев.
Федор Алексеев сын Боев.
Мирон Тимофеев сын Мелехов.
Левонтей Иванов сын Теняков.
Савин Лукьянов сын Давыдов.

Село Рождественское на реке на Туровке. В селе церковь во имя Рождества Христова, да в приделе Святого Страстотерпца Георгия. На усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:

Андрей Петров сын Чеплыгин.
Евстрат Демьянов сын Лунев со товарищи:
Андрей Данилов сын Шевердин.
Роман Никитин сын Кононов.
Василей Ефремов сын Бычикин.
Иван Семенов сын Алпеев.

Лукьян Федоров сын Махов.
Борис Игнатьев сын Лахтионов.
Алфер Федосеев сын Матвеев.
Воин Клеменов сын Криволапов.
Федор Фомин сын Алексеев.
Иван Кондратьев сын Медведев.
Степан Иванов сын Мартемьянов.
Козьма Терентьев сын Волобоев.
Тимофей Павлов сын Соколов.
Сила Алферов сын Спицин.
Герасим Самойлов сын Должиков.

Деревня Гридасова. Усадища к речке Туровке, на усадищах дворы помещиков обоянцев:
Агап да Микифор Ерофеевы дети Картамышевы.
Семен Семенов сын Тутов.
Артем Филипов сын Селяков со товарищи:
Яков Антонов сын Решетов.
Андрей Савинов сын Гридасов.
Григорий Алексеев сын Кононов.
Григорий Леонтьев сын Селяков.
Иван Никонов сын Косторной.
Терентий да Семен Павловы дети Одоевцовы.
Матвей Алферов сын Нарыков.
Аким Сергеев сын Данилов.
Яков Силин сын Ивакин.

Деревня Нижний Реутец. Усадища к реке Реутцу, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Андрей Петров сын Чеплыгин.
Анисим Алексеев сын Веревкин со товарищи:
Никон Ерофеев сын Картамышев.
Миней Игнатьев сын Лахтионов.
Терентей Иванов сын Суржиков.
Василий Ефремов сын Бычихин.
Осей Никитин сын Олексеев.
Роман Никонов сын Кононов.
Степан Ильин сын Воробьев.
Иван Нефедов сын Лукьянов.
Иван Михайлов сын Казначеев.
Микула Иванов сын Малинин.
Борис Петров сын Вораев.

Лукьян Федоров сын Махов.
Лукьян Филипов сын Давыдов.
Аким Алексеев сын Быканов.
Остап Алексеев сын Мухортов.
Петр Микитин сын Фаустов.
Григорий Филипов сын Мартемьянов.
Кирил Петров сын Еремин.
Павел Карпов сын Демьянов.
Селиверст Микифоров сын Тотаринков.
Ерофей да Мартин Артемовы дети Козлитиновы.
Фома Олексеев сын Лунев.
Сидор Федоров сын Титов.
Федор Савинов сын Гридасов.
Гур Титов сын Колоколов.
Яков Семенов сын Тишин.
Федор Ларионов сын Серебряков.
Денис Ульянов сын Волосаев.
Перфил Герасимов сын Титов.
Антон Демьянов сын Конев.
Терентей Евтихиев сын Косинов.

Село Вознесенское, что на реке на Реутце. В селе церковь Вознесения Господня, да в приделе Святого Великомученика Димитрия Солунского. В том селе усадища к реке к Реутцу, а на усадищах дворы помещиков обоянцев дворян и детей боярских.

Остап Ерофеев сын Картамышев.
Свирид Венедиктов сын Левин с братьями его Павлом и Ондреем.
Иван Сергеев сын Нестеров со товарищи:
Влас Юрьев сын Торасов.
Евлампий Епифанов сын Звегинцов.
Василий Сидоров сын Белоусов.
Иван Демьянов сын Боев.
Иван Нефедов сын Лукьянов.
Евсей Лаврентьев сын Витовтов.
Андрей Моисеев сын Переверзев.
Алексей Степанов сын Жеребцов.
Сидор да Алексей Степановы дети Воронины.
Иван Нестеров сын Рагозин.
Яков Никифоров сын Колачников.
Ерофей Артемов сын Козлитинов.
Федор, Евсей, Архип Петровы дети Еремины.

Максим Иванов сын Завелицкой.
Федор Тимофеев сын Монастырев.
Иван Семенов сын Черной.
Яков Семенов сын Тишин.
Потап Минаев сын Подтуркин.
Самойло Семенов сын Рагулин.
Микифор Терентьев сын Опухтин.
Карп, Аким и Алексей Костентиновы дети Кононовы.
Нестер, Ермол, Остап, Евстрат да Самойло Борисовы дети Белобородые.
Гур и Иван Калинины дети Ламоновы.
Тимофей Родионов сын Павлов.
Кондрат, Петр, Анфиноген Ивановы дети Гулевские.
Гришка и Ивашка Левонтьевы дети Гавриловы.

Деревни Любачи, усадищи к колодезю Любачи, а на усадбищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Максим и Михайла Слободские со товарищи:
Максим Давыдов сын Полянской.
Иван Никифоров сын Кононов.
Архип Кондратьев сын Ананьин.
Моисей Понкратов сын Гуров.
Илья Тимофеев сын Проскурнин.
Харлам Нестеров сын Боев.
Микифор Родионов сын Басов.
Родион Иевлев сын Непочетый.
Петр Иванов сын Кондратов.
Фома Емельянов сын Емельянов.
Любим Давыдов сын Коптев.
Алексей Иванов сын Лукин.
Сава Власов сын Рубицын.
Алфер Фолимонов сын Провоторов.
Карп и Иван Лазаревы дети Гайдуковы.
Иван Филипов сын меньшой Башкирев.
Дорофей Павлов сын Мамин.
Трофим Федоров сын Белокопытов.
Андрей Ефсеев сын Свиридинов.
Гордей Васильев сын Черняков.
Иван Герасимов сын Иванов.
Иван Михайлов сын Коренев.
Костентин Савельев сын Ждамиров.
Василий Перфильев сын Остафьев.

Козма Насонов сын Мушеров.
Остап Петров сын Онциферов.
Федор Артамонов сын Дьяков.
Вдова Михайлова жена Лукина Ксения с детьми.
Левон Перфильев сын Старов.
Козма Иванов сын Терентьев.
Аверкей и Игнат Терентьевы дети Шмараевы.
Иван Иванов сын Долженков.
Афонасей Лаврентьев сын Переверзев.

Деревня Липовец. Усадища к колодезю Липовцу, а на усадищах дворы обоянцев детей боярских.
Андрей Микитин сын Алексеев.
Денис Емельянов сын Мешков со товарищи:
Харитон Федоров сын Левков.
Микита Миронов сын Малыхин.
Ларион Васильев сын Мерцалов.
Кондрат Иванов сын Полянской.
Микифор Родионов сын Аверкиев.
Павел Ермолаев сын Родионов.
Лубим Микитин сын Погожев.
Корней Меркулов сын Костин.
Семен Прокофьев сын Кофонов.
Симан Микифоров сын Колачников.
Иван Васильев сын Анофриев.
Микифор Петров сын Кореев.
Яков Филипов сын Емельянов.
Иван Наумов сын Будасов.
Карп Козмин сын Звегинцов.
Григорей да Офрем Максимовы дети Якунины.
Данила Иванов сын Кулагин.
Григорей Васильев сын Малютин.
Федор Ананьев сын Пашков.
Костантин Павлов сын Крючков.
Терентей да Микифор Антиповы дети Сафоновы.
Микифор Евдокимов сын Елизаров.
Прокофей да Моисей Максимовы дети Руцкие.
Микита Васильев сын Реутов.
Иван да Карп Федоровы дети Кузины.
Григорий Арефьев сын Косинов.
Остафей Обакумов сын да племянники его Мартынка да Андрюшка Сафоновы.

Гаврила Федоров сын Кабанов.
Евтихий Сергеев сын Пашнев.
Ермол Иванов сын Бусов.

Деревня Жеребцова. Усадища на колодезе Липовце и по Хмелевцу колодезю. На усадищах дворы помещиков обоянцов:
Иев Григорьев сын Жеребцов, сын его Родион Жеребцов, брат его Иван Григорьев сын Жеребцов.
Григорий Алексеев сын Жеребцов.

Село Сретенское – Тахово тож. В том селе церковь во имя Сретения Господня, да в приделе Святого Великомученика Никиты. В том селе поместья детей боярских обоянцов:
Матвей да Ермол Остафьевы дети Корягины.
Ефим да Моисей Гуровы дети Зуборевы со товарищи:
Ефим Понкратов сын Гужов.
Тит Микифоров сын Полянской.
Агафон Павлов сын Косинов.
Володимер Федоров сын Мосолов.
Кирил Гаврилов сын Тарасов.
Иван Ларионов сын Горяинов.
Иван Микифоров сын Платонов.
Терентей Свиридов сын Бубнов.
Григорей Анисов сын Кононов.
Козма Федоров сын Хорланов.
Ондрей и Яков Павловы дети Сергеевы.
Иван Филипов сын Некрасов.
Иван Микифоров сын Маслов.
Кирил да Никон Антиповы дети Сафоновы.

Село Сергиевское – Долгая Яруга тож. В селе церковь во имя Святого Преподобного Сергия Чудотворца Радонежского Угодника. Усадища по обеим сторонам Долгого колодезя, что слывет Долгая Яруга тож. На усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Семен Никитин сын Пожарской.
Борис Сазонов сын Писклов со товарищи:
Василий Сидоров сын Белоусов.
Василий Фомин сын Маторин.
Порхом Сидоров сын Бесенков.
Ермол Иванов сын Белоусов.
Мирон Демьянов сын Федоров.

Иван Матвеев сын Лазовской.
Семен Понкратов сын Анкидин.
Иван Карпов сын Струков.
Арсений Федотов сын Елников.
Филип Онциферов сын Торупаев.
Дорофей да Ефим Свиридовы дети Анненковы.
Агафон Павлов сын Нечаев.
Лукьян Артемьев сын Сухоруков.
Иван Иванов сын Должонков.
Зенон да Федот Васильевы дети Колугины.
Семен Васильев сын Крайников.
Изот, Федор, Прохор Гавриловы дети Наумовы.
Дмитр Иванов сын Колосов.

Село Никольское, что на реке Немечи. В селе церковь во имя Святого Николая Чудотворца. На усадищах дворы помещиков обоянцов детей боярских:
Лубим Акимов сын Лукин со товарищи:
Микифор Федоров сын Долженков.
Денис Матвеев сын Борзенков.
Сафон Иванов сын Старухин.
Федор Яковлев сын Головин.
Исай Иванов сын Пашков.
Наум Никонов сын Сергеев.

Деревня Шевелева. Усадища на реке Большой Каменке, на усадищах дворы помещиков обоянцов детей боярских.
Максим Михайлов сын Полянской со товарищи:
Илья Нестеров сын Боев.
Михайла Степанов сын Кононов.
Епифан Фролов сын Полянской.
Яков, Афонасей, Гаврила Обрамовы дети Ивановы.

Деревня Башкатова. Усадища на реке на Каменке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Василий Савин сын Малыхин.
Сидор Микифоров сын Пронской со товарищи:
Семен Тимофеев сын Звегинцов.
Алфер Емельянов сын Сергеев.
Григорей Федоров сын Головин.
Сава да Фатей Сергеевы дети Ярыгины.
Сава Яковлев сын Малютин.

Родион Григорьев сын Аверкиев.
Трофим Васильев сын Башкатов.
Семен Иванов сын Емельянов.
Иван болшой да Иван меншой Филипповы дети Башкирцовы.
Хоритон Евтифиев сын Котов.

Село Богоявленское на реке Малой Рыбинке, а в селе церковь во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да в приделе Святых Безсеребренников и Чудотворцев Козмы и Дамиана. Усадища к реке к Рыбинке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Понкрат Веревитинов.
Филип Петров сын Мышенин во товарищи:
Богдан Федосов сын Косинов.
Андрей Свиридов сын Тутов.
Гаврила Васильев сын Мешков.
Григорий Михайлов сын Боев.
Петр Любимов сын Юшков.

Деревня Долженкова, усадища к реке Большой Рыбинке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Иван Филипов сын Звегинцов.
Дмитрий Иванов сын, Василей Дмитриев сын Шевелевы со товарищи:
Иван Трифонов сын Лукин.
Микита Ондреев сын Васильев.
Олексей Григорьев сын Комов.

Деревня Филатова. Усадища к реке к Большой Рыбинке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Козма Микулин сын Есипов.
Елисей Семенов сын Сивцев со товарищи:
Микифор Сазонов сын Проскурин.
Хитон Григорьев сын Колыбельников.
Тимофей Евтихиев сын Зуборов.
Петр Данилов сын Ступин.
Иван Иванов сын Кононов.
Гаврила Тимофеев сын Щетинин.
Трофим Яковлев сын Бранцев.
Федор Ефимов сын Филатов.

Филип Иванов сын Ильин.
Андрей Долженков.

Село Афонасьевское на реке на Большой Рыбинке. В селе церковь во имя Святого Афонасия и Кирилла. Усадища к реке к Большой Рыбинке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Лука и Иван Степановы дети Кононовы.
Иван Сергеев сын Полянской со товарищи:
Фатей Трифонов сын Бабкин.
Филип Дементьев сын Анпилогов.
Федор Яковлев сын Белоусов.
Иван Федоров сын Плотников.
Артем Никонов сын Трубченинов.
Трофим Озаров сын Башкотов.
Тимофей Иванов сын Суханов.
Сила Семенов сын Крюков.
Лучко да Кондрашко Хорламовы дети Боевы.

Село Архангельское – Любостань тож. В селе церковь во имя Архангела Михаила. Усадища по реке Рыбнице от Черного Рыбенского леса, по обе стороны вниз реки Рыбницы до усть Долгого Колодезя, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Фатей Ларионов сын Витовтов.
Максим Еремеев сын Розинков со товарищи:
Иев Григорьев сын Жеребцов.
Семен Сазонов сын Дементьев.
Савл Фатеев сын Курлов.
Федор Петров сын Ананьин.
Фирс Филатов сын Гнездилов.
Козма Савелов сын Козюлкин.
Сава и Ефим Афонасьевы дети Ноздрачевы.
Галактион Кирилов сын Ефремов.
Василий Афонасьев сын Астапьев.
Самойло Козмин сын Красников.
Терентей Семенов сын Алексеев.
Афонасей Петров сын Селин.
Мартын Иванов сын Сытинов.
Мартемьян Овдокимов сын Савенков.
Петр Савелов сын Челидов.
Мина Семенов сын Шеховцов.

Стан Салотинской

Деревня Салотина. Усадища к реке Салотинке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:

Кирил Трофимов сын Горяинов.
Василей Тимофеев сын Мелехов со товарищи:
Федор да Кирил Петровы дети Миненковы.
Петр Потапов сын Волобоев.
Дмитрий Иванов сын Зиновьев.
Максим Кирьянов сын Куркин.
Григорий Афонасьев сын Торасов.
Федор Иванов сын Юдин.

Деревня Полшикова, усадища к речке Салотинке, а на усадищах двор помещиков обоянцев детей боярских:

Корней и Игнат Ондреевы дети Полшиковы.
Евстрат Медведев со товарищи:
Григорей Микифоров сын Анахин.
Степан Тимофеев сын Шеховцов.
Устин Кондратов сын Родионов.
Иван да Тимофей Ильины дети Климовы.
Матвей Григорьев сын Волков.
Иван Елизаров сын Лукьянчиков.
Архип Федоров сын Левков.
Афонасей Максимов сын Былов.
Селиван Иванов сын Кошавцев.

Село Васильевское – Белое тож. В селе церковь во имя Святого Великого Василия Кесарийского, да в приделе Святого Николая Чудотворца. Усадища помещиков ко реке ко Пслу, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:

Трифон Андреев сын Беседин.
Федот Дементьев сын Осипов со товарищи:
Илья Григорьев сын Белой.
Иван Васильев сын Кутафин.
Иван Наумов сын Жилин.
Софон Остахов сын Слюднев.

Деревня Мелехово – Черепово тож. Усадища ко реке ко Пслу, а на усадищах дворы помещиков обоянцов детей боярских:

Федор Семенов сын Дюкорев.
Корней Корнеев сын Полшиков со товарищи:

Михайла Филипов сын Мелехов.
Иван Алферов сын Бредихин.
Микифор Лорионов сын Комов.
Семен Ефимов сын Глебовской.
Василей Юденков сын Очкасов.
Лорион Карпов сын Озаров.
Корней и Митрофан Карповы дети Савостьяновы.

Деревня Песчаная. Усадища к реке ко Пслу, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских.
Родион да Василей Тимофеевы дети Пенковы.
Семен Михайлов сын Исаков со товарищи:
Федор Петров сын Савостьянов.
Сафон Милованов сын Озеров.
Степан Романов сын Зябкин.
Сидор Емельянов сын Полянской.
Петр Васильев сын Полянской.
Герасим Обакумов сын Миненков.
Сергей Степанов сын Сопов.
Григорей Иванов сын Микулин.

Село Дмитровское. А в селе церковь во имя Святого Великомученика Дмитрия Селунского, да в приделе Святого Георгия Страстотерпца. Усадища к реке ко Пслу, а на усадищах дворы помещиков обоянцев дворян и детей боярских.
Леонтей да Иван Никоновы дети Сергеевы.
Григорей Мелентьев сын Картамышев со товарищи:
Терентей Микифоров сын Баздырев.
Василей да Иван Павловы дети Рябого.
Иван Зиновьев сын Музолевской.
Петр Михайлов сын Лукин.
Прокофей Савостьянов сын Доренской.
Игнат Иванов сын Булгаков.
Фирс Семенов сын Дурнев.

Деревня Хомутцы. Усадища к реке ко Пслу и к реке к Пене, а на усадищах дворы помещиков обоянцов детей боярских.
Федот Федоров сын Якшин.
Игнат Трифонов сын Семендяев со товарищи:
Илья да Тит Тимофеевы дети Проскурины.
Лука Самойлов сын Воробьев.
Мартын Семенов сын Чиркин.

Иван Лахтионов сын Нечаев.
Ларион да Евтифей Ларионовы дети Переверзевы.
Потап Фролов сын Чурилов.
Федос Ондреев сын Потапов.
Сергей Дементьев сын Мухин.
Петр Клеменов сын Кононов.
Кондрат Иванов сын Беседин.
Аверкей Свиридов сын Умрихин.
Иван Епифанов сын Исаков.
Софон Семенов сын Обакумов.
Василей Павлов сын Стрельников.

Стан Рудовской

Село Покровское, на колодязе на Большом Крюку. В селе церковь во имя Покрова Пресвятые Богородицы. Усадища на колодезе на Большом Крюку, а на усадищах дворы помещиков обоянцов детей боярских.

Логвин Кизяков сын Корнаухов.
Антон Филипов сын Леонидов со товарищи:
Митрофан Иванов сын Карачевцов.
Игнат Григорьев сын Миненков.
Михаил Никонов сын Рыженков.
Михаил Микитин сын Борисов.
Андрей Петров сын Потапов.
Иван Михайлов сын Шетохин.
Иван Федоров сын Пересыпкин.

Деревня Малого Крючка, усадища к колодезю Малого Крючка, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских.

Мартын Агеев сын Торасов.
Никита Третьяков.
Никон Захаров сын Зайцев со товарищи:
Петр Родионов сын Устинов.
Сергей Еремеев сын Павлов.
Гаврило Спиридонов сын Бубнов.
Архип Иванов сын Корнаухов.
Тимофей Григорьев сын Бойков.
Иван Григорьев сын Войтов.
Сава Никонов сын Гребяков.
Петр Федоров сын Ворваров.

Митрофан Федоров сын Рыженков.
Семен Федоров сын Заикин.
Нестер Перфильев сын Переверзев.
Овдоким Сергеев сын Коморенцев.
Фомка, Ефимка, Архипка Трофимовы дети Чепурины.
Михаил Елизаров сын Ушеков.
Федор Козмин сын Руднев.
Яков Фролов сын Плетенев.
Митрофан Филипов сын Сонников.

Село Вознесенское на колодезе на Рудце. В селе церковь во имя Вознесения Господа Бога и Спаса нашего, да в приделе Святого Великомученика Димитрия Солунского. На усадищах дворы помещиков обоянцев:
Фатей Осипов сын Провоторов.
Федор Петров сын Рыжиков со товарищи:
Семен Федоров сын Заикин.
Игнат Федоров сын Миненков.
Карп Борисов сын Самофасов.
Матвей и Сава Романовы дети Кондратьевы.
Семен да Иван Алферовы дети Есковы.
Потап да Яков Кириловы дети Минаковы.
Осей да Архип Торасовы дети Фомины.
Гаврила Иванов сын Савин.
Федор Степанов сын Шумаков.
Федор Михайлов сын и Симан Федоров сын Щоголевы.
Терентей Фолимонов сын Леонидов.
Федор Иванов сын Карноухов.
Иван меншой Иванов сын Шетохин.
Никон Алексеев сын Филчаков.

Деревня Красникова, усадища к речке к Котелцу и к колодезю Рудавцу, а на усадищах дворы помещиков обоянцов дворян и детей боярских.
Сергей Елисеев сын Павлов.
Еремей Данилов сын Чулков.
Иван Козмин сын Микулин со товарищи:
Петр да Парфен да Сава Меркуловы дети Красниковы.
Клемент да Иван Киприяновы дети Сидоровы.
Яков Елисеев сын Павлов.
Степан Ондреев сын Позняков.
Софон, Ларион, Архип Кондратьевы дети Кофоновы.

Иван Костентинов сын Котыхин.
Никон да Евграф Максимовы дети Чеплыгины.

Деревня Нагольный Колодезь, на правой стороне речки Пселицы. Усадища к колодезю Нагольному, а в усадищах дворы помещиков обоянцов дворян и детей боярских:
Фолимон Моисеев сын Микулин.
Иван Трофимов сын Гнучев со товарищи:
Никон Васильев сын Ерин.
Микифор Евстратов сын Ширяев.
Алексей Алексеев сын Угримов.
Елестрат Борисов сын Петров.
Кирей Тимофеев сын Мещеряков.
Яков и Афонасий Григорьевы дети Микулины.
Василий и Клемент Никитины дети Богровы.
Олфер Фолимонов сын Леонидов.
Алексей Федоров сын Сафонов.
Козма Иванов сын Пирогов.
Сергей да Алексей Михайловы дети Сафоновы.
Ларион Федоров сын Сафонов.

Деревня Бобрешева, усадища к колодезю Гостемере, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Федор Нефедов сын Угримов со товарищи:
Гур да Никита Клеменовы дети Нартовы.
Федор Лукин сын Бобришев.
Федор Павлов сын Петров.
Кондрат, Осип, Иван Онофриевы дети Карачевцевы.
Моисей, Иван, Алфим Фомины дети Леонидовы.
Сава да Семен Ивановы дети Пашковы.
Терентий да Никон Иевы дети Ерины.
Степан Михайлов сын Курасов.

Деревня Кривцова, усадища к речке к Гостереме, а на усадищах дворы помещиков обоянцев дворян и детей боярских:
Фолимон Сергеев сын Микулин.
Гаврила Иванов сын Торасов.
Юрья Прокофьев сын Резанцов со товарищи:
Пимен Борисов сын Кривцов.
Афонасей Изотов сын Алексеев.
Алимпей да Иван Федоровы дети Каменевы.
Трофим Афонасьев сын Кольцов.

Микифор да Филип Осиповы дети Козловы.
Козма Иванов сын Пирогов.
Герасим да Ларивон Ивановы дети Мерзликины.
Петр Савин сын Озеров.
Федор Федосеев сын Шеховцов.
Иван Степанов сын Воравин.
Иван Иванов сын Малыхин.
Ларион Савостьянов сын Селезнев.
Гаврила Петров сын Красников.
Семен да Иван Киреевы дети Кобызевы.

Село Троицкое. В селе церковь во имя Живоначальные Троицы, да в приделе Архангела Божья Михаила. Усадища к речке Гостереме, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских.

Автомон Григорьев сын Бобаников.
Федор Игнатов сын Монуйлов со товарищи:
Филип Устинов сын Брянцов.
Савин Васильев сын Озеров.
Иван Миронов сын Сивцов.
Герасим да Федор Евстафиевы дети Ширяевы.
Иван Дементьев сын Спицын.
Понкрат Осипов сын Фурсов.
Карп и Терентей Борисовы дети Петровы.
Гаврила Ортемов сын Жердев.
Петр да Симон Абакумовы дети Пузиковы.
Трофим Григорьев сын Салов.
Понкрат Григорьев сын Мышенин.
Василий Яковлев сын Кривчиков.
Сазон Петров сын Богров.

Деревня Псинка. Усадища к речке к Псинке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских.

Микита Агеев сын Труфанов со товарищи:
Михаил да Иван Осиповы дети Кудиновы.
Яков и Афонасей Григорьевы дети Микулины.
Сава Микитин сын Труфанов.
Филип Дмитриев сын Понаркин.

Деревня Вышний Праворотский Колодезь. Усадища к Праворотову Колодезю, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:

Семен Авдокимов сын Иевлев со товарищи.

Дмитрей Степанов сын Филатов.
Иван Лукин сын Бекетов.
Фома Алферов сын Мешков.
Иван Сидоров сын Дронов.
Григорей и Артемей Григорьевы дети Гонцовы.
Антип да Микита Павловы дети Величковы.
Иван да Петр да Парфен да Григорей Левонтьевы дети Салтановы.
Фома Миронов сын Должиков.
Василей да Иван да Федор Степановы дети Белого.
Иван Степанов сын Латкин.
Тимофей Данилов сын Суворов.
Леонтей Иевлев сын Струков.

Село Дмитриевское на речке на Ольшанке. В селе церковь во имя Святого Великомученика Димитрия Селунского. Усадища к реке к Ольшанке, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Евстрат Иванов сын Озеров.
Никон Афонасьев сын Алексеев со товарищи:
Василей Логвинов сын Костин.
Дмитр Иванов сын Мерзликин.
Михайла Антонов сын Молыхин.
Иван Гаврилов сын Барсуков.
Григорий Фолимонов сын Воронин.
Ефим Парфенов сын Грибков.
Леонтей Федоров сын Пуляев.
Сидор Михайлов сын Чепурной.
Никон да Лохтион Андреевы дети Брянцовы.
Трифон Васильев сын Ломакин.
Афонасей Иванов сын Мокаров.
Степан Федосеев сын Кривчиков.
Емельян Иванов сын Борисов.
Иван Григорьев сын Осипов.

Деревня Котова. Усадища к колодезю к Яблонову. На усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:
Иев Никифоров сын Кофонов со товарищи:
Афонасей Артемов сын Котов.
Агей да Григорей Наумовы дети Колосовы.
Василей Микифоров сын Алымов.
Андрей Васильев сын Ламанов.

Кудин да Иван Ивановы дети Асеевы.
Микифор Васильев сын Хализев.
Осип да Семен Евстратовы дети Чернышовы.
Федор Григорьев сын Душаткин.
Вавила Антонов сын Захаров.
Евсей да Трифон Кириловы дети Толмачевы.
Андрей Федоров сын Висковатов.
Овдей да Матвей да Иван Гавриловы дети Казначеевы.

Деревня Вышнева Котова, что построена в прошлых летех вновы. Усадища к колодезю к Большому Крюку, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских:

Иван да Карп Наумовы дети Колосовы.
Нестер Фолимонов сын Леонидов.
Осип Феофилов сын Карачевцов.
Семен Иванов сын Попов.
Василей Микифоров сын Алымов.
Матвей Гаврилов сын Казначеев.
Осип Архипов сын Горлов.
Кудин да Иван Ивановы дети Асеевы.
Микифор Васильев сын Хализев.
Микифор Иевлев сын Кофонов.
Кондрат Симонов сын Беседин.
Иван Афонасьев сын Котов.
Федор Федоров сын Ламонов.
Федор Исаев сын Красников.
Иван да Логин Ивановы дети Белевцовы.
Дементей Тихонов сын Широбоков.
Осип Григорьев сын Орлов.
Федор Григорьев сын Петров.
Вавила Антонов сын Захаров.

Село Богоявленское. А в селе церковь во имя Святого Богоявления. Усадища к реке ко Пселицу и по обе стороны Сторожевого Колодезя, а на усадищах дворы помещиков обоянцев детей боярских.

Семен Никонов сын да Роман Семенов сын Чернышевы.
Мокар Алексеев сын Проскурин со товарищи:
Павел Титов сын Микитин.
Микита Деев сын Овдокимов.
Карп Федосов сын Михеев.

Киприян Степанов сын Кондратьев.
Семен Иванов сын Чернышев.
Яков Дмитриев сын Крутиков.
Трофим Григорьев сын Зиновьев.
Василей Иванов сын Есков.
Антон Васильев сын Рябцов.
Сидор Афонасьев сын Белозеров.
Иуда Перфильев сын Мацнев.
Федор Андреев сын Колугин.
Иван Титов сын Рыжаго.
Клемен Сидоров сын Гуторов.
Вавила Исаев сын Чеплыгин.
Семен Иванов сын Шеломихин.
Семен Иванов сын Дмитриев.
Потап Данилов сын Лукин.
Свиридон Анцифоров сын Кононов.
Никифор Семенов сын Зайцов.
Роман Савелов сын Обухов.
Клемен Федоров сын Пересыпкин.

7.

Суджанский уезд

В XVII столетии Суджанский уезд, представлявший «Дикое поле», стал населяться выходцами из Южной России. В государственных интересах было чрезвычайно важно иметь на границах Государства поселения. Для большего привлечения населения Московское Правительство предписывало воеводам оказывать переселенцам разного рода льготы, состоявшие, между прочим, в том, что выходцы могли для своего поселения выбирать лучшие земли, где кому пожелается и заблагорассудится, затем переселенцам должны были быть предоставляемы те же самые права и привилегии, которыми они пользовались на родине.

Город Суджа, как известно, был основан в 1664 году. Первым по времени его воеводою был Рагозин. Он должен был наблюдать, по своей должности, за исправным состоянием крепости и вообще военных укреплений городпа и за исправным отправлением службы разных «служилых людей, дворян и детей боярских». Но в первые годы существования Суджи дворян в ней и в уезде было немного. Число дворян в Суджанском крае увеличилось

через несколько лет после основания города. Об этом нам свидетельствует *Опись* Суджанского уезда, составленная преемником Рагозина – воеводою Василием Бочечкаровым, и относящаяся к 1678 году. Из этой описи видно, что в городе Судже было семьдесят девять *детей боярских*. Но владели ли эти дети боярские в Суджанском уезде, кроме поместных земель, еще и крестьянами, об этом *Опись* нам не говорит.

В уезде было несколько помещиков военных начальников, владевших большими имениями. В них мало-помалу начали появляться и усаживаться крепкими к земле крестьяне, образовывая, таким образом, населенные имения. Правительство начало уже поощрять привлечение помещиками безземельных поселян на свои земли. Так, в одной из грамот говорится: «тою землею, да диким полем и сенными покосы и всякими угодьи в тех урочищах владеть, пашни распахивать, и дворами и гумнами строиться *и крестьян иссаживать*».

Элемент дворянства, владевшего населенными имениями в Суджанском уезде, выделился из военного сословия. В уезде военное сословие полков: полковники, есаулы, атаманы, сотники и др., кроме приобретения себе в собственность путем заимок пустопорожних земель, еще получали *в награду за верность и службу* от Московских Государей земельные поместья вместо Государева денежного жалованья. Такими, выдающимися по своим размерам поместьями в Суджанском и бывшем Миропольском уездах, владели полковник Андрей Герасимович Кондратьев и ротмистр Белгородского полка Семен Иванович Кнова. Первый в пределах теперешних Курской и Харьковской губернии владел земельными угодьями в количестве 119 083 десятины.

В 1668 году ротмистр Кнова бил челом Царю Алексею Михайловичу «о порожжих землях в Суджанском уезде промеж больших лесов, поляна вокруг устья реки Мокрицкого Колодезя по речке по Пслу». Ходатайство ротмистра увенчалось успехом: вся указанная земля была отдана в вечное владение Кнове за его службу «вместо Государева денежного жалованья»[400].

Оба помещика Суджанского уезда имели настолько много поземельных владений, что Кнова отвел значительную часть земельных угодий для устройства Суджанской Предтечевой пустыни, а Кондратьев – для устройства Белогорского монастыря.

Кнова, кроме отведенных пустыни земельных угодий, взыскал материальные средства для учреждения обители, которая была по-

[400] Московский архив Министерства юстиции, дела Белгородского полка.

строена между 1685 и 1692 годами по благословению Белгородского Митрополита Авраамия. В ней было даже две церкви.

Подлинная писцовая и межевая книга села Поречного поместного владения Михаила Дмитриевича Кудинова, Алексея Родионовича Ворошилина, Акима Никитича Бобровского и Григория Борисовича Поречного с товарищи, письма и межеванья писца Василия Елизарьевича Сибилева 1688 г.[401]

Село Поречное

Усадбища к реке к Судже. Суджанцы:
Михаила Дмитриев сын Кудинов.
Григорий Борисов сын Поречной.
Яким Никитин сын Бобровской.
Григорей Григорьев сын болшой Аристов.
Артем Гаврилов сын Ивошин.
Ондрей да Исай Федоровы дети Санковы.
Яков Семенов сын Санков.
Иван Никифоров сын Воравин.
Иван Ильин сын Колесов.
Вдова Афимья Ивановская жена Поречная с сыном ея Семеном.
Ефим Левонтьев сын Щегленинов.
Иван Иванов сын Филков.
Калина Афонасьев сын Федоровской.
Прокофей Семенов сын Чертков.
Алексей Родионов сын Ворошилин.
Федор Самойлов сын Прилуцкой.
Иван Алексеев сын Ворошилин.
Сава Михайлов сын Воравин.
Карп Мокеев сын Молчанов.
Тимофей Алексеев сын Ворошилин.
Иван Иванов сын Выдрин.
Андрей да Кузма Даниловы дети Поречные.
Иван Микитин сын Постригичев.
Степан Клеменов сын Восьянов.
Герасим Яковлев сын Бобровской.

[401] По Суджанскому уезду сохранилась одна только писцовая книга *села Поречнаго*.

Вдова Аграфена Афонасьевская жена Ворванина.

Герасим Федоров сын Поречной.

Недоросль Ларион Калинин сын Федоровской.

И всего села Поречного за помещики за Михайлом Кудиновым с товарищи поместья 3 192 чети и осмина в поле, а в дву потому ж. Сенных покосов в той же межи 319 четей. Под усадьбы со огороды, со огуменники 158 десятин. Да за ними за помещики за Михайлою Кудиновым с товарищи вопче в той же меже лесных угодей 227 десятин.

СОСТАВ ДВОРЯНСКОГО ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО СОСЛОВИЯ

в XVII веке по десятням

Десятни

О б з о р

Состав служилого сословия в Курском крае, как и с других местностях Московского Царства, образовывался по рождению и пожалованию. По рождению в состав членов служилого сословия входили князья, дворяне, дети боярские, атаманы, мурзы, татары (если имели право по рождению) и земцы. Лица другого происхождения не могли быть поверстаны. Случаи такого поверстания были возможны только тогда, когда некоторые лица, принадлежавшие к служилому сословию по роду или по жалованию, временно вышли из службы по каким-либо причинам, а потому вновь, как имеющие родовое право, были поверстаны в службу[402].

Пожалованием Государя в высшее служилое сословие мог быть введен всякий русский или иностранный подданный, пожелавший быть в Русском подданстве.

Всякое лицо, вступившее в дворянское сословие, должно было быть записано в верстальные книги, которые передавались лицу, назначенному верстать служилых людей, следовательно, вступало в службу. Верстаньем называлось распределение служилых людей

[402] «Русское служилое сословие по десятням» А. Востокова, *Юридический Вестник*, 1888 г., №№ 6-7.

на статьи соответственно знатности их рода, физическим качествам, имущественному состоянию для назначения поместий и денежных окладов. Лица, записанные в верстальную книгу, назывались новиками, новиками же назывались служилые, но еще неповерстанные лица, новиками назывались еще не получившие денежного оклада. Они служили с одного поместья с отцом. Новики, получившие уже деньги во второй раз, переходили в разряд старослужащих или стариковцев, но оклад им долго не увеличивался; нужно было прослужить много лет, исправно исполняя свои обязанности, прежде чем их при разборе поверстают «*в свершенные деньги*».

Дворянам и детям боярским производимы были разборы или смотры с целью определить способность их к военной службе. Они должны были подать присылаемому из Москвы боярину сказки о себе, а окладчики – подтвердить верность данных сведений. Эти сведения распадались на пять рубрик: 1) о телесном состоянии и способности к военной службе, 2) о вооружении, коне и о вооружении выставляемых дворянином даточных людей, 3) об имущественном состоянии, 4) о его детях и родственниках мужского пола, 5) наконец, – сведения о прежней службе. В случае спора, при разборе служилых людей с окладчиками, точность и правильность сведений «сыскивали всем городом».

До нашего времени сохранилось довольно значительное число верстальных, разборных, раздаточных и смотренных книг дворян и детей боярских Курско-Белгородского края.

Права всех дворян и детей боярских заключались в следующем: служить и за службу получать поместья и жалованье. Этого права служить на государственной службе не имели пашенные крестьяне, холопы, дети духовных и др. Если на службе в низших должностях находились стрельцы, казаки и тому подобное., то они содержались Правительством и назывались кормовыми. Даваемые же некоторым из них земельные участки не считались окладом и ни в каком случае не увеличивались, как это было установлено для дворян и детей боярских.

Поместный оклад был номинальным пределом, в каком помещик мог пользоваться землей, дача представляла собой осуществленный фактическим пользованием участок земли (пашня). Особых преимуществ дворяне, служащие по выбору, сравнительно с дворовыми и городовыми, не имели. У некоторых городовых дворян и детей боярских встречаются оклады выше, чем у дворян дворовых. Это явление мы находим и в Курско-Белгородском крае.

Курские дворяне несли двойную службу – полковую и осадную. Первые являлись на службу, куда было указано, последние оставались в своем городе и составляли гарнизон, а вместе с тем исполняли поручения местного воеводы. Они могли быть пешими, несли пешую службу.

Из числа детей боярских, несших осадную службу, выделялись пищальники, вооружение которых составляли пищали. Осадную службу несли те дети боярские, которые не имели возможности снарядиться или идти в дальний поход. Поместные оклады их были малы, не поднимаясь в некоторых уездах Курского края выше 20 четей, денежного жалованья им не выдавалось. Несшие осадную службу, когда оправлялись, снова могли быть зачислены в полковую службу. В случае совершения дворянами и детьми боярскими проступков, они наказывались за это штрафами и уменьшением их поместного и денежного жалованья.

Если кто-либо из них не желал служить, те записывались в верстальную книгу и навсегда оставались свободными от службы, проживали у своих родственников, у богатых бояр, поступали в монастыри, в приказную службу. Кто не являлся на смотры, исключался из военной службы. Для малолетних давалась льгота пользоваться поместным окладом на прожиток после умершего отца; по достижении пятнадцатилетнего возраста недоросли должны были являться на службу. За престарелого и немощного отца мог служить сын, за дядю – племянник.

В Курске в конце XVII и в начале XVIII века существовало особое учреждение, которое носило название *Курский Разрядный Шатер*, в ведении которого находились дела о комплектовании дворян и детей боярских Курского края на службу и о других предметах, относящихся к службе. Это учреждение было подчинено стольнику Юрию Степановичу Нелединскому-Мелецкому «с товарищи» и занималось, главным образом, сбором, розыском и разбором ратных людей, начиная с дворян. В Курский Разрядный шатер писали свои сообщения все воеводы нашего края.

Выше мы сказали, что дворянам и детям боярским принадлежало право служить. Естественно, что с этим правом соединялись и трудности службы, *в особенности порубежной*. В наказе Путивльским воеводам Нагому и Бунакову 1626 года читаем: «пересмотреть служилых людей, которые от Литовского рубежа на заставах и на сторожах стоят. Ратных людей должно расписать в сотни и на отъезжие сторожи и на заставы от Литовского рубежа».

Высшее Правительственное учреждение, которое заведывало сословием дворян и детей боярских, был Разряд или Разрядный

Приказ, существовавший с первой половину XVI до 1711 года, то есть, до учреждения Сената. Разряд имел сравнительно с другими приказами, самую широкую сферу деятельности. Ему были подчинены: все служилое сословие – придворное, военное и гражданское, ведение ратного дела во всем Государстве, обнародование распоряжений Государя и Боярской Думы, управление своею обширною областью и др. Деятельность Разрядного приказа продолжалась около двух веков и близко соприкасалась с интересами населения почти всего Московского Царства и всех его слоев, но преимущественно сословия дворян и детей боярских.

Мы рассмотрим состав Курского Дворянства XVII века по *десятням,* которые считаются учеными исследователями драгоценным памятником истории дворянского сословия, в особенности по отношению к его поместному окладному землевладению и основанной на нем военной службе. Десятни представляют собой описания служилых людей – дворян, детей боярских и казаков, составлявшиеся по мере надобности, в финансовых и стратегических интересах Государства и получившие значение юридического доказательства права владеть населенным поместьем. Десятни суть исторические документы, аналогичные с писцовыми книгами и тесно с ними связанные.

Десятни, обнимая каждая известный уезд, дают нам ясное представление о личном составе населявших уезд родов местного Дворянства и их членов, о разрядах Дворянства, земельной зажиточности каждого дворянина и каждого из детей боярских. Десятни характеризуют боевой строй, военно-служилую иерархию, порядок получения денежного жалованья и кто как конен, люден и оружен.

К сожалению, десятен Курского края совсем не сохранилось от XVI века. Что касается XVII века, то первые по времени десятни *Белгородская* и *Оскольская* относятся к 1621 году, последняя – Рыльская – к 1663 году.

1.

Курская десятня 1636 года

[403]«Лета 7144 марта в 10 день по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича всея Русии указу, стольник и воивода Данило Семенович Яковлев в Курску по списку смотрел *дворян и детей боярских* всех на лицо и окладчиков про них расспрашивал, хто каков на Государеве службе живет конен и оружен

[403] РГАДА, ф.210, Десятни, ед.хр. 215

и люден, хто в головах и в сотниках и в губных старостах и у всяких дел и хто именем дети боярские и всякие служилые и жилецкие уездные люди во 140 и во 141 и во 142 и во 143 и в нынешнем во 144 году и при котором воиводе в татарские приходы взяты в полон и побиты, и хто убит на бою или на бою же в полон хто взят, и сторожи и станицы и в городех вестовщики в ту пору были, и хто имена в Курску перед стольником и воиводою перед Данилом Семеновичем Яковлевым Курчаня *дворяня и дети боярские* у смотру объявились конныи и оружны и людны, и иные пеши, хто в головах и сотниках и в губных старостах и у всяких дел и хто имена *дворяня и дети боярские* и всякия служилые и жилецкие люди и уездные во 140 и во 141 и во 142 и во 143 и в нынешнем во 144 году и при котором воиводе во тотарские приходы взяты в полон и хто убиты на бою или на бою же в полон хто взяты, и то писано в сей книге».

Куреск

Выбор. Деньги из чети.

По 850 четей по 25 рублев

Иван Антипов сын Анненков. На Государевой службе живет на коне в саадаке, да человек за ним на коне с возжею с пищалью с простым конем, да два человека на конях с пищалью.

По 600 чет

В Курску осадной голова Семен Богданов сын Виденьев – на коне с возжею с пищалью, да человек на коне с возжею с пищалью с простым конем, да два человека на меринех с длинными пищальми.

По 500 четей, по 12 рублев

Кузма Богданов сын Виденьев – на коне в саадаке, да человек на мерине с возжею с пищалью с простым конем, да человек на мерине с длинною пищалью.

По 450 чет

Воин Антипов сын Анненков – на коне в саадаке да человек на коне с возжею с пищалью с простым конем, да два человека на меринах с длинными пищальми.

Дворовые

По 500 чет

Наум Мануйлов сын Бредихин – на коне в саадаке.

По 350 чет

Тимофей Трифонов – на коне в саадаке.

По 300 чет

Афонасий Мануйлов сын Бредихин – на коне в саадаке.
Михайла Антипов сын Анненков – на коне в саадаке.

По 250 чет

Иван Павлов сын Мишустин – на коне с возжею с пищалью.

Городовые

По 450 чет

Афонасий Иванов сын Мезенцов – на мерине с пищалью.

По 400 чет

Сафон Антипов сын Толмачев – на коне в саадаке.

По 350 чет

Сава Иевлев сын Горяинов – на коне в саадаке, да человек на мерине с пищалью.

Сунбул Тимофеев сын Онофреев – на коне в саадаке, да человек на мерине с пищалью.

Дмитрей Васильев сын Кунаков – на коне с возжею с пищалью, да человек на мерине с пищалью.

Иван Семенов сын Лукин – на коне в саадаке.

По 300 чет

Кондрат Павлов сын Беседин – на коне в саадаке.
Кондрат Микитин сын Шумаков – на мерине в саадаке.
Василей Дмитриев сын Ноздрачев – на коне в саадаке.
Зиновей Ульянов сын Тутов – на коне в саадаке.
Василей Лаврентьев сын Звегинцев – на коне с пищалью.
Трофим Никитин сын Домаев – пеш с пищалью.
Кузьма Лаврентьев сын Брызлов – на мерине с пищалью.

Иван Волокитин сын Домашев – на коне с пищалью.
Афонасей Федоров сын Розинков – на коне с длинной пищалью.
Мотвей Тимофеев сын Мосолов – на коне с возжою с пищалью.
Андрон Дементьев сын Зубасов (вооружение, в общем, было такое же).
Сидор Истомин сын Ихменев.
Семен Микитин сын Воробьев.
Матвей Еремеев сын Сергеев.
Анисим Мартынов сын Дурнев.
Селиверст Васильев сын Бортенев, на Москве живет за своим делом.

По 250 чет

Дмитр* Лупьев сын Елагин.
Семен Михайлов сын Чертов.
Федор Данилов сын Позняков.
В Курску губной староста Иев Федоров сын Стрекалов.
Василий Федоров сын Переверзев.
Серой Иванов сын Сергеев.
Ондрей Семенов сын Чалин.
Харитон Лавров сын Звегинцов.
Сава Фолелеев сын Переверзев.
Олфер Степанов сын Борзенов*.
Семен Ортемов сын Писклов у смотру объявил пеш с пищалью.
Василий Федоров сын Шехавцов.
Осип Григорьев сын Жиляев.
Наум Восьянов* сын Басов.
Мартын Силин сын Конанов.
Василий Логвинов сын Уколов.
Мотвей Наумов сын Лукьянов.
Яков Ломакин сын Болтенков.
Моксим Прокофьев сын Боланин.
Матвей Артемов сын Кутафин.
Филип Иванов сын Костин.
Микифор Ефимов сын Анненков.
Мелентей Федоров сын Курасов.
Филат Никонов сын Алымов.

По 200 чет

Иван Савинов сын Коробин.
Алфим Григорьев сын Пашков.

---

* *Так в книге – В.О.*

* *Так в книге. Должно быть, видимо, Борзенков – В.О.*

* *Так в книге, должно быть, видимо, Косьянов – В.О.*

Сазон Моксимов сын Михнев.
Яков Иванов сын Перцов.
На Валуйке у стрельцов и у казаков голова Василей Терентьев сын Каменев.
Кудим Васильев сын Пашков.
Офонасий Ондреев сын Доренской.
Сафон Третьяков сын Переверзев.
Акинша Антипов сын Лохтионов.
Степан Федоров сын Овдеев.
Прокофей Васильев сын Пашков.
Савел Иванов сын Пашков.
Степан Филатов сын Буйков – на Москве живет за своим делом.
Иван Семенов сын Соголаев.
Исай Донилов сын Завалишин.
Осип Иванов сын Мезенцов.
Рудак Козмин сын Толмачев.
Терех Егунов сын Мосолов.
Филип Насонов сын Мелехов.
Сава Кучаков сын Жиронкин.
Кирей Иевлев сын Рожнов.
Савин Онтонов сын Андреев.
Мосей Лукин сын Мишустин.
Торас Васильев сын Малыхин.
Алпей Постников сын Котунин.
Федор Сафонов сын Михайлов.
Федор Ширяев сын Потапов.
Федор Иванов сын Костельцов.
Василий Иванов сын Сотников.
Ефим Гаврилов сын Лохтионов.
Селиван Игнатьев сын Рыжков.
Сергей Мортынов сын Захарьин.
Савин Нестеров сын Косинов.
Козма Филатов сын Фомин.
Лука Григорьев сын Жиляев.
Сергей Исаев сын Крюков.
Илья Иванов сын Чернов.
Федор Захаров сын Волобоев.
Юрья Микитин сын Шумаков.
Алексей Ефимов сын Басов.
Петр Гаврилов сын Зорин.

Аверьян Иванов сын Фирсов.
Лука Иванов сын Писклов.
Осип Васильев сын Асеев.
Алфим Микитин сын Старов.
Прокофей Петров сын Есков.
Денис Дмитриев сын Пашков.
Иван Киприянов сын Елников.
Василий Родионов сын Косинов.
Тимофей Семенов сын Тестов.
Афонасей Серого сын Сергеев.
Сава Донилов сын Маслов.
Григорей Микитин сын Воробьев.
Гопон Истомин сын Ихменев.
Гордей Иванов сын Воробьев.
Степан Ондреев сын Фурсов.
Василий Федоров сын Похомов.
Тимофей Сергеев сын Муратов.
Арис* Юдин сын Мезенцов.
Сава Осипов сын Курасов
Иван Леонтьев сын Смачной.
Микита Овдокимов сын Стабров.
Микифор Тимофеев сын Малцов.
Микита Григорьев сын Маслов.
Анис Потапов сын Овдеев.
Герасим Глебов сын Бормин.
Богдан Игнатьев сын Офремов.
Остап Миленов сын Глебов.
Ондрей Донилов сын Ванин.
Еремей Иванов сын Конев.
Григорий Ларин сын Дериглазов.
Мортин Ондреев сын Жулин.
Кирей Антипов сын Толмачев.
Офонасей Микитин сын Омелин.
Донило Микитин сын Голеев.
Марк Лукьянов сын Перков.

По 150 чет

Сергей Мортынов сын Корелов.
Надежа Михайлов сын Заикин.
Мартын Микитин сын Шумаков.
Офонасей Сергеев сын Пыхтин.
Игнат Осипов сын Кононов.

---

* *Так в книге – В.О.*

Илья Родионов сын Колычев.
Иван Леонтьев сын Вешняков.
Гаврило Иванов сын Сотников.
Денис Потапов сын Овдеев – стар и увечен.
Федор Васильев сын Кононов.
Авдей Михайлов сын Сухочев.
Фолимон Иванов сын Жмакин – стар и увечен.
Наум Иванов сын Кобызев.
Олексей Лукьянов сын Конев.
В Курску губной староста Микифор Сергеев сын Шуклин.
Монуйла Федоров сын Букреев.
Иван Уваров сын Федоров.
Федор Сафонов сын Пашин.
Коней Дементьев сын Непочатой.
Григорей Офонасьев сын Петряев.
Василей Пименов сын Михайлов.
Авдей Иванов сын Зиновьев.
Хоритон Карпов сын Тимофеев.
Иван Федоров сын Басов.
Федор Ондреев сын Дериглазов.
Авдей Григорьев сын Головин.
Аверкей Романов сын Филчаков.
Михайло Ефимов сын Умрихин.
Ермол Назаров сын Озеров.
Афонасей Семенов сын Кирстанов*.
Семен Карпов сын Михайлов.
Федор Григорьев сын Петров.
Евтифей Онтонов сын Есков.
Курдюм Кудинов сын Колугин – на Москве живет за своим делом.
Денис Трофимов сын Башкотов.
Влас Миленин сын Глебов.
Сидор Михайлов сын Давыдов.
Ждан Зинов сын Офремов.
Микифор Федоров сын Маслов.
Потап Лукьянов сын Мишустин.
Роман Терентьев сын Кутепов.
Нестер Михайлов сын Брежнев.
Антон Кузмин сын Горбатов.
Олимпей Кондратов сын Алымов.
Аким Иванов сын Чернышов.
Василий Семенов сын Тутов.

---

* *Так в книге. Должно быть, видимо, Кирсанов - В.О.*

Микифор Лукьянов сын Филипской.
Федор Ларионов сын Офонасьев.
Кузма Ларионов сын Офонасьев.
Микифор Кузмин сын Горяинов.
Василий Иванов сын Беседин.
Иван Данилов сын Малыхин.
Зот Семенов сын Косинов.
Павел Леонтьев сын Умрихин.
Степан Мотвеев сын Уколов.
Федор Васильев сын Олтухов.
Онисим Кудинов сын Роговской.
Осип Степанов сын Кичигин.
Лукьян Борисов сын Микулин.
Ондрей Федоров сын Васильев.
Григорей Степанов сын Кичигин.
Семен Федоров сын Костин.
Яков Селиверстов сын Непочетой.
Федор Иванов сын Офремов.
Григорей Васильев сын Борышов.
Митрофан Иванов сын Посошков.
Микифор Федосов сын Филатов.
Мортын Офонасьев сын Тутов.
Гордей Васильев сын Мезенцов.
Микифор Нестеров сын Офонасьев.
Филип Мотвеев сын Должонок.
Микита Ларионов сын Перков.
Иван Петров сын Пашков.
Аврам Яковлев сын Чурилов.
Лукьян Свиридов сын Белевцов.
Кирила Ондреев сын Посошков.
Илья Гаврилов сын Розинков.
Исай Тимофеев сын Поветкин.
Богдан Микитин сын Лунев.
Ларя Степанов сын Обышкин.
Левонтей Петров сын Офремов.
Ефим Утешов сын Козлов.
Исай Савин сын Онахин.
Кузма Петров сын Семенихин.
Кирей Микитин сын Шумаков.
Дементей Олексеев сын Горбылин.
Ортем Кондратьев сын Алымов.
Сафон Исаев сын Халин.

Фатей Захаров сын Сергеев.
Микита Иванов сын Мосолов.
Федор Невструев сын Букреев.
Федор Иванов сын Кобелев.
Фома Кузмин сын Гридин.
Созон Иванов сын Беседин.
Федор Перфильев сын Малцов.

По 100 чет

Микита Наумов сын Косинов.
Софон Алисов сын Нечаев.
Сава Иевлев сын Алябьев.
Курбат Обакумов сын Сорокин.
Моисей Григорьев сын Халин.
Моксим Степанов сын Власов.
Лука Моксимов сын Рогулин.
Зинон Фомин сын Должиков.
Антон Лукьянов сын Михайлов.
Данило Сидоров сын Букреев.
Абакум Фомин сын Бабкин.
Кондрат Терехов сын Петров.
Василей Иванов сын Пыжов.
Илья Мокаров сын Яковлев.
Семен Нечаев сын Башкирев.
Лука Олексеев сын Гостев.
Самсон Романов сын Микитин.
Иван Иванов сын Филатов.
Тимофей Иванов сын Жиленков.
Павел Михайлов сын Гридасов.
Кузма Прокофьев сын Гнездилов.
Прокофей Федоров сын Халин.
Аникей Григорьев сын Максимов.
Ондрей Иванов сын Овдокимов.
Павел Нестеров сын Глебовской.
Наум Игнатов сын Торасов.
Захар Федоров сын Заикин.
Полуект Онтонов сын Филипов.
Прокофей Наумов сын Ванин.
Архип Томилов сын Паршин.
Данило Софонов сын Харланов.
Карп Говрилов сын Еремин.
Томило Мелентьев сын Нескороднев.

Емельян Исаев сын Халин.
Яков Дементьев сын Ильин.
Василей Петров сын Клименов.
Тит Киреев сын Корнилов.
Павел Мартынов сын Березуцкой.
Максим Власьев сын Комов.
Фома Мартынов сын Березуцкой.
Федор Варламов сын Гридин.
Тит Минаев сын Волобоев.
Марка Богданов сын Воронов.
Володимер Семенов сын Зубов.
Иван Семенов сын Дмитриев.
Яков Семенов сын Судаков.
Василей Степанов сын Гуторов.
Григорей Гаврилов сын Заикин.
Василей Антонов сын Горбатов.
Фертил Федоров сын Митрофанов.
Левонтей Ефимов сын Лукьянчиков.
Федор Михайлов сын Омельянов.
Иван Васильев сын Долженок.
Роман Афонасьев сын Долженок.
Томило Ефимов сын Ондронов.
Семен Мамонтов сын Огибалин.
Ждан Тимофеев сын Муханов.
Федор Иванов сын Семенихин.
Сергей Богданов сын Колугин.
Кондрат Зиновьев сын Тихонов.
Иван Микитин сын Евглевской.
Семен Мокаров сын Епишев.
Никон Семенов сын Кизилов.
Василей Евсеев сын Башкатов.
Лука Сергеев сын Жмакин.
Клим Михайлов сын Лукин.
Василей Савельев сын Гопонов.
Иван Захаров сын Широбоков.
Семен Осипов сын Захаров.
Микула Семенов сын Озеров.
Карп Григорьев сын Конорев.
Семен Артемов сын Прокопов.
Яков Афонасьев сын Майков.
Мартын Трофимов сын Лустин.
Григорей Моксимов сын Захаров.

Федор Гаврилов сын Важев.
Игнат Микитин сын Переверзев.
Свиридон Лукьянов сын Конев.
Родион Иванов сын Олябьев.
Иван Иванов сын Семенов.
Гаврило Остафьев сын Буданов.
Игнат Савельев сын Козлов.
Фома Тимофеев сын Божнев.
Варлам Гарасимов сын Ильин.
Юда Петров сын Олфимов.
Антон Трофимов сын Тотаринов.
Трофим Афонасьев сын Полянской.
Максим Ломакин сын Тимофеев.
Артем Павлов сын Гапонов.
Самсон Микифоров сын Шеховцов.
Мортин Иванов сын Звегинцов.

Верстанья в Курску воиводы Степана Ушакова 130 года.

По 200 чет

Микита Яковлев сын Тотаринов.
Ондрей Савин сын Бунин.
Олексей Иванов сын Горяинов.
Родион Васильев сын Маслов.
Илья Воинов сын Мезенцов.
Сафон Донилов сын Завалишин.
Устин Васильев сын Есипов.
Иван Григорьев сын Жиляев.
Оверкей Сафонов сын Михайлов.
Алимпей Мортынов сын Дурнев.
Василей Фролов сын Башилов.
Фотей Иванов сын Чукинов.
Ратмон Гаврилов сын Овдакимов.
Остахей Иванов сын Овдакимов.
Иван Игнатов сын Торасов.
Григорей Емельянов сын Сабельников.
Михайла Иванов сын Угримов.
Нестер Семенов сын Зохарин.
Исай Ондреев сын Доренской.
Фома Григорьев сын Маслов.

По 150 чет

Иван Григорьев сын Думин.

Михайло Мамонтов сын Толмачев.
Олфер Симанов сын Обакумов.
Нестер Трофимов сын Чурсин.
Сергей Иванов сын Рыжков.
Лукьян Моксимов сын Лохтионов.
Архип Лукин сын Мишустин.
Трофим Петров сын Жегулин.
Остахей Савинов сын Клесов.
Григорей Степанов сын Кобелев.
Кунай Незнаев сын Реутов.
Тит Семенов сын Офремов.
Кондрат Ларин сын Буланов.
Богдан Иванов сын Росолов.
Павел Федоров сын Ходыревской.
Григорей Степанов сын Лунев.
Кузма Истомин сын Мацнев.
Фрол Федоров сын Огарков.
Саво Кондратьев сын Омельянов.
Демьян Кирилов сын Савинов.
В Курску стрельцов сотник – Василей Иванов сын Шевляков.
Саво* Ефимов сын Шуклин.
Денис Захаров сын Омельянов.
Дрон Степанов сын Лыков.
Петр Осеев сын Шахов.
Фирс Терентьев сын Кутепов.

По 100 чет

Кондрат Матвеев сын Ильин.
Матвей Ильин сын Шацкой.
Семен Сафонов сын Умрихин.
Абакум Иванов сын Башкирев.
Ондрей Сафонов сын Харламов.
Кирей Фролов сын Кривчиков.
Лука Степанов сын Розинков.
Кондрат Степанов сын Осеев.
Кузма Григорьев сын Осеев.
Митрофан Иванов сын Зуев.
Алфер Афонасьев сын Проскуркин.
Степан Тимофеев сын Дядин.

* *Так в книге – В.О.*

134 года, верстанья воиводы Донилы Милостиваго.

По 200 чет

Афонасей Перфильев сын Мальцов.
Ондрей Васильев сын Конорев.
Моксим Лукьянов сын Головин.
Лорион Тимофеев сын Филатов.
Михайла Иванов сын Мелехов.
Федор Федоров сын Колугин.
Федор Матвеев сын Уколов.
Иван Михайлов сын Иванов.

По 150 чет

Герасим Иванов сын Крюков.
Федор Мортынов сын Лазовской.
Порфен Гаврилов сын Розинков.
Фолимон Васильев сын Григорьев.
Максим Ефимов сын Басов.
Михайла Федоров сын Митрофанов.
Третьяк Васильев сын Мальцов.
Федор Титов сын Поспелов.
Стрельцов сотник – Сергей Григорьев сын Колугин.

По 100 чет

Василей Степанов сын Березуцкой.
Степан Ондреев сын Умрихин.
Трифон Марков сын Левонтьев.
Ермолай Родионов сын Шумской.
Григорей Петров сын Яковлев.
Онтон Лукьянов сын Клевов.
Микита Захаров сын Микулин.
Петр Силантьев сын Аникеев.
Борис Иванов сын Косяков.
Данило Свиридов сын Струков.
Федор Иванов сын Хлынин.
Савостьян Михайлов сын Козулкин.
Федор Левонтьев сын Березуцкой.
Иван Микифоров сын Омельянов.
Григорей Овдеев сын Оврамов.

135 года верстанья воиводы Гаврилы Юшкова

По 250 чет

Тимофей Иванов сын Букреев.

По 200 чет

Иван Григорьев сын Чеплыгин.
Иван Федоров сын Белого.
Ондрей Миронов сын Чуйкин.
Лазарь Ортемов сын Переверзев.

По 150 чет

Кирил Ондреев сын Мальцов.
Семен Богданов сын Федюшин.
Трофим Ефимов сын Басов.
Микифор Родионов сын Маслов.
Григорей Савинов сын Торасов.
Клемен Богданов сын Струков.
Микифор Архипов сын Гуторов.
Фома Родионов сын Сергеев.
Перфил Яковлев сын Перков.
Микита Наумов сын Волобоев.
Кирил Федоров сын Боев.

По 100 чет

Гаврило Сидоров сын Ивонин.
Микита Денисьев сын Мухин.
Василей Остахов сын Лукьянчиков.
Иван Семенов сын Зубов.

По 200 чет

Иван Афонасьев сын Машкин.
Игнат Иванов сын Родионов.
Артем Васильев сын Быканов.
Офонасей Васильев сын Молыкин.

По 150 чет

Пофом Григорьев сын Лохтионов.
Федор Митрофанов сын Захарьин.
Мина Матвеев сын Карташов.
Лукьян Евсеев сын Толмачев.
Афонасей Григорьев сын Золотухин.

По 100 чет

Федор Федоров сын Горбатов.
Влас Семенов сын Митрофанов.

Новики 144 года верстанья в Курску Нефтолима Тимашева.

По 250 чет

Меркул Суртомин* сын Заволишин.
Дивей Иванов сын Лотугин.
Федос Мамонтов сын Малютин.

По 200 чет

Воин Полуехтов сын Чертов.
Григорей Яковлев сын Позняков.
Антон Григорьев сын Звегинцов.
Иван Алексеев сын Алябьев.
Григорий Тимофеев сын Шевердин.
Олексей Микитин сын Переверзев.
Кондрат Васильев сын Сологаев.
Парамон Осипов сын Сухочев.
Григорей Прокофьев сын Чаплыгин.
Калина Иванов сын Воробьев.
Антон Лазарев сын Картавцев.
Терех Варламов сын Гридин.
Иван Донилов сын Должонок.
Козма Олексеев сын Звегинцов.
Григорей Савинов сын Белой.
Василей Истомин сын Каменев.
Кузма Иванов сын Звегинцов.
Федор Иванов сын Балакирев.
Иван Степанов сын Кобелев.
Максим Васильев сын Торасов.
Иван Лаврентьев сын Анахин.
Иван Милентьев сын Тиняков.
Зинов Логвинов сын Халин.
Яков Игнатьев сын Торасов.
Калина Иванов сын Кобелев.
Иван Иванов сын Маслов.
Левонтей Онтонов сын Пашин.
Кузма Петров сын Позняков.
Дмитрей Михайлов сын Амосов.
Ондрей Офонасьев сын Чурилов.

---

* *Так в книге. Должно быть, видимо, Сутормин – В.О.*

Офонасей Омельянов сын Сергеев.
Степан Михайлов сын Брянцов.
Мартын Федоров сын Золотухин.
Михайло Сидоров сын Толмачев.
Мануйло Васильев сын Пронской.
Исай Иванов сын Букреев.
Фрол Савинов сын Денисов.
Микифор Иванов сын Кононов.
Федор Григорьев сын Беседин.
Семен Нестеров сын Стрекалов.
Михайло Микифоров сын Мелехов.
Михайло Васильев сын Чеплыгин.
Кондрат Мартынов сын Чеплыгин.
Иван Григорьев сын Жилкин.
Василий Наумов сын Ванин.
Микифор Петров сын Быков.
Наум Дмитриев сын Жмакин.
Микифор Васильев сын Малцов.
Сафон Семенов сын Машкин.
Алфер Торасов сын Михайлов.
Михайла Евсеев сын Малцов.
Пофом Иванов сын Колугин.
Микифор Борисов сын Овдеев.
Карп Омельянов сын Головин.

По 150 чет

Федор Дронов сын Михайлов.
Максим Дронов сын Михайлов.
Антон Козмин сын Колугин.
Захар Моксимов сын Струков.
Алексей Иванов сын Козлов.
Григорей Федоров сын Котофин.
Архип Омельянов сын Овдокимов.
Тимофей Ондреев сын Криволапов.
Анис* Лахтионов сын Мелехов.
Иван Филимонов сын Сергеев.
Василий Яковлев сын Сергеев.
Дрон Тимофеев сын Должонок.
Микита Лукьянов сын Михайлов.
Кузма Евтихиев сын Жиронкин.
Ермол Игнатьев сын Есков.
Кондрат Иванов сын Малютин.

---

* *Так в книге – В.О.*

Анофрей Фролов сын Башкотов.
Ивсевей Дмитриев сын Ванин.
Лука Потапов сын Хмелевской.
Иван Олексеев сын Рыжков.
Ефим Ильин сын Дорохов.
Павел Захаров сын Сергеев.
Семен Полуехтов сын Меленин.
Осип Минаев сын Хордиков.
Иван Михайлов сын Козюлкин.
Филип Офремов сын Драковцев.
Степан Григорьев сын Волобоев.
Иван Игнатов сын Торасов.
Саво Федоров сын Стоянов.
Федор Кондратьев сын Якшин.
Микита Семенов сын Березуцкой.
Роман Иванов сын Маслов.
Ермол Степанов сын Бочаров.
Горасим Киреев сын Толмачев.
Онофрей Власов сын Каменев.
Хоритон Тимофеев сын Смецкой.
Федор Омельянов сын Сергеев.
Иван Тимофеев сын Быков.
Донила Огафонов сын Косинов.
Архип Ефимов сын Умрихин.
Анис Васильев сын Толмачев.
Семен Михайлов сын Ортемов.
Сергей Васильев сын Хмелевской.
Антон Григорьев сын Сорокин.
Воин Иванов сын Артемьев.
Хорлан Савинов сын Дураков.
Иван Григорьев сын Мортынов.
Анис Семенов сын Торасов.
Абрам Нестеров сын Михайлов.
Влас Иванов сын Золотухин.
Василей Иванов сын Семенихин.
Наум Кондратьев сын Денисов.
Гаврило Федоров сын Захаров.
Фотей Ондреев сын Очкасов.
Кондрат Олексеев сын Овсянников.
Лукьян Демьянов сын Непочетой.
Федор Захаров сын Сидоров.
Степан Тимофеев сын Алябьев.

Олексей Олферов сын Лохтионов.
Ерофей Мелехов сын Кононов.
Калина Матвеев сын Павлов.
Фома Томилов сын Переверзев.
Моисей Иванов сын Нарыков.
Еремей Малахов сын Косинов.
Лохтион Иванов сын Должонок.
Ондрей Мелентьев сын Шетохин.
Филип Васильев сын Михайлов.
Козма Родионов сын Лахтионов.
Григорей Павлов сын Спицын.
Савин Фомин сын Коптев.
Федор Иванов сын Умрихин.
Озар Яковлев сын Лукин.
Агафон Григорьев сын Кичигин.
Степан Милентьев сын Сергеев.
Михайла Левонтьев сын Фоустов.
Микита Лаврентьев сын Гнездилов.
Иван Яковлев сын Гридунов.
Кузма Мокаров сын Епишев.
Богдан Ондреев сын Чурсин.
Микита Ондреев сын Овдеев.
Сергей Григорьев сын Онпилогов.
Клим Родионов сын Савенков.
Савостьян Иванов сын Доренской.
Микита Федоров сын Туробаров.
Ивсевей Дементьев сын Овдокимов.
Григорей Лукьянов сын Филипской.
Наум Никонов сын Толмачев.
Григорей Ондреев сын Малцов.
Ермол Злобин сын Усочев.

По 100 чет

Василей Клеменов сын Олексеев.
Иван Матвеев сын Сухорев.
Семен Дмитриев сын Проталов.
Кирил Гаврилов сын Котков.
Олексей Захаров сын Сидоров.
Григорей Бессонов сын Пирогов.
Гаврило Богданов сын Миненков.
Григорей Иванов сын Локтионов.
Понкрат Анисов сын Самойлов.

Ермол Колистратов сын Кохонов.
Омельян Ивсеев сын Порфенов.
Лазарь Лукьянов сын Михайлов.
Прохор Мортынов сын Ровской.
Федор Гаврилов сын Ламонов.
Марк Иванов сын Умрихин.
Сава Савостьянов сын Петрищев.
Микита Епифанов сын Богатырев.
Ортем Лохтионов сын Должонок.
Иван Офонасьев сын Должонок.
Илья Васильев сын Дурнев.
Ортем Михайлов сын Котунин.
Иван Власьев сын Комов.
Семен Ефимов сын Микитин.
Осип Яковлев сын Прокопов.
Милен Ондреев сын Кирилов.
Сысой Офремов сын Крюков.
Савостьян Григорьев сын Овдакимов.
Моксим Борисов сын Чернышев.
Бессон Васильев сын Басов.
Семен Сидоров сын Ивонин.
Ондрей Иванов сын Белозеров.
Федор Иванов сын Митрофанов.
Иван Иванов сын Озеров.
Левонтей Афонасьев сын Белоозеров.
Ондрей Федоров сын Спицын.
Илья Герасимов сын Есков.
Аверкей Иванов сын Михайлов.

По 80 чет

Архип Прокофьев сын Гнездилов.

Неслужилые

По 150 чет

Елисей Ондреев сын Омелин.

По 100 чет

Павел Яковлев сын Малшин.
Микула Трофимов сын Чеплыгин.
Прохор Матвеев сын Михалевской.
Григорей Степанов сын Хардиков.
Епифан Офонасьев сын Ильин.
Донило Титов сын Гостев.

По 70 чет

Мотвей Мотвеев сын Кутафин.
Родион Федотов сын Ламонов.
Моксим Иванов сын Умрихин.
Торас Федоров сын Огарков.
Нефед Елизаров сын Жолудев.
Тимофей Ильин сын Кобозев.
Лука Лукьянов сын Левонов.

Верстанным на Москве, а в Куреск ныне им не прислано, и что им поместнова и денежного окладу учинено, и про то неведомо.

Микифор Иванов сын Осмолов.
Федор Герасимов сын Болычев.
Клемен Булгаков сын Ильин.
Марк Кондратов сын Якшин.
Донило Иевлев сын Башкотов.
Федор Иванов сын Долженок.
Григорей Иванов сын Долженок.
Аггей Иванов сын Должонок.
Григорей Остапов сын Головин.
Сава Козмин сын Горбатой.
Тимофей Давыдов сын Жулин.
Иван Ларин сын Афонасьев.
Степан Тархов сын Расенской.
Тихон Левонтьев сын Расенской.
Василей Иванов сын Лобывцов.
Иван Власов сын Ширков.
Гриша Васильев сын Волобоев.
Исай Иванов сын Булгаков.
Иев Федоров сын Букреев.
Тимофей Захаров сын Сидоров.

И всего Курчан *дворян и детей боярских* у смотру объявилось 93 человека на конех, 307 человек на меринках, 240 человек на меринах, 145 человек пеших.

2.

Путивльская десятня 1626 года.

«Лета 7134 маия в 30 день по Государеве Цареве и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью

дьяка Михаила Данилова прислано в Путивль к стольнику и воеводам к Богдану Михайловичу Нагому да Петру Микитичу Бунакову на жалованье Государевы денежные казны *дворянам и детям боярским* Путивльцом и Черниговцом на нынешней на 134 год, а велено дать то Государево денежное жалованье против прошлого 133 года по указным, которые оклады больши 10 рублев по 10 рублев и тем по 10 рублев, а з 10 рублев на них по окладам сполна, беломестным козаком по 5 рублев человеку. А на жалованье Государевы денежные казны прислано на Путивльцов с челобитчиком с Федором Оладьиным 1891 рубль, на Черниговцов с челобитчиком Олексеем Костентиновым 994 рубля. И по Государеву, Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии указу стольник и воеводы Богдан Михайлович Нагово да Петр Микитич Бунаков, взяв ту Государеву денежную казну у челобитчиков у Федора Оладьина да у Олексея Костентинова, роздали *дворянам и детем боярским* путивльцам и черниговцам на нынешний на 134 год против прошлого 133 года по указным статьям, и в денежные роздачи велел бытии с собою окладчиком путивльцом: Сергею Григорьеву сыну Онтыкову, Федору Михайлову сыну Черепову, Мартыну Афонасьеву сыну Беззубцову, Спиридону Денисьеву сыну Яцыну, Семену Донилову сыну Вощинину, Ивану Михайлову сыну Черепову, Богдану Кудинову сыну Чудову, Василею Федорову сыну Волынцову; Черниговцом окладчиком: Олексею Иванову сыну Костентинову, Игнатею и Ивану Яковлевым детям Некрасовым, Данилу Яковлеву сыну Карпову, Левонтью Васильеву сыну Копачеву. И Государево денежное жалованье *дворяном и детем боярским* роздали по списком, каковы списки для денежные роздачи прислены в Путивль в 133 году и против черных десятен денежные роздачи 134 года. А давали Государево денежное жалованье *дворяном и детем боярским,* атаманом и козаком по спискам перед собою всем на лицо с поруками выспрашивая окладчиков».

Путивль

Выбор. Деньги из чети.

По 650 четей, 23 рублев

Левонтей Петров сын Литвинов. На Государеве службе живет – на коне в саадаке да с саблею, да человек за ним на мерине с пищалью да с саблею.

Дворовые. Деньги из чети.

По 600 четей по 23 рублев

Дмитрей Иванов сын Киреев – на коне в саадаке да с саблею да с простым конем.

По 450 четей по 12 рублев

Микифор Михайлов сын Яцын – на коне в саадаке да с саблею.

По 10 рублев

Спиридон Денисьев сын Яцын – на коне в саадаке с саблею, да человек на мерине с пищалью да с саблею.

По 400 четей по 14 рублев

Федор Дементьев сын Оладьин – на коне в саадаке с саблею.

Городовые. Деньги из чети.

По 600 четей по 12 рублев

Матвей Мартынов сын Юденков – на коне в саадаке с саблею.

По 500 четей по 14 рублев

Семен Данилов сын Вощинин – на мерине с пищалью с саблею.

По 13 рублев

Трофим Иевлев сын Борсуков.

По 8 рублев

Богдан Кудинов сын Чудов.

По 450 четей по 10 рублев

Мартын Афанасьев сын Беззубцов.
Степан Богданов сын Золотарев.

По 400 четей по 12 рублев

Самойла Иванов сын Онтыков.
Олексей Омельянов сын Некрасов.

По 14 рублев

Иван Григорьев сын Важев.

По 9 рублев

Сергей Григорьев сын Онтыков.

По 350 четей по 8 рублев

Петр Иванов сын Щекин.
Афонасий Романов сын Коровяковский.

По 6 рублев

Иван Васильев сын Яцын.

По 200 четей по 5 рублев

Григорий Степанов сын Кротов.

Деньги емлют с городом.

По 400 четей по 14 рублев

Мартын Семенов сын Юденков.
Денис Федоров сын Олешков.
Василий Васильев сын Черепов.

По 13 рублев

Иван Михайлов сын Черепов.
Василий Федоров сын Волынцов.
Михайла Данилов сын Вощинин.
Григорий Устинов сын Титов.

По 350 четей по 14 рублев

Федор Михайлов сын Колмак Черепов.
Микита Сулешов сын Булгаков.
Онисей Васильев сын Цыплятов.
Григорий Семенов сын Некрасов.
Солодил Григорьев сын Черепов.
Иван Савин сын Шечков.

По 13 рублев

Иван Петров сын Овечкин.

По 12 рублев

Василий Федоров сын Головленков.
Богдан Олексеев сын Юдин.
Семен Романов сын Ширяев.
Федор Федоров сын Литвинов.

Матвей Федоров сын Головленков.
Иван Алексеев сын Черепов.
Кондрат Богданов сын Золотарев.

По 14 рублев

Петр Михайлов сын Яцын.
Иван Игнатьев сын Белелюбской.
Яков Семенов сын Титов.

По 10 рублев

Злоба Афонасьев сын Олешков.
Иван Петров сын Стрельников.
Федор Иванов сын Онтыков.

По 300 четей по 14 рублев

Прохор Микитин сын Афонасьев.

По 600 четей по 13 рублев

Сергей Олексеев сын Онтыков.

По 12 рублев

Савелей Петров сын Литвинов.
Богдан Петров сын Стрельников.
Иван Гаврилов сын болшой Щекин.
Иван Михайлов сын Борсуков.
Борис Федоров сын Кривопишин.

По 11 рублев

Иван Сергеев сын Онтыков.
Афонасий Нассонов Кольцов.
Иван Данилов сын Литвинов.
Микита Романов сын Щепкин.
Дмитр Саввин сын Карпов.

По ** рублев

Григорий Козьмин сын Яцын.
Микита Иванов сын Бунакин.
Федор Семенов сын Горбовцев.
Юрья Васильев сын Киреев.
Герасим Иванов сын Щетинин.
Ондрей Левонтьев сын Литвинов.
Иван Михайлов сын Яцын.
Афонасий Васильев сын Черепов.

Данила Васильев сын Маслов.
Ондрюшко Дмитриев сын Бунакин.
Гораско да Федко Офонасьевы дети Онтыковы.
Федор Зенов сын Титов.
Федор Иевлев сын Гладков.
Федор Матвеев сын Трифонов.
Федор Васильев сын Волынцев.
Богдан Яковлев сын Щоголев.
Кирей Иванов сын Бунакин.

По 9 рублев

Михайла Федоров сын Онтыков.
Иван Мартынов сын Юденков.
Дмитр Григорьев сын Бунакин.
Герасим Ломакин сын Титов.
Дмитр Иванов сын Киреев.
Иван Романов сын Коровяковский.
Степан Васильев сын Афонасьев.
Семен Иванов сын Черепов.
Яков Иванов сын Олешков.
Захар Степанов сын Золотарев.
Ондрей Иванов сын Щетинин.
Козьма Зенов сын Титов.
Богдан Федоров сын Оладьин.

По 250 четей по 12 рублев

Григорий Олексеев сын Черепов.
Василий Михайлов сын Ревякин.
Левонтий Иванов сын Бунакин.
Михаил Яковлев сын Щетинин.
Самойла Васильев сын Горяинов.

По 10 рублев

Микифор Васильев сын Горяинов.
Иван Яковлев сын Черкашенинов.
Семен Моисеев сын Карпов.
Микита Иванов сын Стегнищев.
Офонасий Иванов сын Перфильев.
Богдан Федоров сын Кривопишин.
Юрья Жаденов сын Мужецкой.
Федор Игнатьев сын Щетинин.

По 9 рублев

Федор Васильев сын Киреев.
Иван Иванов сын Бунакин.
Иван Нечаев сын Чуркин.
Жаден Оврамов сын Некрасов.
Петр Гаврилов сын Щекин.
Ондрей Федоров сын Удской.

По 8 рублев

Федор Андреев сын Труфанов.
Григорий Федоров сын Гладков.
Олексей Микитин сын Митков.
Фрол Ондреев сын Некрасов.
Микифор Федоров сын Стрелников.
Гаврила Жаденов сын Митков.
Петр Данилов сын Суворов.
Михаил Иванов сын Хоряков.
Семен Богданов сын Митков.
Семен Васильев сын Золотарев.
Сергей Иванов сын Клюев.
Яков Федоров сын Удачин.
Микифор Михайлов сын Борсуков.
Богдан Савин сын Шечков.
Сила Савельев сын Камин.
Борис Семенов сын Моисеев.
Иван Игнатьев сын Саблин.
Павел Степанов сын Огрызков.
Иван Федоров сын Щетинин.
Богдан Лаврентьев сын Псарев.
Иван Фролов сын Белелюбской.
Осип Семенов сын Коровяковской.

По 7 рублев

Федор Денисов сын Стрелников.
Кирилла Ломакин сын Титов.
Данило Федоров сын Черепов.
Петр Сергеев сын Онтыков.
Моисей Васильев сын Черепов.
Григорий Семенов сын Вощинин.
Михайла Трофимов сын Борсуков.
Федор Михайлов сын Борсуков.
Иван Ломакин сын Титов.

Федор Ондреев сын Трифонов.
Иван Богданов сын Чудов.
Петр Саввин сын Щетинин.
Гаврила Федоров сын Литвинов.
Иван Федоров сын Кривопишин.
Семен Данилов сын Литвинов.
Фрол Олексеев сын Некрасов.
Микита Афонасьев сын Порфильев.
Меньшой Михайлов сын Ревякин.
Степан Богданов сын Стрельников.

По 200 четей по 13 рублев

Кондратий Петров сын Стрельников.

По 10 рублев

Неугод Богданов сын Некрасов.
Иван Игнатьев сын Щетинин.
Микита Матвеев сын Почеплянкин.

По 9 рублев

Михайла Васильев сын Головачев.

По 8 рублев

Федор Фокин сын Головин.
Лазарь Михайлов сын Титов.
Тимофей Борисов сын Некрасов.
Игнат Богданов сын Белелюбской.
Василий Федоров сын Клюев.

По 7 рублев

Олексей Романов сын Селитренинов.
Богдан Сидоров сын Молушин.
Григорий Иванов сын Дашков.
Ондрей Кудинов сын Чудов.
Григорий Федоров сын Герасимов.
Иван Матвеев сын Левин.
Семен Денисьев сын Мужецкой.
Василий Денисов сын Стрельников.
Иван большой Иванов сын Олешков.

По 6 рублев

Василий Саввин сын Карпов.
Федор Михайлов сын Забелин.

Офонасий Семенов сын Глушков.
Фома Андреев сын Носов.
Жаден Савин сын Шечков.
Иван Кирилов сын Лотышев.
Федор Степанов сын Огрызков.
Олексей Семенов сын Щетинин.
Иван Михайлов сын Репин.
Федор Михайлов сын Щоголев.
Иван Иванов сын Горяинов.
Осип Романов сын Коровяковский.
Прокофей Федоров сын Пешков.
Гришко Степанов сын Сапосонской.
Семен Иванов сын Щекин.
Семен Саввин сын Рослого.

По 150 четей по 12 рублев

Василий Жаденов сын Марков.

По 8 рублев

Семен Костентинов сын Глушков.
Юрья Жаденов сын Карпов.

По 7 рублев

Петр Богданов сын Клиненков.
Иван Яковлев сын Митков.
Кондрат Денисов сын Моногаров.
Ондрей Семенов сын Щетинин.
Юрья Яковлев сын Рослов.
Богдан Жаденов сын Мужецкой.

По 6 рублев

Илья Ондреев сын Некрасов.
Юрья Кондратьев сын Шулешкин.
Яков Кондратьев сын Шулешкин.
Кондрат Васильев сын Олешков.
Семен Васильев сын Киреев.
Василий Иванов сын Клюев.
Данила Васильев сын Толстоухов.

По 5 рублев

Игнат Андреев сын Воронин.
Степан Ильин сын Бузов.
Федор Гаврилов сын Некрасов.

Федор Федоров сын Федуринин.
Моксим да Софон Борисовы дети Некрасовы.
Юрья Федоров сын Пешков.
Богдан Семенов сын Глушков.
Олексей Оврамов сын Некрасов.
Иван Федоров сын Головин.
Онтип Пятов сын Абрамов.
Степан Олексеев сын Некрасов.
Федор Григорьев сын Воронков.

По 100 четей по 5 рублев

Федор Иванов сын Пешков.

3.

Рыльская десятня 1632 года

«Лета 7140 маиа в 20 день прислано в Рылеск Государевы Царевы и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии денежные казны ко стольнику и воеводе к князю Василию Григорьевичу Ромодановскому на жалованье Новгородка-Северского, Черниговцом и Рыляном *дворянам и детем боярским* и Новгородка-Северского поместным и кормовым и рыльским беломестным атаманом и ясаулом и казакам с челобитчики: Новгородка-Северского с Василием Волжиным 1528 рублев, на Черниговцы с Михаилом Россомаховым 704 рубля, на Рылян с Рылянином с Яковом Подпрятовым 2805 рублев; Новгородка-Северского на поместных и на кормовых, атаманом и ясаулом и казаком с атаманом с Ярофеем Поповым 653 рубля, на рыльских на беломестных казаков с атаманом с Сергеем Матохиным 494 рубля. А по Государеву указу велено стольнику и воеводе князю Василию Григорьевичу Ромодановскому Государево денежное жалованье *дворяном и детем боярским* и атаманом и казаком на нынешний на 140 год в Рылеску против Государевы указные грамоты кому оклады больши по 10 рублев и по 10 рублев и тем по 10 рублев, а из 10 рублев по окладом сполна по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, стольнику и воеводе князю Василию Григорьевичу Ромодановскому Государево денежное жалованье *дворяном и детем боярским* и атаманом и казаком против Государевы указные грамоты и против списка, каков список

прислан в Рылеск за дьячьею приписью на нынешней на 140 год всем на лицо с порукой, а в денежные раздачи по Государеву указу стольник и воевода князь Василий Григорьевич Ромодановской велел с собою бытии окладчиком Новгородка-Северского: Ивану Стромоухову, Матвею Износкову, Ивану Щоголеву, Василию Люшину, Ивану Волжину, Тимофею Булгакову, Сургашу Быкову, Тимофею Чубарову, Юрью Арсеньеву; Черниговцам: Федору Чудинову, Петру Кореневу, Афонасию Борамыкову, Богдану Ушакову, Михаиле Кожановскому; Рыляном: Федору Бойкачкарову, Булату Зеленину, Петру Суковкину, Гавриле Малееву, Федору Ширкову, Захару Копачеву, Ивану Малееву; Новгородка-Северского поместным казакам: Ярофею Попову, Василью Булатову, Василью Садыкову, Ондрею Кондратьеву; Рыльским беломестным козакам: Кондратью Титову, сидору Хромцову, Ивану Кротову, Ивану Кожевникому, а что и кому именем Государева жалованья *дворяном и детем боярским* и атаманом и козаком дано на Москве и в Рылеску, и что по окладчикове сказке за кем и с которых городов поместья и вотчины, и хто каков на Государеве службе живет конен и оружен и люден, и хто по ком в Государеве службе и в деньгах порука и то все писано в сей десятне».

Новгородок-Северской*

Выбор. Деньги из чети.

По 850 четей по 52 рублев

Иван Васильев сын Стромоухов. На Государеве службе живет на коне с вожжею с пищалью, да человек за ним на коне с вожжею с пищалью с простым конем, да два человека на конях с длинными пищальми.

По 800 четей по 40 рублев

Иван Олимпиев сын Шастов.

По 750 четей по 32 рублев

Матвей Богданов сын Износков – на коне в саадаке, да человек на мерине с вожжею с пищалью с простым конем.

По 700 четей по 35 рублев

Иван Васильев сын Щоголев – на коне в саадаке, да человек на мерине с вожжею с пищалью с простым конем.

* Служившие по Новгородку-Северскому дворяне были помещиками Рыльского уезда.

По 33 рублев

Василей Ондреев сын Люшин – на коне в саадаке, да человек на мерине с длинною пищалью.

Дворовые. Деньги из чети.

По 750 четей по 34 рублев

Иван Иванов сын Волжин – на коне в саадаке, да человек на мерине с вожжею с пищалью с простым конем, да человек на мерине с длинною пищалью.

По 600 четей по 25 рублев

Григорей Лаврентьев сын Износков – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с пищалью с простым конем.

По 24 рублев

Ондрей Богданов сын Износков – на коне с вожжею с пищалью, да два человека на меринах с пищальми с простым конем.

По 550 четей по 21 рублев

Микита Тимофеев сын Люшин – на коне с вожжею с пищалью.

По 17 рублев

Степан Волокитин сын Стромоухов – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью.

Василей Степанов сын Люшин – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью.

Тимофей Юрьев сын Чубаров – на коне в саадаке, да человек на мерине с пищалью с простым конем.

По 12 рублев

Иван Иванов сын Булгаков – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с пищалью с простым конем.

По 11 рублев

Иван Дмитриев сын Кусаков – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью.

По 500 четей по 15 рублев

Федор Матвеев сын Булгаков – на мерине в саадаке, да человек на мерине с пищалью.

По 11 рублев

Петр Алексеев сын Шишкин – на мерине в саадаке.

По 450 четей по 12 рублев

Юрья Жуков сын Арсеньев – на коне в саадаке.

По 10 рублев

Григорей Микитин сын Арсеньев – на коне с вожжею с пищалью.

Воин Васильев сын Щоголев – на коне с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью.

По 350 четей по 10 рублев

Сила Иванов сын Пересветов – на коне в саадаке, да человек на мерине с пищалью.

По 400 четей по 11 рублев

Микита Степанов сын Кульнев – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью.

Деньги с городом.

По 350 четей по 12 рублев

Иван Ондреев сын Люшин – на коне в саадаке, да человек на мерине с вожжею с пищалью с простым конем.

Олексей Дмитриев сын Стромоухов – на коне в саадаке, да человек на мерине с длинною пищалью.

Ермолай Васильев сын Дуров – на коне в саадаке, да человек на мерине с пищалью.

Василей Иванов сын Волжин – на коне в саадаке, да человек на мерине с длинною пищалью.

Елизар Федоров сын Безобразов – на мерине с вожжею с пищалью.

По 11 рублев

Воин Богданов сын Износков – на коне в саадаке, да человек на мерине с вожжею с пищалью.

По 300 четей по 10 рублев

Иван Фокин сын Щоголев – на коне с вожжею с пищалью.

Злоба Жуков сын Арсеньев – на коне в саадаке.

Федор Васильев сын Олександров – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью.

Городовые. Деньги из чети.

По 500 четей по 22 рублев

Игнатей Михайлов сын Тораканов – на коне с вожжею с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью.

По 16 рублев

Сургаш Наумов сын Быков.

По 10 рублев

Иван Тимофеев сын Чертов.

По 450 четей по 13 рублев

Иван Ортемьев сын Волков.

По 11 рублев

Василей Ильин сын Пушкарев.
Сергей Федоров сын Волков.
Меншой Тимофеев сын Волков.
Гаврила Федоров сын Кривопишин.

По 20 рублев

Сава Олексев сын Ергин.

По 400 четей по 14 рублев

Фрол Федоров сын Волков.

По 10 рублев

Михайла Федоров сын Пушкарев.

По 8 рублев

Тимофей Васильев сын Некрасов.

По 350 четей по 16 рублев

Иван Гаврилов сын Замятнин.

По 12 рублев

Воин Васильев сын Янов.
Яков Данилов сын Волжинской.

По 300 четей по 6 рублев

Семен Семенов сын Ондрюкин.

Городовые. Деньги с городом.

По 400 четей по 14 рублев

Иван Лукашов сын Яцков – на коне с пищалью.

По 13 рублев

Михайла Федоров сын Чубаров.

По 12 рублев

Петр Ерлашов сын Быков

По 350 четей по 14 рублев

Илья Максимов сын Савенков.
Тимофей Жданов сын Пушкарев.

По 13 рублев

Осип Тимофеев сын Некрасов.
Степан Васильев сын Савенков.
Лукьян Максимов сын Савенков.
Олексей Тимофеев сын Чубаров.
Иван Алексеев сын Булгаков.
Федор Костентинов сын Стремоухов.
Василей Богданов сын Арсеньев.

По 11 рублев

Филип Иванов сын Чубаров.
Гаврила Степанов сын Щоголев.
Микита Третьяков сын Стремоухов.
Федор Богданов сын Тетерин.
Иван Богданов сын Тетерин.

По 300 четей по 14 рублев

Семен Замятин сын Лакисов.
Афонасей Петров сын Машин.
Василей Васильев сын Алистархов.

По 12 рублев

Микита Семенов сын Ондрюкин.
Федор Васильев сын Петрищев.

По 10 рублев

Иван Максимов сын Савенков.
Ондрей Семенов сын Ондрюкин.
Михайла Фролов сын Волков.
Савелей Тимофеев сын Чортов.
Мартин Сургашев сын Быков.
Ондрей Иванов сын Булгаков.
Федор Прохоров сын Износков.
Яков Иванов сын Булгаков.
Дмитрей Богданов сын Тораканов.
Юрья Федоров сын Быков.
Михайла Иванов сын Аладьин.
Иван Иванов сын Чубаров.
Григорей Игнатьев сын Тораканов.

Федор Тимофеев сын Некрасов.
Иван Федоров сын Некрасов.

По 9 рублев

Герасим Истомин сын Некрасов.
Мартин Васильев сын Петрищев.

По 250 четей по 10 рублев

Семен Матвеев сын Петрищев.

По 11 рублев

Суморьян Бунаков сын Чортов.

По 10 рублев

Лукьян Богданов сын Тетерин.
Козьма Лаврентьев сын Садыков.
Меншой Михайлов сын Пушкарев.
Богдан Григорьев сын Полянской.
Онтон Гаврилов сын Замятнин.
Захарей Гаврилов сын Федюшин
Григорей Тимофеев сын Пушкарев.
Иван Данилов сын Чортов.

По 9 рублев

Карп Федоров сын Быков.
Микула Остапов сын Зубов.
Юда Васильев сын Олистрахов.
Микита Савельев сын Ергин.

По 8 рублев

Гаврила Семенов сын Андрюкин.
Юрья Тимофеев сын Некрасов.
Григорей Афонасьев сын Чортов.
Сергей Семенов сын Петрищев.
Козьма Григорьев сын Полянской.
Третьяк Волокитин сын Чортов.
Афонасей Васильев сын Савенков.
Ондрей Игнатьев сын Коровяковский.
Петр Тимофеев сын Некрасов.
Степан Григорьев сын Полянской.

По 200 четей по 8 рублев

Роман Остапов сын Зубов.

По 7 рублев

Микита Ондреев сын Лакисов.
Иван Игнатьев сын Коровяковский.
Семен Богданов сын Юкличев, в нынешнем году умре.
Иван Дементьев сын Машин.
Богдан Федоров сын Дороголевский.
Трофим Микитин сын Реутов.
Богдан Тимофеев сын Некрасов.
Прокофей Васильев сын Чортов.
Тимофей Олексеев сын Коровяковский.
Логин Дементьев сын Машин.
Лаврентей Иванов сын Волков.
Тимофей Иванов сын Волков.
Гаврило Дмитриев сын Боков.
Прокофей Петров сын Крюков.

По 150 четей по 6 рублев

Кирей Остафьев сын Корнеев.
Семен Васильев сын Пятов.
Любим Кононов сын Поляков.
Богдан Михайлов сын Реутов.
Тимофей Ильин сын Власов.
Бессон Родионов сын Дашин.

Новики 134 года, верстанья в Рыльску стольника и воеводы князя Осипа Щербатова.

Деньги с городом.

По 300 четей по 10 рублев

Семен Степанов сын Стремоухов.
Ондрей Матвеев сын Износков.
Лаврентей Васильев сын Дуров.
Омельян Дмитриев сын Стремоухов.
Григорей Иванов сын Щоголев.
Иван Исаев сын Люшин.
Иван Степанов сын Булгаков.
Филип Силин сын Пересветов.
Прохор Семенов сын Быков.
Меншой Федоров сын Булгаков.

По 300 четей по 10 рублев

Осип Кондратьев сын Мальцов.

По 250 четей по 8 рублев

Фрол Дементьев сын Костин.
Володимер Меншой сын Чортов.
Иван Васильев сын Пушкарев.
Кирил Ильин сын Волков.
Петр Юрьев сын Некрасов.
Иван Истомин сын Некрасов.

По 200 четей по 7 рублев

Василей Анциферов сын Каменев.
Михайла Терентьев сын Каменев.
Михайло Ортемьев сын Мальцев.
Овдоким Савельев сын Сухотин.
Степан Левонтьев сын Смачной.
Кунай Ефимов сын Андросов.
Мартин Иванов сын Мальцев.
Карп Васильев сын Ноздрачев.
Лукьян Иванов сын Зиновьев.
Андрей Васильев сын Мезенцов.
Иван Микифоров сын Маслов.
Яков Клеменов сын Восьянов.

По 150 четей по 6 рублев

Григорей Афонасьев сын Волобоев.
Иван Ондреев сын Ергин.
Дементей Васильев сын Ергин.
Дружина Михайлов сын Реутов.
Михайла Прокофьев сын Михайлов.
Потап Лаврентьев сын Ильин.
Изот Дмитриев сын Золотухин.
Бессон Трофимов сын Лахтионов.
Богдан Дмитриев сын Котельников.
Тимофей Лаврентьев сын Восьянов.
Семен Осипов сын Курасов.
Лукьян Афонасьев сын Алистархов.
Мишка Тимофеев сын Ядровской.

Недоросли с отцовских поместей.

По 96 чет

Ивашка да Федка да Васка Ивановы дети Арьсеньевы.

С 70 чет

Степашко Микитин сын Пушкарев.

С 196 чет

Мишко Исаев сын Люшин.

С 103 чет

Логвинко Яковлев сын Стремоухов.

С 210 чет

Федка Григорьев сын Петрищев.

И всего Государева жалованья Новгородка-Северского *дворяном и детем боярским* роздано в Рыльску 1491 рублев.

Да на Москве Государева жалованья по Новгордку-Северскому *дворяном и детям боярским* дано по указной статье сполна 97 рублев.

А за раздачею в остатке 37 рублев.

Рылеск

Дворовые. Деньги из чети.

По 700 четей по 17 рублев

Федор Костентинов сын Бойкачкарев – на коне в саадаке с пищалью, да человек на мерине с длинною пищалью с простым конем.

По 550 четей по 13 рублев

Григарей Костентинов сын Бойкачкаров – на мерине с длиною пищалью.

По 500 четей по 15 рублев

Булат Иванов сын Зеленин – на коне в саадаке, да человек на мерине с пищаль с простым конем.

Василей Костентинов сын Ширков – на мерине с пищалью.

По 13 рублев

Юрья Булатов сын Зеленин – на коне в саадаке, да человек на мерине с вожжею с пищалью с простым конем, да человек на мерине в длинной пищалью.

Деньги с городом

По 450 четей по 14 рублев
Сергей Григорьев сын Ширков.

По 400 чети по 17 рублев
Петр Григорьев сын Воропанов.

По 350 четей по 14 рублев
Юрья Жданов сын Ладыгин.

По 300 четей по 10 рублев
Гордей Булатов сын Зеленин.

Городовые. Деньги по чети.

По 550 четей по 18 рублев
Михайло Ондреев сын Викторов.

По 500 четей по 15 рублев
Захар Иванов сын Копачев.
Матвей Романов сын Киев.

По 13 рублев
Дмитрей Ондреев сын Сурдин.
Петр Степанов сын Суковкин.

По 400 четей по 8 рублев
Иван Михайлов сын Есиков.

Деньги с городом.

По 450 четей по 14 рублев
Гаврила Семенов сын Малеев.
Федор Степанов сын Ширков.
Ондрей Козмин сын Шустов.
Степан Федоров сын Бырдин.
Сергей Федоров сын Бырдин.
Иван Иванов сын болшой Миколников.
Прокоф Богданов сын Цуриков.
Кирей Михайлов сын Осмолов.

По 400 четей по 14 рублев
Матвей Матвеев сын Артюшков.
Илья Матвеев сын Коптев.

Сергей Богданов сын Осмолов.
Семен Иванов сын Машкин.
Евсей Федоров сын Сурдин.
Микифор Васильев сын Малеев.
Офонасей Григорьев сын Ортаков.

По 13 рублев

Иван да Кузьма Мокеевы дети Коптевы.
Федор Михайлов сын Деменков.
Федор Лаврентьев сын Бойкачкаров.
Василей Федоров сын Висковатов.
Богдан Григорьев сын Воропонов.
Федор Семенов сын Шапошников.

По 12 рублев

Козьма Дмитриев сын Сурдин.
Ондрей Федоров сын Сурдин.

По 14 рублев

Иван Семенов сын Малеев.
Ондрей Григорьев сын Полянской.

По 350 четей по 14 рублев

Петр Романов сын Петряев.

По 13 рублев

Олексей Михайлов сын Малеев.
Иван Петров сын Дарин.
Ортемей Васильев сын Осмолов.
Никон Иванов сын Бурков.
Игнатей Денисьев сын Толмачев.
Петр Яковлев сын Татаринов.
Григорей Осипов сын Висковатов.

По 12 рублев

Дементей Олексеев сын Тураев.
Петр Костентинов сын Ширков.
Богдан Михайлов сын Малеев.
Петр Федоров сын Ширков.
Иван Григорьев сын Ширков.
Левонтей Семенов сын Макарьев.
Дружина Жданов сын Лодыгин.
Ондрей Яковлев сын Подпрятов.

По 14 рублев

Михайла Иванов сын Ортюшков.
Иван Порфенов сын Горянской.
Семен Романов сын Моршнев.
Иван Микитин сын Петряев.
Ондрей да Богдан Михайловы дети Деменковы.
Сава Юрьев сын Тураев.
Василей Данилов сын Должиков.
Иван Иванов сын меншой Микольников.
Иван Максимов сын Маслов.

По 9 рублев

Яков Иванов сын Машкин.
Сергей Григорьев сын Трубачев.
Иван Григорьев сын большой Поповкин.
Олексей Григорьев сын Поповкин.

По 300 четей по 12 рублев

Яков Иванов сын Подпрятов.
Иван Осипов сын Висковатов.
Иван Михайлов сын Малеев.

По 14 рублев

Василей Дементьев сын Ильин.
Дмитрей Тихонов сын Бояринцев.

По 10 рублев

Григорей Петров сын Почепцов.
Олексей Попов сын Титов.
Микита Козьмин сын Шустов.
Иван Микулин сын Пешков.
Василей Данилов сын Ильин.
Любим Степанов сын Чуркин.
Степан Михайлов сын Малеев.
Федор Денисьев сын Полков.
Тимофей Васильев сын Макарьев.
Исай Карпов сын Старостин.
Тимофей Васильев сын Макарьев.
Ждан Дмитриев сын Мелехов.
Иван Григорьев сын меншой Поповкин.
Иван Федоров сын Залупин.
Ондрей Иванов сын Маслов.
Иван Петров сын Макарьев.
Иван Иванов сын Мелехов.

Василей Федоров сын Тураев.
Тимофей Иванов сын Машкин.
Григорей Иванов сын Ортюшков.
Сергей Григорьев сын Поповкин.

По 9 рублев

Сава Иванов сын Галов.
Михайла Григорьев сын Иглин.
Иван Созонов сын Старостин.
Игнатей Данилов сын Должиков.
Михайла Федоров сын Повалишин.
Петр Иванов сын Пешков.
Михайла Петров сын Макарьев.
Иван Федоров сын Толмачев.
Семен Федоров сын Злобин.
Иван Иванов сын Ломакин.
Иван Ондреев сын Яковлев.
Юрья Романов сын Петряев.
Семен Иванов сын Лузвинцев.
Григорей Петров сын Сучкин.

По 8 рублев

Иван Еремеев сын Иевлев.
Хоритон Романов сын Моршнев.
Григорей Евсеев сын Иглин.
Яков Титов сын Бобров.
Сергей Петров сын Сучкин.
Федор Федоров сын Брехов.
Микита Иванов сын Воропонов.
Милен Ларионов сын Некипелов.
Петр Борисов сын Огарков.
Сава Иванов сын Малеев.
Яков Иванов сын Осмолов.
Федор Позняков сын Миколников.
Яков Иванов сын Орлов.
Семен Костентинов сын Поречной.

По 250 четей по 3 рублев

Илья Романов сын Дерюгин.

По 9 рублев

Савва Ондреев сын Висковатой.
Тимофей Киреев сын Зворыгин.
Иван Иванов сын Буняков.
Сергей Микифоров сын Летов.
Иван Семенов сын Бояринцов.
Яков Кириллов сын Спасителев.
Иван Иванов сын Пешков.
Ортем Левонтьев сын Волков.
Офонасей Федоров сын Толмачев.
Микифор Семенов сын Бояринцов.
Василей Иванов сын Сурдин.
Иван Дмитриев сын Слепушкин.
Степан Родивонов сын Дерюгин.

По 8 рублев

Иван Окатьев сын Сомотешин.
Остафей Волокитин сын Злобин.
Михайла Григорьев сын Трубачев.
Захар Федоров сын Злобин.
Василей Иванов сын Тевякин.
Прокофей Васильев сын Русанов.
Игнат Дмитриев сын Ворванин.
Иван Козьмин сын Белевцов.
Гаврило Евсеев сын Татаринов.
Григорей Михайлов сын Деменков.
Михайла Федоров сын Должиков.
Кирей Федоров сын Дробышев.
Левонтей Богданов сын Ворванин.
Иван Афонасьев сын Макарьев.
Ондрей Данилов сын Боков.
Жеден Игнатьев сын Купцов.
Петр Левонтьев сын Ламакин.
Григорей да Олексей Ивановы дети Денисьевы.
Иван Романов сын Петряев.
Иван Евсеев сын Сурдин.
Корней Иванов сын Сурдин.
Богдан Яковлев сын Петряев.

По 7 рублев

Иван Сергеев сын Мотохин.
Михайла Игнатьев сын Пестричев.

По 200 четей по 7 рублев

Федор Ондреев сын Бояринцов.
Михайла Ломакин сын Чупахин.
Иван Якимов сын Бобров.
Михайла Лукьянов сын Ломакин.
Олексей Лукьянов сын Ворванин.
Михайла Иванов сын Сурдин.
Микифор Якимов сын Горбунов.
Иван Карпов сын Клеменков.
Павел Микитин сын Сергеев.
Федор Епифанов сын Куренинов.
Иван Ломакин сын Чупахин.
Кирей Иванов сын Картавой.
Тимофей Федоров сын Толмачев.
Дмитрей Петров сын Почепцов.
Иван Данилов сын Ильин.
Яков Окинфиев сын Серин.
Микифор Михайлов сын Сныткин.
Иван Епифанов сын Куренинов
Онтон Родивонов сын Рухлин.
Федор Яковлев сын Татаринов.
Офонасей Ондреев сын Бояринцов.
Дмитрей Данилов сын Боков.
Иван Яковлев сын Татаринов.
Федор Матвеевич Котунин.
Иван Михайлов сын Горбунов.
Иван Михайлов сын Дерюгин.
Борис Любимов сын Чуркин.
Иван Миленин сын Некипелов.
Борис Тимофеев сын Макарьев.
Борис Иванов сын Битюков.
Павел Игнатьев сын Пестричев.
Логвин Ондреев сын Чупахин.
Труфон Матвеев сын Рудкин.
Гаврила Михайлов сын Должиков.
Дорофей Михайлов сын Воропанов.
Иван Иванов сын большой Миколников.
Олексей Ондреев сын Бояринцов.
Степан Иванов сын Осмолов.
Овдокей Григорьев сын Сурдин.
Олексей Филипов сын Дробышев.

Матвей Яковлев сын Татаринов.
Василей Васильев сын Злобин.
Нелюб Иванов сын Машкин.
Дмитрей Дмитриев сын Петряев.
Захар Козмин сын Викторов.
Степан Залупин.
Герасим Дементьев сын Тураев.
Иван Ондреев сын Счасной.

По 6 рублев

Марка Фролов сын Лаговчин.
Костентин Иванов сын Шамин.

По 150 четей по 7 рублев

Тимофей Григорьев сын Чувакин.
Афонасей Сергеев сын Малахов.

По 6 рублев

Юрья Романов сын Счасной.
Богдан Марков сын Санков.
Костентин Петров сын Елянской.
Филип Васильев сын Волков.
Климен Родионов сын Рухлин.
Илья Матвеев сын Рудкин.
Лука Поликарпов сын Тураев.
Василей Клементьев сын Огарков.
Сергей Васильев сын Ковнев.
Онтон Микитин сын Враской.
Иван болшой Данилов сын Ковнев.
Дмитрей Афонасьев сын Малахов.
Михайла Афонасьев сын Малахов.
Олексей Михайлов сын Сныткин.
Сергей Михайлов сын Должиков.
Олексей Гаврилов сын Некипелов.
Иван меншой Данилов сын Ковнев.
Федор Дмитриев сын Елянской.
Михайла Михайлов сын Воропонов.
Лаврентей Андреев сын Бояринцов.
Григорей Богданов сын Аристов.
Федор Киреев сын Спасителев.
Елизар Иванов сын Мачирин.
Григорей Володимиров сын Миленьев.
Петр Данилов сын Должиков.

По 5 рублев

Ортем Левонтьев сын Зворыкин.

По 4 рублев

Мортын Петров сын Елянской.

По 100 четей по 5 рублев

Иван Федоров сын Коншин.
Василей Федоров сын Посидкин.
Василей Иванов сын Ломакин.
Семен Иванов сын Боканов.

По 7 рублев

Илья Васильев сын Ильин.

По 250 четей по 9 рублев

Микита Дмитриев сын Пестричев.
Иван Григорьев сын Коптев.

Деньги с городом

По 250 четей по 8 рублев

Василей Савельев сын Дерюгин.
Григорей Лукьянов сын Ворванин.
Иван Микифоров сын Орлов.
Василей Богданов сын Ворванин.

Служба с 138 года

По 300 четей по 3 рублев

Иван Григорьев сын Ортаков.
Федор Олексеев сын Малеев.
Василей Несмеянов сын Зеленин.
Григорей Гаврилов сын Малеев.
Иван Козыл-башев сын Толмачев.
Олексей Иванов сын Мальцев.
Иван Марков сын Лаговчин.

По 250 четей по 8 рублев

Олексей Федоров сын Поповкин.
Иван Ильин сын Коптев.
Первой Богданов сын Брехов.
Корней Афонасьев сын Машкин.
Григорей Степанов сын Саповской.
Богдан Алексеев сын Малышев.

По 200 четей по 6 рублев

Осип Микитин сын Машкин.
Дмитрей Филипов сын Орбузов.
Тимофей Овдакимов сын Каменев.
Иван болшой Федоров сын Шапошников.
Петр Афонасьев сын Бобров.
Костентин Михайлов сын Пестричев.
Тимофей Симанов сын Сорокин.
Иван Хоритонов сын Моршнев.
Иван Михайлов сын Мелехов.
Григорей да Сергей Фомины дети Моршневы.
Устин Семенов сын Муратов.
Михайла Григорьев сын Воротынцев.
Гаврила Тихонов сын Муханов.
Афонасей Яковлев сын Бобров.
Осип Федоров сын Реутов.
Богдан Сунбулов сын Малахов.
Тимофей Володимеров сын Головкин.
Евтихей Тимофеев сын Реутов.
Василей Семенов сын Тураев.
Микита Гаврилов сын Лунев.
Сава Левонтьев сын Боканов.
Родион Силин сын Полянской.
Иван Максимов сын Лохтионов.
Иван Иванов сын Лохтионов.
Семен Олферьев сын Бабакин.
Ондрей Фролов сын Лохтионов.
Петр Богданов сын Тураев.
Беляй Сергеев сын Матохин.
Евтихей Яковлев сын Серин.
Сава Максимов сын Рагулин.
Роман Григорьев сын Зорин.

По 150 четей по 6 рублев

Борис Григорьев сын Висковатов.
Гаврила Васильев сын Злобин.
Михайла Савинов сын Висковатов.
Иван Савин сын Висковатов.
Василий Игнатьев сын Малахов.
Роман Кириллов сын Бузов.
Степан Семенов сын Поречной.
Фома Федоров сын Вуколов.

Воин Иванов сын Должиков.
Яков Дмитриев сын Должиков.
Борис Димитриев сын Должиков.
Григорей Григорьев сын Евсюков.
Иван Спиридонов сын Глушков.
Микита Евсеев сын Иглин.
Афонасей Иванов сын Иглин.
Беляй Михайлов сын Горбулин.
Михайла Овдеев сын Криволапов.
Прокофей Федоров сын Шапилов.
Федор Богданов сын Тураев.
Фолимон Матвеев сын Ильин.
Левонтей Афонасьев сын Малахов.
Семен Яковлев сын Спасителев.
Лукьян Васильев сын Кудинцов.
Иван Елизаров сын Соболев.
Левонтей Микифоров сын Горбунов.
Мартин Павлов сын Русанов.
Василей Микифоров сын Зворыкин.
Яков Ортемов сын Зворыкин.
Осип Данилов сын Боков.

С 189 чет

Илюшко Семенов сын Старостин.

И обоево Государева жалованья рыляном *дворяном и детем боярским* на нынешний на 140 год дано на Москве и в Рыльску 2969 рублев и за раздачею в остатке 36 рублев.

4.

Белгородская десятня

«Лета 7154 июля в 20 день по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии и по грамоте из Розряду за приписью дьяка Григорий Ларионова стольнику и воеводе Федору Андреевичу Хилкову, белгородцом *дворяном и детям боярским полковым* велено быть к съезжей избе и пересмотря всех на лицо сказать им Государево Царево и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии денежное жалование и выбрать окладчиков к денежной раздаче и к верстанью новиков. Государево Царево

и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии денежное жалованье на нынешний на 154 год им дать по указу всем на лицо с порукою по списку, каков список прислан в Белгород с белгородцем с Зосимою Масловым за дьячьей приписью, которые белгородцы дети боярские Государеву службу служат, а Государевым жалованьем поместными и денежными оклады не верстаны и тех детей боярских примерить к прежним новичным статья. Государевым жалованьем поместными и денежными оклады поверстал и денежное жалованье дал по тому же всем поровну – по шти рублев человеку. А кому имены белгородцом *дворяном и детем боярским* полковым Государев денежное жалованье дано и хто по ком в Государеве жалованье и в службе порука, хто имена дети боярские вновь поверстаны и что кому Государева жалованья учинено поместного и денежного окладу и которые дети боярские стары и увечны и худы впредь в Государеву службу не будет и кому именем и зачем Государева денежного жалованья не дано, и то писано в сей десятне с поместными и денежными их оклады по статьям.

А у денежные раздачи и у верстанья новиков детей боярских с стольником и воеводою со князем Федором Андреевичем Хилковым были окладчики: Иван Маслов, Нефед Прохоров, Ларион Орехов, Клим Мезенцов, Иван Логвинов, Меркула Понтелеев, Фирс Филатов. А на жалованье белгородцам дворяном и детем боярским полковым Государевы Царевы и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии денежные казны прислано с белгородцем с Зосимою Масловым 2040 рублев».

Белгород

Выбор. Деньги из чети.

По 650 четей по 20 рублев

Иван Мелентьев сын Маслов, на Государевой службе будет на коне с карабином с саблею, за ним человек на коне с пищалью с простым конем.

По 450 четей по 10 рублев

Зосима Мелентьев сын Маслов, на коне с карабином с саблею, за ним человек на мерине с пистолью с простым конем.

Дворовые. Деньги из чети.

По 550 четей по 8 рублев

Потап Степанов сын Степанов, на коне с карабином с саблею.

По 400 четей по 8 рублев

Микифор Мелентьев сын Маслов, на коне с карабином с саблею.

Деньги с городом.

По 14 рублев

Кондрат Киреев сын Свищев, на коне в саадаке с саблею.

По 350 четей по 14 рублев

Нефед Прохоров сын Шарапов.

По 300 четей по 14 рублев

Иван Герасимов сын Резанцов, на коне с пищалью с саблею.

По 12 рублев

Ларион Обрамов сын Орехов, на коне в саадаке с саблею.

Городовые. Деньги с городом.

По 350 четей по 13 рублев

Михайла Онисимов сын Обрютин, на коне с карабином с саблею.

По 300 четей по 11 рублев

Меркул Иевлев сын Понтелеев, на коне с пищалью с саблею.

По 10 рублев

Самсон Игнатьев сын Игнатов.
Яков Григорьев сын Лазарев.
Понкрат Васильев сын Колпаков.

По 250 четей по 11 рублев

Ортем Федоров сын Пищулин.

По 9 рублев

Василий Федоров сын Неклюдов, на мерине с пищалью.
Семен Михайлов сын Маслов, на коне с пищалью с саблею.

По 8 рублев

Михайла Федоров сын Гостищев (*вооружение в общем, было то же*).
Дмитрей Иванов сын Жилин.
Тимофей Олферов сын Моракин.
Иван Ишков.
Дема Климов.
Роман Яковлев сын Дракин.

По 7 рублев

Сидор Михайлов сын Болтенок.

По 200 четей по 10 рублев

Григорей Меньшов сын Овсяников.

По 9 рублев

Михайла Офонасьев сын Кривцов.
Петр Яковлев сын Озеров.

По 8 рублев

Филип Онисов сын Кононов.

По 7 рублев

Овдей Иванов сын Шляхов.
Сергей Григорьев сын Кортавов (Карталов).
Михайла Афонасьев сын Рогов.
Клим Фомин сын Мезенцов.
Ефрем Ушаков сын Еремин.
Овдоким Иванов сын Трунов.
Овдей Федоров сын Левин.
Иван Федоров сын Путятин.
Петр Васильев сын Сабелников.
Павел Софонов сын Стрелников.

По 6 рублев

Офонасей Киприянов сын Маслов.
Тимофей Гаврилов сын Волобоев.
Григорей Григорьев сын Съедин.
Селиван Федоров сын Мясоедов.
Иван Офонасьев сын Логвинов.

Иван Яковлев сын Щоголев.
Роман Федоров сын Лазарев.
Ларя Игнатов сын Лукьянов.
Окинша Гаврилов сын Мусолов.
Микита Мартынов сын Беседин.
Семен Офонасьев сын Ушаков.
Оникей Офонасьев сын Шахов.
Офонасей Назаров сын Ушаков.
Петр Данилов сын Мезенцов.
Матвей Иванов сын Забусов.
Тарас Нехорошев сын Литвинов.
Олпат Сопронов сын Сысоев.
Михайла Борисов сын Губарев.
Карп Савостьянов сын Лавров.
Кузма Онофреев сын Телятников.
Филип Фролов сын Кривчиков.

По 150 четей по 7 рублев.

Иван Григорьев сын Колугин.
Фирс Омельянов сын Филатов.
Офонасей Ондреев сын Дронин.

По 6 рублев.

Федор Ортемов сын Мосалитин.
Данила Иванов сын Выродов.
Семен Иевлев сын Скалозубов.
Павел Иванов сын Гридчин.
Лавер Михайлов сын Кривцов.
Тимофей Фомин сын Бобров.
Григорей Никитин сын Переславцев.
Селиван Сидоров сын Кунев.
Сава Иванов сын Лаптев.
Иван Сафонов сын Роганин.
Павел Иванов сын Кизилов.
Василий Григорьев сын Выглозов.
Дмитрей Никитин сын Кортавов.
Илья Сидоров сын Купин.

По 5 рублев.

Федор Иванов сын Полуектов.
Овдей Томилов сын Беседин.
Федор Офонасьев сын Спицын.
Ондрей Федоров сын Левин.

Яков Иванов сын Шуваев.
Семен Кузьмин сын Конев.
Федор Офонасьев сын Дубровин.
Евсей Никитин сын Орлов.
Иван Трофимов сын Цепелин.
Минай Савостин сын Марков.
Сава Иванов сын Забусов.
Игнат Пронин сын Беседин.
Ермак Володин сын Роганин.
Кондрат Есин сын Лукьянов.
Григорей Карпов сын Медведев.
Фока Сазонов сын Беседин.
Сава Антонов сын Хрусловский.
Онтип Михайлов сын Жегулин.
Саво Донилов сын Желтухин.
Онтип Иванов сын Овдеев.
Терех Родионов сын Мотренин.
Василей Васильев сын Сабелников.
Илья Олферов сын Маслов.
Микифор Офонасьев сын Фурсов.
Дмитрей Никитин сын Страхов.
Онтип Осипов сын Бородин.
Игнат Осипов сын Левков.
Михайла Федоров сын Седой.
Епифан Докучаев сын Забусов.
Карп Васильев сын Новиков.
Семен Дмитриев сын Чеплыгин.
Микифор Меленов сын Байдиков.
Дрон Онуфриев сын Беляев.
Ермол Семенов сын Лупандин.
Филип Онисимов сын Хорланов.
Свирид Дмитриев сын Трунов.
Роман Давыдов сын Чурсин.
Яков Ананьев сын Исаев.
Григорей Сергеев сын Каменев.
Лавер Денисов сын Зотов.
Кузма Кондратьев сын Исаев.
Терех Савостьянов сын Волков.
Кондрат Давыдов сын Бородатый.
Зот Григорьев сын Долженков.
Елистрат Давыдов сын Выглазов.
Федор Ларин сын Беседин.

Тарас Никитин сын Яковлев.
Иван Петров сын Озеров.
Иван Борисов сын Немыкин.
Федор Семенов сын Зайцов.
Махайла Федоров сын Полшиков.
Семен Мотвеев сын Резанов.
Епифан Федоров сын Косинов.
Тимофей Яковлев сын Офонасьев.
Микита Васильев сын Уткин.
Дема Федоров сын Левин.
Фома Трофимов сын Мясоедов.

По 4 рублев с полтиною.

Кондрат Филипов сын Гостищев.
Прохор Федоров сын Бобровской.
Мирон Олферов сын Маслов.
Сергей Меньшов сын Шляхов.

По 130 четей по 6 рублев.

Калина Филипов сын Неронов.

По 100 четей по 6 рублев.

Исай Кондратьев сын Гостищев.
Тимофей Петров сын Озеров.

По 5 рублев.

Лука Устинов сын Демьянов.
Яким Никонов сын Безменной.
Иван Ондреев сын Ефимов.
Семен Васильев сын Кононыхин.
Иван Савелов сын Почуев.
Микифор Ефимов сын Онпилогов.
Ондрон Петров сын Головин.
Митрофан Зинов сын Кривчиков.
Устин Ондросов сын Трусихин.
Елистрат Григорьев сын Лодыгин.
Тимофей Семенов сын Озеров.
Кондрат Офонасьев сын Челпалов.

По 4 рублев с полтиною.

Милован Максимов сын Кулигин.
Григорей Степанов сын Картавцев.
Исай Думин из Белагорода сшол на Дон.

Влас Васильев сын Кизилов.
Сава Меркулов сын Лютов.
Михайла Ефимов сын Крюков.

По 4 рублев.

Исай Костентинов сын Мещеряков.
Онтон Яковлев сын Демин.
Иван Дмитриев сын Борисов.
Трофим Игнатов сын Почуев.
Михайла Ильин сын Погожев.
Васка Гурьев сын Дубровин.
Лукьян Савин сын Чернов.
Герасим Леонтьев сын Дубровин.
Исай Михайлов сын Каменев.
Семен Терентьев сын Медведев.
Селиван Степанов сын Орлов.
Семен Трофимов сын Мерзликин.
Сила Сидоров сын Мишнев.
Яков Демин сын Котов.
Яков Мортынов сын Беляев.
Федор Петров сын Губарев.
Ефрем Никифоров сын Позняков.
Петр Есипов.
Левон Степанов сын Левин.
Петр Осипов сын Бочарников.
Гаврила Осипов сын Лодыгин.
Сидор Савин сын Калугин.
Иван Иванов сын Лохтионов.
Лука Ларин сын Щербинин.
Яков Федотов сын Трунов.
Сила Киприянов сын Молчанов.
Семен Кондратьев сын Некрасов.
Ерема Федоров сын Мишнев.
Тимофей Офонасьев сын Лустин.
Обрам Борисов сын Губарев.
Родион Григорьев сын Петров.
Марка Фомин сын Мочалов.
Филип Кондратьев сын Ушаков.
Федор Максимов сын Кривчиков.
Дема Кондратьев сын Кизилов.
Федор Кононов сын Котов.
Иван Иванов сын Беседин.

Савва Васильев сын Шопин.
Офонасей Савинов сын Гапонов.
Трофим Никитин сын Биркин.

По 3 рублев.

Окинфей Денисов сын Исаев.

По 70 четей по 4 рублев.

Ларя Овдеев сын Лыков.
Григорий Иванов сын Исаев.
Федор Евтихиев сын Кураков.
Мортын Ефимов сын Марков.

По 3 рублев с полтиною.

Сергей Евстратов сын Жданов.
Понкрат Григорьев сын Долгополов.
Мотвей Исаев сын Ударов.
Игнат Плетенев.
Федор Перемышлин.
Егор Данилов сын Дураков.
Лукьян Рословцев.
Ондрей Швецов.

По 50 четей по 3 рублев.

Михайло Гуров сын Чорнов.
Степан Федоров сын Незнамов.
Понтелей Степанов сын Сизой.
Ондрей Григорьев сын Глотов.
Сидор Самойлов сын Кононыхин.
Нехорошей Яковлев сын Лукин.
Олфер Денисов сын Опросимов
Иван Власов сын Трухочев.
Проня Осипов сын Мерзликин.
Влас Жданов сын Зайцов.

По 40 четей по 3 рублев.

Фрол Евсеев сын Косого.
Олфер Стрелников.
Гаврила Злобин.

Новики 144 года.

По 200 четей по 6 рублев.

Василей Терентьев сын Аргамаков.
Ворфоломей Герасимов сын Резанцов.

Микула Федоров сын Волобоев.
Офонасий Нехорошев сын Литвинов.
Влас Иванов сын Мохонин.
Иван Карпов сын Шопин.
Гаврила Оксенов сын Лукьянов.
Василей Ондреев сын Ушаков.
Иван Русинов сын Брагин.
Иван Васильев сын Выродов.
Клемен Борисов сын Каменев.
Парамон Первого сын Лазарев.
Яков Герасимов сын Ордодин.

По 150 четей по 5 рублев.

Павел Козмин сын Волобоев.
Федот Власов сын Боброков.
Семен Ефимов сын Андреев.
Иван Софонов сын Стрелников.
Степан Абрамов сын Онохин.
Селиван Алексеев сын Мишнев.
Михайла Яковлев сын Аркатов.
Андрей Захаров сын Ишков.
Прокофей Федоров сын Почернин.
Федот Исаев сын Кобызев.
Ларя Федоров сын Бобровской.
Кузма Алексеев сын Красной.
Емельян Алексеев сын Шопин.

По 100 четей по 4 рублев.

Петр Офонасьев сын Путятин.
Степан Окиншин сын Денисов.
Филип Иванов сын Козлитин.
Елисей Савелов.
Степан Костентинов сын Корачевцов.
Никон Данилов сын Туленикоv.
Петр Бобров.
Афонасей Иванов сын Купин.
Роман Григорьев сын Шерапов.
Иван Тимофеев сын Озеров.
Алексей Ларин сын Петров.
Купря Филипов сын Шахов.
Кузма Погожев.
Григорей Седой.
Иван Травнин.

Новики верстанья стольника и воеводы
князя Федора Ондреевича Хилкова.

154 года.

Оклады им учинены по допросу окладчиков и примеря к прежним новичным статьям, и верстаны служилые новики:

По 40 четей по 10 рублев.

Данила Сидоров сын Маслов.

По 250 четей по 8 рублев.

Герасим Лаврентьев сын Жилин.
Нефед Клеменов сын Мезенцов.
Федот Акинфиев сын Свищев.
Моксим Онтипов сын Беседин.
Костентин Федоров сын Москвитин.
Степан Федоров сын Шиловской.

По 200 четей по 7 рублев.

Костентин Алексеев сын Ортемной.

По 6 рублев.

Степан Меркулов сын Маслов.
Кондрат Фомин сын Неронов.
Сысой Петров сын Енин.
Елисей Григорьев сын Губарев.
Мирон Ондреев сын Телятников.
Клим Онтипов сын Свищов.
Василей Иванов сын Мещеряков.
Елисей Трофимов сын Цепелин.

По 150 четей по 5 рублев.

Яким Алексеев сын Краснов.
Иван Михайлов сын Махонин.
Иван Савостьянов сын Волков.
Петр Тихонов сын Белоусов.
Дема Романов.
Иван Офонасьев сын Ишков.
Григорей Григорьев сын Уколов.
Сава Петров сын Уколов.
Сава Петров сын Головин.
Василей Литвинов.
Микита Офонасьев сын Беседин.
Иван Григорьев сын Долженков.
Михайла Макаров сын Васин.
Ондрей Иванов сын Съедин.

По 100 четей по 4 рублев.

Павел Полуехтов.
Ерофей Дронов сын Беляев.
Василей Григорьев сын Фурсов.
Иван Яковлев сын Дерлин.
Офонасей Степанов сын Доманин.
Влас Лодыгин.
Яков Исаев сын Ворожеев.
Тимофей Миронов сын Ивков.
Ларя Богданов сын Лаптев.
Кирей Савелов сын Колугин.
Тимофей Сопотов.
Иван Давыдов сын Чернов.
Иван Карей.
Яков Сонин.
Григорей Исаев сын Карталов.

Дети боярские полковые в списку, каков список прислан из Москвы за дьячью приписью, прописаны, а иные служили Государеву станичную службу и от станичные службы отставлены, а служат Государеву полковую службу прописные и отставленные станичники с полковыми детьми боярскими вряд. Государево денежное жалованье на нынешней на 154 год дано им по шти рублей человеку:

По 300 четей по 10 рублев.

Василей Ондреев сын Тонкой (Тонков).

По 9 рублев.

Кузма Иванов сын Жилодилов.

По 250 четей по 8 рублев.

Демид Насонов сын Шеховцов.
Зот Семенов сын Дуников.

По 200 четей по 8 рублев.

Тимофей Сергеев сын Петров.

По 7 рублев.

Сидор Афонасьев сын Красников.
Яков Петров сын Гарманов.
Павел Кузмин сын Некрасов.

По 6 рублев.

Сергей Киреев сын Свищов.

Ондрей Лупандин.
Федор Анофреев сын Угримов.
Епифан Софонов сын Головин.
Анис Кузмин сын Чмутов.
Лукьян Михайлов сын Золотарев.
Епифан Исаев сын Толстой.
Антифей Шляхов.

По 150 четей по 6 рублев.

Иван Яковлев сын Санин.

По 5 рублев.

Кондрат Иванов сын Трунов.
Иван Васильев сын Рожков.

По 100 четей по 5 рублев.

Сергей Иванов сын Шеховцов.
Иван Фролов сын Ястребов.
Захар Савин сын Гапонов.

Новики дети боярские Государевым жалованьем поместными и денежными окладами поверстаны, а Государевых денег жалованья им не дано, потому что денежной роздачи денег не достало.

По 200 четей по 6 рублев.

Архип Захаров сын Гвоздев.

По 150 четей по 5 рублев.

Офонасей Кудинов.
Ондрей Гридчин.
Петр Мотренин.
Игнат Оксенов.

По 100 четей по 4 рублев.

Роман Прохоров сын Шеметов.

Дети боярские сошли на Дон, а Государева жалованья им не дано:
Иван Филатов.
Михайла Левков.
Родион Белой.
Василей Почернин увечен, з Государеву службу не будет.

И всего белгородцом *дворяном и детем боярским* полковым старым и новиком 340 человеком, Государева жалованья роздано 2040 рублев.

5.

Оскольская десятня 1647-1649 гг.

«Лета 7157 Апреля 1 день по Государеву, Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, воевода Федор Иванович Ловчиков да подьячей Михайла Усков давали Государево, Царево и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии денежное жалованье на Осколе Оскольским станичником головам, атаманом, ездокам и вожем на нынешний на 157 год оклады их вполы головам по 5 рублев, атаманом по 4 рубли, ездокам и вожем по 3 рубли человеку, все на лицо с порукою, что им Государева Царева и Великого Князя всеа Русии служба служити, в станицы ездить до урочищ и сакм тотарских переезжать, и вестей про татар и про всяких воинских людей проведывать подлинно, а из станиц на отведки приезжати с прямыми вестеми, а для станичной службы держати им по два коня, или х коню по мерину по доброму, а ездити станичником по прежнему Государеву указу с Благовещеньева дни или ранее и во все лето и в осень до болших снегов в Яблоново по 25 человек, переменяясь по две недели, а из Яблонова ездить станичники к Волчьим водам к Малиновому простенку по 5 человек, а переезжая Изюмскую сакму повыше Белгородских станичников, а проезду из Яблонова к Волчьим водам и до Малинового пристенка о дву конь наскоро полтора дни, а назад тож, а что кому Государева, Царева и Великого Князя Алексей Михайловича всеа Русии денежного жалованья Оскольским станичником для станичные службы на нынешней на 157 год дано и хто по ком в Государеве денежном жалованье и с службе порука, и хто в станичную службу вновь взят и на нем стоит, писано в сей десятне подлинно, на жалование оскольским станичником: головам, и атаманом, и ездокам, и вожем Государевы денежные казны прислано на Осколе с подьячим Михайлою Усковым 330 рублев».

Старый Оскол

1-я станица.

По 150 четей по 5 рублев.

Голова Данила Григорьев сын Моклаков.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Гаврила Петров сын Захаров.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Денис Кочетов, Козьма Акинин, Михайла Бокланов, Потап Анников, Василей Лихачев.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Василей Серой, Иван Черников.

2-я станица.

По 100 четей по 6 рублев.

Голова Исай Иванов сын Звегинцов.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Ждан Панин.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Осип Зунин, Игнат Быков, Лазарь Чесноков, Агей Щетинин, Козьма Гурищев, Аким Ильин.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Олексей Тифкин, Обакум Бушмин.

3-я станица.

По 100 четей по 5 рублев.

Голова Мирон Ондреев сын Кондауров.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Ерофей Шакин.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Иев Черников, Исай Полежаев, Семен Молодов, Марка Быков, Семен Топаров.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Борис Воронов, Первой Образцов.

4-я станица.

По 200 четей по 6 рублев.

Голова Кондратей Семенов сын Руднев.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Порфил Брянчанин.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Сава Величков, Кирей Пузиков, Григорей Михалищев, Ананья Халинов, Поромон Пузиков, Ждан Гусев.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Микифор Нелюпин, Аким Савин.

5-я станица.

По 200 четей по 8 рублев.

Голова Григорей Сидоров сын Рощупкин.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Исай Коробьин.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Козьма Грядов, Микифор Лысой, Богдан Панин, Фома Толмачев, Григорей Кононов, Викула Белобратов.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Юрья да Фолимон Золотые.

6-я станица.

По 300 четей по 9 рублев.

Голова Осей Обрамов сын Рощупкин.

По 100 четей по **Е** рублев.

Атаман Сысой Григорьев сын Рощупкин.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Гаврила Щапов, Перфил Дятлов, Иван Панов, Прокофей Сонников, Иван Захаров, Овтомон Померников.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Савелей Рощупкин, Левонтей Татаренков.

7-я станица.

По 100 четей по 5 рублев.

Голова Иев Варламов сын Башкотов.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Денис Хортобин.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Фатей Кошкарев, Наум Стрелников, Павел Чернов, Насон Василикин, Макар Улюкин, Терех Гридин.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Нестер Ложкин, Фома Семыкин.

8-я станица.

По 150 четей по 6 рублев.

Голова Алфер Терентьев сын Лукьянов.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Родивон Устинов.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Ондрос Бурцов, Ондрей Бурцев, Устин Юрьев, Самсон Желтков, Петр Несошлов.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Осип Тотаров.

9-я станица.

По 400 четей по 4 рублев.

Голова Мина Костентинов сын Сомин.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Семен Горяинов.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Улан Лихачев, Олексей Копычев, Клим Быков, Терех Наумов, Прокофей Ильин, Мелешка Дятлов.

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Степан Нелюпин, Дмитрей Микулин.

10-я станица.

По 150 четей по 5 рублев.

Голова Севастьян Тимофеев сын Мижуев.

По 100 четей по 4 рублев.

Атаман Порфен Вендин.

По 60 четей по 6 рублев.

Ездоки: Иван Серой, Селиван Захаров, Володимер Левин, Федор Ондронов, Петр Дехтерев, Иван Дехтерев..

По 50 четей по 6 рублев.

Вожи: Назар Гончар, Василей Зонин.

И всего по Осколу станичных голов *детей боярских* 10 че-

ловек, атаманов 10 человек, ездоков и вожей 77 человек. Государева жалованья дано им по указным статьям головам по 5 рублев, атаманом по 4 рубля, ездокам и вожем по 3 рубля. И всего оскольским станичным головам и атаманом и ездоком и вожем 97 человеком дано Государево жалованье на нынешний на 157 год 321 рублев.

6.

Обоянская десятня 1650-1651 гг.

«Лета 7159 февраля в день по Государеву Цареву и Великого Князя всеа Русии Алексея Михайловича указу и по грамоте за приписью дьяка Григория Ларионова, воевода Осип Степанович Арсеньев да подьячий Яков Чертенков роздали Государево Царево и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии денежное жалованье Обоянцем детем боярским, и казаком конным, и стрельцом пешим и пушкарем на нынешней на 159 год, детем боярским и конным козаком по 5 рублев, пешим стрельцом и пушкарем по 3 рубля на лицо с порукою, что им тем Государевым жалованьем на Обоянском на вечное житие строитца и указные свои земли пахати и хлеб сеяти, и с Обоянского не съезжати и никаким воровством не воровати и Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Русии службу служити и от Татарския войны и от всяких воинских людей Государевы украйны оберегати, а для службы детем боярским и казаком конным держати у себя лошади и ружье доброе, а что кому дано Государева жалованья в Обоянском детем боярским и казаком конным и стрельцом и пушкарем, и хто по ком в Государеве денежном жалованье и в службе порука и имяны детей боярских и казаков конных у смотру объявилось на конех и на меринех, и пеших стрельцов, и всяким хто боем и что у кого дети и братья и племянники мужеска пола и коликих лет, которые детей и которые людей у денежные роздачи не объявилось и кому именем детем боярским и прописным сведенцом и нововерстанным Государево жалованье и кому именем и за кем Государево жалованье не дано, и что за роздачею денег осталось, писано в сей десятне имянно под их имяны: на жалованье прислано с Москвы Обоянцем детем боярским, и казаком, и стрельцом, и пушкарем

из Розряднаго приказу с подьячим Яковом Чертенковым 2732 рубля».

Обоянь

Дворовые. Деньги в городом.

По 400 четей, по 6 рублев.

Федор Лаврентьев сын Афонасьев, на Государеве службе живет на коне в саадаке с саблею.

Добрыня Лаврентьев сын Афонасьев, – на коне в саадаке с саблею.

По 350 четей, по 12 рублев.

Филат Насонов сын Мелехов, – на мерине с пищалью и саблею.

По 250 четей, по 50 рублев.

Моисей Осипов сын Мелехов, – на коне с карабином с саблею.

Городовые. Деньги с городом.

По 350 четей, по 12 рублев.

Ермолай Ондреев сын Быканов, – на мерине с пищалью с саблею.

По 300 четей, по 10 рублев.

Микита Козьмин сын Афонасьев, – на мерине с пищалью с саблею.

Лука Потапов сын Онахин, – на коне с карабином с саблею.

Ерофей Иванов сын Горяинов (вооружение, в общем, было то же).

Иван Романов сын Заборов.

Олексей Иванов сын Горяинов.

Степан Петров сын Афонасьев.

Василей Михайлов сын Горяинов.

Михайло Хорламов сын Звегинцов.

Ларивон Игнатьев сын Переверзев.

Еустрат Кондратьев сын Белов.

Милентей Иванов сын Овдокимов.

По 250 четей, по 8 рублев.

Игнат Степанов сын Пашин.

Петр Яковлев сын Бушмин.

Савелей Евтифеев сын Жеронкин.

Григорей Иванов сын Наумов.
Архип Селиверстов сын Наумов.
Сидор Вавилов сын Мезенцов.
Офонасей Дмитриев сын Глушков.
Захарко Петров сын Ламанов.
Куземко Петров сын Позняков.
Лохтион Семенов сын Нечаев.
Иван Киприянов сын Семенехин.
Яков Иванов сын Ермолов.
Афонасей Осеев сын Кормапской.
Василей Фомин сын Должиков.
Захар Сидоров сын Лохтионов.
Минай Иванов сын Розинков.
Василей Тимофеев сын Зиборов.
Онисим Федоров сын Кононов.
Богдан Иванов сын Чупахин.
Григорей Гаврилов сын Лунев.
Елизар Иванов сын Конорев.
Костентинко Данилов сын Озлеев.
Василей Степанов сын Мерцалов.
Воин Семенов сын Митрофанов.
Обрам Яковлев сын Чурилов.
Селиверст Сергеев сын Захарков.
Епифан Харитонов сын Звегинцов.
Ортем Иванов сын Пашков.
Мартин Лаврентьев сын Горяинов.
Степан Костянтинов сын Кирсанов.
Лаврентей Терентьев сын Гранкин.
Григорей Федоров сын Шетохин.
Максим Давыдов сын Полянской.
Степан Сергеев сын Кононов.
Тимофей Иванов сын Шмараев.
Григорей Васильев сын Воронков.
Жданко Терентьев сын Сысоев.
Петр Тарасов сын Воробьев.
Микифор Васильев сын Гнездилов.
Федор Иванов сын Нарыков.
Дементей Ондреев сын Мухин.
Лукьян Прокофьев сын Гридасов.
Ондрей Дмитриев сын Ванин.
Гаврило Сидоров сын Ивонин.
Офонасей Микулин сын Савенов.

Григорей Ортемов сын Конев.
Григорей Михайлов сын Комов.
Дмитрий Мелентьев сын Еремин.
Федор Иванов сын Левков.
Мелентей Олексеев сын Картамышев.
Олексей Иванов сын Макаров.
Нестор Васильев сын Гневушев.
Огафон Нестеров сын Боев.

По 200 четей, по 6 рублев.

Григорей Федоров сын Афонасьев.
Федор Васильев сын Кононов.
Гаврила Семенов сын Тарасов.
Нефед Семенов сын Угримов.
Дмитрей Иванов сын Басов.
Овдоким Иванов сын Должонков.
Иван Козьмин сын Боев.
Тарас Семенов сын Софонов.
Остап Кондратьев сын Демин.
Степан Григорьев сын Енин.
Яков Иванов сын Шевляков.
Иван Савельев сын Богатырев.
Иван Матвеев сын Мальцев.
Филат Семенов сын Хорланов.
Климент Богданов сын Доренской.
Микифор Олферьев сын Баздырев.
Никон Азаров сын Сергеев.
Микула Самойлов сын Озеров.
Иван Ондреев сын Ченцов.
Тарас Иванов сын Шетохин.
Дементей Иванов сын Озеров.
Иван Тимофеев сын Шавердин.
Иван Васильев сын Юдин.
Василей Карнеев сын Некрасов.
Григорей Федоров сын Мезенцов.
Микита Минаев сын Зиборов.
Иван Иванов сын Воробьев.
Василей Голоктионов сын Должонков.
Михайла Дмитриев сын Бабенков.
Данила Клеменов сын Тимофеев.
Максим Мартынов сын Равцов.
Федор Офремов сын Пыхтин.

Михаил Первого сын Казначеев.
Петрушка Григорьев сын Дмитров.
Оким Яковлев сын Мотонов.
Порамон Иванов сын Пашин.
Олимпей Семенов сын Софонов.

По 170 четей.

Ларка Сафонов сын Малыхин.

По 150 четей, по 5 рублев.

Еремка Михайлов сын Сергеев за старостью и за увечьем от службы отставлен, в его место взят, по челобитью всего города и по заручной челобитной, племянник его родной Омелка Левонтьев сын Сергеев, а город Обоянск делал и всякия Государевы службы за Еремку Сергеева его племянник Омелка Сергеев, а на службе Омелка Сергеев на мерине с пищалью с рогатиной, а дядя его Еремка Сергеев дал на поруки с записью жить в Обоянску с племянником своим вместе; Государева жалованья дано ему Омелку Сергееву 5 рублев.

Овдей Иванов сын Зиновьев.
Посник Олфимов сын Игин.
Потап Иванов сын Волобоев.
Максим Умнов сын Молыгин.
Лаврентей Костентинов сын Бушмин.
Киприян Понкратов сын Сидоров.
Карпик Еремин сын Лыков.
Филимон Петров сын Родионов.
Давыд Иванов сын Есков.
Микифор Захаров сын Огафонов.
Козма Истомин сын Мацнев.
Моисей Семенов сын Сухочев.
Василей Ортемов сын Конорев.
Игнат Дмитриев сын Гнездилов.
Тимофей Ондреев сын Криволапов.
Микифор Поликарпов сын Пашков.
Демьян Семенов сын Лунев.
Максим Иванов сын Сергеев.
Федор Дмитриев сын Захарин.
Микита Лукьянов сын Михалевской.
Ермолай Игнатьев сын Есков.
Гаврила Захаров сын Сергеев.
Федор Кондратьев сын Якшин.
Антон Еремеев сын Косинов.

Влас Иванов сын Золотухин.
Ероф Кирилов сын Кононов.
Иван Иванов сын Чурсин.
Логвин Фомин сын Коптев.
Агафей Григорьев сын Кичигин.
Сергей Григорьев сын Анпилогов.
Коземко Прокофьев сын Лобцов.
Микита Федоров сын Турубаров.
Сава Васильев сын Обрамов.
Павел Терентьев сын Золотухин.
Никон Онтонов сын Филипской.
Филип Олфимов сын Тарасов.
Григорей Степанов сын Лунев.
Василий Ортемов сын Кутафин.
Исай Микитин сын Ерин.
Ефим Иванов сын Ванин.
Софрон Степанов сын Олексеев.
Григорей Митрофанов сын Захарин.
Федка Федоров сын Иванов.
Остафей Тимофеев сын Поветкин.
Осип Дмитриев сын Ивакин.
Софрон Яковлев сын Шетохин.
Кондрат Григорьев сын Басов.
Ортем Олимпиев сын Михайлов.
Григорей Евстратов сын Шахов.
Иван Данилов сын Понарин.
Иван Григорьев сын Бунаев.
Васка Иванов сын Голохтионов.
Яков Иванов сын Жиров.
Ондрей Ондреев сын Евсюков.
Федор Тимофеев сын Реутов.
Дивей Степанов сын Офремов.
Давид Ондреев сын Верещагин.
Иван Елистратов сын Куракин.
Евтифко Иевлев сын Котов.
Ивашко Гаврилов сын Акимов.
Потап Огафонов сын Павлов.
Тимофей Харитонов сын Тимофеев.
Петрушка Моисеев сын Михайлов.
Микита Иванов сын Долгой.
Степан Казьмин сын Дмитриев.
Прохорко Мартынов сын Рудцкой.

Петр Ананьев сын Красников.
Михайла Герасимов сын Моисеев.
Порамон Офонасьев сын Дериглазов.
Олексей Минаев сын Пенков.
Арис Мелентьев сын Сидоров.
Козьма Дмитриев сын Микулин.
Микита Карпов сын Локтионов.
Сидор Исаев сын Халин.
Костя Ильин сын Филатов.
Федор Дронов сын Михайлов.
Федор Костентинов сын Савинов.
Данила Степанов сын Есков.
Омелка Иванов сын Поспелов.
Иван Лукьянов сын Разинков.
Офонасей Архипов сын Колугин.
Григорей Савин сын Белов.
Григорей Микифоров сын Гринев.
Семен Афонасьев сын Умрихин.
Семен Ефимов сын Микитин.
Ортем Сысоев сын Волобоев.
Федор Дмитриев сын Малухин.
Денис Захаров сын Омелин.
Сава Козмин сын Горбатов.
Фома Козьмин сын Гридин.
Василей Иванов сын Жаденов.
Безчастной Меньшого сын Павлов.
Минай Еремеев сын Разинков.
Павел Сысоев сын Петров.
Алексей Григорьев сын Мелеков.
Лука Козьмин сын Волобоев.
Офонасей Олексеев сын Микулин.
Наум Захаров сын Лукьянчиков.
Понкрат Богданов сын Рындин.
Понкрат Дмитриев сын Умеренков.
Офонасей Микитин сын Шепелев.
Василей Сидоров сын Овсянников.
Нечай Мокеев сын Мухортов.
Василей Иванов сын Моисеев.
Лукьян Киреев сын Яковлев.
Богдан Семенов сын Шипилов.
Ондрей Захаров сын Рындин.
Данила Петров сын Лунин.

Ефим Иванов сын Лукин.
Ерофей Яковлев сын Картомышев.
Кондрат Иванов сын Озаров.
Осей Семенов сын Лукин.
Кондрат Герасимов сын Родионов.
Сидор Трофимов сын Щуров.
Гаврила Ларивонов сын Ларюков.
Архип Марков сын Богатырев.
Осип Васильев сын Богатырев.
Архип Марков сын Переверзев.
Петр Семенов сын Савостьянов.
Григорей Гаврилов сын Волков.
Петр Ларионов сын Горбатов.
Василей Захаров сын Порахин.
Михаил Сергеев сын Исаков.
Томил Мартынов сын Ходыревской.
Сава Козмин сын Сухорев.
Богдан Иванов сын Семендяев.
Сергей Курбатов сын Переверзев.
Филка Иванов сын Дутов.
Мокей Мартынов сын Ходыревской.
Овдей Офонасьев сын Переверзев.
Семен Васильев сын Лунев.
Василей Парфенов сын Овсянников.
Ондрей Еремеев сын Чурилов.
Гаврилко Потапов сын Ефанов.
Филат Лаврентьев сын Богатырев.
Молофей Карпов сын Труфанов.
Филимон Савельев сын Кренев.
Иван Елизаров сын Росляков.
Семен Иевлев сын Важов.
Тимофей Семенов сын Струков.
Дмитрий Яковлев сын Булгаков.
Иван Степанов сын Гнездилов.
Григорей Иванов сын Долженков.
Гаврила Иванов сын Долженков.
Ондрон Лаврентьев сын Осеев.
Василий Ильин сын Дорохов.
Филип Васильев сын Звегинцев.
Олешка Анисов сын Быканов.
Сава Федоров сын Филатов.
Дементей Степанов сын Озеров.

Илюшка Голохтионов сын Лихачев.
Максим Трофимов сын Зорин.
Микита Трофимов сын Зорин.
Ондрей Петров сын Петров.
Ондрей Федоров сын Долженков.
Савин Тимофеев сын Зорин.
Костентин Федоров сын Пронской.
Яков Федоров сын Петров.
Василей Иванов сын Комов.
Яким Кузьмин сын Лукин.
Калинка Иванов сын Чунихин.

120 четей.

Дмитрей Федоров сын Голопятов.

По 100 четей, по 4 рублев.

Михаил Ондреев сын Долженков.
Иван Гаврилов сын Лунев.
Савелей Фирсов сын Брежнев.
Сидор Петров сын Дураков.
Бориско Иванов сын Самофалов.
Тереха Яковлев сын Гомолин.
Кондратей Прокофьев сын Щитов.
Овдоким Оксенов сын Самарин.
Тимофей Семенов сын Проскурин.
Васька Васильев сын Молютин.
Филип Ондреев сын Селяков.
Архип Ефимов сын Умрихин.
Нехорошей Ефимов сын Микитин.
Афонасей Селиверстов сын Мозолевской.
Иван Асонов сын Лобынцев (умре).
Иван Исаев сын Лунев.
Петр Васильев сын Лукьянчиков.
Аким Михайлов сын Фоустов.
Лазарь Прокофьев сын Тутов.
Сергей Ефимов сын Павлов.
Кондрат Матвеев сын Бунаков.
Петр Макаров сын Заборов.
Ондрей Васильев сын Озеров.
Тимофей Иванов сын Кромской.
Василей Моисеев сын Гутенев.
Федор Иванов сын Чернышев.

Кондрат Козьмин сын Медненкин.
Федка Микифоров сын Силин.
Ермолай Микифоров сын Колугин.
Тимофей Козьмин сын Звегинцев.
Михаил Ондреев сын Есменской.
Агей Амосов сын Ванин.
Степан Федоров сын Березуской.
Василей Сидоров сын Корелой.
Савостьян Иванов сын Беляев.
Иван Прокопов сын Гридин.
Павел Васильев сын Долженок.
Иван Прокофьев сын Гридин.
Федор Мелентьев сын Кудинов.
Гур Семенов сын Белозеров.
Матвей Петров сын Захаров.
Прокофей Гаврилов сын Рындин.
Давид Афонасьев сын Белой.
Алексей Васильев сын Зябкин.
Поликарп Степанов сын Лукьянчиков.
Ефрем Ильин сын Четкин.
Иван Осеев сын Боев.
Григорей Степанов сын Шеховцов.
Лаврентей Микитин сын Нетесов.
Семен Ондреев сын Михнев.
Микита Калинин сын Бобраков.
Иван Данилов сын Переверзев.
Яков Иванов сын Зибаров.
Евтифей Нестеров сын Мальцев.
Никон Мартинов сын Дубцов.
Фрол Тимофеев сын Болотов.
Левон Иванов сын Остапов.
Терех Васильев сын Бобраков.
Василей Ларивонов сын Лунин.
Кирюшка Иванов сын Шехавцов.
Фатей Михайлов сын Костин.
Олимпей Тимофеев сын Обакумов.
Ондрей Мокеев сын Кортамышев.
Данило Федоров сын Чиркин.
Клемент Иванов сын Криволапов.
Козьма Григорьев сын Щербинин.
Курнай Онтонов сын Серой.
Остап Козьмин сын Сорочаев.

Иван Григорьев сын Микулин.
Михайла Фатеев сын Боев.
Ивашка Тимофеев сын Машнин.
Евсей Евсеев сын Непочатой.
Свирид Дорофеев сын Овсянников.
Ондрей Михайлов сын Волобоев.
Федор Григорьев сын Коптев.
Еустрат Дорофеев сын Казаков.
Костя Захаров сын Чмутов.
Григорей Семенов сын Корнилов.
Ларя Иванов сын Собакин.
Лев Казьмин сын Корнилов.
Яков Васильев сын Тимофеев.
Михайла Фомин сын Лютов.
Осип Софонов сын Костентинов.
Козма Кондратьев сын Болотов.
Терентей Семенов сын Корнилов.
Микита Иванов сын Полянской.
Ермолай Григорьев сын Лунев.
Исай Тимофеев сын Рышков.

3 рублев с полтиною.

Родя Федоров сын Ламанов.

По 80 четей, по 3 рублев.

Селиванко Иванов сын Комов.
Сава Прокофьев сын Ковешников.

По 70 четей, по 3 рублев.

Минка Фотеев сын Косторной.
Ондрей Дмитриев сын Аспидов.
Фомка Микитин сын Казаков.
Мартин Кондратьев сын Анненков.

По 50 четей, по 2 рублев.

Сенка Тарасов сын Дурнев.
Куприк Григорьев сын Коптев.
Ерема Селиверстов сын Шетохин.

Всего детем боярским против Московского списка Государева жалованья дано по 5 рублев итого 2 400 20 рублев.

Жалованные грамоты

1. Царя и Великого Князя Михаила Федоровича

Предку Курских дворян Арандт – Арандту Арандтовичу.

Божьею милостью Мы Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея России Самодержец пожаловали Мы служилого немчина Арандта Арандтовича за его к Нам и ко всему Московскому государству прямую службу, как в 1626 году пришел под наше Государство, под царствующий град Москву, литовского короля Сигизмундов сын Владислав и нынешнем во 1627 году стоял под Москвою со многими польскими и литовскими и с немецкими людьми и черкасами и Московское Государство всякими умыслами и прелестью прельщал и жестоким приступом приступал и хотел Московское Государство взятьи разорить, да упованья и царствия Божья отвернути и святую нашу истинную непорочную православную христианскую веру попрать и учинити свою проклятую еретическую латынскую веру, а наше крестное целованье, с Нами Великим Государем Царем и Великим Князем Михаилом Федоровичем всея России на Москве в осаде сидел, и за Нас Великого Государя против Королевича Владислава и польских, и литовских, и немецких людей, и черкас стоял крепко и мужественно, и на боях и на приступах бился нещадя головы своей, и ни на какия королевские прелести не прельстился и многую свою службу и правду к Нам и ко всему Московскому государству

показал, и будучи в осаде во всем оскуденный и нужду терпел. И королевич Владислав и гетман Хоткевич и все паны рада польского и литовского и немецкия люди и слыша Наших людей и за православную христианскую веру и за Нас Великого Государя крепкостоятельство и твердость бояр наших и воевод, которые были на Москве и которые Москвы из осады посланы были, и . . . . видя над собой промысл и крепкостоятельство учинил с бояры Нашими и со всею землею Московского государства перемирье, из государства нашего и из земли королевич и гетман со всеми польскими и литовскими и немецкими людьми и черкасы вышел вон в Литву и Польшу и которые были города поотымал, Нам Великому Государю отдал. И то сделалось Божьею милостью и Пресвятой Богородицы помощью и заступлениями великих московских чудотворцев и отца нашего святейшего патриарха Филарета Никитича и всея России, матери нашей Великой старицы Марфы Иоанновны молитвами и нашим царским счастием и бояр наших и воевод и всяких чинов людей и Нам прямую службу и радением и твердостью. И за те службы Мы Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея России Самодержец пожаловали его Арандта с поместного его окладу с семисот четвертей – со ста четвертей по двадцати четвертей – итого 140 четвертей в Рязанском уезде в Перевицком стану его же поместье деревнею Вельяминовой – Стара-Чаплыгино то ж – на реке Кокове река в вотчину со всеми угодьями, а по даче и по оделенным книгам Тимофея Павлова 1624 году его поместье в деревне Вельяминове написано пашни 120 четвертей и не дошло ему в вотчину по Нашему указу 20 четвертей, а Нашу вотчину велели мы . . . . дать ему Арандту Нашу царскую жалованную грамоту за нашей Государевой красной печатью и по Нашему царскому жалованью в той вотчине он Арандт и его дети и внучата и правнучата вольны и вольно ему и его детям, и внучатам, и правнучатам ту вотчину продать, и заложить, и в приданные дать, и в монастырь по душе до выкупа дать. А кто будет рода его тое вотчину из монастыря похочет выкупить, и ему та вотчина выкупать ценой по нашему Государскому указу против дач сколько в ней дачи четвертые пашни написано, отдать за четверть по полтине. А будет продаст в чужой род, захочет тое вотчину выкупить, и ему выкупать по прежнему нашему уложению, как их родовые и купленные вотчины выкупают. А буде у него роду не останется, а выкупать не похотят, и та вотчина из монастыря взять на Нас, а деньги в монастырь, да за нее из Нашей Государевой казны по той же цене по полтине за четверть. А в монастыре та вотчина по прежнему Нашему уложению не крепка. А только у него

роду не останется, а останется одна жена, и жене той вотчиной владеть по свой живот, а после своего живота та вотчина для мужа своего и своего поминанья отдать в монастырь до выкупа, а из монастыря та вотчина взять на Нас и дать за нее из Нашей Царской казны деньги по полтине за четверть. А будет после его жена его учнет сидеть вдовой или пострижется, и ей та вотчина вольно продать и заложить; а будет жена его останется бездетна, а вдовством сидети и постригаться не похочет, а пойдет замуж, и та вотчина взять на Нас в поместные земли, а мужа ея по душе за ту вотчину дать из Нашей казны деньги против того, как из монастыря указано выкупать, а жениха ее пожалуем из той вотчины в поместье по своему Царскому рассмотрению, что доведется.

Писано Нашего царства в царствующем граде Москве лета 1627 году Июля 20 дня.

На подлинной грамоте, красная посольская печать, на подлинной же пометы тако: Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея России Самодержец, а подписал Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича Всея России Дьяк Герасим Мартеньянов, справил Ивашко Кавелин.

---

2. Государя, Царя и Великого Князя Федора Алексеевича

Курскому дворянину Ивану Богдановичу Шечкову.

Божиею Милостью Мы Великий Государь Царь и Великий Князь Федор Алексиевич всея Великия и Малые и Белые России Самодержец по своему Царскому милосердному рассмотрению пожаловали путивльца Ивана Богдановича Шечкова за его многую службу, что он во время настоящие с салтаном турским и с ханом крымским войны, как они в прошлом в 181-м году приходили особами своими, а после того султан же турский присылал везиря своего и многих нашей с войски и хана крымского со ордами под наши Царского Величества городы, служили Отцу Нашему Государеву, блаженные памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексию Михайловичю всея Великия и Малые и Белые России Самодержцу и Нам Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Алексиевичу всея России, будучи в полках с бояры Нашими и воеводы и с начала тое войны во все лето

по 189-й год при помощи Божией на рóзных боях Наши Царского Величества бояря и воеводы ратные люди тем вышепомянутым неприятелем славно отпор учинили. И в прошлом во 189-м году за помощью того же всемогущего в Троице славимого Бога и заступлению над Христианы Пресвятые Богородицы и всех Святых молитвами, война оу Нас Великаго Государя оу Нашего Царского Величества с салтаном Турским и с ханом Крымским со обоих сторон прекратилась и учинено перемирие на двадцать лет. И Мы Великий Государь Царь и Великий Князь Федор Алексиевич всея Росии за те службы его Ивана Шечкова жалуем милостиво похваляем: И пожаловали, похваляя его службу, промыслы и храбрость, в роды и роды с поместного его оклада с 820 четвертей со 100 по 20 четвертей итого 164 четвертей из его поместья в вотчину в Путивльском уезде в Колодежской волости за рекой за Семью в селе Корыжи да в деревне Любимовке, что было дикое поле и распашная земля в дуброве Песках ко Рыльскому городищу на речке на Ведбе, а с урочищи, а по даче 182 году и по отказным книгам отказу Путивльца Ивана Горбовца 184 году, да по даче ж 186 году и по отказным книгам отказу Путивльца Григория Меншова Трифанова 186 году. В той Иванове вотчине Шечкова написано пашни добрые земли двести пять четвертей в поле а в дву потому ж и за вотчинною дачею перешло ему Ивану сверх Нашего Великого Государя указу не поместного ево окладу в селе Корыжи и деревне Любимовке пашни сорок одна четверть и теми перехожими четвертями владеть ему Ивану.

И на ту вотчину указную дать ему сию Царскую грамоту за Нашею Царскою Красною печатью на память в предь будущым рода его: что он за мужественное и храброе свое в воинских делах стояние, сию Нашу Государскую милость получил и чтобы впредь на его службы смотря дети его и внучата и правнучата и кто по нем роду его будет, так же за веру христианскую и за святые Божии церкви и за Нас Великих Государей и за свое отечество стояли крепко и мужественно.

И по Нашему Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Алексиевича всея Росии Царскому жалованию та вотчина ему Ивану Шечкову и его детям и внучатам и правнучатам в роды их неподвижно и волно им та вотчина продати и заложити и в приданные дати, а будет продаст в чюжой род, а хто будет роду

его восхощет ту вотчину выкупити, и ему та вотчина выкупити по уложению.

Печатана Нашего Государства в Царственном граде Москве в верхней типографии: в лето от сотворения мира 7188 от Рождества же по плоти Бога Слова **АЛП** индикта 6 месяца марта в 20 день.

8 алтын денег взято,

в книгу записана.

На обороте написано:

Царь и Великий Князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малые и Белые России Самодержец.

Справил Митка Афонасьев.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА